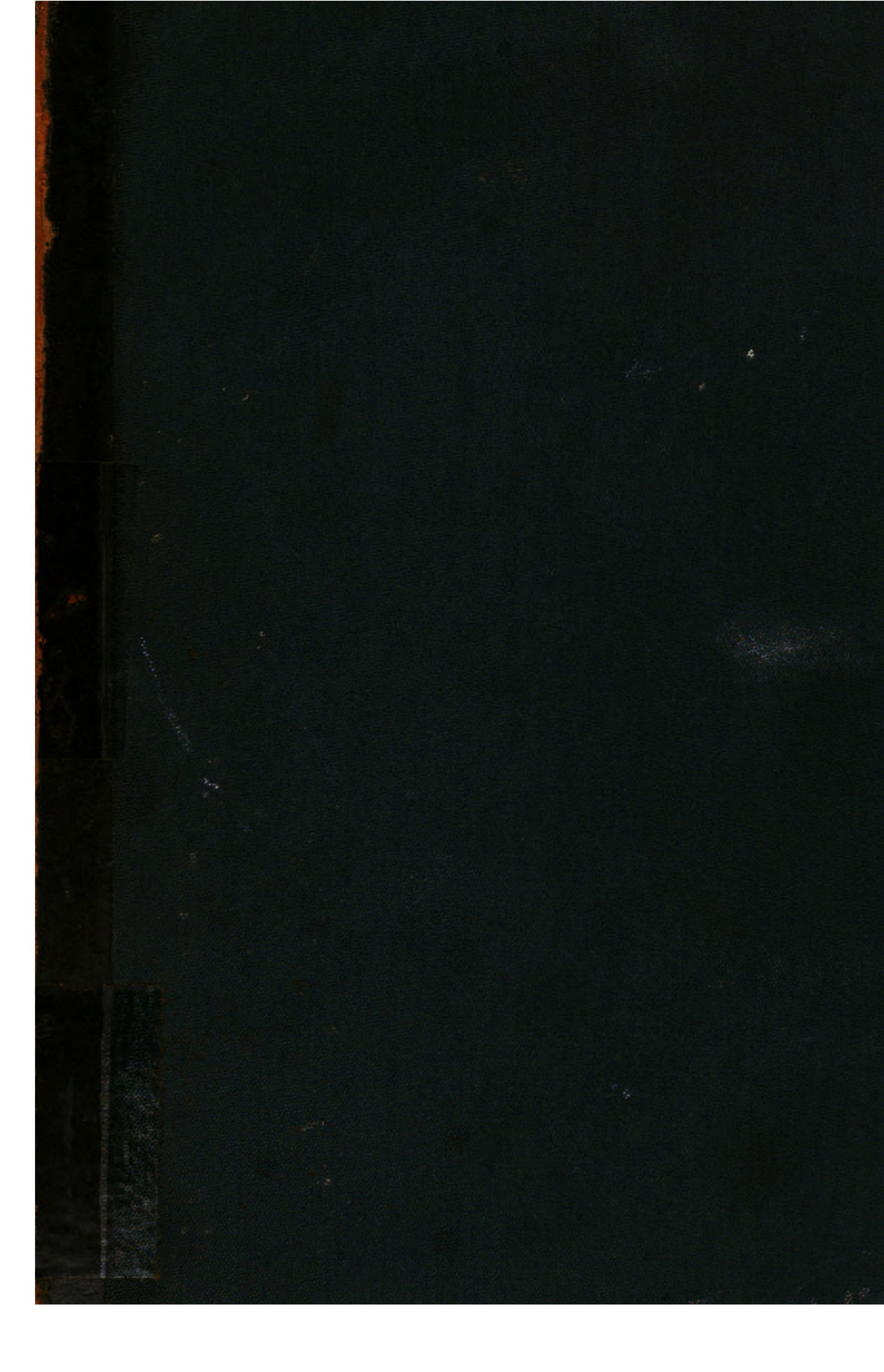

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VII-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ
1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Отъ Издательской Коммиссіи ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества.

Издательская Коммиссія И. В. Э. О. обращается ко всѣмъ лицамъ, желающимъ принять участіе въ составленіи предпринятыхъ И. В. Э. О-вомъ научно-популярныхъ изданій.

Изданія Общества имѣютъ въ виду взрослаго читателя, не получившаго средняго образованія.

Предполагаемыя изданія будутъ заключать въ себѣ двѣ серіи книгъ.

I. Первоначальные учебники для самообразованія.

Серія первоначальныхъ учебниковъ обнимаетъ собою слѣдующія отрасли знаній: элементарная математика, механика, физика, химія, геологія, минералогія, ботаника, агрономія, зоологія, анатомія, физіологія и психологія, географія (математическая, физическая и политическая, — всеобщая и русская), исторія культуры и сельскаго хозяйства, политическая экономія и право. Каждому изъ этихъ отдѣловъ наукъ можетъ быть посвящено, смотря по надобности, одинъ или нѣсколько учебниковъ, атласовъ и другихъ печатныхъ руководствъ и пособій.

Каждый учебникъ не долженъ превышать 6—8 печатныхъ листовъ въ 40 т. буквъ текста, не считая рисунковъ, чертежей, картъ и проч.

II. Научно-популярныя книги для чтенія.

Книжки этой серіи изданій, размѣрами до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая, посвящаются различнымъ научнымъ темамъ, какъ теоретическаго, такъ и прикладнаго характера. На первое время Коммиссія имѣетъ въ виду по преимуществу темы естественно-историческаго содержанія.

Всѣ дальнѣйшія подробности, касающіяся какъ характера намѣченныхъ къ изданію книгъ, такъ и условій авторскаго вознагражденія, сообщаются желающимъ письменно.

Коммиссія будетъ очень благодарна всѣмъ тѣмъ, кто возьметъ на себя трудъ подѣлиться съ нею своими мнѣніями, наблюденіями и опытностью въ области предпринятаго ею дѣла.

Адресъ для корреспонденціи: **Спб., Забалканскій просп., д. 33, Императорское Вольное Экономическое Общество. Издательская Коммиссія.**

Отъ состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи, вслѣдствіе неурожая 1897 г., обнаружилась крайняя нужда сельскаго населенія въ продовольствіи и въ поддержаніи хозяйства; въ особенности пострадали губерніи: Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Симбирская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Калужская, Нижегородская, Самарская, Оренбургская, Ставропольская, Донская и Кубанская области, а также многіе уѣзды другихъ губерній, причемъ съ каждымъ днемъ получаются новыя извѣстія, что здѣсь и тамъ наступилъ голодъ и распространился тифъ.

Императорское Вольное Экономическое Общество не могло не отозваться на это народное бѣдствіе. Нѣсколько собраній было посвящено выясненію продовольственнаго вопроса, а 26 марта избранъ Комитетъ, изъ членовъ Общества, для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Съ первыхъ шаговъ Комитетъ встрѣтилъ поддержку представителей разныхъ слоевъ общества и петербургской учащейся молодежи. Стали поступать пожертвованія, которыя и разсылаются въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности, преимущественно на устройство столовыхъ; уже въ первое засѣданіе Комитета разосланы 800 руб. въ 5 губерній. Помощь эта крайне невелика, но, разсчитывая и на дальнѣйшее сочувствіе отзывчивыхъ людей, *Комитетъ проситъ поддержать его дѣятельность какъ денежными пожертвованіями, такъ и указаніями, гдѣ испытывается наибольшая нужда.*

Всякая помощь, какъ бы незначителенъ ни былъ ея размѣръ, будетъ принята съ благодарностью.

Посылки по почтѣ адресуются въ Спб., Императорское Вольное Экономическое Общество въ Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая (Забалканскій пр., 33).

Въ С.-Петербургѣ пожертвованія принимаются: въ канцеляріи Вольнаго Экономическаго Общества, у Предс. Комитета В. Э. Кетрица (Баскова ул., 14) и казначея Комитета К. А. Окунева (Кавалергардская, 2).

Просятъ распространять какъ настоящее обращеніе, такъ и препроводительные бланки, прилагаемые для удобства жертвователей.

Годъ VII-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1898.

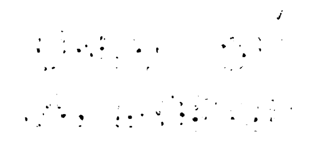
Дозволено цензурою 27-го апрѣля 1898 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ДѢЛО БАБЕФА.

Очеркъ изъ исторiи Франціи.

*(Окончаніе *).*

V.

Составъ политическихъ заключенныхъ въ парижскихъ тюрьмахъ 1795 и 1796 г.г. былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ. Прежде всего мы находимъ здѣсь людей, боровшихся противъ конституціи 1795 года, когда она была еще законопроектомъ, и продолжавшихъ борьбу, когда она вошла въ силу. Эти люди отличались совершенно ясными и отчетливыми политическими понятіями: они считали единую палату самой демократичной и самой радикальной по своему характеру формой правленія. На раздвоеніе власти, на учрежденіе двухъ законодательныхъ корпусовъ (совѣта 500 и совѣта старѣйшинъ), съ одной стороны, и исполнительной директоріи — съ другой, на всѣ эти ретроградныя, по ихъ понятіямъ, событія они смотрѣли, какъ на окончаніе революціи, какъ на измѣну принципамъ 1789 года. Въ этихъ воззрѣніяхъ они сходились всецѣло съ Бабефомъ, который со времени возобновленія своего изданія въ 1795 году не переставалъ нападать на новую конституцію. Были тутъ и такіе дѣятели, которые не расходились принципіально съ новыми вѣяніями, съ тѣмъ, что называлось тогда аристократической реакціей; этихъ людей было довольно много и если они попали въ тюрьму, то развѣ вслѣдствіе личныхъ непріятностей съ директорами и вообще сильными міра сего. Были, наконецъ, и немногіе приверженцы Бабефа, бабувисты, какъ они стали себя называть; они повторили фразы «Tribun du peuple» о необходимости совершить экономическую революцію, но и въ тюрьмѣ Плесси они были такъ же малочисленны и невліятельны, какъ и въ Парижѣ, и въ провинціи.

Когда Бабефа заключили въ эту тюрьму, гдѣ были собраны всѣ опасные для директоріи элементы, почва для пропаганды представилась ему самая благопріятная. Заключенныхъ стѣсняли очень мало;

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.—На 92 стр., въ статьѣ «Дѣло Бабефа» вкралась опечатка:—напечатано «истерическій романъ», слѣдуетъ читать «историческій романъ».

они имѣли полную возможность безпрепятственно сходиться, когда пожелаютъ, читать, писать, даже распѣвать хоромъ пѣсни, прямо направленныя противъ правительства *). Но не только физическая возможность для распространенія своихъ взглядовъ представлялась Бабефу. Почва для принятія ихъ была самая благопріятная; Бабефъ говорилъ, что прежде всего нужно избавиться отъ директоріи. Принципіальные противники директоріи съ большою готовностью ухватывались за эту отрицательную часть его программы; личные враги директоровъ также ничего противъ этого не имѣли, наконецъ, та малочисленная фракція бабувистовъ, которая сидѣла въ Плесси, съ радостью и неподдѣльнымъ энтузіазмомъ помогала своему учителю въ этой пропагандѣ. Сила Бабефа, та нравственная сила, которая покорила ему сердца людей, безконечно выше его стоявшихъ въ интеллектуальномъ отношеніи, и которая сдѣлала изъ него признаннаго вождя,—заключалась, прежде всего, въ томъ, что у него имѣлся опредѣленный положительный идеалъ,— идеалъ, какъ увидимъ ниже, вполнѣ отчетливый и разработанный. Къ этому идеалу многіе относились холодно, соглашаясь съ Бабефомъ вполнѣ только въ его воззрѣніяхъ на директорію, но фанатическое одушевленіе этого человѣка такъ заражало ихъ, что и на разрушительную свою миссію они начинали смотрѣть какъ-то болѣе страстно и къ созидательнымъ утопіямъ въ концѣ-концовъ привыкали относиться съ меньшимъ недовѣріемъ.

Сближеніе между Бабефомъ и товарищами по заключенію началось на почвѣ общаго осужденія и критики конституціи 1795 г. и продолжалось сначала на аналогичной почвѣ разбора и обсужденія текущихъ дѣлъ, такъ что сначала выяснилась общность отрицательнаго идеала, и этимъ былъ проложенъ путь къ дальнѣйшему, еще болѣе тѣсному сплоченію арестантовъ Плесси. Бабефъ, повторяя то, что онъ говорилъ столько разъ въ своихъ статьяхъ, заявилъ: «цѣль директоріи—сохранить богатство для богатыхъ людей, а нищету для нищихъ». Съ этой формулировкой согласилось большинство и, привыкая критиковать и новое положеніе дѣлъ, и новыя мѣры правительства съ этой, по преимуществу соціально экономической точки зрѣнія, товарищи Бабефа переходили понемногу къ иному порядку идей, усвоивали себѣ, если можно такъ выразиться, нѣсколько другіе навыки мысли, отличные отъ прежнихъ. Слова: «свобода», «рабство», «угнетеніе», смѣнялись новыми понятіями—«благосостояніе народа», «нищета», «эксплуатація».

Нѣкоторыя лица между заключенными, считавшіе себя бабувистами еще до появленія Бабефа въ Плесси, взяли на себя разъясненіе и защиту отдѣльныхъ пунктовъ ученія, и врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что для самихъ пропагаторовъ и ихъ учителя многое стало ясно не раньше, какъ въ тѣ долгіе тюремные вечера, когда полити-

*) Buonarotti, 9 p. Babeuf. (Paris 1869) p. 32.

ческіе арестанты сходились вмѣстѣ поговорить, поспорить и послушать провозвѣстниковъ новаго ученія. Умный, много на своемъ вѣку видавшій и испытавшій итальянецъ Буонаротти, человѣкъ замѣчательно краснорѣчивый и талантливый и пользовавшійся большимъ авторитетомъ, сразу сталъ правою рукою Бабефа въ дѣлѣ распространенія эгалитарныхъ принциповъ между населеніемъ тюрьмы Плесси.

На этотъ разъ Бабефъ сидѣлъ очень недолго. Вскорѣ и онъ, и большинство заключенныхъ было выпущено на свободу; узы, связывавшія ихъ въ тюрьмѣ, не порвались. Бывшіе арестанты Плесси сдѣлались въ короткое время центромъ, къ которому стекались оппозиціонные элементы всевозможныхъ оттѣнковъ. Не всѣхъ, конечно, посвящали сразу въ тайну, не всѣмъ открывались конечныя цѣли бабувизма. Бабефъ, Буонаротти, Дартэ, Лорисанъ де-Дуамель и Фонтанель были руководителями возникавшаго сообщества. Сначала они рѣшили, что не слѣдуетъ отпугивать людей новизною и рѣшительностью своихъ принциповъ и плановъ, что нужно стараться прежде всего собрать достаточно силъ, чтобы низвергнуть директорію; поэтому нужно обнаруживать самую широкую терпимость, не надоѣдать никому своими воззрѣніями на грядущее экономическое равенство и считать другомъ всякаго, кто противъ директоріальнаго правительства. Недовольныхъ въ Парижѣ была громадная масса; слѣдовало только умудриться такъ, чтобы всѣ протестующіе собирались вмѣстѣ подъ общимъ кровомъ, знали бы истинные размѣры своихъ силъ и могли бы въ рѣшительную минуту дѣйствовать, какъ одна сплоченная армія.

Но легко было въ теоріи признать цѣлесообразность такого образа дѣйствій, а какъ это устроить, когда у каждаго изъ приходящихъ «патріотовъ» имѣется своя программа, свои желанія, когда на каждомъ собраніи люди занимаются препирательствами по части различныхъ проблемъ политической философіи и метафизики, и когда, наконецъ, наиболѣе ярые изъ бабувистовъ, вопреки условію, начинаютъ уловлять прозелитовъ... Со многими затрудненіями приходилось сталкиваться, нѣсколько разъ мѣняли тактику Бабефъ, Буонаротти, Дартэ и другіе главари бабувизма. Самыя обстоятельства помогли имъ. Въ Парижѣ было тогда слишкомъ много людей, которые были вытолкнуты съ арены активной политической жизни новыми вѣяніями. Отливъ, обратное движеніе уже началось и было въ ходу; республиканцы девяносто-третьяго года, дѣятели первыхъ временъ революціи лишились и власти, и вліянія, и авторитета въ народѣ. Но сдаваться безъ борьбы они не хотѣли. Дорога къ законной государственной дѣятельности была для нихъ закрыта; оставалась надежда на переворотъ, который удалитъ директорію и призоветъ ихъ къ дѣламъ. Сознаніе, что ихъ время прошло, что Франція надолго отвернулась отъ нихъ, было слишкомъ тягостно, и замѣчательно, что *никто* изъ протестантовъ временъ директоріи не выражалъ такого, съ своей точки зрѣнія, пессимистическаго, но вѣрнаго

взгляда. Все дѣло въ правительствѣ, которое нужно низвергнуть, утѣшали они себя. Ихъ было довольно много въ столицѣ, гораздо больше, чѣмъ въ провинціи; они присматривались къ обстоятельствамъ, ничего не предпринимая и выжидая времени.

Весною 1796 года стали въ этихъ оппозиціонныхъ кругахъ ходить слухи, сначала смутные, а потомъ дѣлавшіеся все болѣе опредѣленными, что появилось сообщество изъ лицъ, выпущенныхъ недавно изъ тюрьмы; что, правда, это сообщество задается какими-то туманными цѣлями, но, во-первыхъ, все это люди, горячо ненавидящіе директорію, а, во-вторыхъ, съ ними находятся въ самыхъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ многіе изъ бывшихъ якобинцевъ и террористовъ. Центръ для этой нелегальной оппозиціи былъ нуженъ; теперь онъ является самъ собою, и ежедневно къ Дартэ и Буонаротти приходили новые люди, просили принять ихъ и дозволить имъ бывать на собраніяхъ. И какъ хаотичны и безтолковы ни были первыя собранія, устроенныя бабувистами, все же это были единственныя въ тогдашнемъ Парижѣ сборища недовольныхъ—и общество росло и усиливалось. Предстояло еще оформить возникающую политическую группу, выяснить многое недоговоренное и ближе присмотрѣться другъ къ другу.

Главная задача руководителей заключалась въ томъ, чтобы какъ-нибудь ассимилировать, а если нельзя, то хоть механически соединить партію бабувистовъ съ якобинцами и вообще съ чисто-политическими протестантами. Много помогли имъ въ этомъ старые знакомые Бабефа, съ которыми онъ сблизился еще въ Аррасской тюрьмѣ, и о которыхъ мы имѣли случай говорить. Жермэнъ и другіе бывшіе аррасскіе узники, жившіе теперь въ столицѣ, употребляли всѣ усилія, чтобъ объединить подъ общимъ знаменемъ всѣхъ враговъ директоріи и чтобы сдѣлать этимъ знаменемъ ученіе Бабефа о всеобщемъ экономическомъ равенствѣ. Не вдаваясь въ подробности, они говорили о bonheur commun, о томъ, что нужно взять у богатыхъ излишекъ и отдать бѣднымъ, словомъ, употребляли тотъ революціонный эвфемизмъ, который, ничего ясно не выражая, никакихъ противорѣчій возбудить не могъ.

Въ концѣ концовъ всѣ недовольные, группировавшіеся вокругъ Бабефа, получили названіе бабувистовъ. Было устроено торжественное засѣданіе, всѣ объявили себя солидарными другъ съ другомъ, поклялись умереть или побѣдить своего общаго врага—директорію. На этомъ засѣданіи обсуждался также вопросъ объ организаціи общества; одни предлагали устраивать постоянно общія собранія, другіе говорили, что безопаснѣе собираться отдѣльными секціями въ разное время и въ разныхъ концахъ Парижа. Не рѣшивъ ничего окончательно, они условились собраться снова въ старомъ заглохшемъ саду упраздненнаго аббатства св. Женевьевы, въ павильонѣ, находившемся посреди сада. Этотъ павильонъ принадлежалъ теперь нѣкоему Кардино, принимавшему дѣятельное участіе въ собраніяхъ бабувистовъ. Засѣданіе было посвящено перѣшен-

ному вопросу, какъ вести дѣла общества, какъ избѣгать преслѣдованій полиціи и пр. *). Многіе высказывались противъ сборищъ по секціямъ; они говорили, что, пожалуй, укрыться отъ полиціи такъ легче, но зато не будетъ никакого единства въ дѣйствіяхъ, вмѣсто одного сильнаго численностью общества образуется масса мелкихъ и слабыхъ группъ, которыя, привыкнувъ думать и дѣйствовать отдѣльно одна отъ другой, кончатъ тѣмъ, что утратятъ всѣ связывающія ихъ общія черты и сдѣлаются игрушкой и орудіемъ въ рукахъ всякаго ловкаго интригана **). Рѣшили собираться всѣмъ вмѣстѣ, чтобы достигнуть полнѣйшей солидарности въ направленіи (pour centraliser l'esprit de la société). Далѣе былъ поставленъ на очередь вопросъ о ближайшей цѣли новаго общества. Цѣль эта была опредѣлена, какъ возвращеніе къ демократической республикѣ, т. е. сверженіе директоріи насильственнымъ путемъ и передача власти въ руки народа, который уже прямой и всеобщей подачей голосовъ объявитъ свою волю. О принципахъ чистаго бабувизма говорилось пока довольно глухо.

Что же касается до плана дѣйствій, то онъ въ значительной степени опредѣлялся обстоятельствами. На самой зарѣ жизни директоріи, еще когда конвентъ кончалъ свои засѣданія и готовился передать власть въ руки директоровъ, новая конституція подверглась опасности и была спасена вооруженной рукой: 4-го октября 1795 года—или по революціонному счисленію 13-го вандемьера — роялисты возстали въ Парижѣ, думая, что пришло время воспользоваться неопредѣленнымъ политическимъ положеніемъ и вернуть королевской семьѣ тронъ. Извѣстно, чѣмъ окончилось это роялистское возстаніе; въ Парижѣ случился тогда Бонапартъ, молодой генералъ, мало кому извѣстный, но нравившійся начальству своей исполнительностью и распорядительностью. Ему было поручено усмирить мятежъ. Бонапартъ прибѣгнулъ къ никѣмъ еще въ такихъ случаяхъ не употреблявшемуся, но очень дѣйствительному способу: онъ приказалъ стрѣлять въ бунтовщиковъ изъ пушекъ. Артиллерія оправдала всѣ ожиданія и надежды, какія возлагалъ на нее Бонапартъ, мятежъ былъ усмиренъ и роялисты частью сосланы, частью заключены въ тюрьму. Во время вандемьерскаго возстанія противъ роялистовъ боролся не только оффиціальный представитель власти, но и много другихъ лицъ. Всѣ республиканцы, ветераны взятія Бастиліи, 10-го августа, временъ конвента 93 года — всѣ эти люди, давно уже бывшіе въ оппозиціи и ненавидѣвшіе конституцію 1795 года, поднялись на ея защиту противъ роялистскихъ бунтовщиковъ. Они считали эту конституцію реакціоннымъ дѣйствіемъ, но торжество роялистовъ было для нихъ такимъ кошмаромъ, о которомъ они не могли и подумать безъ ужаса и ярости. Въ виду роялистовъ, они забывали о всѣхъ

*) Buonarotti. p. 44 и сл.
**) Ibidem.

безчисленныхъ политическихъ нюансахъ, дѣлившихъ партіи, и видѣли только два лагеря: графа Прованскаго и революціи. Разъ дѣло шло о графѣ Прованскомъ,—то другомъ и союзникомъ былъ всякій, кто не хотѣлъ реставраціи, и самыя умѣренныя фракціи конвента, и самыя крайнія, и приверженцы Марата, и эпигоны жирондистовъ. Роялисты были побѣждены, и директорія стала у власти, но во все время своего существованія она помнила о событіяхъ, встрѣтившихъ ея появленіе на свѣтъ. Предъ ней были двѣ партіи: роялисты, не измѣнившіе, конечно, своихъ чувствъ по отношенію къ ней, и демократы, которые были 13-го вандемьера ея минутными союзниками, но съ недовольствомъ которыхъ приходилось теперь считаться. Директорія повела свои дѣла такъ, что постоянно старалась ставить роялистовъ и крайнихъ демократовъ лицомъ къ лицу. Демократовъ она держала въ опасеніи, что въ случаѣ какого-нибудь переворота роялисты могутъ воспользоваться смутой и вернуть графа Прованскаго въ Парижъ, а роялистамъ ставила на видъ, что если она, директорія, погибнетъ, то возобновятся кровавыя времена террора, времена господства демократовъ. Директорія старалась, и не безъ успѣха, внушить мысль обѣимъ оппозиціоннымъ партіямъ, что она меньшее изъ двухъ золъ, и силилась въ особенности сначала — привлечь на свою сторону демократовъ и радикаловъ, такъ какъ, во-первыхъ, съ роялистами у нея, республиканскаго правительства, общей почвы быть не могло, а, во-вторыхъ, потому, что она считала роялистовъ опасной партіей, противъ которой надо запасаться союзниками и на будущее время. Потомъ эти отношенія измѣнились, но въ описываемое время, въ началѣ 1796 года, дѣло еще обстояло такъ.

Бабефу удалось сгруппировать вокругъ себя и своихъ друзей вліятельные элементы радикальной оппозиціи. Когда на засѣданіи въ саду аббатства св. Женевьевы зашла рѣчь о томъ, какъ держаться, какъ приступить къ осуществленію своей цѣли, къ подготовкѣ паденія директоріи, самымъ важнымъ явился вопросъ объ отношеніяхъ къ правительству. Весьма многіе члены новаго общества полагали, что самая лучшая тактика въ данныхъ обстоятельствахъ повелѣваетъ воспользоваться настроеніемъ правительства, не желающаго отпугивать отъ себя радикаловъ излишними строгостями. По мнѣнію этихъ членовъ, нужно было, не навлекая на себя преслѣдованій, постепенно подготовлять въ свою пользу общественное мнѣніе, привести въ порядокъ и исправить (rectifier) запутанныя общественныя отношенія многихъ «патріотовъ» (т. е. людей радикальнаго образа мыслей), объединить оппозицію и уже тогда выступить на открытую борьбу путемъ ли уличныхъ волненій и демонстрацій, или какъ-нибудь иначе. Пока общество Бабефа все въ совокупности не придетъ къ заключенію, что время дѣйствовать пришло,—до тѣхъ поръ члены его обязаны ни въ чемъ не пытаться нарушать существующіе законы: они должны

всегда стоять на строго-легальной конституціонной почвѣ и не только прикрывать свои дѣйствія конституціей, но даже становиться подъ защиту правительства (en attendant il faut se couvrir de la constitution et même de la protection du gouvernement).

Опредѣляя такъ свою ближайшую задачу и намѣчая такой умѣренный образъ дѣйствій, новое общество при всей своей нелегальности могло себя чувствовать довольно спокойно. И чѣмъ ближе мы будемъ всматриваться въ поведеніе этой странной организаціи, тѣмъ болѣе будемъ замѣчать ея двойственный характеръ. По всѣмъ видимостямъ это общество тайное, по крайней мѣрѣ конспиративная обстановка выдержана замѣчательно натурально: члены его собираются въ залѣ стариннаго, заброшеннаго монастыря св. Женевьевы, а иногда даже въ подземельи этого монастыря; совѣщаются тамъ при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ; голоса ораторовъ глухо отдаются въ высотѣ подъ мрачными сводами *), и т. д. Это съ одной стороны. А съ другой—на каждое собраніе являются все новые и новые люди, рѣшительно никому не вѣдомые и знакомые только съ двумя-тремя членами. Эти новоявленные заговорщики принимаютъ дѣятельное участіе въ дебатахъ, горячатся, а на слѣдующее засѣданіе уже почему-то не приходятъ; наконецъ, приходятъ люди, завѣдомо преданные директоріи, которые объясняютъ свое присоединеніе къ обществу тѣмъ, что они хотятъ уничтожить роялистовъ, а для этого имъ нужны радикалы.

Общество росло, какъ горная лавина, отъ ежедневнаго присоединенія новыхъ и новыхъ членовъ, такъ что вскорѣ его составъ былъ равенъ 2.000 человѣкъ. Монастырь св. Женевьевы находился недалеко отъ Пантеона, отсюда и общество получило названіе общества Пантеона. Вскорѣ по настоянію нѣсколькихъ искреннихъ и убѣжденныхъ приверженцевъ Бабефа было приступлено къ внутреннему устройству, къ организаціи общества. Потерявъ надежду сдѣлать всю эту массу новыхъ пришлецовъ бабувистами въ точномъ смыслѣ слова, они хотѣли, по крайней мѣрѣ, приготовить сплоченную группу, которая пригодилась бы своею численностью въ нужный моментъ (такъ какъ только Бабефъ, Дартэ, Буонаротти, Жермэнъ и немногіе другіе не теряли ни на минуту изъ виду наличную цѣль—уничтоженіе директоріи и переформированіе общественнаго строя). Итакъ началось обсужденіе вопроса объ организаціи. Тутъ оказалось, что положеніе покровительствуемыхъ заговорщиковъ уже нѣсколько успѣло понравиться большинству членовъ (особенно новыхъ), и они не хотѣли съ этимъ положеніемъ разставаться. Эти новые люди объявили, что, если общество будетъ организовано, то это обстоятельство сдѣлаетъ его похожимъ на слишкомъ ужъ революціонную ассоціацію; что вѣдь они рѣшили строго держаться легальной, конституціонной почвы, а между тѣмъ конституція 1795 года

*) Всѣ эти ужасы описаны у Buonarotti (op. cit chap. IV).

не дозволяетъ устраивать тайныя общества. Они добавляли, что устроить въ обществѣ правильную организацію значитъ навлечь на себя преслѣдованія, а это нежелательно. Наконецъ, сошлись на компромиссѣ. Предсѣдателя и вице-предсѣдателя на своихъ собраніяхъ они избирать не пожелали, потому что эти названія (предсѣдатель и вице-предсѣдатель) заключаютъ въ себѣ что-то подозрительное. Вмѣсто нихъ для наблюденія за порядкомъ должны были избираться «ораторъ» и «вице-ораторъ» *). Никакихъ списковъ, протоколовъ и проч. вестись не должно. Во время дебатовъ по поводу организаціи общества совершенно выяснилась разнокалиберность его состава. Меньшинство (Бабефъ и его послѣдователи) стояли за рѣшительныя мѣры, за проведеніе началъ конспиративной дисциплины въ средѣ общества; большинство—державшееся умѣреннаго образа мыслей, желало остаться политическимъ клубомъ, легальнымъ или полулегальнымъ и не подлежащимъ преслѣдованію. Тотъ расколъ, который уже давно замѣчался въ обществѣ, теперь уже не могъ возбуждать сомнѣній. До поры до времени члены его собирались по прежнему, произносили рѣчи, обсуждали текущія дѣла, но для всѣхъ было ясно, что распаденіе ассоціаціи близко.

Директорія знала о существованіи общества Пантеона; ея агенты весьма часто бывали на засѣданіяхъ, и она имѣла поэтому довольно правильное понятіе о пантеонистахъ, какъ о людяхъ для нея неопасныхъ. Общество держалось въ высшей степени осторожно; оно старалось принимать въ свою среду людей, не замѣченныхъ въ явно антиправительственномъ направленіи; такъ, одинъ за другимъ проваливались на выборахъ всѣ бывшіе монтаньяры. Бабувисты чувствовали свое отчужденіе, свое невѣрное положеніе въ «Пантеонѣ», но раньше, чѣмъ уйти, они рѣшили въ послѣдній разъ позондировать настроеніе членовъ общества. Эта попытка дала самые неожиданные результаты. Дѣло въ томъ, что директорія желала одного: чтобы всѣ чисто революціонные элементы съ Бабефомъ во главѣ были удалены изъ общества. Но устроить это было трудно, такъ какъ все-таки эти элементы пользовались въ «Пантеонѣ» большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ; это обстоятельство безпокоило правительственныхъ лицъ и заставляло ихъ съ недовѣріемъ смотрѣть на ассоціацію. И вотъ, какъ разъ, когда правительство еще не знало какъ ему относиться къ «Пантеону», Дартэ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Бабефа, явился на засѣданіе общества съ статьею въ рукахъ и прочелъ ее вслухъ. Въ статьѣ была подвергнута самой суровой критикѣ вся господствующая правительственная система; директорія объявлялась главной причиной всѣхъ бѣдствій французской націи, наконецъ, затрогивались личности всѣхъ директоровъ: они назывались тиранами, измѣнниками и узурпаторами. Чтеніе статьи было покрыто громовыми апплодисментами **). Была ли это мимолетная измѣна обще-

*) См. Buonarotti, 45.

**) Buonarotti. p. 62.

ства самому себѣ или случайный составъ слушателей реферата сдѣлалъ возможнымъ эту сочувственную демонстрацію—мы не знаемъ. Директорія была извѣщена тотчасъ же обо всемъ происшедшемъ, и общество Пантеона было закрыто.

Это происшествіе сразу измѣнило положеніе дѣлъ; тѣ, которые боялись дальнѣйшихъ преслѣдованій, притаились; другіе, колеблющіеся, были ожесточены противъ директоріи самымъ искреннимъ образомъ; третьи, бывшіе лѣвой стороной общества, радикалы и якобинцы, ждали только времени, когда можно было бы приступить къ насильственнымъ мѣрамъ противъ правительства; наконецъ, четвертые, бабувисты, сразу принялись за устройство новой ассоціаціи. Бабефъ, Антонелли, поэтъ Сильвэнъ Марешаль и Феликсъ Лепеллетье устроили рядъ совѣщаній, на которыхъ всѣ они пришли къ заключенію о необходимости учрежденія чисто бабувистской организаціи на строго конспиративныхъ началахъ. Къ этому мнѣнію присоединились также Дартэ, Дебонъ и Буонаротти, и они, въ количествѣ семи человѣкъ, образовали *тайную директорію общественнаго спасенія* (directoire secret du salut public). Цѣлью, которую тайная директорія поставила себѣ,—было возбужденіе возстанія противъ правительства, низверженіе господствующаго политическаго и соціальнаго порядка вещей и установленіе полнаго имущественнаго равенства между всѣми людьми, населяющими Францію.

Наученные горькимъ опытомъ, члены тайной директоріи уже не помышляли объ организаціи вродѣ той, которая существовала въ покойномъ «Пантеонѣ», о многолюдныхъ собраніяхъ, общихъ шумныхъ дебатахъ и пр. Нужно было собрать снова воедино всѣ оппозиціонныя силы Парижа и провинціи, но, во-первыхъ, эти новые элементы должны быть рѣшительно враждебны правительству, а во-вторыхъ, все дѣло должно было повестись самымъ конспиративнымъ образомъ. Между тайной директоріей и вновь вербуемыми членами сообщества должны были находиться посредники, для того, чтобы личный составъ этого верховнаго революціоннаго комитета никому не былъ извѣстенъ, и чтобы самые члены общества другъ друга не знали: все участіе ихъ въ организаціи ограничилось обязательствомъ быть готовыми въ указанное время выйти съ оружіемъ въ рукахъ, куда скажутъ. Все это происходило въ жерминалѣ IV года республики, т. е. въ мартѣ 1796 г.

Дѣйствія тайной директоріи распадались на двѣ категоріи: съ одной стороны—она управляла дѣлами растущаго революціоннаго общества, а съ другой—принимала мѣры къ подготовленію народа, пыталась путемъ прокламацій объяснить свои желанія и свои политическіе и экономическіе идеалы. Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего образованія, тайная директорія издала прокламацію чисто политическаго характера, подъ названіемъ «Должно-ли повиноваться существующей конституціи?» Отвѣтъ давался отрицательный. Вскорѣ затѣмъ былъ

напечатанъ и расклеенъ тайно по улицамъ Парижа «Manifeste des égaux», средактированный Сильвеномъ Марешалемъ, а черезъ нѣсколько дней появился и «Анализъ ученія Бабефа»; этотъ «Анализъ», повторяя мысли «Манифеста», нѣсколько дополняетъ и разъясняетъ его. «Манифестъ» и «Анализъ», а также «экономическій декретъ тайной директоріи» заключаютъ въ себѣ ученіе бабувизма и являются символомъ вѣры всего тайнаго общества.

По нѣкоторымъ соображеніямъ, мы здѣсь не будемъ вдаваться въ подробное изложеніе содержанія всѣхъ трехъ документовъ, чтобы дать читателю болѣе точное представленіе объ идеалахъ Бабефа и его товарищей. Замѣтимъ только, что, сличая эти бабувистскія прокламаціи съ трудами нѣкоторыхъ литературныхъ дѣятелей восемнадцатаго вѣка, можно видѣть, насколько неоригинально ученіе Бабефа, до какой степени онъ является ученикомъ Морелли, Руссо и Мабли. Историческое значеніе Бабефа заключается вовсе не въ теоретическомъ новаторствѣ, какъ хотятъ думать нѣкоторые его біографы, а только и исключительно въ политической роли, которую ему пришлось сыграть; онъ сдѣлался представителемъ протеста противъ того, что онъ считалъ реакціей, противъ окончанія революціи; онъ старался дѣломъ пропагандировать мысль о необходимости измѣненія не только государственныхъ формъ, но и экономическаго строя общества. Бабефъ явился провозвѣстникомъ соціальныхъ волненій XIX вѣка, и какъ-бы мы ни квалифицировали его дѣятельность, нельзя не признать, что съ исторической точки зрѣнія ему выпала на долю замѣтная роль. Незачѣмъ, стало быть, силиться еще ставить его на пьедесталъ оригинальнаго мыслителя и приписывать ему то, въ чемъ онъ вовсе не повиненъ, т. е. созданіе самостоятельной реформаторской теоріи.

VI—VII.

Познакомивъ Францію съ положительными своими ученіями, бабувисты приступили къ выполненію другого рода задачи. Дѣло въ томъ, что затѣвавшееся ими предпріятіе должно было походить не столько на дворцовый переворотъ, сколько на уличную революцію. Они разсчитывали главнымъ образомъ на помощь народа въ нужный моментъ и, собственно, роль лицъ, принадлежавшихъ къ заговору, ограничивалась тѣмъ, что заговорщики должны были начать волненіе, собрать вокругъ себя народныя толпы и пойти противъ войскъ директоріи. Ставя исходъ дѣла въ полную зависимость отъ настроенія парижскаго народа въ рѣшительный моментъ, бабувисты употребляли всѣ усилія, чтобы заблаговременно подготовить это настроеніе въ свою пользу. Для этого они, кромѣ прокламацій, имѣвшихъ характеръ исповѣданія положительныхъ убѣжденій, выпустили въ свѣтъ весною того же 1796 года цѣлый рядъ другого рода воззваній,—воззваній, которыя имѣли цѣлью

разъяснить народу до мельчайшихъ подробностей, какъ нужно дѣйствовать въ критическій день, чтобы предупредить пораженіе заговорщиковъ, за кѣмъ слѣдовать, куда идти и что дѣлать. Эти воззванія, исходящія отъ «тайной директоріи», отличаются чисто національной чертою: центральное управленіе заговора не довѣряетъ ничего своимъ второстепеннымъ агентамъ и самодѣятельности массы; оно регулируетъ до самыхъ мелочныхъ деталей поведеніе всѣхъ предполагаемыхъ инсургентовъ не только во время бунта, но и послѣ него [1]). Борьба должна была выйти жестокой; Бабефъ прямо объявлялъ: «всякая оппозиція будетъ сломлена тотчасъ же силою; сопротивляющіеся будутъ уничтожены» [2]). Тайная директорія уже напередъ заявляла, что она останется у власти, пока не окончится совершенно возстаніе, а затѣмъ Франція поступитъ въ распоряженіе національнаго собранія, которое будетъ состоять изъ *демократовъ, избранныхъ возставшимъ народомъ по представленію тайной директоріи* [3]). До такой откровенности никогда не доходили даже Робеспьеръ со своими товарищами. За все время первой революціи только одинъ разъ партія рѣшилась еще до захвата власти объявить, что она желаетъ сформировать покорную палату изъ своихъ ставленниковъ и не признаетъ за народомъ права избирать депутатовъ безъ ея «представленій». Вообще, террористы 1793 года могутъ показаться образцомъ просто женственной мягкости, если сравнить ихъ съ бабувистами (насколько послѣдніе высказались въ прокламаціяхъ): террористы, уже достигнувъ власти, стали тѣмъ, чѣмъ ихъ знаетъ исторія, а члены «тайной директоріи», только еще приготовляясь сдѣлаться владыками Франціи, уже издаютъ такой «законъ о подозрительныхъ», который самому Фукье Тэнвилю показался бы крутымъ. Вотъ что гласятъ статьи 17-я и 18-я одной изъ бабувистскихъ прокламацій [4]): «Острова Маргариты и Онорэ, Пера, Олеронъ и Рэ будутъ превращены въ мѣста исправленія преступниковъ; туда будутъ отсылаемы на работы *подозрительные* иностранцы и *арестованныя личности*. Эти острова будутъ сдѣланы недоступными; администрація ихъ будетъ прямо подчинена правительству». Итакъ, одного *ареста*, безъ разбора дѣла, достаточно, по мнѣнію тайной директоріи, для того, чтобы сослать человѣка на эти убійственныя по своему климату острова... Что касается до иностранцевъ, то ихъ вообще не любятъ бабувисты; противъ нихъ предполагаются мѣры непонятной жестокости [5]); въ новомъ обществѣ всѣ

---

[1]) См напр. прокламацію Acte d'insurrection. Liberté! égalité! Bonheur commun art. 5, 6, 7, 8, 9, 15, 13. (ed. Reybaud 373—374).

[2]) Acte d'insurrection, art. 19.

[3]) См. Acte d'insurrection, art. 12.

[4]) Fragment d'un décret de police, Art 17, art. 18 (изд. Reybaud).

[5]) Fragment d'un décret de police, art. 8, art. 9, art. 11; Acte d'insurrection, art. 12.

иностранцы должны были являться какими-то паріями, съ которыми администрація могла бы дѣлать все, что угодно, совершенно невозбранно. Странный, довольно замѣтный архаизмъ, проникающій законы объ иностранцахъ, заставляетъ думать, что они навѣяны чтеніемъ того же Плутарха, и что бабувисты хотѣли такъ же уберечь свою будущую общину отъ зловредныхъ иноземныхъ вліяній, какъ древніе спартанцы, желали оградить свою.

Прокламаціи, выпущенныя тайной директоріей въ апрѣлѣ и маѣ 1796 года, показали правительству, что вмѣсто закрытаго «Пантеона» народилось въ Парижѣ новое общество, и что во главѣ этого новаго общества стоитъ Бабефъ, т. е. какъ разъ тотъ человѣкъ, вліянія котораго директоры и боялись больше всего. Начались розыски, но они не приводили къ желанной цѣли. Организація заговора была такова, что въ высшей степени затруднительнымъ являлось открытіе именъ и мѣстожительства какъ членовъ главнаго инсуррекціоннаго комитета («тайной директоріи»), такъ и другихъ дѣятелей конспираціи.

Во главѣ заговора стояла, какъ уже сказано, тайная директорія, которой принадлежало верховное руководительство всѣмъ заговоромъ; тайная директорія отдавала свои приказанія двѣнадцати агентамъ, агитировавшимъ во всѣхъ округахъ Парижа, и пяти военнымъ агентамъ, которымъ было спеціально поручено подготовить къ участію въ возстаніи армію, стоявшую въ столицѣ *). Эти семнадцать агентовъ имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлую массу второстепенныхъ эмиссаровъ, раздававшихъ манифесты и прокламаціи въ народѣ и вербовавшихъ участниковъ будущаго возмущенія. Главнымъ образомъ, озабочивала Бабефа армія: отъ ея поведенія въ значительной степени зависѣлъ успѣхъ всего предпріятія. Пять спеціальныхъ агентовъ завѣдывали агитаціей въ военныхъ кругахъ, и на старательный выборъ людей для этой должности было обращено особое вниманіе тайной директоріи. Въ актахъ, относящихся къ заговору Бабефа, сохранилось много указаній на то, какихъ хлопотъ стоило распространеніе бабувизма въ арміи. Бабефу нужно было обезпечить за собою сочувствіе войскъ, стоявшихъ не только въ Парижѣ, но и около него, чтобы въ рѣшительную минуту директорія республики оказалась бы беззащитною.

Много войскъ находилось въ Гренельскомъ лагерѣ, но агента не было. Въ срединѣ апрѣля (1796 года) выборъ инсуррекціоннаго комитета палъ на капитана Гризеля, который служилъ въ бригадѣ, расположенной около Гренеля и, какъ говорили, пользовался вліяніемъ между солдатами. Гризелю было послано извѣщеніе, и онъ отвѣчалъ тайной директоріи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ **): «съ неизъясни-

---

*) Acte d'accusation 4278, La R. Fr. T. 28, p. 296.

**) См. недавно напечатанные впервые документы въ журналѣ «La Revol. Français», 1895, p. 302. Документы перепечатаны безъ выпусковъ, въ томъ видѣ,

мымъ удовольствіемъ я получилъ, братья республиканцы, ваши инструкціи и назначеніе меня на постъ военнаго агента. Я надѣюсь оправдать мнѣніе, которое вы обо мнѣ составили, если не своими способностями, то по крайней мѣрѣ усердіемъ, вѣрностью, храбростью и, особенно, своею скромностью». Гризель сразу завоевалъ себѣ общія симпатіи, былъ представленъ Бабефу и хотя на засѣданія тайной директоріи не допускался никто, для Гризеля, по настояніямъ Дартэ, было сдѣлано исключеніе.

Число участниковъ заговора все росло и къ началу мая (1796 года) ихъ насчитывалось отъ 16-ти до 18-ти тысячъ человѣкъ, обѣщавшихъ активное участіе въ возстаніи и, въ свою очередь, дѣятельно агитировавшихъ. Эти 18 тысячъ другъ друга не знали, а каждый изъ нихъ зналъ только того второстепеннаго агента, который его присоединилъ къ заговору; второстепенные агенты (ихъ было нѣсколько сотъ человѣкъ) не знали другъ друга также, а знали только своихъ непосредственныхъ начальниковъ, т. е. каждый своего главнаго агента; семнадцать главныхъ агентовъ было довѣреннѣйшими лицами тайной директоріи и только они знали имена и адресы членовъ этого верховнаго комитета. Подобная организація сильно затрудняла дѣйствія полиціи, такъ какъ невозможно было узнать не только, гдѣ скрываются главные руководители, но даже кто такіе ихъ второстепенные помощники.

По мѣрѣ того, какъ росли кадры будущихъ инсургентовъ, разнообразнѣйшія заботы охватывали Бабефа и его товарищей. Близилась рѣшительная минута, необходимо было окончательно обдумать весь планъ дѣйствій непосредственныхъ и послѣдующихъ. Тайная директорія засѣдала почти ежедневно *) и обсуждала и критиковала свою программу. Въ это время (въ концѣ апрѣля и началѣ мая) съ Бабефомъ вошли въ сношенія главари группы монтаньяровъ, которые не имѣли въ виду начать самостоятельныхъ дѣйствій противъ директоріи республики и которые, узнавъ о заговорѣ, рѣшились примкнуть къ нему, чтобы усилить враговъ правительства. Изъ этихъ главарей замѣчательнѣе всѣхъ, безспорно, генералъ Россиньоль **). Онъ являлъ собою чистѣйшій типъ якобинца 1793 года; Россиньоль желалъ возобновленія временъ террора и видѣлъ корень всѣхъ золъ въ паденіи Робеспьера. Къ Бабефу онъ присоединился съ охотою, но сразу внесъ въ конспирацію самый воинственный духъ; еще не успѣлъ онъ стать членомъ тайной директоріи, какъ уже бабувисты внесли въ свою программу тотъ пунктъ, котораго раньше тамъ не было; они постановили въ началѣ возмущенія убить всѣхъ директоровъ и важнѣйшихъ сановниковъ. Но и этого было мало

какъ были найдены въ національномъ архивѣ. Счетъ страницъ тамъ одинъ отъ первой книжки до послѣдней, такъ что я указываю лишь страницу (302).

*) Buonarotti, «La conjuration des égaux», p. 100, 101, 102, 105 etc.

**) См. «L'arrestation de Babeuf (Robiquet)», p. 236 (R. Fr. m. 28).

для новыхъ союзниковъ Бабефа; тайная директорія нѣкоторое время не знала, что ей дѣлать: отказаться отъ поддержки могущественной партіи ей не хотѣлось, принять ихъ принципы въ неприкосновенности она не рѣшалась. Благодаря Друэ, человѣку близкому къ Бабефу и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Россиньолю, соединеніе уладилось. Въ качествѣ посла отъ монтаньяровъ, генералъ Россиньоль имѣлъ свиданіе съ Бабефомъ, затѣмъ былъ допущенъ въ засѣданіе тайной директоріи и далъ положительное обѣщаніе отъ лица партіи всѣми силами содѣйствовать успѣху заговора. Съ этихъ поръ Россиньоль и Фіонъ *) принимали дѣятельное участіе въ безпрерывныхъ засѣданіяхъ тайной директоріи; было еще нѣсколько посольствъ со стороны монтаньяровъ къ Бабефу и отъ Бабефа къ монтаньярамъ, и эти переговоры окончательно укрѣпили союзъ. Нужно было низвергнуть директорію республики—въ этомъ бабувисты вполнѣ согласились съ якобинцами.

Между тѣмъ, пропаганда давала себя уже чувствовать **). Въ войскахъ, стоявшихъ около Парижа, все чаще и чаще замѣчался духъ неповиновенія властямъ и другіе признаки паденія дисциплины; масса солдатъ находилась въ связяхъ съ заговорщиками и вела себя такъ, что вполнѣ обнаруживала увѣренность въ близкомъ паденіи правительства и существующаго военнаго начальства. Одновременно съ этими нарушеніями дисциплины началось поголовное дезертированіе изъ лагерей въ Парижъ. Правительство было напугано зловѣщими признаками настроенія арміи, но ничего подѣлать не могло. Бабувистамъ удалось склонить на свою сторону не только многія части войскъ, но даже нѣкоторыхъ солдатъ одного батальона жандармеріи; они насчитывали своихъ сторонниковъ всюду, и если у нихъ не было своихъ полныхъ батальоновъ, зато не было и такихъ полковъ, въ которыхъ не находились бы ихъ приверженцы.

Тайная директорія должна была и вести переговоры съ монтаньярами, и много разъ передѣлывать свою программу, и усиливать пропаганду въ войскахъ: работы у нея было много и иногда устраивалось по два засѣданія въ день. Въ первыхъ числахъ мая состоялось одно изъ главныхъ засѣданій. Тутъ было рѣшено, что тайная директорія оставитъ за собою главенство во всемъ возстаніи, но что для чисто военныхъ дѣйствій въ рѣшительный день нужны спеціалисты. Такими спеціалистами были признаны—генералъ Россиньоль, генералъ Фіонъ, Жермэнъ, Массаръ и капитанъ Гризель, о которомъ мы имѣли уже случай говорить. Онъ былъ еще очень молодъ, но Дартэ, очень его любившій и уважавшій, настаивалъ на назначеніи Гризеля однимъ изъ пяти вождей будущаго возстанія. Тайная директорія передала имъ всѣ свои планы и всю программу и дала общія инструкціи. Затѣмъ новые пять

*) Buonarotti, 106, 107.
**) Buonarotti, 102.

военачальниковъ разстались съ членами тайной директоріи и ушли, а члены тайной директоріи черезъ нѣсколько часовъ перенесли свое мѣсто пребываніе въ Монмартрское предмѣстье (въ домъ Урсель), чтобы не возбуждать подозрѣній полиціи.

Планъ дѣйствій сводился къ слѣдующему: 1) убить всѣхъ директоровъ республики; 2) овладѣть залами засѣданій совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ; 3) запретить подъ страхомъ смерти всѣмъ должностнымъ лицамъ продолжать отправленіе своихъ обязанностей; преслѣдовать безпощадно и убивать на мѣстѣ всякаго, кто окажетъ сопротивленіе. Для осуществленія этого плана и были назначены пять военачальниковъ. Возстаніе должно было начаться звономъ въ колокола въ разныхъ частяхъ города; 16 тысячъ заговорщиковъ должны были разсыпаться по всему Парижу и распространять слухъ, что директорія республики желаетъ возстановить монархію. Среди стражей, охранявшихъ особы директоровъ, были приверженцы заговора и они-то должны были провести заговорщиковъ въ квартиры этихъ высшихъ сановниковъ. Послѣ того, какъ директоры будутъ убиты, бабувисты очистятъ залы засѣданій обоихъ законодательныхъ корпусовъ и возстаніе будетъ окончено: Бабефъ, Дартэ, Буонаротти, Дебонъ и Жерменъ провозгласятъ себя временнымъ правительствомъ и назначатъ срокъ для выбора депутатовъ въ новый конвентъ (Россиньоль и монтаньяры настаивали на воскрешеніи конвента).

Одна непослѣдовательность бросается въ глаза при разсмотрѣніи этого плана: Бабефъ намѣренъ былъ провозгласить наступленіе новаго экономическаго строя тотчасъ же послѣ возстанія, не дожидаясь созыва народныхъ представителей, и ничего не говорилъ о томъ, представитъ ли онъ свою эгалитарную программу на утвержденіе конвента или нѣтъ? Вообще, со времени соединенія съ монтаньярами, чисто-политическая сторона готовящагося переворота нерѣдко совершенно заслоняла собою экономическую, и реформа общественнаго хозяйства совсѣмъ уже не разрабатывалось въ подробностяхъ.

Возстаніе въ сущности было задумано чисто парижское и въ этомъ отношеніи должно было походить на всѣ французскія революціи предъидущія и прослѣдующія; предполагалось, что остальная страна будетъ покорна волѣ побѣдителей, но, на всякій случай, часть эмиссаровъ и заговорщиковъ отправилась въ важнѣйшіе города провинціи *), въ Аррасъ, Тулонъ, Марсель, Тулузу, Авиньонъ, Гренобль, Дижонъ, Монпелье, чтобы приготовить Францію къ тому, что имѣло совершиться.

Волненіе между парижскимъ населеніемъ и солдатами, стоявшими въ столицѣ и около нея,—все усиливалось. Бабефу и его товарищамъ казалось, что медлить дальше нѣтъ цѣли, и они только ждали **), чтобы ихъ военные агенты заявили о готовности арміи стать на сторону заго-

*) Advielle. I, 212.

**) Buonarotti, 101 etc.

вора: послѣ такого заявленія возстаніе должно было начаться. А пока продолжались засѣданія тайнаго инсуррекціоннаго комитета, въ послѣдній разъ считали свою и непріятельскую силу, обсуждали планъ дѣйствій послѣ сверженія правительства, спорили и улаживали принципіальныя несогласія, возникавшія между бабувистами и присоединившимися монтаньярами. На засѣданія теперь допускались, кромѣ членовъ тайной директоріи еще и лица, назначенныя вождями народнаго возстанія— генералы Россиньоль, Фіонъ, Массаръ, капитанъ Гризель и Жермэнъ. На ихъ долю выпадала такая крупная роль въ предпріятіи, что съ ними Бабефъ былъ такъ же откровененъ, какъ съ Дартэ, Буонаротти, ближайшими своими друзьями. За Россиньоля, Фіона и Массара было порукой въ его глазахъ ихъ политическое прошлое, а капитанъ Гризель служилъ предметомъ самыхъ восторженныхъ похвалъ Дартэ, и разъ поручивъ ему такое важное дѣло, какъ предводительство народными толпами, не было основаній у Бабефа вести себя по отношенію къ нему иначе, нежели по отношенію къ другимъ будущимъ военачальникамъ.

1-го мая состоялось собраніе членовъ комитета на улицѣ Монбланъ *); 2-го мая около Halle aux Blés; слѣдующее собраніе было назначено черезъ недѣлю, такъ какъ нужно было разсмотрѣть извѣстія, которыя долженъ былъ привезти одинъ военный коммисаръ изъ провинціи.

Вечеромъ 6-го мая президентъ директоріи французской республики Карно писалъ министру полиціи записку слѣдующаго содержанія **): «Гражданинъ министръ! Посылаю къ вамъ гражданина Гризеля. Онъ желаетъ говорить съ вами сегодня же вечеромъ. Прошу васъ выслушать его. Salut et fraternité. Подписано: Карно».

Капитанъ Гризель былъ принятъ министромъ и разсказалъ ему самымъ подробнымъ образомъ о заговорѣ Бабефа, о личномъ составѣ тайной директоріи, о томъ, гдѣ собиралась и намѣрена въ ближайшее время собраться тайная директорія, о положеніи дѣлъ у заговорщиковъ. Онъ далъ также всѣ свѣдѣнія относительно организаціи предпріятія и плана возстанія; назвалъ имена лицъ, назначенныхъ, подобно ему, военачальниками и прибавилъ въ концѣ своихъ сообщеній, что день возстанія близокъ, что уже все готово и что если правительство не приметъ рѣшительныхъ мѣръ, то погибнетъ.

Министръ былъ пораженъ. Словамъ Гризеля можно было не вѣрить, но, во-первыхъ, являлась мысль, что всего выдумать онъ не могъ, во-вторыхъ, весь разсказъ внушалъ невольное довѣріе, въ-третьихъ, онъ близко стоялъ къ самому сердцу заговора, судя по всему, наконецъ, въ-четвертыхъ, его сообщеніе давало совершенно естественное и удовлетворительное объясненіе тѣхъ фактовъ, которые давно уже безпо

*) Акты н. архива перепеч. въ La Rev. Fr. 28, p. 302.

**) La Rev. Fr. m. 28, 203.

коили правительство; теперь становилось понятнымъ и паденіе дисциплины, и дезертированіе въ войскахъ, и броженіе, замѣчавшееся въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи; получали опредѣленный смыслъ тѣ смутные слухи, которые давно уже ходили въ Парижѣ.

Слѣдовало торопиться. Директорія французской республики жила въ весьма странной двойственной атмосферѣ. Она видѣла, какъ старая дореволюціонная жизнь столицы понемногу воскрешается, какъ безумно роскошные балы, маскарады, свѣтскія празднества смѣняютъ другъ друга; директорія знала, что на нее смотрятъ, какъ на оплотъ порядка всѣ, кого страшатъ недавнія воспоминанія, что все это блестящее общество, которое мало-по-малу изъ чужихъ краевъ, изъ тюремъ, изъ уединенія сенъ-жерменскихъ отелей снова выступило на жизненную арену, что это полуроялистическое-полуиндифферентное общество стоитъ за существующій порядокъ вещей (можетъ быть, и признавая все-таки его въ глубинѣ души за нелояльный). Политикой занимались тогда всѣ, и, по свидѣтельству старыхъ мемуаристовъ, на балахъ Барраса и другихъ въ промежуткахъ между танцами великосвѣтская causerie вращалась исключительно около политическихъ темъ. Директоры сами принадлежали къ этому кругу; ежедневныя впечатлѣнія убѣждали ихъ, что высшіе классы общества стоятъ (если не всегда на словахъ, то всегда на дѣлѣ) за нихъ противъ всякаго рода демагоговъ, и къ этому же убѣжденію приводили адресы, поздравленія, благодарственныя письма отъ многихъ городскихъ общинъ, которыя на директорію (особенно въ началѣ ея существованія) возлагали большія надежды. Такова была одна сторона дѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, время отъ времени обыски и аресты, производившіеся въ Парижѣ, показывали правительству, что лагерь недовольныхъ, можетъ быть и не отличающійся численностью, все-таки существуетъ. И тайная, и общая полиція одинаково были поглощены раскрытіемъ агитаторовъ и политическихъ недруговъ директоріи, и хотя правительство видѣло, до какой степени ничтожны проявленія протеста противъ него, но все же постоянная тайная и упорная борьба не давала установиться атмосферѣ спокойствія и обезпеченности.

Когда министръ полиціи выслушалъ разсказъ Гризеля, онъ, какъ опытный человѣкъ, понялъ *), что Гризель не лжетъ; но Гризель сообщалъ факты, совершенно выходившіе изъ ряду вонъ: о вполнѣ сформированномъ сильномъ заговорѣ, о томъ, что болѣе шестнадцати тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, что въ Парижѣ въ настоящій моментъ, кромѣ директоріи республики, существуетъ другая директорія, которая въ состояніи, какъ только захочетъ, вступить въ открытый бой съ правительствомъ; обо всемъ этомъ министръ не могъ и подозрѣвать. Все сообщеніе Гризеля было передано директорамъ; та двойственная

*) L'arrestation de Babeuf, 298—9 etc. (La Rev. Fr. 1895).

атмосфера — увѣренности и неувѣренности въ своемъ положеніи, въ которой, какъ сказано, жили главы французскаго государства, эта атмосфера пріучила ихъ къ выслушиванію безпокоящихъ и коробящихъ вещей,—фактъ существованія заговора не удивилъ ихъ, поразительными казались только небывалые его размѣры [1]).

Выдавъ дѣло своихъ товарищей, Гризель повторялъ, что полиція должна принять рѣшительныя мѣры сейчасъ же, и его совѣтъ являлся въ глазахъ правительства совѣтомъ благоразумія.

7 мая (на другой день послѣ доноса) состоялось засѣданіе инсуррекціоннаго комитета, на которомъ присутствовалъ и Гризель. Рѣчь шла о томъ [2]), что являлось самымъ важнымъ, насущнымъ вопросомъ: когда начинать возстаніе? Въ началѣ засѣданія было рѣшено начать на другой же день, но потомъ въ виду того, что нѣкоторые члены инсуррекціоннаго комитета настаивали на необходимости выслушать сначала не пріѣхавшаго провинціальнаго эмиссара, — это рѣшеніе было отмѣнено и возстаніе отложено. На собраніи находились: Бабефъ, Буонаротти, Дартэ, Дидье, Фіонъ, Массаръ, Россиньоль, Лэндэ, Друэ, Рикоръ, Леньело, Гризель и Жавогъ. Пренія начались въ восемь часовъ вечера, но затянулись, что было на руку Гризелю, съ минуты на минуту ожидавшему появленія полиціи, такъ какъ мѣсто и время собранія были имъ наканунѣ указаны въ разговорѣ съ министромъ. Но время шло, а полиція не приходила.

Въ памяти присутствовавшихъ сохранились рѣчи [3]), произнесенныя въ этотъ вечеръ: никогда еще болѣе жизнерадостное настроеніе не царило между собравшимися бабувистами и монтаньярами. «Мы затѣваемъ дѣло вполнѣ законное,—говорилъ одинъ ораторъ,—мы освобождаемъ нашихъ соотечественниковъ [4])... При звукахъ нашего голоса воскреснетъ надежда и прежняя энергія народа. Нація только ожидаетъ сигнала, чтобы пойти вмѣстѣ съ нами противъ угнетателей. Вѣдь всѣ трудности уже побѣждены, все готово. Зачѣмъ же намъ рисковать потерей удобнаго момента и откладывать?» Всѣ рѣчи сводились къ тому, что если, дѣйствительно, нельзя теперь назначить день и часъ возстанія вслѣдствіе случайнаго неприбытія коммиссара изъ провинціи, то, во всякомъ случаѣ, въ слѣдующее же собраніе окончательно должно быть рѣшено, когда начинать.

Гризель казался въ высшей степени возбужденнымъ [5]); онъ много говорилъ, шутилъ, смѣялся, стоялъ за самыя рѣшительныя и быстрыя мѣры и настаивалъ на томъ, чтобы устроить окончательное совѣща-

---

1) Buonarotti, 142, 143, 144; Advielle, 215 etc.
2) La R. Fr., T. 28, p. 304.
3) Buonarotti, 114.
4) Buonarotti, 115.
5) Buonarotti, 113.

ніе какъ можно скорѣе. Въ двѣнадцатомъ часу ночи собраніе разошлось, и остались въ комнатѣ лишь хозяинъ квартиры Друэ и Дартэ.

Какъ только они остались вдвоемъ, явилась, наконецъ, опоздавшая полиція, но увидѣвъ, что никого уже нѣтъ, рѣшила оставить въ покоѣ двухъ заговорщиковъ, чтобы не распугивать другихъ. Извинившись недоразумѣніемъ, полицейскіе отретировались, а Дартэ и Друэ тотчасъ же бросились предупреждать товарищей о грозящей опасности.

Тайная директорія взволновалась и на слѣдующій день всѣ были заняты разслѣдованіемъ этого дѣла. Мѣсто, гдѣ собрались заговорщики наканунѣ, было извѣстно только тѣмъ, кто былъ приглашенъ. Значитъ полиція могла узнать это исключительно отъ кого-нибудь изъ членовъ собранія 7-го мая... Возникла мысль объ измѣнѣ, но она представилась до того невѣроятной, что вскорѣ была оставлена. Нѣкоторые говорили, что случай привелъ полицію въ квартиру; Гризель называлъ всѣ опасенія просто смѣшными, говорилъ, что если бы дѣйствительно имѣлось въ виду арестовать ихъ, то полиція явилась бы раньше, а не тогда, когда всѣ ушли. Дартэ, какъ всегда, горячо поддерживалъ Гризеля и заявлялъ, что самыя обстоятельства происшедшаго неопровержимымъ образомъ показываютъ, что полиція дѣйствительно посѣтила мѣсто собранія по недоразумѣнію. «Наконецъ, наши друзья Друэ и Дартэ—на свободѣ: не доказательство ли это, что намъ нечего бояться?» добавлялъ Гризель. Бабефъ хотѣлъ было принять мѣры предосторожности, но, разубѣжденный Гризелемъ, оставилъ свое намѣреніе *). Рѣшеніе прошлаго засѣданія о необходимости собраться черезъ 2 дня (9 мая) осталось въ силѣ.

Гризель снова побывалъ у министра полиціи и указалъ, какъ исправить вчерашнюю ошибку. 9-го мая, говорилъ онъ, дѣйствительно, будетъ собраніе; но соберутся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не сложены всѣ бумаги, относящіяся къ заговору. Положимъ, полиція захватитъ всѣхъ, кого найдетъ, но что она будетъ дѣлать дальше? Всѣ документальныя данныя хранятся у Бабефа на квартирѣ, въ другомъ концѣ Парижа; устроить одновременно два ареста тоже безполезно, потому что Бабефъ на засѣданіе обѣщалъ не придти, но и дома можетъ не остаться, такъ что глава заговора ускользнетъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Гризель совѣтовалъ 9-го мая никакихъ мѣръ не принимать и обѣщалъ послѣ собранія 9-го мая дать дальнѣйшія указанія.

9-го мая состоялось засѣданіе тайной директоріи; принялись за выработку прокламаціи, которая должна была быть расклеена въ Парижѣ тотчасъ послѣ окончанія возстанія. Въ общихъ чертахъ эта прокламація заключала въ себѣ уже раньше провозглашенныя мѣры; выраженія, въ которыхъ эту прокламацію начали редактировать, отли-

---

*) Buonarotti, 118.

чались самымъ рѣзкимъ и торжествующимъ характеромъ. Бабувисты до такой степени были увѣрены въ собственныхъ силахъ, что имъ не стоило большого труда перенестись въ будущее побѣдоносное настроеніе, и эта прокламація производитъ такое впечатлѣніе, будто дѣйствительно писана послѣ окончательнаго и рѣшительнаго торжества. Окончательная редакція прокламаціи была поручена Буонаротти и Бабефу. На другой день утромъ (т. е. 10-го мая), Дартэ, Жермэнъ, Дидье, Друэ и прочіе члены тайной директоріи должны были собраться въ домѣ Дюфура, чтобы опредѣлить день и часъ возстанія, такъ какъ силы были окончательно приведены въ извѣстность и ясно было, что при столкновеніи перевѣсъ будетъ на сторонѣ возстанія. Въ то же утро (10-го мая) и въ тотъ же часъ Буонаротти съ Бабефомъ (въ квартирѣ Бабефа) должны были заняться окончательной редакціей и печатаніемъ прокламаціи *).

Гризель тотчасъ же далъ знать полиціи, что подвертывается замѣчательно удобный случай для произведенія арестовъ; онъ сообщилъ оба адреса, т. е. адресъ квартиры, гдѣ будутъ Бабефъ и Буонаротти со всѣми документами, и той квартиры, въ которой соберутся остальные члены директоріи. Нужно было отрядить два взвода полицейскихъ и одновременно схватить всѣхъ, кого найдутъ въ обѣихъ квартирахъ. Инспекторъ полиціи Оссонвиль получилъ приказаніе арестовать Бабефа утромъ 10-го мая въ часъ, указанный Гризелемъ. Гризель до мельчайшихъ деталей описалъ наружность Бабефа и Буонаротти, а также (другому полицейскому коммиссару) наружность остальныхъ членовъ тайной директоріи, такъ что недоразумѣнія и ошибки были невозможны.

Въ девять часовъ утра Оссонвиль отправился **). Онъ скоро достигъ дома на улицѣ Грандъ Трюандери и подождалъ здѣсь кавалерійскаго пикета, который долженъ былъ безъ шума окружить домъ и воспрепятствовать бѣгству Бабефа и его товарища. Затѣмъ нужно было подыскать мирового судью, безъ котораго, по конституціоннымъ законамъ, нельзя было производить аресты. Оссонвиль, замѣтивъ, что кавалеристы обращаютъ на себя вниманіе этого многолюднаго квартала, объявилъ, что дѣло идетъ о поимкѣ воровъ, а самъ отправился на поиски за мировымъ судьей. Но одинъ судья сказался больнымъ, другой прямо отказался слѣдовать за Оссонвилемъ, и когда послѣдній заявилъ: «я донесу о вашемъ отказѣ министру»,—судья отвѣтилъ: «отлично; можете прибавить, что я оттого за вами не пошелъ, что не хотѣлъ». Третій судья также отказался.

Время шло, приходилось идти очень далеко за четвертымъ мировымъ судьею, но случайно тотъ встрѣтился и согласился присутствовать при арестѣ. Оссонвиль съ судьею подошли къ дому, оцѣпленному кава-

---

*) Buonarotti, 139.

**) Послѣдующее изложеніе основано на подлинномъ, подробнѣйшемъ рапортѣ Оссонвиля (K. Gr. т. 28, 307—308 etc.).

лерійскимъ пикетомъ; было одиннадцать часовъ утра. У Оссонвиля былъ въ рукахъ планъ дома, лѣстницъ, внутренняго расположенія комнатъ, планъ, составленный по указаніямъ Гризеля, такъ что онъ зналъ, куда и какъ ему нужно идти. Онъ сталъ подниматься по лѣстницѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ; часть ихъ онъ помѣстилъ по срединѣ лѣстницы, а самъ съ пятью коммиссарами продолжалъ подниматься. Вскорѣ они вошли въ квартиру Тиссо, гдѣ жилъ Бабефъ, и свернули въ узкій и длинный корридоръ. Въ концѣ корридора виднѣлась дверь.

VIII.

Съ вечера, когда Буонаротти пришелъ изъ собранія и передалъ Бабефу, что имъ вдвоемъ поручено окончательно средактировать прокламацію, эти два человѣка работали. На другой день тайная директорія должна была окончательно назначить день возстанія, и надо было поторопиться, чтобы прокламація была готова; нужно было также еще разъ обдумать всѣ мѣры, предугадать всѣ случайности критическаго дня.

Короткая лѣтняя ночь проходила, а работа подвигалась впередъ медленно. Въ сотый разъ начальники заговора принялись сосчитывать силы [1]). На всѣхъ «бѣдныхъ» (pauvres de Paris) они разсчитывали, какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ. Армію, которая станетъ на сторону возстанія, рѣшили переименовать въ народную гвардію и поручить ей охрану казны. Революціонеры всѣхъ оттѣнковъ, предполагалось, станутъ тотчасъ же на сторону возставшихъ и этимъ сильно увеличатъ ихъ ряды. Въ три-четыре часа Парижъ будетъ въ рукахъ инсургентовъ. Тогда Бабефъ съ товарищами станутъ временнымъ правительствомъ и разошлютъ гонцовъ по всей Франціи съ извѣстіемъ о переворотѣ. Настанутъ снова былыя времена эпохи торжества «крайнихъ домократовъ»... Отъ обсужденія практическихъ мѣръ Бабефъ и Буонаротти переходили къ мечтамъ [2]); отъ мечтаній снова къ деталямъ готовящагося возмущенія.

А время шло, настало утро и они уже принялись за прокламацію, не отвлекаясь грезами, предположеніями, не дѣлясь тѣми тревожными [3]) и радостными чувствами, которыя были у нихъ на душѣ. Наконецъ Буонаротти сталъ отдѣлывать начисто каждый пунктъ прокламаціи и переписывать ее.—«Французскій народъ, ты побѣдилъ...»

Тутъ Буонаротти остановился, потому что въ корридорѣ послышался шорохъ. Шорохъ прекратился, и онъ продолжалъ свое дѣло [4]): «ты побѣдилъ, тираннія болѣе не существуетъ, всѣ свободны...»

---

[1]) Buonarotti, 126—138.
[2]) Buonarotti. 127, 129.
[3]) Buonarotti, ibidem.
[4]) Buonarotti, 128.

Дверь комнаты распахнулась настежъ: на порогѣ стоялъ инспекторъ полиціи Оссонвиль, окруженный полицейскими коммиссарами *).

Оссонвиль тотчасъ же заявилъ о цѣли своего прихода и приступилъ къ обыску комнаты. Бабефъ и Буонаротти, хотя были вооружены съ головы до ногъ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, не пытались оказать безполезное сопротивленіе и сидѣли, застывъ въ тѣхъ позахъ, въ какихъ были застигнуты **). Полицейскіе быстро разсматривали бумаги, отбирали тѣ, которыя казались подозрительными. Взяты были прокламаціи, записки, содержавшія указанія, кому какъ дѣйствовать въ день возстанія; найденъ былъ и планъ возстанія въ подробностяхъ. Документовъ оказалась такая масса, что забрать ихъ съ собою тотчасъ не оказывалось возможности, и Оссонвиль велѣлъ только запечатать двери и приставилъ къ дверямъ вооруженную стражу; затѣмъ Бабефъ былъ помѣщенъ въ одну карету, Буонаротти въ другую, и обѣ кареты, плотно окруженныя кавалерійскимъ пикетомъ, помчались въ министерство полиціи. Черезъ нѣсколько минутъ явились новыя кареты съ остальными членами тайной дирекціи, арестованными одновременно въ другомъ концѣ Парижа.

Этотъ и слѣдующій день правительство разбирало захваченныя бумаги и отдавало приказы объ арестѣ главнѣйшихъ участниковъ заговора, имена которыхъ встрѣчались въ документахъ. Въ короткое время тюрьма Аббатства была переполнена; часть заключенныхъ была переведена въ Тампль, остальные остались въ Аббатствѣ. Снимались показанія, устраивались очныя ставки, слѣдствіе велось въ высшей степени энергично, и контуры предполагавшагося предпріятія выступали все яснѣе и яснѣе. Установивъ, какъ фактъ, что заговорщики имѣли въ виду произвести не только политическій, но и экономическій переворотъ, что для приведенія въ исполненіе этихъ намѣреній предполагались мѣры террористическаго характера, выяснивъ размѣры силъ, которыя находились въ распоряженіи Бабефа, директоры не замедлили обнародовать результаты предварительнаго слѣдствія.

Общество было изумлено и испугано, а правительство, опираясь на тревожное состояніе общественнаго мнѣнія, рѣшило воспользоваться раскрытымъ заговоромъ, чтобы сокрушить окончательно всюдемократическую партію. Въ Парижѣ, Аррасѣ, Рошфорѣ, Буржѣ и въ другихъ провинціальныхъ городахъ аресты и судебныя преслѣдованія постигали всѣхъ лицъ, являвшихся подозрительными въ глазахъ мѣстной администраціи. Вскорѣ всѣ арестованные въ Парижѣ были перевезены въ Вандомъ подъ сильной охраной жандармовъ и кавалеристовъ. Весь Вандомъ былъ заполненъ войсками и полиціей, нѣсколько батальоновъ было расположено въ самомъ городѣ и около тюрьмы въ теченіе всего времени заключенія бабувистовъ.

---

*) Донесеніе Оссонвиля (R. Fr. vol. 309); Буонаротти передаетъ, что онъ былъ прерванъ на словѣ libres.

**) R. Fr. 28, 311.

Начались приготовленія къ суду, составленіе обвинительныхъ актовъ, допросы, имѣвшіе цѣлью окончательно опредѣлить степень виновности каждаго подсудимаго. Бабефъ и не думалъ отрицать факта существованія заговора *). «Я убѣжденъ самымъ положительнымъ образомъ,— сказалъ онъ на допросѣ,—что нынѣшніе правители являются угнетателями, и я сдѣлалъ бы все, что въ моей власти, чтобы низвергнуть ихъ. Я соединился со всѣми демократами, но я вовсе не обязанъ называть ихъ здѣсь по именамъ», — вотъ слова Бабефа на одномъ допросѣ. Его спросили также, какими средствами онъ думалъ дѣйствовать. «Всѣ средства противъ тиранніи законны», отвѣтилъ онъ. Такого рода отвѣтами онъ лично противъ себя возстановлялъ и раздражалъ судей и обвинителей. Во время производства слѣдствія Бабефъ находился въ строгомъ одиночномъ заключеніи такъ же, какъ Дартэ и другіе главные участники заговора. Они не имѣли никакой возможности согласиться между собою насчетъ дачи показаній и, во избѣжаніе противорѣчій, воздерживались отъ отвѣтовъ на многіе вопросы. Они старались только никого не выдать нечаянно вырвавшимся словомъ, и, дѣйствительно, никто не былъ арестованъ вслѣдствіе показаній заключенныхъ. Но что касается до всѣхъ деталей инкриминируемаго дѣянія, то слѣдователи знали ихъ отъ Гризеля, пріѣхавшаго въ Вандомъ и принимавшаго дѣятельное участіе въ производствѣ слѣдствія. Съ его словъ и были предъявлены къ заключеннымъ всѣ обвиненія; отъ него были получены всѣ свѣдѣнія объ участіи того или другого лица въ заговорѣ.

Въ октябрѣ 1796 года начались, наконецъ, засѣданія суда въ Вандомѣ. Сорокъ семь человѣкъ сидѣло на скамьѣ подсудимыхъ. Войска окружали зданіе суда, каждый подсудимый сидѣлъ между двумя жандармами. Зала суда была переполнена народомъ. Дартэ сразу отказался отвѣчать на вопросы и защищаться, потому что не признавалъ компетенціи вандомскаго судилища; Бабефъ, Жерменъ и Буонаротти произносили большія рѣчи, въ которыхъ провозглашали законность своихъ поступковъ и намѣреній.

Бабефъ пытался много разъ формулировать свои экономическія и политическія воззрѣнія, но всякій разъ его останавливалъ предсѣдатель суда, приглашавшій его строго держаться рамокъ обвинительнаго акта и говорить о самомъ заговорѣ, а не о принципахъ, осуществить которые хотѣлъ этотъ заговоръ.

Долго тянулся судъ надъ заговорщиками, много тяжелыхъ и драматическихъ моментовъ пережили присутствующіе; жены и другіе близкіе родственники подсудимыхъ находились безотлучно въ залѣ суда во время засѣданій. Наконецъ, уже весною 1797 года, почти черезъ полгода послѣ начатія судебнаго разбирательства, 26 мая состоялся вердиктъ присяжныхъ: Бабефъ, Дартэ, Буонаротти, Жермэнъ, Казэнъ, Моруа, Блондо

---

*) Buonarotti 147: все дальнѣйшее изложеніе построено на разсказѣ Буонаротти.

Менессье и Буэнъ были обвинены въ томъ, что пытались низвергнуть конституцію страны. Всѣ остальные были оправданы; Бабефъ и Дартэ были признаны виновными безъ смягчающихъ вину обстоятельствъ; Буонаротти, Жермэну, Казэну, Моруа, Блондо, Менессье и Буэну было дано снисхожденіе. Тотчасъ послѣ того, какъ старшина присяжныхъ прочелъ вердиктъ, судъ объявилъ свой приговоръ: получившіе снисхожденіе были приговорены къ ссылкѣ, а Бабефъ и Дартэ къ смертной казни.

Когда приговоръ суда былъ объявленъ, Бабефъ и Дартэ выхватили ножи, неизвѣстно откуда добытые ими, и изо всѣхъ силъ ударили себя въ грудь. Ножи сломались, но тяжкія раны все же не тотчасъ убили ихъ. Всѣ обвиненные были перевезены въ тюрьму. Въ этотъ же день, Бабефъ, несмотря на рану, написалъ своимъ дѣтямъ и женѣ письмо, въ которомъ грустно прощался съ ними, говорилъ, что ему не было бы жаль покинуть этотъ міръ, если бы удались его намѣренія. «Я думаю,—писалъ онъ,—что вы будете вспоминать обо мнѣ, о томъ, какъ я васъ любилъ. Живите въ дружбѣ и любви и помните, что я погибъ отъ злыхъ людей; они сильнѣе меня и я уступаю имъ».

На другой день полумертвые Бабефъ и Дартэ, истекающіе кровью отъ ранъ, были понесены на эшафотъ и гильотинированы.

Е. Тарле.

ИЗЪ „ПОСЛѢДНИХЪ ПѢСЕНЪ".

М. Конопницкой.

Ахъ, ты, степь широкая, зеленая!
Развернись—раскинься предо мною...
Полечу, какъ птица окрыленная,
Расплывусь въ твоей тиши тоскою...

—

Пусть береза зашумитъ плакучая,
Пусть мнѣ ландышъ бѣлый улыбнется,
Заструится травъ волна пахучая,
Нѣжной пѣснью вѣтеръ пронесется!

—

Надо мной—плыветъ лазурь глубокая,
Подо мной—былинка шевелится...
Пусть мнѣ свѣтитъ лишь звѣзда далекая...
Не зовите—дайте мнѣ забыться!

—

Пусть забуду, что вѣка кровавые
Трауромъ нависли надо мною.
Разорву я цѣпи жизни ржавыя,
Перестану быть самимъ собою.

—

Пусть не знаю я святынь поруганныхъ,
Дикихъ битвъ, безсильнаго проклятья...
Пусть не вижу рабства душъ запуганныхъ
И—какъ братьевъ обираютъ братья...

—

Тишина степная, легкокрылая!..
Пусть чело обвѣетъ мнѣ молчанье...
Я хочу забыть слова постылыя,
Слушать матери-земли дыханье...

—

Ахъ, ты, степь привольная, безбрежная!
Ты развѣй мою тоску-тревогу...
Пусть помчится тучка бѣлоснѣжная—
Полечу на ней я къ солнцу—къ Богу.

А. Колтоновскій.

БАБЬИ СЛЕЗЫ.

Сквозь грязныя стекла грязнаго окна тусклый петербургскій день казался еще тусклѣе. Длинная, низкая комната была вся пропитана запахомъ пота и грязи. Черезъ гулъ тревожныхъ голосовъ прорывались тяжелые вздохи и нетерпѣливые возгласы. Какая-то безпокойная тоска висѣла въ воздухѣ.

Вѣра Николаевна пріѣхала сюда узнать объ участи ребенка жившей у нея кормилицы. Все лѣто „мамка“ жила безъ вѣстей о своей Машуткѣ, и Вѣра Николаевна стала замѣчать, что кормилица начала задумываться и грустить, а это могло бы вредно отозваться на ея молокѣ, чего Вѣра Николаевна боялась больше всего на свѣтѣ. До сихъ поръ кормленіе дѣвочки шло превосходно, и Вѣра Николаевна была искренно благодарна кроткой и безотвѣтной женщинѣ, кормившей ея Таточку, и готова была все сдѣлать, только бы кормилица была здорова и весела.

Вчера, вечеромъ, она замѣтила, что у мамки были красные глаза, и поэтому не поѣхала съ мужемъ въ театръ, а осталась около дѣвочки. Но Таточка заснула довольно спокойно, хотя и покуксила немного. Когда же, ночью, дѣвочка вскрикнула, Вѣра Николаевна бросилась въ одной рубашкѣ въ дѣтскую; кормилица уже вынула маленькую изъ кроватки и закрыла ей ротъ грудью.

— Опять борной кислотой не обмыла, — укоризненно замѣтила Вѣра Николаевна.

Кормилица только снисходительно улыбнулась на слова барыни.

Вѣра Николаевна сѣла рядомъ съ мамкой, какъ это дѣлала всегда, и стала смотрѣть, какъ вкусно сосала дѣвочка, сочно причмокивая губами, какъ блаженно откинулась и сладко заснула. Она взяла ее съ рукъ кормилицы, уложила въ кроватку, бережно закрыла одѣяльцемъ, подоткнула со всѣхъ сторонъ, чтобы не поддувало, перекрестила, улыбнулась и отошла къ постели мамки. Та все еще сидѣла въ той же позѣ, какъ кормила ребенка: съ разставленными колѣнями, приподнятыми подставленной подъ ноги скамейкой. Вѣра Николаевна сѣла рядомъ съ нею, ежась въ своей тонкой ночной рубашкѣ.

Лампадка у образа мягко освѣщала просторную дѣтскую, съ гладкими крашеными стѣнами, бѣлую кроватку, бѣлый пеленальникъ-комодикъ и двѣ бѣлыя фигуры женщинъ, сидящихъ рядомъ на кровати. Одна—коренастая, съ круглой головой и круглыми щеками, здоровая и сильная—покорно и пугливо отвѣчала своей собесѣдницѣ. Та—худенькая и длинненькая, съ узкимъ блѣднымъ лицемъ и узкими плечами—шепотомъ говорила съ ней:

— Почему Таточка закричала? Какъ ты думаешь, мамка, почему?

— Ѣсть захотѣла,—все также снисходительно улыбаясь, отвѣтила кормилица.

— И съ вечера волновалась немного... Плакала... Почему?

— Робенокъ!.. Съ того ростетъ! Не поплачетъ—не выростетъ.

— А жару нѣтъ?

— Да съ чего жару быть? Нѣтъ, жару нѣту...

— А ты здорова?

— Слава тебѣ, Господи...

— И спокойна?

— Слава тебѣ, Господи... И спокойна... Чего мнѣ?

— А ты что-то скучная эти дни... Отчего?

— Какъ скучная? Ничего себѣ... Мнѣ не скучно...

— Ты мнѣ скажи, мамка... Вѣдь мы съ тобой друзья... Ты все мнѣ скажи...

— Чего сказать-то, барыня?

— Да вотъ, если на сердцѣ что? Скучаешь, можетъ быть?

— Ну его!.. Я его, поганаго, и поминать-то не хочу...

Вѣра Николаевна знала, о комъ идетъ рѣчь: при наймѣ, кормилицѣ первымъ условіемъ было поставлено, чтобы она не смѣла видѣться съ отцомъ ея Маши.

— Да онъ въ своемъ городѣ остался, — сказала тогда кормилица.

— Ну, такъ ты не должна скучать о немъ.

И она запомнила это и теперь, когда Вѣра Николаевна заговорила о скукѣ — кормилица поняла, что говорятъ о „немъ“. Вѣра Николаевна поторопилась объяснить ей свою мысль.

— Нѣтъ... Я не о томъ... Давно о твоей Машѣ ничего нѣтъ. Давай, пошлемъ „имъ“ еще чаю и сахару.

— Чего имъ еще посылать? Мы на Ильинъ день имъ сколько послали... Да не то два, не то три письма писали... И марку на отвѣтъ приложили... И ничего не отпишутъ... Знать померла.

— Что ты? Просто, много воспитанниковъ набрали—и лѣнь обо всѣхъ писать... Надо справиться въ Воспитательномъ...

— Завтра?—радостно спросила кормилица.

— Что завтра?

— Завтра справки даютъ и въ субботу... Да вѣдь простоишь тамъ полдня, а кто Таточку покормитъ?

— Да я тебя и не пущу... Я сама съѣзжу..

— Съѣзди, барыня милая!—вдругъ оживилась кормилица и заговорила на „ты".—Узнай всю правду... Что же мы пишемъ, пишемъ, только деньгамъ переводъ.

— Ну съѣзжу... А ты ложись и спи... И не думай ни о чемъ... И не безпокойся: мы твою Машу не оставимъ...

На слѣдующее утро Вѣра Николаевна отправилась за „справкой".

Когда она вошла въ длинную, низкую комнату, пропитанную запакомъ грязи и пота, ее сразу охватила безпокойная тоска, висѣвшая надъ сотнями головъ находившихся здѣсь женщинъ. Сѣрые платки и сѣрыя лица замелькали передъ ней. Всѣ жались къ прилавку, раздѣлявшему комнату на двѣ неравныя части. Вѣра Николаевна встала въ сторонѣ. На нее смотрѣли съ любопытствомъ и недоумѣніемъ. Она оказалась единственной „барыней" въ этой толпѣ кухарокъ, горничныхъ и просто „женщинъ".

— Неужели и эта отдала сюда своего?—услышала она сзади себя довольно громкій возгласъ.

Ей хотѣлось оправдаться, защититься, но она чувствовала, что въ этой комнатѣ, полной тоски и безпокойнаго ожиданія, не смѣетъ — оправдываясь — бросать укоръ и обвиненіе всѣмъ этимъ сѣрымъ платкамъ и сѣрымъ лицамъ, собравшимся здѣсь.

— У васъ еще не отбирали?—обратилась къ ней ея сосѣдка, дѣвушка лѣтъ двадцати съ подстриженными на лбу волосами и бойкими глазками.

— Что?

— Справочный листокъ.

— Нѣтъ еще.

— Такъ вамъ назадъ надо... У насъ отобрали, да цѣлый часъ отвѣтовъ не несутъ...

— Мало тутъ насъ развѣ? — жеманнымъ тономъ заговорила толстая женщина въ синемъ засаленномъ фартукѣ и большомъ платкѣ на плечахъ. — Обо всякомъ справься въ книгѣ, обо всякомъ запиши...

— Неужели всегда такъ много какъ сегодня?

— Сегодня еще мало... Бываетъ, что и не протолкаешься... Бабъ пятьсотъ соберется...

— А вы часто справляетесь? — Участливо спросила Вѣра Николаевна.

— Да я ужъ о четвертомъ, — съ ужимкой отвѣтила толстая женщина.

Вошелъ солдатъ съ громадной пачкой засаленныхъ бумажекъ.

Изъ-за прилавка послышался голосъ. Вся женская толпа заколыхалась, заволновалась. Вѣра Николаевна отошла къ задней стѣнкѣ и сѣла на освободившійся стулъ.

— Авдотья Парѳенова!—услышала она.

— Моя!—раздался въ толпѣ взволнованный голосъ.

— Когда?

— Четырнадцатаго мая.

Листокъ изъ-за прилавка безмолвно перешелъ въ руки отвѣчавшей.

— Жива!—прошептали въ толпѣ.

— Иванъ Петровъ!

— Мой!

— Мой!

— Мой!

— Когда?

Три женщины назвали три разныхъ числа, и листокъ былъ отданъ одной изъ нихъ.

— Сидоръ Сидоровъ!

— Мой!

— Когда?

— Второго апрѣля.

— Умеръ...

Раздался свистъ разорванной бумаги.

— Анна Ѳедорова!.. Анна Ѳедорова! Кто за Анной Ѳедоровой?

Изъ толпы протолкалась впередъ круглолицая женщина въ ватномъ пальто и въ большомъ красномъ платкѣ на головѣ.

— Анна Ѳедорова!—опять раздалось изъ-за прилавка.

— Моя, моя, матушка...

— Когда?

Женщина молчала.

— Когда?—настойчиво пронеслось по комнатѣ.

— Чего когда-то?

— Когда ребенокъ доставленъ къ намъ?

— Вотъ послѣ Ѳоминой-то какой мѣсяцъ бываетъ? — добродушно отвѣтила женщина въ красномъ платкѣ.—Сейчасъ послѣ Ѳоминой я и принесла...

— Я тебя спрашиваю число и мѣсяцъ...

— Не грамотная я, батюшка... Что у васъ тамъ написано-то?

Женщины около Вѣры Николаевны заволновались.

— И я забыла... Прочелъ мнѣ дворникъ, что на листкѣ написано, я твердила, твердила всю дорогу, да и позабыла... Помню, что въ апрѣлѣ, а числа-то и не помню...

— Попроси барыню, можетъ быть, прочтутъ,—шепнула ей другая.

— Барыня, посмотрите, пожалуйста, какое тутъ число написано.

Вѣра Николаевна взяла листокъ и прочла:

... „Симъ удостовѣряетъ, что 27 апрѣля 1897 года принята подъ № 6789 незаконнорожденная Агаѳья Максимова“...

— Спасибо! А то „когда?“ „когда?“ А я и не знаю, что сказать.

Изъ толпы вышла еще одна баба, молодая, красивая, но измученная болѣзнью и горемъ.

— Та, барышня, грамотная?—обратилась она къ Вѣрѣ Николаевнѣ.

Ты невольно улыбнулась.

— Прочитай мнѣ, пожалуйста, что тутъ подписано...

За ней потянулось еще нѣсколько рукъ съ листочками.

— Посмотрите-ко, чего мнѣ въ лавкѣ путали: одинъ говоритъ пятаго марта, а другой—семнадцатаго...

— Пятаго—крестили твоего ребенка, тутъ и записано, а семнадцатаго ты его отдала въ Воспитательный... Вотъ смотри: 17-го...

— Да смотри, не смотри—ничего не пойму...

— И какъ вамъ не стыдно не умѣть читать, — добродушно сказала Вѣра Николаевна.

— И стыдно, да ничего не подѣлаешь...

— Развѣ васъ не учатъ въ деревняхъ?

— Бываетъ—учатъ... Рѣдко... Мальчишекъ-то учатъ, а дѣвокъ рѣдко...

— Какъ рѣдко?

— Дѣвченка съ семи лѣтъ работница въ дому.... И за ребенкомъ присмотри, и птицу загони, и дома убери... Когда ей учиться?

— Мнѣ какъ хотѣлось въ школу съ братьями бѣгать,—не пускали... Школа въ шести верстахъ... Братьямъ сдѣлали одеженку, валенки... А на дѣвченку разоряться не будутъ... Такъ на всю жизнь темная и осталась...

— А у насъ и заведенія нѣту, чтобы женскій полъ грамотѣ учить,—сказала баба въ красномъ платкѣ и ватномъ пальто, подошедшая послушать, что говорятъ около барыни,—у насъ вся деревня мотаетъ бумагу для фабрики... Дѣвченка шести-семи лѣтъ свободно выработаетъ двѣ копѣйки въ день... Когда тутъ учиться? Богатые—тѣ посылаютъ...

— Богатые?!. Гдѣ они?

— У насъ на сорокъ дворовъ,—изъ двухъ посылаютъ!..

— А у насъ и не думаетъ никто объ этомъ... Только и слышишь: на что дѣвкѣ грамота?

— Ахъ, мы бабы, бабы горемычныя!—послышалось въ толпѣ.

А въ это время изъ за прилавка мѣрно раздовалось: „Иванъ

Семеновъ! Когда?.. Умеръ! Мареа Данилова? Когда? Дарья Алексѣева? Когда? Умеръ"!..

Отъ прилавка отходили женщины, прятали листки въ грязныя тряпочки и уходили съ озабоченнымъ видомъ. Нѣкоторыя крестились торопливо и тоже озабоченно.

— Справки давайте,—раздалось по комнатѣ.

Нѣсколько десятковъ листковъ протянулось къ говорившему.

— Не всѣ разомъ!

Вѣра Николаевна отдала свой листокъ и опять сѣла ждать.

Ранніе зимніе сумерки надвинулись сѣрой мглой. Въ длинной, низкой комнатѣ стало еще душнѣе и тоскливѣе. Женщины стояли кучками, безпокойно шептались, безпокойно взглядывали на дверь, откуда должны были принести „справки". Слышались вздохи и громкіе зѣвки.

— Влетитъ мнѣ отъ барыни! Вотъ какъ влетитъ!—сказала франтоватая дѣвушка, поправляя на головѣ бѣлую кружевную косынку.

Она обращалась къ сосѣдкѣ Вѣры Николаевны, толстоносой женщинѣ, съ изрытымъ оспою лицемъ.

— Безъ спросу?—апатично спросила послѣдняя.

— Да спрашивалась, спрашивалась и спрашиваться устала... Все гости, все гости—никакъ со двора не урвешься... А сердце все изныло по Шуркѣ... Я и убѣжала сегодня...

— Ну влетитъ!

— Не впервой!..

И дѣвушка беззаботно засмѣялась, но сейчасъ же—точно смѣхъ былъ не къ мѣсту въ этой низкой, сумрачной комнатѣ—она глубоко вздохнула и прошептала:

— Померла моя Шурка! Чуетъ мое сердце, померла!

— А ты Бога благодари... Померла—одинъ конецъ... Та мать счастливая, у которой дѣти помираютъ... Не видитъ ихъ слезъ, не слышитъ ихъ муки!..

Вѣра Николаевна съ ужасомъ взглянула на говорившую; рябое лицо, изрытое оспой, показалось ей отвратительнымъ; ей захотѣлось сказать ей что-нибудь злое, обидное. Она быстро повернулась къ ней и вдругъ увидала столько горя въ свѣтлыхъ, точно испуганныхъ глазахъ говорившей, что сказала совсѣмъ не то, что хотѣла.

— А у тебя далеко отдана?

— Въ Скопскую губернію... Далеко... У меня ужъ третій тамъ!..

— И все отдаешь въ чужія руки?

— А куды же мнѣ? Съ ребятами куды возьмутъ? И сама наголодаешься, да и ихъ-то съ голоду поморишь...

Слѣва отъ Вѣры Николаевны сидѣла женщина въ черномъ платкѣ, блѣдная, съ плотно сжатыми губами. Она все время слушала молча и вдругъ заговорила, ни къ кому не обращаясь особо, такимъ тонкимъ голосомъ, какимъ монахини приглашаютъ пожертвовать на „книжку“

— Ахъ мы, бабы, бабы! Не согрѣшимъ—не проживемъ... А сколь горя, сколь мукъ принимаемъ... Сколько слезъ льемъ!.. И все за грѣхи прародителевъ!..

— Ева, чай, не одна грѣшила,—бойко замѣтила дѣвушка съ кудряшками на лбу.

Сочувственный, злобный смѣхъ пробѣжалъ въ толпѣ.

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась. Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ мѣховомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ и въ барашковой шапкѣ, нахлобученной на глаза. Онъ нерѣшительно остановился у двери. Нѣсколько десятковъ женскихъ глазъ съ любопытствомъ устремились на него.

— Вамъ что? Справку?—наконецъ, обратилась къ нему дѣвушка съ кудряшками на лбу.

— Да,—чуть слышно отвѣтилъ пришедшій.

— Не дадутъ!—торжествующе объявила дѣвушка.—Мужчинамъ справокъ не даютъ...

Пришедшій ничего не сказалъ, пробрался къ прилавку и тихо спросилъ:

— Можно мнѣ взять обратно моего ребенка?

— Мужчинамъ справки не даются,—послышался отвѣтъ.

— Да я... отецъ.

— Это намъ все равно... Мужчинамъ справки не даются...

— Но почему же?

— Правило!

Въ толпѣ прошелъ злорадный шепотъ.

— Отецъ!.. У нашихъ дѣтей не отцы, а злые вороги...

— Ишь какой выискался!.. Папашенька!..

Пришедшій глубже ушелъ въ свою шубу и не двигался.

— Какъ же мнѣ получить назадъ моего сына?—наконецъ, спросилъ онъ.

— Пусть мать придетъ... Съ ней и говорить будемъ...

— Да о ней какія-то свѣдѣнія нужны...

— Пусть сама приходитъ... Все и узнаетъ...

Пришедшій нерѣшительно отошелъ отъ прилавка, постоялъ немного, вернулся опять и спросилъ:

— А путаницы не бываетъ? Мнѣ отдадутъ моего, а не чужого?

— Да вѣдь у матери есть билетъ? Въ билетѣ написанъ номеръ и на косточкѣ, повѣшенной на шею ребенку, такой же номеръ... Какая же тутъ путаница можетъ быть?

Злорадный шумъ кругомъ не унимался.

— Что взялъ? Тоже справку захотѣлъ!..

— Отъѣзжай съ Богомъ!..

Что-то враждебное и злое влетѣло въ эту угрюмую комнату и охватило всѣхъ бывшихъ въ ней женщинъ, собравшихся здѣсь съ одной и той же доброй цѣлью: узнать объ участи своихъ дѣтей.

И Вѣра Николаевна поддалась этому общему настроенію, и ей было почему-то пріятно видѣть, какъ сконфуженно и виновато пробирался къ выходу пришедшій. Но она все-таки спросила:

— За что всѣ такъ на него? Онъ же хочетъ сдѣлать хорошее дѣло—взять назадъ ребенка...

— А умѣлъ отдать? Нѣтъ, ужъ тотъ не отецъ, кто отдалъ свое дитё подъ номеръ... Тому и стыдно, и грѣшно звать себя отцомъ...

Пришедшій нахлобучилъ шапку и быстро юркнулъ въ дверь.

Стемнѣло. Зажгли лампы. Запахло керосиномъ и копотью. Въ комнатѣ стало еще непривѣтливѣе и угрюмѣе. Около Вѣры Николаевны образовался цѣлый кружокъ; женщины тѣсно жались одна къ другой; каждой хотѣлось принять участіе въ бесѣдѣ и разсказать о своихъ печаляхъ и страданіяхъ.

Началось съ того, что Вѣра Николаевна искренно и тепло сказала:

— Какъ посмотрю я: сколько тутъ горя, сколько здѣсь слезъ пролито.

— Развѣ только здѣсь? По всей землѣ—баба плачетъ...

— Женскія слезы—вода,—тонкимъ голосомъ проговорила „богомолка“.

— Молчите вы, Христа ради, противно слушать. Вода! Да гдѣ вы найдете солонѣе этихъ слезъ и горьче ихъ?!

Вѣра Николаевна посмотрѣли на говорившую. На видъ ей было лѣтъ двадцать. Изъ подъ барашковой шапочки пушились коротко обстриженные волосы.

— Можно сѣсть рядомъ съ вами?—вѣжливо обратилась она къ Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Пожалуйста.

— Что-то сегодня особенно долго справокъ не несутъ,—сказала стриженая дѣвушка, желая вступить въ разговоръ.

— А куда за ними ходятъ?

— Въ канцелярію... Это въ другомъ зданіи... Справокъ много, и самыхъ разнообразныхъ... Чего только тутъ не насмотришься, чего не наслушаешься!.. Вотъ, въ послѣдній разъ, какъ я была здѣсь... Вспомнить даже больно!.. Пришла какая-то женщина, молодая, да такая веселая, что и намъ всѣмъ весело стало...

Точно солнышко засіяло въ этой мурьѣ... Подошла она къ чиновнику, поговорила, поговорила, да какъ зарыдаетъ!.. Такихъ слезъ, какъ здѣсь, не увидишь нигдѣ... Нигдѣ!.. Я подошла къ ней, отвела въ сторону, стала уговаривать, да и сама разревѣлась... Оказалось, она пришла взять назадъ своего мальчишку, а ей объявили, что она потеряла права на него...

Въ кружкѣ женщинъ прошло волненіе.

— Что такъ?

— Почему же?

— Видно, срокъ кончился...

— Да! Срокъ!.. Отдаютъ, видите ли, до семи лѣтъ только тѣмъ матерямъ, которыя здѣсь, въ воспитательномъ, кормили грудью ребенка... А она не кормила!.. Она, видите ли, дѣвушка, поповна... Мать помогла ей скрыть грѣхъ... Привезли сюда, сдали... Сдали, да и уѣхали домой... Тамъ, въ селѣ, гдѣ ея отецъ священникомъ, никто и не зналъ, что она тутъ выстрадала, что оставила... А она только и думала о томъ, какъ бы взять назадъ мальчишку... Хитрила, лгала, только бы узнать какъ-нибудь, живъ ли ея ребенокъ... И вотъ, лѣтомъ, умеръ у нея отецъ... Священникъ-то... Она сюда, брать ребенка... А ей и не отдаютъ...

— Да почему же не отдать родной матери?!

— Правило такое: дѣти, которыхъ не кормили грудью ихъ матери въ воспитательномъ домѣ, возвращаются только до трехъ лѣтъ безплатно, а потомъ за каждый годъ берутъ по десяти рублей, но не дольше семилѣтняго возраста... А позже ужъ и не отдаютъ назадъ...

— Какъ не отдаютъ?

— Правило такое... „Послѣ семилѣтняго возраста питомецъ можетъ быть возвращенъ только въ исключительномъ случаѣ, по усмотрѣнію начальства и при уплатѣ воспитательному дому за каждый годъ содержанія ребенка—сверхъ безплатныхъ трехъ лѣтъ по десяти рублей въ годъ“...

Стриженая дѣвушка выговорила это такъ, точно читала...

— Такъ пусть обратится къ начальству, навѣрное не откажутъ,—замѣтила Вѣра Николаевна.

— Да въ томъ-то и дѣло, что для этого надо какія-то справки: какая мать, какого поведенія...

— Что жъ? Это правильно, — замѣтила Вѣра Николаевна.

— Правильно?! Можетъ быть... Да въ жизни мало однихъ правилъ... Пока ребенокъ можетъ считаться позоромъ для матери—тутъ не о правилахъ толковать... Нельзя только правилами жить... Вотъ хоть бы эту поповну взять... Откуда ей справки взять?!. Восемь лѣтъ она таила все, чтобы не „позорить“ отца и всю ихъ поповскую семью... Восемь лѣтъ ждала какого-то чуда,

чтобы освободиться изъ подъ власти этого позора и получить назадъ своего ребенка... И вдругъ—справки... Откуда? Изъ вашего села... А тамъ мать—попадья... Сестра дѣвушка... Сунуться за справками—осрамить ихъ... Ревѣла она тутъ, ревѣла, ужъ не знаю, чѣмъ покончила... Восемь лѣтъ, говоритъ, ждала и должна отказаться... Можетъ, это по правиламъ, но не по человѣчески...

— Курица не птица, баба не человѣкъ, — смиренно вымолвила „богомолка“.

Въ „кружкѣ“, образовавшемся около Вѣры Николаевны, прошелъ сдержанный смѣхъ.

— Опять вы съ глупостями!—просто и строго сказала стриженая дѣвушка. — „Баба не человѣкъ!“ Стыдились бы говорить такія гадости...

И вдругъ, повернувшись къ ней, она спросила строго и внушительно:

— А у васъ мальчикъ или дѣвочка?

— Я не для себя справляюсь,—обиженно отвѣтила богомолка.

И тутъ же прибавила насмѣшливымъ тономъ:

— А у васъ? Сынъ или дочь?

— Дочь! Дочь!.. Красивая, чудная дѣвочка... И я не стыжусь ея, я только и жду какъ бы мнѣ взять ее къ себѣ...

— Зачѣмъ же отдавали?

— Голодъ отдалъ, не я... Одиночество, безпомощность, болѣзнь...

И вдругъ она заговорила возбужденно, обращаясь къ Вѣрѣ Николаевнѣ, точно прося у нея защиты:

— Подумайте: мой папаша служитъ въ провинціи, мы съ сестрой окончили прогимназію... Весь городъ насъ знаетъ... Мать чуть не прокляла меня... Я не считала себя виноватой... Нисколько!.. И не стыдилась я своего положенія ни минуты... Мать настаивала, чтобы я вымолила прощеніе у отца... Я пришла и все разсказала ему... Онъ избилъ меня и выгналъ... Этого я не могла простить ему и въ тотъ же день уѣхала въ Петербургъ... А ужъ тутъ что было—не разсказать... Отъ „того“ получила такое письмо, что написала ему клевету на себя, написала, что не онъ отецъ моего ребенка... Не хотѣла, чтобы онъ имѣлъ какія-нибудь права на него... А онъ и радъ былъ... И не откликнулся... И вотъ я осталась здѣсь одна, больная, безъ денегъ... Что я перенесла тутъ во время болѣзни и потомъ — не забуду никогда, никогда, до самой смерти... А умирать буду—все моей дѣвочкѣ разскажу... Чтобы знала правду, а не приняла за попрекъ. Вѣдь бываютъ матери, любятъ попрекать дѣтей тѣмъ, что ихъ на свѣтъ произвели... Нѣтъ, я разскажу ей, чтобы знала она, что̀ намъ переносить приходится и душевно, и тѣлесно...

Она вдругъ затихла, точно устала. Кругомъ тоже все притихло.

— И вы часто справляетесь?

— Постоянно... Ужасно боюсь, чтобы не умерла моя Зина у своихъ чухонцевъ... Ѣздила я къ ней два раза... Ей хорошо... И любятъ ее очень... Меня, конечно, не знаетъ, не идетъ ко мнѣ, жмется къ „мамѣ“ своей, къ чухонкѣ, отъ меня отворачивается...

Одну секунду въ ея голосѣ послышались слезы, но она сейчасъ же бодро и оживленно заговорила...

— Ну, вотъ только встану на ноги, выучусь окончательно кройкѣ и шитью—найму комнату и возьму Зиночку къ себѣ...

Вошелъ солдатъ. Сѣренькіе листки трепетали въ его рукѣ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣлись крупныя буквы синимъ карандашемъ, говорившія, что ребенокъ, по этому свидѣтельству, умеръ.

Опять началось выкликанье, опять слышалось „умеръ“ и свистъ разорванной бумаги.

Вѣра Николаевна тоже подошла къ прилавку. Было душно и тѣсно. Въ ушахъ звенѣли „Анны“, „Марьи“, „Иваны“, „умеръ“; шуршала рваная бумага, слышались вздохи и всхлипыванія.

— Марья Тарасова!..

Всѣ молчали.

— Марья Тарасова! Кто за Марьей Тарасовой?

Вѣра Николаевна не сразу сообразила, что это спрашиваютъ про ту самую Машутку, о которой она пріѣхала сюда справляться.

— Марья Тарасова!—повторилось опять.

— Мнѣ, мнѣ,—растерянно отвѣтила Вѣра Николаевна.

— Когда?

— Пятаго января.

— Умеръ...

Аннѣ Ивановнѣ передали надорванный листокъ, записанный поперекъ синимъ карандашемъ. Она прочла: „Умеръ второго мая“... Какъ „мая“? Все лѣто она отъ имени кормилицы посылала воспитателямъ Маши и письма, и чай, и сахаръ, и деньги... Все лѣто спрашивала она о здоровьи дѣвочки, писала о ней, какъ о живой, и „тѣ“ могли молчать?!

Вѣрѣ Николаевнѣ все это показалось такимъ жестокимъ, что она чуть не заплакала, она вдругъ почувствовала, что не рѣшится сказать правду кормилицѣ; сказать—убить ее, а—главное (и въ этомъ Вѣра Николаевна боялась признаться даже самой себѣ)—убить Таточку. Кормилица будетъ плакать, у нея испортится молоко, а у Таточки идутъ зубы и ей нужна особенная осторожность въ режимѣ.

„Лучше ложь, чѣмъ такая жестокая правда“—рѣшила Вѣра Николаевна.

На второй площадкѣ лѣстницы ее догнала та рябая женщина, которая говорила, что смерть ребенка—счастье для матери. Двѣ крупныя слезы застряли у нея на рѣсницахъ.

— Прочитай мнѣ, барыня, когда умеръ мой Ванюша?

— Семнадцатаго іюня,—прочитала Вѣра Николаевна.

— Не привелъ меня Господь закрыть ему глазки!.. И убрали его чужія руки...

Она горько и безшумно заплакала.

Вѣра Николаевна еще разъ повторила себѣ рѣшеніе—солгать кормилицѣ.

Опять мирно горѣла лампадка въ бѣленькой дѣтской, освѣщая своимъ кроткимъ свѣтомъ бѣлый комодикъ, бѣлую кроватку и бѣлый кисейный пологъ, надъ которымъ прижались, точно заснувшія птички, розовые банты. Бѣленькая дѣвочка сладко спала подъ пологомъ и слегка посапывала своимъ вздернутымъ носикомъ. Кормилица разметалась на своей мягкой постели и спала крѣпкимъ сномъ рабочаго человѣка.

Было два часа ночи. Вѣрѣ Николаевнѣ не спалось. Она вертѣлась съ боку на бокъ и старалась думать „о другомъ". Но назойливая мысль о смерти ребенка кормилицы не оставляла ее. Въ сущности все прошло прекрасно. Вѣра Николаевну такъ привыкла каждое огорченіе мамки излѣчивать подаркомъ, что и сегодня поѣхала изъ Воспитательнаго за сарафаномъ и новымъ платкомъ. Кормилица была очень довольна и подаркомъ, и извѣстіемъ, что ея Машутка жива. И весь день она была особенно весела и ласкова съ Таточкой. Вѣра Николаевна изъ своей комнаты слышала каждое слово, сказанное въ дѣтской, и веселье мамки рѣзало ее ножемъ.

И теперь, когда въ домѣ все затихло и изъ дѣтской слышалось только громкое дыханіе мамки да тиканье чаеовъ, Вѣрѣ Николаевнѣ стало особенно тяжело. Она старалась оправдать, успокоить себя. Уже всю эту недѣлю Таточка была не спокойна и желудокъ дѣйствовалъ неправильно. Кормилица говорила, что все это „на зубы", но Вѣру Николаевну все-таки это очень огорчало. Да, кромѣ того, послѣднее взвѣшиваніе показало, что дѣвочка потеряла восемьдесятъ граммъ, и Вѣра Николаевна съ волненіемъ ожидала результата слѣдующаго взвѣшиванія. Понятно, что при такихъ условіяхъ, она не могла сказать кормилицѣ, что Машутка умерла; ея ложь была и законна, и похвальна. И она, приходя къ такому выводу, старалась думать „о другомъ" и опять вертѣлась съ боку на бокъ.

„Кровинушка ты моя! Покажи, какъ ты жалѣешь свою мамушку"—вдругъ вспомнилась ей постоянная фраза кормилицы.

Всегда она принимала слово „жалѣешь" такъ, какъ ее понимала и мамка, т. е. любишь; сегодня же она не могла слышать, какъ кормилица выговорила его, и вышла изъ дѣтской. И теперь чувство жалости такъ наполнило Вѣру Николаевну, что ей хотѣлось сейчасъ же встать, пойти разбудить кормилицу и разсказать ей все.

Пробило три часа. Дѣвочка, пріученная къ кормленію „по часамъ", слабо пискнула въ своей бѣленькой кроваткѣ. Вѣра Николаевна быстро встала и пошла въ дѣтскую.

Фитиль въ лампадкѣ нагорѣлъ и свѣтъ ея сталъ тусклѣе. Кормилица, откормивъ полусонную дѣвочку, присѣла на кончикъ кровати, рядомъ съ барыней. Чувство благодарной радости, при видѣ барыни, принесшей ей днемъ такіе хорошіе подарки и вѣсти, отняли у нея сонъ. Ей смерть какъ хотѣлось поговорить, но она не знала, какъ начать. И барыня молчала и точно ждала чего-то.

— Мамка! А ты мужа вспоминаешь когда-нибудь?—вдругъ спросила Вѣра Николаевна.

— Чего мнѣ его вспоминать? Была печаль!..

— И не жалѣла, когда умеръ?

— Выла съ дуру, причитала, голосила—за рѣкой слышно было...

— Да ты его любила?

— Не знаю...

— Зачѣмъ же вышла за него?

— А нешто насъ спрашиваютъ? Сосватаютъ дѣвку и все тутъ... Дѣвка разбирать не можетъ... Меня по семнадцатому году просватали... Онъ вдовецъ былъ... Ужъ сѣдоватый... Никто и не спросилъ, хочу ли еще я за него идти... Родители сговорились, и по рукамъ. Противенъ онъ мнѣ былъ страсть какъ... Какъ подойдетъ да обниметъ... Лучше билъ бы...

Она замолчала. Лампадка слабо потрескивала. Слышалось тиканье часовъ да ровное посапываніе курносенькой дѣвочки.

— И все какъ будто думаетъ о чемъ,—заговорила опять кормилица...—Вотъ какъ вашъ баринъ... Все молчитъ. Вы къ нему, а онъ: „оставь, не мѣшай думать"... Конешно, ихъ дѣло мужское, умное... Да и намъ-то, бабамъ, жизнь не сладка...

Она шептала возбужденно и громко, ободренная тѣмъ, что барыня сидитъ на ея кровати и слушаетъ ее. А Вѣра Николаевна все время старалась направить разговоръ на извѣстіе о смерти ребенка.

— Такъ что ты не жалѣешь, что умеръ мужъ...

— Какъ вамъ сказать, барыня? Хоть билъ, да хлѣба вволю было... А умеръ— всего нахлебалась... И холоду, и голоду—всего... Двѣ зимы такъ бѣдовала, такъ бѣдовала... Не отъ радости ушла въ люди...

— Давно?

— Послѣ прошлаго Покрова... Какъ снѣгъ выпалъ, холода завернули такіе, страсть!.. Сидимъ мы, мерзнемъ, работать нечего и ѣсть нечего... Дѣти ревутъ и мы ревемъ... Вотъ и взгомонились наши бабы: въ городъ идти на заработки. Ушла и я... Дѣтей на свекроушку оставила, а сама въ городъ, къ исправнику въ кухарки нанялась... Ничего-то не знаю, никогда и не видывала, какъ господа ѣдятъ: заказали мнѣ каклеты, а что такое каклеты, я въ деревнѣ и не слыхивала... И перепортила же я добра! Много!.. ругали меня, ругали, гоняли меня съ мѣстовъ, гоняли, и пожалѣй меня писарь изъ уѣзднаго суда... Изъ себя видный такой, высокій!.. „Поступай, говоритъ, Матрена, ко мнѣ... Я жалованья тебѣ большого платить не могу, за то обучу"... И сталъ онъ меня учить перво-на-перво говорить по человѣчески... Мы въ деревняхъ вѣдь какъ говоримъ, господамъ и не понять... Онъ все смѣялся надо мной... Надо къ примѣру „ѣсть" говорить, а я „исть" скажу... Вотъ онъ меня жучилъ... Гулять мы съ нимъ ходили за городъ въ рощу, пѣснямъ онъ меня разнымъ училъ... Жалѣлъ меня!

Она замолчала, точно вспоминая о чемъ-то.

— А потомъ онъ меня сюда отправилъ... И билетъ на чугунку купилъ, и десять рублей деньгами далъ... Говоритъ: въ Питерѣ все это устроено, какъ надо, прямо, говоритъ, обратись въ воспитательный... Вотъ и пріѣхала я въ Петербургъ!.. Господи!.. Точно въ лѣсъ дремучій попала: всѣ бѣгутъ, всѣ торопятся куда-то и никому до тебя дѣла нѣтъ, всякій своимъ занятъ... Ничего-то я не знаю, и прочитать не знаю, и спросить не у кого; вотъ напугалась!..

Кормилица шептала все громче и громче. Дѣвочка въ кроваткѣ зашевелилась. Вѣра Николаевна подошла къ ней и, низко склонившись надъ ребенкомъ, стала шикать. Дѣвочка повернулась, почмокала губами, открыла глазки и сейчасъ же тихо заснула; на ея лицѣ было столько безмятежнаго спокойствія, довѣрія и правдивости, что Вѣрѣ Николаевнѣ вдругъ стало невыносимо отъ стыда, наполнявшаго ея сердце; ей захотѣлось броситься на колѣни передъ кормилицей. Она подошла къ ней и стала шептать быстро и нервно:

— Ты прости меня, мамка... Пожалуйста, прости... Я спать не могу, меня совѣсть мучаетъ! Я солгала, что твоя Маша жива и здорова...

— Аль больна?—живо спросила кормилица.

— Да... да... Не совсѣмъ... Ты не волнуйся... Вѣдь тебѣ вредно... Пишутъ, что она... что она не совсѣмъ...

— Да что же съ ней приключилось-то? Господи!.. Боль какая-нибудь?

— Она умерла, — вдругъ рѣшилась произнести Вѣра Николаевна.

— Умерла?..

— Да, мамка, умерла,—упавшимъ голосомъ проговорила Вѣра Николаевна.

Кормилица перекрестилась большимъ крестомъ и тихо и просто прошептала:

— Царство ей небесное!.. Пожалѣлъ Господь Богъ меня, сироту.

Вѣра Николаевна съ испугомъ поглядѣла на нее.

— Ангельская душенька... Въ рай пойдетъ!.. А меня Господь выручилъ! Вотъ какъ выручилъ... Да и дѣвченку-то мою пожалѣлъ!

— Мамка! Что ты говоришь? — съ ужасомъ сказала Вѣра Николаевна.

Ей вдругъ стало жаль, зачѣмъ же она такъ волновалась весь день и полъ-ночи провела безъ сна и въ тревогѣ, когда все это разрѣшалось такъ просто.

— Какъ тебѣ не стыдно! Ты вѣдь мать...

— Ахъ, барыня! Всякая мать добра желаетъ своему дѣтищу... А что за жизнь воспитомкѣ? Развѣ кто болѣть будетъ за чужого ребенка? И не докормятъ, и не допоятъ... Разсудите вы сами: ну, какая ей жизнь была бы? Чужіе люди, чужой кусокъ, чужія руки били бы... Выросла бы и опять начинай съ того же, что и я, и всѣ мы, бабы, вынесли... Да я-то еще законная, безъ позора росла!.. А она изъ дурныхъ прозвищъ не выходила бы... У меня хоть этого не было, а и то, помирать буду—кромѣ слезъ да побоевъ, пожалуй, что и нечѣмъ жизнь вспомнить... И Машѣ моей все тоже досталось бы... Теперь лежитъ въ землѣ, и никто ее не попрекнетъ, никто не обидитъ!..

Она замолчала. Молчала и Вѣра Николаевна.

— Прибралъ Господь мою сиротиночку и меня бы поскорѣе взялъ... *Тамъ* лучше...

— Мамка! Мамка! — искренно воскликнула Вѣра Николаевна.—Да что же можетъ быть ужаснѣе смерти?!..

— Ахъ, барыня милая!.. Дура я неученая, ты скажешь... Вѣрно... А по мнѣ смерть для насъ не страшна, страшна жизнь.

Въ комнатѣ стало почти совсѣмъ темно; фитиль въ лампадкѣ покрылся нагаромъ, какъ шапочкой. Двѣ бѣлыя фигуры въ бѣленькой дѣтской сидѣли близко другъ къ другу безмолвно и неподвижно...

Ек. Лѣткова.

ПОЗИТИВНАЯ ФИЛОСОФІЯ И ФИЗИКА.

Проф. **О. Д. Хвольсона.**

Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Философскаго Общества 7 марта 1898 г.

Милостивые государи и милостивыя государыни!

На мою долю выпала задача разсмотрѣть ту часть курса позитивной философіи Конта, которая посвящена физикѣ. Эта задача естественно распадается на двѣ части, содержаніе которыхъ опредѣляется вопросами: какъ отнесся Контъ къ физикѣ? и какъ относится физика, въ ея прошедшемъ и настоящемъ, къ Конту, т. е. къ догматамъ позитивной философіи?

Первый вопросъ распадается на рядъ отдѣльныхъ вопросовъ. Прежде всего спрашивается, каковы были свѣдѣнія Конта по физикѣ? Въ какой степени овладѣлъ онъ ея фактическимъ матеріаломъ? Правильно ли онъ понималъ ея данныя и ея выводы? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, слѣдуетъ просто произвести научную критику той части курса позитивной философіи, которая съ внѣшней стороны, пожалуй, отчасти напоминаетъ сжатый учебникъ физики. Но важнѣе этихъ вопросовъ другіе: какую роль предназначаетъ Контъ физикѣ? Какое онъ приписываетъ ей значеніе? Какъ отнесся онъ къ ея методамъ и къ добытымъ ею результатамъ?

Вторая часть нашего изслѣдованія, посвященная вопросу о томъ, какъ физика относится къ Конту, приведетъ насъ къ выясненію фундаментальныхъ вопросовъ: слѣдовала ли физика до сихъ поръ совѣтамъ Конта? и—если окажется, что она имъ *не* слѣдовала—должна ли она имъ слѣдовать? Можно ли ожидать, что она правильнѣе будетъ развиваться, быстрѣе идти къ намѣченнымъ завѣтнымъ цѣлямъ, удачнѣе избѣгать ошибокъ, глубже вникать въ тайны окружающихъ насъ явленій, если она пойдетъ по пути, указанному Контомъ, если она, какъ руководящимъ началомъ, будетъ пользоваться догматами позитивной философіи? Можетъ ли эта философія служить ей нитью Аріадны и вывести ее изъ темнаго лабиринта явленій къ свѣту истиннаго знанія и правильнаго пониманія?

Къ намѣченнымъ двумъ частямъ нашей задачи, посвященнымъ отношенію позитивной философіи и науки физики другъ къ другу, мы должны присоединить еще третью—о Контѣ, какъ *посредникѣ* между философіей и естественными науками вообще, или, по крайней мѣрѣ, между философіей и физикой.

Не съ одной только, но, я думаю, съ обѣихъ сторонъ все глубже и глубже и до болѣзненности интенсивно чувствуется желаніе увидѣть и услышать такого посредника. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ его. Но не ошибаемся ли мы, ожидая его въ будущемъ? Не должны ли мы обратиться къ прошедшему и не былъ ли Контъ этимъ желаннымъ посредникомъ, этимъ объединителемъ философіи и науки, понимая послѣднее слово такъ, какъ Бертело въ своей книгѣ «Science et philosophie»? Отвѣтъ на эти послѣдніе вопросы получится какъ непосредственный выводъ изъ первыхъ двухъ частей нашего изслѣдованія.

Физика Конта была написана въ началѣ 1835 года. Чтобы произвести правильный критическій разборъ этой части курса позитивной философіи, мы должны въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ напомнить, въ какомъ положеніи находилась физика въ 1835 году и въ чемъ заключались наиболѣе характерныя черты ея содержанія. Для этого достаточно самаго бѣглаго обзора ея главнѣйшихъ частей.

Теоретическая механика была почти вся создана въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ текущаго. Критическій анализъ ея основныхъ положеній возникъ сравнительно очень недавно и, если не считать одной попытки Ейлера, о немъ почти не было помину, когда Контъ писалъ свою физику.

Ученіе о звукѣ, какъ наука *экспериментальная*, находилось въ начальной стадіи развитія. Всѣ важнѣйшія сюда относящіяся работы Реньо, Ома, Гельмгольца и др. были сдѣланы послѣ 1835 года. Зато *теоретическая* акустика, т. е. ученіе о распространеніи колебательныхъ движеній въ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлахъ, ученіе, составляющее отдѣлъ теоріи упругости, уже достигло къ тому времени высокой степени развитія. Вопросы о скорости распространенія звука, о колебаніяхъ струнъ, стержней, пластинокъ и перепонокъ, о звучаніи трубъ были, большею частью, рѣшены теоретически задолго до 1835 г.

Теплота считалась до сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія за особаго рода вещество, за одно изъ тѣхъ невѣсомыхъ, тѣхъ флюидовъ, которые играли столь выдающуюся роль въ физикѣ первыхъ трехъ четвертей истекающаго столѣтія. Явленія нагрѣванія тѣлъ, т. е. ученіе о теплоемкости, а также тепловыя явленія, сопровождающія плавленіе и испареніе, т. е. явленія скрытой теплоты, были выяснены еще въ прошломъ столѣтіи. Тепловое расширеніе и нѣкоторыя другія тепловыя явленія были также хорошо изучены, когда Контъ писалъ свою физику. О явленіяхъ теплопроводности я скажу потомъ. Переворотъ въ воззрѣніяхъ на теплоту произошелъ въ сороковыхъ годахъ послѣ работъ

Роберта Майера, Джуля и Гельмгольца. Впрочемъ, уже гораздо раньше высказывалось отдѣльными лицами мнѣніе, что теплота *не* есть вещество, что ея сущность заключается въ движеніяхъ частицъ тѣлъ. Замѣчательные опыты, произведенные Румфордомъ и Деви въ концѣ прошлаго столѣтія, привели этихъ ученыхъ именно къ такому взгляду на теплоту, а первый изъ нихъ не только ясно высказалъ мысль о томъ, что теплота образуется какъ результатъ произведенной работы, но даже старался опредѣлить численное отношеніе между затраченной работой и возникающей на ея счетъ теплотою. Когда Контъ, въ 1826 г., читалъ свои знаменитыя лекціи, между его слушателями находился молодой Сади Карно, который на два года раньше, т. е. въ 1824 году, опубликовалъ безсмертную свою работу «О движущей способности огня» (т. е. теплоты), которая по прозорливости и глубинѣ мысли смѣло можетъ быть поставлена на ряду съ величайшими твореніями человѣческаго генія. Къ этой работѣ мнѣ придется возвратиться впослѣдствіи.

Въ виду особаго интереса, которое представляетъ отношеніе Конта *къ оптикѣ*, къ ученію о свѣтѣ, мы должны нѣсколько подробнѣе выяснить положеніе этого отдѣла физики въ 1835 году. Законы отраженія, преломленія и разложенія свѣта были давно извѣстны; основываясь на этихъ законахъ, развилось ученіе о зеркалахъ и объ оптическихъ стеклахъ, составляющее предметъ геометрической науки, всѣ вопросы которой рѣшаются геометрическими построеніями и математическими вычисленіями независимо отъ всякой теоретической подкладки, касающейся существа свѣтовыхъ явленій. Всѣмъ извѣстно, что во второй половинѣ XVII столѣтія были почти одновременно предложены двѣ гипотезы о сущности свѣтовыхъ явленій: теорія истеченія, предложенная Ньютономъ, и теорія колебаній эфира, предложенная Гюйгенсомъ.

Теорія Ньютона предполагаетъ, что свѣтящіяся тѣла испускаютъ, или какъ бы выбрасываютъ изъ себя особую свѣтовую матерію. Эта матерія движется съ огромною скоростью свѣта, отражается, мѣняетъ направленіе движенія при переходѣ изъ одной среды въ другую и т. д.

Теорія Гюйгенса предполагаетъ, что міровое междузвѣдное пространство, а также промежутки между частицами матеріи не абсолютно пусты, но наполнены особымъ, весьма тонкимъ, но въ то же время и весьма упругимъ веществомъ, который назовемъ эфиромъ. Всякое сотрясеніе, вызванное въ этомъ веществѣ, распространяется въ немъ, подобно тому, какъ звуковыя сотрясенія распространяются въ воздухѣ и въ другихъ газообразныхъ, жидкихъ или твердыхъ тѣлахъ, или какъ сотрясенія воды на поверхности послѣдней. Свѣтящіяся тѣла какъ бы соотвѣтствуютъ звучащимъ тѣламъ; въ нихъ находится источникъ тѣхъ сотрясеній или колебаній, которыя, распространяясь во всѣ стороны, и представляютъ сущность видимаго свѣта. Гюйгенсъ показалъ, какъ эта теорія объясняетъ отраженіе и преломленіе свѣта. Но Гюйгенсъ могъ идти еще гораздо дальше. Въ его время уже было извѣстно

явленіе *двойного лучепреломленія*, заключающееся въ томъ, что если лучъ свѣта достигаетъ поверхности кристалла, то этотъ лучъ, вообще говоря, раздѣляется на два луча, распространяющіеся въ кристаллѣ по двумъ различнымъ направленіямъ. Гюйгенсъ показалъ, какъ и это весьма сложное явленіе объясняется его теоріей.

Въ XVIII столѣтіи царствовала теорія Ньютона, и лишь немногіе голоса высказывались за теорію Гюйгенса; между ними назову Ейлера и нашего Ломоносова.

Полный переворотъ во взглядахъ произошелъ въ первой трети текущаго столѣтія, когда былъ открытъ цѣлый рядъ удивительнѣйшихъ оптическихъ явленій, отчасти совершенно новыхъ, отчасти представлявшихъ новыя формы явленій, уже раньше замѣченныхъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этихъ, большею частью весьма сложныхъ явленіяхъ, которымъ нынѣ посвящены обширнѣйшія главы оптики. Я ограничусь примѣрною характеристикою нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Сюда относятся прежде всего разнообразныя явленія интерференціи свѣта, т. е. такихъ явленій, въ которыхъ мы наблюдаемъ уничтоженіе свѣта свѣтомъ, иначе говоря, въ которыхъ свѣтъ, прибавленный къ свѣту, даетъ темноту. Сюда относятся чудныя явленія диффракціи, совершенно уничтожающія представленіе о прямолинейномъ распространеніи свѣта и изслѣдованныя въ разнообразныхъ новыхъ формахъ Фраунгоферомъ въ 1822 г. Въ 1808 г. Малюсъ открылъ поляризацію свѣта при отраженіи, заключающуюся, между прочимъ, въ томъ, что лучъ, отраженный отъ зеркала, теряетъ способность отразиться отъ второго зеркала, если оба зеркала имѣютъ нѣкоторое опредѣленное положеніе. Не касаясь такъ называемаго явленія вращенія плоскости поляризаціи, открытаго Араго въ 1811 г., укажу на общій характеръ еще нѣкоторыхъ явленій.

Представьте себѣ рядъ пластинокъ, по внѣшнему виду похожихъ на стекло, безцвѣтныхъ и, каждая въ отдѣльности, совершенно прозрачныхъ. Оказывается, что свѣтъ, свободно проходящій черезъ каждую изъ пластинокъ, не проходитъ черезъ двѣ изъ нихъ, сложенныя опредѣленнымъ образомъ. Онѣ, вмѣстѣ взятыя, совершенно непрозрачны. Но если одну изъ этихъ пластинокъ повернуть на прямой уголъ, то ихъ совокупность опять дѣлается вполнѣ прозрачной. Въ разнообразныхъ случаяхъ оказывается, что три безцвѣтныя прозрачныя пластинки, сложенныя вмѣстѣ, представляются окрашенными, если смотрѣть черезъ нихъ, причемъ окраска мѣняется при вращеніи каждой изъ пластинокъ. Но самыя удивительныя явленія представляютъ тѣ же три пластинки при другой обстановкѣ. Тогда на безцвѣтномъ фонѣ выступаютъ причудливыя разноцвѣтныя фигуры, напр. рядъ колецъ, пересѣченныхъ чернымъ крестомъ, или рядъ кривыхъ, изгибающихся около двухъ центровъ и пересѣченныхъ двумя черными дугами, или иныя, еще болѣе сложныя и вообще весьма красивыя линіи.

Юнгъ, Эри, Нейманнъ и въ особенности безсмертный Френель показали, какимъ образомъ необходимость всѣхъ этихъ явленій и еще весьма многихъ другихъ вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ теоріи колебаній. Геніальныя работы Френеля появились въ промежуткѣ времени отъ 1815—1826 года. Еще дальше пошелъ Эри въ 1831 г., *предсказывая* цѣлый рядъ новыхъ явленій, новыхъ формъ причудливыхъ фигуръ, которыя должны появиться при различныхъ, еще не испробованныхъ комбинаціяхъ упомянутыхъ пластинокъ, напр., спиралевидныя цвѣтныя полосы, соотвѣтствующія опредѣленной комбинаціи четырехъ пластинокъ. И во всѣхъ случаяхъ наблюденія подтвердили предсказанія теоріи.

Но это еще не все! Одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій изъ разсматриваемыхъ въ физикѣ было открыто въ 1832 г. англійскимъ математикомъ Гамильтономъ, имѣвшимъ передъ собою бумагу и чернила. Путемъ вычисленія онъ открылъ, что если черезъ двуосный кристаллъ пропустить лучъ въ нѣкоторомъ опредѣленномъ направленіи, то изъ кристалла долженъ выйти расходящійся конусъ лучей, темный внутри, дающій на листѣ бумаги свѣтлое кольцо, увеличивающееся по мѣрѣ удаленія бумаги отъ кристалла. Въ другомъ случаѣ долженъ изъ кристалла выйти цилиндръ лучей, также темный внутри. Въ слѣдующемъ, 1833 году, физикъ Лойдъ фактически на опытѣ воспроизвелъ эти удивительныя явленія такъ называемой конической рефракціи.

Открытіе этихъ явленій смѣло можно поставить рядомъ съ открытіемъ Нептуна путемъ вычисленія, рядомъ съ величайшими событіями изъ исторіи побѣдъ человѣческаго генія.

Такимъ образомъ, ученіе объ эфирѣ и о распространяющихся въ немъ сотрясеніяхъ или, какъ говорятъ, пертурбаціяхъ, составляло въ 1835 г. грандіозное, стройное зданіе, не менѣе величественное и не менѣе твердое и незыблемое, чѣмъ развившееся въ небесную механику ученіе Коперника, Кеплера и Ньютона о движеніи небесныхъ свѣтилъ.

Въ 1835 г. были хорошо извѣстны обыкновенныя магнитныя явленія и явленія земного магнетизма; далѣе почти всѣ основныя явленія электрическія. Вполнѣ наглядной представлялась глубокая разница между явленіями, которыя обнаруживаются наэлектризованными тѣлами, въ обычномъ смыслѣ слова, и явленіями электрическаго тока, почти всѣ дѣйствія котораго были уже открыты. Было извѣстно, что электрическій токъ вращаетъ сосѣднюю магнитную стрѣлку, что онъ разлагаетъ растворенныя кислоты и соли, что онъ нагрѣваетъ и даже накаливаетъ тѣла и потому можетъ служить для освѣщенія; было извѣстно, что проволоки, по которымъ текутъ электрическіе токи, взаимно притягиваются или отталкиваются, смотря по направленію тока. Далѣе, давно было открыто явленіе электромагнетизма, т. е. намагничиванія желѣза при помощи электрическихъ токовъ. Основные законы возникновенія этихъ токовъ были выяснены въ 1827 г. Омомъ. Наконецъ, въ 1832 г. царь физиковъ, Фарадей, открылъ явленія ин-

дукція, т. е., между прочимъ, возбужденія электрическихъ токовъ въ проволокахъ, движущихся около магнитовъ, или находящихся въ покоѣ около движущихся магнитовъ. Это было одно изъ величайшихъ открытій текущаго столѣтія; оно послужило исходною точкою къ тѣмъ изобрѣтеніямъ, которыя въ концѣ этого столѣтія вызвали новую эру исторіи культуры и которыя уже теперь даютъ право назвать грядущее столѣтіе вѣкомъ электричества. Мы увидимъ, что великое открытіе Фарадея было извѣстно Конту. Относительно ученія о сущности магнитныхъ и электрическихъ явленій слѣдуетъ сказать, что это ученіе вполнѣ находилось въ періодѣ, который Контъ называетъ метафизическимъ. Допускалось существованіе особаго рода веществъ, невѣсомыхъ, флюидовъ, и имъ съ откровенностью, которая нынѣ намъ представляется наивною, приписывался цѣлый рядъ свойствъ, необходимыхъ и достаточныхъ для того, чтобы добиться яко бы объясненія наблюдаемыхъ явленій. Но надъ сотнями и тысячами головъ, допускавшихъ существованіе этихъ курьезныхъ флюидовъ, возвышалась голова безсмертнаго царя физиковъ—Фарадея. Онъ одинъ, никѣмъ не понятый, старался извлечь ученіе объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ изъ того метафизическаго болота, въ которомъ оно застряло, и создать новое ученіе. Мы потомъ увидимъ, какое это было ученіе; тогда мы и рѣшимъ, произошло ли великое преобразованіе по направленію, указанному Контомъ, т. е. отъ метафизики къ позитивизму, и работалъ ли Фарадей, хотя бы и безсознательно, въ духѣ позитивной философіи.

Картина состоянія физики въ 1835 г. была бы не полна, если бы я не упомянулъ о теоріи теплопроводности, созданной Фурье. Этотъ превосходный математикъ развилъ математическіе методы рѣшенія задачъ о распредѣленіи температуръ въ тѣлахъ различной формы, подверженныхъ опредѣленнымъ внѣшнимъ нагрѣваніямъ. Онъ основывался на простыхъ и отчасти лишь приблизительно вѣрныхъ законахъ или правилахъ распространенія теплоты; *его выводы не зависятъ отъ взгляда на сущность теплоты*. Польза, которую физика извлекла изъ его работъ, не чрезмѣрно велика. Это—математика, а не физика и лишь полнѣйшее незнакомство съ исторіей физики послѣдняго полустолѣтія можетъ заставить думать, что въ математическихъ изслѣдованіяхъ, подобныхъ изслѣдованіямъ Фурье по теплопроводности, должно заключаться истинное содержаніе физики.

Очеркъ состоянія физики въ 1835 г. даетъ намъ возможность правильно разобрать вопросъ о томъ, какъ Контъ отнесся къ физикѣ. Къ этому вопросу мы теперь и переходимъ. Отношеніе Конта къ физикѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, всецѣло вытекаетъ изъ основныхъ положеній его философіи; онъ одобряетъ или не одобряетъ ея методы и ея результаты, смотря по тому, соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ они этимъ положеніямъ, которыя столь рѣзко и отчетливо выражены имъ словами: *слѣдуетъ исключить всякое исканіе причинъ,*

какъ непосредственныхъ, такъ и первоначальныхъ. Всѣ явленія подвержены законамъ; слѣдуетъ искать условія возникновенія явленій и отыскивать законы, которымъ они подчиняются, *основываясь при этомъ только на фактахъ и на наблюденіяхъ*, и стараясь уменьшить число отдѣльныхъ, т. е. независимыхъ другъ отъ друга законовъ. На этихъ мысляхъ и построено отношеніе Конта къ физикѣ.

Въ іерархіи наукъ Контъ ставитъ физику на третье мѣсто, послѣ математики и астрономіи. Послѣднюю науку онъ считаетъ вполнѣ позитивной, какъ исключительно основанной на законѣ всемірнаго тяготѣнія. И онъ почти правъ. Въ тридцатыхъ годахъ астрономія почти только и состояла изъ теоретической астрономіи и изъ небесной механики; объ астрофизикѣ, этой новой чудной науки, тогда еще не было и помину. Весьма характерно, что Контъ признаетъ только астрономію, занимающуюся нашей планетной системой. Наука о звѣздахъ для него почти не существуетъ, если не считать немногихъ и мало опредѣленныхъ строкъ о двойныхъ звѣздахъ и о возможности приложенія къ нимъ закона всемірнаго тяготѣнія. Соотвѣтственно тому мѣсту, на которое Контъ ставитъ астрономію, онъ утверждаетъ, что она не зависитъ отъ физики и отъ химіи.

Говоря о законѣ всемірнаго тяготѣнія, Контъ весьма рѣзко осуждаетъ слово «притяженіе», заключающее въ себѣ метафизическій, излишній элементъ. Мы увидимъ, что здѣсь онъ и, кажется, только онъ одинъ сошелся въ мысляхъ съ Фарадеемъ; но основы мысли у Конта и у Фарадея безконечно различны.

Контъ распредѣляетъ отдѣлы физики по убывающей степени ихъ позитивности въ такомъ порядкѣ: ученія о тяжести, о теплотѣ, о звукѣ о свѣтѣ, объ электричествѣ и магнетизмѣ. Онъ, слѣдовательно, считаетъ ученіе о теплотѣ болѣе позитивнымъ, болѣе свободнымъ отъ гипотетическихъ и метафизическихъ элементовъ, чѣмъ ученіе о звукѣ!

Изъ того, что Контъ говоритъ *о физикѣ вообще*, достаточно привести немногое. Онъ утверждаетъ, что приложимость математики кончается въ физикѣ, ибо химія ею уже пользоваться не можетъ; что время широкаго развитія физики настанетъ, когда физики сами начнутъ пользоваться метематикой. Физика должна во всемъ брать себѣ примѣръ съ астрономіи; наоборотъ, химія, біологія и соціологія должны стараться слѣдовать примѣру физики.

Важное значеніе эксперимента правильно оцѣнено Контомъ. Математика, по его мнѣнію, тогда прилагается къ физикѣ, когда экспериментъ уже далъ законъ явленія.

Въ высшей степени характерно то, что Контъ говоритъ *о гипотезахъ*. Онъ совершенно правильно указываетъ, что всякое изученіе явленія, всякое отыскиваніе закона должно сопровождаться гипотезою, предварительнымъ предположеніемъ; но онъ полагаетъ, что это предположеніе безусловно должно быть таковымъ, чтобы путемъ разсуж-

денія или опыта тотчасъ можно было рѣшить вопросъ объ его справедливости. Но никогда и ни при какихъ условіяхъ гипотеза не должна касаться причинъ явленій. Онъ курсивомъ печатаетъ, что *гипотезы должны исключительно касаться законовъ явленій и никогда не касаться ихъ способа возникновенія* (leurs modes de production).

Очень ясно и опредѣленно сказано!

Понятно, что Контъ считаетъ за вредную метафизику не только введеніе въ науку понятія о флюидахъ, но и ученіе о сотрясеніяхъ эфира.

Обращаясь къ изложенію отдѣльныхъ отдѣловъ физики, слѣдуетъ замѣтить, что Контъ, несомнѣнно, довольно хорошо зналъ физику и правильно понималъ тѣ голые факты и тѣ законы, о которыхъ говоритъ эта наука. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые отдѣлы физики Конта никакихъ особыхъ замѣчаній не вызываютъ. Другой вопросъ, какъ Контъ *понималъ* факты и законы и какое онъ имъ придавалъ значеніе.

Почти никакихъ замѣчаній не вызываетъ первый отдѣлъ, ученіе о тяжести, въ которомъ Контъ разсматриваетъ явленія покоя и движенія твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ. Замѣчательная прозорливость обнаруживается въ его мнѣніи, что законъ сжимаемости газовъ, данный Маріоттомъ и Бойлемъ, вѣроятно, лишь приблизительно вѣренъ. Объ уклоненіяхъ отъ этого закона, замѣченныхъ Депрэ еще въ 1827 г., Контъ, очевидно, не зналъ. Явленія *волосности* Контъ считаетъ весьма интересными и важными; но онъ очень недоволенъ теоріей этихъ явленій, основанной на различныхъ допущеніяхъ. Слѣдуетъ сказать, что мы и сегодня недовольны ученіемъ о волосности.

Ученіе *о теплотѣ* Контъ раздѣляетъ на двѣ части, изъ которыхъ первая разсматриваетъ дѣйствіе различно нагрѣтыхъ тѣлъ другъ на друга, вторая—дѣйствіе теплоты на тѣла. Тепловое расширеніе, нагрѣваніе, плавленіе и испареніе изложены правильно. Весьма замѣчательно указаніе, что когда тѣло поглощаетъ теплоту, то часть ея *всегда* тратится на измѣненіе физическаго состоянія тѣла. Это совершенно вѣрно, но въ 1835 году еще не было общеизвѣстно. Объ опытахъ Румфорда и Деви, о которыхъ было упомянуто раньше, Контъ не говоритъ ни слова, и ему, повидимому, ничего неизвѣстно о классической работѣ молодого Карно, съ которымъ онъ, однако, былъ лично знакомъ.

Отдѣльную главу посвящаетъ Контъ математической теоріи теплопроводности, данной Фурье. Эту часть ученія о теплотѣ онъ, очевидно, считаетъ самою важною. Здѣсь онъ впадаетъ въ непостижимую ошибку, утверждая, что Фурье освободилъ ученіе о теплотѣ отъ метафизическаго представленія объ особомъ тепловомъ флюидѣ и тѣмъ самымъ поднялъ ученіе о теплотѣ на высоту позитивной науки. Мы видѣли, что теорія Фурье вовсе не касается сущности тепловыхъ явленій и что она, строго говоря, даже мало относится къ физикѣ.

Ученіе *о звукѣ* изложено Контомъ прекрасно и никакихъ замѣчаній

не вызываетъ. Между прочимъ Контъ пишетъ, что тембръ или оттѣнокъ звука зависитъ отъ вида колебаній (mode particulier de vibration) звучащихъ тѣлъ. Это вѣрно, но сдѣлалось достояніемъ науки лишь въ 1843 г. послѣ работъ Ома, а строго говоря даже только въ 1862 г. послѣ работъ Гельмгольца.

Переходимъ къ той главѣ физики Конта, въ которой онъ разсматриваетъ *ученіе о свѣтѣ*. Состояніе этого ученія въ 1835 г. мы съ умысломъ указали съ нѣсколько большею подробностью.

Эту главу нельзя читать безъ того горькаго чувства, безъ того возмущенія и негодованія, доводящаго до озлобленія, которое послужило причиною пренебреженія философіи (чтобы не употребить болѣе крѣпкое слово) со стороны естествоиспытателей,—того чувства, послѣдніе слѣды котораго не исчезнутъ, пока между философами останутся отдѣльныя личности, разсуждающія о вопросахъ, которыхъ они не понимаютъ потому, что они не могли или не захотѣли подвергнуть эти вопросы тщательному и систематическому изученію.

Контъ считаетъ только геометрическую оптику, трактующую объ отраженіи и преломленіи лучей, за дѣйствительную науку. Все остальное—вредная метафизика! Теорію Гюйгенса не стоитъ опровергать, такъ какъ она не объясняетъ происхожденія тѣни! Послѣднія слова заставляютъ сомнѣваться, читалъ ли Контъ сочиненія Гюйгенса. Ученіе о происхожденіи цвѣтовъ Контъ сравниваетъ съ метафизическими бреднями докторовъ у Мольера. Десять страницъ заполнены насмѣшками и глумленіемъ! Контъ утверждаетъ, что примѣненіе фотометровъ, т. е. приборовъ, служащихъ для измѣренія яркости свѣта, есть circulus vitiosus, ибо эти приборы основаны на допущеніи извѣстнаго закона, по которому сила свѣта мѣняется обратно пропорціонально квадрату разстоянія отъ источника свѣта; между тѣмъ фотометры должны прежде всего служить для провѣрки этого закона, который онъ считаетъ наиболѣе сомнительнымъ и метафизическимъ.

Контъ утверждаетъ, что отношеніе между количествами отраженнаго и преломленнаго свѣта неизвѣстно, между тѣмъ это отношеніе было опредѣлено Френелемъ, съ работами котораго Контъ несомнѣнно былъ знакомъ. *По мнѣнію Конта, исторія оптики учитъ, что теорія не имѣла вліянія на ея развитіе.* И это писалось въ 1835 г. когда работами Юнга, Френеля, Эри и Гамильтона было воздвигнуто то чудное зданіе, которое мы имѣли право поставить рядомъ съ небесною механикою! Не удивительно послѣ этого, что Контъ удѣляетъ ровно двѣ страницы явленіямъ диффракціи, интерференціи, поляризаціи и двойного лучепреломленія, вовсе не упоминая о вращеніи плоскости поляризаціи. Здѣсь встрѣчается одно ужасное, возмутительное мѣсто. Указавъ совершенно правильно на явленія интерференціи, онъ продолжаетъ: *очень жаль, что столь важный принципъ еще не былъ окончательно освобожденъ отъ тѣхъ химерныхъ представленій о сущности свѣта, которыя до сихъ поръ почти всегда*

портили его примѣненіе. Между тѣмъ явленія интерференціи, въ которыхъ, какъ мы видѣли, свѣтъ, прибавленный къ свѣту, даетъ темноту, только и стали понятными, какъ случаи сложенія двухъ одинаковыхъ, но противоположно другъ другу направленныхъ движеній, которыя, уничтожаясь, даютъ не движеніе, но покой; не говоря уже о томъ, что сотни и тысячи самыхъ сложныхъ сюда относящихся явленій, происходятъ какъ мы видѣли, совершенно такъ, какъ того требуетъ, и какъ *предсказываетъ* теорія движенія эфира.

Ученіе *о магнетизмѣ и объ электричествѣ* изложено немногимъ лучше ученія о свѣтѣ. Конечно, Контъ правъ, указывая на ученіе о магнитныхъ и электрическихъ флюидахъ, какъ на негодную метафизику. Но въ остальномъ у него не только проглядываетъ непониманіе, но и незнаніе. Онъ раздѣляетъ ученіе объ электричествѣ на три отдѣла, разсматривающихъ возникновеніе и обнаруженіе электричества, распредѣленіе электричества и, наконецъ, законы движеній, вызванныхъ электризаціей. Достаточно сказать, что онъ вовсе не отдѣляетъ другъ отъ друга электростатику, т. е. ученіе о наэлектризованныхъ тѣлахъ, отъ ученія объ электрическомъ токѣ, о которомъ онъ вообще ничего не говоритъ. Онъ упоминаетъ только о проволокахъ, наэлектризованныхъ при помощи гальваническаго элемента! Мультипликаторъ, служащій для обнаруживанія слабыхъ токовъ, Контъ разсматриваетъ, какъ усовершенствованіе крутильныхъ вѣсовъ, имѣющихъ совершенно другое назначеніе!

Соотношенія между электрическими и магнитными явленіями, въ общемъ, у него изложены правильно. Онъ оканчиваетъ это изложеніе словами: «А Фарадей даже дошелъ до полученія дѣйствительныхъ электрическихъ искръ» (при помощи магнитовъ). Это единственное мѣсто у Конта, гдѣ упоминается Фарадей; оно показываетъ, что великое открытіе индуктированныхъ токовъ было ему извѣстно. Но онъ не понялъ, ни его смысла, ни его значенія, указывая только на искры, представляющія совершенно второстепенное явленіе, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на сущность дѣла, на полученіе электрическихъ токовъ при помощи магнитовъ и при помощи другихъ токовъ.

Возвращаясь въ самой послѣдней главѣ курса позитивной философіи еще разъ къ физикѣ, Контъ говоритъ, что никогда не удастся связать ея отдѣлы, напр., акустику и оптику, между тѣмъ какъ глубокая связь по существу именно этихъ двухъ отдѣловъ физики была уже прочно установлена въ 1835 гвду.

Покончивъ съ физикой Конта, написанной въ 1835 году, мы скажемъ нѣсколько словъ о физикахъ, удостоенныхъ Контомъ помѣщенія въ его календарь; при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что этотъ календарь былъ составленъ около 1852 года.

Между величайшими, которымъ посвящены мѣсяцы, находимъ Архимеда и Декарта; между лицами второго разряда, т. е. недѣлями, пред-

ставителей механики Вокансона, Уатта и Монгольфье, а изъ числа великихъ ученыхъ Галилея, Ньютона и Лавоазье. Къ лицамъ третьяго разряда причислены: Геронъ, Доллондъ, Стевинъ, Маріоттъ, Папинъ, Блэкъ, Дальтонъ, Соссюръ, Кулонъ, Гюйгенсъ, Вольта и Кэвендишъ. Наконецъ, къ числу ассистентовъ Витстонъ, Грэгамъ, Торричелли и Бойль. Франклинъ помѣщенъ между государственными дѣятелями, а Фурье между математиками. Совершенно отсутствуютъ Герике, Араго, Амперъ, Біо, Френель, Гей-Люссакъ, Эрштедтъ, Омъ, Юнгъ, Цоассонъ и Гауссъ. Выборъ великихъ людей, сдѣланный Контомъ, между прочимъ, можетъ служить характеристикою и его взглядовъ на физику.

Покончивъ съ вопросомъ о томъ, какъ Контъ отнесся къ физикѣ, обращаемся къ обратному вопросу: *какъ физика, въ ея прошедшемъ и настоящемъ относится къ Конту.*

Приступая къ первому вопросу, мы должны были въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать картину состоянія физики въ 1835 году. Чтобы отвѣтить на второй вопросъ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на исторію физики отъ 1835 года до настоящаго времени, выдвигая изъ необъятнаго моря этой славной науки наиболѣе существенное, наиболѣе характерное и незыблемо установленное. Такихъ основныхъ фактовъ изъ исторіи физики мы укажемъ только три, а именно возникновеніе, во-первыхъ, принципа сохраненія энергіи, термодинамики и кинетической теоріи газовъ, во-вторыхъ — спектральнаго анализа и астрофизики, въ-третьихъ—новаго ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ.

Ученіе объ энергіи давно сдѣлалось общимъ достояніемъ. Оно говоритъ, что кромѣ неуничтожаемой матеріи существуетъ еще неуничтожаемая энергія, запасъ которой не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться, но лишь подвергаться безконечно разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Энергія, т. е. способность производить работу, встрѣчается въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ формъ; не перечисляя всѣ формы, укажу на движущееся тѣло, очевидно способное произвести работу, а слѣдовательно, обладающее запасомъ энергіи. Далѣе теплота, сущность которой заключается въ быстрыхъ, но неправильныхъ движеніяхъ частицъ тѣлъ, есть форма энергіи и можетъ служить источникомъ работы; теплота и работа другъ другу эквивалентны. Изъ другихъ формъ энергіи упомяну лучистую, т. е. энергію движенія, распространяющагося въ эфирѣ; энергію тѣлъ, стремящихся сблизиться, какъ, напр., приподнятый грузъ и земной шаръ; энергію химическую, энергію упруго-измѣненнаго тѣла, напр. скрученной пружины и т. д. *Различныя формы энергіи могутъ переходить другъ въ друга, не измѣняясь при этомъ количественно.* Этотъ законъ служитъ нынѣ абсолютно достовѣрнымъ незыблемымъ фундаментомъ физики, руководящею нитью при физическихъ изслѣдованіяхъ, главнымъ источникомъ правильнаго пониманія окружающихъ насъ явленій, истинная сущность которыхъ

для физики и заключается въ непрерывныхъ и безконечно разнообразныхъ переходахъ энергіи изъ одной формы въ другую.

Лишь отчасти опираясь на этотъ законъ, развилась термодинамика, несомнѣнно одно изъ величайшихъ твореній человѣческаго генія. Второю опорою служитъ ей такъ называемое *второе начало*, которое еще можно назвать *принципомъ разсѣянія энергіи*, и которое учитъ, что въ разнообразныхъ превращеніяхъ энергіи существуетъ опредѣленная тенденція; что въ одномъ направленіи превращенія происходятъ легче, чаще, самостоятельнѣе, чѣмъ въ противоположномъ. Это мировое начало раскрываетъ передъ нами наиболѣе глубокія, наиболѣе сокровенныя тайны вселенной или, по крайней мѣрѣ, той ея части, которая доступна нашему наблюденію и которая тянется за предѣлами отдаленнѣйшихъ туманныхъ пятенъ. Работа Сади Карно, которую мы упомянули, послужила источникомъ открытія второго начала. Въ соединеніи съ началомъ сохраненія энергіи оно даетъ намъ въ руки наиболѣе могущественное орудіе для глубокаго анализа явленій, для открытія новыхъ физическихъ законовъ, новыхъ связей между самыми разнородными явленіями, и притомъ такихъ связей, которыя никакими другими способами не могли бы быть найдены, такъ какъ самое существованіе ихъ не могло бы служить предметомъ гипотетическаго предположенія. Облеченная въ сложную математическую форму, термодинамика давно перешла изъ области геніальной индукціи, которая служила ей родиной, въ область дедукціи, которая сдѣлала ее господствующею не только во всѣхъ отдѣлахъ физики, но и въ той новой обширной и удивительно разносторонней наукѣ, которая называется *физической химіей* и для которой нынѣ за границей учреждаются отдѣльныя каѳедры и отдѣльныя лабораторіи. Этотъ отдѣлъ химіи немыслимъ безъ термодинамики и ея могучаго математическаго аппарата, давшаго возможность уразумѣть явленія термохимическія, электрохимическія, явленія растворовъ и всю обширную группу явленій соприкосновенія тѣлъ, представляющихъ, какъ теперь принято говорить, различныя фазы.

На почвѣ термодинамики, выросло величественное зданіе, которое называется *кинетическою теоріею газовъ*. Исходя изъ весьма простого представленія о характерѣ движенія газовыхъ частицъ, и широко пользуясь математическимъ анализомъ, эта теорія не только объяснила уже извѣстные законы и явленія, относящіеся къ газамъ, но и предсказала новые, какъ, напр., удивительные и неожиданные законы независимости внутренняго тренія въ газахъ и теплопроводности газовъ отъ степени сгущенія послѣднихъ.

Второй изъ важнѣйшихъ фактовъ исторіи физики послѣ 1835 года— это открытіе методовъ спектральнаго анализа и связанное съ нимъ возникновеніе новой науки — астрофизики. Всѣмъ извѣстно, что спектральный анализъ основанъ на изученіи свѣта, разложеннаго на составныя части при помощи призмы или еще однимъ другимъ, лучшимъ

способомъ, о которомъ здѣсь не мѣсто распространяться. Спектральный анализъ даетъ возможность не только судить о веществахъ, находящихся въ источникѣ свѣта и въ томъ пространствѣ, черезъ которое лучи должны пройти, чтобы достигнуть нашего глаза; не только судить о физическомъ состояніи, въ которомъ эти вещества находятся, но—и это самое удивительное—также о томъ движеніи, которое совершаетъ источникъ свѣта относительно наблюдателя. И это одинаково относится, какъ къ солнцу и различнымъ частямъ окружающихъ ее оболочекъ, такъ и къ отдаленнѣйшимъ звѣздамъ и туманнымъ пятнамъ. *И это всецѣло основано на теоріи*, разсматривающей свѣтъ какъ распространяющееся въ эѳирѣ сотрясеніе. Перемѣщеніе спектральныхъ линій, дающее возможность изучать движеніе свѣтилъ, только и можетъ быть понято на основаніи этой теоріи, и вычисленія самихъ движеній производятся на основаніи формулъ, всецѣло основанныхъ все на той же теоріи.

На почвѣ спектральнаго анализа развилась новая наука, *астрофизика*, не только рѣшающая вопросъ о веществахъ, находящихся на солнцѣ, на кометахъ, на неизмѣримо удаленныхъ отъ насъ звѣздахъ и туманныхъ пятнахъ, но и вопросъ объ ихъ движеніи относительно земли. Спектральный анализъ далъ возможность изучить движеніе каждаго изъ свѣтилъ, составляющихъ двойныя звѣзды; путемъ спектральнаго анализа было доказано, что кольцо Сатурна не состоитъ изъ сплошной массы, ибо оказалось, что его внутренній край, ближайшій къ Сатурну, движется быстрѣе чѣмъ его внутренній край, и т. д. и т. д.

Третье великое событіе, о которомъ остается сказать, это—возникновеніе и окончательное упроченіе новаго ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ, замѣнившаго старое метафизическое ученіе о специфическихъ магнитныхъ и электрическихъ флюидахъ. Творцами новаго ученія были Фарадей, Максвеллъ и Герцъ. Фарадей первый понялъ, что непосредственное дѣйствіе въ даль, actio in distans, есть безсмыслица, и что слова «притяженіе» и «отталкиваніе» въ томъ смыслѣ, какъ они понимались, должны быть исключены изъ лексикона словъ, употребляемыхъ физикой, какъ того требовалъ и Контъ. Причину электрическихъ явленій Фарадей искалъ не на поверхности наэлектризованныхъ тѣлъ, но въ томъ пространствѣ, которое окружаетъ эти тѣла. Въ этомъ пространствѣ, точнѣе, въ эфирѣ, его наполняющемъ, происходятъ перемѣщенія и движенія, которыя и обнаруживаются для насъ въ видѣ магнитныхъ и электрическихъ явленій. Современники Фарадея его не поняли. Максвеллъ расширилъ и безконечно углубилъ ученіе Фарадея, основавъ и развивъ ее въ формѣ математической теоріи. Но онъ этимъ не ограничился; онъ пошелъ гораздо дальше, показавъ, что новая теорія даетъ возможность связать въ одно цѣлое оптику съ ученіемъ объ электричествѣ и магнетизмѣ, что свѣтовыя и электрическія явленія представляютъ лишь различныя формы, въ которыхъ проявляется для насъ одно и то же начало.

Сущность новаго ученія очень проста. Въ эфирѣ, наполняющемъ вселенную, какъ и въ обыкновенной матеріи, возможны разнообразныя деформаціи въ родѣ тѣхъ натяженій, сгущеній, сгибаній и т. д., которыя мы наблюдаемъ на тѣлахъ твердыхъ; кромѣ того, возможны разнообразныя движенія или пертурбаціи. Совокупностью этихъ деформацій и пертурбацій и исчерпывается вся необъятная область свѣтовыхъ, магнитныхъ и электрическихъ явленій. Статья о свѣтѣ дѣлается отдѣломъ ученія объ электричествѣ, или, выражаясь иначе, свѣтъ есть явленіе электромагнитное. Ученіе Фарадей-Максвелла не только объясняло множество фактовъ и явленій, не только объединило въ одно чудное стройное цѣлое обширнѣйшія области на видъ совершенно разнохарактерныхъ явленій, но и съумѣло *предсказать* новые законы, новыя явленія, самая возможность которыхъ, выражаясь вульгарно, раньше никому не могла присниться. Эта теорія предсказала, что численное отношеніе нѣкоторыхъ двухъ чисто электромагнитныхъ величинъ должно равняться скорости свѣта, и что нѣкоторая другая величина, выражающая чисто электрическое свойство даннаго вещества, должна равняться квадрату показателя преломленія свѣтовыхъ лучей (большой длины волны) для того же самаго вещества. Торжество новаго ученія настало въ 1887 году, когда безвременно погибшій, но на вѣки безсмертный великій Герцъ открылъ свои лучи, которые, возникая на почвѣ чисто электрическихъ явленій, обладаютъ всѣми свойствами лучей свѣтовыхъ, отражаясь, преломляясь, интерферируя и т. д. и распространяясь съ тою же скоростью, какъ и лучи свѣтовые

Мы указали на самые выдающіеся факты изъ исторіи физики послѣ 1835 года: 1) сохраненіе энергіи, термодинамика и кинетическая теорія газовъ, 2) спектральный анализъ и астрофизика и 3) новое ученіе объ электричествѣ. Теперь уже не трудно будетъ отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ физика отнеслась къ догматамъ позитивной философіи.

Начнемъ съ указанія на то, въ чемъ Контъ оказался правымъ.

Контъ былъ правъ, указавъ, что физики должны сами пользоваться математическимъ анализомъ. Работы Максвелла, Кирхгофа, Гельмгольца, Герца, Поанкаррэ, Джиббса и длиннаго ряда другихъ, показываютъ, что въ этомъ направленіи желаніе Конта исполнилось.

Контъ былъ правъ, когда онъ смѣялся надъ метафизическими флюидами. Тепловой флюидъ исчезъ изъ науки еще при жизни Конта; а флюиды электрическіе и магнитные, подвергшіеся первой атакѣ при жизни Конта, нынѣ также вычеркнуты изъ инвентаря физики.

Но какъ ошибся Контъ, полагая, что математика не можетъ играть роли въ химіи!

Какъ ошибся Контъ, почти вычеркивая изъ астрономіи чуть ли не важнѣйшую и интереснѣйшую ея часть, разсматривающую неподвижныя звѣзды, млечный путь и туманныя пятна!

Какъ ошибся Контъ, поставивъ физику на третье мѣсто, утверждая,

что она зависитъ отъ астрономіи, которая никогда не сдѣлается зависимою отъ физики! Нынѣ астрономъ долженъ быть и физикомъ, и химикомъ. Онъ фотографируетъ и фотометрируетъ; онъ изучаетъ поляризацію свѣта небесныхъ свѣтилъ и, прежде всего и болѣе всего, онъ изслѣдуетъ спектръ этихъ свѣтилъ, не только для того, чтобы изучить ихъ составъ и физическое состояніе, но и для того, чтобы узнать ихъ *движеніе*, т. е. именно то, что по Конту должно составить главную или даже единственную задачу его науки.

Какъ ошибся Контъ, полагая, что отдѣлы физики навсегда останутся разрозненными, не связанными между собою и, указывая на ученія о звукѣ и о свѣтѣ, какъ на отдѣлы, между которыми не можетъ быть связи! Оптика съ одной стороны, ученія объ электричествѣ и магнетизмѣ—съ другой, слились въ одно стройное цѣлое. Въ то же время именно ученія о звукѣ и о свѣтѣ сдѣлались почти тожественными, такъ что въ дидактическомъ отношеніи ихъ соединеніе представляетъ не только возможное, но и желательное упрощеніе. Не напрасно покойный проф. Столѣтовъ написалъ учебникъ, озаглавленный «Акустика и оптика».

Трудно сказать, какъ бы Контъ отнесся къ принципу сохраненія энергіи и къ термодинамикѣ съ ея міровымъ закономъ, именуемымъ вторымъ началомъ. Здѣсь отсутствуетъ гипотетическій элементъ и нѣтъ рѣчи о причинахъ, столь презираемыхъ позитивной философіей. Но въ то же время мы здѣсь имѣемъ дѣло съ гигантскою индукціей, съ представленіями и понятіями столь обширнаго, мірового характера, что позитивная философія, весьма вѣроятно, сочтетъ ихъ за метафизическія бредни.

Понятно, какъ позитивная философія должна отнестись къ ученію объ эфирѣ, нынѣ обнимающему явленія свѣта, магнетизма и электричества.

Но здѣсь невольно зарождается такой вопросъ: когда-то въ физикѣ допускались два электрическихъ флюида, два магнитныхъ, одинъ тепловой, и, кромѣ того, свѣтовой, нынѣ электрооптическій эфиръ. Мы согласны съ Контомъ, осуждающимъ метафизическіе флюиды, и они нынѣ изгнаны изъ физики, въ которой остался одинъ эфиръ. Спрашивается, не правъ ли Контъ, изгоняя и этотъ эфиръ? Не представляетъ ли этотъ эфиръ также метафизическій элементъ, пока еще уцѣлѣвшій; не раздѣлитъ ли и онъ участь пяти флюидовъ, и не слѣдуетъ ли стремиться къ упраздненію этого остатка старыхъ заблужденій? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ: нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Тѣ флюиды ничего не объясняли и ничего не предсказывали, ибо имъ сполна и a priori приписывались всѣ тѣ свойства, которыя требовалось объяснить; *ими не объяснялись, ими только описывались явленія.*

Соберемте же нынѣ все то, что опирается на ученіе объ эфирѣ: объясненіе и предсказываніе самыхъ сложныхъ свѣтовыхъ явленій; открытіе новыхъ неожиданныхъ явленій, вродѣ упомянутой нами кониче-

ской рефракціи; методъ изученія движенія небесныхъ свѣтилъ; предсказанныя удивительныя связи между электричествомъ и свѣтомъ; явленія лучей Герца и ихъ свойства. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ нынѣ море, которое не менѣе обширно, но несравненно глубже и въ своихъ пучинахъ несравненно разнообразнѣе, чѣмъ море фактовъ, подтверждающихъ систему Коперника и законъ всемірнаго тяготѣнія, на которыхъ основана астрономія Конта. *Существованіе эфира нынѣ не менѣе достовѣрно, чѣмъ вращеніе земли около оси и вокругъ солнца.*

Позитивная философія, запрещающая исканіе причинъ, устранила бы ученіе объ эфирѣ; она не построила бы и того чуднаго зданія, которое называется кинетическою теоріей газовъ.

Выводъ изъ всего сказаннаго простой: физика не шла, не должна идти и не пойдетъ по пути, указанному Контомъ. Все великое, что было создано ея мастерами; все то, что раскрыло намъ глаза на окружающія насъ явленія, мелкія и міровыя; все то, что, исходя изъ физики, сдѣлалось могущественнымъ рычагомъ, двинувшимъ культуру, что обогатило человѣчество неоцѣнимыми орудіями борьбы за существованіе и средствами прогресса, и чѣмъ по справедливости гордится человѣчество—все это достигнуто путями, прямо противоположными тому пути, по которому совѣтуетъ идти позитивная философія. И если Контъ говоритъ, что гипотезы никогда не должны касаться способа возникновенія явленій, то ему отвѣчаетъ физика, что только именно этого рода гипотезы ведутъ къ познанію истины, что только благодаря имъ физика заняла то высокое положеніе *надъ* всѣми науками о природѣ, заставляющее обращаться за ея совѣтами астрономію и химію, технику и медицину, біологическія науки и—экспериментальную психологію.

Въ началѣ нашей рѣчи мы намѣтили послѣдній вопросъ: былъ ли Контъ тѣмъ желаннымъ посредникомъ, котораго ждутъ и философія, и естественныя науки вообще, и физика въ частности?

Въ текущемъ столѣтіи философія и естественныя науки, до сравнительно недавняго времени, представлялись двумя враждебными лагерями, и чувство, которое питали другъ къ другу бойцы обоихъ лагерей, совершенно невѣрно обозначается слишкомъ мягкимъ словомъ «пренебреженіе». Тутъ было другое чувство, но—кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Кто былъ болѣе виноватъ, философы или естествоиспытатели—это интересная тема для другого раза.

Времена полнѣйшей обособленности двухъ лагерей прошли навсегда. Философы стали обращать вниманіе на вопросы, составляющіе предметъ естественныхъ наукъ и притомъ прежде всего на вопросы, относящіеся къ области физіологіи и физики, въ особенности механики. Но первыя экскурсіи въ область чужихъ владѣній были мало удачны. Онѣ иногда вызывали улыбки, а большею частью увеличивали раздраженіе, нерѣдко доводя его до того озлобленія, о которомъ уже было упомянуто. И причина понятна! Науки успѣли окрѣпнуть, разростись и въ ширь и въ

глубь, и требовался долгій упорный трудъ, чтобы съ ними познакомиться, чтобы дойти не только до знанія, но и до правильнаго пониманія.

И эти времена миновали, или—скажемъ—почти миновали. Неудачныя экскурсіи дѣлаются рѣже, а на философской нивѣ сталъ созрѣвать интересный плодъ, вызывающій уже не улыбки и раздраженіе, но чувства искренняго удовольствія и радости—этотъ плодъ называется экспериментальною психологіею.

И въ другомъ лагерѣ совершилась эволюція, важная и глубокая; возникло и разлилось широкою полосою стремленіе къ философскому разбору въ особенности основныхъ началъ науки. Выяснилось огромное значеніе теоріи познанія, безъ помощи которой остаются неразрѣшимыми даже элементарные вопросы, вродѣ, напр., вопроса, почему мы видимъ за плоскимъ зеркаломъ изображеніе предметовъ? Оптическіе и акустическіе обманы неизбѣжно заставляли обращаться къ вопросамъ психологическимъ. А основы механики! Цѣлая литература возникла по вопросу объ инерціи, когда оказалось, что простой на видъ законъ, въ дѣйствительности даже не можетъ быть формулированъ, и что онъ дѣлался все темнѣе и непонятнѣе, чѣмъ глубже надъ нимъ задумывались. Гельмгольцъ, Махъ и великій Герцъ писали статьи, въ которыхъ трудно сказать, гдѣ кончается физика и гдѣ начинается философія, и подобныя статьи все обильнѣе и обильнѣе появляются въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и въ другихъ государствахъ. И мы не отстали. Если, съ одной стороны, русскій философъ пишетъ «Опытъ построенія теоріи матеріи», то, съ другой стороны, русскій физикъ пишетъ статью: «Значеніе понятій о силѣ и о массѣ въ теоріи познанія и въ механикѣ». Біологъ, украшеніе русской науки, пишетъ обширное изслѣдованіе «Современное естествознаніе и психологія» — библіотеку можно нынѣ наполнить сочиненіями, вызванными фактомъ сближенія обоихъ лагерей!

Но въ этомъ сближеніи не видно системы. Бойцы того и другого лагеря заглядываютъ другъ къ другу, дѣлаютъ другъ другу визиты, не всегда оканчивающіеся благополучно. Нуженъ посредникъ, и мы ждемъ его. Былъ ли Контъ, этотъ философъ и репетиторъ политехнической школы, тѣмъ посредникомъ, который могучею рукою могъ оба лагеря соединить воедино, указать имъ общій путь для равной, дружной, совмѣстной работы? Я могу отвѣтить на этотъ вопросъ только съ точки зрѣнія физики и я отвѣчу категорическимъ отрицаніемъ. Посредникъ между философіей и физикой долженъ быть и философомъ, и физикомъ. Я имѣю право сказать, что Контъ не былъ физикомъ, что онъ не понималъ ея задачъ и ошибался насчетъ цѣлесообразнаго выбора ея методовъ. Нѣтъ, посредникомъ не могъ быть Контъ, этотъ мыслитель, ополчившійся противъ метафизики и кончившій такимъ мистицизмомъ, который кажется роднымъ братомъ той же метафизики, какъ двѣ капли воды на нее похожимъ.

Да можетъ ли одно лицо вообще быть посредникомъ? по силамъ ли

одному человѣку, даже геніальнѣйшему, совершить великое объединеніе двухъ лагерей? Я думаю, что нѣтъ! Содѣйствовать такому объединенію, постепенно его подготовлять можетъ только цѣлое *общество*. Вы, господа представители философіи, учреждая новое общество, широко раскрыли его двери и охотно приняли въ свою среду представителей другого, когда-то враждебнаго вамъ лагеря. Между вами, конечно, уже не найдутся обличители, утверждающіе, что мы все время шли по ложному пути, что намъ слѣдуетъ начать съ начала, или полагающіе, что ироническою фразою можетъ уничтожить ученіе объ эфирѣ тотъ, кто самъ даже не потрудился посвятить годы на ознакомленіе съ этимъ ученіемъ. Такіе обличители намъ безполезны; они сѣютъ рознь, гдѣ требуется единеніе. Намъ другое нужно. Намъ прежде всего необходимо, чтобы вы, господа, помогли намъ разобраться въ основныхъ вопросахъ нашей науки, въ такъ называемыхъ проклятыхъ вопросахъ, которые не даютъ намъ покоя. Учась другъ у друга, поддерживая другъ друга, два лагеря, соединенные въ одномъ обществѣ, соберутся подъ общимъ знаменемъ, на которомъ написаны слова: *уваженіе и довѣріе*! Дай Богъ, чтобы подъ этимъ знаменемъ дружная работа членовъ нашего общества послужила на пользу философіи, на пользу физики и другихъ отраслей естествознанія, и прежде всего на славу русской науки!

ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ ОЛИВЪ ШРАЙНЕРЪ.

Переводъ съ англійскаго.

I.

Въ развалинахъ часовни.

Четыре голыя стѣны; на нихъ изображеніе Христа, несущаго свой крестъ, божественный младенецъ съ полустертыми чертами, пресвятая Дѣва въ синемъ и красномъ, римскіе солдаты и еще Христосъ со связанными руками. Крыша вся провалилась и надъ головой открытое небо, синее итальянское небо; дождь проточилъ дыры въ стѣнахъ, а штукатурка съ нихъ такъ и обваливается. Часовня стоитъ одиноко, высоко на самомъ концѣ мыса, и днемъ и ночью морскія волны разбиваются у ея подножія. Одни говорятъ, что она выстроена здѣсь монахами, живущими тамъ внизу на островѣ, чтобы они могли приносить сюда своихъ тяжко-больныхъ. Другіе—что проходившіе по большой дорогѣ монахи и странники выстроили ее здѣсь, чтобы имѣть пристанище и молитвенное мѣсто. Но ныньче никто больше не останавливается въ часовнѣ для молитвы и больныхъ сюда больше не приносятъ для исцѣленія.

За часовней пролегаетъ старая римская дорога. Если вы взберетесь сюда совсѣмъ одни и сядете тутъ въ жаркій солнечный день, вамъ покажется, что вы слышите шаги римскихъ солдатъ по мостовой, бряцаніе ихъ оружія и звуки тѣхъ далекихъ временъ, когда Аннибалъ со своими войсками ломился сквозь чащу и здѣсь еще не было никакого пути. Нынче здѣсь полная тишина. Кое-когда вы услышите шаги мула по камнямъ мостовой—это крестьянская дѣвушка проѣзжатъ верхомъ, сидя между своими корзинами, или увидите старую женщину, проходящую со своимъ узелкомъ на головѣ, или человѣка со страшнымъ разбойничьимъ лицомъ и дубиной въ рукѣ, поспѣшно проходящаго по дорогѣ. Но за всѣмъ тѣмъ часовня здѣсь стоитъ одиноко; съ обѣихъ сторонъ ея морскіе, заливы и она прислушивается къ прибою моря у ея подножія.

Я пришла сюда, однажды, въ зимній день, когда полуденное солнце жарко пекло по старой мостовой. Я утомилась и дорога казалась мнѣ

крутой. Я вошла въ часовню, подошла къ разрушенному окну и стала смотрѣть въ море. Далеко, далеко за синими водами залива виднѣлись города и деревни, разсѣянные бѣлыми и красными пятнами по зеленымъ склонамъ горъ, а горныя вершины подымались въ самое небо и то появлялись, то скрывались за облаками. Мнѣ казалось, что вершины эти манятъ меня къ себѣ, но я знала, что никогда никакой мостъ не соединитъ меня съ ними, никогда, никогда! И я закрыла глаза рукой и отвернулась отъ нихъ. Видъ ихъ былъ невыносимъ для меня.

Я прошлась по развалинамъ часовни, взглянула на Христа, несущаго свой крестъ, на божественнаго младенца, римскихъ солдатъ, на ихъ сложенныя руки, и вышла на открытую паперть, гдѣ сѣла на камень. У ногъ моихъ была маленькая бухта и рядъ бѣлыхъ домиковъ, тонувшихъ въ зелени оливковыхъ деревьевъ, а бѣлая пѣна волнъ длинной узкой лентой окаймляла берегъ; и, усталая, я облокотилась на колѣна. Я страшно устала,— усталость моя мнѣ казалась древнѣе дневного жара, древнѣе солнцепека на камняхъ старой римской дороги, и я положила голову на колѣна и, прислушиваясь къ прибою волнъ 300 футовъ подо мною и къ шуму вѣтра въ оливковыхъ вѣтвяхъ и старыхъ сводахъ, я заснула. И мнѣ приснился сонъ.

Человѣкъ взывалъ къ Богу и Богъ ниспослалъ къ нему на помощь ангела. И ангелъ вернулся и сказалъ: «Я не могу помочь этому человѣку».

Богъ сказалъ: «Что ему нужно?»

Ангелъ отвѣтилъ: «Онъ убивается и кричитъ безъ умолку, что кто-то его обидѣлъ и что онъ хотѣлъ бы, да не можетъ простить обидчика».

Богъ сказалъ: «Что сдѣлалъ ты для него?»

Ангелъ отвѣтилъ: «Я сдѣлалъ все. Я взялъ его за руку и сказалъ ему: слушай, когда будутъ говорить объ этомъ человѣкѣ дурно, говори о немъ хорошо, втайнѣ, незамѣтнымъ для него образомъ, помогай ему, гдѣ можешь, дѣлись съ нимъ въ томъ, что у тебя есть самаго драгоцѣннаго, и постепенно, служа ему такимъ образомъ, ты почувствуешь, что обрѣлъ его душу и что ты простилъ его. И человѣкъ сказалъ: хорошо, я сдѣлаю это. Но потомъ въ одну темную ночь я опять услышалъ его вопли: «Я сдѣлалъ все. Ничто не помогаетъ. Мнѣ не легче отъ того, что я говорю о немъ одно добро. И хотя бы я пролилъ свою собственную кровь за него, я не могу погасить ненависть въ своемъ сердцѣ. Я не могу простить, о Боже, не могу, не могу!»

Тогда я сказалъ ему: «Посмотри сюда, оглянись на свое прошлое, начиная съ самаго дѣтства, посмотри на мелочность и несправедливость свою, всмотрись хорошенько во всѣ ошибки и недостатки свои и развѣ при свѣтѣ твоей собственной жизни ты не увидишь брата во всякомъ другомъ человѣкѣ? Развѣ ты самъ такъ безгрѣшенъ, что имѣешь право ненавидѣть?»

И онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «да, ты правъ, я тоже грѣшилъ и

я прощаю собрата. Довольно, ступай, я простилъ». И онъ спокойно легъ и сложилъ на груди руки, и я думалъ, что теперь онъ нашелъ міръ своей душѣ. Но не успѣлъ я взмахнуть крыльями, чтобы подняться на небеса, какъ я снова услыхалъ на землѣ вопли: «Я не могу простить, о Боже, не могу! Лучше умереть, чѣмъ ненавидѣть. Я не могу простить!»

И я приблизился къ его жилищу и во мракѣ всталъ за его дверью и слышалъ, какъ онъ продолжалъ кричать:

«Я тоже грѣшилъ, но не такъ. Если я когда-нибудь наносилъ собрату малѣйшую рану, я становился предъ нимъ на колѣна и цѣловалъ его рану до тѣхъ поръ, пока она не заживала. Я не могъ допустить, чтобы чья-нибудь душа погибла изъ ненависти ко мнѣ. И если кто-нибудь только воображалъ себѣ, что я оскорбилъ его, я передъ нимъ падалъ ницъ, чтобы онъ могъ топтать меня ногами и такимъ образомъ, видя все мое униженіе, могъ бы простить меня и не губить свою душу. Но о моей душѣ никто не заботился, никто не хотѣлъ спасти меня отъ погибели и не дѣлалъ ни одного шага, дабы я могъ простить его».

Я сказалъ ему: «Послушай, успокойся. Если ты не можешь, *то и не прощай* своего обидчика, но забудь о немъ и о его обидѣ, забудь объ этомъ и живи по прежнему. Можетъ быть, въ будущей жизни...»

Онъ вскричалъ: «Отойди, ты ничего не разумѣешь! Что для меня будущая жизнь? Я погибаю теперь, сейчасъ. Я не могу видѣть солнечнаго свѣта, глаза мои полны пыли и глотка полна песку. Оставь меня, ты ничего не знаешь! О, еслибъ я могъ видѣть хоть еще одинъ разъ въ жизни, какъ прекрасенъ Божій міръ! Господи, Господи! Я не могу жить не любя, не могу жить ненавидя».

Итакъ, я оставилъ его въ вопляхъ и стенаніяхъ и вернулся къ Тебѣ, Господи.

И Господь сказалъ: «Душа этого человѣка должна быть спасена».

Ангелъ спросилъ: «Какъ спасти ее?»

Богъ сказалъ: «Вернись на землю и спаси ее!»

Ангелъ спросилъ: «Что же мнѣ дѣлать?»

И Господь наклонился къ ангелу и что-то шепнулъ ему на ухо, и ангелъ распустилъ свои крылья и спустился на землю.

И я было проснулась, сидя на камнѣ съ опущенной на колѣна головой, но я была не въ силахъ подняться. Я слышала, какъ вѣтеръ пробѣгалъ по вѣтвямъ оливковыхъ деревьевъ и подъ сводами развалинъ, и опять заснула.

И ангелъ вернулся на землю, нашелъ человѣка съ ожесточеннымъ сердцемъ, взялъ его за руку и повелъ его на одно мѣсто. И человѣкъ не зналъ ни куда его ведетъ ангелъ, ни что онъ хочетъ показать ему. Когда же они пришли, то ангелъ закрылъ своимъ крыломъ лицо человѣка, и когда онъ отвелъ крыло, человѣкъ увидѣлъ что-то передъ собой на землѣ. Богъ далъ ангелу власть разоблачать человѣческую душу и

снимать съ нея всѣ тѣ внѣшніе аттрибуты формы, цвѣта, возраста и пола, которые отличаютъ одного человѣка отъ всѣхъ остальныхъ его собратьевъ, и душа эта теперь лежала передъ нимъ такой же обнаженной, какой человѣкъ видитъ ее, когда онъ обращаетъ внутрь себя взоры.

И они увидѣли передъ собой все ея прошлое: крошечную зарождающуюся жизнь и дѣтство съ его нѣжнымъ пушкомъ невинности, видѣли, какъ пушокъ этотъ, мало-по-малу, пропадалъ и наступала юность, и какъ молодая жизнь жадными губами припала къ великой чашѣ жизни, и какъ вода изъ нея полилась черезъ край; они видѣли всѣ несбывшіяся надежды и тѣ заблужденія ума и сердца, которыя людьми называются грѣхомъ, и тѣ минуты внутренняго просвѣтлѣнія, которыя людьми называются правдой, дни ея могущества и силы, когда, воспрянувъ, она восклицала: «я всесильна!» и дни малодушія и слабости, когда она падала на землю и распростертая лежала во прахѣ; они увидѣли все, чѣмъ могла сдѣлаться эта душа, но чѣмъ она никогда не сдѣлается.

И человѣкъ поникъ головою.

Ангелъ спросилъ его: «Что это?»

Человѣкъ отвѣтилъ: «Это я, это я самъ». И онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ прижать къ себѣ эту душу, но ангелъ удержалъ его и закрылъ его очи.

Богъ далъ также ангелу власть снимать съ души тѣ внѣшніе аттрибуты времени, пространства и обстоятельствъ, которые отличаютъ одну отдѣльную человѣческую жизнь отъ жизни всей вселенной.

И ангелъ снова раскрылъ человѣку глаза и человѣкъ прозрѣлъ. И онъ увидѣлъ передъ собой то, что въ одной маленькой каплѣ отражаетъ весь міръ, движеніе самыхъ далекихъ звѣздъ въ небесномъ пространствѣ и ростъ кристалловъ въ глубинѣ земли, куда не заглядывало око; то, что животворитъ зародышъ въ яйцѣ и приводитъ въ движеніе крошечные пальчики новорожденнаго младенца, что даетъ жизнь каждому листочку и цвѣточку и что пребываетъ одинаково въ глубинѣ необъятнаго моря и на свѣтлой его поверхности и на горныхъ вершинахъ, покрытыхъ лишаемъ да мохомъ, и въ душѣ человѣка.

И человѣкъ погрузился въ созерцаніе. Но ангелъ коснулся его своимъ крыломъ и человѣкъ низко наклонилъ голову и прошепталъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ: «Это Богъ!»

И ангелъ закрылъ глаза человѣка. Когда же онъ снова открылъ ихъ, то человѣкъ увидѣлъ, что кто-то проходитъ мимо нихъ. Это была душа, облеченная во внѣшнюю форму и принявшая образъ человѣка, ибо ангелу дана Богомъ власть облекать, какъ и разоблачать души; и человѣкъ узналъ проходившаго.

И ангелъ спросилъ его: «Знаешь ли ты, кто это?»

Человѣкъ отвѣтилъ: «Я знаю его», и онъ смотрѣлъ ему во слѣдъ.

Ангелъ спросилъ: «Простилъ ли ты его?»

Человѣкъ только сказалъ: «Какъ прекрасенъ братъ мой»!

И ангелъ заглянулъ человѣку въ глаза и закрылъ свой собственный ликъ — свѣтъ, исходившій изъ этихъ глазъ, ослѣпилъ его. И онъ тихо засмѣялся и вернулся къ Богу. А оба человѣка на землѣ стали братьями.

И я проснулась.

Надо мной синее, синее небо, а далеко внизу волны прибиваютъ къ берегу. Я прохожу въ часовню, смотрю на мадонну въ синемъ и красномъ, на Христа, несущаго крестъ, римскихъ солдатъ и божественнаго младенца съ полу-стертыми чертами, и по крутой тропинкѣ спускаюсь на большую мостовую. Съ обѣихъ сторонъ стоятъ оливковыя деревья съ ихъ темными плодами и свѣтлыми листьями, а изъ щелей каменной стѣны выглядываютъ крошечные подснѣжники. Мнѣ кажется, что пока я спала, дождь освѣжилъ всю природу. Мнѣ чудится, что никогда еще я не видѣла небо и землю такими прекрасными. Я спускаюсь по дорогѣ и прежнее чувство усталости и дряхлости совершенно покинуло меня.

Вотъ по тропинкѣ сверху спускается крестьянскій мальчикъ; онъ погоняетъ осла, къ бокамъ котораго привязаны двѣ большихъ корзины; онъ выходитъ на дорогу и идетъ впереди меня. Я никогда не видѣла его прежде. Но мнѣ хочется идти рядомъ съ нимъ и взять его за руку—только онъ не понялъ бы, почему я это дѣлаю.

II.

Дары жизни.

Я видѣлъ спящую женщину. Ей снилось, что передъ ней стоитъ Жизнь и въ каждой рукѣ держитъ по одному дару, въ одной — любовь, въ другой — свободу. И Жизнь сказала женщинѣ: «выбирай». Долго выбирала женщина и наконецъ сказала: «свободу».

И Жизнь сказала ей: «Ты хорошо выбрала. Если бъ ты сказала: «Любовь», я дала бы тебѣ то, о чемъ ты просила, и ушла бы отъ тебя, и больше никогда не вернулась бы. Но теперь настанетъ день, когда я вернусь къ тебѣ. Въ этотъ день ты найдешь въ моей рукѣ оба дара вмѣстѣ».

Я слышалъ, какъ женщина радостно засмѣялась во снѣ.

III.

Сонъ въ темную ночь.

Въ одну темную ночь я лежалъ въ своей постели. Я слышалъ, какъ раздавались шаги полицейскаго на тротуарѣ, слышалъ шумъ экипажей,

развозившихъ по домамъ веселящихся людей, и смѣхъ женщины, прошедшей подъ моимъ окномъ—и затѣмъ заснулъ. И въ темнотѣ ночной я увидѣлъ сонъ. Я увидѣлъ, что Богъ послалъ мою душу въ Адъ.

Въ Аду было хорошо; озеро въ немъ было свѣтлое, синее. Я сказалъ Богу: «мнѣ нравится это мѣсто».

— Вотъ какъ, оно тебѣ нравится!—сказалъ Богъ.

Пѣли птицы, зеленая травка спускалась до самой воды, росли прекрасныя деревья. Вдали между деревьями виднѣлись красивыя женщины. На нихъ были платья изъ нѣжныхъ разноцвѣтныхъ тканей; онѣ были высоки и стройны; волосы у нихъ были золотистые. Онѣ гуляли и то появлялись, то скрывались за деревьями; длинныя платья ихъ волочились по травѣ, а надъ головой у нихъ висѣли крупные, спѣлые плоды, желтые, какъ золото.

Я воскликнулъ: «Какъ хорошо здѣсь, я бы хотѣлъ попробовать»....

Но Господь сказалъ мнѣ:—Подожди.

Немного спустя я замѣтилъ хорошенькую женщину; она шла куда-то и оглядывалась по всѣмъ сторонамъ; потомъ она быстро нагнула вѣтку, поднесла ко рту висѣвшій на ней плодъ и какъ будто поцѣловала его, послѣ чего она удалилась такъ же незамѣтно, какъ и появилась; не слышно было даже шума ея платья на травѣ. — И когда она скрылась, изъ за деревьевъ показалась другая женщина, такая же миловидная, какъ и первая, въ свѣтломъ, цвѣтномъ одѣяніи, и она тоже озиралась по сторонамъ. Когда она убѣдилась, что тамъ нѣтъ никого, она также притянула къ себѣ вѣтку, выбрала на ней самый лучшій плодъ и прильнула къ нему губами, послѣ чего она удалилась, какъ и первая. И приходило еще много другихъ женщинъ, всѣ онѣ безшумно скользили и также незамѣтно скрывались, какъ и появлялись.

И я спросилъ Бога, что онѣ дѣлаютъ?

— Онѣ отравляютъ плоды, — сказалъ Онъ.

«Какимъ образомъ?»

— Когда онѣ подносятъ плодъ ко рту, онѣ передними зубами прокусываютъ кожицу и вливаютъ туда свой ядъ; укушенное мѣсто онѣ сглаживаютъ губами, чтобы никто его не замѣтилъ, и уходятъ.

«Зачѣмъ онѣ это дѣлаютъ»?

— Чтобы другія не ѣли плодовъ.

«Но если онѣ отравятъ всѣ плоды, то никому нельзя будетъ ѣсть ихъ; что же онѣ выиграютъ»?

— Онѣ ничего не выиграютъ.

«Развѣ онѣ не боятся, что онѣ сами могутъ съѣсть плоды, отравленные другими»?

— Онѣ боятся этого, въ Аду всѣ боятся.

И Богъ повелъ меня дальше. Но озеро показалось мнѣ уже не такимъ прозрачнымъ, какъ прежде.

Направо между деревьями работали мужчины. Я посмотрѣлъ и ска-

залъ: «Мнѣ хотѣлось бы поработать вмѣстѣ съ ними, въ Аду почва должно быть плодородная, трава такая зеленая!»

— То, что растетъ въ этомъ саду, воздѣлываются не ими,—сказалъ Богъ.

И мы стояли и смотрѣли. Мужчины низко нагибались между кустами и копали ямы, но они ничего не сажали въ нихъ. Накрывъ яму хворостомъ и землей, каждый изъ нихъ отходилъ и садился поодаль за кустами, чтобы наблюдать оттуда. И я замѣтилъ, что всѣ они ступали съ большой осторожностью и нащупывали передъ собой дорогу.

Я спросилъ, что они дѣлаютъ.

— Они роютъ ямы своимъ собратьямъ,—сказалъ Господь.

«Зачѣмъ они это дѣлаютъ?»

— Каждый изъ нихъ думаетъ, что если упадетъ его собратъ, то онъ самъ возвысится.

«Какъ можетъ онъ возвыситься?»

— Онъ не можетъ возвыситься.

И я видѣлъ, какъ изъ за кустовъ сверкали глаза ихъ.

«Здоровы ли эти люди»? спросилъ я.

— Они не здоровы, никто не здоровъ въ Аду.

И Господь позвалъ меня дальше. Я ступалъ осторожно, чтобы не попасть въ яму. Мы вышли на открытое мѣсто, гдѣ Адъ переходитъ въ обширную равнину. Среди равнины стояло огромное зданіе. Мраморныя колонны поддерживали крышу, бѣлыя мраморныя ступени вели въ домъ. И вѣтеръ свободно гулялъ въ немъ на просторѣ. Только у задней стѣны висѣла тяжелая занавѣсь. Здѣсь за длинными столами пировали нарядныя женщины и мужчины. Нѣкоторые танцовали; видно было, какъ развѣвались женскія платья, и слышно было, какъ смѣялись пирующіе. Но главное наслажденіе ихъ было въ винѣ; они доставали его изъ большихъ чановъ или кувшиновъ, стоявшихъ у задней стѣны, и я видѣлъ, какъ оно искрилось, когда они его наливали.

Я сказалъ: «Мнѣ хочется войти къ нимъ и выпить вина».

Но Господь сказалъ:—Подожди.

И я увидѣлъ, какъ на пиръ прибывали новые люди; они появлялись изъ за задней стѣны, приподымали одинъ уголъ занавѣси и, быстро проскользнувъ въ залу, тотчасъ же опускали ее за собой. Всѣ они вносили съ собой огромные кувшины, которые съ трудомъ тащили на себѣ. Пирующіе обступали со всѣхъ сторонъ вновь вошедшихъ, а они раскрывали свои кувшины и наливали всѣмъ вина; при этомъ женщины пили даже съ большей жадностью, чѣмъ мужчины. Угостивъ всѣхъ какъ слѣдуетъ, новые гости присоединяли свои кувшины къ тѣмъ, которые уже стояли у стѣны, а сами садились за столъ. И я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ кувшиновъ были очень стары, покрыты плѣсенью и пылью, тогда какъ на другихъ сверкали капли молодаго вина и они сами какъ будто только что вышли изъ печи.

И я внезапно вскрикнулъ: что это? Ибо среди звуковъ пѣсенъ, топота ногъ, смѣха и звона стакановъ я услышалъ пронзительный крикъ. Господь сказалъ мнѣ: «Встань подальше». И онъ повелъ меня на мѣсто, откуда я увидалъ обѣ стороны занавѣси. За домомъ былъ винный прессъ, и тамъ дѣлалось вино. Я видѣлъ, какъ раздавливались виноградныя кисти и слышалъ ихъ крикъ. Я спросилъ: «Развѣ люди пирующіе по ту сторону занавѣси, не слышатъ этого крика?»

— Занавѣсь плотна, и они пируютъ,—сказалъ Богъ.

— Но только что вошедшія туда люди... вѣдь они видѣли?...

— Они опускаютъ за собой занавѣсь и забываютъ то, что видѣли.

— Какимъ же образомъ достается имъ то вино, которое они приносятъ съ собой въ кувшинахъ?

— Виномъ завладѣваютъ только тѣ изъ нихъ, которымъ во время давки винограда удается протиснуться на самый верхъ. Высвободившись изъ пресса, они вскарабкиваются на край чана, зачерпываютъ сверху вино и выходятъ сюда пировать.

— А еслибъ они упали, взбираясь наверхъ?

— Тогда бъ они сами сдѣлались виномъ.

Я стоялъ, наблюдалъ и содрогался.

Господь тоже наблюдалъ, лежа въ солнечномъ сіяніи.

Немного спустя я замѣтилъ, что занавѣсь, висѣвшая у задней стѣны, заколыхалась. Я спросилъ: «Это подулъ вѣтеръ»?.

Богъ сказалъ: «Да, вѣтеръ».

И мнѣ показалось, что извнѣ кто-то напираетъ на занавѣсь и что на ней показались очертанія мужскихъ и женскихъ фигуръ. Скоро и пирующіе замѣтили колебанія занавѣси и стали перешептываться между собой.

Тогда нѣкоторые изъ нихъ встали, собрали самую плохую посуду и слили въ нее все, что оставалось на днѣ опорожненныхъ кувшиновъ. Матери шептали своимъ дѣтямъ: «Не выпивайте все, оставляйте капельку въ вашихъ стаканахъ». И когда они слили всѣ остатки, они выплеснули ихъ прямо подъ занавѣсь, не приподнимая ея съ пола; и послѣ этого движеніе улеглось.

Я спросилъ: «Почему они успокоились?»

Господь сказалъ: «Они пьютъ то, что имъ выплеснули».

Я вскричалъ: «Какъ, свои, *свои собственные соки?*»

— Они попадаютъ къ нимъ съ другой стороны занавѣси, и ихъ томитъ жажда.

И пиршество продолжалось. Но спустя нѣкоторое время изъ подъ занавѣси показалась маленькая блѣдная рука, она точно ползла по полу и протягивалась къ виннымъ кувшинамъ.

— Отчего эта рука такъ безкровна?—спросилъ я.

— Это рука, изъ которой выжаты всѣ соки,—сказалъ Богъ.

И мужчины, сидѣвшіе за столами, тоже увидали эту руку и въ

испугѣ вскочили на ноги; а женщины вскричали, подбѣжали къ чанамъ съ виномъ, обняли ихъ, крича: «Наши, наши собственные, не отдадимъ ихъ»! и обвили ихъ своими длинными волосами.

Я спросилъ Бога: «Отчего эта маленькая рука такъ испугала ихъ?»

— Оттого, что она такая блѣдная,—сказалъ Онъ.

И мужчины цѣлой толпой кинулись къ занавѣси и вступили въ драку съ напиравшими оттуда людьми. Слышно было, какъ они боролись на полу и какъ, наконецъ, сытые побили голодныхъ. А когда занавѣсь по прежнему спокойно опустилась и всѣ вернулись на свои мѣста, я на полу увидѣлъ пятно.

— Отчего не смоютъ они этого пятна?—спросилъ я.

— Они не могутъ смыть его,—сказалъ Господь.

И пировавшіе въ залѣ люди стали собирать камешки и разложили ихъ по всему нижнему краю занавѣси, чтобы она не могла подняться. И, сдѣлавъ это, они опять усѣлись за столы и веселье возобновилось.

Я спросилъ Бога: «Развѣ эти камешки могутъ удержать занавѣсь?»

— А какъ ты думаешь?—сказалъ Онъ.

— А если подуетъ вѣтеръ, то...

— Если подуетъ вѣтеръ?

Въ залѣ продолжали пить и веселиться.

И внезапно я вскричалъ къ Господу: «А еслибъ вдругъ нашелся кто-нибудь въ ихъ средѣ, даже въ *ихъ* же средѣ, кто вскочилъ бы за столомъ и, далеко закинувъ свою чашу, закричалъ бы всѣмъ: «братья, сестры мои, остановитесь! Знаете ли вы, что мы пьемъ?»... и, разодравъ своимъ мечомъ занавѣсь надвое, широко раскрылъ бы обѣ полы ея и закричалъ бы имъ: «Смотрите, братья мои, это не вино, нѣтъ, не вино мы пьемъ, смотрите, о братья, сестры мои»...еслибъ онъ опрокинулъ всѣ»...

Богъ сказалъ: «Замолчи, смотри сюда».

И я посмотрѣлъ: передъ домомъ въ травѣ тянулся рядъ могилъ; цвѣты покрывали ихъ, позолоченные мраморные памятника стояли у ихъ изголовья. Я спросилъ Бога, чьи это могилы?

— Это могилы тѣхъ, которые возвышали свой голосъ во время пиршества и останавливали безуміе своихъ братьевъ.

— Почему они здѣсь погребены?

— Люди, пировавшіе въ домѣ, схватили и выбросили ихъ вонъ.

— Кто же похоронилъ ихъ?

— Тѣ же самые люди, которые выкинули ихъ.

— Какже это они сначала выкинули ихъ, а потомъ сами же поставили имъ памятники?

— Кости выброшенныхъ труповъ громко вопіяли о дѣлахъ ихъ и потому они закрыли ихъ.

И тутъ же въ травѣ я увидѣлъ лежавшее мертвое тѣло, и я спросилъ, почему оно здѣсь лежитъ?

— Тѣло это было выброшено только вчера. Пройдетъ немного

времени, начнетъ гнить мясо, обнажатся кости и тогда они похоронятъ и его и на могилѣ посадятъ цвѣты.

А пиршество становилось все шумнѣе и шумнѣе.

Мужчины и женщины сидѣли за столами и выпивали полные бокалы. Нѣкоторые изъ нихъ выходили изъ за стола, кидались другъ другу на шею и танцовали и пѣли. Провозглашались тосты за тостами, слышалось чоканье бокаловъ; одни пили за здоровіе другихъ и цѣловали другъ друга въ красныя, какъ кровь, уста.

И разгулъ пирующей компаніи переходилъ въ дикую оргію.

Мужчины, которые не могли больше допить того, что оставалось въ ихъ стаканахъ, вставали, выплескивали вверхъ свои остатки, и вино каскадами стекало внизъ на полъ. Женщины окрашивали виномъ свои платья и обагряли имъ крошечные, невинные уста своихъ малютокъ. По временамъ танцующая пара опрокидывала сосудъ, стоявшій на полу, и брызги вина обдавали ихъ платья. Дѣти сидѣли на полу передъ большими чашами съ виномъ и пускали въ нихъ лодочки изъ розовыхъ лепестковъ. Они своими рученками плескались въ винѣ и вздували большіе красные пузыри.

И волны пьянаго разгула подымались все выше и выше.

Бѣшенѣе становились танцы, громче и громче пѣсни. Но въ этой компаніи то здѣсь, то тамъ встрѣчались одинокіе люди, которые не принимали участія въ оргіи. Я видѣлъ, какъ они сидѣли въ разныхъ концахъ залы и, облокотившись на столъ, закрывали лицо руками; они смотрѣли въ стаканы, стоявшіе передъ ними, но больше не пили вина. И когда кто-нибудь дотрагивался до ихъ плеча и звалъ ихъ танцовать или пѣть, они испуганно вздрагивали и опять устремляли свой неподвижный взоръ въ стоявшее передъ ними вино.

И я замѣтилъ также нѣсколько женщинъ, сидѣвшихъ отдѣльно въ разныхъ мѣстахъ. Другія танцовали, или пѣли, или обкармливали своихъ дѣтей; онѣ же сидѣли молча и безъ движенія, склонивъ голову, и какъ будто прислушивались къ чему-то. Дѣти теребили ихъ за платья, но онѣ не замѣчали ихъ и все прислушивались къ какимъ-то непонятнымъ имъ звукамъ.

И оргія все не прекращалась.

Мужчины пили до полнаго опьяненія и, положивъ головы на край стола, тутъ же засыпали тяжелымъ сномъ. Женщины, обезсилѣвшія отъ танцевъ, опускались на скамьи и склоняли головы на плечи своихъ любовниковъ. Малыя, опьянѣвшія отъ вина дѣти лежали въ ногахъ своихъ матерей. По временамъ кто-нибудь порывисто вскакивалъ изъ за стола и опрокидывалъ за собой скамейку; другой, опираясь на перила, свѣшивался съ нихъ, опьянѣвъ до потери сознанія, или шатаясь на ногахъ, подходилъ къ винному чану и безъ чувствъ падалъ около него. Онъ успѣлъ отвернуть кранъ чана, но въ эту минуту сонъ одолѣлъ его, и вино льется на полъ.

Тонкая красная струя течетъ по бѣлымъ мраморнымъ плитамъ; вотъ она достигла лѣстницы; медленно стекаетъ капля за каплей, со ступеньки на ступеньку и, наконецъ, падаетъ на землю и просачивается въ нее. А съ земли подымается бѣлое облако и застилаетъ все кругомъ.

Я не могъ произнести ни одного слова, я задыхался. Но Богъ позвалъ меня и повелъ еще дальше.

И мы пришли на мѣсто, гдѣ на семи холмахъ лежатъ развалины громаднаго зданія; зданіе это когда-то навѣрное было еще больше и солиднѣе, чѣмъ то, которое я только что видѣлъ.

Я спросилъ: «Что дѣлали люди строившіе это зданіе?»

Богъ отвѣтилъ: «Они пировали».

— И тоже пили вино?.

— И тоже пили вино.

И за развалинами дома въ землѣ я увидѣлъ большое кругообразное углубленіе, какое дѣлается для подставки виннаго пресса.

— Почему же рушилось это огромное зданіе?

— Потому что почва подъ нимъ пропиталась виномъ и превратилась въ трясину.

И Богъ повелъ меня дальше.

И когда мы поднялись на холмъ, передъ нами открылись ясныя синія воды, а кругомъ на землѣ лежали обломки бѣлаго мрамора.

— Что было здѣсь прежде?—спросилъ я.

— Домъ пиршествъ и увеселеній.

И когда я взглянулъ на колонны, лежавшія у моихъ ногъ, я громко вскрикнулъ отъ радости: «Здѣсь мраморъ цвѣтетъ!»

— Это былъ когда-то великолѣпный домъ. Никогда не было и никогда не будетъ подобнаго ему. Колонны и статуи въ немъ были какъ живыя. Винные сосуды походили на цвѣты, а занавѣсь съ одной стороны вся была вышита золотомъ, и разукрашена роскошными рисунками.

— Почему же рушился этотъ домъ?—спросилъ я.

— Потому что съ другой стороны занавѣси, тамъ, гдѣ былъ винный прессъ, было темно,—сказалъ Богъ.

И пройдя дальше, мы увидѣли могучій песчаный хребетъ. Темная рѣка пробѣгала здѣсь и высоко поднимались двѣ огромныя возвышенности.

— Какъ огромны онѣ!—воскликнулъ я.

— Да, онѣ огромны,—сказалъ Богъ.

И мнѣ послышались какіе-то звуки. Богъ спросилъ меня, къ чему я прислушиваюсь.

— Я слышу какъ будто плачъ и звукъ наносимыхъ ударовъ, но я не могу понять, откуда раздаются они.

— Это отголоски виннаго пресса еще не замерли среди развалинъ этихъ высотъ. И здѣсь люди когда-то пировали,—сказалъ Господь.

И онъ повелъ меня дальше.

На голомъ безплодномъ склонѣ холма Господь велѣлъ мнѣ остановиться. Я посмотрѣлъ вокругъ себя.

— Здѣсь тоже когда-то стоялъ домъ, въ которомъ пировали люди,— сказалъ Богъ.

— Я не вижу и слѣдовъ дома,—сказалъ я.

— Оттого, что въ немъ не осталось и камня на камнѣ.

И когда я оглянулся, я увидѣлъ на склонѣ одинокую могилу я спросилъ: «Что въ этой могилѣ?»

— Виноградная лоза, раздавленная въ винномъ прессѣ,—отвѣтилъ Богъ.

У изголовья могилы стоялъ крестъ, а въ ногахъ лежалъ терновый вѣнецъ. И когда я повернулся, чтобы уйти съ этого мѣста, я еще разъ оглянулся. Винный прессъ и домъ пирующихъ не оставили за собой ни слѣда, но могила эта уцѣлѣла. Мы пошли дальше. Въ концѣ длинной горной цѣпи начиналась обширная песчаная равнина, она далеко разстилалась передъ нами. Всмотрѣвшись, я увидѣлъ, что по ней разсыпаны большіе камни, но толстый слой песку на половину закрылъ ихъ.

Я сказалъ: «На этихъ камняхъ есть какія-то надписи, но я не могу прочесть ихъ». И Господь сдулъ песокъ съ камней, и я прочелъ: «Взвѣшены на вѣсахъ и найдено»... послѣдняго слова не доставало.

Я спросилъ: «И здѣсь былъ домъ, въ которомъ пировали люди?»

— И здѣсь пировали люди,—сказалъ Господь.

— И у нихъ былъ винный прессъ?

— И у нихъ былъ винный прессъ.

Больше я не спрашивалъ. Я слишкомъ усталъ. Я устремилъ взоръ вдаль и смотрѣлъ сквозь розовый свѣтъ заходящаго солнца.

Далеко впереди я увидѣлъ двѣ огромныя фигуры. Съ высокоприподнятыми крыльями и суровыми чертами лица, онѣ, казалось, смотрѣли вглубь песчаной равнины и стояли тамъ точно въ ожиданіи. Они не походили ни на человѣка, ни на звѣря, но я не спросилъ Бога, кто они, потому что зналъ, что̀ Онъ мнѣ отвѣтитъ.

И утомленный взоръ мой проникалъ все дальше и дальше. Я защитилъ глаза отъ свѣта, и тамъ за сыпучими песками равнины увидалъ одиноко стоящую колонну. Верхушка ея сломилась и зарылась въ песокъ. На обезглавленной колоннѣ сидѣла, сложивъ крылья, обитательница пустыни сѣрая сова, а внизу по песку пробиралась осторожная лиса, волоча за собой свой длинный хвостъ. И взору моему открывались все новые и новые горизонты. Далеко на самомъ краю пустыни показались новые песчаные холмы, и они, навѣрное, за собой скрывали еще что то...

Но я въ изнеможеніи закрылъ глаза и вскричалъ: «Такъ усталъ, такъ усталъ!»

— Ты видѣлъ лишь половину ада,—сказалъ Богъ.

— Но я не могу видѣть больше. Я боюсь ада. Мнѣ страшно проходить даже по своей узкой тропѣ. Иду ли я по землѣ, мнѣ чудится, что я падаю въ вырытую для меня яму. Протяну ли руку, чтобы сорвать плодъ, я со страхомъ отдергиваю ее назадъ, потому что мнѣ кажется, что его уже поцѣловала женщина. Озираюсь ли въ равнинѣ, всѣ холмы ея мнѣ кажутся могилами; прохожу ли мимо камней, я слышу все громкіе вопли; вижу ли танцующихъ людей, мнѣ кажется, что они танцуютъ подъ звуки рыданій, а вино ихъ—живая кровь! О, какъ ужасенъ адъ!

— Куда жъ ты хочешь идти?

— Я хочу вернуться на землю. Тамъ было лучше.

И Господь засмѣялся, но я не знаю, надъ чѣмъ Онъ смѣется. Онъ сказалъ: «Иди за Мной и Я покажу тебѣ небо».

II.

И я проснулся. Было тихо и темно. Звуки экипажей на улицѣ замерли; смѣявшаяся женщина куда-то ушла и шаги полицейскаго больше не раздавались на тротуарѣ. И въ глубокомъ мракѣ ночи мнѣ показалось, что огромная рука легла на мое сердце и сжимаетъ его, какъ въ тискахъ. Я задыхался и переворачивался съ боку на бокъ. Но вслѣдъ затѣмъ я опять заснулъ, и прерванный сонъ мой возобновился.

Мнѣ снилось, что Богъ повелъ меня на край свѣта. Земля кончалась и передо мной зіяла пропасть. Я посмотрѣлъ внизъ и мнѣ показалось, что пропасть бездонна. Но затѣмъ я увидѣлъ два моста, перекинутые на ту сторону—оба они постепенно вели вверхъ.

Я спросилъ Бога, есть ли еще путь, по которому можно перейти туда.

— Есть еще одинъ путь,—сказалъ Богъ,—но до него далеко и онъ ведетъ прямо вверхъ.

Я спросилъ, какъ называются эти мосты, но Богъ сказалъ мнѣ:—«Что въ названіяхъ? называй ихъ какъ хочешь—Добромъ, Правдой, Красотой... ты, все равно, еще не поймешь ихъ».

— Почему же я не могу видѣть третьяго моста?—спросилъ я.

— Его видятъ только тѣ, которые поднимаются по немъ.

— Всѣ ли они ведутъ въ одно и то же небо?

— Небо только одно. Но оно можетъ быть выше и ниже. Тѣ, которые достигли высшихъ ступеней, могутъ спускаться на низшія, чтобы отдыхать на нихъ; но достигшія низшихъ ступеней не всегда имѣютъ силу подняться на высшія. Свѣтъ же вездѣ одинъ и тотъ же.

И на ближайшемъ ко мнѣ мосту—онъ былъ шире другого—я замѣтилъ безчисленное множество слѣдовъ. Я спросилъ, почему по немъ переходило столько народу.

— Этотъ мостъ ведетъ только на низшія ступени, и онъ не такъ круто подымается вверхъ, какъ другіе.

И я замѣтилъ, что также было много слѣдовъ людей, повернувшихъ назадъ, и спросилъ: почему это?

— Кто разъ поднялся на небо—больше не спускается на землю. Но, дойдя до середины моста, нѣкоторыхъ беретъ раздумье, на нихъ находитъ страхъ, что тамъ, на той сторонѣ, можетъ быть, нѣтъ твердаго материка, и тогда они поворачиваютъ назадъ.

— Развѣ оттуда никто никогда не возвращался?

— Никто никогда.

И Богъ повелъ меня черезъ мостъ. Когда мы подошли къ однѣмъ изъ большихъ дверей неба—ибо въ небо ведетъ много дверей, и всѣ онѣ открыты—я взглянулъ наверхъ: двери были такъ высоки, что не видно было ихъ вершины.

И небо показалось мнѣ неизмѣримо великимъ.

Я спросилъ: «Что больше—небо или адъ?»

— Адъ такъ же обширенъ, какъ и небо,—сказалъ Богъ,—но небо выше и глубже. Адъ можетъ быть поглощенъ небомъ, но небо не можетъ быть поглощено адомъ.

И мы вышли. Это было безмолвное и необъятное царство. Съ обѣихъ сторонъ возвышались горы и все было окутано блѣднымъ, прозрачнымъ свѣтомъ. Я замѣтилъ, что свѣтъ этотъ испускали камни и скалы. Я хотѣлъ спросить Бога, отчего это, но Онъ не отвѣтилъ мнѣ.

И я смотрѣлъ и дивился, ибо думалъ, что небо совсѣмъ другое. Немного спустя свѣтъ усилился, какъ онъ усиливается при наступленіи дня. Я спросилъ, не восходитъ ли солнце.

— Нѣтъ,—сказалъ Господь,—мы приближаемся къ тому мѣсту, гдѣ есть люди.

И чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ становилось свѣтлѣе; на скалахъ распускались роскошные цвѣты, по дорогѣ цвѣли всѣ деревья, повсюду сбѣгали веселые ручейки и раздавалось пѣніе птицъ.

Я спросилъ, гдѣ они поютъ?

— Это люди такъ зовутъ другъ друга,—сказалъ Богъ.

И когда мы подошли еще ближе, я увидѣлъ людей; они были нагіе, и тѣла ихъ свѣтились. Я спросилъ Бога, почему они не носятъ одежды.

— Тѣла ихъ испускаютъ свѣтъ и потому они не хотятъ закрывать ихъ.

— А что они дѣлаютъ?—спросилъ я.

— Освѣщаютъ растенія, дабы они росли.

И я замѣтилъ что они работали то группами, то по одиночкѣ, но чаще всего парами, двѣ женщины или двое мужчинъ и еще чаще женщина и мужчина вмѣстѣ. И я спросилъ: почему это?

— Когда мужчина и женщина свѣтятъ вмѣстѣ, получается самый

совершенный свѣтъ. Но есть и много другихъ растеній, каждое изъ нихъ нуждается въ особомъ свѣтѣ.

И изъ одной группы вышелъ человѣкъ и подбѣжалъ ко мнѣ; и когда я взглянулъ на него, мнѣ показалось, что мы играли вмѣстѣ, когда еще были маленькими дѣтьми и что мы однолѣтки. Я сказалъ Богу, что я почувствовалъ.

— На небесахъ всѣ люди чувствуютъ то же, когда встрѣчаютъ друга друга,—сказалъ Господь.

И человѣкъ, подбѣжавшій ко мнѣ, взялъ меня за руку и повелъ меня впередъ.

Проходя между деревьями, онъ громко запѣлъ, и кто-то ему отвѣтилъ. Это была женщина, работавшая съ нимъ вмѣстѣ; онъ подвелъ меня къ ней.

— Ему надо дать напиться, — сказала она; и она черпнула рукой воды и напоила меня (въ аду я бы побоялся пить); затѣмъ, они сорвали плоды и накормили меня. Они сказали мнѣ: «Мы долго освѣщали эти плоды, чтобы они созрѣли». И глядя на то, какъ я ѣлъ, они смѣялись и радовались.

Потомъ мужчина сказалъ женщинѣ: «Онъ очень усталъ, ему надо отдохнуть» (я не спалъ въ аду, я боялся тамъ спать), и онъ положилъ мою голову на колѣна своей подруги и закрылъ меня ея длинными волосами. Я заснулъ, но и во снѣ мнѣ все казалось, что я слышу пѣніе птицъ. Когда же я проснулся, было какъ будто раннее утро, на всемъ лежала свѣжая утренняя роса.

И человѣкъ взялъ меня за руку и повелъ меня на уединенное мѣсто въ скалахъ. Почва была камениста, но изъ нея выглядывали нѣжные ростки растеній и вблизи протекала струя свѣтлой воды. «Это садъ, который воздѣлывается только нами обоими; никто объ этомъ не знаетъ. Каждый день мы здѣсь свѣтимъ и грѣемъ... и посмотри, земля уже треснула и изъ нея сочится вода. А вотъ, уже распустились и цвѣты».

И онъ полѣзъ на скалу, сорвалъ два маленькихъ цвѣточка, на которыхъ еще сверкали капли росы, и подалъ ихъ мнѣ. Я взялъ по одному цвѣтку въ каждую руку, и руки мои свѣтились, пока я держалъ цвѣты. «Когда садъ будетъ готовъ, онъ будетъ для всѣхъ», сказалъ онъ. И онъ вернулся къ своей подругѣ, а я вышелъ на большую свѣтлую дорогу.

Идя по дорогѣ, я услышалъ громкое звучное пѣніе и скоро увидалъ, что это поетъ человѣкъ, у котораго закрыты глаза; вокругъ него стояли его товарищи; закрытые глаза человѣка испускали такой яркій свѣтъ, какого я еще не видѣлъ на небѣ. Я обратился къ одному изъ стоявшихъ тамъ людей и спросилъ, кто этотъ человѣкъ.

— Тише,—сказалъ онъ,—это нашъ пѣвецъ.—Я спросилъ почему изъ глазъ его исходитъ такой свѣтъ.

— Они не видятъ, и мы цѣловали ихъ до тѣхъ поръ, пока они засвѣтились.—И всѣ обступили его.

И я пошелъ дальше. Вдали между деревьями виднѣлась толпа людей, слышны были ихъ смѣхъ и радостные возгласы. Встрѣтивъ ихъ, я замѣтилъ, что они несутъ человѣка, у котораго не было ни рукъ, ни ногъ. Отъ изуродованныхъ частей его тѣла исходилъ такой ослѣпительный свѣтъ, что я не могъ смотрѣть на него. Я спросилъ, кого несутъ.

— Это нашъ братъ,—сказали мнѣ.—Однажды онъ упалъ и сломалъ себѣ руки и ноги; съ тѣхъ поръ онъ не можетъ обходиться безъ нашей помощи, но мы такъ часто дотрогивались до его больныхъ мѣстъ, что они испускаютъ теперь самый яркій свѣтъ на небѣ. Мы носимъ его для того, чтобы онъ освѣщалъ и согрѣвалъ все, что нуждается въ самомъ сильномъ свѣтѣ и теплѣ. Никто не оставляетъ его долго у себя; онъ принадлежитъ всѣмъ.—И толпа прошла дальше.

Тогда я обратился къ Богу и сказалъ: «Это удивительная страна. Я всегда думалъ, что слѣпота и увѣчье большое зло. Здѣсь же люди извлекаютъ изъ него радости!»

— Развѣ ты думалъ, что любовь *нуждается* въ глазахъ или рукахъ?—сказалъ Богъ. И я пошелъ дальше по большой и свѣтлой дорогѣ; по обѣ стороны высокія пальмы подымали свои вершины.

Я сказалъ Богу: «Давно, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ маленькимъ ребенкомъ и всегда, когда я бывалъ одинокимъ или плакалъ, я мечталъ объ этой странѣ, и теперь я больше не уйду отсюда. Я останусь здѣсь и буду свѣтить». И я началъ снимать съ себя платье, дабы я могъ свѣтить, какъ и всѣ въ этой странѣ; но когда я посмотрѣлъ на себя, то увидѣлъ, что тѣло мое не испускаетъ лучей. Я спросилъ Бога, отчего это?

— Развѣ въ твоемъ сердцѣ нѣтъ ни капли темной крови, развѣ въ немъ нѣтъ вражды ни къ кому?

«Есть...» сказалъ я и подумалъ: теперь наконецъ, настало время, когда я могу показать Богу, какова была моя жизнь, когда я могу разсказать ему, какъ дурно обращались со мной мои собратья, какъ они не понимали меня и какъ я всегда старался быть великодушнымъ и благороднымъ къ нимъ... а они... И я началъ говорить, но когда я посмотрѣлъ внизъ, я увидѣлъ, что подъ дыханіемъ моимъ поблекли цвѣты... и я замолкъ.

И Богъ позвалъ меня еще дальше; я же закрылъ лицо своимъ плащемъ и послѣдовалъ за нимъ.

Мы долго шли; скалы становились все выше и круче, и, наконецъ, мы подошли къ подножію горы, вершина которой терялась въ облакахъ. На склонѣ этой горы работали люди; они копали землю громадными заступами; видно было, что они напрягали всѣ свои силы. Нѣкоторые изъ нихъ работали по одиночкѣ, другіе—группами. Крупные капли пота выступали у нихъ на лбу; на рукахъ обозначались ихъ напряженные мускулы. Я сказалъ: «Я не думалъ, чтобы на небѣ люди работали такъ тяжело!» И я вспомнилъ тѣ сады, въ которыхъ люди

пѣли и любили другъ друга, и удивился, почему другіе, выбрали такую тяжелую работу на такомъ голомъ склонѣ горы. И я увидѣлъ, что отъ чела работавшихъ людей падалъ свѣтъ и что капли пота, падавшія на землю, также свѣтились.

Я спросилъ Бога, зачѣмъ они копаютъ землю?

И Господь коснулся моихъ очей и я увидѣлъ, что на землѣ сверкаютъ камни; блескъ ихъ былъ такой ослѣпительный, что прежде я не могъ ихъ видѣть, и я замѣтилъ, что свѣтъ, падавшій отъ чела работавшихъ людей, и свѣтъ этихъ камней былъ одинъ и тотъ же. Каждый разъ, когда работникъ находилъ камень, онъ передавалъ его стоявшему рядомъ, тотъ третьему и т. д. Никто не оставлялъ камней себѣ. А когда откапывался большой тяжелый камень, нѣсколько человѣкъ подбѣгали къ этому мѣсту, подымали его вверхъ и оглашали воздухъ радостными криками, послѣ чего они опять принимались за работу.

Я спросилъ Бога, что они дѣлаютъ съ этими камнями?

И Богъ опять коснулся моихъ очей, дабы укрѣпить мое зрѣніе, и когда я открылъ глаза, я у самыхъ своихъ ногъ увидалъ гигантскую корону. Свѣтъ отъ нея такъ и лился потоками.

— Каждый камень, который они откапываютъ, они вставляютъ въ эту корону,—сказалъ Господь.

Корона эта была сдѣлана по дивному образцу; части ея были выполнены различно, но всѣ онѣ сливались вмѣстѣ и составляли одинъ общій чудный узоръ.

Я сказалъ: «Почему же каждый изъ работниковъ знаетъ, куда онъ долженъ вставлять свой камешекъ, чтобы былъ выполненъ узоръ?»

— Въ свѣтѣ, падающемъ отъ его чела, каждый работникъ видитъ слабыя очертанія всей оконченной короны.

— А какимъ образомъ края камней сходятся такъ плотно, что нигдѣ не видно щелей?

— Камни эти—живые, они растутъ.

— Какую же награду за свой трудъ получаютъ работники?

— Награда ихъ въ томъ, что они видятъ, какъ выполняется та часть узора, надъ которой они трудятся.

— Но вѣдь камни, вставленные прежде, закрываются слѣдующими за ними, а эти послѣдніе также закроются другими?

— Одни камни закрываются другими, но не затемняются ими. Свѣтъ, исходящій отъ всей короны, въ то же время свѣтъ каждаго отдѣльнаго камня. Безъ перваго не могло бы быть и послѣдняго.

— Когда же будетъ окончена вся корона?

— Взгляни на верхъ.—И когда я посмотрѣлъ, я увидѣлъ, что до вершины горы было еще далеко; ея не видно было, она скрывалась за облаками.

И Богъ не сказалъ больше ничего.

Потомъ я взглянулъ на корону—и жгучая тоска и жажда овла-

дѣли мною. Такъ тоскуетъ мать о ребенкѣ, котораго отняла у нея смерть; такъ рвется другъ къ разлученному съ нимъ другу; такъ потухающія очи жаждутъ ускользающей отъ нихъ жизни; такъ юноша жаждетъ любви при первомъ ея пробужденіи, и также жаждалъ и я, но жажда моя была еще сильнѣе, еще жгучѣе.

И я вскричалъ къ Господу: «И я хочу работать здѣсь! И я хочу вставлять камни въ эту чудную корону, дабы вложить и свой крошечный вкладъ въ великую сокровищницу. И хотя бы я проработалъ здѣсь годы и не нашелъ бы ни одного камня, я по крайней мѣрѣ буду вмѣстѣ съ этими людьми, я услышу ихъ радостные крики, когда они найдутъ новый камень, я буду ликовать вмѣстѣ съ ними, буду оглашать воздухъ вмѣстѣ съ ними. Я увижу, какъ будетъ рости корона!» И жажда, проснувшаяся въ моей груди, въ эту минуту была такъ велика, что мнѣ показалось, что и отъ моего чела упали слабые лучи свѣта.

Богъ сказалъ: «Развѣ ты не слышалъ пѣнія въ садахъ?»

Я сказалъ: «Нѣтъ, я ничего не слышу, я вижу одну корону». Я былъ внѣ себя отъ волненія. Я забылъ о цвѣтахъ, которые видѣлъ въ небесахъ подъ нами, и я не слышалъ пѣнія. Я кинулся впередъ, сбросилъ съ себя плащъ и наклонился, чтобы схватить огромный лежавшій тутъ заступъ. Но я не могъ даже приподнять его съ земли.

— Откуда *у тебя* могла взяться сила поднять этотъ заступъ? — сказалъ Господь,—подыми свой плащъ.

И я накинулъ на себя плащъ и послѣдовалъ за Богомъ; но я оглянулся и посмотрѣлъ еще разъ на горѣвшую всѣми огнями корону, на *мою* дорогую корону, за которую я теперь готовъ былъ отдать свою жизнь.

И мы подымались все выше и выше, воздухъ становился все рѣже и рѣже. Мы не встрѣчали больше ни одного дерева, ни одного растенія. Здѣсь царила ненарушимая тишина. Дыханіе мое становилось все чаще и тяжелѣе, кровь медленно текла по жиламъ. Я спросилъ: «И это небеса?»—«Это самыя высшія небеса», сказалъ Богъ.

И мы взбирались все выше и выше. Я сказалъ: «я не могу больше дышать».

— Оттого что воздухъ чистъ?—сказалъ Богъ.

Голова моя закружилась; на кончикахъ пальцевъ выступила кровь.

Но въ это время мы вышли на горную вершину и остановились.

Здѣсь не было ни одного живого существа. Только вдали на уединенной вершинѣ я увидѣлъ одиноко-стоящую фигуру. Я не могъ бы сказать, была ли то женщина или мужчина; формы мнѣ показались женскими, но размѣры ихъ мужскими. Я спросилъ Бога, мужчина ли то, или женщина.

— Здѣсь нѣтъ ни мужчинъ, ни женщинъ,—сказалъ Богъ:—различіе половъ существуетъ только тамъ внизу. Чѣмъ выше небеса, тѣмъ различія меньше; здѣсь его нѣтъ совсѣмъ.

И я видѣлъ, какъ эта огромная фигура наклонялась, видѣлъ мощные взмахи ея рукъ, но не могъ разглядѣть, что́ она дѣлала.

«Какъ попало сюда это существо?» спросилъ я Бога.

— Оно поднялось по тернистому кровавому пути. Ступенька за ступенькой оно взбиралось съ самаго дна преисподней и, пройдя черезъ весь адъ, но еще не достигнувъ неба, оно повисло между двумя мірами. Здѣсь оно провело долгіе годы въ жестокой кровавой борьбѣ. Часъ за часомъ и день за днемъ оно напрягало всѣ свои силы, чтобы подняться выше. И по мѣрѣ того, какъ оно боролось, какъ выростало его тѣло и какъ крѣпли его силы, его старое изношенное одѣяніе стало спадать съ него клочьями; каждую ступень, на которую оно подымалось, оно обливало своимъ потомъ и кровью и—наконецъ, оно достигло этой вершины.

И я опять вспомнилъ тѣхъ людей, которые тамъ въ садахъ пѣли и обнимали другъ друга, вспомнилъ работниковъ, трудившихся вмѣстѣ на склонѣ горы, и мнѣ стало жутко на этой вершинѣ.

Я сказалъ: «Развѣ здѣсь не страшно одиноко?»

— Нигдѣ нѣтъ одиночества—сказалъ Богъ.

«Но какой же цѣли достигло здѣсь это существо? Я не вижу, въ чемъ его награда».

Тогда Богъ коснулся моихъ очей и я увидѣлъ, какъ подъ нами въ безпредѣльномъ пространствѣ развернулись небеса и адъ; я увидѣлъ все, что было на небесахъ и въ аду.

Богъ сказалъ: «Для стоящаго на этой высотѣ открыта вся вселенная. Онъ видитъ сіяніе въ небѣ, цвѣты, которые распускаются подъ этимъ сіяніемъ, и ручейки, сверкающіе на скалахъ. До его слуха доносятся радостные крики работающихъ на горѣ людей; ему видно, какъ растетъ корона и какъ изъ нея льется свѣтъ. Передъ нимъ открытъ также весь адъ. Онъ видитъ, какъ изъ него тропинки ведутъ вверхъ. Для него адъ то зерно посѣва, изъ котораго выростаютъ небеса. Его зрѣнію доступно восхожденіе физическихъ соковъ до самой вершины».

И я снова взглянулъ на одиноко стоящую на горѣ фигуру и увидѣлъ, что она надъ чѣмъ-то склонилась и что свѣтъ упалъ отъ ея лица.

Я спросилъ: «Что она дѣлаетъ?»

— Ударяетъ по струнамъ арфы,—сказалъ Богъ.

И Господь коснулся моихъ ушей и я услышалъ музыку, какой еще никогда не слыхалъ прежде. Долго слушалъ я и наконецъ прошепталъ: «Да, это небо». И Господь спросилъ меня, отчего я плачу, но я не могъ произнести ни одного слова отъ радости.

И стоявшее на вершинѣ существо обратило ко мнѣ свой ликъ, и свѣтъ упалъ на меня. Тогда меня окружило такое сіяніе, что я не могъ больше различать отдѣльныхъ предметовъ, я не могъ больше сказать, гдѣ Богъ, гдѣ то существо, гдѣ я; всѣ мы слились въ одно. Я вскричалъ: «Гдѣ ты, о Господи!» Но отвѣта не было. Только звуки да свѣтъ.

Когда же я очнулся и свѣтъ сталъ настолько слабѣе, что я опять могъ различать отдѣльные предметы, я увидѣлъ, что стою плотно закутавшись въ свой старый сѣренькій плащъ; а Богъ и одинокая фигура на вершинѣ снова предстали передъ моими глазами каждый отдѣльно.

Я не посмѣлъ сказать, что я хочу подняться на ту вершину, хочу ударять по струнамъ арфы. Я зналъ, что я такъ малъ, что не могу достать и до колѣна этой гигантской фигуры, что не могу даже пошевельнуть его арфой. Но я подумалъ, что останусь здѣсь на этой горѣ и тихо буду подпѣвать этой дивной музыкѣ. И я началъ подтягивать, но голосъ мой захрипѣлъ, задрожалъ и оборвался. Я не могъ вывести ни одного звука—и замолчалъ.

И Богъ приказалъ мнѣ выйти изъ неба.

Но я вскричалъ къ Господу: «О, позволь мнѣ остаться, Боже! Если ужъ правда то, что я не достоинъ оставаться на небѣ, и я знаю, что я не достоинъ этого, знаю, что я слишкомъ ничтоженъ, чтобы пѣть на этой горѣ, слишкомъ слабъ, чтобы работать на ея склонѣ, слишкомъ грѣшенъ, чтобы свѣтить и любить внизу въ садахъ—то позволь мнѣ хоть, Господи, встать у самаго входа; смиренно я преклоню колѣна и, когда будутъ входить спасенные, я увижу на ихъ лицѣ сіяніе, услышу ихъ пѣніе въ садахъ».

Богъ сказалъ: «Это невозможно». И Онъ снова указалъ мнѣ на выходъ.

Я вскричалъ: — «Если ужъ мнѣ нельзя оставаться на небѣ, то позволь мнѣ хоть спуститься въ адъ, Господи! Я подойду тамъ къ мужчинамъ и женщинамъ, возьму ихъ за руку и, такъ поддерживая другъ друга, мы вмѣстѣ проложимъ себѣ дорогу наверхъ». Но Богъ все также повелительно указывалъ мнѣ на выходъ.

И я въ отчаяніи упалъ на землю и закричалъ: «О, земля такъ ничтожна, такъ низменна! Это невозможно, чтобы душа, побывавшая на небѣ, вновь была бы исторгнута изъ него!»

Но Господь положилъ на меня свою руку и сказалъ мнѣ:

— Вернись на землю; *тамъ ты найдешь то, чего ищешь.*

И я проснулся. Было уже утро. Тишина и мракъ ночи исчезли, и сквозь узенькое окно моей комнаты врывался свѣтъ другого новаго дня. Но я закрылъ глаза и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Мнѣ было невыносимо смотрѣть на этотъ скучный сѣренькій свѣтъ. Внизу на улицѣ проходили люди цѣлыми толпами, и я слышалъ, какъ раздавались ихъ шаги на тротуарѣ. Проходили мужчины по своимъ дѣламъ, прислуга съ порученіями, ученики спѣшащіе въ школу, усталые профессора, медленно шагающіе по улицѣ, проституты и проститутки, еле влачащіе ноги послѣ ночного распутства, художники со своей живой нетерпѣливой походкой, торговцы за получкой денегъ, дѣти нищихъ за милостыней... Я слышалъ, какъ протекалъ подъ моимъ окномъ весь

этотъ шумный потокъ людей. А въ концѣ улицы, гдѣ онъ впадалъ въ новое русло, старая шарманка наигрывала какую-то мелодію. По временамъ она дребезжала и почти останавливалась. Но потомъ снова подхватывала свою пѣсенку и мнѣ казалось, что звуки ея похожи на разбитый человѣческій голосъ. Я слушалъ и сердце мое почти остановилось, оно было холодно, какъ свинецъ. Мнѣ противенъ былъ весь этотъ скучный длинный день впереди, и я старался заснуть. Но шаги на улицѣ не нереставали раздаваться у меня въ ушахъ. И вдругъ я ясно услышалъ, что шаги эти громко кричали мнѣ: «и мы ищемъ, и мы ищемъ!» Разбитая шарманка на улицѣ плакала и рыдала по красотѣ, по гармоніи, а остановившееся сердце мое ожило и съ каждымъ біеніемъ пульса громко повторяло себѣ: «Любовь, Правда, Красота, Гармонія». Да, это были тѣ же звуки, которые я слышалъ на небѣ, но которые тамъ были недоступны для меня.

И я совершенно очнулся. Сквозь узкое окно моей комнаты проникала блѣдная полоса лондонскаго свѣта и падала поперегъ моей постели на одѣяло. Я улыбнулся и всталъ.

Я былъ радъ, что весь длинный день былъ впереди меня.

АВТОТОМІЯ И БОЛЕВАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ У ЖИВОТНЫХЪ.

(БІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Виктора Фаусека.

I.

Когда я мальчикомъ жилъ въ деревнѣ, я часто интересовался лѣтомъ тѣмъ особеннымъ видомъ спорта, которому предавались наши кошки на сухихъ лужайкахъ и дорожкахъ сада. Это были именно страстныя любительницы охоты за ящерицами. Если кошкѣ удавалось поймать ящерицу, она съ такимъ же аппетитомъ и такимъ же ворчаніемъ уписывала свою сухую добычу, съ какимъ уплетала жирныхъ мышей. Но часто въ лапахъ кошки оставался одинъ хвостъ ящерицы, владѣтельница котораго, пожертвовавшая хвостомъ, благополучно удирала въ траву. Тогда этотъ маленькій отрѣзокъ ящерицы вызывалъ одинаковое недоумѣніе и у меня, и у кошки: онъ продолжалъ быстро сокращаться и гнуться во всѣ стороны, катаясь по землѣ и даже однимъ концомъ надъ ней приподымаясь, точно прыгая. Кошка долго трогала его то одной лапой, то другой и, наконецъ, рѣшалась его съѣсть. Во мнѣ эти быстрыя движенія оторваннаго хвоста возбуждали странное, жуткое и суевѣрное чуство—совершенно такое же, какъ прыгающія индѣйки, которымъ поваръ только что отрѣзалъ голову. Я не зналъ, живы онѣ или нѣтъ.

Года три тому назадъ я жилъ весной въ Помпеѣ, около Неаполя, и имѣлъ случай возобновить въ памяти свои дѣтскія впечатлѣнія. Ящерицъ въ окрестностяхъ Неаполя повсюду неисчислимое множество и, вѣроятно, итальянскія кошки такъ же охотно ихъ ловятъ, какъ и малороссійскія; но въ Помпеѣ этой охотой страстно увлекались собаченки изъ гостинницы, гдѣ я обѣдалъ. Онѣ увязывались за мной на прогулкахъ и съ азартомъ бросались на всякую шмыгнувшую въ травѣ или камняхъ ящерицу; ловкости у нихъ однако было меньше, чѣмъ у кошекъ, и ящерица обыкновенно проскальзывала между ногами собаченки какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она уже думала держать добычу въ зубахъ.

Но кошки и собаки во всякомъ случаѣ лишь случайные, рѣдкіе враги ящерицъ. Жестокими и постоянными ихъ врагами являются змѣи.

Тамъ же, въ Помпеѣ, я присѣлъ однажды отдохнуть на край узкой дорожки между двумя виноградниками; внезапный шорохъ заставилъ меня оглянуться, и я увидѣлъ, какъ изъ виноградника быстро выбѣжала на середину дорожки ящерица, а за ней, точно стрѣла, пущенная изъ лука, вылетѣлъ большой ужъ, вытянувшійся чуть не въ прямую линію. Я никогда не подозрѣвалъ прежде за ужами способности къ такимъ сильнымъ и быстрымъ движеніямъ: уползая отъ человѣка, они никогда не движутся съ такой быстротой. Выскочивши на середину дорожки и увидѣвши меня, оба животныхъ сразу остановились. Ящерица, привыкшая къ виду людей, побѣжала мимо меня дальше. Осторожный ужъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и ушелъ назадъ въ виноградникъ, отказавшись отъ дальнѣйшей охоты.

Во всякомъ случаѣ, отъ всѣхъ этихъ враговъ, и собакъ, и кошекъ, и змѣй, ящерицѣ нерѣдко удается спастись, оставляя имъ на память часть своего хвоста. На большой шоссейной дорогѣ, проходящей мимо Помпеи въ Салерно, мнѣ случалось на разстояніи 5—10 минутъ ходьбы насчитывать болѣе сотни ящерицъ и изъ нихъ бывало до 10% безхвостыхъ, т. е. побывавшихъ уже въ передѣлкѣ. Всѣ онѣ спаслись только тѣмъ, что лишились хвоста. Кончикъ хвоста играетъ у нихъ роль отступного или выкупа, которымъ онѣ отдѣлываются отъ враговъ.

Я думалъ ребенкомъ—да и всѣ такъ думаютъ,—что кошка отрываетъ хвостъ у ящерицы когтями или зубами. А между тѣмъ это невѣрно. Не кошка отрываетъ хвостъ у ящерицы, а она сама его у себя обламываетъ, чтобы оставить въ зубахъ у кошки. Въ извѣстной сказкѣ Всеволода Гаршина («То, чего не было») ящерица, у которой вмѣсто оторваннаго хвоста выросъ новый, но дрянной и корявый, на вопросъ, какъ она повредила себѣ хвостъ, скромно, но съ достоинствомъ говорила: «мнѣ оторвали его за то, что я рѣшилась высказать свои убѣжденія». Но она безсовѣстно хвастала: она сама себѣ оторвала хвостъ.

Есть еще одинъ извѣстный всякому ребенку аналогичный примѣръ. Если вы хотите схватить паука-сѣнокосца (*Phalangium*), то часто въ рукахъ у васъ остается одна или двѣ изъ его длиннѣйшихъ ногъ, а самъ паукъ на остальныхъ ногахъ удираетъ. И оторванныя ноги его продолжаютъ, какъ хвостъ ящерицы, еще долго двигаться, дѣлая такія же странныя движенія. Здѣсь также вамъ кажется, что вы неосторожнымъ рѣзкимъ движеніемъ вырвали у паука его ногу, которая будто бы «слабо сидитъ». Но и это невѣрно: ноги у пауковъ-сѣнокосцевъ сидятъ такъ же крѣпко, какъ у всякихъ другихъ, и они сами отрываютъ ихъ и оставляютъ вамъ на память, лишь бы освободиться.

До самаго послѣдняго времени подобные факты, какъ потеря ящерицею хвоста, а паукомъ-сѣнокосцемъ ногъ при преслѣдованіи, не оста-

навливали на себѣ вниманія натуралистовъ: то, что интересовало дѣтей, переставало интересовать взрослыхъ, благодаря своей обыденности. Извѣстный психическій процессъ: то, что обыденно и постоянно повторяется, теряетъ для насъ интересъ и кажется «само собою разумѣющимся» и «ничего особеннаго не представляющимъ», хотя бы въ сущности явленіе оставалось намъ совершенно непонятнымъ, да и наблюдалось невѣрно. Великій даръ науки и состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что она ломаетъ эти цѣпи умственной привычки и находитъ новое и интересное тамъ, гдѣ для обыкновеннаго человѣческаго взгляда не видится ничего достойнаго вниманія.

Первый, кто обратилъ вниманіе и кто приступилъ къ точному наблюденію и изученію описанныхъ выше и имъ подобныхъ фактовъ, былъ бельгійскій физіологъ Léon Fredericq. Ему принадлежитъ заслуга поставить на очередь физіологическаго изученія цѣлый рядъ любопытныхъ явленій животнаго организма.

II.

Первое впечатлѣніе, которое остается, когда ящерица убѣгаетъ, а хвостъ ея лежитъ на землѣ, это то, что хвостъ у нея состоитъ изъ

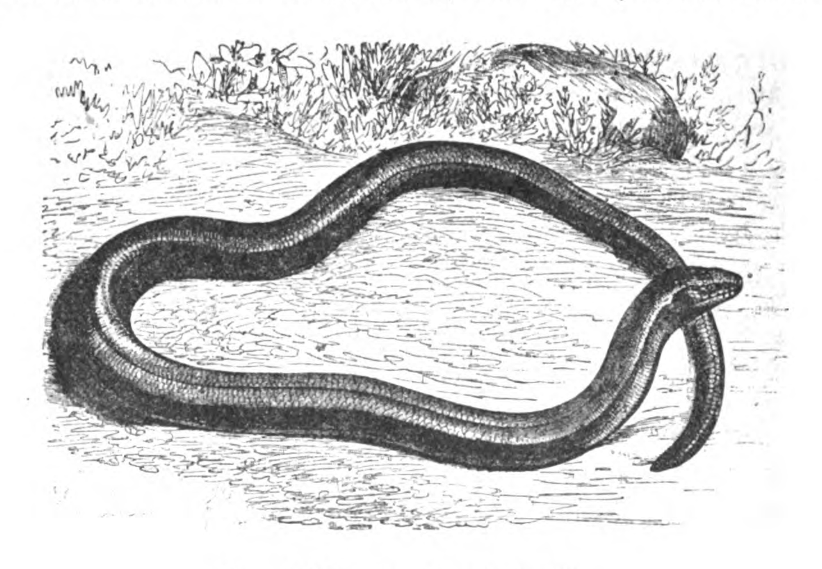

Рис. 1. Мѣдянка. Anguis fragilis.

ломкаго, хрупкаго материала, легко ломается при рѣзкихъ движеніяхъ или неосторожномъ прикосновеніи, легко отрывается, если за него потянуть. Такое объясненіе, невольно и полусознательно, и давалось всегда этому явленію, какъ это можно уже видѣть изъ нѣкоторыхъ названій; такъ, веретеница или мѣдянка — извѣстная безногая ящерица, принимаемая обыкновенно за змѣю—получила въ зоологіи названіе *An-*

guis fragilis (ломкая); о томъ же качествѣ свидѣтельствуетъ ея французское названіе—serpent de verre. Въ этомъ убѣжденіи поддерживало натуралистовъ еще и самое строеніе скелета ящерицы; въ каждомъ хвостовомъ позвонкѣ остается по серединѣ неокостенѣвшая поперечная перегородка. Вдоль этой перегородки и ломается всегда позвонокъ при отрываніи хвоста.

А между тѣмъ хвостъ у ящерицы не ломче и не легче разрывается, чѣмъ у любого другого животнаго. Fredericq убѣдился въ этомъ опытами надъ мертвыми животными: къ хвосту мертвой веретеницы (мертвой уже въ теченіе сутокъ, и мышцы и нервы которой были уже вполнѣ парализованы), онъ сталъ подвѣшивать тяжесть до тѣхъ поръ, пока хвостъ не оборвался. Для этого потребовался вѣсъ болѣе 490 граммовъ; само животное вѣсило 19 граммовъ; нуженъ былъ, слѣдовательно, вѣсъ, въ 25 разъ превышающій вѣсъ животнаго, чтобы оторвать у него хвостъ.

Хвостъ другихъ ящерицъ представляетъ также совершенно неожиданное сопротивленіе. Frenzel дѣлалъ опыты надъ однимъ крупнымъ видомъ американскихъ ящерицъ (*Tupinambis teguixin*) въ южной Америкѣ. У мертвой *Tupinambis* такъ же трудно оторвать хвостъ, какъ и лапу, и Frenzel долженъ былъ употребить на это все усиліе, на какое былъ способенъ. А между тѣмъ, эта ящерица съ чрезвычайною легкостью обламываетъ себѣ хвостъ, если схватитъ за него. Безхвостыя *Tupinambis* такъ часто попадаются въ Аргентинѣ, что у мѣстныхъ жителей сложилось повѣрье, будто они отъѣдаютъ себѣ хвосты во время зимней спячки.

Ясно, слѣдовательно, что потеря ящерицею хвоста не есть простое слѣдствіе его непрочности или хрупкости. Если осторожно подвѣсить живую мѣдянку, какъ это дѣлалъ Фредерикъ, за хвостъ, головою внизъ, она начинаетъ извиваться во всѣхъ направленіяхъ, но хвостъ не отрывается. Если же причинить сильное раздраженіе кончику хвоста, ущипнуть его, обжечь или отрѣзать маленькій кусочекъ ножницами, тотчасъ же путемъ нѣсколькихъ боковыхъ движеній хвостъ обламывается, животное падаетъ на землю и уползаетъ. Можно немедленно повторить опытъ, поднявши вновь животное за хвостъ: какъ только его ущипнутъ или сильно сдавятъ—животное отломаетъ еще кусочекъ хвоста и освободится опять.

Хвостъ, такимъ образомъ, не отламывается, не отрывается у ящерицы, а она сама себѣ его отламываетъ, опредѣленнымъ и энергичнымъ сокращеніемъ мускулатуры. У мертваго животнаго мускулатура бездѣйствуетъ и хвостъ такъ же мало отламывается, отрывается съ такимъ же трудомъ, какъ и нога. Но при жизни, при извѣстномъ достаточно сильномъ пораненіи или раздраженіи хвоста,—путемъ сильнаго сокращенія опредѣленныхъ мышцъ переламывается одинъ изъ хвостовыхъ позвонковъ, разрывается кожа и кончикъ хвоста отбра-

сывается. Мышцы обрываются при этомъ всегда въ мѣстѣ ихъ перехода въ сухожилье и никогда не происходитъ разрыва самихъ мышечныхъ волоконъ. Извѣстно, что эта часть тѣла обладаетъ способностью возстановленія у ящерицъ, что вмѣсто оторваннаго хвоста у нихъ выростаетъ новый, который, впрочемъ, въ большей или меньшей степени отличается по строенію отъ стараго: утраченные позвонки замѣняются хрящевымъ стрежнемъ; у нѣкоторыхъ ящерицъ вновь выростающій хвостъ отличается различными признаками—формой чешуй и другими—отъ первоначальнаго. Понятно, слѣдовательно, какое важное значеніе должна имѣть въ жизни ящерицъ, въ ихъ борьбѣ за существованіе, способность отламывать себѣ хвостъ: если кто-либо изъ многочисленныхъ враговъ ящерицы поймаетъ ее за хвостъ, она оставляетъ конецъ хвоста у него въ зубахъ, а сама убѣгаетъ. Хотя отсутствіе части хвоста и нарушаетъ нѣсколько ловкость движеній ящерицъ, но тѣмъ не менѣе жизнь спасена, а хвостъ выростаетъ новый.

Но вотъ вопросъ: насколько понимаетъ ящерица то, что она дѣлаетъ, насколько сознательно въ ней это пожертвованіе хвостомъ для спасенія жизни? есть ли это отрываніе хвоста актъ добровольный, которое животное можетъ совершать или не совершать по произволу, или это простой рефлексъ, гдѣ мышечное дѣйствіе автоматически слѣдуетъ за раздраженіемъ, внѣ участія сознанія и воли. Опыты даютъ на это прямой отвѣтъ: у только что обезглавленной ящерицы отдѣленіе хвоста происходитъ такъ же легко и быстро (и даже легче), какъ у нормальной. Такъ какъ у ящерицъ, какъ и у другихъ позвоночныхъ, органомъ психической дѣятельности и воли слѣдуетъ считать, конечно, головной мозгъ, то, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ чистый рефлексъ. Можно опредѣлить даже до извѣстной степени мѣсто, гдѣ находится центръ этого рефлекса въ спинномъ мозгу. Если перерѣзать ящерицу пополамъ такъ, чтобы разрѣзъ прошелъ какъ разъ впереди заднихъ ногъ — обламываніе хвоста еще можетъ совершаться; если разрѣзъ прошелъ позади заднихъ ногъ—хвостъ не обламывается больше.

Хотя эти опыты и доказываютъ, что отрываніе хвоста можетъ протекать какъ чистый рефлексъ, путемъ мѣстнаго раздраженія—они не могутъ еще служить доказательствомъ, чтобы воля и сознаніе животнаго никогда въ немъ не участвовали, чтобы оно не могло быть вызвано и со стороны головнаго мозга, напр., путемъ извѣстныхъ психическихъ аффектовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, не случалось наблюдать, чтобы какія бы то ни было другія вліянія и раздраженія могли вызвать у ящерицы обломъ хвоста, помимо его непосредственнаго раздраженія (непосредственное раздраженіе даннаго нервнаго центра въ спинномъ мозгу, вѣроятно, дало бы этотъ результатъ). Но что во всякомъ случаѣ ящерица не можетъ сознательно, разумно управлять отламываніемъ своего хвоста — на это указываетъ слѣдующій опытъ Фредерика. Онъ приклеилъ тесьму клеемъ къ основанію хвоста яще-

рицы и затѣмъ держалъ ее за тесьму на неровной, шероховатой поверхности, дававшей животному возможность свободно пользоваться своими ногами. Животное хочетъ убѣжать, напрягаетъ всѣ свои силы. чтобы освободиться, но хвоста не обламываетъ. Тогда авторъ ущипнулъ ее за самый кончикъ хвоста: хвостъ отдѣлился, но позади мѣста прикрѣпленія тесьмы, такъ что животное не освободилось и не купило себѣ свободы лишеніемъ хвоста. Обрывъ хвоста является, такимъ образомъ, автоматическимъ, рефлекторнымъ слѣдствіемъ мѣстнаго раздраженія, и животное не можетъ, повидимому, управлять имъ сознательно. «Природа, — говоритъ Фредерикъ, — не дѣлаетъ ящерицу судьею того, слѣдуетъ или не слѣдуетъ жертвовать хвостомъ; переломъ хвоста производится слѣпымъ нервнымъ механизмомъ, всякій разъ, какъ нервы хвоста раздражены».

Эту способность ящерицы и многихъ другихъ животныхъ—активно, сокращеніемъ мышцъ, отламывать отъ себя опредѣленныя части тѣла въ интересахъ самозащиты, Фредерикъ назвалъ автотоміей (autotomie).

III.

Всего подробнѣе были изслѣдованы Фредерикомъ явленія автотоміи у крабовъ, гдѣ они происходятъ съ чрезвычайною легкостью и характерностью. Кто ловилъ когда-нибудь, купаясь на берегу моря, маленькихъ крабовъ, гнѣздящихся въ щеляхъ морскихъ камней, тому случалось, конечно, наблюдать, что крабъ, вытащенный изъ воды, если вы держите его за обѣ клешни, внезапно отдѣляется и падаетъ обратно въ воду, оставляя свои клешни у васъ въ рукахъ. Это такое же явленіе самокалѣченія, рефлекторной ампутаціи, какъ обламываніе хвоста у ящерицы. Обламываться могутъ не одни клешни, но, хотя и съ меньшею легкостью, и остальныя ноги, и можно одного и того же краба послѣдовательно заставить лишиться всѣхъ десяти ногъ. Обламывается нога у самаго основанія и всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Ноги раковъ состоятъ, какъ извѣстно, изъ нѣсколькихъ члениковъ съ очень твердымъ хитиновымъ покровомъ, соединенныхъ посредствомъ сочлененій болѣе мягкихъ. Самые членики тверды и негибки, и движеніе ноги происходитъ всегда только въ сочлененіи. Казалось бы, можно было ожидать, что и разрывъ конечности происходитъ всегда въ болѣе мягкомъ сочлененіи—однако нѣтъ, нога ломается всегда въ членикѣ, и притомъ всегда въ одномъ и томъ же— во второмъ членикѣ, считая отъ основанія ноги. Членикъ ломается всегда поперекъ, и плоскость разрыва совершенно гладкая, съ ровными краями и гладкою поверхностью—нисколько не похожая на разорванную рану. Послѣ ампутаціи ноги отъ нея остается при тѣлѣ только первый членикъ и часть второго. Второй членикъ ноги крабовъ соотвѣтствуетъ на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ сравненіе съ чле-

пистыми придатками другихъ десятиногихъ раковъ, двумъ сросшимся членикамъ—граница ихъ и видна еще въ видѣ борозды или шва на поверхности второго членика. Вдоль этого шва онъ и ломается поперекъ.

И здѣсь точно также, какъ и въ случаѣ съ ящерицей, было бы ошибочно думать, что ноги крабовъ отличаются особенною ломкостью или слабо прикрѣплены къ туловищу, такъ что легко могутъ быть вырваны. У мертваго краба ноги сидятъ прочно и выдерживаютъ иногда подвѣшенную тяжесть, въ сто разъ превышающую вѣсъ всего тѣла, раньше чѣмъ оторваться. То же самое будетъ и съ живымъ крабомъ, если ему разрушить нервную систему (брюшной узелъ головогруди).

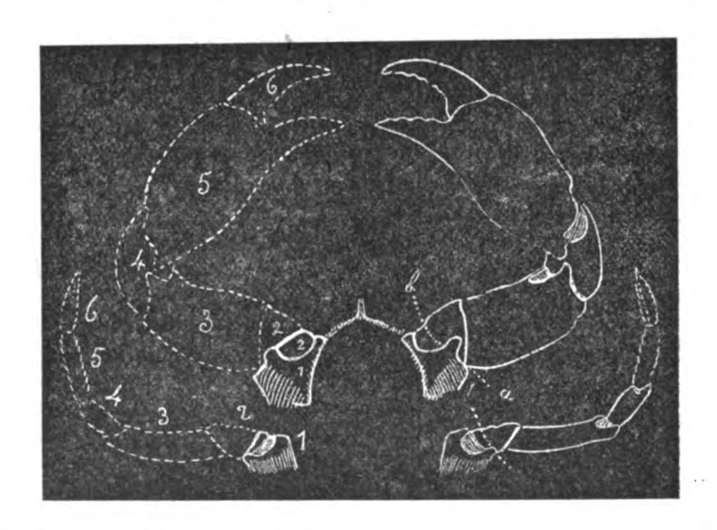

Рис. 2. Двѣ переднія пары ногъ краба (*Platycarcinus pagurus*), съ брюшной стороны ($^1/_3$ натур. величины). Пунктирная линія *a—b* показываетъ мѣсто, гдѣ происходитъ автотомія. На лѣвой сторонѣ полной чертой обрисованы лишь тѣ части конечностей, которыя остаются послѣ автотоміи; отпадающая часть конечностей обрисована пунктиромъ. 1—6—послѣдовательные членики ноги. По Fredericq.

Въ одномъ опытѣ Фредерика у маленькаго краба (*Carcinus maenas*), у котораго былъ уничтоженъ брюшной узелъ, передняя нога (клешня) выдерживала тяжесть въ $3^1/_2$ килограмма, и была вырвана лишь грузомъ въ 4 килограмма *). При этомъ, когда отрываютъ ногу у мертваго краба, она никогда почти не обрывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ она ломается у живого—т.-е. поперекъ второго членика: разрывъ про-

*) Надо, впрочемъ, сказать, что такое значительное сопротивленіе нога оказываетъ разрыву, если направленіе приложенія силы параллельно оси ноги: сопротивленіе гораздо меньше, когда сила дѣйствуетъ по направленію сухожилья той мышцы, которая вызываетъ автотомію, о которой сейчасъ будетъ идти рѣчь. Во всякомъ случаѣ опыты эти указываютъ на значительную прочность тканей ноги и на существованіе особаго механизма для ея разрыва и заранѣе существующаго въ ногѣ мѣста наименьшаго сопротивленія, гдѣ этотъ разрывъ долженъ произойти.

исходитъ обыкновенно въ мѣстѣ прикрѣпленія ноги къ туловищу, иногда въ сочлененіи перваго членика со вторымъ. При этомъ одна особенность, чрезвычайно характерная для явленія автотоміи: когда нога насильно вырвана, образуется разорванная рана, изъ которой торчатъ пучки мышцъ; если нога отдѣлена самимъ животнымъ, путемъ автотоміи—плоскость разрыва представляется совершенно гладкою, съ ровными краями, безъ всякихъ слѣдовъ разрыва, и не кровоточитъ. Добровольная потеря конечности у краба не сопровождается, слѣдовательно, потерею крови, тогда какъ изъ перерѣзанной ноги кровь вытекаетъ въ значительномъ количествѣ.

Итакъ, и у краба, какъ у ящерицы, потеря конечности, такъ часто наблюдающаяся, когда его ловятъ, происходитъ не случайно, не вызвана природною слабостью конечности, а есть актъ, совершаемый самимъ животнымъ, результатъ его мускульной дѣятельности.

И здѣсь Фредерикъ сдѣлалъ нѣсколько опытовъ для рѣшенія вопроса, есть ли это сознательный, разумный и произвольный актъ, или онъ протекаетъ внѣ сферы сознанія и воли животнаго.

На днѣ большого деревяннаго ящика Фредерикъ набилъ гвоздей и привязалъ къ каждому гвоздю за ногу крупнаго и здороваго краба *Carcinus maenas*; съ помощью нѣсколькихъ положенныхъ туда же намоченныхъ водою губокъ въ ящикѣ поддерживалась необходимая влага. Крабы, конечно, старались освободиться; если слегка стукнуть по ящику, всѣ крабы принимались работать ногами, пытаясь убѣжать. Однако всѣ ихъ попытки были безплодны и въ теченіе всего времени, пока длился опытъ, ни одному крабу не пришло въ голову ампутировать себѣ привязанную ногу. Опытъ длился около шести часовъ; по истеченіи же этого времени достаточно было крѣпко ущемить привязанную ногу, чтобы она немедленно отдѣлилась у основанія—и крабъ получалъ свободу. Значитъ, способность къ автотоміи все время существовала у краба, но онъ не умѣлъ ею воспользоваться. Или если у такого же привязаннаго краба внезапно отрѣзать ножницами кончикъ одной ноги—но не той, за которую онъ привязанъ—крабъ пытается пуститься въ бѣгство и немедленно отбрасываетъ пораненную ногу, хотя это самопожертвованіе въ данномъ случаѣ не даетъ ему свободы—онъ остается привязаннымъ по прежнему.

Эти опыты заставляютъ принять, что крабъ не можетъ произвольно управлять своею способностью къ автотоміи, не можетъ направлять ее цѣлесообразно и разумно. И у краба автотомія есть чистый рефлексъ. Если у него разрушить надглоточный нервный узелъ, то ампутація ноги при ея раздраженіи совершается съ такою же легкостью и быстротою, какъ и прежде. То же самое наблюдается у животнаго, приведеннаго въ безсознательное состояніе путемъ эфира или хлороформа: хлороформированный крабъ лежитъ неподвижно, но если его крѣпко схватить за ногу и прищемить ее—нога отрывается.

Напротивъ. если у краба разрушить лежащій въ головогруди брюшной нервный узелъ — ту часть нервной системы, которая непосредственно снабжаетъ какъ чувствительными, такъ и двигательными нервами конечности—способность къ автотоміи исчезаетъ, и, какъ мы видѣли, требуется уже большое усиліе, чтобы оторвать ногу отъ туловища.

Автотомія конечностей у крабовъ является, слѣдовательно, актомъ чисто рефлекторнымъ, происходящимъ безъ участія воли и сознанія животнаго, при содѣйствіи брюшного нервнаго узла и выходящихъ изъ него чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ. Въ брюшномъ узлѣ лежитъ центръ тѣхъ движеній, сокращенія тѣхъ мышцъ, работою которыхъ совершается автотомія. И Фредерику удалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызывать автотомію конечностей путемъ непосредственнаго раздраженія (посредствомъ электричества) брюшного нервнаго узла.

При естественныхъ же условіяхъ ампутація конечности наступаетъ автоматически всякій разъ, когда ея чувствительные нервы подвергаются достаточно сильному раздраженію. Чѣмъ вызывается это раздраженіе—будетъ ли оно механическое, давленіе или разрѣзъ,—термическое, обжогъ, или электрическое — все равно, разъ раздраженіе достигло извѣстныхъ предѣловъ, автоматическій нервномышечный аппаратъ приходитъ въ движеніе и пораженная нога отдѣляется. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что нога краба не на всемъ своемъ протяженіи одинаково способна получать возбужденіе къ автотоміи: послѣдній членикъ ея и конецъ предпослѣдняго можно безнаказанно давить и рѣзать, не вызывая ампутацію ноги; лишь начиная съ основанія предпослѣдняго членика сильное раздраженіе влечетъ за собой автотомію.

У крабовъ Фредерику удалось глубже проникнуть въ самый механизмъ автотоміи, выяснить, дѣятельностью какихъ мышцъ производится обламываніе ноги. Какъ сказано выше, ноги крабовъ состоятъ изъ твердыхъ и не сгибающихся члениковъ, соединенныхъ болѣе мягкими сочлененіями, въ которыхъ и происходятъ сгибательныя и разгибательныя движенія одного членика около другого. Внутри ноги каждые два членика соединены между собою мышцами, между которыми различаются сгибатели и разгибатели. Такіе сгибатели и разгибатели существуютъ и между первымъ и вторымъ членикомъ, и именно одна изъ разгибательныхъ мышцъ и играетъ существенную роль въ автотоміи ноги. Можно, осторожно введя кончикъ острыхъ и тонкихъ ножницъ подъ кожу сочлененія, перерѣзать сухожилія всѣхъ, кромѣ одной мышцы второго членика, и автотомія конечности все-таки произойдетъ послѣ этого; но послѣ перерѣзки сухожилія длиннаго разгибателя (extenseur long du 2-me article) ампутація ноги становится невозможной, почему Fredericq и далъ этой мышцѣ названіе muscle autotomiste. При извѣстномъ раздраженіи происходитъ именно сильное сокращеніе всѣхъ разгибателей ноги; нога выпрямляется, вытягивается и плотно прижимается сбоку къ скорлупѣ туловища. Дальнѣйшее дви-

женіе ноги становится уже невозможнымъ и усиліе автотомирующей мышцы ведетъ къ образованію трещины въ стѣнкѣ второго членика, кольцевой трещины какъ разъ въ той области, которая обозначена на поверхности швомъ, указывающимъ на сростаніе второго членика изъ двухъ отдѣльныхъ члениковъ. Въ этомъ мѣстѣ происходитъ разрывъ, быстро раздѣляющій второй членикъ пополамъ. Сильное сокращеніе разгибателя второго членика въ связи съ упоромъ, который встрѣчаетъ нога, ведетъ къ перелому ноги и ея отдѣленію; совершенно необходимо, чтобы отдѣляемая часть ноги встрѣчала при этомъ твердую опору: автотомируемая нога и встрѣчаетъ такую опору или въ самомъ туловищѣ животнаго, котораго касается, или въ одной изъ

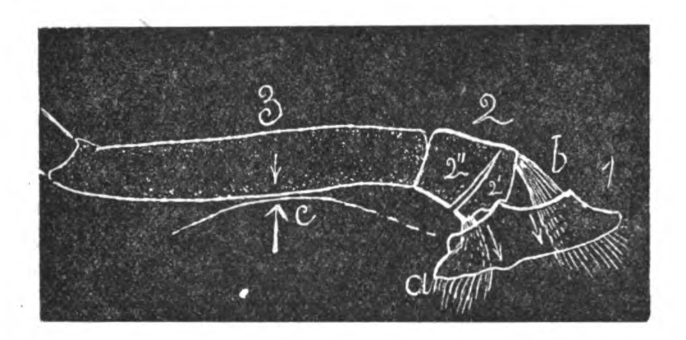

Рис. 3. Полусхематическій рисунокъ, поясняющій механизмъ перелома ноги у краба. 1, 2, 3—соотвѣтственные членики ноги, *b*—сгибатель, *a*—разгибатель второго членика, *c* — скорлупа рака, въ которую упирается нога при сильномъ сокращеніи разгибателя. Переломъ ноги происходитъ по шву второго членика. По Fredericq.

смежныхъ ногъ, или наконецъ въ самомъ предметѣ, вызвавшемъ ея раздраженіе—въ рукѣ наблюдателя, напримѣръ.

Но, во всякомъ случаѣ, необходимымъ толчкомъ къ совершенію автотоміи является сильное раздраженіе ноги: если пойманнаго краба крѣпко, но осторожно, не сдавливая слишкомъ, держать за ногу—онъ ее не оторветъ. Въ борьбѣ съ проворнымъ и скользкимъ животнымъ обыкновенно дѣлаютъ сильныя и рѣзкія движенія, сдавливаютъ клешню или ногу—и она мгновенно отлетаетъ, точно будто нажимаютъ пуговку автоматически дѣйствующаго механизма.

Мѣсто перелома ноги представляетъ гладкую и ровную поверхность; разрыва мышцъ не происходитъ: мышцы, вызывающія движеніе второго членика около перваго, остаются цѣликомъ въ уцѣлѣвшемъ участкѣ ноги. Разрываются только нервъ и артеріальный сосудъ ноги. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ разрывъ и которое обозначено круговой бороздой на поверхности, второй членикъ ноги внутри перегороженъ особой перепонкой; перепонка эта и затягиваетъ поверхность остающагося при туловищѣ отрѣзка ноги и не даетъ мѣста кровотеченію (маленькій артеріальный сосудъ сейчасъ же спадается и кровь

изъ него не идетъ). Между тѣмъ, если разрѣзать ногу въ другомъ мѣстѣ и не произойдетъ немедленной автотоміи, то происходитъ обильное кровотеченіе, могущее повлечь смерть. И если разрѣзать скальпелемъ перепонку, затягивающую отверстіе обрѣзка ноги, то также начинается немедленно сильное кровотеченіе.

Практическое значеніе автотоміи для животнаго и здѣсь совершенно ясно: способность быстро отбрасывать пораженную конечность въ тысячѣ случаевъ можетъ спасти жизнь крабу. Это могущественное средство самозащиты: оставляя врагу схваченную ногу, крабъ самъ убѣгаетъ. И здѣсь—какъ въ случаѣ съ хвостомъ ящерицы—такой способъ самопожертвованія становится возможнымъ лишь потому, что крабъ имѣетъ возможность возмѣстить потерю: вмѣсто потерянной клешни или ноги выростаетъ новая. Иногда, если крабу отрѣзать конецъ ноги, онъ не отбрасываетъ ее сразу всю—вообще автотомія конечностей совершается быстро и легко только у вполнѣ здоровыхъ и сильныхъ экземпляровъ; у слабыхъ, больныхъ, истощенныхъ, способность къ автотоміи быстро падаетъ (она слаба, напр., у только-что линявшихъ животныхъ); но затѣмъ, позднѣе, если животное оправится, оно все-таки обломаетъ себѣ пораженную конечность въ обычномъ мѣстѣ—поперекъ второго членика—и уже послѣ этого начнется процессъ возстановленія конечности. Фактъ этотъ былъ извѣстенъ уже Реомюру, который еще въ 1712 г., въ мемуарѣ, посвященномъ возстановленію органовъ у раковъ, указалъ вѣрно, что ноги крабовъ обламываются всегда въ одномъ и томъ же, имъ правильно подмѣченномъ, мѣстѣ.

У различныхъ видовъ крабовъ, изученныхъ въ этомъ отношеніи Фредерикомъ и другими наблюдателями, у всѣхъ наблюдалась эта способность къ автотоміи, болѣе или менѣе рѣзко выраженная, причемъ повсюду переломъ ноги совершается въ одномъ и томъ же мѣстѣ—поперекъ 2-го членика; она гораздо слабѣе у другихъ десятиногихъ раковъ—напримѣръ, у омара или рѣчного рака. У омара удается наблюдать автотомію конечностей лишь у совершенно свѣжихъ, только что пойманныхъ экземпляровъ, и то далеко не всегда. У рѣчного рака способность къ автотоміи сохранилась лишь въ клешняхъ: остальныя ноги ракъ самъ себѣ никогда не ампутируетъ. Клешни же онъ иногда отбрасываетъ; напр., у раковъ, брошенныхъ живыми въ горячую воду, иногда отлетаютъ клешни; переломъ и въ этомъ случаѣ происходитъ поперекъ второго членика. Но во всякомъ случаѣ способность къ автотоміи у рѣчного рака несравненно слабѣе, чѣмъ у крабовъ.

Совершенно такая же автотомія ногъ наблюдается у нѣкоторыхъ пауковъ и насѣкомыхъ. Наши обыкновенные такъ называемые пауки-сѣнокосцы (*Phalangium*) снабжены необычайно длинными ногами, которыя такъ же легко отрываются, какъ клешни краба, ломаясь у са-

маго основанія. Паукъ убѣгаетъ, а оторванная нога его продолжаетъ дѣлать движенія, сгибаться и разгибаться—частый предметъ удивленія для любопытства дѣтей. Изъ насѣкомыхъ способностью терять ноги въ случаѣ опасности отличаются многія бабочки, двукрылыя съ очень длинными ногами (родъ комаровъ, карамора — *Tipula)* и кузнечики. Самцы термитовъ могутъ обламывать себѣ крылья. У кузнечиковъ, какъ извѣстно, заднія ноги, при помощи которыхъ животное скачетъ, очень длинны и сильны, и кто когда-нибудь ловилъ насѣкомыхъ, знаетъ, какъ легко заднія ноги кузнечика отрываются и остаются въ рукахъ. Это также типичная автотомія, со всѣми ея признаками. Нога отрывается только при достаточно сильномъ раздраженіи (если кузнечика осторожно держать за ногу, онъ ее не отрываетъ; но достаточно отрѣзать кончикъ той же ноги ножницами, чтобы вся нога тотчасъ же отскочила). Если кузнечика привязать за заднюю ногу и обжигать въ какомъ либо мѣстѣ тѣла раскаленной металлической палочкой (Contejean)—кузнечикъ не въ состояніи пожертвовать ногой и уйти. Но достаточно прикоснуться этой палочкой къ ногѣ, чтобы она немедленно оторвалась. Изъ различныхъ раздражителей всего лучше дѣйствуетъ электрическое раздраженіе: иногда можно отрѣзать часть ноги, и она не отрывается; достаточно тогда къ оставшемуся при туловищѣ отрѣзку примѣнить электрическое раздраженіе, чтобы онъ отлетѣлъ мгновенно. Наиболѣе чувствителенъ къ раздраженію второй, утолщенный членикъ ноги, такъ называемое бедро (femur). Раздраженіе остальныхъ члениковъ гораздо рѣже влечетъ за собою автотомію. Процессъ автотоміи совершается и здѣсь рефлекторно, онъ происходитъ не только у насѣкомыхъ съ отрѣзанной головой, но даже если отдѣлить тотъ членикъ груди (третій, metathorax), къ которому прикрѣплены заднія ноги и въ которомъ помѣщается нервный узелъ, ихъ снабжающій нервами. Можно вызвать автотомію и непосредственнымъ раздраженіемъ этого нервнаго узла. Автотомія происходитъ въ мѣстѣ соединенія двухъ первыхъ члениковъ ноги (такъ называемые *coxa* и *femur*). Сочлененіе это образуетъ острый уголъ, обращенный вершиной къ землѣ; въ состояніи покоя первый членикъ обращенъ вертикально внизъ; при сильномъ раздраженіи онъ быстро отгибается назадъ и принимаетъ горизонтальное положеніе. Второй членикъ (femur) не можетъ слѣдить за этимъ рѣзкимъ движеніемъ и обрывается въ сочлененіи. Получается при этомъ не разорванная рана, а ровная поверхность облома, изъ которой не идетъ кровь. Остальныя ноги кузнечика (первая и вторая пара) неспособны къ автотоміи. Но въ одномъ явленія автотоміи у насѣкомыхъ рѣзко отличаются отъ того, что мы видѣли у ящерицъ и крабовъ: потерянные органы у нихъ не возстановляются. Развитіе насѣкомыхъ, какъ извѣстно, сопровождается метаморфозою, причемъ существованіе животнаго, въ наиболѣе сложныхъ случаяхъ, распадается на три стадіи: личинки, куколки и окончательнаго, взрос-

лаго животнаго. Въ стадіи взрослаго животнаго, такъ называемой imago, всѣ процессы роста уже кончены, животное не ростетъ далѣе и не измѣняется. Когда карамора (*Tipula*) теряетъ свои длинныя ноги, они у нея уже не вырастаютъ болѣе: она остается калѣкой на вѣки. Существованіе способности къ автотоміи безъ способности возвращать утраченное у насѣкомыхъ объясняется тѣмъ, что для нихъ жизнь въ взросломъ состояніи есть лишь послѣдняя, часто очень непродолжительная, стадія существованія. Большая часть жизни, съ ея процессами развитія и роста, приходится на періодъ метаморфоза, и задачей взрослаго насѣкомаго (imago) остается почти исключительно процессъ размноженія. Утрата конечностей спасаетъ насѣкомому жизнь, даетъ ему необходимую отсрочку, чтобы могли созрѣть и отложиться половые продукты—дальше этого уже и самая жизнь насѣкомому не нужна; слѣдовательно, оно легко можетъ перенести утрату ногъ, если эта потеря гарантируетъ ему иногда хотя нѣсколько лишнихъ часовъ существованія; поддержаніе его собственныхъ жизненныхъ процессовъ ему теперь уже не такъ важно. У кузнечиковъ, у которыхъ превращеніе неполное, и личинка точно также прыгаетъ, какъ и взрослое, насѣкомое, отличаясь отъ него, главнымъ образомъ, отсутствіемъ крыльевъ—дѣло имѣетъ нѣсколько иной видъ; у взрослаго кузнечика, послѣ послѣдней линьки, утраченныя ноги уже не возстановляются и такой кузнечикъ уже не можетъ прыгать. Но не возстановляются ли онѣ у личинокъ, при ихъ періодическихъ линькахъ? A priori можно это считать весьма вѣроятнымъ, но мнѣ неизвѣстны какія-либо наблюденія по этому поводу. У нѣкоторыхъ другихъ прямокрылыхъ, именно у нѣкоторыхъ *Phasmidae*, дѣйствительно наблюдается, что автотомія ногъ, рѣзко выраженная у молодыхъ личинокъ, въ дальнѣйшихъ стадіяхъ превращенія становится все слабѣе, и у личинокъ дѣйствительно утраченныя конечности возстановляются.

Любопытно, что у многихъ суставчатоногихъ, способныхъ къ автотоміи ногъ, мы встрѣчаемъ чрезвычайное развитіе ногъ въ длину,

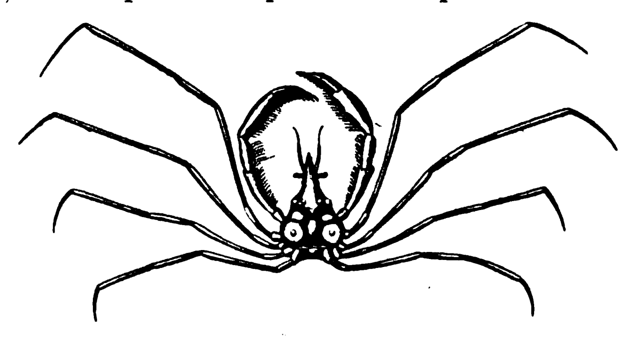

Рис. 4. Stenorhynchus phalangium.

очевидно въ связи съ этою способностью: у многихъ крабовъ чрезвычайно длинныя и крайне ломкія ноги (рис. 4); такими же ногами характери-

зуются пикногониды (особая группа морскихъ суставчатоногихъ, приближаемая обыкновенно къ паукообразнымъ); припомните затѣмъ пауковъ сѣнокосцевъ (рис. 5), комаровъ и въ особенности длинноногихъ караморъ (*Tipula*). Между многоножками (*Myriapoda*) существуетъ родъ *Scutigera* (рис. 6) очень обыкновенный въ Крыму, гдѣ они часто попадаются въ домахъ и бѣгаютъ по стѣнамъ комнатъ—съ большимъ количествомъ очень длинныхъ и крайне ломкихъ ногъ *). Во всѣхъ этихъ случаяхъ

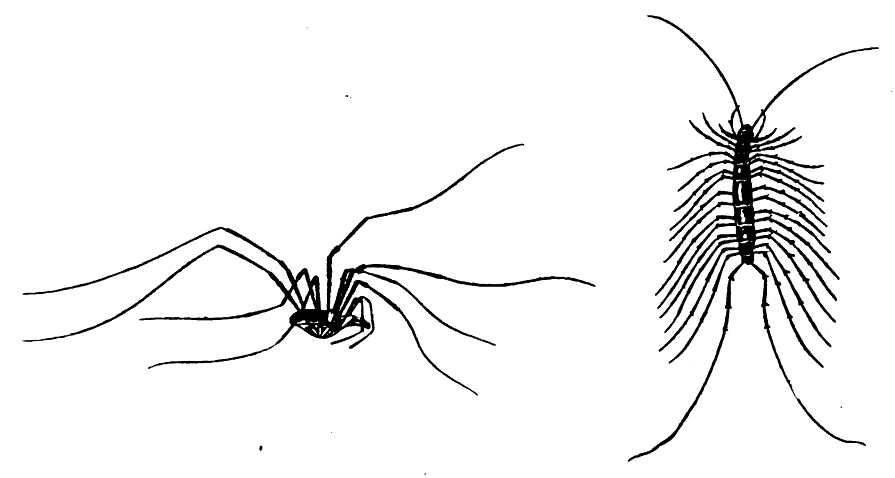

Рис. 5. Паукъ-сѣнокосецъ. Phalangium cornutum. Рис. 6. Scutigera coleoptrata.

длина ногъ зависитъ не отъ функціи ихъ какъ органовъ движенія, а скорѣе какъ органовъ самозащиты, автоматическихъ аппаратовъ для предупрежденія и избавленія отъ опасности. Посмотрите на паука-сѣнокосца: его маленькое, круглое, сытое тѣльце покоится на длинныхъ ногахъ, словно на громадныхъ, упругихъ рессорахъ. Восемь тонкихъ,

*) Frenzel (Arch. f. d. gesammte Physiologie, Bd. 50, 1891) говоритъ, что у *Scutigera*, по наблюденіямъ, произведеннымъ имъ въ Аргентинѣ, автотомія ножекъ происходитъ такъ легко, что ножки отпадаютъ уже при простомъ прикосновеніи. Мнѣ вообще кажется сомнительнымъ, чтобы автотомія могла происходить безъ достаточнаго раздраженія (иначе *Scutigera* должна была бы переломить себѣ всѣ ноги при простомъ прикосновеніи къ землѣ) и мои наблюденія надъ итальянскими *Scutigera* отнюдь не подтвердили показанія Frenzel'я. У *Scutigera* автотомія ногъ совершается очень легко, причемъ ноги обламываются всегда у самаго основанія. Но никогда не достаточно для этого одного прикосновенія—всегда надо крѣпко схватить за ногу, чтобы вызвать ея автотомію, причемъ чѣмъ ближе схватить къ основанію, тѣмъ легче нога обламывается. Если схватить пинцетомъ за самый конецъ заднихъ ножекъ, то *Scutigera* можно тащить за ногу и даже поднять за нее на воздухъ. Но какъ только перехватить пинцетомъ ближе къ основанію, ножка обламывается. Обломанная нога нѣсколько минутъ продолжаетъ совершать конвульсивныя движенія, какъ у сѣнокосцевъ. Длинные усики *Scutigera*, не уступающіе по длинѣ заднимъ ногамъ, къ автотоміи неспособны. За усикъ *Scutigera* можно приподнять и держать сколько угодно времени на воздухѣ, причемъ она широко разставляетъ ноги и сохраняетъ полный покой.

изогнутыхъ ногъ образуютъ такую ограду вокругъ его тѣла, что трудно до него добраться, не коснувшись одной изъ нихъ. А между тѣмъ это ограда очень чувствительная: при самомъ легкомъ прикосновеніи, кончикъ ноги немедленно приподнимается. Если потревожить дальше, паукъ бѣжитъ: а если врагъ уцѣпится челюстями за его ногу— нога останется у него въ зубахъ, а паукъ убѣжитъ все-таки. Ясно слѣдовательно, какое это могущественное приспособленіе въ борьбѣ, напр., съ хищными насѣкомыми. И то обстоятельство, что оторванная нога продолжаетъ свои судорожныя движенія, является также полезнымъ приспособленіемъ, приковывая вниманіе хищника и удерживая его отъ преслѣдованія. Любопытно, что паукъ при прикосновеніи къ ногѣ ее приподнимаетъ, т.-е. разгибаетъ; мы видѣли, что крабы ломаютъ себѣ ноги путемъ сильнаго ихъ вытягиванія, энергичнаго разгибательнаго движенія. По всѣмъ вѣроятіямъ такой же механизмъ существуютъ и у пауковъ-сѣнокосцевъ: при легкомъ раздраженіи нога приподнимается—дѣлается слабое разгибательное движеніе: раздраженіе сильнѣе, сокращеніе разгибательной мышцы усиливается и обламываетъ ногу. Совершенно подобное же значеніе имѣетъ длина ногъ у комаровъ и караморъ (*Tipula*): когда комаръ смирно сидитъ, его длинныя ноги образуютъ предохранительную ограду вокругъ него. При легкомъ раздраженіи немедленно приподымается кончикъ ноги, тревога увеличивается, и комаръ улетаетъ, оставляя, если нужно, ногу напавшему на него непріятелю *).

Но бываетъ и обратное явленіе. Всѣмъ извѣстны водомѣрки (*Hydrometra*), насѣкомыя изъ отряда полужесткокрылыхъ (*Hemiptera*), скользящія по поверхности нашихъ прудовъ; у нихъ тѣло покоится также на очень длинныхъ ногахъ, но ноги эти неспособны къ автотоміи. Здѣсь, очевидно, длинныя ноги выработались не какъ средство самозащиты, въ связи съ способностью къ автотоміи, а явились именно какъ механическое приспособленіе для скольженія по поверхности водъ.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно также, что значеніе автотоміи въ жизни животнаго бываетъ не всегда одинаково, и стоимость ея для организма также въ разныхъ случаяхъ различна. Такъ, потеря хвоста ящерицей, хотя и увеличиваетъ опасность ея существованія, нисколько не отражается на ея жизненной дѣятельности, и скоро возстановляется; потеря клешней крабомъ есть тяжелая утрата, такъ какъ клешни служатъ для него необходимымъ органомъ добыванія пищи, но потеря эта также со временемъ возстановляется; паукъ-сѣнокосецъ ничего не теряетъ, потерявъ, одну ногу, и, хотя она у него (у взрослаго) и не выростетъ вновь, онъ и на семи оставшихся бѣгаетъ также проворно, а кузнечикъ, лишившись одной ноги, уже дѣлается калѣкой — не мо-

*) Равнымъ образомъ и у ящерицы значительная длина хвоста, въ виду его способности къ автотоміи, есть выгодное приспособленіе къ самозащитѣ.

жетъ прыгать, и, слѣдовательно, жизнь его подвергается послѣ этого несравненно большей опасности. Тяжесть потери окупается здѣсь драгоцѣнностью времени, которое насѣкомому нужно выиграть для того, чтобы успѣть отложить яички и завершить этимъ кругъ своихъ жизненныхъ функцій.

Способность къ автотоміи наблюдается и среди моллюсковъ. Какъ на особенно любопытный примѣръ, укажу на автотомію сифоновъ у моллюсковъ изъ родовъ *Solen* (*S. vagina*) и *Solecurtus* (изъ пластинчатожаберныхъ, *Lamellibranchiata*). *Solen* по своей внѣшней формѣ нѣсколько напоминаетъ черенокъ столоваго ножа; живетъ въ длинныхъ ходахъ, которые самъ себѣ вырываетъ въ пескѣ, и на всѣхъ песчаныхъ plage'ахъ европейскихъ морей существуетъ любительскій способъ лова этихъ животныхъ; во время отлива, когда обнажается песчаное дно моря и *Solen* остается глубоко запрятаннымъ въ свои ямки, нужно посыпать щепотку соли около ея отверстія. Вода, наполняющая ямку, быстро становится слишкомъ соленою для животнаго и оно выскакиваетъ изъ нея наружу. Двѣ трубочки, которыми оканчивается задній конецъ тѣла животнаго (сифоны), при этомъ иногда подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія отваливаются и падаютъ къ ногамъ побѣдителя.

Еще лучше наблюдать это явленіе автотоміи у *Solecurtus*, крупной ракушки съ раковиной, несоразмѣрно маленькой по величинѣ тѣла, такъ что створки прикрываютъ не болѣе третьей или четвертой его части; крупная, мясистая нога и огромные длинные сифоны не могутъ быть втянуты въ раковину. Эти красивыя, красноватаго цвѣта животныя одни изъ постоянныхъ и любимыхъ frutti di mare Неаполя; на Santa Lucia у торговцевъ вы всегда найдете ихъ въ чашкахъ съ морской водой, и самъ старый Poli въ своемъ классическомъ сочиненіи «Testacea utriusque Siciliae» отзывается о нихъ съ большой похвалой: «ejus carnes satis copiosae atque tenerrimae prunis tostae oleoque pipere atque petroselino aspersae liberale ac jucundissimum praebent alimentum» *), говоритъ онъ.

Особенную достопримѣчательность строенія тѣла *Solecurtus* составляютъ его сифоны (рис. 7). Это двѣ длинныя, толстыя трубки на заднемъ концѣ тѣла, служащія—одна (нижняя) для притока дыхательной воды, несущей въ то же время пищевыя частицы, другая — для удаленія отбросовъ тѣла и выхода воды, уже обмывшей жабры. Каждый сифонъ снаружи раздѣленъ, какъ тѣло червя или гусеницы, кольцевыми пережимами на кольца или сегменты: у основанія сифона, ближе къ тѣлу, колечки очень узенькія, сближенныя между собой, неясно различимыя, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ концу сифона, они становится все шире и шире. Такъ раздѣленъ каждый сифонъ колечекъ

*) «Мясо ея, достаточно обильное и очень нѣжное, поджаренное на маслѣ со сливами, съ перцемъ и петрушкой, доставляетъ роскошное и вкуснѣйшее кушанье».

на 20. Обладая сильно развитой мускулатурой, сифоны могутъ чрезвычайно мѣнять свою форму; то съуживаться въ узкую трубочку съ небольшимъ просвѣтомъ, то расширяться такъ, что вздуваются чуть не въ пузыри. Любопытно, что одна половина сифона —ближе къ основанію—можетъ съуживаться, тогда какъ другая въ это же время расширена и раздута. Эти сифоны, раздѣленные пережимами на колечки, играютъ совершенно особенную роль въ жизни животнаго: они обладаютъ способностью къ автотоміи въ высочайшей степени. *Solecurtus* живетъ обыкновенно зарывшись въ пескѣ, и выставляетъ наружу только концы сифоновъ, два-три колечка. Попробуйте схватить пинцетомъ за послѣднее колечко: животное сдѣлаетъ легкое движеніе, подвинется и уйдетъ, а колечко останется у васъ въ рукахъ. У свѣ-

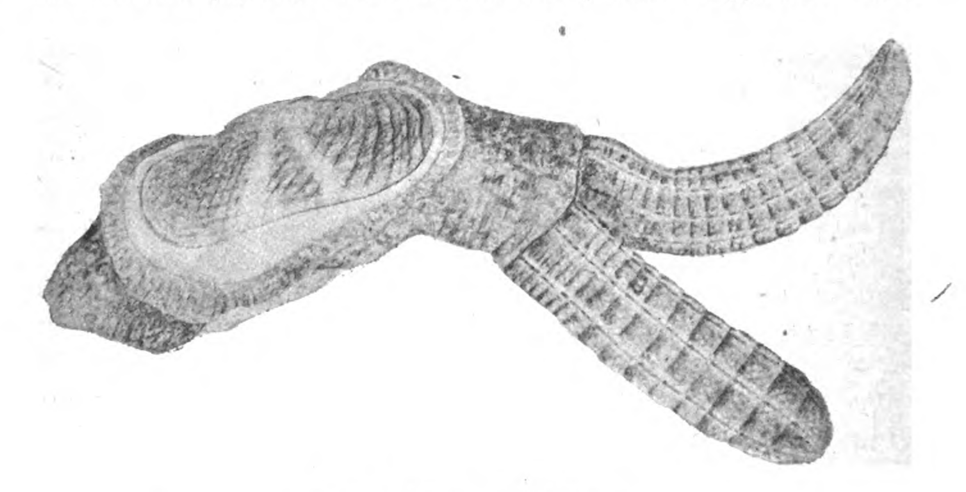

Рис. 7. Solecurtus strigillatus.

жихъ, недавно пойманныхъ и не истощенныхъ животныхъ вы можете—какъ это я дѣлалъ много разъ—оборвать въ одну минуту колечко за колечкомъ весь сифонъ до самаго основанія: только что отдѣлилось одно колечко, едва вы успѣете схватить пинцетомъ за слѣдующее, какъ и оно уже остается у васъ въ рукахъ. Процессъ совершается съ поражающей, машинообразной точностью и быстротой. Вытащить животное за сифонъ изъ воды нѣтъ никакой возможности: съ какою бы быстротой вы ни попробовали это сдѣлать, съ соотвѣтственной быстротой произойдетъ автотомія одного или нѣсколькихъ колечекъ, и животное уйдетъ въ воду.

Ясно, слѣдовательно, какое могущественное средство защиты даетъ животному эта способность. Оно спрятано въ пескѣ; наружу торчатъ только кончики сифоновъ; но вытащить его изъ песку нельзя. Если крабъ, омаръ или спрутъ, или ныряющая птица вздумаютъ схватить его за кончикъ сифона — они и полакомятся только послѣднимъ его колечкомъ, много двумя-тремя, а само животное благополучно пере-

двинется поглубже въ свою норку. И такъ какъ сифоны обладаютъ способностью и возстановленія — именно возстановленіе ихъ происходитъ насчетъ узенькихъ основныхъ колечекъ, которыя постепенно растутъ, расширяются и передвигаются къ наружному концу сифона, то можно думать, что въ природѣ у *Solecurtus* и происходитъ хроническая автотомія сифоновъ, съ хроническимъ же ихъ возстановленіемъ: конечные членики, выступающіе изъ норки наружу, отъ времени до времени служатъ отступнымъ для враговъ, а на мѣсто ихъ отъ основанія сифона постепенно подростаютъ все новыя. Совершенно на подобіе того, какъ происходитъ ростъ ленточныхъ глистовъ: конечные членики (проглоттиды), наполненные зародышами, одни за другими отпадаютъ, а отъ передняго конца, отъ головки солитера, идетъ непрерывный ростъ новыхъ проглоттидъ.

Автотомія сифоновъ у *Solecurtus* представляетъ все тѣ же типическія черты автотоміи, которыя были выше указаны. И здѣсь это не механическій разрывъ — мертваго *Solecurtus* можно свободно держать за сифонъ, и требуется уже нѣкоторое, небольшое напряженіе, чтобы ихъ разорвать,—а добровольный актъ, совершаемый энергическимъ сокращеніемъ кольцевой мускулатуры сифоновъ. И здѣсь автотомія происходитъ всегда въ одномъ и томъ же, заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ, или, правильнѣе, мѣстахъ—на границѣ между двумя кольцами. И здѣсь получается при этомъ не разорванная рана, а совершенно ровная, гладкая поверхность: разрыва мышцъ не происходитъ, разрываются только кожа и нервные стволы — довольно толстые, между прочимъ, — и совсѣмъ не происходитъ потери крови. И здѣсь утраченные органы современемъ вновь возстановляются. Все тѣ же основныя явленія, которыя мы видѣли и въ автотоміи позвоночныхъ и суставчатоногихъ.

Интересныя особенности представляетъ роль нервной системы въ автотоміи у этихъ животныхъ. У *Solen* (у котораго автотомія сифоновъ совершается въ той же формѣ, но далеко не такъ рѣзко и энергично) легко сдѣлать операцію, обнажающую такъ называемый висцеральный нервный узелъ, на заднемъ концѣ тѣла, который снабжаетъ сифонъ нервами. Если раздражать этотъ узелъ электричествомъ (индукціонными ударами), то черезъ нѣсколько секундъ сифоны (у *Solen* оба сифона сращены по длинѣ въ одну двойную трубку), сильно сокращаясь, отпадаютъ сразу цѣликомъ, отдѣлившись у самаго основанія. Такимъ образомъ, автотомія можетъ быть вызвана съ центра, путемъ раздраженія узла, иннервирующаго сифонъ. Но въ то же время автотомія можетъ происходить и внѣ всякаго участія центральныхъ частей нервной системы, какъ это въ особенности хорошо видно у *Solecurtus*. Если обрѣзать подъ водой ножницами сразу весь сифонъ, у самаго основанія, и затѣмъ захватить пинцетомъ послѣднее колечко, то автотомія все-таки произойдетъ: хотя и не такъ быстро и рѣзко, какъ у нормальнаго животнаго, но все-таки и у отрѣзаннаго, слѣдовательно, лишеннаго

связи съ высшими нервными центрами, сифона, автотомія отдѣльныхъ колечекъ будетъ совершаться.

Можно было бы думать, что на протяженіи тѣхъ — довольно толстыхъ—нервныхъ стволовъ, которые въ число 6—8 тянутся вдоль сифона, могли бы существовать особые нервные узелки, въ каждомъ колечкѣ, для завѣдыванія его рефлексами. Однако этого нѣтъ—каждый нервъ тянется вдоль всего сифона, нигдѣ не образуя гангліознаго утолщенія. Нервныя клѣтки, завѣдующія рефлексомъ автотоміи у *Solecurtus*, должны быть отдѣльно разбросаны вдоль нерва, или въ тѣлѣ сифона. Рефлексъ автотоміи сифоновъ у *Solecurtus* отличается поэтому своей *децентрализаціей*.

Слѣдующіе общіе признаки можно считать характерными для всѣхъ вышеописанныхъ случаевъ типичной автотоміи:

1) Автотомія, или отбрасываніе посредствомъ сильнаго мышечнаго сокращенія, извѣстныхъ придатковъ тѣла, совершается—или, по крайней мѣрѣ, можетъ совершаться—всегда чисто автоматическимъ, рефлекторнымъ путемъ, внѣ участія воли или сознанія животнаго.

2) Мѣсто разрыва или отдѣленія даннаго придатка представляетъ всегда совершенно гладкую поверхность, безъ обрывковъ кожи или торчащихъ мышечныхъ пучковъ, и изъ раны не течетъ кровь.

3) За отдѣльными, весьма немногими исключеніями (взрослые пауки и насѣкомыя), у животнаго на замѣну утраченнаго органа всегда выростаетъ новый.

4) Автотомія служитъ животному средствомъ къ самозащитѣ въ борьбѣ за сохраненіе жизни: схваченное за легко отдѣляемую конечность, животное оставляетъ ее врагу и убѣгаетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУДОЛЬФЪ ВИРХОВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ, НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(*Продолженіе*) *).

V.

Возвращеніе Вирхова въ Берлинъ.—Патологическій институтъ въ Берлинѣ.—Ученики и ассистенты Вирхова.—Лекціи по «целлюлярной патологіи».—Вирховъ-организаторъ добровольной помощи въ войнахъ 1866 года и 1870—1871 гг. — Выборъ Вирхова въ Берлинскую академію наукъ.—Юбилей 1881 года.

Въ берлинскомъ университетѣ до 1856 года не существовало особой каѳедры патологической анатоміи. Наука эта составляла лишь часть каѳедры анатоміи и физіологіи, представителемъ которой былъ въ то время такой всеобъемлющій ученый, какъ Іоганнъ Мюллеръ. Практическимъ подспорьемъ при преподаваніи патологической анатоміи служила прозектура *Charité*, о чемъ мы уже упоминали. Быстрый ростъ патологической анатоміи, благодаря, главнымъ образомъ, Рокитанскому и самому Вирхову, категорически указывалъ на ненормальность такого положенія. Необходимость учрежденія самостоятельной каѳедры сознавалъ и Мюллеръ. И вотъ, когда умеръ прозекторъ *Charité* Генрихъ Гемсбахъ (*Heinrich Meckel von Hemsbach*), бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и экстра-ординарнымъ профессоромъ, медицинскій факультетъ вошелъ въ министерство съ ходатайствомъ объ учрежденіи спеціальной каѳедры патологической анатоміи. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала Мюллеру и онъ же указалъ факультету на ученаго, которому онъ желалъ уступить одну изъ преподаваемыхъ имъ наукъ. Имя этого ученаго было Рудольфъ Вирховъ. Но имя это сравнительно еще недавно было не особенно популярно въ стѣнахъ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія. *Семь* лѣтъ тому назадъ, въ 1849 году министръ Ладенбергъ заявилъ покидавшему Берлинъ Вирхову, что ему, министру, легче пригласить его когда-либо обратно, нежели дать теперь назначеніе. Слова эти оказались пророческими лишь по отноше-

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

нію къ Вирхову. Приглашать Вирхова обратно въ Берлинъ пришлось уже не Ладенбергу, а его преемнику Раумеру.

На пасхѣ 1856 года состоялось назначеніе Вирхова ординарнымъ профессоромъ берлинскаго университета. *Recuperavimus eum et adhuc habemus*—мы вновь пріобрѣли его и имѣемъ до сихъ поръ—могутъ съ гордостью сказать берлинцы.

Принимая приглашеніе занять каѳедру въ Берлинѣ, Вирховъ теперь могъ диктовать свои условія. Онъ потребовалъ устройства при новой каѳедрѣ особаго института для практическихъ занятій по патологической анатоміи и физіологіи. Министерство приняло это условіе и рѣшило устроить патологическій институтъ при больницѣ *Charité*. Директоръ *Charité* Эссе (*Esse*), въ то время первый авторитетъ въ дѣлѣ устройства больницъ и подобныхъ учрежденій, былъ отправленъ въ Вюрцбургъ, чтобы ознакомиться съ устройствомъ тамошняго патологическаго института. По образцу послѣдняго и былъ построенъ новый патологическій институтъ въ Берлинѣ. Нѣсколько страннымъ и поразительнымъ является то обстоятельство, что собственно мнѣнія Вирхова и его указаній при постройкѣ института, спеціально для него предназначеннаго, не потрудились спросить. Министерство отнеслось къ дѣлу, какъ это сплошь и рядомъ и бываетъ, вполнѣ формально. *Conditio sine qua non* своего перехода въ Берлинъ Вирховъ ставилъ устройство патологическаго института. Министерство и устроило ему институтъ. Но предложить ему выработать планъ новаго научно-учебнаго учрежденія, руководствоваться его совѣтами и указаніями министерство не сочло уже нужнымъ.

Постройка новаго института велась такъ энергично, что къ осени 1856 года берлинскій патологическій институтъ могъ уже функціонировать. Итакъ, благодаря бывшему прозектору *Charité*, невзрачная покойницкая этой больницы превратилась въ самостоятельное научное учрежденіе, первое въ своемъ родѣ въ Германіи. Съ этого времени при всѣхъ германскихъ университетахъ стали по необходимости возникать такіе же институты, причемъ образцомъ для нихъ служилъ берлинскій.

Стараніями Вирхова при институтѣ возникъ прекрасный патолого-анатомическій музей. Въ *Charité* существовалъ съ 1831 года патолого-анатомическій кабинетъ, въ которомъ къ 1856 году было лишь 1.500 препаратовъ. Между ними находились и препараты Вирхова изъ временъ его прозекторства. Изъ нихъ однако ко времени его возвращенія уцѣлѣли немногіе. Въ виду громаднаго значенія такого музея для преподавательскихъ цѣлей Вирховъ занялся пополненіемъ его. Къ 1886 году число препаратовъ достигло внушительной цифры 17.000.

Берлинскій патологическій институтъ являлся и является по настоящее время крупнымъ центромъ научныхъ работъ по патологической анатоміи и общей патологіи во всемъ ихъ объемѣ. Патолого-микроско-

гическія и патолого-химическія работы производились рядомъ съ работами по экспериментальной патологіи. Къ нимъ впослѣдствіи присоединились и бактеріологическія изслѣдованія. Главною задачею института во все время было воспитывать самостоятельныхъ научныхъ работниковъ и изслѣдователей, которые способны расширить и углубить наличное знаніе. Въ этомъ смыслѣ Вирховъ и выбиралъ себѣ ближайшихъ сотрудниковъ, своихъ ассистентовъ, и въ этомъ смыслѣ ихъ воспитывалъ.

Занявъ каѳедру въ Берлинѣ, молодой профессоръ, по собственнымъ своимъ словамъ, вступилъ въ факультетъ, гдѣ «почти всѣ члены были его учителями и гдѣ не засѣдалъ ни одинъ изъ его товарищей по студенчеству». Это весьма лестное обстоятельство создавало Вирхову совершенно особое положеніе, согласно изреченію: кому много дается, съ того много и спрашивается. Оно могло бы послужить стимуломъ къ болѣе напряженной работѣ, если бы натура Вирхова нуждалась въ какихъ-либо постороннихъ стимулахъ. Самыя пылкія свои мечты, какъ ученаго и учителя, Вирховъ могъ считать осуществившимися. Профессура въ Берлинѣ, этомъ умственномъ центрѣ Германіи, открывала предъ нимъ самое широкое поле научной и преподавательской дѣятельности. И онъ дѣйствительно проявилъ и въ томъ, и въ другомъ направленіи по истинѣ изумительную дѣятельность. Значеніе Вирхова, какъ представителя естественно-научнаго метода въ медицинѣ все росло и росло. Росло и число его учениковъ. Патологическій институтъ въ Берлинѣ сталъ источникомъ живой воды для врачей не одной лишь Германіи, а всей Европы. «Въ Берлинъ», «къ Вирхову» стремились со всѣхъ сторонъ, чтобы поработать подъ руководствомъ геніальнаго учителя. Всякій зналъ, что здѣсь онъ найдетъ строго научную постановку дѣла, освѣщенную безкорыстнымъ стремленіемъ къ истинѣ. Всякій жаждалъ пріобрѣсти высокое право считать себя «ученикомъ Вирхова». Какъ въ XVIII-омъ столѣтіи Бергаве *), такъ въ наше время Вирховъ сталъ *communis totius mundi praeceptor*—общимъ наставникомъ всего медицинскаго міра.

Изъ всей массы учениковъ Вирхова слѣдуетъ выдѣлить болѣе тѣсный кругъ его ближайшихъ непосредственныхъ учениковъ, его «школу» въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Первое время эта школа носила названіе «берлинской», въ противоположность «вѣнской» школѣ Рокитанскаго. Въ первыхъ рядахъ учениковъ Вирхова стоитъ стройная фаланга его бывшихъ ассистентовъ, изъ которыхъ почти всѣ впослѣдствіи заняли профессорскія каѳедры, а нѣкоторые изъ нихъ, въ свою очередь, образовали собственныя научныя школы, именно Кон-

*) *Hermann Boerhaave* (1668—1738), знаменитый лейденскій профессоръ, извѣстность котораго достигала такихъ баснословныхъ размѣровъ, что, по разсказамъ, одинъ китаецъ отправилъ Бергаве письмо съ довольно краткимъ адресомъ: «знаменитому врачу въ Европѣ». Письмо это было доставлено адресату.

геймъ (*Conheim*)—по патологической анатоміи. Гоппе-Зейлеръ (*Hoppe-Seyler*)—по физіологической химіи.

При открытіи патологическаго института при немъ состоялъ лишь одинъ ассистентъ, только что названный Гоппе-Зейлеръ. Но уже въ слѣдующемъ, 1857 году въ спеціальное вѣдѣніе послѣдняго перешла химическая лабораторія, а для анатомическихъ работъ былъ назначенъ особый, второй ассистентъ Фридрихъ Гроэ (*Friedrich Grohé*), впослѣдствіи профессоръ въ Грейфсвальдѣ. По мѣрѣ развитія дѣятельности института число ассистентовъ приходилось все увеличивать, въ особенности на анатомическомъ отдѣленіи, гдѣ съ 1887 года функціонируютъ три ассистента и одинъ консерваторъ музея.

Среди бывшихъ ассистентовъ Вирхова мы укажемъ на патолого-анатомовъ Реклинггаузена (*Fridrich von Recklinghausen*), Клебса (*Edwin Klebs*), Конгейма (*Julius Conheim*), Рота (*Moritz Roth*), Понфика (*Emil Ponfick*), Орта (*Johannes Orth*), Гравица (*Paul Grawitz*), Израэля (*Oscar Israel*), Лангерганса (*Robert Langerhans*) и на химиковъ Гоппе-Зейлера (*Felix Hoppe-Seyler*), Кюне (*Wilhelm Kühne*), Либрейха (*Oscar Liebreich*) и Сальковскаго (*Ernst Salkowski*). Все это — имена и не малыя имена въ наукѣ.

Созрѣвшія въ Вюрцбургѣ идеи новаго ученія, идеи «целлюлярной патологіи» все болѣе и болѣе занимали Вирхова и вызвали у него вполнѣ естественное желаніе оформить ихъ и представить въ видѣ стройнаго цѣлаго. И вотъ въ 1858 году въ новомъ патологическомъ институтѣ раздалось «новое слово». Предъ многочисленной аудиторіей товарищей, преимущественно берлинскихъ практическихъ врачей, Вирховъ въ серіи демонстративныхъ лекцій представилъ «связное объясненіе тѣхъ опытныхъ данныхъ, на которыхъ, по его взгляду, слѣдуетъ въ настоящее время построить біологическое ученіе и изъ которыхъ слѣдуетъ вывести патологическую теорію». Лекторъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду дать своимъ слушателямъ болѣе полное и систематическое представленіе о целлюлярной (клѣточной) природѣ всѣхъ жизненныхъ явленій, физіологическихъ и патологическихъ, животныхъ и растительныхъ. Этимъ онъ желалъ достигнуть двоякой цѣли. Прежде всего—въ противовѣсъ традиціоннымъ патологическимъ воззрѣніямъ вновь оживить идею о единствѣ жизни во всемъ органическомъ мірѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ противопоставить одностороннимъ объясненіямъ грубо-механическаго и химическаго направленія болѣе тонкую механику и химію клѣтки.

Лекціи о целлюлярной патологіи читались въ теченіе февраля, марта и апрѣля мѣсяцевъ 1858 года. Первая изъ этихъ знаменитыхъ лекцій происходила 10 февраля, а послѣдняя 27 апрѣля. Лекціи стенографировались и въ томъ же году вышли въ печати.

Появленіе въ свѣтъ «*Целлюлярной патологіи*» представляетъ поворотный пунктъ въ жизни Вирхова. Если и до этого момента мы за-

мѣчали въ Вирховѣ извѣстное стремленіе къ разносторонности, извѣстную энциклопедичность, то послѣ 1858 года эта сторона его натуры и ума начала сказываться особенно ярко. Работа въ узкихъ рамкахъ данной спеціальности необходимо и естественно должна была предшествовать созданію новой системы въ медицинѣ. Для этого требовалась сосредоточенная и детальная работа. Создавъ новую систему, обобщивъ наблюденное и продуманное, Вирховъ почувствовалъ съ новою силою стремленіе къ разносторонности. Узкая спеціальность, совершенно кабинетная работа не могла удовлетворять Вирхова. Онъ находилъ, что ученый не долженъ ограничивать своего кругозора стѣнами кабинета и лабораторіи. И вотъ, помимо своей чисто ученой дѣятельности, помимо работъ по той наукѣ, каѳедру которой онъ занималъ, Вирховъ вступаетъ на широкую арену общественной дѣятельности. Онъ неустанно слѣдитъ за пульсомъ общественной жизни. Каждое крупное общественное явленіе останавливаетъ на себѣ вниманіе Вирхова, находитъ въ немъ суроваго прокурора или горячаго адвоката.

На послѣдующихъ страницахъ мы представимъ читателямъ картину общественной дѣятельности Вирхова, какъ члена берлинскаго муниципалитета и прусскаго парламента. Теперь же мы остановимся на одномъ эпизодѣ, нарушившемъ правильное теченіе его берлинской жизни и перенесшемъ его изъ прусской столицы почти къ стѣнамъ осажденнаго Меца. Причиною и въ этомъ случаѣ была опять-таки эпидемія, но «эпидемія травматическая» (раневая), по мѣткому выраженію Пирогова,—война.

Когда желѣзный канцлеръ заставилъ Пруссію вступить въ воинственную эру, военно-санитарное дѣло далеко не стояло въ прусской арміи на такой высотѣ, какъ теперь. Добровольная частная помощь могла здѣсь сдѣлать очень и очень много. Въ роли организатора такой помощи и выступилъ неутомимый Вирховъ. Не будучи кваснымъ патріотомъ, онъ далеко не увлекался завоевательной политикой. Онъ былъ противъ присоединенія Шлезвигъ-Гольштейна и противъ войны съ Австріей. Но лишь только эта война стала фактомъ, Вирховъ вечеромъ того же дня, когда была объявлена война, собралъ кружокъ лицъ изъ разныхъ политическихъ партій для основанія «Берлинскаго общества помощи германскимъ дѣйствующимъ арміямъ» (*Berliner Hülfs-Verein für die deutschen Armen im Felde*). Въ устроенныхъ этимъ обществомъ резервныхъ лазаретахъ Вирховъ и работалъ во время австро-прусской войны.

Въ франко-прусскую компанію Вирховъ проявилъ еще болѣе интензивную дѣятельность. Онъ обратилъ вниманіе на ужасающую обстановку поѣздовъ, въ которыхъ транспортировали раненыхъ. Послѣднихъ помѣщали въ товарныхъ вагонахъ, безъ всякихъ приспособленій, прямо на полу, гдѣ была раскинута солома; ни врачей, ни даже санитаровъ при поѣздѣ не полагалось. Единственное исключеніе соста-

вилъ поѣздъ, прибывшій въ Берлинъ въ срединѣ сентября (1870 г.), обставленный всѣмъ необходимымъ, включая и врачебную помощь, и устроенный однимъ филантропомъ, силезскимъ помѣщикомъ Гэника (*von Hoenika*). По образцу этого поѣзда Вирховъ и рѣшилъ организовать большой военно-санитарный поѣздъ и отправить его на театръ военныхъ дѣйствій для эвакуаціи раненыхъ. Такого рода предпріятіе, никогда еще въ большомъ масштабѣ практически не испытанное, представлялось дѣломъ рискованнымъ. Въ виду такого убѣжденія Вирховъ самъ «послѣ того, какъ Берлинское общество помощи германскимъ дѣйствующимъ арміямъ, по его предложенію, рѣшило предпринять эту попытку, считалъ своимъ долгомъ лично руководить первымъ поѣздомъ». И дѣйствительно, первый вполнѣ благоустроенный прусскій военно-санитарный поѣздъ Вирховъ самъ сформировалъ и сопровождалъ во Францію и обратно. Главное вниманіе Вирхова было обращено на пополненіе врачебнаго и служебнаго персонала, этого больного мѣста всѣхъ санитарныхъ поѣздовъ. Кромѣ самаго Вирхова въ поѣздѣ находились еще 3 врача, 1 завѣдующій матеріальною частью, 5 добровольцевъ-санитаровъ, все сыновья врачей (въ томъ числѣ 2 сына Вирхова) и все гимназисты, и 6 сестеръ милосердія. Платный служебный персоналъ составляли 9 санитаровъ и служителей, 2 повара и 2 желѣзнодорожныхъ служащихъ. По поводу многочисленности этого персонала одинъ изъ друзей Вирхова, большой шутникъ, выражалъ свое удивленіе, почему Вирховъ не взялъ еще и мамки.

23-го сентября правленіе Берлинскаго общества помощи постановило отпустить 3.000 талеровъ на устройство поѣзда, а 5-го октября военно-санитарный поѣздъ, разсчитанный на 120 раненыхъ, былъ уже въ предѣлахъ Франціи. Когда поѣздъ приблизился къ боевой линіи, то оказалось, что раненыхъ, подлежащихъ транспорту, нѣтъ, и Вирхову предложили эвакуировать тифозныхъ и дизентеричныхъ. Вообще порядки въ дѣлѣ эвакуаціи раненыхъ оставляли многаго желать. Для добросовѣстнаго выполненія своей задачи Вирхову пришлось лично объѣздить расположенные въ окрестностяхъ осаждаемаго Меца лазареты въ поискахъ за ранеными. Онъ посѣтилъ Нанси, Понтъ-а-Муссонъ, Корни, Горзъ и Гравелоттъ. Когда Вирховъ проѣзжалъ по самому полю сраженія при Гравелоттѣ среди еще свѣжихъ могилъ павшихъ въ бою, поднялся страшный вѣтеръ и хлынули цѣлые потоки дождя. Французское небо далеко не милостиво встрѣчало нѣмецкаго ученаго!

Случившаяся въ это время вылазка Базена (7-го октября) избавила Вирхова отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и сразу доставила ему достаточный контингентъ раненыхъ. 10-го октября въ Новеанѣ (*Novéant*), деревушкѣ близъ Меца, происходила окончательная нагрузка берлинскаго санитарнаго поѣзда. Когда дошло дѣло до послѣдняго вагона, то встрѣтилось слѣдующее затрудненіе. Группа, повидимому,

легко раненыхъ обступила вагонъ, на площадкѣ котораго стоялъ Вирховъ, распоряжаясь нагрузкой. «Я сосчиталъ,—разсказываетъ Вирховъ,—свободныя еще мѣста,—ихъ оказалось 10; между тѣмъ 14 человѣкъ страстно ждали момента, когда входъ въ вагонъ послужитъ имъ порукой возвращенія въ отечество. Я сообщилъ имъ, что 10 изъ нихъ могутъ ѣхать, и просилъ, чтобы они столковались, кто останется. Тщетно,—каждый старался ухватиться за вагонъ. Какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе хватаются за спасательную лодку, такъ они хватались за вагонную лѣсенку, стремясь ступить на нее. Ничего не оставалось дѣлать, какъ захватить всѣхъ». Уже въ поѣздѣ при перевязкѣ обнаружилось, что все это были тяжело раненые. Сопровождая санитарный поѣздъ, Вирховъ провелъ 9 ночей на носилкахъ, подвѣшенныхъ къ потолку вагона. Работы въ нагруженномъ ранеными поѣздѣ было очень много и требовалось напряженіе всѣхъ силъ, чтобы справиться съ этой трудной задачей. Первый вечерній обходъ затянулся до 12½ часовъ ночи. Къ концу обратнаго пути персоналъ едва держался на ногахъ. Наконецъ, 13-го октября Вирховъ доставилъ своихъ раненныхъ въ Берлинъ.

Съ переходомъ Вирхова на каѳедру въ Берлинъ имя его пріобрѣло еще болѣе блеска. Его заслуги предъ лицомъ науки встрѣтили должное признаніе и со стороны ученыхъ корпорацій внѣ предѣловъ его отечества. Въ 1856 году Лондонское королевское медицинское общество избрало Вирхова въ иногородные почетные члены, число которыхъ ограничено двадцатью. Въ 1859 году Парижская академія наукъ избрала берлинскаго патолога своимъ членомъ-корреспондентомъ. Знакъ особаго почета слѣдуетъ видѣть и въ томъ порученіи, которое возложило на Вирхова норвежское правительство въ 1859 году. Проказа, свившая себѣ издавна прочное гнѣздо въ Норвегіи, въ томъ году особенно свирѣпствовала въ западныхъ провинціяхъ, въ виду чего норвежское правительство и обратилось къ Вирхову съ порученіемъ объѣздить эти мѣстности и изучить эту страшную болѣзнь. Непосредственное знакомство съ проказой дало Вирхову поводъ заняться въ высшей степени интересными и поучительными изысканіями по исторіи этого страданія, представляющаго одинъ изъ наиболѣе мрачныхъ моментовъ на мрачномъ фонѣ среднихъ вѣковъ.

Въ 1874 году на долю Вирхова выпала довольно рѣдкая для представителя медицинской науки честь. Берлинская академія наукъ приняла Вирхова въ свою среду. Согласно принятому обычаю, въ торжественномъ засѣданіи, посвященномъ памяти основателя академіи, Лейбница (*Leibnitz-Sitzung*), 2-го іюля 1874 года новый академикъ произнесъ свою вступительную рѣчь. Въ ней Вирховъ, какъ того опять-таки требовалъ академическій обычай, даетъ резюмэ того, что онъ сдѣлалъ, и указываетъ на ту цѣль, къ которой онъ стремится. Нарисовавъ крупными штрихами картину историческаго развитія патологіи

и ея соотношеній къ естественнымъ наукамъ вплоть до своего ученія о целлюлярной патологіи, Вирховъ такъ заканчиваетъ свою рѣчь:

«То, чего патологія уже достигла и что именно мнѣ, какъ я могу допустить, доставило великую честь засѣдать сегодня среди столь избранныхъ представителей науки,—это вновь пріобрѣтенная связь патологіи съ общимъ прогрессомъ естествознанія. Это уже не болѣзнь, чего мы ищемъ, а измѣненная ткань; это уже не постороннее, инородное существо, проникшее въ человѣка, а собственное существо человѣка, которое мы изслѣдуемъ. Антропологія—или еще въ болѣе широкомъ смыслѣ біологія — распадается въ настоящее время на двѣ большія области—физіологическую и патологическую, которыя изслѣдуются однородными методами, но въ различныхъ направленіяхъ. Границы здѣсь такъ колеблются, что едва возможно провести ихъ вообще, а тѣмъ менѣе въ цѣляхъ изслѣдованія. И какъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ областяхъ нельзя сказать, съ какимъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло, съ физіологическимъ, физическимъ или химическимъ, такъ и патологія снова начинаетъ все болѣе и болѣе обнаруживать естественную близость съ родственными науками. Въ настоящее время ничто такъ не далеко отъ патологіи, какъ возвратъ къ тѣмъ физіатрическимъ и химіатрическимъ системамъ, которыя вплоть до нашего времени столь часто задерживали прогрессъ познанія. Съ благодарностью—я могу сказать—съ гордостью представители патологіи видятъ, что за ними признаютъ, что они не отстали въ стремленіи къ объективной истинѣ и въ способахъ изслѣдованія. Академія можетъ быть увѣрена, что такое признаніе послужитъ новымъ стимуломъ въ стремленіи къ высшей цѣли всей науки, къ полному познанію человѣка».

Въ интензивной поглощающей всего человѣка дѣятельности проходили у Вирхова годы за годами. Незамѣтно наступилъ и 1881 годъ, годъ 60-тилѣтія Вирхова. Ученики и почитатели его воспользовались этимъ для устройства юбилея. Юбилейное торжество происходило 19-го ноября 1881 года въ берлинской ратушѣ. Свыше 1.000 человѣкъ приняли въ немъ участіе. Выдающіеся представители литературы и науки во главѣ съ медицинскимъ факультетомъ въ полномъ его составѣ были на лицо. Делегаты почти отъ всѣхъ университетовъ Европы привѣтствовали юбиляра. Безконечное множество научныхъ обществъ и учрежденій прислали своихъ представителей.

VI.

Ученіе о клѣткѣ.—Целлюлярная патологія и неовитализмъ.—Труды Вирхова по патологической анатоміи.—Труды по исторіи медицины.—Труды по антропологіи и археологіи.—Раскопки въ Троѣ.—«*Троя и Гисарликъ*».—Врачебная практика Вирхова въ Троѣ.—Вирховъ, какъ популяризаторъ науки.—Рѣчь Вирхова о воспитаніи женщинъ.

Между трудами каждаго выдающагося ученаго всегда можно указать на одинъ трудъ, который какъ бы выполняетъ миссію этого ученаго. Съ идеями, положенными въ основу этого труда, обыкновенно и связываютъ имя даннаго изслѣдователя. Другими словами: называя даннаго ученаго, мы невольно припоминаемъ именно извѣстный его трудъ, касаясь теорій, впервые изложенныхъ въ этомъ сочиненіи, мы невольно вызываемъ въ своей памяти образъ и имя даннаго автора. Среди трудовъ Вирхова такое центральное положеніе занимаетъ его сочиненіе «*Die Cellularpathologie in ihrer Begründung auf phisiologische und pathologische Gewebelehre*» (*Целлюлярная патологія въ ея основахъ на физіологическомъ и патологическомъ ученіи о тканяхъ*).

Целлюлярная патологія, конечно, не явилась изъ головы Вирхова въ полномъ вооруженіи, какъ Минерва изъ головы Зевса, а зарождалась и созидалась постепенно въ связи съ возникшимъ ученіемъ о клѣткѣ.

Ученіе о клѣткѣ вырабатывалось въ періодъ, когда Вирховъ только что приступилъ къ изученію медицины. Краеугольными камнями воззрѣній того времени на клѣтку, ея образованіе и жизнь, послужили капитальные труды Шлейдена и Швана. Первый основалъ ученіе о растительной клѣткѣ, а второй положилъ начало ученію о клѣткѣ животной. Подъ вліяніемъ этого новаго ученія, приверженцемъ котораго былъ и Іоганнъ Мюллеръ, и стали складываться біологическія воззрѣнія Вирхова, какъ на здороваго, такъ и на больного человѣка. Медицинская молодежь того времени, по выраженію Вирхова, «рано научилась мыслить целлюлярно».

Подъ именемъ клѣточной теоріи Швана понимаютъ изложенное имъ ученіе о «свободномъ» образованіи клѣтокъ. Основы этого ученія заимствованы имъ изъ ботанической эмбріологіи Шлейдена. Шванъ примкнулъ далѣе къ ученію объ образовательныхъ веществахъ (*Bildungstoffe*): извѣстное скопленіе послѣднихъ онъ назвалъ «*бластемой*» (*Blastem*), а по отношенію къ образующимся изъ этого клѣткамъ— «*цитобластемой*» (*Cytoblastem*). Клѣтки, по мнѣнію Швана, возникали, какъ кристаллы въ маточномъ разсолѣ; онъ даже принималъ это сравненіе буквально и обозначалъ образованіе клѣтокъ прямо-таки, какъ органическую кристаллизацію. По схемѣ Швана, прежде всего изъ бластемы посредствомъ соединенія извѣстныхъ частей ея возникаетъ ядро клѣтки, вокругъ котораго ложится тонкая оболочка—самая клѣтка.

отдѣляющаяся отъ ядра извѣстнымъ количествомъ клѣточнаго содержимаго. По этой теоріи, какъ читатели видятъ, клѣтку представляли себѣ въ видѣ пузырька.

Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что такого свободнаго образованія клѣтокъ вообще не существуетъ. Затѣмъ было доказано, что для существованія клѣтки вовсе не требуется присутствія оболочки. Существеннымъ является лишь ядро и тѣло клѣтки, которыя ранѣе считались за содержимое клѣтки. Вещество, изъ котораго состоитъ тѣло клѣтки, носитъ названіе *протоплазмы*.

Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, на цѣломъ рядѣ объектовъ изслѣдованія, Вирхову удалось доказать, что патологическихъ бластемъ также не существуетъ и что ни въ одномъ случаѣ нельзя было подвердить новообразованія клѣтокъ изъ бластемъ. Благодаря этому падала всякая аналогія съ кристаллизаціей. Наблюденіе скорѣе указывало, что всѣ новыя клѣтки—потомки старыхъ клѣтокъ, что, слѣдовательно, во всей сферѣ пластическихъ процессовъ господствуетъ лишь одинъ законъ образованія—законъ наслѣдственности. Подобно тому, какъ цѣлые организмы, животные и растительные, возникаютъ путемъ наслѣдственнаго размноженія, точно также и отдѣльныя клѣтки. Допущеніе самопроизвольнаго зарожденія по отношенію къ клѣткамъ и ихъ дериватамъ—тканямъ представляется столь же излишнимъ и ложнымъ, какъ и по отношенію къ цѣлому организму.

Такимъ образомъ пришлось отказаться отъ самопроизвольнаго зарожденія клѣтокъ. Теорія бластемъ оказалась несостоятельной. И вотъ на мѣсто общаго эмбріологическаго положенія Гарвея «*omne vivum ex ovo*» (всякое живое существо происходитъ изъ яйца) Вирховъ поставилъ другое болѣе точное положеніе «*omnis cellula a cellula*»—«всякая клѣтка отъ клѣтки»—вотъ краткая формула, въ которой Вирховъ выразилъ всю сущность своихъ біологическихъ воззрѣній. Эта формула является синтезомъ всей патологоанатомической работы Вирхова.

Начало того пути, по которому Вирховъ пришелъ къ своей формулѣ, слѣдуетъ искать въ его работахъ о костной и хрящевой тканяхъ. Ему удалось изолировать такъ называемыя костныя тѣльца, которыя являются клѣтками костной ткани. То же самое удалось и по отношенію къ хрящевой ткани. Оставалось только доказать присутствіе клѣтокъ въ соединительной ткани. Когда эта задача была рѣшена въ утвердительномъ смыслѣ, Вирховъ изъ морфологіи клѣтокъ костной, хрящевой и соединительной тканей и на основаніи одинаковаго отношенія ихъ къ химическимъ агентамъ и къ теплотѣ, справедливо заключилъ объ идентичности всѣхъ этихъ образованій. Свои изслѣдованія по этому вопросу Вирховъ резюмируетъ такъ. «Костная, хрящевая и соединительная ткани одинаковымъ образомъ состоятъ изъ клѣтокъ и межклѣточнаго вещества; клѣтки обладаютъ круглой, овальной или чечевицеобразной формой, иногда снабжены отростками или развѣтвленіями и

тогда сливаются другъ съ другомъ (анастомозируютъ); межклѣточное вещество можетъ быть однороднымъ и прозрачнымъ (гіалиновымъ); зернистымъ, полосчатымъ, волокнистымъ. При кипяченіи клѣтки остаются неизмѣненными, межклѣточное же вещество дѣлается сперва однороднымъ, а потомъ растворяется».

Итакъ, клѣтка, какъ основной элементъ тканей животнаго, въ частности человѣческаго, организма была вполнѣ установлена.

Далѣе, въ своихъ изслѣдованіяхъ о воспаленіи, главнымъ образомъ въ работѣ «*О паренхиматозномъ воспаленіи*» (*Ueber parenchymatöse Entzündung*) Вирховъ показалъ, что не сосуды и нервы являются здѣсь самыми важными факторами, но что центръ тяжести лежитъ въ процессахъ, которые разъигрываются въ элементахъ тканей, въ самихъ клѣткахъ. Кромѣ того, Вирховъ замѣтилъ тотъ важный фактъ, что заболѣваніе не остается ограниченнымъ одной лишь клѣткой, но что каждый разъ поражается прилегающая къ клѣткѣ область основного вещества. Это особенно рѣзко выступаетъ въ воспаленіяхъ кости. «Заболѣваютъ,—говоритъ Вирховъ,—отдѣльныя костныя тѣльца съ принадлежащей къ нимъ территоріей основного вещества». Въ этихъ «*клѣточныхъ территоріяхъ*» (*Zellenterritorien*) Вирховъ и видѣлъ возможные «очаги болѣзни». Этимъ было теоретически заключено начатое еще *Морганьи* изслѣдованіе объ очагахъ болѣзни (*Sedes morbi*), конечно въ болѣе утонченномъ смыслѣ, чѣмъ предполагалъ великій падуанскій анатомъ, но въ послѣдовательномъ развитіи руководившей имъ идеи.

Вирховъ видитъ большой шагъ впередъ въ томъ, что организмъ можно себѣ представить состоящимъ изъ клѣточныхъ территорій. Для всякаго патологическаго изслѣдованія исходной точкой должна служить болѣзненно-измѣненная клѣточная территорія. Всѣ біологическія воззрѣнія слѣдуетъ въ концѣ концовъ свести на клѣтки и дериваты клѣтокъ, клѣточныя территоріи. Развивая дальше эту мысль, Вирховъ приходитъ къ фундаментальному положенію о самостоятельно живущихъ и самостоятельно питающихся единицахъ, составляющихъ животный и человѣческій организмъ. «Тѣло человѣка,—говоритъ Вирховъ,—можетъ быть раздѣлено на безчисленныя растительныя, живущія и питающіяся, единицы (*vegetative Lebens- und Ernährungs-Einheiten*), изъ которыхъ каждая представляетъ извѣстную независимость, извѣстное самоопредѣленіе жизни». Это положеніе послужило основою новому ученію Вирхова.

Съ названіемъ, даннымъ Вирховомъ своему ученію, съ выраженіемъ «*целлюлярная патологія*» мы встрѣчаемся впервые въ 1855 году въ руководящей статьѣ VIII-го тома Вирховскаго Архива, статьѣ, озаглавленной «*Целлюлярная патологія*» (*Cellular-Pathologie*). Здѣсь же мы находимъ и его знаменитую формулу о происхожденіи всякой клѣтки отъ клѣтки. «Я формулирую,—говоритъ Вирховъ,—ученіе о патологической генераціи, о новообразованіи въ смыслѣ целлюлярной патологіи,

просто: *omnis cellula a cellula*. Я не знаю жизни, для которой не пришлось бы искать материнскаго организма или материнскаго образованія (*Muttergebilde*). Клѣтка переноситъ движеніе жизни на другую клѣтку и силу этого движенія, силу, можетъ быть или даже вѣроятно, очень сложную, я называю жизненной силой (*Lebenskraft*)».

Целлюлярная патологія, которая, естественно, заключаетъ въ себѣ целлюлярную теорію всего живого вообще, исходитъ изъ того, что клѣтки—собственно дѣйствующія частицы тѣла, *истинные элементы* послѣдняго, и что отъ клѣтокъ беретъ начало всякое жизненное проявленіе (*Action*). Жизнь проявляется только дѣйствіемъ, слѣдовательно, познаніе различныхъ видовъ дѣятельности и ея разстройства и составляетъ собственно задачу патологіи. Послѣдняя поэтому и представляется скорѣе біологической наукой, нежели механической. Механическій ходъ отдѣльныхъ жизненныхъ актовъ этимъ никоимъ образомъ не исключается; напротивъ, безъ точнаго изслѣдованія механизма, который вступаетъ въ дѣйствіе, проникновеніе въ болѣе тонкіе процессы невозможно. Физическіе и химическіе законы не отмѣняются болѣзнью, какъ это учили до тѣхъ поръ, они лишь проявляются инымъ образомъ, чѣмъ это происходитъ въ здоровой жизни. Ни при болѣзни, ни при излѣченіи на сцену не выступаетъ сила, до того не существовавшая или до того скрытая на заднемъ планѣ. То же вещество, которое является носителемъ жизни, есть и носитель болѣзни. «Ничто не препятствуетъ,—говоритъ Вирховъ,—назвать и такое направленіе *витализмомъ*. Не слѣдуетъ только забывать, что особой жизненной силы отыскать нельзя и что витализмъ вовсе не обозначаетъ необходимымъ образомъ спиритуалистической или даже динамической системы. Точно также надо помнить, что жизнь отличается отъ процессовъ въ остальномъ мірѣ и что ее нельзя свести просто на физическіе и химическіе законы».

Виталистическая теорія Вирхова извѣстна подъ именемъ «*неовитализма*» въ отличіе отъ витализма старыхъ авторовъ, которые признавали существованіе особой жизненной силы.

Неовитализмъ, какъ научное воззрѣніе на жизнь, противоставляется другому воззрѣнію—механическому. Наиболѣе яркимъ и талантливымъ поборникомъ послѣдняго былъ физіологъ Дюбуа-Реймонъ, также ученикъ Іоганна Мюллера, школа котораго придерживалась механическаго воззрѣнія. Вирховъ также въ началѣ раздѣлялъ это ученіе и лишь его работы въ смыслѣ целлюлярныхъ идей привели его къ витализму.

Мы прослѣдили тотъ путь, по которому Вирховъ пришелъ къ своей знаменитой формулѣ, къ своему новому ученію. Вполнѣ законченное и стройное изложеніе своихъ взглядовъ Вирховъ представилъ въ своемъ капитальномъ трудѣ «*Die Cellularpathologie*». Это были тѣ лекціи, которыя Вирховъ читалъ берлинскимъ врачамъ въ первомъ семестрѣ 1858 года и о которыхъ мы уже упоминали выше. Книга вызвала

цѣлый переворотъ въ медицинѣ. Появленіе «*Целлюлярной патологіи*» имѣло такое же значеніе, какъ Лютеровскій переводъ библіи. Это было цѣлое откровеніе.

Въ предисловіи къ этому историческому труду,—предисловіи, носящемъ нѣсколько полемическій характеръ, авторъ заявляетъ, что врядъ ли кто-либо пытался провести необходимую реформу воззрѣній съ большей пощадой традиціоннаго. Однако, собственный опытъ научилъ его, что здѣсь имѣется извѣстная граница. Слишкомъ большая пощада является уже настоящей ошибкой, такъ какъ благопріятствуетъ сумбуру. Далѣе, Вирховъ подчеркиваетъ, что онъ желаетъ реформы, а не революціи, желаетъ сохранить старое и присоединить новое. Для современниковъ картина представляется не ясной, такъ какъ слишкомъ легко получается впечатлѣніе какъ бы пестрой смѣси стараго и новаго. Съ другой стороны, необходимость больше бороться съ ложными или исключительными ученіями новѣйшихъ авторовъ, чѣмъ съ воззрѣніями старыхъ авторовъ, производитъ впечатлѣніе болѣе революціоннаго, нежели реформаціоннаго воздѣйствія.

Рядомъ съ увлекающимися поклонниками ученіе Вирхова встрѣтило и сильную оппозицію. Но съ теченіемъ времени вновь открытые факты патологіи скорѣе говорятъ въ пользу вирховскаго ученія, нежели противъ него. Стройное зданіе целлюлярной патологіи, воздвигнутое Вирховымъ на прочныхъ естественно-научныхъ устояхъ,—зданіе, которое пытались расшатать, все еще стоитъ твердо.

Къ «Целлюлярной патологіи» тѣсно примыкалъ самый крупный трудъ Вирхова по патологической анатоміи, а именно «*Болѣзненныя опухоли*» (*Die Krankhaften Geschwülste*). Мы не станемъ подробно разсматривать этой капитальной вещи, къ сожалѣнію не оконченной, въ виду слишкомъ спеціальнаго ея интереса. Скажемъ только, что въ тотъ хаосъ, какой представляло ученіе объ опухоляхъ, Вирховъ впервые внесъ извѣстную систему, установилъ здѣсь извѣстные принципы, извѣстную классификацію. Руководящимъ принципомъ при изученіи этого обширнаго и нѣсколько обособленнаго отдѣла патологической анатоміи, въ которомъ до Вирхова изъ-за деревьевъ не видно было лѣса, авторъ ставитъ *генетическій* принципъ. Послѣдній сводился къ тому, что какая-либо ткань, являющаяся продуктомъ извѣстнаго организма, можетъ состоять только изъ свойственныхъ этому организму элементовъ. Целлюлярно-патологическія воззрѣнія Вирхова совершенно исключали ту мысль, что опухоль можетъ возникнуть въ организмѣ, какъ нѣчто независимое. Опухоль, разсуждаетъ Вирховъ, есть часть организма; она не только связана съ нимъ, но и происходитъ изъ него и подчинена его законамъ. *Законы организма господствуютъ и надъ опухолью*—вотъ первое основное положеніе Вирхова. Выясняя далѣе, что извѣстный животный организмъ можетъ производить только то, что заложено въ немъ, какъ въ извѣстномъ типѣ, Вирховъ указываетъ,

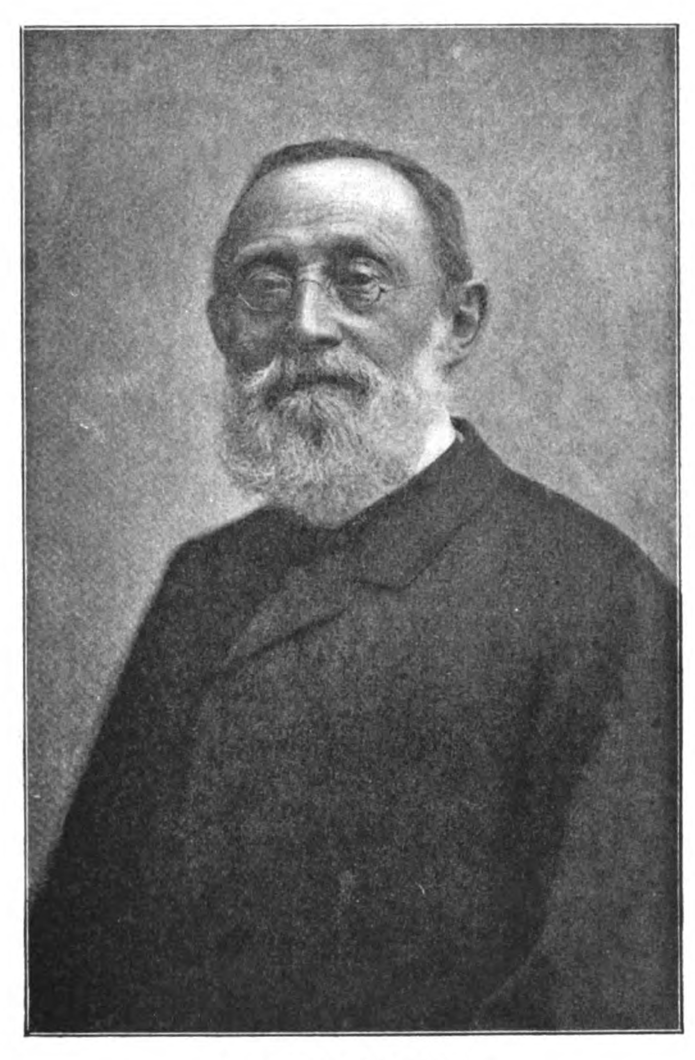
что и всякое новообразованіе, какимъ и является опухоль, должно держаться въ границахъ типа даннаго недѣлимаго. *Типъ, который вообще является рѣшающимъ для развитія и образованія въ организмѣ, является рѣшающимъ и для развитія и образованія опухоли*—вотъ второе основное положеніе. Изъ этихъ-то положеній и возникло точное и правильное познаніе опухолей и болѣе точная классификація ихъ на основаніи гистологическаго ихъ строенія.

«*Болѣзненныя опухоли*», какъ и «*Целлюлярная патологія*», представлютъ въ основѣ своей университетскія лекціи, читанныя Вирховымъ въ зимнемъ семестрѣ 1862—1863 года. Три тома этого и по настоящее время классическаго сочиненія вышли въ печати послѣдовательно въ 1863, 1865 и 1867 годахъ.

Изъ цѣлаго ряда болѣе мелкихъ работъ Вирхова, опубликованныхъ имъ послѣ 1856 года, укажемъ лишь на его изслѣдованія о *трихинозѣ*. Практическимъ результатомъ изслѣдованій Вирхова о чужеядномъ, обусловливающемъ это заболѣваніе, была выработка гигіеническихъ и полицейскихъ мѣръ въ формѣ осмотра мяса,—мѣръ, послужившихъ предохраненіемъ отъ этой страшной болѣзни.

На рубежѣ патологической анатоміи и судебной медицины стоитъ небольшой трудъ Вирхова,—трудъ, который никоимъ образомъ нельзя пройти молчаніемъ. Это—«*Техника вскрытія*» (*Die Sections-Technik in Leichenhause des Charite-Krankenhauses, mit besonderer Rücksicht auf gerichtsärztliche Praxis*). Выработанная Вирховымъ на основаніи долголѣтняго опыта техника вскрытій принята по всей Германіи въ виду своей раціональности и практичности. Руководясь правилами, изложенными въ этой книжкѣ, можно производить какъ патолого-анатомическія, такъ и судебно-медицинскія вскрытія. Благодаря Вирховской «*Техникѣ вскрытій*» въ Германіи всѣ вскрытія производятся по одному шаблону, что весьма важно какъ въ чисто научномъ, такъ и въ судебно-медицинскомъ отношеніи.

Прежде, чѣмъ познакомить читателей съ трудами Вирхова, лежащими внѣ области медицинскихъ знаній, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить одну крупную и характерную черту, поражающую насъ при изученіи его работъ. Какого бы вопроса ни касалась данная работа Вирхова, въ ней прежде всего бросается въ глаза знакомство автора съ исторіей занимающаго его предмета. Это не то такъ называемое «знакомство съ литературой вопроса», которое можно встрѣтить въ любой работѣ, претендующей на ученость, гдѣ авторъ старается буквально засыпать васъ именами и именами, чтобы этимъ замаскировать зачастую поверхностное изученіе предмета. Работы Вирхова не блещутъ этимъ пестрымъ узоромъ именъ, а имѣютъ въ виду дать читателямъ такую картину тѣхъ фактовъ и тѣхъ взглядовъ, которые были установлены и выработаны до извѣстнаго момента по данному вопросу; другими словами, знакомятъ читателей съ дѣйствительной исторіей во-

Рудольфъ Вирховъ.

(Современный портретъ, къ юбилею 50-лѣтней научной дѣятельности).

проса. Чрезъ всѣ труды Вирхова, посвященныя медицинѣ, красною нитью проходитъ извѣстный историческій культъ, глубокое уваженіе истиннаго ученаго къ своимъ предшественникамъ, потрудившимся на пользу той же науки. «Можетъ быть,—писалъ Вирховъ въ 1858 году въ предисловіи къ своей «*Целлюлярной патологіи*»,—въ настоящее время является заслугой признаніе историческаго права, потому что дѣйствительно изумительно, съ какимъ легкомысліемъ судятъ о своихъ предшественникахъ именно тѣ, которые каждую мелочь, найденную ими, прославляютъ, какъ открытіе. Я стою за свое право и поэтому я признаю также право другихъ. Вотъ моя точка зрѣнія въ жизни, въ политикѣ, въ наукѣ». Нечего и говорить, что это «признаніе права другихъ», эта историческая добросовѣстность особенно ярко сказывается въ тѣхъ произведеніяхъ Вирхова, которыя слѣдуетъ отнести спеціально къ области исторіи медицины. На первомъ мѣстѣ мы поставимъ здѣсь его рѣчи, посвященныя памяти его великихъ учителей: Мюллера и Шенлейна. Въ особенности заслуживаетъ вниманія послѣдняя—*Gedächtnissrede auf Joh. Lucas Schonlein*, гдѣ 35 страницъ текста дополняются 74-мя страницами пояснительныхъ примѣчаній, въ которыхъ Вирховъ обнаруживаетъ изумительную эрудицію не только по исторіи медицины, но и вообще по исторіи культуры. Укажемъ еще на рѣчь, произнесенную Вирховымъ на XI международномъ медицинскомъ съѣздѣ въ Римѣ и посвященную Морганьи и его значенію въ медицинѣ (*Morgagni und der anatomische Gedanke* (*1894*). Особаго упоминанія заслуживаетъ небольшой очеркъ исторіи общей патологіи за послѣднія сто лѣтъ (*Hundert Jahre allgemeiner Pathologie*), написанный Вирховымъ по поводу 100-лѣтняго юбилея (1895) его *almae matris*, медико-хирургическаго института Фридриха-Вильгельма.

Помимо патологической анатоміи другая отрасль знаній о человѣкѣ, антропологія, тѣсно связана съ именемъ Вирхова. Можно безъ преувеличенія сказать, что Вирховъ является главою германскихъ антропологовъ. Съ 1870 года онъ фигурируетъ сперва въ роли основателя, а затѣмъ неоднократно въ роли предсѣдателя германскаго и берлинскаго общества антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи (*Deutsche und Berliner Gesellschaft für Anthropologie*, *Ethnologie und Urgeschichte*).

Изъ многочисленныхъ работъ Вирхова по антропологіи прежде всего слѣдуетъ указать на предпринятую по его иниціативѣ перепись школьниковъ Германіи, Австріи, Швейцаріи и Бельгіи (болѣе 10 милліоновъ) по новой схемѣ относительно цвѣта кожи, радужной оболочки и волосъ. Этимъ имѣлось въ виду установить распредѣленіе въ названныхъ странахъ бѣлокураго и смуглаго типа, блондиновъ и брюнетовъ. Далѣе имѣется цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ Вирховымъ одной изъ наиболѣе интересныхъ главъ антропологіи—краніологіи. Сюда относятся его изслѣдованія о кретинизмѣ, о которыхъ мы уже упоми-

нали, о причинахъ и слѣдствіяхъ укороченія основанія черепа, о носовыхъ костяхъ у низшихъ расъ и нѣкоторыя другія работы. Крайне интересна работа, предметомъ которой послужила особая форма большеберцевой кости, такъ называемая *платикнемія*; большеберцовая кость принимаетъ здѣсь форму сабельныхъ ноженъ. Наконецъ, Вирховъ много занимался вопросомъ объ атавизмѣ.

Въ археологіи труды Вирхова занимаютъ также далеко не послѣднее мѣсто. Мы говоримъ о его работахъ по изученію свайныхъ построекъ и о тѣхъ работахъ, которыя явились плодомъ его непосредственнаго участія въ раскопкахъ Трои.

Въ 1879 году знаменитый археологъ-дилеттантъ Шлиманъ, уже десять лѣтъ, съ 1868 года, посвятившій всѣ свои силы и милліонныя средства раскопкамъ «священной Трои», предложилъ Вирхову посѣтить мѣсто самыхъ раскопокъ и принять личное участіе въ археологическихъ изысканіяхъ. «Не смотря на нѣкоторое раздумье, — говорилъ Вирховъ, — я рѣшился на это нѣсколько далекое путешествіе. Какъ могъ я противостоять!»

«Путешествіе въ Трою—какъ многихъ увлекаетъ уже одна мысль объ этомъ,—разсказываетъ намъ Вирховъ.—Люди всякихъ профессій просились ко мнѣ въ спутники, когда стало извѣстнымъ, что я собираюсь посѣтить прославленную страну. А дѣло вѣдь шло не о такомъ путешествіи, какъ, напримѣръ, въ Швейцарію,—путешествіи, которое предпринимаютъ ради самой страны и въ теченіе котораго видятъ при случаѣ Рютли, Кюснахтъ, Земнахъ и Лаупенъ, Муртенъ и св. Іакова. Путешествіе въ Трою предпринимаютъ ради Иліады. Образы, вызванные какъ бы по волшебству поэтомъ, уже заранѣе наполняютъ фантазію путешественника. Онъ хочетъ видѣть мѣста, гдѣ велась долгая борьба за Елену, могилы, гдѣ погребены герои, поплатившіеся жизнью въ этой борьбѣ. Ахиллесъ и Гекторъ стоятъ на первомъ планѣ той дышащей жизнью картины, которая еще нынѣ, какъ и тысячелѣтія раньше, запечатлѣвается въ умѣ каждаго образованнаго юноши».

Въ концѣ марта 1879 года Вирховъ прибылъ въ Трою. Мѣстомъ раскопокъ служилъ холмъ Гисарликъ (*Hissarlik*), въ глубинѣ котораго и оказалась засыпанной «священная Троя». Вирховъ провелъ здѣсь весь апрѣль и занимался главнымъ образомъ изученіемъ ботаническихъ, зоологическихъ и геологическихъ условій мѣстности, плодомъ чего и явился его трудъ «*Матеріалы къ географіи Трои*» (*Beiträge zur Landeskunde von Troas*). Свои собственно археологическія изысканія Вирховъ изложилъ въ другомъ трудѣ: «*Древнетроянскія могилы и черепа*» (*Alttrojanische Gräber und Schädel*).

Въ извѣстномъ сочиненіи Шлимана «*Иліосъ*» (*Ilios*) мы встрѣчаемъ чрезвычайно интересную статью Вирхова: «*Троя и Гисарликъ* (*Troja und Hissarlik*). Въ этой статьѣ авторъ доказываетъ весьма остроумными сопоставленіями какъ изъ «Иліады», такъ и изъ другихъ болѣе исто-

рическихъ творенiй древнихъ эллиновъ справедливость положенiя Шлимана, что «священная Троя» находится на глубинѣ болѣе 30-ти футовъ въ холмѣ Гисарликъ. Своеобразная природа и обстановка, связанные съ мѣстностью поэтическiе миѳы и легенды, самый предметъ изслѣдованiя—эта невѣдомая Троя, воспѣтая миѳическимъ Гомеромъ,—все это производило на Вирхова неотразимое чарующее впечатлѣнiе. Неудивительно поэтому, если логическiй мыслитель и ученый археологъ часто уступаетъ мѣсто поэту съ сильнымъ воображенiемъ и прекраснымъ даромъ слова. Цѣлыя страницы Вирховъ посвящаетъ описанiю красотъ природы Трои. «Ученые спорятъ,—говоритъ Вирховъ,—о томъ, былъ ли Гомеръ или, скажемъ вообще, былъ ли творецъ Илiады въ самой странѣ. Странный спорный пунктъ для того, кто не только видѣлъ эту мѣстность съ моря, но и путешествовалъ внутри страны! Я объявляю открыто, для меня представляется невозможнымъ, чтобы Илiада могла быть создана кѣмъ-либо, кто не посѣтилъ самой страны. Я не могу умолчать. что для меня совершенно непонятно, какъ могли думать, что можно помощью свѣта лампы въ кабинетѣ ученаго затмить чудеса природы Трои и оспаривать у безсмертнаго поэта реальность его художественныхъ описанiй».

Въ общемъ, конечно, въ толкованiяхъ найденнаго Шлиманомъ имѣетъ мѣсто извѣстная доля воображенiя. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать и извѣстной справедливости въ тѣхъ словахъ Вирхова, которыми онъ заключаетъ свою статью:

«Не будемъ же лишать себя совершенно напрасно всякой поэзiи. Мы дѣти суроваго и часто очень прозаическаго времени, мы хотимъ все жъ оставить за собой право вызывать въ нашей старости вновь тѣ картины, которыя наполняли нашу юношескую фантазiю. Можетъ быть, не все, о чемъ поетъ Гомеръ, поэтическiй вымыслъ. Можетъ быть, вѣрно, что въ весьма отдаленныя доисторическiя времена здѣсь царствовалъ въ высокой горной крѣпости богатый владѣтельный князь и что противъ него вели упорную войну греческiе цари; война окончилась гибелью князя и разрушенiемъ его города отъ страшнаго пожара. Можетъ быть, на этомъ берегу впервые Европа и Азiя столкнулись въ рѣшительной битвѣ, впервые молодая, но уже прiобрѣтающая самостоятельность, культура Запада сильнымъ ударомъ доказала свое превосходство надъ изнѣженной культурой Востока. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что это было такъ, но я не хочу никому навязывать своей вѣроятности».

Принять приглашенiе Шлимана Вирхова побудила «въ не малой степени надежда оставить позади себя вмѣстѣ съ материкомъ Европы и всю ту массу дѣлъ, которая угрожала задавить его». Онъ не предчувствовалъ, что то занятiе, отъ котораго онъ дома постепенно отказался, именно врачебная практика, заполонитъ его на развалинахъ «священной Трои». Вскорѣ послѣ прiѣзда Вирхова по всей окрестности

распространился слухъ, что «вновь прибывшій эффенди—великій врачъ». И вотъ Вирхову пришлось фигурировать въ роли практическаго врача. *Volens-nolens* Вирховъ сталъ принимать больныхъ и посѣщать ихъ на дому. Главный контингентъ составляли рабочіе Шлимана, но и изъ окрестныхъ деревень приходили больные, а зачастую и привозили къ Вирхову паціентовъ. Большинство больныхъ были греки, но среди рабочихъ на раскопкахъ встрѣчались болгаре, армяне и даже персы. При разспросѣ больныхъ приходилось прибѣгать не къ одному, а послѣдовательно къ нѣсколькимъ переводчикамъ. Главнымъ драгоманомъ являлся самъ Шлиманъ, который до прибытія Вирхова самъ лѣчилъ и довольно удачно и котораго Вирховъ прозвалъ поэтому Махаономъ (врачъ у грековъ, осаждавшихъ Трою). Въ общемъ Вирховъ «не могъ пожаловаться на результаты своей врачебной кампаніи».

Пребываніе Вирхова въ Гисарликѣ послужило даже къ образованію легенды, характерной для Востока. Въ цѣляхъ геологическаго изслѣдованія почвы Вирховъ заложилъ буровую скважину близь греческой деревушки Калифатли и поставилъ двухъ рабочихъ съ приказаніемъ рыть, пока не появится вода. Вслѣдствіе раздъѣздовъ Вирховъ лишь поздно ночью вернулся къ этому мѣсту, при огнѣ изслѣдовалъ скважину и собралъ немного вырытой земли. Въ послѣдующіе дни онъ еще нѣсколько разъ посѣтилъ мѣсто буренія. Все это въ сильнѣйшей степени возбудило фантазію народа, не понимавшаго, конечно, цѣли работъ». И вотъ, послѣ отъѣзда Вирхова деревенскіе жители выложили камнемъ самую скважину, а открывшійся источникъ назвали «*источникомъ врача*». Приписывая водѣ источника большую чудодѣйственную силу, всѣ стали брать воду оттуда.

«Если,—пишетъ Вирховъ,—мнѣ и не удалось отыскать на островѣ Косѣ стараго платановаго дерева, подъ которымъ, какъ говорятъ, патріархъ медицины Гиппократъ принималъ своихъ больныхъ, то все же предо мною развернулась живая картина древнихъ порядковъ». Вотъ какими словами резюмируетъ Вирховъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ врачебной практики на развалинахъ древней Трои. Народъ здѣсь, по мнѣнію Вирхова, еще во многихъ отношеніяхъ такой, какимъ онъ былъ тысячелѣтія назадъ. Это особенно сказалось въ дѣлѣ личной благодарности паціентовъ. И новоявленный Махаонъ. Шлиманъ, и самъ Вирховъ были долгое время въ сомнѣніи, развито ли въ населеніи чувство благодарности. Сомнѣнія эти однако впослѣдствіи разсѣялись. Когда народъ узналъ, что Вирховъ каждый день собираетъ цвѣты, гербаризируетъ, то не проходило дня, чтобы на столѣ у нашихъ ученыхъ не появлялись свѣжіе букеты. А когда Вирховъ проѣзжалъ на обратномъ пути чрезъ одну деревушку, то ему надавали столько левкоевъ и васильковъ, что онъ съ трудомъ могъ найти на себѣ мѣсто, куда бы ихъ помѣстить.

Въ память о «счастливыхъ дняхъ, прожитыхъ совмѣстно въ Иліонѣ»,

Шлиманъ посвятилъ свой обширный и прекрасный трудъ, о которомъ мы уже упоминали, своему «уважаемому другу и ревностному сотруднику» Вирхову. Предисловіе къ сочиненію Шлимана написано, по настоянію самого автора, Вирховымъ.

Разносторонняя строго научная дѣятельность Вирхова, картину которой мы старались представить нашимъ читателямъ, шла у него рука объ руку со стремленіемъ популяризовать добытыя наукою данныя. Вирховъ принадлежитъ къ тѣмъ ученымъ, которые понимаютъ, какъ важно для культуры націи возможно широкое распространеніе въ массѣ здравыхъ понятій о научныхъ вопросахъ. Разумная популяризація науки—одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ прогресса. Только при такомъ условіи возможно уваженіе къ наукѣ со стороны народа. А «гдѣ высоко стоитъ наука, стоитъ высоко человѣкъ».

Въ цѣляхъ популяризаціи науки Вирховъ предпринялъ въ 1866 году совмѣстно съ профессоромъ-юристомъ *Францемъ Гольцендорфомъ* (*Franz von Holzendorf*), котораго впослѣдствіи замѣнилъ историкъ *Вильгельмъ Ваттенбахъ* (*Wilhelm Wattenbach*), періодическое изданіе «*Сборникъ общепонятныхъ научныхъ лекцій*» (*Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge*). Изданіе это, существующее понынѣ, даетъ въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ ежегодно цѣлую серію лекцій, читанныхъ предъ большой публикой и посвященныхъ всевозможнымъ вопросамъ знанія.

Изъ цѣлаго ряда различныхъ публичныхъ чтеній Вирхова мы остановимся на его рѣчи «*О воспитаніи женщины для ея призванія*» (*Die Erziehung des Weibes für seinen Beruf*). Рѣчь эта интересна еще тѣмъ, что послужила матеріаломъ для статьи нашего критика Писарева «*Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ*». Не смотря на то, что эти «мысли Вирхова» имѣютъ за собою болѣе нежели тридцатилѣтнюю давность (1865 г.), онѣ не утратили своего интереса. Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ страницы, гдѣ Вирховъ говоритъ о желательности лучшей педагогической подготовки женщины, какъ воспитательницы своихъ дѣтей. Молодая мать, замѣчаетъ Вирховъ, стала бы смотрѣть съ большей смѣлостью и самоувѣренностью на своего перваго младенца, если бы она не принуждена была сознаваться самой себѣ, что онъ—ея пробный ребенокъ, тотъ ребенокъ, надъ которымъ она болѣе или менѣе самостоятельно по своимъ собственнымъ соображеніямъ должна производить свои педагогическіе эксперименты. Нечего грѣха таить, что наше домашнее воспитаніе стоитъ до сихъ поръ на томъ низкомъ уровнѣ развитія, на которомъ находилось въ прошедшемъ столѣтіи народное хозяйство. Это—чисто первобытное хозяйство. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы ввести въ жизнь науку воспитанія, которая положила-бы конецъ производству безконечныхъ педагогическихъ экспериментовъ и воспитанію дѣтей по неопредѣленнымъ слухамъ. Вирховъ однако находитъ недостаточнымъ только теоретическое

преподаваніе педагогики, а считаетъ необходимымъ знакомство съ педагогической практикой.

«Не думаю я также,—говоритъ Вирховъ,—чтобы слѣдовало предоставлять на произволъ судьбы изученіе педагогической практики, которая такимъ образомъ усваивалась бы старшей сестрой только въ томъ случаѣ, когда аисту заблагоразсудится принести ей еще братца или сестрицу. Надо устроить такъ, чтобы педагогическая практика сдѣлалась одною изъ нормальныхъ сторонъ женскаго воспитанія». Какъ же это устроить? На этотъ трудный вопросъ Вирховъ даетъ очень простой отвѣтъ. Чтобы большинство молодыхъ дѣвушекъ могло изучить практическую часть педагогики, Вирховъ рекомендуетъ воспользоваться такими учрежденіями, которыя находятся подъ руками или же могутъ быть созданы повсемѣстно каждой общиною и каждымъ обществомъ. Вирховъ имѣетъ въ виду заведенія для храненія маленькихъ дѣтей (*Kleinkinderbewahranstalten*), такъ называемыя ясли и дѣтскіе сады. Эти учрежденія совершенно приспособлены къ тому, чтобы «играть въ развитіи созрѣвающаго женскаго поколѣнія ту роль, которую играютъ больницы и клиники въ образованіи молодого медика». Онѣ могутъ сдѣлаться образовательными заведеніями, въ которыхъ будетъ изучаться на практикѣ воспитаніе дѣтей какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны.

«Всѣ эти заведенія,—говоритъ далѣе Вирховъ,—существовали до сихъ поръ только ради тѣхъ дѣтей, которыя туда принимались, или ради ихъ родителей; иногда съ этими учрежденіями связывались также церковныя цѣли. До сихъ поръ было упущено изъ вида, что эти заведенія могутъ быть питомниками дѣятельной добродѣтели и основательнаго знанія для женской молодежи, семинаріями хорошихъ матерей и хозяекъ, если только воспользоваться ими для практическаго изученія педагогики подъ руководствомъ опытныхъ учителей и учительницъ. Такимъ образомъ къ готовому знанію присоединится готовое умѣнье. Когда дѣвочка лежитъ еще въ люлькѣ, вы даете ей куклу и она играетъ до тѣхъ поръ, пока подрастетъ. Потомъ вы отдаете въ ея распоряженіе кукольную комнату и убираете эту комнату всѣми принадлежностями, какія вы только можете пріобрѣсти. Зачѣмъ же это дѣлается? Затѣмъ, чтобы въ играхъ ребенка подготовить будущую спеціальную дѣятельность женщины; затѣмъ, чтобы пробудить чувство женщины, чтобы пріучить малютку къ заботамъ дѣтской комнаты. Очень хорошо! Но затѣмъ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Куклу ставятъ въ уголъ. Весь міръ появляется передъ дѣвушкой въ какомъ-то замаскированномъ видѣ. Только въ лицѣ своего собственнаго ребенка молодая мать встрѣчаетъ снова передъ собою реальный предметъ. Неужели вы не чувствуете, что здѣсь оказывается въ воспитаніи большая ошибка, самая тяжелая изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадаетъ общество? Неужели вы не понимаете, что это грѣхъ—до-

вѣрить живого ребенка такой матери, которая только въ кукольной комнатѣ приготовлялась къ исполненію своихъ серьезныхъ материнскихъ обязанностей? Да еще къ тому же, такой матери, которой приходится платить дань всѣмъ запутаннымъ условіямъ современной общественной жизни, переполненной суетными удовольствіями, искаженной странными модами, подавленной превратными и суевѣрными понятіями. Эту ошибку можно устранить только тѣмъ, чтобы, вслѣдъ за кукольной комнатой, вести теоретическую подготовку женской школы, а потомъ практическое образованіе дѣтскаго сада».

Читатели, надѣюсь, согласятся съ нами, что подъ этими строками можно смѣло поставить текущій годъ. «Мысли Вирхова» и его вполнѣ раціональныя предложенія и теперь такъ же далеки отъ осуществленія, какъ и въ тотъ моментъ, когда онъ впервые ихъ высказалъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Удивительно спокойный ясный день. Жара уже ослабѣла послѣ четырехъ часовъ. Отъ узенькой рѣчки несетъ своеобразными испареніями запаха стоячаго болота. Ряды маленькихъ одноэтажныхъ домовъ Новой Деревни молчаливо стоятъ, наполненные своими невзыскательными жильцами. Во дворѣ бѣгаютъ ребятишки. Пользуясь наступающимъ вечеромъ, иные изъ нихъ, въ которыхъ уже сидитъ зерно страстнаго охотника, выходятъ на берегъ рѣки, вооруженные длинными удилищами, и, забросивъ крючки въ воду, пристально слѣдятъ за поплавками.

Самый страстный любитель рыбной ловли жилъ на дачѣ, которая своими зелеными окнами выходила на проѣзжую дорогу, проходившую вдоль рѣки. Идя отъ дачи, надо было только перейти дорогу, чтобы попасть къ рѣкѣ.

Это былъ мальчикъ лѣтъ семи, въ коротенькихъ дѣтскихъ штанишкахъ, въ матросской рубашкѣ. На головѣ онъ иногда носилъ круглую фуражку, безъ козырька, съ лентами назади и съ надписью впереди крупными золотыми буквами: „Разбойникъ“, чѣмъ, помимо его очевидной страсти къ морской службѣ, отчасти указывалось и на его рѣшительный нравъ, такъ какъ онъ никогда не оставался въ покоѣ, а всегда являлся дѣятельнымъ иниціаторомъ всякаго рода приключеній съ уличными мальчишками. Но чаще всего онъ появлялся на улицѣ вовсе безъ фуражки, и тогда голова его была прикрыта только его собственными густыми, свѣтлыми волосами, которые отъ солнца пріобрѣли какой-то бѣлый отливъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

Онъ и теперь одинъ изъ первыхъ былъ у рѣчки и, очень ловко размотавъ нитки, уже забросилъ въ рѣку удочку, а удилище держалъ обѣими руками, уперши его конецъ къ себѣ въ колѣни. Но за поплавкомъ онъ не могъ слѣдить вполнѣ внимательно, такъ какъ полагалъ, что на его обязанности лежитъ знать все, что дѣлается на улицѣ. Поэтому онъ часто подымалъ голову и глядѣлъ вверхъ—то направо, то налѣво. Стоявшій рядомъ съ нимъ его товарищъ изъ его дачи, по сосѣдству, тысячу разъ подсказывалъ ему, что у него клюетъ, но, когда тотъ хватался за удилище, обыкновенно, было уже поздно.

Малѣйшее движеніе на улицѣ отвлекало его вниманіе. Каждый проѣзжавшій мимо извозчикъ съ сѣдокомъ вызывалъ въ немъ любопытство. Ему все казалось, что это непремѣнно какой-нибудь знакомый и ѣдетъ къ нимъ, и тогда, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ его окликнуть. Кромѣ того, знакомые часто забываютъ адресъ и долго ищутъ дачу, а иногда уѣзжаютъ, не найдя ее, а онъ до страсти любилъ, когда къ нимъ пріѣзжали гости. Тогда въ домѣ бывало весело.

На этотъ разъ онъ уже осмотрѣлъ десятка два извозчичьихъ экипажей; попались и двѣ кареты; но на кареты онъ вовсе не обращалъ вниманія, такъ какъ къ нимъ знакомые въ каретѣ не ѣздили.

Но вотъ показалась пролетка и на ней сѣдокъ, длинный и нѣсколько согнутый. Мальчикъ пристально къ нему присматривался, и ему казалось, что длинный, согбенный человѣкъ—знакомый и ѣдетъ къ нимъ. Онъ уже началъ тревожиться по поводу того, что не можетъ совершенно разглядѣть сѣдока, потому что онъ былъ окутанъ пылью, поднятой конскими ногами. Но вотъ извозчикъ поравнялся съ нимъ, мальчикъ узналъ и закричалъ:

— Вольтовъ! Вольтовъ!

Извозчикъ остановился, и сѣдокъ началъ безпокойно оглядываться по сторонамъ, не понимая, откуда этотъ голосъ. А мальчикъ, уложивъ быстрымъ движеніемъ на берегъ удилище, дралъ наверхъ. Вотъ онъ уже около экипажа.

— А, Митя, это ты,—сказалъ Вольтовъ, тотчасъ же узнавъ въ мальчикѣ одного изъ отпрысковъ Матвѣя Ивановича Скорбянскаго.

— А вы къ намъ, должно быть?—спросилъ Митя.

— Да, къ вамъ, конечно... Только не знаю хорошенько дачи... Знаю, что гдѣ-то здѣсь.

— А вонъ она съ зелеными рамами...

— Отецъ дома?

— Дома; онъ еще спитъ... Скоро будемъ обѣдать...

— Ну что жъ, доѣдемъ вмѣстѣ,—предложилъ Вольтовъ.

— Нѣтъ, я ужу рыбу... Я прибѣгу...

И Митя Скорбянскій опять пустился со всѣхъ ногъ внизъ къ рѣкѣ и продолжалъ рыбную ловлю уже окончательно безъ вниманія, такъ какъ дома былъ гость.

Извозчикъ остановился около воротъ дачи съ зелеными окнами. Во дворѣ слышалась возня; это играли остальные ребята Скорбянскаго.

У пріѣзжаго не оказалось никакого багажа, за исключеніемъ маленькой папки или портфеля подъ мышкой. Онъ отпустилъ извозчика и подошелъ къ небольшому крыльцу съ навѣсомъ. Звонка не оказалось; онъ попробовалъ дверь, и она отворилась. Онъ вошелъ, прошелъ стеклянный корридоръ, выходившій во дворъ, и повернулъ налѣво.

Но въ дверяхъ неожиданно встрѣтилъ потягивавшагося послѣ сна Скорбянскаго, въ широчайшей парусиновой парѣ. Тотъ, увидѣвъ его, отскочилъ и изобразилъ комическій ужасъ.

— Безсмертный духъ! Ты ли это?! или только тѣнь твоя?!— воскликнулъ онъ.

— Это дѣйствительно я,—отвѣтилъ Вольтовъ.

— Откуда?

— Прямо изъ деревни.

— Приди же въ мои объятія!

Скорбянскій открылъ объятія и принялъ въ нихъ Вольтова.

— Ну, пойдемъ въ дворикъ; тамъ у насъ есть тѣнистое мѣсто. Когда солнце закатывается за крышу сарая, то образуется тѣнь; тамъ мы и сидимъ. Ну, разсказывай, паръ, разсказывай, какъ поживаешь. Очевидно, недурно, ибо щеки—румяны, и даже, кажется, потолстѣлъ, чего я отъ тебя, окончательно, не ожидалъ... Эй, жена, гость пріѣхалъ! Самъ паръ прибылъ! Иди, чествуй.

Они отправились въ „тѣнистое мѣсто". Тѣни здѣсь было пока очень немного: она только еще начиналась. Приходилось стулья приставить къ самой стѣнкѣ сарая, чтобы попасть въ эту короткую тѣнь.

Ребята увидали Вольтова и подбѣжали къ нему здороваться. Пришла и жена Скорбянскаго, тоже поздоровалась, спросила, какъ онъ поживаетъ, и ушла устраивать обѣдъ. Они сѣли.

— Ну, ну, говори же! Какъ идетъ твой Еруcланъ. Вѣдь, о другомъ—тебя и спрашивать нечего: ты весь въ немъ. Разница только въ томъ, что прежде Еруcланъ жилъ въ городѣ, а теперь переселился въ деревню.

— Ради Еруслана и пріѣхалъ!—отвѣтилъ Вольтовъ.

— Ну, еще бы, я думаю, ради отца родного ты съ мѣста не сдвинулся бы, а Еруcланъ тебя подвинетъ совершить путешествіе на Шпицбергенъ.

— Еруcланъ такъ далеко не забирался...

— А это неизвѣстно. Тамъ вѣдь по части географіи плохо. Сказано просто: „въ нѣкоторомъ царствѣ", или „шелъ онъ долго, невѣдомо сколько"... Ну, ладно, разсказывай. Зачѣмъ Еруслану понадобился Питеръ?

— А вотъ зачѣмъ: тебѣ извѣстно, что живу я въ усадьбѣ у Дарьи Ѳедоровны Березовой.

— Извѣстно. Какъ же. На знаменитомъ вечерѣ у Спонтанѣева произошла эта роковая встрѣча.

— Ну, рокового въ ней нѣтъ ничего. А только я, дѣйствительно, нашелъ человѣка, способнаго понять мои стремленія.

— Это ты напрасно обижаешь своихъ старыхъ друзей. Неужели мы ихъ не понимали?

— Да, но она, кромѣ того, и сама работаетъ въ томъ же направленіи.

— Ну, не будемъ спорить. Я уступаю ей первенство. Сперва удовлетвори мое любопытство—зачѣмъ пріѣхалъ?

— По порядку. Дарья Ѳедоровна, какъ ты знаешь, музыкантша. Ну, до сихъ поръ она писала ерунду.

— Весьма правдоподобно. Но сомнительно, чтобы по встрѣчѣ съ тобой она начала писать геніально.

— Ерунду, въ смыслѣ выбора сюжетовъ и направленія, а о музыкѣ я ничего не говорю: я въ ней ничего и не понимаю. Слушай, однако, она выбирала свои сюжеты изъ какой-то сомнительной исторіи, все герои вродѣ не настоящаго Кромвеля и т. п. А мнѣ удалось направить ея воображеніе на...

— Ну, само собой разумѣется, на Еруслана.

— Именно...

— Удивительный ты человѣкъ, Вольтовъ. Нѣтъ, скажи по совѣсти, ты, дѣйствительно, былъ бы счастливъ, если бы въ одинъ прекрасный день всѣ люди всего земного шара вдругъ бросили всѣ свои дѣла, великія и малыя и стали заниматься Еруслановъ?

— Не въ этомъ дѣло. А въ томъ, что начатое, если въ немъ признается смыслъ, надо довести до конца, и притомъ—наилучшимъ образомъ.

— Отпарировавъ ударъ, продолжай снова,—замѣтилъ Скорбянскій.

— Да, и уговорилъ я ее взять сюжетъ Еруслана, и она пришла отъ этой мысли въ восторгъ. У нея сейчасъ же явились въ воображеніи цѣлыя музыкальныя картины... Планъ тотъ, что мы, когда будутъ кончены мои картины о Еруслане, повеземъ ихъ по деревнямъ, въ видѣ подвижной выставки, и при этомъ, для полноты картины, иллюстрируемъ ихъ музыкой. Я не могу разсказать тебѣ всѣхъ подробностей, но планъ, дѣйствительно, блестящій. И вотъ, мы къ тебѣ съ просьбой.

— Занять въ вашей труппѣ амплуа перваго тенора? Ну нѣтъ, мой милый, я басъ, я отъ природы басъ. Невозможно идти противъ природы.

— Конечно; не въ этомъ дѣло. А въ томъ, чтобы ты написалъ намъ текстъ.

— То-есть, либретто?

— Ну, вѣдь подъ либретто, обыкновенно, разумѣютъ пошлость съ глупыми стихами, съ безсмыслицей, а намъ надо нѣчто жизненное, картинное, правдивое. Сюжетъ Еруcланъ, а затѣмъ— полная свобода разработки.

— Въ стихахъ?

— Конечно, можно бы бѣлыми стихами или размѣромъ былинъ.

— Сердечно благодаренъ за оказанную честь, но никогда въ жизни не писалъ стиховъ ни бѣлыхъ, ни голубыхъ, ни зеленыхъ, ни красныхъ. Ты, вотъ что... ты за этимъ лучше обратись къ нашему общему другу, Вольдемару Бертышеву; онъ хотя, обыкновенно, и не пишетъ перомъ, но теперь въ періодѣ молодой любви, и потому долженъ отлично владѣть стихомъ.

— Какой любви?—съ изумленіемъ спросилъ Вольтовъ.

— Ты не знаешь? Ахъ, чортъ, ну, и подвелъ же ты меня; значитъ, я проговорился... Вотъ баба! Ну, да, вѣдь, шила въ мѣшкѣ не утаишь... Какъ же, вѣдь у него романъ съ дѣвицей Спонтанѣевой.

— Какъ? А Вѣра Петровна?

— Ну, и Вѣра Петровна... Само собой, она въ настоящее время при пиковомъ интересѣ находится...

— Но, вѣдь, это же подлость! —воскликнулъ экспансивный Вольтовъ.

— Вродѣ этого.

— И онъ ее оставилъ?

— Ну нѣтъ; это ужъ ты переподлилъ пріятеля. На это онъ неспособенъ. Живутъ они вмѣстѣ, а только сердца ихъ бьются врозь. А ты даже опѣшилъ...

— Да, я опѣшилъ... Хотя, признаюсь, отъ Бертышева я могъ ожидать всякаго скачка. Онъ—человѣкъ легкомысленный.

— Ну? Что ты?

— Я такъ думаю.

— Нѣтъ не легкомысленный, а слабохарактерный — только всего. Но это, милый, качество хуже всѣхъ пороковъ. Слабохарактерный—значитъ не можетъ ручаться ни за одинъ свой шагъ. Убѣжденіе прекрасное, благородное, а исполнять его не могу по слабохарактерности.

— Экая гнусность.

— Она самая. Ну, да, только мы ихъ оставимъ. Дѣло интимное и обсужденію не подлежитъ.

— Такъ напишешь? — спросилъ Вольтовъ, возвращаясь къ прежнему предмету.

— Наврядъ... Впрочемъ, чего добраго, и я начну писать стихи... Чего только въ жизни не случается, а ты скажи, что ты тамъ въ папкѣ привезъ?

— Это этюды.

— По части природы?

— Нѣтъ, Еруслана.

— Фу, ты! я думалъ, что-нибудь для продажи привезъ. Вѣдь вонъ штанишки у тебя совсѣмъ пообдергались; новыя купить бы.

— Нѣтъ, у насъ, въ деревнѣ никто на это не смотритъ.

— Для чего же эти привезъ?

— Собственно, тебѣ показать.

— Похвалы ищешь?

— Отъ тебя—да! Болѣе ни отъ кого.

— Ну, ладно, показывай. Похвалю. Даже напередъ хвалю... А скажи,—прибавилъ Матвѣй Ивановичъ, когда Вольтовъ пошелъ въ корридоръ за портфелемъ, — скажи, пожалуйста, гдѣ жъ вы денегъ возьмете на ваше предпріятіе. Вникая въ сущность вещей, я полагаю, что ихъ у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ какъ же?

— А вотъ, ты скажи своему Бертышеву — пусть онъ уломаетъ своего Спонтанѣева... На это я возьму. Вѣдь дѣло-то прекрасное.

— Фью, фью, фью,—засвисталъ Скорбянскій.—Спонтанѣевъ! Онъ не то, что ни копѣйки, а ни одного полѣна изъ своего дровяного двора не дастъ на это предпріятіе.

— Но вѣдь онъ же меценатъ?

— Да, меценатъ; только съ другой стороны. Онъ даетъ деньги только за то, что украшаетъ его салонъ и, такимъ образомъ, способствуетъ возвышенію его фамиліи.

Вольтовъ показалъ этюды. Скорбянскій искренно хвалилъ ихъ. Потомъ они перешли въ домъ и обѣдали. Прибѣжалъ рыболовъ, не поймавшій, впрочемъ, ни одной рыбы. Вольтовъ разсказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ усадьбѣ.

Онъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. Дарья Ѳеодоровна оказалась женщиной оригинальной. Имѣніе ея почти-что ограничивалось усадьбой съ примыкавшимъ къ ней большимъ садомъ и нѣсколькими десятками десятинъ земли. Доходы отъ всего этого она получала небольшіе, но достаточные, чтобы жить безбѣдно въ деревнѣ. Все свое время она посвящала крестьянамъ.

близълежащаго большого торговаго села. Въ ея дѣятельности не было никакой организаціи, никакой системы. Пылая желаніемъ дѣлать добро, она то лѣчила кого-нибудь, то учила мальчика или дѣвочку, то мирила поссорившихся, то хлопотала по какому-нибудь крестьянскому дѣлу. Весь день уходилъ на эту возню, ее разрывали на части. А вечеромъ она отдавалась музыкѣ, которую обожала.

На большомъ дворѣ усадьбы былъ выстроенъ огромный досчатый сарай, внутри котораго было приспособленіе для примитивной сцены. Скамеекъ не было, и потому зрители должны были стоять. Двѣ грубыя декораціи служили для всѣхъ цѣлей.

Здѣсь уже были попытки поставить оперу. Но время теперь было рабочее, и Вольтовъ не могъ посмотрѣть, такъ какъ хозяйка не имѣла возможности собрать своихъ пѣвцовъ и музыкантовъ.

Что же касается его самого, то онъ занималъ цѣлый флигель съ просторными комнатами, изъ которыхъ каждая могла бы быть обращена въ мастерскую, и пользовался абсолютной свободой. Его звали только къ обѣду, а въ остальное время даже не справлялись о немъ. Если ему хотѣлось поговорить съ Дарьей Ѳедоровной, онъ ее отыскивалъ; если же нѣтъ, это было необязательно... и онъ работалъ, гулялъ по саду и по окрестнымъ мѣстамъ, отлично поправилъ здоровье и не смотрѣлъ теперь уже чахоточнымъ, какъ прежде, а главное, писалъ, писалъ. Онъ принялся уже за картину, и дѣло шло у него успѣшно. Все это столько времени онъ носилъ въ душѣ, что теперь картины сразу переливались на полотно.

Дарья Ѳедоровна писала о немъ Спонтанѣеву: „клянусь вамъ, что въ этомъ неуклюжемъ, плохо одѣтомъ и грубоватомъ юношѣ сидитъ геній, только чисто русскій геній, выражающійся въ причудливыхъ, угловатыхъ формахъ такъ, что его и не распознаешь“.

Еруcланъ все живѣе и ярче выступалъ въ этихъ картинахъ, и начинало казаться, что въ самомъ дѣлѣ идея, засѣвшая въ голову Вольтова, и жизненна, и полезна. Но вотъ, наконецъ, пришла очередь и до музыки. Вольтовъ, какъ только удачно кончилъ первую картину изъ серіи, уже почувствовалъ необходимость обезпечить въ будущемъ свою „подвижную выставку“ и горячо заговорилъ обо всемъ, что ея касалось. Либретто было для нихъ камнемъ преткновенія, а отсюда возникла мысль о поѣздкѣ въ Петербургъ. Вольтовъ не любилъ этого города и съ удовольствіемъ никогда не вернулся бы въ него, но для Еруслана и на это рѣшился.

Было часовъ шесть, когда къ дачѣ опять подкатила извозчичья пролетка, и совсѣмъ уже неожиданно пріѣхали Бертышевы — Владиміръ Николаевичъ и Вѣра Петровна вмѣстѣ. Скорбянскій только слегка смутился, увидавъ ихъ обоихъ вмѣстѣ, а Вольтовъ вопросительно взглянулъ на него. Скорбянскій шепнулъ ему:

— Ты смотри, паръ, я проговорился тебѣ; но ты ничего не знаешь.

Вѣра Петровна первымъ дѣломъ объяснила, что къ ней пріѣхала изъ провинціи сестра, которая, оставшись съ дѣтьми, погнала ее проѣхаться.

— А вы такъ на дачу и не переѣхали?—спросила жёна Скорбянскаго.

— Да у насъ за Горнымъ институтомъ хорошо,—точно на дачѣ.

Разумѣется, оба они удивились присутствію Вольтова, и очень много разспрашивали его о деревнѣ.

Вѣра Петровна измѣнилась, но не всякій понялъ бы, въ чемъ состоитъ эта перемѣна. Лицо ея, всегда въ спокойномъ состояніи склонное къ выраженію какъ бы нѣсколько преувеличенной серьезности, теперь пріобрѣло еще оттѣнокъ замкнутости. Въ глазахъ появился какой-то сторожевой огонекъ, который тревожно горѣлъ и разгорался сильнѣе, когда въ разговорѣ что-нибудь, хотя-бы косвенно, затрогивало больное мѣсто ея души. Она похудѣла и щеки ея стали менѣе склонны краснѣть при малѣйшемъ смущеніи, что бывало прежде. И еще, при внимательномъ наблюденіи, можно было замѣтить, что она видимо избѣгала смотрѣть на Владиміра Николаевича и даже когда обращалась къ нему, то взоръ ея скользилъ поверхностно по его лицу.

Но никто не обвинилъ бы ее въ враждебности или недружелюбіи къ мужу. Напротивъ, она обращалась съ нимъ мягко и даже болѣе деликатно, чѣмъ прежде, такъ какъ исчезла между ними та грубоватая простота, въ которой часто выражается наибольшая близость. Она заботилась о немъ и, когда со стороны рѣчки повѣяло сыроватой прохладой, она попросила его надѣть шляпу и пояснила:

— Владиміръ въ послѣднее время сталъ барометромъ. Онъ чувствуетъ малѣйшую перемѣну въ погодѣ. И отъ всего у него дѣлается меланхолія...

Но это не было сказано тономъ жалобы или намека; скорѣе даже слышалось въ этихъ словахъ сочувствіе и соболѣзнованіе.

Перемѣна произошла и въ характерѣ ея смѣха. Прежде она смѣялась удивительно ясно, искренно, заразительно. Ея безоблачная душа, въ глубинѣ безконечно довольная своимъ скромнымъ, но въ то же время огромнымъ счастьемъ, вся выливалась въ этомъ смѣхѣ. И было въ немъ что-то наивно-дѣтское, неудержимо-веселое и свѣтлое. Слыша этотъ смѣхъ, всякій сказалъ бы, что смѣется человѣкъ счастливый.

Теперь смѣхъ ея сдѣлался короткимъ, какъ будто всякій разъ, когда онъ начинался, какая-то скрытая внутренняя сила прерывала его и слышалось въ немъ уныніе, которое замирало въ послѣднихъ его нотахъ. Смѣхъ, невеселый, чѣмъ-то испорченный смѣхъ, какъ мелодія старой шарманки, въ которой не достаетъ уже многихъ, очень многихъ нотъ.

А въ общемъ перемѣна была не въ пользу ея внѣшности. Прежде ея лицо, когда оно не было оживлено смѣхомъ или улыбкой или просто веселымъ настроеніемъ, казалось старообразнымъ; но тогда это настроеніе легко давалось ей. Теперь оно приходило къ ней рѣдко и потому она казалась значительно старше своихъ лѣтъ.

Перемѣна во Владимірѣ Николаевичѣ была рѣзче и яснѣе выражена. До минувшей зимы онъ терпѣлъ нерѣдко нужду и переживалъ маленькія огорченія, разочарованія, неизбѣжно сопровождающія будничную жизнь, наполненную мелкой борьбой. Но никогда души его не коснулась буря, ни разу не переносилъ онъ сильнаго, захватывающаго чувства. Корабль плылъ тихо между зеленыхъ береговъ спокойной, глубокой рѣки, иногда скользя по мелкому дну, иногда съ трудомъ обходя островокъ или давая дорогу встрѣчному. Паруса его то плавно и мѣрно надувались попутнымъ вѣтромъ, то опускались отъ безвѣтрія и тогда приходилось грести, напрягая силы, чтобы двигаться дальше. Но никогда не коснулась ихъ буря, не трепалъ ихъ бѣшеный вѣтеръ, не стонали на кораблѣ канаты отъ непосильной натуги, не трещали мачты. А тутъ вдругъ безпощадный ураганъ налетѣлъ на него и все на немъ задрожало, все спуталось...

Владиміръ Николаевичъ замѣтно похудѣлъ, бородка подросла и, удлиняя его сухощавое лицо, придавала ему новую красоту, въ которой было что-то загадочное. Движенія его стали не такъ порывисты, не такъ непосредственны, какъ прежде, какъ будто онъ скупился на нихъ. Тихій, но постоянный, никогда не погасавшій блескъ его глазъ былъ страненъ. Отражалъ ли онъ скрытую въ душѣ нестерпимую муку или безграничное счастье, которое никому не хотѣлъ показать этотъ человѣкъ, нельзя было опредѣлить.

Вольтовъ сразу началъ игнорировать Владиміра Николаевича и усиленно старался занимать Вѣру Петровну. Въ этомъ выразился его протестъ. Онъ былъ связанъ предостереженіемъ, которое ему сдѣлалъ Скорбянскій. О, не будь этого, онъ протестовалъ бы иначе. Онъ забросалъ бы товарища потокомъ страстныхъ и безпощадныхъ укоровъ. Онъ умѣлъ сдержать себя, когда хотѣлось выразить похвалу, привязанность, любовь; тогда у него являлось чувство неловкости, и онъ не находилъ словъ; но онъ не умѣлъ таить въ себѣ негодованіе. И онъ теперь выражалъ его хоть тѣмъ, что не обращалъ вниманія на Бертышева, какъ будто его здѣсь не было, а когда тотъ въ общемъ разговорѣ задавалъ ему вопросъ, то онъ отвѣчалъ какимъ-то соннымъ голосомъ, не глядя на него и какъ будто даже не ему.

Онъ разсказывалъ Вѣрѣ Петровнѣ о деревнѣ, о своихъ работахъ и замыслахъ.

Солнце зашло, по крайней мѣрѣ, для дачниковъ Новой Деревни. Оно спряталось гдѣ-то за лѣсомъ, чтобы больше въ этотъ день не показываться. Тогда тѣнь, бросаемая сараемъ, въ границахъ которой они сидѣли, слилась съ вечерней тѣнью, покрывшей всю дачную мѣстность. Владиміръ Николаевичъ нетерпѣливо всталъ и обратился къ Скорбянскому.

— Я никогда не былъ въ этой мѣстности. У васъ тутъ есть что смотрѣть?

— Смотрѣть можно много, да все будетъ одно и то же. Пейзажъ исчерпывается трехсаженнымъ палисадникомъ и такихъ же размѣровъ сорной кучей. А знаешь, вѣдь въ сорной кучѣ есть своего рода поэзія...

— Какая же?—разсѣянно спросилъ Владиміръ Николаевичъ, медленно прохаживаясь на очень маленькомъ пространствѣ.

— Какъ же. Помнишь, какъ Гамлетъ, при видѣ черепа, умозаключаетъ объ Юліѣ Цезарѣ, который могъ пойти на замазку оконной рамы? Такъ и я иной разъ сижу въ виду сорной кучи и умозаключаю. Это отъ того, что я беллетристъ, чортъ возьми. Говорятъ, будто беллетристы описываютъ или изображаютъ жизнь! Ничуть не бывало. Очень мнѣ интересно описывать дѣйствительныя ощущенія Ивана Петровича и Марьи Ѳедоровны. Пошляки они вѣдь — эти Иванъ Петровичъ и Марья Ѳедоровна. Беллетристъ только цѣпляется за дѣйствительную жизнь, чтобы выразить во всемъ свою собственную жизнь, свою душу, свою мысль. И чѣмъ интереснѣе его жизнь, душа и мысль, тѣмъ интереснѣе и его произведенія.

— Очень хорошо. Но какое это имѣетъ отношеніе къ сорной кучѣ?—со слабой полуулыбкой сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Вообрази,—прямое. Что такое сорная куча? Складъ всякой дряни и каждый благоразумный человѣкъ пройдетъ мимо нея, не моргнувъ глазомъ, развѣ только носомъ покрутитъ. А для меня она—источникъ интимнѣйшихъ тайнъ семейной жизни, совершающейся во всѣхъ этихъ невзрачныхъ домикахъ, населенныхъ скромными людьми. Вынесла баба ведро, полное мерзости, опрокинула его въ кучу и ушла. Куча стала больше—и только? Анъ нѣтъ. Вонъ изъ нея торчитъ уголъ пустой коробки отъ сардинокъ и горлышко бутылки отъ рябиновой водки; значитъ, у чиновника, нанимающаго дачу № 117, были имянины или такъ гости пришли, потому что скромный чиновникъ зря раскрывать коробку сардинокъ не станетъ и въ обыкновенное время онъ простую очищенную, а не рябиновую пьетъ. И такъ далѣе и тому подобное... А правда, не пройтись ли намъ съ тобой по стогнамъ сей печальной юдоли? а?—перебилъ Матвѣй Ивановичъ самъ себя, замѣтивъ, что Бертышева психологія навозной кучи не занимаетъ и что его что-то тревожитъ.

— Пойдемъ,—съ большой охотой отозвался Владиміръ Николаевичъ.

— Надѣнь пальто, Владиміръ! Уже сыро!—сказала ему Вѣра Петровна.

— Хорошо, Вѣра! Я надѣну пальто!

Онъ исполнилъ ея желаніе и они съ Скорбянскимъ вышли со двора.

Они пошли сперва вдоль рѣки, по гладкой поверхности которой двигались лодки, большею частью управляемыя ребятами, переѣзжавшими съ одного берега до другого. Стоялъ громкій говоръ, въ которомъ преобладали дѣтскіе голоса. Ребятишки выбѣгали изъ дворовъ и съ крикомъ бѣгали по улицѣ. Изрѣдка невдалекѣ гудѣлъ экипажъ, проѣхавшій по мосту. На дальнихъ большихъ дачахъ зажигались огни, хотя ночь еще была далека.

Они шли молча и Матвѣй Ивановичъ, въ качествѣ хозяина, чувствовалъ себя обязаннымъ нарушить молчаніе, которое казалось ему тягостнымъ.

— Нашъ край скучный!—сказалъ онъ, наконецъ,—но это я цѣню, по крайней мѣрѣ не лѣзутъ на тебя назойливыя впечатлѣнія!

— Ты врагъ впечатлѣній? Это странно слышать отъ писателя!—отозвался какъ-то формально Бертышевъ.

— Нѣтъ, я врагъ только нашихъ петербургскихъ впечатлѣній! Они до такой степени сѣры и одинаковы, что, когда я ихъ воспринимаю, это производитъ на меня такое дѣйствіе, какъ будто на мою душу положили рогожу, потомъ на нее другую, потомъ третью и такъ безъ конца, каждый часъ по рогожѣ, и всѣ онѣ походятъ другъ на дружку, какъ только могутъ походить рогожи, и отъ всѣхъ ихъ одинаково пахнетъ прошлогоднимъ лыкомъ... Да, такъ вотъ здѣсь по крайней мѣрѣ моя душа избавлена отъ рогожъ. А бываетъ здѣсь и любопытно—два-три раза въ недѣлю, когда дѣйствуютъ скачки. Тогда я становлюсь у моста и гляжу на проѣзжихъ. Бываютъ интересныя лица и выраженія. Однако, слушаешь ли ты меня, Вольдемаръ?

— Не настолько внимательно, какъ ты этого заслуживаешь.

— Гм... что же такъ? Носишь что-нибудь въ груди своей? а?

— Всегда и вездѣ и на всякомъ мѣстѣ...

— Не смѣю забираться въ ея глубины!

— Нѣтъ, заберись, пожалуйста заберись! Знаешь ли ты, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? Мнѣ дѣйствительно предложила Вѣра. Но я могъ бы найти предлогъ отказаться, и она поѣхала бы одна. Мнѣ быть съ нею наединѣ, это все равно, что, убивъ человѣка, всю жизнь носить его трупъ на плечахъ... Но я даже обрадовался и поѣхалъ. Вѣдь подумай, сколько уже мѣсяцевъ я ношу

въ душѣ цѣлое море непримиримыхъ противорѣчій, и никто никогда не заглянетъ туда, а я самъ не смѣю, не рѣшаюсь, не могу...

— Характера у тебя, какъ вижу, не прибавилось...

— Нѣтъ, напротивъ, и тотъ, что у меня былъ, точно помятъ чѣмъ-нибудь и изломанъ...

— Ну, давай, будемъ заглядывать въ твое море...

— Только не вышучивай ты, ради Бога!..

— Другъ мой, неужели ты до сихъ поръ еще не привыкъ къ моей дурацкой манерѣ говорить? И неужели не понимаешь, что она ровно ничего не означаетъ? Сказать мнѣ: говори солиднымъ и почтеннымъ тономъ,—вѣдь это все равно, что потребовать, чтобы я объяснялся по-англійски, а я не умѣю... Въ чемъ же заключаются мои обязанности?

— Ни въ чемъ... Только узнать, что мнѣ страшно тяжело. Этого никто не знаетъ. Вѣра думаетъ, что я счастливый человѣкъ и что тѣ часы, что я провожу дома, есть для меня часы, отнятые у счастья. Она такъ и смотритъ на меня, такъ и говоритъ, какъ будто извиняется передо мной за это невольное отнятіе. Но это страшная неправда. Я тамъ гораздо несчастнѣе, чѣмъ дома...

— Такъ это слава Богу. Значитъ, налаживается потерянный рай!

— Нѣтъ, ты меня не понялъ. Ничего не налаживается и не можетъ наладиться. Съ Вѣрой, не смотря на прекрасныя человѣческія отношенія, которыя она съумѣла установить, мы жили такъ далеко другъ отъ друга... Притомъ же и тамъ есть сила, которой я противостоять не могу...

— Экая путаница! Тамъ сила и тутъ сила! Ты, голубчикъ мой, просто жертва психопатическихъ неточностей. Право, досадно, что ты не писатель, то-есть, не изучалъ этотъ предметъ, такъ называемую душу. Ты бы убѣдился, что она такъ же проста, какъ вотъ этотъ черепокъ, который я попираю ногами. И никакой тамъ силы нѣтъ, а есть только твоя собственная слабость. Просто, ты во-время не уберегся, а тамъ ужъ зацѣпился и неловко стало: какъ, дескать, я послѣ всего этого пойду назадъ? Вѣдь я не мальчишка... А назадъ ты все-таки пойдешь, какъ заноза, которая хоть, можетъ быть, сдѣлаетъ нарывъ и много другихъ бѣдъ, а все-таки выйдетъ вонъ. Ну, что же, ты часто у нихъ бываешь?

— Почти каждый день.

— Въ городѣ?

— Нѣтъ, они поселились на лѣто въ Царскомъ. Тамъ у нихъ своя дача.

— Что же ты у нихъ дѣлаешь? То-есть—какой поводъ?

— Я пишу портретъ ея матери...

— Такъ. Правъ былъ Вольтовъ, что ты по очереди перепишешь всѣхъ Спонтанѣевыхъ. Вѣдь ты, кажется, его самого, мецената-то, уже написалъ?

— Да, я сталъ писать его тотчасъ послѣ выставки, гдѣ портретъ Вѣры Поликарповны, какъ ты знаешь, произвелъ большое впечатлѣніе и былъ отмѣченъ.

— Какъ же, помню. А скажи, если это не секретъ, сколько они платятъ тебѣ за портреты?

— Видишь ли... Согласись самъ, что я не могу съ ними считаться...

— Гм... А они съ тобой навѣрно считаются... Ну, сколько же?

— За портретъ Вѣры Поликарповны онъ заплатилъ мнѣ двѣсти пятьдесятъ рублей...

— Ха, ха! И ты взялъ?

— Я не могъ не взять...

— Но ты, по крайней мѣрѣ, далъ понять, что это невозможная плата!...

— Ничего я не далъ понять.

— А за его портретъ?

— Двѣсти...

— Какъ? Еще выторговалъ?

— Я не торговался.

— Я увѣренъ, что этотъ хитрый купецъ подозрѣваетъ, если только не знаетъ о твоихъ чувствахъ къ его дочери, и на этомъ получаетъ барышъ. Погоди немного и ты получишь предложеніе расписать потолки въ его замкѣ на Офицерской и за это получишь грошъ... Но объясни ты мнѣ, откуда идутъ твои страданія? Вѣра Петровна устроила ваши отношенія миролюбиво, жить можно. Въ чемъ же дѣло... или тебя тянетъ совсѣмъ туда?

— О нѣтъ, нѣтъ!.. Даже напротивъ...

— А, напротивъ?

— Да. Видишь ли, я теперь сталъ ближе къ ихъ жизни и ясно вижу, какая ужасная пропасть раздѣляетъ насъ, и если бы ты зналъ, какъ я радъ этому.

— А если бы ты зналъ, какъ я радъ!—искренно воскликнулъ Скорбянскій.—Я всегда отъ души ненавидѣлъ эту торгашескую среду. Изъ всего тамъ извлекаютъ барышъ, даже изъ чувства... Мнѣ было бы обидно, если бы ты не нашелъ этой пропасти.

— Я говорю—между мной и той жизнью. Только.

— А *она*, по твоему, мыслима внѣ той жизни?

— Вотъ этого-то я и не знаю; это-то для меня и составляетъ проклятую задачу.

— Послушай, я тебя не понимаю. Я смотрѣлъ на дѣло такъ, что вотъ тебя нежданно-негаданно захватилъ ураганъ и ты оказался въ его власти. Но, думалъ я, что душа твоя и всѣ твои симпатіи на этой сторонѣ и какъ только ты увидишь лазейку, чтобы вывернуться, такъ сейчасъ воспользуешься и улизнешь. А ты видишь не лазейку, а цѣлую пропасть и не только не радуешься, а скорбишь по этому поводу... Значитъ, ты хотѣлъ бы перескочить черезъ эту пропасть?

— Не знаю!

— Но если такъ, то какъ же ты смотришь на этотъ новый семейный режимъ, который установила Вѣра Петровна? Вѣдь это, такъ сказать, минимумъ, на что она имѣетъ право, а ты, кажется, и на этотъ минимумъ готовъ покуситься...

— Вѣра сдѣлала возвратъ невозможнымъ. Она сразу отдалилась отъ меня...

— Какъ? Ты можешь въ чемъ-нибудь обвинить Вѣру Петровну...

— Я не обвиняю. Она тысячу разъ права. Но это фактъ.

— Мой другъ, ты просто ищешь, за что уцѣпиться. Ты становишься неразборчивъ и даже недобросовѣстенъ.

— Повернемъ обратно. Намъ пора ѣхать!

Они повернули. Бертышевъ не возразилъ на послѣднее обвиненіе, а Матвѣю Ивановичу стало неловко послѣ такой рѣзкой выходки. Онъ помолчалъ, потомъ ускорилъ шаги, чтобы скорѣй прекратить необходимость быть вдвоемъ. Владиміръ Николаевичъ ему окончательно сегодня не понравился. „Привезъ онъ мнѣ свою душевную дрянь и думалъ, что я по дружбѣ наложу на нее пропускной штемпель: иди молъ, милый другъ, дѣйствуй. Ну нѣтъ, этого отъ моей дружбы не дождешься“, думалъ Скорбянскій.

И онъ сказалъ, видимо, выражая нежеланіе продолжать прежній разговоръ:

— Ты ничего не задумалъ? Какой-нибудь работы?

— Нѣтъ, какъ-то ничего въ голову не идетъ...—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.—То, что началъ прежде, надоѣло...

— А къ выставкѣ ничего не готовишь?

— О, это еще далеко...

— Ну, все-таки, объ этюдахъ подумалъ бы...

— Не знаю. Не думается...

„Вотъ она любовь, воодушевляющая, подвигающая на великія дѣла, вдохновляющая на высокія созданія“,—подумалъ Матвѣй Ивановичъ.

— Ты не взглянулъ на этюды Вольтова? Какія это прелести! Вотъ онъ работаетъ, поистинѣ, какъ художникъ. Кстати онъ началъ свою серію Еруслана. Ты знаешь его прекрасную мысль

устроить подвижную выставку для деревни. Ему понадобятся деньги для этого. Вотъ ты поговори съ Спонтанѣевымъ.

— Хорошо. Я скажу ему. А Вольтовъ уже явно показываетъ мнѣ пренебреженіе. Ты, должно быть, сказалъ ему?

— Я не сказалъ,—довольно увѣренно и убѣжденно солгалъ Матвѣй Ивановичъ,—но онъ, кажется, знаетъ...

— Это странно!

Они пришли домой, когда уже стемнѣло. Вольтовъ, что-то горячо доказывавшій на счетъ искусства, вдругъ оборвалъ.

— Намъ пора ѣхать Вѣра, — мрачнымъ голосомъ сказалъ Владиміръ Николаевичъ; очевидно, его надежда на то, что разговоръ съ Скорбянскимъ облегчитъ его тяжесть не оправдалась.

— Да! Намъ вѣдь не близко, — отвѣтила Вѣра Петровна и поднялась.

Жена Скорбянскаго начала уговаривать ихъ остаться, ссылаясь на то, что уже и самоваръ закипаетъ. Но самъ Матвѣй Ивановичъ не сказалъ ни слова. Бертышевы начали прощаться.

— А вы, Вольтовъ, неужели вы къ намъ не зайдете?—спросила Вѣра Петровна.

— Я завтра уѣзжаю въ деревню,—отговорился Вольтовъ.

Въ сущности у него были другія причины. Владиміръ Николаевичъ не пригласилъ его, но не потому, чтобы питалъ противъ него что-нибудь, а только потому, что считалъ это безполезнымъ. Онъ зналъ навѣрное, что Вольтовъ не придетъ. Они уѣхали.

— О, чортъ возьми!—вдругъ вскочивъ съ мѣста, воскликнулъ Вольтовъ,—какихъ усилій мнѣ стоило не бросить ему въ лицо.

— Желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью?—перебилъ его Скорбянскій.

— Нѣтъ, какого чорта тамъ еще стихъ. Просто—подлеца.

— Ахъ, экспансивный паръ! Нѣтъ у тебя ни на что приличнаго слова! Нѣтъ середины: или ангелъ, или подлецъ.

— Да вѣдь такъ это и есть въ настоящемъ случаѣ!

— А вотъ въ томъ-то и дѣло, что ни въ настоящемъ, ни въ какомъ другомъ случаѣ этого нѣтъ. Ни ангеловъ, ни подлецовъ не бываетъ или почти не бываетъ, а бываютъ только слабые смертные люди! А если выдастся дѣйствительный подлецъ, такъ это ужъ значитъ, характеръ. Ахъ, да стань ты подлецомъ и я тебя уважать стану; а то вѣдь ни то, ни се. Къ подлости большую склонность имѣетъ, а боится, что на это скажетъ добродѣтель. А ты, кажется, твердо рѣшилъ не зайти къ нимъ?

— Да, твердо. Я не могу спокойно созерцать эту двойную игру... Меня прорветъ...

— Экій ты нарывъ, скажи пожалуйста! А ты вотъ добродѣтель проповѣдуешь, а самъ свинство дѣлаешь.

— Какое свинство?

— Самое настоящее. Вѣра Петровна естественно страдаетъ, а ты своимъ подчеркиваніемъ еще усиливаешь ея страданія.

— Я не могу!

— Такъ. Вотъ и онъ—когда признавался мнѣ въ любви къ своей купеческой дульцинеѣ, и я говорилъ ему: „помысли разумно, остановись“, — отвѣчалъ: я не могу. А ты смоги! Ты пересиль себя, ибо Вѣра Петровна этого стоитъ. Посмотри, какъ она благородно ведетъ себя. Ни одной жалобы, ни одной обмолвки! А вѣдь она страдаетъ по глубже насъ съ тобой и не говоритъ— не могу.

— Что ты отъ меня хочешь?

— Хочу, чтобы ты завтра съѣздилъ къ нимъ. Пожалуй, и я съ тобой поѣду.

— А, съ тобой, другое дѣло!

— Со мной и нарывъ не прорветъ, утѣшительно! А ну-ка геніальный паръ, еще разъ покажи свою геніальную мазню. Знаешь, у меня мысль.

— Какая?

— А ты показывай, не разсуждай!

Вольтовъ показалъ этюды.

Это дѣйствительно хорошо. И пусть-ка онъ покажетъ это Спонтанѣеву.

— Продать?

— Да хотя бы и продать! Эка важность! Но не въ этомъ дѣло. Надо заинтересовать купчину. Можетъ, онъ согласится дать денегъ на осуществленіе твоего безумія.

— Ты считаешь это безуміемъ?

— А то какъ же? Да я только потому это и цѣню: разумное, братецъ ты мой, годится только для будничнаго обихода. Разумный человѣкъ жизни своей не посвятитъ на осуществленіе „подвижной выставки“ для народа. Разумный человѣкъ станетъ писать картины на любимые публикой сюжеты и продавать ихъ художественнымъ дровяникамъ и тому подобнымъ меценатамъ. А ты... ты у меня форменный безумецъ, за что и люблю тебя. Ну, я думаю, послѣ этого горячаго признанія ты не сможешь отказаться отъ завтрашней поѣздки...

— Да, пожалуй, поѣдемъ!..—согласился, наконецъ, Вольтовъ.

Ихъ позвали къ чаю.

II.

На другой день Владиміръ Николаевичъ, напившись чаю, часовъ въ девять утра, прихватилъ пальто и сказалъ женѣ:

— Я иду.

— Обѣдаешь съ нами?—спросила она.

— По всей вѣроятности.

И онъ вышелъ. Такого рода сцены происходили у нихъ почти каждое утро. Владиміръ Николаевичъ просто заявлялъ, а Вѣра Петровна никогда не спрашивала, куда и зачѣмъ. Даже когда ей было извѣстно, что Владиміръ ѣдетъ въ городъ по своимъ дѣламъ, она все-таки избѣгала разспрашивать. И никогда ни о чемъ она его не спрашивала.

Если онъ находилъ нужнымъ что-нибудь ей объяснить, онъ это дѣлалъ самъ и тогда она внимательно выслушивала его. Но вниманіе это было холодное, дѣловое.

Такъ устроилась ихъ жизнь. Они были сосѣдями, въ силу обстоятельствъ принужденными жить бокъ-о-бокъ и, какъ порядочные люди, старающимися на каждомъ шагу оказывать другъ другу деликатныя услуги и уступки, признавая взаимныя слабости и привычки.

Вѣра Петровна никогда внимательно не всматривалась въ его глаза, можетъ, быть считая, что не имѣетъ на это права, и потому она не понимала, какую муку представляетъ для него такой режимъ. Какъ часто ему хотѣлость, чтобы она стала къ нему ближе, не такъ какъ прежде, — это было невозможно,—но по крайней мѣрѣ хоть сколько-нибудь заинтересовалась его душой. О, сколько разсказалъ бы онъ ей интереснаго и важнаго и какъ это облегчило бы его душевную ношу!

Но все шло такъ, какъ разъ установилось, и онъ не имѣлъ права требовать отъ нея большаго. Вѣдь она и такъ дѣлала для него слишкомъ много. Она вся ушла въ присмотръ за дѣтьми и ежеминутно заботилась о томъ, чтобы у нихъ въ головѣ не возникло никакихъ вопросовъ по поводу ихъ отношеній.

Въ глазахъ дѣтей ничто не измѣнилось. Развѣ уже это не было подвигомъ съ ея стороны?

Онъ почти каждый день ѣздилъ на дачу къ Спонтанѣевымъ. Только воскресенья и праздники онъ проводилъ съ дѣтьми, отправляясь съ ними за городъ на цѣлый день.

Вѣра Петровна въ эти дни какъ бы отдыхала отъ того напряженнаго вниманія, которое должна была проявлять каждый часъ въ теченіе недѣли. Она не ѣздила съ ними, а оставалась дома одна и никогда не говорила ему о томъ, что переживала тогда.

Поводъ для его частыхъ поѣздокъ былъ отысканъ очень легко. Вѣра Поликарповна выразила страстное желаніе учиться живописи. Кого же можно было пригласить, какъ не Бертышева, который изъ молодыхъ художниковъ былъ болѣе другихъ на виду и ближе всѣхъ сошелся съ ихъ семействомъ?

Поликарпъ Антоновичъ предложилъ ему коммерческую плату, пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и, кромѣ того, досталъ ему даровой сезонный билетъ для желѣзной дороги. Владиміръ Николаевичъ по существу находилъ, что это ничтожная плата. Онъ долженъ былъ заниматься каждый день и это вмѣстѣ съ поѣздками отнимало у него полъ дня.

Но все это имѣло бы значеніе, если бы это въ самомъ дѣлѣ были уроки. При данныхъ же обстоятельствахъ его страшно стѣсняла даже и эта плата, и онъ сто разъ старался поговорить объ этомъ съ Вѣрой Поликарповной. Въ его глазахъ это имѣло дурной видъ какъ будто между ними въ ихъ отношеніяхъ стояло что-то прозаическое, корыстное.

Но на этотъ разъ онъ не поѣхалъ прямо на вокзалъ, а отправился на Пески, гдѣ у него было порученіе. Третьяго дня Вѣра Поликарповна получила письмо отъ какой-то бѣдной женщины, которая просила у нея помощи.

Въ письмѣ изображалось ужасное положеніе. Женщина, брошенная мужемъ, больная, съ порокомъ сердца, прежде исправно работала, занимаясь массажемъ, но теперь лишенная силъ. При ней полусумасшедшая старуха — мать, сынъ и дочь, оба учились прежде въ гимназіи, но теперь принуждены оставить ученіе изъ за бѣдности

Получивъ это письмо, Вѣра Поликарповна, какъ дѣлала всегда въ этихъ случаяхъ, сообщила ему.

— Что жъ, надо помочь, это ясно! — сказалъ онъ.

— Да, конечно, надо. Вотъ, пожалуйста, отошлите имъ десять рублей.

— Почему же именно десять? — спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Ну, я думаю, это хорошая помощь.

— А можетъ быть, это ничего и не улучшитъ.

— Но можетъ быть и такъ, что все это выдумка или преувеличено.

— Въ такомъ случаѣ вовсе помогать не надо... Однимъ словомъ, Вѣра Поликарповна, надо разузнать. Только тогда и можно судить правильно.

Вѣра Поликарповна ничего на это не возразила, а онъ взялся сходить на Пески по указанному адресу.

Въ первую минуту онъ получилъ нѣсколько сомнительное впечатлѣніе. Семья жила въ трехъ довольно большихъ комнатахъ, правда, почти совершенно пустыхъ, съ грязнымъ входомъ, заваленнымъ какимъ-то негоднымъ скарбомъ. Такое впечатлѣніе зависѣло отъ обширности комнатъ. Глазъ какъ-то не привыкъ видѣть, чтобы бѣдняки жили въ трехъ большихъ комнатахъ.

Вышла старуха съ бѣлыми растрепанными волосами, но, какъ бы испугавшись, тотчасъ же скрылась. Худощавый мальчикъ лѣтъ десяти въ сѣрой школьной блузѣ выглянулъ изъ сосѣдней комнаты и тоже скрылся.

Затѣмъ вышла блѣдная дѣвочка, повидимому, старше мальчика, съ какими то черезъ-чуръ взрослыми глазами и спросила:

— Вамъ маму надо?

— Мнѣ кого-нибудь!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.—Вы скажите, что я по порученію госпожи Спонтанѣевой.

Дѣвочка исчезла, а черезъ минуту вышла женщина въ ситцевомъ капотѣ, небольшого роста, широкая въ плечахъ, но худая, видимо истощенная, съ болѣзненной неровной окраской щекъ.

У нея были маленькіе каріе глазки, странно блестѣвшіе и странно бѣгавшіе. Было что-то нездоровое въ ея взглядѣ, напоминавшее взглядъ старухи съ растрепанными сѣдинами.

Когда она узнала о цѣли визита Бертышева, то попросила его сѣсть и начала быстрымъ говоромъ, безостановочно, по временамъ даже задыхаясь отъ наплыва словъ, разсказывать свою біографію.

Тутъ были подробности о томъ, какъ мужъ ея, инженеръ, влюбился въ нее (это было лѣтъ пятнадцать назадъ), женился, измѣнилъ, оскорбилъ и, наконецъ, бросилъ. О какой-то другой женщинѣ, которая замѣнила ее; о томъ, какъ онъ обманомъ выманилъ у нея подписку въ томъ, что она вполнѣ удовлетворена его попеченіемъ и ничего больше отъ него не потребуетъ и пр. и пр.

Напрасно Владиміръ Николаевичъ пытался остановить ее, заявляя, что ничего этого ему не надо. Вышла старуха и съ своей стороны начала приводить факты въ такомъ же родѣ. Только дѣти сидѣли въ глубинѣ другой комнаты и ничѣмъ себя не проявляли.

Наконецъ, ему удалось перейти на практическую почву. Онъ узналъ, что съ квартиры ихъ гонятъ, такъ какъ три мѣсяца онѣ не платятъ, нигдѣ уже въ долгъ не даютъ, работы нѣтъ. Дѣти полгода не ходили въ гимназію и не перешли въ слѣдующіе классы. Ему даже показали отмѣтки, которыя были хороши.

Онъ вынулъ бумагу и карандашъ и сталъ записывать, что нужно для того, чтобы выручить ихъ. Прежде всего, конечно, квартира,—надо заплатить хоть за мѣсяцъ впередъ; затѣмъ выкупить необходимыя вещи, которыя были всѣ заложены; одежда дѣтямъ, книги, плата за ученіе и множество мелочей, которыя, однако, оказывались необходимыми. Составлялась порядочная сумма, превышавшая четыреста рублей. Съ этими деньгами можно было кое какъ обернуться и стать на ноги, а если дать работу, то и совсѣмъ будетъ хорошо.

— Почему вы обратились къ госпожѣ Спонтанѣевой?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Охъ, да къ кому только я не обращалась! Сперва къ ея отцу, Поликарпу Антоновичу, писала. Только онъ, спасибо ему, рубль серебра прислалъ. Что жъ можно было сдѣлать съ нимъ, съ этимъ рублемъ? Я подумала: напишу къ его дочери, она молодая, она любимица, у нея сердце должно быть горячее, можетъ и почувствуетъ. Вотъ оно такъ и вышло. Все же обратила вниманіе.

Съ этими свѣдѣніями Владиміръ Николаевичъ поѣхалъ въ Царское. Обѣ женщины произвели на него впечатлѣніе полной искренности; въ особенности дѣти остались у него въ памяти. Когда ему удавалось мелькомъ встрѣтить взглядъ дѣвочки или мальчика, то для него становилось очевиднымъ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшей подготовки, что дѣти тяготятся положеніемъ просителей и страдаютъ отъ этого. Словомъ, онъ уѣхалъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что надо какъ можно скорѣе оказать имъ помощь.

Черезъ часъ онъ былъ уже у Спонтанѣевыхъ. Онъ засталъ всѣхъ на террасѣ за завтракомъ.

Обыкновенно онъ пріѣзжалъ часа за полтора до завтрака и работалъ съ Вѣрой Поликарповной, но сегодня справка заставила его опоздать.

Его встрѣтили привѣтствіями, какъ человѣка, котораго привыкли каждый день встрѣчать въ этомъ домѣ. Но онъ ничего не разсказалъ за завтракомъ о своемъ новомъ знакомствѣ. Онъ сказалъ только, что его задержало одно дѣло, и при этомъ взглянулъ на Вѣру Поликарповну; она поняла.

Его усадили за столъ. Вообще съ нимъ здѣсь обращались, какъ съ своимъ человѣкомъ. Только сынъ Спонтанѣева, студентъ, который, впрочемъ, рѣдко бывалъ дома, а больше проводилъ время въ какихъ-то веселыхъ товарищескихъ кружкахъ, посматривалъ на него искоса.

Поликарпъ Антоновичъ былъ въ этотъ день необыкновенно оживленъ. Бертышевъ никогда еще не видалъ его такимъ. Онъ очень громко говорилъ, много и звонко смѣялся. Глаза его какъ будто стали больше на выкатѣ и лучились какимъ-то страннымъ блескомъ; лицо и затылокъ были красны. Онъ каждую минуту вынималъ платокъ и вытиралъ потъ.

Владиміръ Николаевичъ разсказалъ о Вольтовѣ.

— А, Вольтовъ, Вольтовъ! — громко воскликнулъ Спонтанѣевъ.—Я потерялъ его изъ виду, а онъ меня очень интересуетъ. Я хотѣлъ бы пріобрѣсти что-нибудь изъ его вещей.

— Да у него нѣтъ никакихъ вещей, помимо его Еруслана. А Еруслана онъ не продаетъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ работаетъ?

— У него обширный планъ.

И Владиміръ Николаевичъ подробно разсказалъ о планахъ Вольтова и Березовой о „перевозной выставкѣ“ съ музыкальными иллюстраціями и такъ дальше.

— Это очень интересно!—сказалъ Спонтанѣевъ,—очень, очень! Это оригинальная мысль!

— Оригинальная и полезная,—сказалъ Бертышевъ.—Вѣдь въ самомъ дѣлѣ наше искусство для народа какъ будто и не существуетъ. Литература уже давно стала доступна народу. Сцена тоже дѣлаетъ попытки, а наше искусство словно осудило себя на пользованіе однимъ только обезпеченнымъ классамъ. Можетъ быть, въ этой односторонней идеѣ о Еруcланѣ есть много угловатаго и преувеличеннаго. Но это ничего,—сама мысль хороша.Важенъ починъ, начало! Для начала нужна жертва. Если это будетъ имѣть успѣхъ, тогда найдутся другіе художники, можетъ быть, не съ столь кудрявыми идеями, какъ у Вольтова, и дѣло пойдетъ.

— Да, да, прекрасная мысль! превосходная мысль!—почти съ энтузіазмомъ воскликнулъ Спонтанѣевъ.

— Только она требуетъ расходовъ, и расходовъ, похожихъ на жертвы, такъ какъ разсчитывать на доходъ не приходится!—прибавилъ Владиміръ Николаевичъ.

— А, да, конечно... Тутъ какой же доходъ!..

— Нужны деньги!..

— Да, деньги нужны! Да гдѣ же онѣ не нужны? Деньги вездѣ, рѣшительно вездѣ нужны!

И высказавъ эту довольно вѣрную мысль, Спонтанѣевъ тѣмъ не менѣе не предложилъ денегъ на предпріятіе Вольтова. Поэтому Владиміръ Николаевичъ рѣшилъ не прекращать этотъ разговоръ и навести его на мысль.

— Хорошо было бы,—сказалъ онъ,—если бы нашелся такой безкорыстный любитель искусства, истинный меценатъ, который помогъ бы имъ!

— А развѣ есть такіе на свѣтѣ?—спросилъ Спонтанѣевъ.

— Я думаю, что есть. Да вотъ вы, Поликарпъ Антоновичъ, оказываете большія услуги искусству...

— Гм... да... Можетъ быть... Только... Только это иначе дѣлается, Владиміръ Николаевичъ.

— Какъ?—спросилъ Бертышевъ.

— А вотъ такъ. Положимъ, господинъ Вольтовъ написалъ свои картины. Отлично. Положимъ, и госпожа Березова приготовила свою музыку. Словомъ, у нихъ все готово, только денегъ нѣтъ. Тутъ вспоминаютъ они, что есть на свѣтѣ Спонтанѣевъ, приходятъ къ Спонтанѣеву и говорятъ: такъ и такъ. Вотъ вамъ

наша работа и наши планы, а вы приложите ваши деньги и устройте предпріятіе. А Спонтанѣевъ не извергъ какой-нибудь. Онъ говоритъ имъ: хорошо. За картины и за музыку я вамъ деньги заплачу. Вотъ пожалуйте, получите; а только картины—мои и предпріятіе мое. Вотъ это я понимаю. А то что же: я имъ дамъ денегъ, они будутъ пожинать себѣ лавры, а я здѣсь при чемъ же?

— Не для лавровъ онъ дѣлаетъ это, Поликарпъ Антоновичъ, а для идеи. Онъ человѣкъ идеи.

— А отъ лавровъ онъ откажется? Ну, нѣтъ. Дѣло-то бойкое... Про него дѣйствительно прокричатъ на всю Россію. А Спонтанѣевъ, хотя и меценатъ, какъ вы говорите, но все же не дуракъ и своими руками для господина Вольтова и г-жи Березовой каштаны изъ огня вытаскивать не станетъ. Я, признаюсь, давно уже слышалъ про затѣю Вольтова и Березовой, мнѣ писали. И все намекаютъ: деньги, молъ, нужны, деньги... Конечно, деньги! А то какъ же? Только денегъ же никто даромъ не даетъ. Развѣ дуракъ какой-нибудь...

— Значитъ, вы на какихъ же условіяхъ дали бы деньги?

— А вотъ на какихъ: картины мои и все, что тамъ ими устроено, все мое. И эту выставку пусть они дѣлаютъ, только отъ моего имени, то-есть отъ имени Спонтанѣева. И вы не думайте, что я желаю эксплуатировать господина Вольтова. Я за картины ему хорошо заплачу. Пускай ихъ знатоки оцѣнятъ, я за нихъ заплачу по оцѣнкѣ.

— Едва ли онъ на это согласится!

— А не согласится, пусть ищетъ денегъ, гдѣ хочетъ. Только никто ему не дастъ.

Этотъ разговоръ кончился вмѣстѣ съ завтракомъ. Владиміръ Николаевичъ прибавилъ только, что онъ передастъ Вольтову.

— Мы займемся?—спросилъ онъ Вѣру Поликарповну, когда всѣ встали изъ-за стола.

— Конечно.

И они пошли въ мастерскую.

Дачный домъ Спонтанѣева былъ построенъ имъ самимъ, при чемъ были приняты въ разсчетъ всѣ условія комфорта. Помѣстительный, удобный для всей семьи, онъ давалъ просторъ для отдыха всѣмъ, дѣлая лѣтнюю жизнь поистинѣ пріятной.

У Вѣры Поликарповны былъ въ распоряженіи цѣлый этажъ и здѣсь она устроила огромную мастерскую, гдѣ свѣта и воздуха было сколько угодно. Мастерская была обставлена множествомъ картинъ и скульптурныхъ группъ, купленныхъ спеціально для нея, такъ какъ Поликарпъ Антоновичъ ничего не далъ изъ своихъ коллекцій.

Вѣра Поликарповна начала писать съ гипса еще въ Петер-

бургѣ, а теперь перешла къ краскамъ. Дѣло шло медленно и вяло. У нея не было способностей и то сильное желаніе, которое она обнаруживала, обусловливалось скорѣе тщеславіемъ, чѣмъ любовью къ искусству, поэтому она работала какъ-то приливами, то лѣнясь по нѣсколько дней кряду, то вдругъ дѣятельно принимаясь за работу.

— Сегодня мнѣ неохота! — сказала она, когда они взошли наверхъ и были уже въ мастерской.—Вы сами виноваты. Опоздали!

Онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея обѣ руки.

— Я ѣздилъ по вашему порученію!—сказалъ онъ.

— Ну, вотъ, о немъ и давайте говорить.

Онъ разсказалъ факты и свои впечатлѣнія и прибавилъ:

— Имъ надо помочь!

— Вы имъ дали что-нибудь?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Почему же? Я вамъ возвратила бы.

— Безъ сомнѣнія. Но у меня нѣтъ такой суммы...

— У васъ нѣтъ десяти-двадцати рублей? Какой вы бѣднякъ! — съ улыбкой произнесла Вѣра Поликарповна.

— Такая сумма найдется. Но вѣдь этимъ не поможешь...

— Развѣ можно больше?

— Что значитъ можно? Можете ли вы? Весь вопросъ въ этомъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ. А въ томъ, имѣемъ ли мы право? Вѣдь бѣдныхъ много и многіе просятъ. Если мы отдадимъ одному слишкомъ много, то другому не хватитъ.

— Кажется, у васъ еще слишкомъ далеко до того, чтобъ не хватило.

— Это все равно, надо предусматривать.

— Предусматривать! — съ иронической усмѣшкой повторилъ Владиміръ Николаевичъ.—Это самая несчастная способность. Когда передъ нами настоящая нужда, мы будемъ смотрѣть поверхъ ея, впередъ, и стараться разглядѣть, нѣтъ ли тамъ еще другой нужды; мы тогда ничего не сдѣлаемъ ни для той, ни для другой.

— Ахъ! всегда по этому поводу мы споримъ!—съ легкой досадой воскликнула Вѣра Поликарповна.

— Да, всегда! — угрюмо сказалъ Владиміръ Николаевичъ и, остановившись у окна, сталъ молча смотрѣть на улицу.

Произошло довольно долгое молчаніе. Вѣра Поликарповна сидѣла на низенькомъ диванчикѣ, прикрытомъ пестрымъ турецкимъ ковромъ. На ней было легкое свѣтлое платье съ короткими рукавами. Ея красивая бѣлая рука лежала на коврѣ. Лѣтній воздухъ и отсутствіе зимнихъ надоѣдливыхъ волненій опять поправили ея щеки, поблѣднѣвшія было въ концѣ зимняго сезона, и на нихъ теперь игралъ яркій здоровый румянецъ.

— Вотъ ты опять разсердился, Владиміръ!—слегка капризнымъ голосомъ сказала она. Онъ обернулся и посмотрѣлъ на нее.

— Разсердился? Вѣра, ты всегда подбираешь не тѣ слова. Не разсердился я, а всегда это меня огорчаетъ...

— Что?

— Да вотъ эта предусмотрительность не на мѣстѣ.

— А гдѣ же она будетъ на мѣстѣ?

— Тамъ,— и Владиміръ Николаевичъ сталъ ходить мимо нея по комнатѣ,—тамъ, гдѣ мы будемъ имѣть дѣло не съ живыми человѣческими душами, а съ мертвыми вещами. Тамъ можно предусматривать, сколько угодно. Но когда мы занимаемся такимъ дѣломъ, какъ помощь ближнимъ, то тутъ не предусмотрительность нужна, а непосредственное чувство.

— Деньги нужны, мой милый другъ, а не чувства!

— Нѣтъ, не деньги. Деньги, это—вторая вещь. Если бы у меня въ тотъ моментъ было денегъ столько, сколько нужно, я отдалъ бы ихъ безъ колебаній и уже забылъ бы объ этомъ. Тоже самое было бы съ тобой, если бы ты при моемъ разсказѣ испытала истинное, непосредственное чувство.

— Да сколько же нужно, по твоему?

— Нужно около пятисотъ рублей.

— Но это невозможно, Владиміръ... Наши сто тысячъ приносятъ всего четыре съ половиной тысячи дохода. Пятьсотъ рублей, вѣдь это — девятая часть; развѣ мы можемъ отдать такую сумму въ однѣ руки?

— Нужно отдавать такую сумму, какая дѣйствительно можетъ помочь, или отказаться отъ этого занятія. Иначе это выходитъ просто милая игра въ благотворительность,—самое противное дѣло, какое я когда-либо въ жизни зналъ!

Онъ опять замолчалъ, а она придвинулась къ краю дивана, оперлась на ручку его и видимо была не въ духѣ.

Онъ понялъ это и по своей скверной привычкѣ, которую самъ въ себѣ осуждалъ, захотѣтъ смягчить впечатлѣніе своихъ словъ. Онъ подошелъ къ ней и присѣлъ рядомъ.

— Видишь ли, Вѣра, это происходитъ оттого, что ты сама никогда не была голодна. Ты не знаешь по опыту, что такое нужда, что значитъ, напримѣръ, когда нечѣмъ заплатить за дѣтей въ гимназію, нечѣмъ одѣть ихъ. Я все это испыталъ; я испыталъ и самъ нужду, и мои родные, когда я былъ мальчикомъ, часто бывали въ затрудненіи; я все это видѣлъ и чувствовалъ. Вотъ отчего столь различное у насъ съ тобой отношеніе къ дѣлу.

— Да... Можетъ быть... Но такъ нельзя, Владиміръ... Если бы тебѣ попались эти деньги, то ты въ недѣлю роздалъ бы всѣ сто тысячъ.

— О, можетъ быть, даже гораздо скорѣе! Можно въ одинъ часъ раздать ихъ. Но за то сколько добра я сдѣлалъ бы! Я помогъ бы, можетъ быть, всего только одной сотнѣ людей, но я сдѣлалъ бы ихъ дѣйствительно счастливыми. Ты поможешь десятку тысячъ, но это будетъ только удовлетвореніе для тебя, а не для нихъ.

— Ты считаешь меня деревяшкой?—мягко спросила Вѣра Поликарповна.

— О, нѣтъ, напротивъ, тогда я не убѣждалъ бы тебя.

— Ты и теперь не убѣждаешь; ты только ворчишь...

— Нѣтъ, убѣждаю... Сдѣлай это! Помоги имъ какъ слѣдуетъ. Дай имъ пятьсотъ рублей. Видишь, я убѣждаю тебя...

И онъ смотрѣлъ на нее своими красивыми глазами, которые и улыбались, и умоляли вмѣстѣ. Она невольно улыбнулась. Она не могла сопротивляться этому взгляду.

— Да, вотъ видишь... Это во мнѣ говоритъ купеческая кровь!—промолвила она.—Поди и возьми тамъ въ шкатулкѣ, ты знаешь. Вотъ ключъ.

— Хорошо.—Онъ всталъ и прошелъ въ сосѣднюю комнату. Въ низенькомъ шкапикѣ лежала хорошо знакомая ему изящная шкатулка. Въ ней всегда было нѣсколько сторублевокъ; онъ отсчиталъ пятьсотъ рублей, вернулся и показалъ ей.

— Я вамъ, Вѣра Поликарповна, привезу росписку!—шутливымъ тономъ сказалъ онъ и спряталъ деньги.

Она приподнялась и поцѣловала его въ лобъ.

Странный шумъ послышался на внутренней лѣстницѣ, какъ будто кто-то стремительно бѣжалъ наверхъ по деревяннымъ ступенькамъ. Вѣра Поликарповна выпрямилась и прислушалась.

— Зачѣмъ это бѣгутъ?—спросила она, и щеки ея поблѣднѣли.

— Ты встревожена? Мало ли что! Пустяки какіе-нибудь!

— У меня сегодня съ утра тревожное чувство.

— Что жъ можетъ случиться?

— Не знаю... Встань и отойди.

Это надо было сдѣлать, такъ какъ шаги перешли уже въ комнаты и кто-то сейчасъ долженъ былъ войти. Владиміръ Николаевичъ отошелъ къ окну.

Дверь растворилась и вбѣжалъ лакей съ блѣднымъ и перекошеннымъ лицомъ. Вѣра Поликарповна вскочила.

— Что такое?

— Баринъ... Съ бариномъ...—лепеталъ лакей.

— Что съ отцомъ? Да говорите же!

— Съ бариномъ не хорошо... Только что подали имъ коляску... Поднялись съ креселъ, чтобы идти и, вдругъ вскрикнули и опять сѣли и чувства потеряли.

— Ударъ?

— Что вы? Не можетъ быть! — воскликнулъ Владиміръ Николаевичъ.

— Пойдемте внизъ!—сказала Вѣра Поликарповна и, отстранивъ лакея и не дожидаясь Владиміра Николаевича, быстро пошла изъ комнаты.

Она бѣжала по лѣстницѣ, перепрыгивая черезъ ступеньки. Онъ едва поспѣвалъ за нею, а лакей шелъ въ отдаленіи.

Внизу были шумъ и движеніе. Марья Ивановна, дрожащая и плачущая, на время потеряла способность говорить. Поликарпъ Антоновичъ сидѣлъ въ креслѣ, голова его откинулась назадъ, глаза были широко раскрыты. Ему терли виски.

— Послали за докторомъ?—спросила Вѣра Поликарповна.

Марья Ивановна кивнула головой. Докторъ жилъ напротивъ и тотчасъ явился, осмотрѣлъ больного и успокоилъ. Ударъ былъ не глубокій. Поликарпъ Антоновичъ скоро началъ приходить въ себя. Его уложили на кушетку и оставили въ безусловномъ покоѣ. Онъ съ трудомъ говорилъ, но докторъ сказалъ, что это пройдетъ.

Однакожъ слово „ударъ" произвело на всѣхъ страшно удручающее впечатлѣніе. Никто не ожидалъ этого.

Это былъ такой здоровякъ, что, казалось, онъ никогда не свалится. Владиміръ Николаевичъ вспомнилъ его чрезмѣрное оживленіе за завтракомъ, неестественный блескъ глазъ, чрезвычайную окраску шеи и щекъ и понялъ, что это въ немъ уже готовилось.

Вѣра Поликарповна ходила растерянная. Приходилось успокаивать и ее, и мать.

— Нужно позвать изъ Петербурга спеціалиста!—сказала Вѣра Поликарповна.

— Я это сдѣлаю!—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Вы хотите уѣхать?—съ ужасомъ спросила Вѣра.

— Да, иначе этого нельзя сдѣлать...

— А мы останемся однѣ... Брата нѣтъ! Его никогда нѣтъ дома!

Она отошла въ сторону, онъ подошелъ къ ней.

— Владиміръ, милый, пріѣзжай потомъ!..

— Сегодня?

— Да, сегодня... Если можешь... У меня такое тяжелое чувство; я всего боюсь.

— Это мнѣ будетъ не легко сдѣлать! — сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—я не предупредилъ.

— Сдѣлай какъ-нибудь!

— Я постараюсь. Такъ я поѣду за докторомъ! — прибавилъ онъ громко для Марьи Ивановны, — и, можетъ быть, самъ еще вернусь!

— Пріѣзжайте, Владиміръ Николаевичъ! — умоляющимъ голосомъ сказала Вѣра.

Онъ ушелъ, за воротами сѣлъ въ коляску, приготовленную для Поликарпа Антоновича, и поѣхалъ на вокзалъ.

III.

Въ вагонѣ у него было достаточно времени, чтобы обсудить новое положеніе, созданное внезапной болѣзнью Поликарпа Антоновича.

У него было странное ощущеніе, какъ будто болѣзнь эта внесетъ важную перемѣну въ его жизнь. Это, должно быть, оттого, что онъ слишкомъ сблизился съ этой семьей, особенно же съ Вѣрой Поликарповной, на судьбѣ которой болѣзнь отца, конечно, должна будетъ глубоко отразиться.

Въ сущности онъ даже не могъ себѣ представить, какія именно перемѣны должны были произойти. Онъ совсѣмъ не зналъ дѣлъ Спонтанѣева. Зналъ только, что у него очень большая дровяная торговля. Его дровяные дворы были раскиданы во всѣхъ концахъ города, на каналахъ стояли сотни принадлежавшихъ ему барокъ, переполненныхъ дровами. Зналъ онъ, что существуетъ его контора на бойкомъ мѣстѣ, всѣмъ извѣстная; но онъ не имѣлъ понятія о томъ, насколько дѣла Спонтанѣева зависятъ отъ его личности да и не представлялъ себѣ размѣровъ самаго предпріятія.

Всѣ говорили, что Спонтанѣевъ очень богатъ. Подтвержденіе этому можно было найти въ его обстановкѣ и образѣ жизни. Но это все, что было извѣстно Владиміру Николаевичу.

Зато онъ зналъ хорошо, что лично для Поликарпа Антоновича этотъ ударъ былъ рѣшающимъ. Если докторъ сказалъ, что нѣтъ опасности, то, разумѣется, только на короткое время и, по всей вѣроятности, меценатъ, столь своеобразно выяснившійся передъ нимъ сегодня, будетъ прикованъ къ креслу и дому.

Съ вокзала проѣхалъ онъ прямо къ профессору, который, какъ онъ зналъ, изрѣдка лѣчилъ Спонтанѣева. Тутъ дѣло устроилось въ пять минутъ. Профессоръ былъ дома и ему стоило только узнать, что случилось, какъ онъ тотчасъ же выразилъ готовность поѣхать въ Царское.

Затѣмъ Владиміръ Николаевичъ, не смотря на то, что очень дорожилъ временемъ, съѣздилъ на Пески и вручилъ своимъ кліентамъ пятьсотъ рублей. Ему некогда было наблюдать за эффектомъ, который произвелъ этотъ визитъ. У него въ головѣ сидѣли уже другія мысли. Онъ думалъ о томъ, что надо ѣхать домой и, главное, съ тѣмъ, чтобы скоро опять уѣхать.

— Пожалуйста,—сказалъ онъ,—напишите госпожѣ Спонта-

нѣевой о томъ, что вы получили деньги! — Затѣмъ пообѣщалъ зайти и быстро скрылся, не обращая вниманія ни на пылкія благодарности, ни на слезы радости.

Черезъ часъ онъ былъ дома и нѣсколько удивился, когда, войдя въ переднюю, услышалъ мужскіе голоса. Впрочемъ, онъ скоро понялъ, что это Матвѣй Ивановичъ и Вольтовъ, навѣстившіе Вѣру Петровну.

Вѣра Петровна посмотрѣла на него вопросительно. Она не ожидала, что онъ такъ рано вернется. Никогда онъ не являлся изъ Царскаго раньше обѣденнаго времени.

— Былъ у Спонтанѣевыхъ? спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да... Тамъ важное событіе!

— У важныхъ персонъ всегда все бываетъ важное!—замѣтилъ Скорбянскій.

— На этотъ разъ безъ шутокъ!—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ,—съ Спонтанѣевымъ случился ударъ.

— Что-о?

— Ударъ, настоящій ударъ! Я его оставилъ почти безъ чувствъ. Ничего сказать не можетъ.

— Бѣдное русское искусство!—патетически воскликнулъ Скорбянскій,—кто теперь будетъ покупать тебя за грошъ? Съ кого теперь подающіе надежды художники будутъ писать портреты?

— Ты бы хоть лежачаго пощадилъ, Матвѣй Ивановичъ.

— А что ему теперь отъ моей пощады? Такъ, значитъ, конецъ?

— Почти.

— Да, первый, потомъ второй, потомъ третій и финисъ. Не везетъ тебѣ, Вольтовъ.

— Мнѣ?—съ удивленіемъ спросилъ Вольтовъ.

— А какъ же! Все-таки была надежда, что онъ денегъ дастъ на твоего Еруслана.

— Я говорилъ съ нимъ!--промолвилъ Бертышевъ.

— И что же?

— Онъ посмотрѣлъ на дѣло по своему.

— Я думаю! Какъ истый дровяникъ! Навѣрно, посмотрѣлъ такъ, какъ бы ему предложили купить барку дровъ.

— Онъ очень интересуется Вольтовымъ и хотѣлъ бы что-нибудь у него купить.

— Дудки!—сказалъ Скорбянскій.—А Ерусланъ?

— Вотъ и Еруслана онъ согласенъ купить и хорошія деньги заплатить и на перевозную выставку согласенъ; только чтобъ все это было отъ его имени.

— Ага! онъ не дуракъ! Вольтовъ, ты согласенъ?

— Боже сохрани! Я лучше самъ на собственной спинѣ буду

возить свои картины по деревнямъ; я не желаю, чтобы чуждое искусству имя примѣшалось къ моему предпріятію.

— Этотъ разговоръ былъ до удара или послѣ?—спросилъ Скорбянскій.

— До.

— А ты бы попробовалъ послѣ. Можетъ, теперь онъ уже о душѣ думаетъ, такъ станетъ помягче...

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, не пробуйте, Владиміръ Николаевичъ,—сказалъ Вольтовъ,—это ни къ чему не приведетъ.

— Гм! Однако, какъ это неожиданно! —говорилъ Скорбянскій;—вѣдь какой былъ здоровый малый! Какъ же теперь дрова? Кто будетъ отапливать городъ Петербургъ?

Владиміръ Николаевичъ вызвалъ жену въ другую комнату и попросилъ ее, если можно, поторопиться съ обѣдомъ.

— Ты куда-нибудь торопишься? -спросила Вѣра Петровна.

— Да, я долженъ... Я взялъ порученіе... Тамъ вѣдь всѣ растерялись...—началъ, было, онъ тономъ оправданія.

— Хорошо, мы сейчасъ пообѣдаемъ!—перебила его Вѣра Петровна, своимъ тономъ и взглядомъ показывая, что не хочетъ вдаваться въ подробныя объясненія.

Скоро былъ поданъ обѣдъ. А послѣ обѣда Владиміръ Николаевичъ сталъ прощаться.

— Какъ? ты оставляешь гостей?—воскликнулъ Матвѣй Ивановичъ,—въ кои-то вѣки забрались къ тебѣ...

— Я надѣюсь, что гости не уйдутъ такъ скоро и проведутъ у насъ вечеръ; я вернусь непремѣнно къ восьми часамъ. У меня есть важное дѣло.

— Экій ты сталъ дѣловой! Ну. ладно; а если къ восьми не пріѣдешь, то я тебя больше знать не хочу.

Владиміръ Николаевичъ уѣхалъ и вернулся раньше, чѣмъ самъ ожидалъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Царское, то сынъ и наслѣдникъ Спонтанѣева былъ уже тамъ. Молодой человѣкъ встрѣтилъ его такъ сухо и даже грубо, что Бертышевъ. не смотря на просьбы Марьи Ивановны и Вѣры Поликарповны, не захотѣлъ остаться больше четверти часа.

Въ это время пріѣхалъ изъ Петербурга профессоръ и всѣ занялись имъ. Спонтанѣеву было значительно лучше. Въ домѣ уже было не такое растерянное настроеніе, какъ раньше.

— Неужели ты не можешь посидѣть со мной лишній часъ?—спросила его Вѣра Поликарповна, когда они были вдвоемъ.

— Не могу. Во-первыхъ, у меня гости и я обѣщалъ имъ. А во-вторыхъ, мнѣ непріятно оставаться съ твоимъ братомъ. Онъ смотритъ на меня такъ, какъ будто я что-то отнимаю у него. По всей вѣроятности онъ ревнуетъ тебя ко мнѣ!

— Ревнуетъ? Онъ такъ же равнодушенъ ко мнѣ, какъ я къ нему. Онъ равнодушенъ ко всѣмъ. Но зачѣмъ тебѣ принимать это въ разсчетъ?

— Я не могу не принимать. Меня это энервируетъ. Я не въ состояніи и къ тебѣ относиться правильно. Я вѣдь не пріученъ къ его обществу. И вообще мнѣ кажется, что при такомъ положеніи долговременное присутствіе въ домѣ посторонняго человѣка...

— Ты не посторонній! Ты мой!—Развѣ это перестало уже быть правдой?..

— Да, но для всѣхъ другихъ я посторонній. Лучше я завтра пораньше пріѣду. Надѣюсь, что Поликарпу Антоновичу тогда будетъ уже совсѣмъ хорошо и мы спокойно займемся своимъ дѣломъ.

— Ну, Богъ съ тобой. Пріѣзжай завтра какъ можно раньше.

Онъ уѣхалъ. Его появленіе дома гораздо раньше обѣщаннаго срока—восьми часовъ—произвело благопріятное впечатлѣніе не только на Скорбянскаго, но даже, какъ ему показалось, и на Вѣру Петровну. Очевидно, на это она не надѣялась.

Прошло уже больше недѣли съ тѣхъ поръ, какъ съ Спонтанѣевымъ случился ударъ. Онъ довольно быстро оправлялся, тѣмъ не менѣе не было надежды на полное возстановленіе силъ. Онъ плохо владѣлъ лѣвой ногой и правой рукой. Рѣчь вполнѣ вернулась къ нему, хотя уже не было прежняго громоваго голоса и слова онъ произносилъ тихо и медленно.

За недѣлю у него перебывало множество художниковъ и артистовъ, что доставило ему большое удовлетвореніе. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, выходилъ только въ садъ и то при помощи костылей и слугъ.

— Какъ ужасно смотрѣть на отца! — говорила Вѣра Поликарповна Бертышеву.—Я его считала самымъ прочнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ, кого знала, и вдругъ такая безпомощность! Это наводитъ на мрачныя мысли.

Владиміръ Николаевичъ часто видѣлся съ нимъ. Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Царское, Спонтанѣевъ освѣдомлялся о немъ и иногда просилъ зайти внизъ къ нему.

— Я привыкъ къ вамъ,—говорилъ онъ,—при томъ же, можетъ быть, у меня къ вамъ будетъ большая просьба.

— Ко мнѣ?

— Да, да... Вы можете мнѣ быть очень полезнымъ. Но я скажу это послѣ... Я еще не рѣшилъ это окончательно...

Пріѣзжалъ братъ Авксентій Антоновичъ и у нихъ былъ длинный дѣловой разговоръ. Въ результатѣ Авксентій Спонтанѣевъ уѣхалъ съ нахмуреннымъ лицомъ, а Поликарпъ Антоновичъ былъ разстроенъ.

— Вотъ какіе нынче братья!—говорила почти со слезами

Марья Ивановна.—Поликарпъ Антоновичъ заболѣлъ, кому же, какъ не родному брату, помочь ему въ дѣлахъ? А онъ и слышать не хочетъ. Я, говоритъ, въ дровахъ да въ картинахъ ничего не понимаю, мое дѣло—банное. А дѣло безъ хозяина все равно, что человѣкъ безъ головы.

А братъ Авксентій, съ своей стороны, объяснялъ дѣло очень просто. Было время, когда онъ тольно что начиналъ свою карьеру, а Поликарпъ былъ тогда уже владѣльцемъ сотней тысячъ и нѣсколькихъ дровяныхъ дворовъ. Авксентій, позже брата взявшійся за умъ, расчитывалъ, что богатый братъ поможетъ ему на первыхъ порахъ обернуться, но Поликарпъ сказалъ:

— Пропасть я тебѣ не дамъ, конечно, на то я единоутробный братъ; но поддержки большой не жди. Меня никто не поддерживалъ. Выбился я въ люди самъ и ты самъ выбивайся.

И Авксентій сталъ выбиваться и выбился. Но ему пришлось много страдать и хотя потомъ отношенія между братьями сгладились, но этого онъ не забылъ и не простилъ.

Теперь онъ наотрѣзъ отказался хотя бы временно завѣдывать дѣлами брата.

— У тебя есть взрослый сынъ, братъ Поликарпъ! Онъ студентъ, образованный. Пусть онъ и вѣдаетъ твои дѣла.

Но для Поликарпа Антоновича указаніе на сына было самымъ большимъ огорченіемъ. Онъ отлично зналъ, что сынъ его не въ состояніи больше пяти минутъ провести въ конторѣ, а въ дѣлахъ ничего не понимаетъ и не захочетъ понять.

Такое онъ далъ ему воспитаніе. Его тщеславіе тѣшилось, когда онъ видѣлъ сына, разодѣтаго въ шикарную шинель съ бобрами, съ какой-то необыкновенной ослѣпительной подкладкой, на рысакахъ, въ обществѣ богатыхъ и свѣтскихъ людей.

Онъ поощрялъ такое направленіе, разсчитывая, что оставитъ дѣтямъ большое состояніе и что они никогда не будутъ нуждаться въ работѣ. Но состояніе его въ томъ видѣ, какимъ оно было теперь, хотя и было большое, но легко могло превратиться въ ничто. Онъ какъ разъ недавно сильно расширилъ дѣло, даже порядочно рискнулъ, пустивъ въ оборотъ почти всѣ наличныя средства. Дѣло было вѣрное, онъ разсчитывалъ на свои силы, которыхъ у него было много, и не ожидалъ катастрофы.

Съ удивленіемъ Владиміръ Николаевичъ узналъ, что Спонтанѣевъ самъ лично вѣдалъ всѣ свои дѣла. Онъ каждый день объѣзжалъ всѣ свои дворы и конторы, а по вечерамъ принималъ отчетъ отъ главныхъ приказчиковъ.

Никогда ни на минуту не ослабѣвалъ его надзоръ и оттого, можетъ быть, дѣла его шли дѣйствительно образцово.

Но теперь вдругъ возжи ослабѣли и Спонтанѣевъ, сидя въ

своемъ креслѣ, томился мыслью, что тамъ, на его дровяныхъ дворахъ, теперь непремѣнно идетъ беззастѣнчивый грабежъ; по его мнѣнію, это такъ должно было быть. Весь порядокъ держался на строгости. Его приказчики всѣ были по его личному выбору. Такъ какъ онъ самъ входилъ во всякую мелочь, то не нуждался въ ихъ честности.

„Все равно, — говорилъ онъ, — будь ты хоть прохвостъ изъ прохвостовъ, меня не проведешь; я самъ прожженый, самъ всю эту школу прошелъ“.

Поэтому онъ искалъ только расторопности и смышлености. А такіе — большею частью на руку не чисты. И вотъ теперь, когда вдругъ исчезло строгое хозяйское око, смышленые и расторопные приказчики дадутъ себѣ, конечно, полную волю.

Съ каждымъ днемъ все больше и больше волновался Поликарпъ Антоновичъ. Былъ у него разговоръ съ сыномъ. Но молодой человѣкъ даже не понялъ, когда ему предложили заняться дѣлами.

— Зачѣмъ это? Развѣ это нужно?—спрашивалъ онъ.—Вѣдь дѣла идутъ отлично!

А Спонтанѣевъ тотчасъ увидѣлъ, что это была неосновательная мысль.

Наконецъ, послѣ одного генеральнаго доклада старшаго приказчика, временно завѣдывавшаго всѣми дворами, Поликарпъ Антоновичъ вышелъ изъ себя, разволновался, сталъ кричать: мошенники, воры! хоть бы по божески брали, а то грабите пригоршнями.

Пришлось даже пригласить доктора и пригрозить больному новымъ ударомъ, если онъ не успокоится.

Послѣ этой сцены былъ короткій, но важный разговоръ при запертыхъ дверяхъ съ Марьей Ивановной. А затѣмъ Марья Ивановна сама явилась наверхъ въ то время, когда тамъ шелъ урокъ живописи, и таинственно заявила:

— Поликарпъ Антоновичъ очень проситъ васъ, Владиміръ Николаевичъ, завернуть къ нему. Дѣло имѣетъ.

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— А ужъ онъ вамъ скажетъ. Только вы его, пожалуйста, послушайте, Владиміръ Николаевичъ; сами видите, какое его положеніе. Со всѣхъ концовъ обворовываютъ. Ахъ ты, Господи! вотъ не ждали, не гадали...

Владиміръ Николаевичъ ничего не понялъ изъ этого туманнаго объясненія. Послѣ урока онъ сошелъ внизъ и явился къ Спонтанѣву.

— Садитесь, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ! — сказалъ

тотъ, протягивая ему лѣвую руку.—Ну, какъ поживаете? Какъ ваши дѣла?

— По прежнему!—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ, не понимая, почему Спонтанѣевъ вдругъ заинтересовался его дѣлами.— Не очень хорошо, но и не очень дурно.

— Ну, все-таки живопись плоховато кормитъ, особенно въ началѣ, когда только пробиваешь дорогу!—промолвилъ Спонтанѣевъ. — Я это знаю. Вотъ потомъ, потомъ, когда пойдутъ заказы... Это совсѣмъ другое дѣло, не такъ ли?

— При скромныхъ потребностяхъ можно довольствоваться и тѣмъ, что даетъ живопись!—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ,— а у меня потребности скромныя.

— Но однако же, извините за нескромный вопросъ, сколько вы зарабатываете въ мѣсяцъ?

Владиміръ Николаевичъ вторично ёще больше удивился такому странному направленію любопытства Спонтанѣева. Никогда прежде онъ не интересовался его матеріальными дѣлами.

— Я и самъ хорошо не могу сказать! — отвѣтилъ онъ,— иногда больше, иногда меньше.

— Но въ среднемъ рублей сотню въ мѣсяцъ зарабатываете?

— Да, не больше.

— Это немного, мой милый Владиміръ Николаевичъ, это очень немного!

— Мнѣ хватаетъ.

— Да вѣдь хватаетъ и писцу, напримѣръ, двадцать рублей въ мѣсяцъ, съ семьей, да вѣдь какая же это жизнь! Я самъ когда-то нуждался и понимаю. На сто рублей жить въ Петербургѣ съ женой и дѣтьми,—это очень трудно, очень трудно!

„Неужели онъ вздумаетъ предложить мнѣ деньги? — съ содроганіемъ подумалъ Владиміръ Николаевичъ, — это было бы ужасно и непоправимо!“

— Да, немного,—сказалъ онъ громко,—но мы не чувствуемъ отъ этого тяжести.

— А можно вѣдь увеличить заработокъ и очень даже просто!—молвилъ Спонтанѣевъ.—Можно, напримѣръ, безъ хлопотъ увеличить его вдвое.

— Какимъ это образомъ?

— Вотъ за этимъ я и попросилъ васъ зайти ко мнѣ. Видите, меня вотъ скрутило... Человѣкъ я, точно связанный по рукамъ и по ногамъ. А дѣло у меня большое. И что жъ? Вижу я, какъ оно на глазахъ моихъ шатается. Судите сами, каково мое положеніе.

— Что же я тутъ могу сдѣлать, Поликарпъ Антоновичъ?— спросилъ Бертышевъ вполнѣ искренно, въ самомъ дѣлѣ не по-

нимая, какимъ образомъ онъ можетъ удержать дѣла Спонтанѣева отъ шатанія.

— Можете, очень даже можете, если захотите!

— Но я ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю!

— Э, очень скоро поймете! Дѣло это простое: за столько-то куплено, а за столько-то продано. Тутъ не понимать нужно, мой милый Владиміръ Николаевичъ, а надо быть порядочнымъ, честнымъ человѣкомъ. Вотъ этого-то я и не могу ни въ комъ сыскать. Народъ все мошенникъ; чуть надзора не стало, сейчасъ пошелъ воровать въ перегонку. А вы, Владиміръ Николаевичъ, честный человѣкъ, это я знаю.

— Надѣюсь!—съ усмѣшкой сказалъ Бертышевъ.

— А я не сомнѣваюсь и увѣренъ. Вотъ видите, братъ мой родной отказался, а сынъ—легкомысленная, пустая голова, гдѣ ему? Я вамъ такъ скажу, Владиміръ Николаевичъ, что у меня на васъ теперь одна надежда.

— Не понимаю, Поликарпъ Антоновичъ, какъ это вамъ пришло въ голову!

— Да потому и пришло, что нуженъ мнѣ честный человѣкъ. Конечно, ничего художественнаго въ этомъ занятіи нѣтъ; да вѣдь хлѣбъ, который надо кушать, онъ не разбираетъ, художественное или не художественное. Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы ради Бога не отказывайтесь. Вотъ позвольте, я вамъ объясню, въ чемъ тутъ дѣло.

— Да я совсѣмъ не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло!

— О, да, и навѣрно не такъ представляете. Вы думаете, что тутъ надо какія-нибудь особенныя знанія; но право же тутъ ничего не надо. Въ два-три дня вы все дѣло охватите умомъ. Тутъ надо, чтобы они чувствовали, что надъ ними есть надзоръ. Вы будете замѣнять меня. Каждый день вы будете на моихъ лошадяхъ объѣзжать дровяные дворы и просматривать записи! А я вамъ буду давать свѣдѣнія. Я все наизусть знаю. И вотъ вы говорите, что сто рублей зарабатываете, а я вамъ дамъ еще сто,— на первое время, конечно, а тамъ вы уже сами оцѣните свой трудъ, и я не пожалѣю. Вотъ вашъ заработокъ и удвоится и такъ легко! а работы часа на три въ день. Объѣхавъ, вы мнѣ дадите матеріалъ, а ужъ принимать приказчиковъ, я самъ буду, на это-то меня хватитъ. Ну, согласны? Говорите, что согласны. Это меня, можетъ быть, спасетъ отъ гибели. Ну, милый Владиміръ Николаевичъ, ну, пожалуйста!

— Поликарпъ Антоновичъ, я не могу ничего сказать! Сейчасъ, сію минуту у меня нѣтъ никакого мнѣнія на этотъ счетъ; я долженъ подумать, сообразить. Вы мнѣ дайте время для этого.

— А, ну, вотъ это самое хорошее! За это я могу только похвалить васъ. Значитъ, человѣкъ не легкомысленный, не хочетъ

зря браться за дѣло. Это васъ рекомендуетъ. Подумайте, подумайте! только потомъ непремѣнно согласитесь, непремѣнно, потому что иначе вы меня прямо зарѣжете.

Владиміръ Николаевичъ поднялся.

— Я вамъ завтра скажу!—промолвилъ онъ, протягивая руку.

— Я васъ завтра жду съ нетерпѣніемъ!—сказалъ Спонтанѣевъ.—Ну, что, какъ моя дочка? Дѣлаетъ успѣхи? Да нѣтъ, нѣтъ, вы не смущайтесь. Я вѣдь знаю, что это она такъ, отъ нечего дѣлать. Таланта у нея нѣтъ, я это знаю. Если бы былъ, то проявился бы, не такъ ли? Ну, что жъ, пусть работаетъ, когда ей это нравится. Охъ, Владиміръ Николаевичъ, видите, какая бѣда со мной приключилась! Вотъ сижу въ креслѣ по цѣлымъ днямъ и все думаю, думаю, все о дѣтяхъ думаю. Избаловалъ я ихъ, а вдругъ... Ахъ, вотъ и сейчасъ голова закружилась! вотъ сижу и жду погибели. Ну, идите, идите наверхъ. Я васъ оторвалъ отъ работы... Только завтра я васъ принимаю уже, какъ своего помощника. Да, да, не отнѣкивайтесь!

Владиміръ Николаевичъ, выйдя отъ него, поднялся наверхъ. По пути онъ никого не встрѣтилъ, но слышалъ, какъ послѣ него кто-то мелкими шажками вошелъ къ Поликарпу Антоновичу. Онъ догадался, что это была Марья Ивановна, которой поскорѣе хотѣлось узнать результатъ переговоровъ.

А наверху Вѣра Поликарповна ждала его съ любопытствомъ.

— Васъ нагрузили чѣмъ-то очень тяжелымъ? — промолвила она, увидѣвъ его, идущаго медленно, съ задумчиво опущенной головой.

— Во всякомъ случаѣ неожиданнымъ!—отвѣтилъ онъ.—Здѣсь нѣтъ никого?

— Ни души.

— Слушай, Вѣра, это даетъ мнѣ случай поговорить съ тобой и о другомъ; я давно уже собираюсь.

— Я люблю *говорить* съ тобой, но когда ты хочешь *„поговорить“*, этого я терпѣть не могу. Это значитъ какой-нибудь острый, колючій вопросъ.

— Что дѣлать! Такъ ты позволяешь?

— Да ужъ коли надо, такъ надо.

— Твой отецъ сдѣлалъ мнѣ странное предложеніе и при этомъ еще связалъ меня заявленіемъ, что мой отказъ можетъ погубить всѣ его дѣла.

— Да, мнѣ мать говорила, что его обкрадываютъ...

— А, значитъ, ты ужъ знаешь.

— Я только что узнала.

— Тѣмъ лучше. Онъ предлагаетъ мнѣ взяться за надзоръ и за это хочетъ платить мнѣ деньги, ну, тамъ, все равно сколько.

А я хотѣлъ тебѣ сказать, что меня страшно обременяетъ и эта плата, которую я получаю за уроки.

— Почему же? Вѣдь ты работаешь, тратишь время?

— Я это не изъ безкорыстія, Вѣра. Я совсѣмъ не безсребренникъ; а просто при нашихъ отношеніяхъ это имѣетъ дурной видъ.

— А ты развѣ хотѣлъ бы, чтобы наши отношенія стали всѣмъ извѣстны?

— Хочу ли я, это другой вопросъ; но все равно, это невозможно, какъ ты знаешь.

— Ну, такъ это же ясно. Еслибъ ты давалъ мнѣ уроки даромъ и помогалъ бы моему отцу тоже даромъ, то это заставило бы спросить: почему? И отвѣтъ нашли бы, можетъ быть, гораздо худшій, чѣмъ есть въ дѣйствительности; развѣ это не такъ?

— Да, конечно, такъ .. Какъ ты далеко умѣешь смотрѣть...

— Ну, значитъ, ты разбитъ на голову.

— Значитъ, по твоему мнѣ слѣдуетъ согласиться на предложеніе Поликарпа Антоновича?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я не берусь рѣшать этого вопроса. Ты рѣши его самъ. Вѣдь, въ сущности, тебя просятъ о жертвѣ. Отецъ дѣйствительно въ безпомощномъ положеніи. Я слышала его разговоръ съ приказчиками и убѣдилась, что его грабятъ безсовѣстно. Но это уже твое дѣло: хочешь ты пожертвовать своимъ временемъ для него или нѣтъ?

— Но твое мнѣніе, твое желаніе, наконецъ?

— У меня нѣтъ ни того, ни другого. Впрочемъ, если я стану на точку зрѣнія „Торговаго дома Спонтанѣевъ“, то, разумѣется, я должна желать этого, потому что отъ этого зависитъ наше, а значитъ и мое, благосостояніе. Но я вовсе не хочу оказывать давленія на твою волю. Я только говорю, что, если ты согласишься выручить отца, то непремѣнно бери плату и даже потребуй побольше. Мой отецъ—купецъ и ты, вѣроятно, забылъ, что говорилъ съ купцомъ и навѣрно продешевилъ. Купцы всегда торгуются и тебѣ надо было торговаться.

— Но, Вѣра, ты забываешь, что я не купецъ, а художникъ.

— Мой милый, я этого не забываю и цѣню это. Ну, словомъ, поступи какъ хочешь. Ахъ, бросимъ этотъ разговоръ! Въ послѣднее время все дѣла, все дѣла; мать только и говоритъ, что о дѣлахъ да о нашемъ будущемъ. Наконецъ и тебя хотятъ превратить въ дѣлового человѣка; ужъ тогда будетъ совсѣмъ скучно. Давай, побудемъ хоть минуту безъ дѣлъ. Ахъ, да, я получила письмо съ Песковъ. Спасибо тебѣ...

— За что?

— За то, что ты убѣдилъ меня. Я испытала большое наслажденіе...

— Счастливые вы люди! Какъ легко вамъ дается наслажденіе. Стоитъ только вынуть изъ шкатулки деньги и передать другому.

— Это что-то соціалистическое?— смѣясь, замѣтила Вѣра Поликарповна.—Ты сегодня не торопишься, надѣюсь!

— Нѣтъ, я поѣду, только къ обѣду.

— Такъ пойдемъ въ лѣсъ. А то мы съ тобой стали какіе-то тепличные и наше чувство...

— Что ты хочешь о немъ сказать?

— А ты ничего не замѣчаешь въ немъ?

— Замѣчаю, но... Но не знаю что... Какъ назвать это...

— Я назову тебѣ.

— Что-нибудь страшное?

— Да. Представь, если бы земля вдругъ остановилась въ своемъ движеніи, что̀ произошло бы?

— Произошла бы катастрофа.

— А ты развѣ не находишь, что наше чувство какъ бы остановилось и не идетъ впередъ.

— Да, можетъ быть.

— Только не собирайся, пожалуйста, серьезно обсуждать этотъ вопросъ. Я сегодня не расположена къ мозговой работѣ. Отложимъ это на неопредѣленное время. Пойдемъ въ лѣсъ, я знаю тамъ чудныя мѣста.

Но прогулка въ лѣсу не доставила Владиміру Николаевичу настоящаго удовольствія, онъ не могъ отыскать въ себѣ того настроенія, какое являлось всегда, когда они бывали вдвоемъ съ Вѣрой Поликарповной, не стѣсненные никакимъ надзоромъ.

Онъ думалъ о предложеніи Спонтанѣева и не столько о немъ, какъ о томъ, что предстоитъ разговоръ съ Вѣрой Петровной.

Всякій разговоръ, въ которомъ приходилось упоминать имя Спонтанѣева, былъ для нея тяжелъ, и онъ всячески избѣгалъ этого. Въ такихъ случаяхъ онъ живо и болѣзненно чувствовалъ, какая фальшь стоитъ теперь въ основѣ его отношеній къ женѣ.

Онъ дома былъ какой-то постоялецъ, а душа его была тамъ, въ домѣ Спонтанѣева; это имѣло такой видъ, но въ дѣйствительности не было такъ.

Онъ и самъ еще не сознавалъ этого ясно; но иногда у него являлось странное чувство: то время, когда онъ бывалъ у Спонтанѣева, его будто тянуло домой; а когда приходилось ѣхать въ Царское, онъ ловилъ себя на томъ, что въ этой поѣздкѣ есть для него какъ бы что-то недобровольное. Но это было лишь смутное ощущеніе, котораго онъ даже не могъ анализировать.

И тѣмъ тяжелѣе ему было думать, что жена совсѣмъ какъ

будто отстранилась отъ его души и не можетъ даже замѣтить этой перемѣны.

Въ четыре часа онъ простился съ Вѣрой Поликарповной и прямо изъ лѣсу пошелъ на вокзалъ. Онъ захватилъ удобный поѣздъ и въ половинѣ шестого былъ дома.

Уже готовились къ обѣду. Онъ не сразу заговорилъ о дѣлѣ. Когда стемнѣло, зажгли свѣчи, уложили дѣтей, самоваръ стоялъ на столѣ и Вѣра Петровна налила и передала ему чай и готова была, какъ всегда она дѣлала, уйти въ свою комнату, чтобъ оставить его одного на цѣлый вечеръ,—онъ остановилъ ее.

— Я хочу посовѣтоваться съ тобой, Вѣра!—сказалъ онъ.

— Со мной?—съ видимымъ удивленіемъ спросила она.

— Да. Видишь ли, мнѣ сегодня предложили работу, которая дастъ мнѣ сто рублей въ мѣсяцъ.

— Какую работу?

— Видишь ли...

Онъ остановился. Надо было говорить о Спонтанѣевѣ. У него всегда передъ тѣмъ, какъ произнести это имя передъ женой, першило въ горлѣ; но надо было договорить.

— Мнѣ Спонтанѣевъ предложилъ надсматривать за его торговлей. Главный надзоръ... Я собственно дѣлами не буду заниматься, а только провѣркой записей... Такъ какъ онъ самъ теперь не можетъ...

Вѣра Петровна усмѣхнулась.

— Дѣла? Торговля? Развѣ ты этому научился?

— Конечно, нѣтъ. Но онъ говоритъ, что тутъ не нужно никакихъ знаній, нуженъ только честный человѣкъ. Я думаю, что при нашихъ обстоятельствахъ я не имѣю права отказываться отъ такого заработка.

— Что жъ я должна сказать?

— Я хочу знать твое мнѣніе.

— Если ты чувствуешь себя въ силахъ, бери...

— Это все, что ты можешь сказать?

— Все.

И она направилась къ спальнѣ.

— Вѣра... Я хотѣлъ бы, чтобы ты сказала искренно.

Она остановилась и обернулась къ нему.

— Я сказала искренно: если чувствуешь себя въ силахъ, бери.

И она ушла въ спальню. Владиміръ Николаевичъ безпомощно опустилъ голову на столъ.

„Неужели у насъ на всегда кончено? Какъ она окаменѣла“!

Онъ всталъ и долго ходилъ по двумъ комнатамъ, которыя были въ его распоряженіи! тысячу разъ онъ порывался подойти

къ двери спальни и заговорить съ женой; ему казалось, что онъ долженъ сказать ей что-то важное, что наболѣло въ его душѣ; но когда онъ брался за ручку двери, онъ начиналъ понимать, что изъ этого ничего не выйдетъ, что у него нѣтъ словъ, чтобъ высказаться, что наболѣвшее еще не выяснилось въ его душѣ.

„Да, я возьму эту работу, — говорилъ онъ себѣ,—я возьму! Въ сущности, вѣдь это только боязнь словъ. Это простая случайность, что и тамъ и здѣсь имя Спонтанѣева; но это къ тому не имѣетъ никакого отношенія".

И ему казалось, что Вѣра Петровна въ чемъ то виновата; что если онъ дѣлаетъ не то, что слѣдуетъ, то только потому, что не встрѣтилъ въ ней поддержки, а въ общемъ состояніе его души было прескверное.

На другой день онъ явился къ Спонтанѣеву и обрадовалъ его своимъ согласіемъ.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Капитализація земледѣльческой промышленности.

(*Продолженіе* *).

III.

Послѣдствія централизаціи.

1.

Невниманіе прежнихъ производителей къ требованіямъ потребителей и заискиваніе въ наше время.—«Имя» на рынкѣ и послѣдствія его.—Государственная организація контролируетъ качество товара.

Индустріализмъ создаетъ могучія производительныя силы, которымъ становится тѣсно въ пеленкахъ индивидуалистическаго режима. Перепроизводство товаровъ и излишекъ предлагаемыхъ услугъ—эти признаки нарушеннаго равновѣсія между сферами производства и потребленія, принадлежатъ къ обыкновеннымъ явленіямъ въ экономической жизни каждаго цивилизованнаго народа. Соціальный механизмъ стихійнымъ и тягостнымъ образомъ возстановляетъ равновѣсіе, вызывая кризисы, уничтожающіе излишекъ продукта и понижающіе заработную плату въ переполненныхъ отрасляхъ труда. Производители зависятъ отъ потребителя и стараются снискать его благосклонность. Толпа, покупающая товары, становится всемогущимъ повелителемъ,—это единственный случай воплощенія въ жизни мечтаній Жанъ-Жака Руссо о «peuple souverain».

Такого рода отношенія, издавна существующія въ обрабатывающей промышленности, начали теперь распространяться и въ земледѣліи, гдѣ тоже развиваются производительныя силы, ведущія къ переполненію рынковъ продуктами хлѣбовъ, полей и садовъ. Наступаетъ эпоха разнузданнаго соперничества. Потребитель начинаетъ приказывать производителю.

Германія доставляетъ намъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ такого отношенія.

«Большіе помѣщики,—пишетъ д-ръ Леви по поводу берлинскаго

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

скотнаго двора,—производятъ мясо по купеческимъ образцамъ. Они слѣдятъ за вкусами, господствующими на рынкѣ».

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія подъ вліяніемъ этого фактора произошелъ полнѣйшій переворотъ въ свиноводствѣ. Дѣло объясняется очень просто: у потребителей измѣнился вкусъ, они начали требовать, вмѣсто жирной, ветчину съ проростью. Заводчикъ поэтому держитъ лишь такія породы, которыя удовлетворяютъ этому требованію *).

Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ слѣды натуральнаго режима гораздо слабѣе, земледѣльцы угождаютъ потребителямъ еще сильнѣе. У насъ подъ рукой циркуляръ Реска, начальника земледѣльческаго вѣдомства, изданный по поводу открытія при немъ молочнаго департамента. Увѣдомляя землевладѣльцевъ о возникновеніи новаго бюро отдѣла, онъ пишетъ: «если наше молочное хозяйство желаетъ открыть себѣ доступъ на международный рынокъ, производители должны имѣть точныя свѣдѣнія о вкусѣ заграничныхъ потребителей». Маслобойни заботятся, чтобы ихъ продукты, вывозимые въ Англію, обладали цвѣтомъ, желательнымъ англичанамъ. Появились спеціальные заводы, приготовляющіе соотвѣтственную окраску. Производители убѣждаются въ необходимости производить вкусный товаръ. Даже большія фирмы, занимающіяся розничной продажей масла и вообще съѣстныхъ припасовъ, проникаются духомъ Потена въ Парижѣ, что лавочникъ долженъ быть поваромъ и химикомъ. Начали заботиться даже о внѣшнемъ видѣ товара. Профессоръ Вилькенсъ, въ своемъ рефератѣ о путешествіи по Сѣверной Америкѣ съ цѣлью изслѣдованія земледѣльческихъ отношеній, на каждомъ шагу видѣлъ доказательства такого духа. «Американцы стараются даже укладывать товаръ симметрически и красиво. Каждый земледѣлецъ и каждый садовникъ считаетъ вполнѣ справедливымъ требованіе удовлетворять вкусу покупающей публики даже въ упаковкѣ и внѣшнемъ видѣ товара».

Это ухаживаніе за потребителемъ своего рода магическая палочка, которая вызываетъ въ жизни новый прогрессъ. Подъ ея вліяніемъ зоотехника совершенствуется изо дня въ день, заводя лучшія породы и мечтая о производствѣ новыхъ. Скотоводство и земледѣліе вступили на новый путь.

Возникли *именныя* фирмы. Имѣть имя на рынкѣ значитъ быть отвѣтственнымъ за свой товаръ; такое именное предпріятіе заботится сильнѣйшимъ образомъ о качествѣ своего товара.

Въ наше время экономическія отношенія такъ отстали отъ прежнихъ обычаевъ, заводчикъ такъ внимательно заботится о скотѣ, что наше поколѣніе не безъ основанія можетъ опасаться упрека отъ будущаго. Грядущія столѣтія, быть можетъ, скажутъ о девятнадцатомъ вѣкѣ,

*) Агрономическая энциклопедія на нѣмецкомъ языкѣ, изданная Тилемъ, статья о свиньяхъ.

что тогда строили дворцы для коровъ, прилагая къ нимъ всѣ гигіеническія указанія, и пренебрежительно относились къ нуждамъ людей. Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ такой заботливости.

Ферма Моунтенъ-Сайдъ въ штатѣ Нью-Джерси, производящая молоко, держитъ 124 расовыхъ коровы. Скотъ получаетъ кормъ только въ опредѣленные часы, какъ совѣтуетъ гигіена: ему даютъ лишь кипяченую воду температуры 18,3 Ц. Передъ каждой коровой виситъ соль для лизанія, а доятъ ихъ при помощи пневматическихъ приборовъ, изъ которыхъ молоко по трубѣ проходитъ внѣ хлѣва, что должно предохранить молоко отъ непріятнаго запаха. Хлѣва освѣщены газомъ, чистота примѣрная. Акціонерное общество, производящее молоко вблизи Копенгагена, пошло еще дальше. Администрація такъ заботится о своихъ воспитанницахъ, что удалила всѣхъ собакъ по сосѣдству: собачій лай пугаетъ коровъ, и молоко портится отъ волненія.

Гдѣ нѣтъ именныхъ фирмъ, земледѣльческіе союзы и даже государство берутъ контроль на себя. Союзы канадскихъ производителей молока держатъ спеціальныхъ инспекторовъ, систематически посѣщающихъ фермы, дающихъ указанія, какъ содержать скотъ, и удаляющихъ худшія породы коровъ. Датская молочная организація внимательно слѣдитъ за качествомъ продукта, вывозимаго изъ страны. Французскіе синдикаты тоже прибѣгаютъ къ такимъ пріемамъ. Земледѣльческое вѣдомство въ Соединенныхъ Штатахъ ввело старательный осмотръ вывозимаго скота и мяса и организовало спеціальные департаменты съ цѣлью улучшенія породъ разводимыхъ животныхъ и воздѣлываемыхъ растеній.

Однимъ словомъ, мы видимъ усилія заставить земледѣльцевъ считаться съ требованіями потребителей и поднять уровень производства. Жизнь заставляетъ земледѣльца руководствоваться зоотехникой, т. е. искусствомъ прогрессивнаго скотоводства, и угрожаетъ продуктамъ его полей и хлѣвовъ изгнаніемъ съ рынка, въ случаѣ упорства. Это явленіе совершенно новое. Оно свидѣтельствуетъ, что земледѣльческій промыселъ освободился отъ преданій натуральнаго режима и производитъ только для продажи; въ нѣдрахъ его образовались производительныя силы, превышающія своимъ могуществомъ рыночный спросъ и создающія соперничество между производителями.

2.

Значеніе централизаціи и ея послѣдствія въ земледѣліи.—Примѣры: калифорнское садоводство и кормленіе скота въ «мясныхъ фабрикахъ».—Производство цыплятъ.

Сильные предразсудки существуютъ относительно централизаціи. Трëсты и картели не могли вызвать сочувственнаго отношенія къ себѣ со стороны потребителей, какъ заговорщики противъ ихъ кармановъ. Но въ нѣдрахъ монополій таятся величайшія производительныя силы.

Новое поколѣніе экономистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ странѣ, болѣе другихъ чувствующей гнетъ современныхъ промышленныхъ монополій, поняло это значеніе централизаціи. Они перестали бороться съ трестами; напротивъ, они домогаются полной свободы для развитія производительныхъ силъ, заключающихся въ большомъ производствѣ, но одновременно требуютъ государственнаго контроля надъ картелями, который сдерживалъ бы эксплуатацію и произволъ. Точно такъ государственный механизмъ установилъ желѣзнодорожные таксы и тарифы. Создавъ громадныя современныя предпріятія, человѣкъ запасся могущественнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ природой. Природу поработятъ не мелкія мастерскія промышленнаго и земледѣльческаго труда и заставятъ ея силы слушаться человѣческой воли, но производство, обнимающее большія пространства земли. Большія фабрики и большія фермы это своего рода лабораторіи техническаго и экономическаго прогресса. Возникаютъ новые методы производства, воплощаются по виду мелкія, но въ дѣйствительности очень важныя сбереженія времени и труда. Въ 1888 году парижская муниципальная дума разсматривала проектъ муниципальныхъ пекарень для столицы. Оказалось, что, вмѣсто 1.800 пекарень, изъ которыхъ многія приготовляютъ едва 200 — 250 килограммовъ хлѣба въ день, достаточно будетъ 10 пекарень, соотвѣтственно расположенныхъ среди Парижа. Высчитали, что сбереженія, проистекающія вслѣдствіе централизаціи труда, отопленія, помѣщенія и т. д., будутъ доставлять ежедневно городу 10.000 франковъ. Кстати, этотъ разсчетъ не принималъ во вниманіе техническихъ усовершенствованій и введенія машинъ, невозможныхъ въ маленькой пекарнѣ. Такъ дѣйствуетъ централизація!

Такая же централизація вторгается въ земледѣліе,—централизація не правъ собственности, но способовъ производства.

Мы уже замѣтили въ нашихъ статьяхъ, что большое производство возникаетъ въ земледѣліи подъ вліяніемъ развитія рынковъ. Мы привели даже примѣры предпріятій, образующихся въ различныхъ отрасляхъ скотоводства, садоводства и хлѣбопашества. Мы говорили о фруктовыхъ лѣсахъ, насчитывающихъ 1.000 и болѣе десятинъ, объ акціонерныхъ обществахъ, владѣющихъ 100 тысячъ и милліонами головъ рогатаго скота. Такія предпріятія составляютъ исходную точку измѣненій, простирающихся очень глубоко и производящихъ совершенный переворотъ въ самыхъ неповоротливыхъ и рутинныхъ промыслахъ. Революція охватываетъ методы производства, переиначиваетъ орудія труда, вводитъ новые пріемы борьбы съ природой. Благодаря возникновенію яблочныхъ лѣсовъ и полей клубники, огромныхъ скотныхъ дворовъ и громадныхъ пшеничныхъ фермъ, земледѣліе отъ вульгарной эмпиріи, доступной всякому, переходитъ въ стадію инженернаго искусства. Мы находимъ въ Соединенныхъ Штатахъ сотни спеціалистовъ техниковъ: молочныхъ, рыбныхъ, куриныхъ, зоотехниковъ, помологовъ. Параллельно съ увеличеніемъ предпріятій идетъ и спеціализація.

Читая рефераты калифорнскаго общества садовниковъ, мы удивляемся пріемамъ и образцамъ, появившимся тамъ, благодаря развитію большихъ предпріятій. Страна преобразуется въ громаднѣйшій фруктовый садъ. Есть фермы, продающія ежегодно до 3 милліоновъ фунтовъ сливъ. Сушильни тянутся на безконечныхъ пространствахъ. До сихъ поръ человѣкъ игралъ относительно природы роль хищника, срывавшаго съ поверхности матери земли лѣсной покровъ. Калифорніецъ старается возвратить землѣ ея уборъ, но, вмѣсто дикаго фасона, придаетъ ему культурный фруктовый. Гдѣ 10 лѣтъ тому назадъ не было ни единаго деревца, тамъ тянутся теперь тысячи акровъ рощъ. Возникли цѣлыя графства, покрытыя сливовыми рощами, другія—персиковыми, грушевыми, лимонными. Развитіе садоводства влечетъ за собой дальнѣйшія послѣдствія.

Возникла въ высшей степени искусная организація въ области производства; явились все новыя и новыя машины, дающія возможность сберегать трудъ и понижающія цѣны продукта. Фермеры наживаются, несмотря на постоянное пониженіе цѣнъ, которыя, лѣтъ десять тому назадъ, по всей вѣроятности, привели бы ихъ къ полному банкротству. Есть граница, за которую не можетъ переступить дешевизна плодовъ, но до нея еще далеко. Все, что имѣетъ хоть какое-нибудь отношеніе къ садоводству, вовлечено въ круговоротъ технической революціи. Способъ посадки и надзора за плантаціями, наблюденія за плодами на деревѣ, сборъ, упаковка и транспортъ, приготовленіе консервовъ, сохраненіе фруктовъ,—во всемъ прогрессъ замѣнилъ рутину. Вдоль плантаціи размѣщены насосы, которые освѣжаютъ фруктовые лѣса искусственнымъ дождемъ изъ спеціально для того приготовленной жидкости, съ цѣлью уничтоженія микробовъ, или же виднѣются чехлы, которыми покрываютъ подозрительное деревцо и на нѣкоторое время погружаютъ его въ атмосферу надлежащаго газа. Бываютъ дни, когда на протяженіи нѣсколькихъ миль глаза ѣстъ запахъ химическихъ препаратовъ, имѣющихъ въ виду уничтоженіе паразитовъ. Примѣнили паразитовъ какъ средство противъ вредныхъ насѣкомыхъ, истребляющихъ плантаціи, и изобрѣли новые способы защиты урожая отъ непрошенныхъ гостей. Завели въ садахъ многопольную систему и питаютъ каждое деревцо соотвѣтственнымъ навозомъ. Построили амбары для фруктовъ, гдѣ яблоко можетъ сохраняться въ свѣжемъ видѣ 2—3 года.

Такой же переворотъ произошелъ и въ откармливаніи скота. Выкармливаніе его опирается на систематическомъ и научномъ приложеніи зоотехники. На всемъ протяженіи Соединенныхъ Штатовъ находятся экспериментальныя станціи. Почти половина опытовъ относится къ вопросу, какой кормъ нужно давать скоту, чтобы при самой малой затратѣ получить громаднѣйшіе результаты, изслѣдованія ведутся систематически, разсчеты отличаются подробностями. Пользоваться этими указаніями владѣльцу маленькаго хлѣва иногда невозможно, потому что

затраты не оплачиваются. Только большіе заводы могутъ примѣнять указанія зоотехники и вести дѣло сообразно правиламъ, найденнымъ опытомъ въ лабораторіяхъ.

Остановимся подробнѣе надъ однимъ промысломъ, производствомъ цыплятъ въ Сѣверной Америкѣ. Большой капиталъ вторгся въ эту отрасль «земледѣлія» и все измѣнилъ. Машины для высиживанія *), автоматическіе приборы, регулирующіе температуру, и другіе снаряды замѣнили материнскую заботливость съ ея инстинктами. Но все-таки осталось названіе матери — *mother*. Остроумный народъ назвалъ такъ особый приборъ, въ который кладутъ высиженныхъ въ инкубаторѣ цыплятъ, какъ подъ крылья матери. Капиталисты ведутъ эту индустрію лишь въ большихъ размѣрахъ. По разсчетамъ poultrymen'овъ, каждая ферма должна содержать по крайней мѣрѣ 500 курицъ, кладущихъ яйца, раздѣленныхъ на стада, каждое со своимъ пѣтухомъ. Каждое стадо имѣетъ собственный курятникъ и загороженный дворъ, изъ предѣловъ котораго никогда не выходитъ. Такая минимальная куриная ферма доставляетъ въ недѣлю около 1.700 яицъ. Заводчики этого рода строятъ фермы вблизи другъ друга; образуются спеціальные районы, занимающіеся поставкой цыплятъ на рынокъ. Вблизи Нью-Іорка, въ окрестностяхъ Hammonton'а, находится 40—50 такъ-называемыхъ *broiler-farms*, продающихъ цыплятъ. Каждыя 10 недѣль онѣ высылаютъ на рынокъ около 100.000 штукъ крылатаго товара. Во главѣ предпріятій находятся опытные спеціалисты, которые, въ случаѣ какого-нибудь затрудненія, обращаются за совѣтомъ на экспериментальную станцію, долженствующую произвести соотвѣтственный опытъ. Лишь мелкіе фермеры, у которыхъ нѣтъ денегъ для покупки инкубаторовъ и расширенія производства, держатся дѣдовскихъ пріемовъ и довольствуются естественными инстинктами курицы, но все-таки эти рутинеры составляютъ большинство. Цѣны на рынкѣ колеблются сообразно дѣйствію естественныхъ силъ природы, въ одно время года падаютъ, въ другое поднимаются, но большой предприниматель не съ той цѣлью вводитъ инкубаторы и изучаетъ успѣхи зоотехники, чтобы почитать традиціи, т. е. высылать товаръ на рынокъ одновременно съ другими и продавать по низкой цѣнѣ. Онъ стремится измѣнить все, вліяющее отрицательно на доходы предпріятія. А такъ какъ онъ не можетъ уменьшить размѣровъ предложенія на рынкѣ весной и лѣтомъ, то высылаетъ свой товаръ туда лишь тогда, когда нѣтъ на рынкѣ мелкихъ соперниковъ.

*) О распространеніи инкубаторовъ (машинъ для высиживанія) въ Сѣверной Америкѣ свидѣтельствуютъ размѣры фабрикъ, выдѣлывающихъ эту машину. Существуетъ цѣлая литература, посвященная искусству высиживанія цыплятъ. Мы имѣли въ рукахъ около 10 періодическихъ журналовъ по этой отрасли. Одинъ изъ нихъ, «Scientific Poultryman», говоритъ о себѣ, что онъ «посвященъ исключительно практической наукѣ выкармливанія цыплятъ, инкубаціи, архитектурѣ курятниковъ и прогрессу куриной индустріи».

При помощи инкубаторовъ онъ насилуетъ природу и принуждаетъ цыплятъ появляться на свѣтъ позднею осенью и зимою. Крылатый товаръ, продаваемый на базарахъ съ начала января до конца апрѣля, носитъ въ торговлѣ названіе *broilers*, т. е. цыплятъ, вскормленныхъ безъ участія *miss Biddy*. Заводчикъ получаетъ большіе барыши, фунтъ цыпленка зимою стоитъ 60—120 центовъ; въ маѣ же и іюнѣ падаетъ до 35.

3.

Развитіе зоотехники.—Прежнія территоріальныя породы.—Мечты зоотехниковъ.—Возникновеніе функціональныхъ породъ.—Живыя машины.

Наши прадѣды оставили намъ въ наслѣдство многочисленныя породы скота и виды воздѣлываемыхъ растеній. Но достаточно остановиться надъ происхожденіемъ этого наслѣдства, чтобы понять, что оно дѣло рутины. Не человѣкъ въ сознаніи своихъ цѣлей и намѣреній создалъ эти породы, но климатическія мѣстныя условія безъ участія человѣческой воли. Дѣйствуя въ теченіе вѣковъ безостановочно на животный организмъ, пребывающій въ извѣстной мѣстности, они устраняли путемъ естественнаго подбора неприспособленныя особи, оставляли же тѣхъ, которыхъ свойства соотвѣтствовали средѣ. Человѣкъ не господствовалъ надъ живой органической природой, но извлекалъ лишь пользу изъ измѣненій, появившихся безъ его сознанія. Новая порода коровъ возникала на горныхъ пастбищахъ Швейцаріи, другая—на низменныхъ болотистыхъ польдерахъ Голландіи; появившись въ извѣстной мѣстности, такая порода не оставляла родного захолустья, пока въ позднѣйшія времена затѣи заграничныхъ вельможъ не заставили ее выйти изъ-за рубежа родного уголка. Только лошадь составляетъ исключеніе. Военное значеніе конницы въ средніе вѣка сдѣлало лошадь цѣннымъ товаромъ, походы же сблизили живыя произведенія далекихъ мѣстностей.

Но послѣ этого фазиса наступилъ другой.

Безостановочный переворотъ, вторгнувшійся въ концѣ прошлаго вѣка въ сферу средствъ сообщенія и транспорта и ускорившій обмѣнъ продуктовъ, уничтожилъ прикрѣпленіе первобытныхъ породъ къ почвѣ родного уголка. Не только люди начинаютъ отдаляться отъ могилъ, въ которыхъ покоятся кости дѣдовъ и прадѣдовъ, но и животныя расы должны путешествовать по земному шару. По мѣрѣ распространенія обмѣна, земледѣлецъ странъ, находящихся во главѣ техническаго прогресса, узнаетъ о существованіи породъ, возникшихъ въ захолустьяхъ, и знакомится съ ихъ достоинствами.

Онъ далъ имъ названія родныхъ странъ: намъ извѣстны голландскія коровы, іоркъ-шайрскія свиньи, овцы-мериносы. Онъ начинаетъ пренебрегать родными породами и заводитъ заграничныя, дающія про-

дуктъ лучшаго качества. Путешествіе по желѣзной дорогѣ даетъ самое наглядное понятіе объ этомъ нашествіи одной культуры на другую. Изъ оконъ вагона мы видимъ крестьянскую хату и даже самого крестьянина въ его старомъ народномъ костюмѣ. Но черезъ минуту передъ нами выростаетъ космополитическая будка дорожнаго сторожа или другіе признаки архитектуры, возникающей вмѣстѣ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Такимъ же образомъ распространяются и издѣлія человѣческой руки, и породы скота, и виды злаковъ. «Въ Саксоніи,— пишетъ Шиппель,—сплетаются нити, выходящія изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей. Мы напрасно, даже съ фонаремъ въ рукѣ, искали бы крестьянина удовлетворяющаго *всѣмъ* своимъ потребностямъ. Искусственный навозъ и фуражъ ввозятся изъ-за моря. Бельгійскія лошади тянутъ возъ, фойхтландскіе волы пашутъ, баварскій скотъ откармливается, коровы происходятъ изъ Голландіи, ягнята привезены изъ Помераніи и Мекленбургіи. Молочные продукты отправляются въ Берлинъ, выкормленные волы, хлѣбъ и горохъ въ фабричные округи Западной Германіи, бараны во Францію и Англію, свекловица въ видѣ сахара расходится по всему свѣту. Современный экономическій потокъ бурно пробѣгаетъ по хозяйствамъ, принося постоянно что-нибудь новое, но въ то же время и унося. Питаемый источниками, разбросанными по всему свѣту, онъ вливается тысячами рукавовъ въ общее море» *). Это смѣшеніе представляетъ только первое звено въ цѣпи зоотехническаго прогресса. Большія предпріятія, получивъ въ наслѣдство отъ эпохи рутиннаго хозяйства мѣстныя породы, начинаютъ сознательно и систематически воздѣйствовать на нихъ. Заводчикъ старается усилить достоинства животнаго и растенія. Онъ открываетъ великій принципъ органическаго царства—законъ наслѣдственности, дѣйствующій такъ, что качества предковъ переходятъ къ потомкамъ, и эмпирически знакомится съ значеніемъ подбора. Въ саксонскихъ помѣстьяхъ, разводящихъ расовыхъ овецъ, опытный спеціалистъ осматриваетъ каждаго ягненка скоро послѣ рожденія и рѣшаетъ о качествѣ его будущей шерсти. Заводчикъ удаляетъ особи, не подающія надежды на будущее. Черезъ годъ избранныя особи подвергаются еще разъ такому испытанію. Тѣ, которыя не оправдали ожиданій, удаляются, въ стадѣ оставляются лишь самыя лучшія особи и предназначаются для дальнѣйшей передачи своихъ достоинствъ. Человѣкъ поступаетъ точно такъ и со слѣдующими поколѣніями и прилагаетъ этотъ принципъ къ остальнымъ созданіямъ органическаго міра, которыя онъ разводитъ въ своихъ садахъ и поляхъ, или держитъ въ хлѣвахъ и конюшняхъ. Зоотехника, хотя и недавняго происхожденія, дала уже довольно значительные результаты. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній она создала усовершенствованную породу шелковичныхъ червей, производящихъ большее ко-

*) M. Schippel *Technisch-wirthschaftliche Revolution der Gegenwart.*

личество сырого шелка, увеличила содержаніе сахара въ свекловицѣ улучшила породы скота. Нельсонъ, руководитель одной агрономической экспериментальной станціи въ Соединенныхъ Штатахъ, занимающейся разведеніемъ устрицъ, дерзнулъ сказать, что «мы не должны удивляться будущему дню, когда люди начнутъ разсуждать о разведеніи устрицъ, какъ теперь о свиньяхъ. Будущія устрицы окажутся такъ непохожими на наши, какъ современная расовая свинья на дикаго вепря». Интересъ предпринимателя, перерабатывающаго на своей фабрикѣ сырые земледѣльческіе плоды, состоитъ въ томъ, чтобы заводчики надлежащимъ образомъ исполняли свои хозяйскія обязанности. Договоры, заключаемые свеклосахарными заводами съ плантаторами свекловицы, представляютъ до извѣстной степени собраніе принциповъ, сообразно съ которыми плантаторъ долженъ воздѣлывать свекловицу.

Это стремленіе къ улучшенію породъ животныхъ и растеній особенно сильно выступаетъ въ Америкѣ. Практическій янки разбрасывающій деньги, какъ плевелы, когда издержки сулятъ въ будущемъ большой барышъ, охотно переплачиваетъ за особи, отличающіяся особенными достоинствами. Прогрессивныя молочныя фермы платятъ за двухъ-лѣтнюю телушку двѣсти, четыреста и даже 1.000 долларовъ. Одинъ германскій агрономъ соболѣзновалъ надъ сумасбродствомъ американцевъ, узнавъ о заплаченной ими суммѣ въ 40 тысячъ долларовъ за породистаго быка. Онъ говорилъ съ сожалѣніемъ, что дядя Самъ уплатилъ за одну штуку столько денегъ, сколько понадобилось бы для постройки деревни вмѣстѣ съ храмомъ. Оказалось, что американскіе капиталисты пустили свои деньги въ хорошій оборотъ; они улучшили качество скота въ своей странѣ и теперь продаютъ англичанамъ усовершенствованныхъ производителей. *Herd-books*, родословныя домашняго скота, сильно развились за моремъ. *Jersey Cattle Club* содержитъ въ своемъ архивѣ 50 тысячъ родословныхъ американскихъ коровъ Въ книгахъ гольштейнской расы записано 20 тысячъ скота, изъ котораго каждая штуканоситъ особенное названіе. Нѣтъ большей ироніи; гербовыя родословныя забываются, но значеніе родословныхъ скота возростаетъ и земледѣльцы требуютъ государственнаго контроля надъ веденіемъ родословныхъ книгъ животныхъ Но это стремленіе вполнѣ демократично. Здѣсь не противопоставляютъ нѣсколькихъ аристократовъ милліонамъ рогатой черни, но стремятся поднять уровень этой послѣдней и сравнить ее съ хорошо рожденными. Съ возникновеніемъ животныхъ родословныхъ и съ приложеніемъ сознательнаго подбора въ скотныхъ дворахъ, съ появленіемъ зоотехники, т. е. скотной инженеріи, скотоводство вошло на путь безостановочной революціи. Прошли времена, когда лондонское общество садовниковъ не приняло проекта объ искусственномъ оплодотвореніи растеній, считая его святотатствомъ. Современный заводчикъ не обращаетъ вниманія ни на что. Увидавъ, что количество движенія, какимъ пользуется корова, находится въ

обратномъ отношеніи къ количеству даваемаго ею молока, онъ выступилъ противъ основной потребности животнаго организма—пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, въ постоянномъ движеніи; убѣдившись, что трата энергіи, идущая на украшеніе животнаго рогами, безполезна и вредна, такъ какъ можно было бы ее употребить болѣе производительнымъ образомъ, онъ замышляетъ уничтожить этотъ естественный уборъ. Прогрессивные молочные фермеры изслѣдуютъ внимательно темпераментъ коровъ, можетъ быть, онѣ истеричны, или слишкомъ страстны, или болѣзненны, такъ какъ всѣ сильные инстинкты и побужденія отражаются отрицательно на качествѣ молока. Всѣ особи, отличающіяся нежелательными свойствами характера, удаляются, онѣ не могутъ оставить потомства со своими недостатками.

Наслѣдственность становится рычагомъ, при помощи котораго человѣкъ достигаетъ своихъ цѣлей и создаетъ новые виды. Дѣйствительно, что будетъ представлять корова въ будущемъ, отвыкшая отъ движенія, запертая въ хлѣвѣ и лишенная страстей? Она будетъ особью не голландской и не швейцарской расы, но молокодающей. Зоотехники трудятся надъ разрѣшеніемъ этой задачи. Идеалъ ихъ—это живая машина, потребляющая сырой матеріалъ, соотвѣтственно выбранный, и перерабатывающая его въ молоко, да еще рождающая точно такія же машины. Будетъ ли владѣтельница молочныхъ сосудовъ обладать рогами, сильными ногами и тонкими чувствами,—для нихъ безразлично. Помимо воли сравниваешь ее съ другимъ звеномъ органическаго царства—паразитами. Сотни лѣтъ тому назадъ эти творенія отличались подвижностью, эластичными членами и превосходными органами, какъ и теперь бываетъ въ ихъ юности. Но современемъ они нашли убѣжище и пропитаніе въ другомъ организмѣ, перестали жить собственными трудомъ и потеряли органы и способности, лишнія въ борьбѣ за существованіе. Корова была нѣкогда животнымъ, самостоятельно добывающимъ средства для существованія, но человѣкъ стремится освободить это животное отъ заботы, труда, движенія и страстей. Не будемъ разсматривать, насколько это стремленіе въ состояніи изуродовать корову; но все-таки мы думаемъ, что оно способно выдѣлить изъ скота новый видъ—молочный, отличающійся отъ того, который будетъ доставлять мясо, точно такъ же и отъ того, который будетъ ходить въ плугѣ.

Это стремленіе всеобщее и повсемѣстное. Прежнія территоріальныя расы отличались всесторонностью, т. е. исполняли всевозможныя требуемыя отъ нихъ функціи, хотя уже и тогда замѣчалось зачаточное диференцированіе. Наша эпоха приняла за исходную точку для зоотехническаго переворота, стремящагося къ созданію функціональныхъ расъ, различія, оставшіяся отъ прошедшихъ вѣковъ и воплощенныя въ территоріальныхъ расахъ. Джерсейская порода дала начало породѣ, доставляющей молоко, голландская — сыры, фохтландская становится упряжной, короткорогая—мясной; испанскія породы курицъ, порода Crève-

coeur и др. замѣняются на яйценосныя; порода Plymouth—на мясную; эта послѣдняя становится таковой, благодаря своимъ сильно развитымъ крыльямъ, способствующимъ накопленію мяса.

4.

Факторы зоотехническаго прогресса. —Личная инниціатива и государственная дѣятельность.—Культивировка новыхъ растеній.—Эволюціонныя лабораторіи.

Зоотехника возникла на дворахъ вельможъ, давнымъ-давно по отношенію къ лошадямъ. Опытъ надъ другими животными начался недавно, напр., мериносы распространяются изъ своей родины только лишь во второй половинѣ прошлаго столѣтія; испанскій король посылаетъ такіе подарки другимъ монархамъ Европы. Но барскія затѣи, заботящіяся о курицѣ - чубаткѣ, или о голландской породѣ коровъ, оставались безъ вліянія на страну до тѣхъ поръ, пока въ ней не наступилъ экономическій переворотъ, который повелъ земледѣліе по новому пути. Увеличеніе рынковъ и централизація производства, ставящія земледѣльцевъ въ зависимость отъ потребителей, убѣдили помѣщиковъ, что нужно вызубрить теорію и познакомиться съ погрессивной техникой, чтобы получать хорошій доходъ отъ полей и хлѣвовъ. Возникаютъ агрономическіе институты, входятъ въ обычай выставки скота и хлѣба, образуются экспериментальныя станціи, большія помѣстья начинаютъ разводить расовый скотъ и получаютъ постоянный доходъ отъ продажи его репродуктивныхъ силъ, поднимая такимъ образомъ уровень разводимыхъ породъ въ странѣ. Зоотехническій прогрессъ становится все интенсивнѣе и въ передовыхъ странахъ охватываетъ даже крестьянъ. Мы уже видѣли, какъ въ этомъ направленіи вліяютъ свеклосахарные заводы, фабрики окороковъ и маслобойни. Подъ давленіемъ рынка образуются земледѣльческіе синдикаты, еще болѣе вліяющіе на скотоводовъ и хлѣбопашцевъ. Земледѣльческіе союзы во Франціи устраиваютъ популярныя, но систематическія чтенія по агрономіи и заводятъ спеціалистовъ, посѣщающихъ мелкія фермы и указывающихъ, какъ слѣдуетъ хозяйничать. Благодаря всему этому, зоотехника скоро прогрессируетъ. Достаточно сказать, что всѣ особи короткорогаго скота, существующія на земномъ шарѣ, происходятъ отъ единственнаго быка, котораго природа изволила надѣлить довольно безобразными формами *). Даже чувства людей перестали противодѣйствовать распространенію новыхъ, неуклюжихъ, т. е. непривычныхъ для глаза породъ. Прошли тѣ времена, когда даже германскіе ученые агрономы не могли удержаться отъ смѣха при видѣ іоркшайрскихъ свиней, крестьяне же смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ, недовѣріемъ и даже негодованіемъ. Удивительно, что какой-нибудь поэтъ не выступилъ на защиту куриныхъ, коровьихъ и др. устоевъ!

---

*) W. Roscher: *Nationalökonomie des Ackerbaues*, Stuttgart 1882, изд. X, стр. 583.

Переворотъ начался съ Соединенныхъ Штатовъ.

Американецъ отличается большою практичностью и не довольствуется частной инипіативой. Нѣкогда заводчики открывали тайны природы посредствомъ частныхъ усилій, иногда очень дорогихъ сравнительно съ полученными результатами. Такое поведеніе не слишкомъ нравится американскому фермеру. Онъ вполнѣ сознаетъ, что зоотехника для прогресса нуждается въ большихъ денежныхъ средствахъ, агрономическихъ и скотоводскихъ лабораторіяхъ и въ организаціи, распространяющей полученныя правила. Онъ требуетъ отъ государства, чтобы оно было не только сторожемъ, но разрѣшало задачи, невозможныя для частнаго кармана. Американское правительство хорошо поняло свои обязанности. Первая экспериментальная станція возникла въ 1875 году, теперь же ихъ находится 52, каждая приспособленная къ запросамъ своей мѣстности и чутко относящаяся къ требованіямъ земледѣльцевъ. Лексинктонская занимается только опытами надъ картофелемъ и воздѣлываетъ 83 вида этого растенія. Станція въ фортѣ Колинзъ воздѣлываетъ 836 видовъ пшеницы, 34 ячменя и 52 овса; Берлингтонская посвящена молочному хозяйству, Женевская—куриному. Въ Амгерстѣ основана *insectary*, т. е. станція для изслѣдованія привычекъ насѣкомыхъ и способа ихъ истребленія. Центральное вѣдомство издаетъ фермерскіе бюллетени, такъ популярно писанные, чтобы каждый ихъ понималъ, и настолько практичные, чтобы всѣ послушались совѣта. Каждый земледѣлецъ можетъ требовать отъ станціи безвозмезднаго разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, благодаря чему дѣятельность лабораторій тѣсно связана съ требованіями жизни. «Американскія экспериментальныя станціи,—говоритъ профессоръ Вилькенсъ,—ближе къ фермерамъ своего штата, лучше знакомы съ ихъ потребностями, чѣмъ въ Германіи, въ которой ученый экспериментаторъ и практическій земледѣлецъ раздѣлены китайской стѣной и другъ друга не понимаютъ. Быть можетъ, онѣ печатаютъ очень много и очень поспѣшно, такъ что то и другое появляется въ мірѣ въ незрѣлой формѣ, но все-таки онѣ добросовѣстные и полезные совѣтники своей мѣстности и піонеры земледѣльческаго прогресса».

Такимъ образомъ подвигается прогрессъ хлѣбопашества и скотоводства. Къ чему онъ приведетъ въ будущемъ?

Животныя и растенія, разводимыя человѣкомъ, случайно попали въ его руки. Изъ 140.000 животныхъ видовъ человѣкъ приручилъ только 47, но существуетъ много видовъ, особенно въ растительномъ царствѣ, растущихъ дико, но заключающихъ въ себѣ зародыши будущаго: какое-нибудь растеніе отличается тонкими тягучими волокнами, которыя подъ вліяніемъ обработки и подбора могутъ усилиться и доставятъ матеріалъ для текстильной индустріи; другое растеніе даетъ мелкую, но вкусную ягоду и подъ рукой садовника обратится въ прекраснѣйшій плодъ. Быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ овощей и плодовъ буду-

щаго произведутъ громадный переворотъ въ человѣческихъ привычкахъ. Ученые ботаники начинаютъ отмѣчать такія растенія, пригодныя для обработки. Въ научныхъ журналахъ появляются статьи, посвященныя этому предмету. Не сомнѣваюсь, наши внуки будутъ съ соболѣзнованіемъ смотрѣть на однообразіе нашихъ блюдъ, такъ точно, какъ д'Авенель сожалѣетъ нашихъ прадѣдовъ. «Значительное количество предметовъ, употребляемыхъ въ продолженіи дня за цѣну нѣсколькихъ франковъ нашимъ пролетаріемъ большихъ городовъ, вызвало бы удивленіе прежнихъ мильсудьеровъ, этихъ милліонеровъ 100 лѣтъ тому назадъ. Они могли ежедневно расходовать тысячу су, но даже за цѣну золота не купили бы того, что цивилизація даетъ такъ дешево нашимъ современникамъ» *).

Дѣйствительно, въ средніе вѣка апельсинъ стоилъ во Франціи два раза столько, сколько теперь ананасъ, финики же и винныя ягоды были такъ рѣдки, что обѣщать кому-нибудь винную ягоду (фигу) значило показать шишъ. Ѣли тогда сушеную рыбу, даже французскій король рѣдко видалъ свѣжую рыбу на своемъ столѣ. Въ городишкахъ Англіи въ серединѣ прошлаго столѣтія рѣзали скотъ лишь осенью, солили и коптили на весь годъ. Такое мясо составляло обыкновенное блюдо, лишь изрѣдка смѣняемое свѣжимъ **).

И гдѣ остановится эта дѣятельность человѣка, направленная къ порабощенію силъ органической природы, сообразно его вкусамъ? Мортилье, одинъ изъ славнѣйшихъ французскихъ археологовъ, въ книгѣ, посвященной анализу началъ охоты, рыболовства и хлѣбопашества, требуетъ учрежденія эволюціонныхъ лабораторій, въ которыхъ мы бы сознательно и цѣлесообразно производили новыя звенья ограническаго царства, полезныя для человѣка. «Франція,—пишетъ Мортилье,—родина теорій преобразованія видовъ. Она обязана тоже обнаружить всѣ возможныя практическія послѣдствія этого открытія. Франція съ Парижемъ во главѣ должна первая учредить практическую школу эволюціи и трансформизма» ***). Ни одинъ изъ зоотехниковъ не сомнѣвается въ возможномъ осуществлени такихъ мечтаній. Разумѣется, если прогрессъ не изберетъ другого пути и открытія химиковъ не позволятъ получать средствъ пропитанія синтетическимъ образомъ изъ органическихъ субстанцій.

5.

Законъ Мальтуса.—Зоотехника опровергаетъ предсказанія его приверженцевъ.—Примѣры увеличенія производительности въ средѣ животной аристократіи.—Незначительный прогрессъ въ хлѣбопашествѣ.—Будущее морской пучины.

Мальтусъ старался доказать, что средства пропитанія увеличиваются въ ариѳметической прогрессіи, родъ же человѣческій—въ геометриче-

*) d'Avenel: *Le Mecanisme de la vie moderne.*

**) Roscher: *Nationalökonomie des Ackerbaues.*

***) Mortillet: *Origines de la pêche, de la chasse et de l'agriculture.*

ской. Но какъ слѣдствіе такого диссонанса, произошли всѣ несчастія, отъ которыхъ страдаетъ цивилизація, а именно: нужда, преступленія, проституція, невѣжество. Болѣе глубокіе умы протествовали противъ этой теоріи вскорѣ послѣ ея появленія, но они были немногочисленны и отрицали законъ Мальтуса не на основаніи науки, но подъ вліяніемъ оскорбленнаго чувства гуманности. Почти всѣ преклонились передъ теоріей. Два-три поколѣнія смотрѣли на общественныя отношенія съ такой точки зрѣнія, очень пессимистической и обезсиливающей самыя лучшія намѣренія. Иначе и быть не могло. Тогдашняя эпоха не находила въ своей средѣ доказательствъ, свидѣтельствующихъ противъ умозаключенія англійскаго экономиста. Зоотехника тогда только начинала возникать. Еще не насталъ часъ для изслѣдованій Либиха, вызвавшихъ такой переворотъ въ нашихъ понятіяхъ о производительности почвы. Пшеничныя степи Дакоты служили убѣжищемъ для стадъ бизоновъ, и никому даже не мерещилась возможность такого упадка перевозныхъ тарифовъ, при которомъ американскій хлѣбъ могъ бы наводнять европейскіе рынки. Только наше время, обладающее громадными производительными силами, создало такое небывалое въ исторіи человѣчества явленіе, что, напр., во Франціи средства пропитанія возрастаютъ скорѣе, чѣмъ родъ человѣческій. Хлѣбный же потокъ, стремящійся изъ Америки, благодаря низшимъ цѣнамъ хлѣба, угрожаетъ нищетой нашему земледѣльческому сословію. Если бы Мальтусъ жилъ въ наше время, онъ задумался бы глубоко прежде, чѣмъ провозгласить свою теорію. А политическая экономія, охотно пользующаяся всякимъ случаемъ для объясненія невѣжества и нищеты «желѣзными законами» природы, перестала употреблять аргументы Мальтуса, какъ устарѣлые, и ищетъ новой лучшей опоры.

Мы уже разсмотрѣли стремленія скотоводства, а особенно аристократическія попытки зоотехники. Экспериментальныя станціи и другія учрежденія терпѣливо трудятся надъ созданіемъ новыхъ животныхъ формъ и отыскиваніемъ аристократовъ среди толпы. Существуетъ даже особая станція, занимающаяся улучшеніемъ куриной породы въ Женевѣ вблизи Нью-Іорка. Здѣсь изслѣдуютъ средній вѣсъ яицъ различныхъ породъ, получающихъ ту же самую пищу, разницу въ питательномъ составѣ этого продукта, размѣры годичной производительности. Яйца, болѣе другихъ удовлетворяющія всевозможнымъ требованіямъ, предназначаются для вывода новыхъ поколѣній. Благодаря зоотехникѣ, одно яйцо вѣситъ 100 граммовъ, курица же кладетъ 220 яицъ въ годъ т. е. доставляетъ 22 килограмма питательнаго вещества (впрочемъ, эти результаты были получены уже 12 лѣтъ тому назадъ). Мы уже знаемъ, что такіе же опыты производятся надъ устрицами, злаками и фруктами, что на скотныхъ дворахъ старательно подбираютъ особи. Результаты этихъ опытовъ, воплощенные въ репродуктивной силѣ самцовъ, расходятся по всей странѣ, поднимая медленно уровень разводимыхъ породъ.

Но пропасть между аристократіей и толпой на скотномъ дворѣ не уменьшается. Напротивъ, она увеличивается, такъ какъ прогрессъ на экспериментальныхъ станціяхъ и большихъ фермахъ происходитъ скорѣе, чѣмъ очищеніе крестьянскихъ дворовъ отъ органическаго ничтожества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы аристократы животнаго и растительнаго царства замѣнили бы на всемъ пространствѣ цивилизаціи особи повсемѣстно разводимыя, то продукты, получаемые изъ садовъ, полей и хлѣвовъ, возросли бы въ нѣсколько разъ. Свойства животной аристократіи составляютъ источникъ средствъ пропитанія, силы котораго почти не эксплуатировались. Значительныя производительныя силы, воплощенныя въ такой формѣ, ждутъ своего приложенія. Средства пропитанія, которыя мы получаемъ отъ полей и хлѣвовъ, не возростаютъ такъ, какъ могли бы возростать, только потому, что въ обществѣ распространено невѣжество, не позволяющее результатамъ изслѣдованія зоотехниковъ сдѣлаться повсемѣстнымъ достояніемъ, и что производство сковано цѣпью крестьянскихъ хлѣвовъ и крестьянскихъ надѣловъ, не благопріятствующихъ интенсивной и производительной эксплуатаціи силъ природы. Но теоретическая дѣйствительность опровергла мрачныя предсказанія, выведенныя изъ доктрины Мальтуса. Зоотехника защищаетъ совсѣмъ обратное положеніе, именно, что въ наше время цивилизованныя группы человѣческаго рода могли бы увеличить свои средства пропитанія съ большею скоростью, чѣмъ ростъ населенія.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ англійскіе заводчики, занимающіеся выкармливаніемъ скота на убой, убѣдились, что съ животными, предназначенными на мясо, надо поступать соотвѣтственнымъ образомъ со дня рожденія. Опытъ научилъ ихъ, что обиліе пищи въ дѣтствѣ прививаетъ организму способность полнѣть и всю послѣдующую жизнь. Эмпирически они пришли еще и къ другимъ заключеніямъ. Приложеніемъ этихъ указаній они достигли значительныхъ результатовъ съ меньшими издержками и въ болѣе краткій промежутокъ времени. Они выкармливали на убой только особи короткорогой породы, отличающейся способностью интенсивной переработки фуража въ мясо. Соединенные Штаты ушли еще дальше впередъ. Выкармливая скотъ, мы можемъ теперь въ теченіе 2—3 лѣтъ получить тоже количество мяса, на которое прежде нужно было дать лѣтъ пять. Иначе говоря, количество головъ зрѣлаго скота можетъ понизиться съ 6 милліоновъ до четырехъ, а все-таки количество получаемаго мяса будетъ то же. Явленіе это вполнѣ аналогично съ тѣмъ, которое мы встрѣчаемъ въ текстильной индустріи; число станковъ могло понизиться, но количество продуктовъ увеличилось. Вообще, въ предпріятіяхъ, занимающихся выкармливаніемъ, иногда мелкія улучшенія даютъ большой барышъ. Овцы, которыхъ держатъ въ поляхъ въ Англіи зимою, теряютъ 12 ф. въ вѣсѣ, хотя получаютъ тотъ же фуражъ; если ихъ держатъ въ недостаточно защищенныхъ овчарняхъ, то онѣ пріобрѣтаютъ въ вѣсѣ 4 ф.; нако-

нецъ, въ теплыхъ овчарняхъ пріобрѣтаютъ 43 ф. Нѣмецкая пословица говоритъ: «держать чисто свиней равносильно двойному корму»; дѣйсвительно свиньи, систематически мытыя, при одинаковомъ фуражѣ полнѣютъ на 20% больше *).

Приложеніе этихъ результатовъ зоотехники во всемъ ихъ размѣрѣ доставило бы удивительные результаты.

Корова въ южной Америкѣ даетъ ежедневно 2 кварты молока, англійская же по устарѣлой уже оцѣнкѣ Дарвина доставляетъ въ день 40 пинтъ. Венгерская и подольская коровы даютъ въ годъ при томъ самомъ фуражѣ 771 литръ, голландская же 3.006 литровъ; эта послѣдняя даетъ въ годъ 1.136 ф. молока болѣе чѣмъ короткорогая **). Эти цифры показываютъ громадную разницу, существующую между отдѣльными породами относительно количества доставляемаго молока при одинаковомъ питаніи. Добавимъ, что въ средніе вѣка коровы такъ мало давали молока, что свѣжее масло на столѣ даже зажиточныхъ людей появлялось лишь въ лѣтнее время ***). Въ наше время скотъ совершенствуется очень скоро, и опытные знатоки утверждаютъ, что средняя молочная производительность коровы въ Англіи въ продолженіи 1868—1880 г. увеличилась по крайней мѣрѣ на 40 галоновъ. А такъ какъ Англія насчитываетъ 3½ милліона коровъ, то все количество молока, благодаря усиліямъ зоотехниковъ, увеличилось въ теченіе 12 лѣтъ на 650 милліоновъ литровъ, значитъ теперь всякій англійскій ребенокъ, не достигшій еще 5-лѣтняго возраста, можетъ употребить въ день полъ-литра молока болѣе, чѣмъ въ 1868 году.

Въ хлѣбопашествѣ обратили главнымъ образомъ вниманіе на способы обработки и увеличеніе производительности почвы. Полученные результаты довольно значительны. Достаточно сказать, что квадратная миля въ Бельгіи даетъ пропитаніе 7.345 человѣкамъ, а въ Царствѣ Польскомъ 2.229. Рошеръ ****), у котораго мы заимствуемъ эти цифры, приписываетъ эту разницу господству въ Бельгіи многопольнаго хозяйства, у насъ же трехъ-польнаго. Не будемъ останавливаться надъ этимъ фактомъ, подчеркнемъ въ немъ лишь то, что переходъ къ улучшенной обработкѣ земли способствуетъ увеличенію производительности страны. Зато земледѣльцы довольно небрежно относятся къ дѣлу улучшенія рода хлѣбовъ, хотя и въ этомъ отношеніи можно бы много сдѣлать. Это показали уже старые опыты Галетта надъ пшеницей. Въ теченіе годовъ 1861—1867 онъ занимался систематическимъ подборомъ пшеничныхъ зеренъ. Для посѣва онъ бралъ зерна изъ самыхъ большихъ колосьевъ, колосья же выбиралъ изъ наиболѣе разросшихся особей. Поступая такимъ образомъ, онъ получилъ 52 колоса, выросшихъ изъ

*) Roscher, *Nationalökonomie des Ackerbaues*, стр. 106.

**) Roscher, стр. 587.

***) Langethal: *Geschichte der Landwirthschaft* II, стр. 306.

****) l. c., стр. 160.

того же пня вмѣсто 10; увеличилъ же число зеренъ въ отдѣльномъ колосѣ съ 47 на 123. Американская конкурренція уничтожила дальнѣйшія усилія въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, ослабила ихъ. Наше время, распоряжающееся пшеничными степями въ колоніальныхъ странахъ, не поощряетъ стремленій поднять родъ хлѣбовъ, какъ лишнее дѣло. Одинъ изъ нѣмецкихъ агрономовъ горько жалуется по этому поводу. «Вѣроятно, нѣтъ въ земледѣліи отрасли, имѣющей болѣе короткую исторію, чѣмъ сознательный подборъ злаковъ и растеній. Мы можемъ отыскать съ трудомъ начала сознательнаго скотоводства, хотя оно можетъ похвастать богатой спеціальной литературой. Между тѣмъ, дѣло поднятія уровня хлѣбовъ при помощи подбора зеренъ начало занимать земледѣльцевъ только въ послѣднія десятилѣтія. Впрочемъ, давнымъ-давно мы знаемъ для каждаго изъ злаковъ и земледѣльческихъ растеній различные виды, разнящіеся морфологическими и физіологическими свойствами, благодаря чему одни изъ нихъ лучше всего соотвѣтствуютъ однимъ условіямъ, другіе—другимъ. Но эти роды возникли подъ вліяніемъ климатическихъ факторовъ, какъ слѣдствіе стихійнаго естественнаго подбора. Мы видимъ въ нихъ благодушный подарокъ природы и не спрашиваемъ о причинѣ возникновенія. Но все-таки мы на нашей родинѣ для четырехъ главнѣйшихъ злаковъ произвели рядъ новыхъ видовъ, превышающихъ прежніе своей производительностью. Но самыхъ значительныхъ результатовъ мы достигли для свекловицы. Свекловица, считавшаяся 10 лѣтъ тому назадъ очень хорошей, теперь разсматривается, какъ неудовлетворительная» *).

Наши разсчеты не вполнѣ точны по недостатку данныхъ. Но мы увѣрены, что, взявъ въ разсчетъ самые лучшіе образцы, мы получили бы громадное повышеніе въ производительности земледѣльческихъ усилій. Оказалось бы, что курица, при томъ же самомъ количествѣ яицъ, можетъ дать гораздо большее количество питательнаго вещества, свекловица—сахару и т. д. Какъ въ теченіи потоковъ заключается неизмѣримый источникъ силы, которая, преобразуясь въ электричество, замѣнитъ въ будущемъ паръ, точно также въ трудахъ теоретиковъ зоотехники, въ опытахъ экспериментальныхъ станцій покоятся средства къ неизмѣримому росту производительности природы. Трудно начертить границы для будущаго прогресса земледѣлія и скотоводства. Честолюбіе зоотехниковъ забѣгаетъ впередъ все дальше и дальше. Особенно смѣлыя мечты мы встрѣчаемъ въ рыболовствѣ, хотя не думаемъ вмѣстѣ съ Фурье, что человѣкъ въ будущемъ замѣнитъ морскія воды въ лимонадъ, но все-таки полагаемъ, что морская пучина станетъ неисчерпаемымъ источникомъ пропитанія и удобренія. И къ морю можно будетъ примѣнить ту же зоотехническую культуру, какую мы насаждаемъ въ нашихъ поляхъ, садахъ и хлѣвахъ. Специалисты съ мѣлкомъ въ

*) *Deutsche Landwirth. Presse*, Jubileums Nummer, 1897, стр. 11.

рукѣ дѣлають вычисленія, сколько корму можетъ дать морская пучина при раціональной культурѣ,—культурѣ, возможной лишь въ томъ случаѣ, когда единая центральная организація, какъ выраженіе воли всего человѣчества, пришедшаго къ полному соглашенію подъ давленіемъ экономическихъ нуждъ, станетъ властвовать надъ водными пространствами и уничтожитъ полчища хищниковъ, носящихся въ настоящее время по поверхности морской стихіи. Существуетъ попытка доказать, что одинъ акръ моря можетъ прокормить въ десять разъ большее количество человѣческихъ существъ, чѣмъ такая же площадь суши. А если такъ, то до сколькихъ же милліардовъ можетъ возрасти населеніе нашей планеты?

6.

Большіе города и централизація. — Обобщеніе фактовъ. — Зоотехника и антропотехника.

Развитіе большихъ городовъ создало въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ и садоводствѣ большія предпріятія. Разсматривая вліяніе рынковъ на величину земледѣльческихъ предпріятій, мы должны различить нѣсколько періодовъ.

Хлѣбный рынокъ первоначально ограничивался Англіей и возросталъ очень медленно. Параллельно съ тѣмъ, количество земель, обработываемыхъ одной фермой, тоже возростало медленно. Помѣщикъ расчищалъ подъ пашню рощи, замѣнялъ пастбища въ пахотныя поля. Историческое прошлое вліяло, задерживая на каждомъ шагу возростаніе фермы. Помѣщики не отличались чертами духа, свойственнаго новому времени, страна была раздроблена, и такое раздробленіе задерживало централизацію. Владѣлецъ рѣдко обладалъ капиталами для поднятія уровня земледѣлія, личная форма владѣнія вызывала уже въ слѣдующемъ поколѣніи раздѣлъ закругленнаго имѣнія.

Но наступаетъ другая эпоха. Величина рыночныхъ оборотовъ въ наше время вызвала къ жизни громаднѣйшія предпріятія. Они возникаютъ въ колоніальныхъ странахъ на разстояніи тысячи верстъ отъ рынковъ, на которые они высылаютъ продуктъ. Прогрессъ средствъ сообщенія уничтожилъ разстоянія и создалъ для большого капитала свободу дѣйствій на большихъ пространствахъ, не отягощенныхъ традиціей прошлаго. Появляются помѣстья, своими размѣрами превышающія удѣльныя княжества Германіи. Компанія французскихъ капиталистовъ основываетъ въ Сѣверной Луизіанѣ хлѣбную ферму, быть можетъ, самую громадную въ мірѣ. Длина фермы 160 километровъ, ширина—40. Инвентарь состоитъ изъ 40.000 лошадей и воловъ. Имѣніе занимается производствомъ сахарнаго тростника, маиса, хлопчатника и риса. На всемъ его пространствѣ поднимаются постройки на растояніи отъ 3 до 6 километровъ другъ отъ друга. Для исполненія работъ требуется постоянная армія изъ 1.200 батраковъ, преимущественно не-

гровъ. Проведено 485 километровъ канала для перевозки хлѣба и другихъ грузовъ *). Энергичный городской капиталистъ принимается въ Соединенныхъ Штатахъ за хлѣбопашество. Онъ вводитъ акціонерную форму владѣнія и купеческіе обычаи. «Крупныя фермы Дакоты,—говоритъ одинъ изъ предпринимателей,—ведутся въ строгомъ согласіи съ правилами bussiness'a. Все тамъ математически устроено. Мы прекрасно знаемъ, что стоитъ каждая мелочь и во что она обходится собственнику. Съ фермы мы получаемъ ежедневные отчеты о томъ, что достигнуто въ теченіе всего дня и что сдѣлали отдѣльный рабочій, лошадь или машина. Мы оцѣниваемъ изнашиваніе машины по отношенію къ ея дѣятельности, присоединяемъ сюда затраты на ея ремонтъ и превосходно знаемъ ея жизнь. На нашихъ фермахъ имѣются бухгалтеры, управляющіе и другія должностныя лица. Мы превосходно знаемъ, во что обходится намъ одинъ акръ поля, другими словами, его обработка, а также и барыши, какіе мы съ него получаемъ. Мы можемъ высчитать проценты съ капитала съ точностью до одного цента» **). Такія акціонерныя общества возникаютъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ и способствуютъ развитію производительныхъ силъ. Соучастники, рискуя лишь частью своего имущества, смѣло принимаются за новые методы. Величина предпріятій очень значительна, его будущее не зависитъ отъ семейныхъ раздѣловъ и т. д.

Большая спеціальная ферма представляетъ послѣднее современное звено экономическаго прогресса въ земледѣліи. Централизація, возникши подъ вліяніемъ рынковъ, измѣнила отношенія человѣка къ природѣ. Наше время, пользуясь такими формами производства, доказало, что не земельные надѣлы, считающіе нѣсколько десятинъ, и не хлѣвъ, въ которомъ находится нѣсколько головъ скота, представляютъ соотвѣтственное мѣсто для борьбы съ силами природы, и что не крестьянинъ поработитъ природу и заставитъ ее слѣпо повиноваться человѣческой волѣ. Нашъ вѣкъ, вѣкъ большихъ предпріятій, произвелъ радикальный переворотъ въ земледѣліи, неподвижномъ и рутинномъ въ продолженіи стольких вѣковъ. Централизація обнаруживаетъ всѣ свои свойства самаго сильнаго рычага въ борьбѣ съ природой.

Мы останавливались уже надъ послѣдствіями веденія скотоводства въ большихъ размѣрахъ. Но послѣдствія централизаціи охватываютъ каждую отрасль земледѣльческой техники. Луговое американское хозяйство пользуется многими автоматическими орудіями: косилка коситъ траву, существуетъ механическій снарядъ для перетрясыванія сѣна; нагружаютъ возы сѣномъ при помощи автоматовъ; паровые прессы придаютъ сѣну форму большихъ кирпичей. Большинство этихъ машинъ не оплатились бы на

*) Mittheilungen ü. Landwirthschaft, Gartenbau u. Hauswirthschaft, Jahrgang XVIII, № 15, 1896.

**) *Bulletin of North Dacota*, по поводу выставки 1893 г. въ Чикаго.

мелкой фермѣ, точно также какъ покупка отдѣльнымъ крестьяниномъ паровой молотилки была бы экономической глупостью. Существуетъ минимальная граница размѣровъ фермы, ниже которыхъ употребленіе машины является невозможностью. Увеличеніе размѣровъ хлѣбопашества и скотоводства расширяетъ границы примѣненія машины.

Наступилъ переворотъ въ методахъ выкармливанія и удобренія. Употребленіе соотвѣтственнаго корма позволяетъ разсчитывать, при меньшихъ издержкахъ, на бо̀льшіе результаты. Теоретически мы можемъ сказать, что родъ человѣческій пріобрѣлъ возможность извлечь изъ того же куска земли въ нѣсколько разъ больше продуктовъ. Во Франціи средній урожай картофеля съ гектара 7.500 килограммовъ. Обработка почвы въ Бельгіи выше и гектаръ даетъ 12.000 килограммовъ картофеля, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Германіи даже 20.000. Жираръ, при помощи подбора и слѣдуя указаніямъ экспериментальныхъ станцій, получилъ съ гектара 44.000 килограммовъ, т. е. въ 6 разъ столько, сколько даетъ въ среднемъ гектаръ во Франціи.

Мы видѣли результаты, полученные при помощи подбора зоотехникой. Не будемъ повторять сказаннаго, укажемъ только на то, что опытъ, пріобрѣтенный въ зоотехникѣ, породилъ идею улучшенія рода человѣческаго при помощи систематическаго и сознательнаго полового подбора. Нѣтъ сомнѣнія, что, пользуясь этими указаніями, мы могли бы произвольно измѣнить физическія и даже духовныя свойства человѣка, Антропотехника, задавшись цѣлью поднять уровень мозга, сдѣлалась бы величайшимъ рычагомъ прогресса. Пріемы, употребляемые въ зоотехникѣ, повліяли на антропологовъ. «Развѣ человѣкъ хуже лошадей и борзыхъ собакъ?—спрашиваетъ антропологъ.—Старательно ведутся родословныя расовыхъ животныхъ, почему же человѣку не вести родословную антропологическихъ свойствъ?».

Мы познакомились съ громадными производительными силами, находящимися въ распоряженіи человѣка—теоретически, но нѣтъ практическихъ шансовъ на воплощеніе ихъ въ жизни въ наше время Мелкое земледѣліе и невѣжество, связанное съ такимъ способомъ веденія хозяйства, препятствуютъ распространенію результатовъ зоотехники. Особенно же мѣшаетъ прогрессу величина хозяйства. Даже помѣщичьи владѣнія слишкомъ малы для пользованія всѣми результатами науки. Кромѣ того, наше время, обращая подъ пашню дѣвственную почву колоніальныхъ странъ и пользуясь тамъ безплатными силами природы, сразу задерживаетъ развитіе интенсивнаго хозяйства, начавшаго такъ прогрессировать въ нашей части свѣта.

Л. Крживицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.**

КНИГА II.

Монастырь.

(*Продолженіе* *).

V.

Джонъ Стормъ подружился еще съ однимъ существомъ въ Бишопсгэтъ-стритѣ—съ монастырской собакой. Это была полукровная ищейка, и никто, кажется, не зналъ, откуда она явилась и зачѣмъ оставалась здѣсь. Огромная и неуклюжая, она имѣла прямо-таки отталкивающій видъ, и отчасти по этой причинѣ, но главнымъ образомъ потому, что монастырскій уставъ не дозволялъ особенно привязываться ни къ чему земному, братья рѣдко ласкали ее. Не привлекая ничьего вниманія, она днемъ спала въ домѣ, а ночью бродила по двору и, кажется, никогда не выходила на улицу. Въ этомъ монастырѣ она была самымъ примѣрнымъ монахомъ: косилась на каждаго незнакомаго человѣка, какъ будто это былъ самъ діаволъ, и всякой музыкѣ, кромѣ церковнаго пѣнія, акомпанировала воемъ.

При первой встрѣчѣ съ Джономъ она разинула широкую пасть и раздула хвостъ трубой, какъ всегда это дѣлала передъ чужимъ, но Джонъ оказался не изъ трусливыхъ. Онъ погладилъ ее по остроконечной головѣ, потеръ ей широкій носъ, открылъ ротъ и осмотрѣлъ зубы, наконецъ, опрокинулъ ее на спину и пощекоталъ ей грудь; съ этого дня они стали неразлучными спутниками, почти друзьями.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ посвященія Джона въ послушники они вмѣстѣ гуляли по двору; собака прыгала, кувыркалась, ея громкій,

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

отрывистый лай отдавался въ стѣнахъ, какъ раскаты въ шутку загремѣвшаго грома.

Было время утренней рекреаціи, между третьимъ и шестымъ часомъ; монахи бродили по двору, разговаривали между собой; одинъ изъ бѣльцевъ убиралъ опавшій листъ, такъ какъ зима уже наступила и деревья стояли обнаженными. Это былъ братъ Павелъ; онъ все время поглядывалъ въ сторону Джона, но не подымалъ головы и молча продолжалъ свое занятіе. Одинъ за другимъ братья вернулись въ домъ, и Джонъ хотѣлъ уже слѣдовать за ними, когда братъ Павелъ заступилъ ему дорогу. Онъ еще больше похудѣлъ за это время и дышалъ съ трудомъ; глаза его были красны. Улыбаясь какъ-то по-дѣтски, онъ завелъ разговоръ о собакѣ. Такая старая, а сколько въ ней еще жизни! Никто и не зналъ, что она такая игривая...

— Вы кажется не особенно хорошо себя чувствуете? — сказалъ Джонъ.

— Да, не особенно хорошо.

— День сегодня холодный; эта работа вамъ не по силамъ.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло. Я самъ просилъ, чтобы меня назначили на эту работу; она мнѣ нравится. Не это меня удручаетъ. Сказать вамъ правду, у меня есть большія странности. Если мнѣ что западетъ въ голову, я только объ этомъ и думаю; день и ночь, все объ одномъ, и даже работа...

Онъ тяжело дышалъ, но попытался засмѣяться.

— Знаете, въ чемъ дѣло на этотъ разъ? Это все изъ-за того, что вы сказали на башнѣ,—помните? въ ту ночь, какъ насъ посвящали?— то-есть, вѣрнѣе, чего вы *не* сказали; это-то меня и смущаетъ. Не хорошо говорить о мірскомъ безъ особой нужды; но если бы вы могли мнѣ отвѣтить только одно слово на мой вопросъ: «все ли тамъ благополучно?» отвѣтить: «Да»!.. а? Вы не можете этого сдѣлать?

— Не будемъ лучше говорить объ этомъ,—сказалъ Джонъ.

— Да, чтобъ опять не пришлось каяться, какъ въ тотъ разъ. А все-таки...

— Какой рѣзкій вѣтеръ! А у васъ такая одышка! Право, вы должны позволить мнѣ поговорить съ отцомъ настоятелемъ.

— О, это пустяки; я привыкъ. Но если бы вы знали, еслибъ вы испытали на самомъ себѣ, что значитъ думать все объ одномъ и томъ же...

Джонъ позвалъ собаку; та запрыгала вокругъ него.

— Прощайте, братъ Павелъ.—И онъ вошелъ въ домъ. Бѣлецъ, опершись на свою метлу, испустилъ глубокій вздохъ, который, казалось, выходилъ изъ глубины его груди.

Джонъ поспѣшилъ уйти, боясь, какъ бы голосъ не выдалъ его.

— Ужасно!—думалъ онъ.—Ужасно думать всегда объ одномъ и всегда бояться за него. Бѣдная, маленькая Полли! она недостойна

этого, но не все ли равно? Кровь беретъ своё; любовь остается любовью; силенъ одинъ Богъ.

Черезъ нѣсколько дней холодъ сталъ менѣе рѣзокъ, небо потемнѣло, пошелъ снѣгъ. Подъ вечеръ Джонъ вышелъ на кровлю посмотрѣть на Лондонъ, окутанный бѣлымъ саваномъ. При лунномъ свѣтѣ онъ походилъ на какой-то восточный городъ; прислушиваясь къ голосамъ и смѣху мальчишекъ, игравшихъ въ снѣжки на улицѣ, Джонъ услыхалъ на лѣстницѣ тяжелые шаги. Это братъ Павелъ шелъ съ лопатой расчищать снѣгъ. Всѣ черты его какъ-то сжались и обострились; молодое лицо казалось старымъ, изношеннымъ.

— Вамъ положительно надо бросить эту работу,—сказалъ Джонъ,—это не эпитимія, а самоубійство. Я поговорю съ отцомъ настоятелемъ и онъ...

— Не надо, ради Бога, не надо! Имѣйте ко мнѣ хоть каплю состраданія! Если бы вы только знали, какую пользу мнѣ приноситъ работа, какъ она гонитъ прочь мысли, заглушаетъ...

— Но вѣдь она совершенно безполезна, братъ Павелъ; посмотрите: снѣгъ все идетъ; стоитъ ли его сгребать? за ночь опять нападетъ...

— Все равно, это мнѣ полезно. Когда я очень утомлюсь, я иной разъ засыпаю; и потомъ, Богъ милостивъ къ тому, кто не щадитъ себя. Можетъ быть, придетъ день, когда Онъ откроетъ мнѣ...

— Онъ все откроетъ вамъ во благовременіе, братъ Павелъ.

— Легко проповѣдывать терпѣніе другимъ. Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я считалъ бы дни до истеченія моего срока, и это помогало бы мнѣ ждать терпѣливо. Но когда вы заперты на всю жизнь...

Онъ пересталъ сгребать снѣгъ и перегнулся черезъ парапетъ, какъ бы вглядываясь въ ожидающее его тоскливое будущее.

— Есть у васъ здѣсь кто-нибудь изъ родныхъ?

— Вы подразумѣваете?..

— Ну, родственница, сестра?

— Нѣтъ.

— Такъ вы не знаете, чтó это значитъ; вотъ почему вы не хотите мнѣ отвѣтить!

— Не спрашивайте меня, братъ Павелъ.

— Почему?

— Вы будете еще больше тревожиться, если я скажу вамъ, что... Бѣлецъ выронилъ лопату, медленно, очень медленно поднялъ ее и сказалъ:

— Я понимаю. Вы можете не продолжать. Я никогда больше ни о чемъ не спрошу васъ.

Зазвонили къ вечернѣ, и Джонъ поспѣшилъ внизъ.

— Если бы она хоть заслуживала этого,—думалъ онъ.—Если бы это была женщина, ради спасенія которой мужчинѣ стоитъ рисковать душой!

За ужиномъ и въ церкви братъ Павелъ имѣлъ видъ человѣка, который грезитъ наяву; ложась спать, Джонъ слышалъ, какъ онъ безпокойно шагалъ по своей кельѣ. Страхъ выдать себя сдѣлался нестерпимъ; Джонъ вскочилъ съ постели и вышелъ въ корридоръ, намѣреваясь идти просить настоятеля, чтобы его перевели въ другую комнату, но на полдорогѣ остановился и вернулся назадъ. «Это малодушіе,—думалъ онъ,—полное отсутствіе доброты и гуманности!» Повторяя себѣ это снова и снова, какъ насвистываютъ пѣсню, проходя черезъ домъ, гдѣ водятся привидѣнія, онъ натянулъ одѣяло на голову и уснулъ.

Среди ночи, еще задолго до разсвѣта, онъ проснулся, почувствовавъ на своемъ лицѣ чей-то пристальный взглядъ, и въ испугѣ открылъ глаза: возлѣ его кровати стоялъ братъ Павелъ со свѣчой въ рукѣ. Глаза его распухли и покраснѣли, въ голосѣ слышались слезы.

— Я знаю, что нельзя входить въ чужую келью,—сказалъ онъ,—но лучше я приму наказаніе, чѣмъ терпѣть эту муку. Что-то случилось,—это я вижу, но не знаю, что́ именно, и неизвѣстность убиваетъ меня. Будь это что-нибудь опредѣленное, было бы легче. Клянусь распятымъ за насъ Спасителемъ, что если вы скажете, я успокоюсь. Она умерла?

— Не то!—невольно вырвалось у Джона.

Наступило тягостное молчаніе.

— Не умерла,—повторилъ Павелъ.—Такъ лучше бы ужъ Богъ прибралъ ее; значитъ съ ней случилось худшее, въ тысячу разъ худшее!

Джонъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто у него украли во снѣ его тайну, но дѣлать было нечего и нечего говорить. У брата Павла дрожали губы, дыханіе спиралось въ груди; онъ отвернулся, съ размаху ударился головой объ стѣну и зарыдалъ.

— Я все время зналъ это! Сестра ея пошла по той же дорогѣ. Я предчувствовалъ, что и съ ней будетъ то же: вотъ почему я такъ тревожился. О, матушка! бѣдная матушка!..

Цѣлыхъ два дня Джонъ не видалъ брата Павла и рѣшилъ, что онъ, должно быть, отбываетъ эпитимію.

Снѣгъ продолжалъ падать; каждый день, идя въ церковь къ заутрени, братья находили дорожку разчищенной и снѣгъ сгребеннымъ въ кучу, хотя до разсвѣта было еще далеко. На третій день Джонъ первый спустился въ швейцарскую и встрѣтилъ брата Павла съ лопатой въ рукѣ; тотъ только что вернулся со двора. За эти дни онъ истаялъ, какъ свѣча.

— Я теперь жалѣю, что сказалъ вамъ,—замѣтилъ Джонъ.

Братъ Павелъ понурилъ голову.

— Вы, очевидно, страдаете больше прежняго, и все по моей винѣ, я пойду, исповѣдуюсь отцу настоятелю.

Послѣ завтрака Джонъ выполнилъ свое намѣреніе. Онъ засталъ отца настоятеля въ его маленькой комнаткѣ, передъ каминомъ, въ которомъ горѣла связка хворосту; комнатка казалась мрачной отъ множества книгъ въ кожаныхъ переплетахъ и хлопьевъ снѣга, прилипавшихъ къ стекламъ.

— Отецъ мой, — сказалъ Джонъ, — я причиной проступка одного изъ братьевъ и мнѣ слѣдуетъ нести за него наказаніе.—И онъ повинился въ нарушеніи правила, запрещающаго говорить о близкихъ, оставленныхъ въ міру.

Настоятель слушалъ его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ.

— Сынъ мой,—началъ онъ,—твое искушеніе свидѣтельствуетъ о полезности монашеской жизни. Безмѣрна ненависть діавола къ обители праведныхъ, онъ всѣми силами стремится проникнуть въ нее, въ образѣ мірскихъ помысловъ, заботъ и страстей. Мы должны побѣдить его его же оружіемъ. Ты будешь наказанъ, сынъ мой, тѣмъ же, чѣмъ согрѣшилъ. Иди къ выходной двери, займи мѣсто привратника, оставайся тамъ день и ночь до конца года. Пусть злой духъ увидитъ, что ты сторожъ и хранитель нашего дома, недоступный болѣе никакому подкупу.

Братъ Эндрью смутился, когда Джонъ вечеромъ занялъ его мѣсто, но самъ Джонъ отнесся къ этому совершенно равнодушно. Его назначили привратникомъ; онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности. Когда братья, посланные съ какими-нибудь порученіями, входили или выходили, онъ отворялъ и запиралъ за ними дверь. Если стучался кто-нибудь чужой, онъ говорилъ «Хвала Господу» и, прежде чѣмъ отворить, отодвинувъ маленькую рѣшетку въ средней филенкѣ двери, оглядывалъ посѣтителя. Швейцарская была холодная комната съ каменнымъ поломъ; Джонъ сидѣлъ на скамьѣ, прислоненной къ одной изъ стѣнъ. Кровать его помѣщалась въ альковѣ, прежде служившемъ раздѣвальной; надъ ней, на стѣнѣ, была прибита карточка съ надписью: «Дѣти, повинуйтесь своимъ родителямъ о Господѣ». Онъ былъ лишенъ всякаго общества, если не считать брата Эндрью, который иногда украдкой спускался внизъ, чтобъ разсѣять его своимъ молчаливымъ присутствіемъ, и вѣчно вертѣвшейся возлѣ него собаки.

VI.

Хоть одно было утѣшительно: теперь Джонъ избавился отъ сосѣдства съ братомъ Павломъ. Звуки шаговъ бѣльца въ сосѣдней кельѣ опять разбудили въ его душѣ воспоминанія, и бороться съ ними, заставить себя не думать о Глори, было выше его силъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ посвященіе и перестал упоминать о ней въ своихъ молитвахъ, она была съ нимъ неразлучна, и страхъ за ея судьбу обострялся и становился еще мучительнѣе при видѣ постоянныхъ тревогъ брата Павла.

Съ другой стороны, для него было нѣкоторымъ лишеніемъ не бывать въ церкви; онъ съ болью въ сердцѣ вспоминалъ, какое счастье охватило его, когда онъ однажды утромъ, послѣ ужасной, безсонной ночи пошелъ въ домъ Божій и возложилъ на Него свое бремя въ одномъ страстномъ возгласѣ: «Господи, благослови всѣхъ женщинъ и малыхъ дѣтей!»

Пришло Рождество; сердце его щемило и болѣло, когда братья, въ полдень, проходили мимо него, возвращаясь изъ церкви, и говорили о женщинахъ, присутствовавшихъ на литургіи. Дѣйствительно ли эти люди были такъ спокойны, какъ казались съ виду, и съумѣли заглушить въ себѣ всѣ естественныя привязанности?

Иногда, во время литургіи, онъ отодвигалъ рѣшетчатое оконце и прислушивался къ голосамъ женщинъ. Всѣ голоса звучали для него, какъ одинъ, но онъ зналъ, что это пустая греза. Онъ смотрѣлъ, какъ падаетъ снѣгъ, смотрѣлъ на маленькій кусочекъ темнаго неба, изрѣзанный вдоль и поперекъ перекладинами рѣшетки, и говорилъ себѣ: «отнынѣ это единственное, что мнѣ будетъ доступно видѣть изъ внѣшняго міра!»

Наконецъ, небо очистилось, и братъ Павелъ пришелъ со своей лопатой разгребать снѣгъ. Онъ казался слабѣе прежняго: воскъ постепенно таялъ. Работа, видимо, была тяжела для него; онъ дышалъ съ трудомъ, лицо его горѣло лихорадочнымъ румянцемъ. Джонъ вырвалъ у него изъ рукъ лопату и сталъ работать вмѣсто него, говоря:

— Не могу видѣть этого и не хочу!

— Но какъ же отецъ...

— Мнѣ все равно; скажите ему, если хотите. Вы сознательно убиваете себя по кусочкамъ; вы уже обречены!

— Неужели я умираю? — выговорилъ братъ Павелъ и, шатаясь, отошелъ, какъ человѣкъ, выслушавшій свой смертный приговоръ.

Джонъ смотрѣлъ ему вслѣдъ и думалъ:

— Что бы я сдѣлалъ на мѣстѣ этого человѣка? Если бы бѣда случилась съ Глори, а я былъ зажатъ здѣсь, точно въ тискахъ?

Ему стало стыдно, что онъ позволилъ себѣ сдѣлать такое предположеніе относительно Глори, и онъ отогналъ эту мысль; но она постоянно возвращалась съ какимъ-то механическимъ упорствомъ, и онъ, наконецъ, вынужденъ былъ остановиться на ней. Что бы онъ сдѣлалъ? А обѣтъ? Да, нарушить обѣтъ было бы смертью для его души. Но если бы *она* погибла,—она, у которой не было иного защитника, кромѣ него, — если бы *она* впала въ бездну позора и униженія, — отчаяніе жгло бы его въ тысячу разъ больнѣй адскаго пламени.

На другой день опять пришелъ братъ Павелъ и сѣлъ на скамью возлѣ него, говоря:

— Если я дѣйствительно умираю, что мнѣ дѣлать?

— Что же вы хотѣли бы сдѣлать, братъ Павелъ?

— Выйти отсюда и разыскать ее.

— Чего же бы вы этимъ достигли?

— Я могу сообщить ей нѣчто такое, что удержитъ ее и положитъ конецъ всему.

— Вы въ этомъ увѣрены?

Глаза брата Павла сверкнули какимъ-то дикимъ огнемъ.

— Вполнѣ увѣренъ.

Джонъ, сознательно лицемѣря, сталъ проповѣдывать ему необходимость терпѣнія.

— Человѣкъ не можетъ жить, утративъ надежду, и не сойти съ ума,—возразилъ братъ Павелъ.

— Мы должны вѣрить и молиться.

— Но Богъ не отвѣчаетъ намъ, мы не знаемъ, внемлетъ ли Онъ нашимъ молитвамъ. Случись это съ вами, что бы вы дѣлали? Если бы погибло дорогое *вамъ* существо...

— Я пошелъ бы къ отцу настоятелю и сказалъ: «Позвольте мнѣ пойти розыскать ее».

— Я, можетъ быть, такъ и сдѣлаю.

— Почему бы и нѣтъ? Отецъ настоятель добръ и сострадателенъ; онъ любитъ насъ, какъ дѣтей.

— Да, я это сдѣлаю, — сказалъ братъ Павелъ и направился къ настоятелю.

Но, дойдя до двери, онъ вернулся.

— Не могу,—выговорилъ онъ.—Здѣсь есть нѣчто такое, чего вы не знаете. Я не въ состояніи смотрѣть ему въ глаза и просить.

— Тогда останьтесь здѣсь; я попрошу за васъ.

— Благослови васъ Боже!

Джонъ шагнулъ впередъ и остановился.

— А если онъ не разрѣшитъ?..

— Въ такомъ случаѣ да свершится воля Божія!

Отецъ настоятель читалъ въ своей комнатѣ.

— Войди, сынъ мой, — сказалъ онъ, опуская книгу на колѣни. — Вотъ книга, которую тебѣ слѣдуетъ прочесть, «Душевная жизнь отца Лакордера». Чрезвычайно занимательная книга! Онъ испытывалъ невыразимыя мученія, пока не побѣдилъ въ себѣ естественныхъ привязанностей.

— Отецъ,—началъ Джонъ,—у одного изъ нашихъ братьевъ есть сестра въ міру и въ настоящее время она находится въ очень печальномъ положеніи. Она оставила мѣсто, которое онъ пріискалъ для нея, и одинъ Богъ знаетъ, гдѣ она теперь. Позвольте ему выйти и отыскать ее.

— Кто это, сынъ мой?

— Братъ Павелъ; у него нѣтъ другихъ родныхъ, кромѣ нея, и онъ не можетъ себя заставить не думать о ней.

— Это искушеніе злого духа, сынъ мой. Братъ Павелъ недавно

принялъ на себя иноческій санъ, а ты—обѣтъ послушанія. Когда человѣкъ посвящаетъ себя праведной жизни, онъ бросаетъ этимъ вызовъ злой силѣ, и естественно ожидать, что такой человѣкъ будетъ подвергаться самымъ жестокимъ искушеніямъ.

— Но, отецъ мой, она молода и легкомысленна. Позвольте ему выйти, чтобы отыскать ее и спасти; вернувшись, онъ еще съ большимъ усердіемъ будетъ славить Бога.

— Лукавству діавола нѣтъ предѣловъ; искушеніе нерѣдко приходитъ подъ видомъ долга. Сатана искушаетъ нашего брата любовью, а тебя, сынъ мой, состраданіемъ; повернемся къ нему спиной!

— Такъ, значитъ, это невозможно?

— Совершенно невозможно.

Когда Джонъ вернулся къ двери, братъ Павелъ стоялъ въ альковѣ и влажными глазами смотрѣлъ на текстъ, висѣвшій надъ кроватью. Онъ прочелъ отвѣтъ въ лицѣ Джона и оба, не говоря ни слова, опустились на скамью.

Зазвонили въ колоколъ; монахи стали проходить черезъ швейцарскую. Когда появился настоятель, братъ Павелъ бросился къ его ногамъ и уцѣпился за его рясу съ безумной мольбой о состраданіи.

— Отецъ, сжальтесь надо мной, отпустите!

У отца настоятеля глаза стали влажными, но онъ былъ непреклоненъ.

— Какъ человѣкъ, я долженъ быть сострадателенъ,—сказалъ онъ;—какъ отецъ всѣхъ васъ — добръ къ своимъ дѣтямъ; не *я* отказываю тебѣ,—самъ Богъ, и *я* взялъ бы грѣхъ на душу, если бы отпустилъ тебя.

Павелъ разразился безумнымъ хохотомъ; монахи столпились вокругъ и съ удивленіемъ глядѣли на него. На губахъ его выступила пѣна, глаза сверкали дикимъ огнемъ, онъ взмахнулъ руками и упалъ навзничь въ обморокѣ.

Отецъ настоятель осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ; съ минуту губы его беззвучно шевелились. Потомъ онъ сказалъ Джону, приподнявшему больного на рукахъ:

— Оставь его здѣсь, смочи ему лобъ и три руки.

И, повернувшись къ монахамъ, прибавилъ:

— Помолимся всѣ вмѣстѣ за нашего бѣднаго брата. Сатана ищетъ уловить душу его. Будемъ неутомимы въ молитвѣ, дабы изгнать духа, овладѣвшаго имъ. Минуту спустя, Джонъ остался одинъ съ безчувственнымъ братомъ Павломъ; возлѣ него никого не было, кромѣ собаки, лизавшей лобъ больному.

Глядя вслѣдъ настоятелю, онъ говорилъ себѣ, что Богъ не могъ даровать человѣку такой безграничной власти надъ тѣломъ и душой другого человѣка. Любовь къ Богу и страхъ передъ діаволомъ убиваютъ любовь къ человѣку и заглушаютъ всѣ человѣческія чувства. Такая

религія должна ожесточать самыхъ лучшихъ. Что касается бѣднаго, надломленнаго существа, лежащаго здѣсь,—оно дало свои обѣты Богу и одному Богу обязано повиновеніемъ. Природа заговорила въ немъ слишкомъ громко, но есть законы природы, которые грѣшно попирать. Да и зачѣмъ попирать ихъ? Голосъ крови есть голосъ Божій, или у Бога нѣтъ голоса, и онъ не можетъ говорить внятно для человѣка. А если такъ, почему не слушать этого голоса?

Братъ Павелъ пришелъ въ себя и поднялъ голову. Въ памяти его мгновенно воскресло происшедшее и глаза его засверкали, а губы дрогнули.

— Я пойду, еслибъ даже мнѣ пришлось нарушить обѣтъ, — сказалъ онъ.

— Можно обойтись и безъ этого,—возразилъ Джонъ.

— Какимъ образомъ?

— Я выпущу васъ вечеромъ и впущу назадъ утромъ.

— Вы?

— Да, я, слушайте!

Одно разбитое, сокрушенное сердце откликнулось на боль другого; двѣ души, скованныхъ не желѣзными оковами, не тяжелыми болтами и засовами, но лишь тѣнью сверхъестественнаго, слились въ одномъ желаніи; Джонъ и Павелъ совѣщались, какъ двое заключенныхъ, обсуждающихъ планъ бѣгства.

— Отецъ настоятель самъ запираетъ входную дверь, — сказалъ Джонъ.—Гдѣ онъ держитъ ключъ?

— Въ своей комнатѣ, на гвоздѣ, надъ кроватью.

— Кто изъ бѣльцовъ теперь прислуживаетъ ему?

— Братъ Эндрью.

— Братъ Эндрью сдѣлаетъ все, о чемъ я попрошу его.

— А собака? Ночью она всегда бѣгаетъ по двору и лаетъ, какъ только заслышитъ шаги.

— Мои шаги она знаетъ,—возразилъ Джонъ.

— Я пойду,—сказалъ Павелъ.

— Я направлю васъ къ одной особѣ, которая поможетъ вамъ отыскать вашу сестру; вы скажете ей, что пришли отъ меня и она проводитъ васъ къ сестрѣ.

Изъ церкви донеслось пѣніе; они остановились и прислушались.

— А вернувшись утромъ, я во всемъ повинюсь и приму эпитимью,— сказалъ братъ Павелъ.

— И я также,—сказалъ Джонъ.

Неожиданно выглянуло солнце и на вѣтвяхъ деревьевъ повисли алмазныя капли. Пѣніе прекратилось, служба кончилась и братья стали возвращаться въ домъ. Когда вошелъ отецъ настоятель, Павелъ, одѣтый, въ полной памяти, спокойно сидѣлъ на скамьѣ.

— Благодареніе Богу, услышавшему наши молитвы!—молвилъ ста-

рикъ.—Но ты, сынъ мой, долженъ молиться непрестанно, чтобы сатана снова не одолѣлъ тебя. До окончанія года, ты будешь каждую ночь молиться въ церкви по четкамъ, отъ повечерія до полуночи.

И, обернувшись къ Джону, онъ съ улыбкой прибавилъ:

— А ты, сынъ мой, будь для этой обители тѣмъ, чѣмъ были въ древности отшельники. Мы, монахи, молимся днемъ, отшельникъ молится ночью. Кто можетъ спать спокойно, не будучи увѣреннымъ, что въ темные часы ночи отшельникъ стережетъ домъ?

VII.

Съ тѣхъ поръ, какъ Глори заплатила контрибуцію агенту, въ надеждѣ получить мѣсто, прошелъ почти мѣсяцъ; на исходѣ четвертой недѣли она опять зашла въ контору. Это было утромъ въ субботу и контора представляла собой странное и необычайное зрѣлище. На лѣстницахъ, въ корридорахъ, на тротуарѣ, даже въ трактирѣ, на углу, толпилась цѣлая армія артистовъ и артистокъ изъ разныхъ клубовъ и кафе-шантановъ, одѣтыхъ пестро и ярко, но бѣдно и неряшливо.

Глори хотѣла было пройти мимо нихъ, но ее остановили:

— Станьте въ хвостѣ, надо ждать очереди, голубушка.—Она отошла назадъ и стала ждать.

Одинъ за другимъ, кліенты м-ра Джозефса подымались на лѣстницу, выходили съ веселыми лицами, громогласно прощались съ друзьями и исчезали. Ожидающіе развлекались, обмѣниваясь привѣтствіями, болѣе или менѣе оживленными и фамильярными, разсказывали анекдоты и откровенничали; иные выдѣлывали разныя па или просто топтались на мѣстѣ, чтобы согрѣться.

— Ты сегодня румяна, должно быть, шваброй наводила, матушка,—сказала одна изъ дѣвушекъ другой.

— Одѣвалась въ темнотѣ, да и холодно было; думала, что это меня согрѣетъ.

— Ну, нашего патрона этимъ не проймешь,—замѣтилъ молодой человѣкъ, спускавшійся съ лѣстницы, звеня монетами и, подхвативъ подъ руку дѣвушку, пошелъ съ ней въ трактиръ. Иногда къ дверямъ подъѣзжала нарядная каретка и оттуда выходилъ великолѣпный субъектъ, въ мѣховомъ пальто, съ брилліантовыми кольцами на пальцахъ обѣихъ рукъ, и величественно, минуя толпу, подымался на лѣстницу. Когда онъ выходилъ, полдюжины человѣкъ сразу кидалась отворять дверцы кареты, называя его «милымъ, старымъ дурачиной» и жалуясь, что «фортуна повернулась къ нимъ спиной» и что они «вотъ уже двѣ недѣли, какъ не выступали». Онъ одѣлялъ ихъ шиллингами и полкронами, восклицая: «та, та, та, ребята, все вы врете!» и уѣзжалъ. А его пенсіонеры, поглаживая свои порыжѣвшіе, барашковые воротники, проношенные до нитокъ, принимались потѣшаться на его счетъ, кивая головой на экипажъ.

Одинъ изъ такихъ величественныхъ посѣтителей, спускаясь съ лѣстницы, замѣтилъ Глори, стоявшую въ группѣ дѣвушекъ, разодѣтыхъ въ ярко-розовое, голубое и т. п. Онъ обождалъ немножко, вернулся, пріотворилъ дверь конторы и спросилъ далеко слышнымъ шепотомъ: «Гдѣ это вы раздобыли себѣ такую молоденькую, хорошенькую штучку, Джозефсъ?» Черезъ минуту вышелъ агентъ и позвалъ Глори наверхъ.

— Сегодня день выдачи жалованья, душенька, подождите здѣсь,— сказалъ онъ и провелъ ее въ сосѣднюю комнату, съ вычурной мебелью, обитой вылинявшимъ краснымъ плюшемъ, съ роялемъ и раскрашенными портретами балеринъ и боксеровъ на стѣнахъ, всю пропитанную запахомъ лежалаго табаку и скверной водки.

Глори прождала полчаса; ей было жарко и стыдно, какія-то смутныя опасенія тревожили ее; изъ сосѣдней комнаты доносился звонъ монетъ, въ перемежку съ взрывами смѣха, иногда руганью. Наконецъ пришелъ агентъ, говоря:

— Ну-съ, чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ, душенька?

Онъ былъ навеселѣ, взялъ сразу фамильярный тонъ и присѣлъ на конецъ дивана, на которомъ сидѣла Глори.

Глори поспѣшила встать.

— Я пришла спросить, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь въ виду для меня,—сказала она.

— Присядьте, душенька.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Нѣтъ ли чего-нибудь въ виду? Пока ничего, душенька... Надо ждать.

— Мнѣ кажется, я ужъ достаточно ждала; если ваши обѣщанія хоть чего-нибудь стоятъ, вы должны мнѣ устроить по крайней мѣрѣ дебютъ.

— Я бы радъ душой, миленькая, я бы васъ отправилъ на курьерскомъ поѣздѣ въ Вашингтонъ, но это очень дорого стоитъ и у васъ нѣтъ денегъ.

— Зачѣмъ же вы брали съ меня деньги, если вы ничего не можете сдѣлать? И потомъ, мнѣ не нужно ничего, кромѣ того, что я сама могу заработать. Дайте мнѣ письмо къ какому-нибудь режиссеру; ради Бога, сдѣлайте же что-нибудь для меня!

Агентъ пожалъ плечами,—его излюбленный жестъ, напоминавшій Гэтто, и сказалъ:

— Очень хорошо; если такъ, я дамъ вамъ письмо и рекомендацію.

Онъ присѣлъ къ столу, написалъ коротенькую записочку, тщательно уложилъ ее въ конвертъ, пестрѣвшій извнутри объявленіями, запечаталъ и отдалъ Глори, говоря:

— Теперь шалишь! больше вамъ приходить сюда не понадобится.

Спустившись съ лѣстницы, Глори взглянула на письмо. Оно было адресовано режиссеру театра, находившагося на самомъ дальнемъ за-

падномъ концѣ Лондона. Корридоры и тротуаръ опустѣли; было уже около двухъ часовъ; началъ падать снѣгъ. Глори озябла и немножко проголодалась, но рѣшила, не откладывая, доставить письмо по адресу.

Шелъ утренній спектакль и режиссеръ былъ «занятъ». Онъ рѣзкимъ движеніемъ взялъ письмо, сердито разорвалъ конвертъ, взглянулъ, посмотрѣлъ на Глори, потомъ опять на письмо и неожиданно ласково спросилъ:

— Вы знаете, что здѣсь написано, дитя мое?

— Нѣтъ,—отвѣчала Глори.

— Ну, еще бы! понятно, не знаете. Извольте взглянуть.

Онъ подалъ ей письмо; тамъ стояло:

«Любезный другъ, эта несносная дѣвчонка пристаетъ ко мнѣ, чтобъ я далъ ей мѣсто. Она не стоитъ плевка. Сплавьте ее куда-нибудь, чѣмъ очень обяжете вашего

Джозефса».

Глори покраснѣла до корней волосъ и прикусила губу; отрывистый нервный смѣхъ застрялъ у нея въ горлѣ; изъ глазъ ея выкатились двѣ крупныхъ слезы. Режиссеръ взялъ у нея изъ рукъ письмо и ласково потрепалъ ее по плечу.

— Не сокрушайтесь, дитя мое. Можетъ быть, онъ еще ошибется въ своихъ ожиданіяхъ. Разскажите мнѣ все по порядку.

Глори сказала ему всю правду, потому что угадала въ немъ сострадательное сердце.

— Пока мы не можемъ принять васъ въ труппу,—сказалъ режиссеръ,—но нашему арендатору вѣшалокъ нужна молодая особа для продажи программъ и если вы согласны начать съ этого...

Это былъ крахъ всѣхъ ея надеждъ,, но дѣлать нечего, пришлось согласиться. Какъ ни низко это занятіе, оно, по крайней мѣрѣ, вырветъ ее изъ табачной лавочки и перенесетъ въ театральную атмосферу; да и плата сносная: пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю. Начать можно хоть съ понедѣльника; надо только раздобыть черное платье, бѣлый передникъ, чепчикъ и рукавчики. Платье у нея было, но передникъ, чепчикъ и рукавчики должны были поглотить большую часть остававшихся у нея денегъ.

Въ понедѣльникъ, вечеромъ, она явилась въ театръ; ее тотчасъ же сдали съ рукъ на руки другой служащей, которая должна была посвятить ее въ ея обязанности. Театръ былъ одинъ изъ лучшихъ въ Лондонѣ и Глори не безъ удовольствія разсматривала публику. Въ первые полчаса нарядныя платья, красивыя лица и утонченныя манеры привели ее въ возбужденное состояніе и заставили позабыть обо всемъ. Но мало-по-малу ей стало больно смотрѣть на все это; когда подняли занавѣсъ, она почувствовала, что у нея клубокъ подкатывается къ горлу и неслышно вышла въ тихій корридоръ, гдѣ ея сослуживица уже усѣлась подъ электрической лампой и читала грошевую газетку.

Это была миніатюрная, круглая брюнетка, съ бѣлымъ цвѣтомъ лица, похожая на далію. Черезъ четверть часа Глори знала о ней всю подноготную. Днемъ она служила продавщицей въ лавочкѣ въ Уайтчепель-родѣ, а вечеромъ приходила сюда. Ее звали Агата Джонсъ, короче: Агги. Ея родные жили въ Бетналь-гринѣ, но Чарли всегда заходилъ за нею въ театръ, чтобы проводить ее домой. Чарли былъ ея дружокъ.

Въ антрактахъ Глори прислуживала въ уборной и внутренно потѣшалась надъ тѣмъ, какъ вели себя знатныя дамы. Когда трескъ электрическаго звонка возвѣстилъ о началѣ второго акта, она вышла въ опустѣвшій корридоръ и, безъ словъ, среди нѣмой тишины, начала комически изображать передъ своей единственной зрительницей барынь въ уборной: какъ онѣ пудрятъ лицо пуховкой, подвиваютъ волосы спереди и т. д.

— Вотъ потѣха-то!—сказала Агги.—Вамъ бы самой слѣдовало поступить на сцену, милочка.

— Вы думаете?

— Я тоже скоро поступлю. Чарли обѣщалъ рекомендовать меня въ клубы.

— Въ клубы?

— Ну, да, въ иностранные клубы, въ Сого. Многія съ этого начинали.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Иностранная публика больше всего любитъ танцы. Если вы только умѣете дѣлать па и подымать ногу до плеча, у васъ на всю жизнь обезпеченъ кусокъ хлѣба.

По окончаніи спектакля онѣ вышли вмѣстѣ. У театральнаго скверика ихъ поджидалъ Чарли. Глори уже видѣла его раньше и сразу узнала. Это былъ тотъ самый юноша, съ завитой гривкой на лбу, который въ день лорда-мэра трунилъ надъ полицейскимъ и отдавилъ ей ногу. Они всѣ трое вошли въ тоннель. Когда Глори завела разговоръ объ иностранныхъ клубахъ, Чарли оживился, сталъ даже краснорѣчивъ.

— Тамъ платятъ пять шиллинговъ за выходъ; если вы хоть на что-нибудь годны, вы въ одинъ воскресный вечеръ можете выйти разъ шесть, не говоря уже о спеціальныхъ приглашеніяхъ, угощеньи, подаркахъ и т. п.

Когда они вышли изъ тоннеля, возлѣ Темпля, голова Агги покоилась на плечѣ Чарли, а ея тонкіе, обтянутые лайкой пальчики были слегка зажаты въ его рукѣ.

На второй вечеръ Глори уже почти не испытывала чувства униженія. Ее спасала гордость и врожденная способность подмѣчать во всемъ смѣшную сторону. Ей все казалось, что кто-то другой исполняетъ обязанности служанки, а она только смотритъ и смѣется. Въ сущности, все это очень забавно. Съ какимъ восторгомъ она будетъ вспоминать впослѣдствіи о томъ времени, когда она продавала программы! Сама

Нелли Гвинъ начала съ того, что продавала апельсины въ буфетѣ; когда-нибудь, когда она станетъ выше всего этого...

Въ этотъ вечеръ, очевидно, предстояло что-то особенное. Подъѣздъ былъ задрапированъ полосатой матеріей, на лѣстницѣ постлано красное сукно, одна изъ ложъ убрана цвѣтами. Когда въ эту ложу вошли мужчина и дама, всѣ встали, и музыка заиграла національный гимнъ. То были принцъ и принцесса Уэльскіе съ дѣтьми. Публика была самая аристократическая. Какое-то смутное, отдаленное воспоминаніе шевельнулось въ умѣ Глори, когда одна изъ дамъ протянула ей билетъ и сказала мелодическимъ голосомъ:

— Къ вамъ подойдетъ джентльменъ; укажите ему, пожалуйста, мѣсто.

Глори стояла у входа въ партеръ; на этотъ разъ, когда занавѣсъ взвился, она не ушла. Играли какую-то современную пьесу; героиня была деревенская дѣвушка, которая возвращается домой послѣ жизни, полной горечи и стыда.

Пьеса растрогала ее, взволновала, раздула угасавшее пламя ея честолюбія. Ей было жаль актрисы, игравшей героиню: бѣдняжка, очевидно, не поняла своей роли; Глори отдала бы все на свѣтѣ, чтобъ говорить за нее. Вдругъ она замѣтила, что руки ея производятъ какой-то шумъ, опустила глаза, увидала скомканныя афиши, бѣлые рукавчики, вспомнила, кто она и гдѣ находится, и пробормотала: «Господи, не наказывай меня за эти тщеславныя мысли»!

Неожиданно свѣтъ рѣзнулъ ее по глазамъ, уже привыкшимъ къ темнотѣ. Дверь въ корридоръ отворилась; вошелъ джентльменъ, остановился возлѣ нея, устремивъ глаза на сцену, и шопотомъ спросилъ:

— Вамъ дама не оставляла билета?

Это былъ Дрэкъ! Глори почувствовала, что задыхается, но заставила себя выговорить:

— Да, оставила; вотъ онъ; афишку желаете?

Онъ, не глядя на нее, взялъ афишу, вынулъ что-то изъ кармана жилета и сунулъ ей въ руку. Это была шестипенсовая монета.

Глори чуть не вскрикнула. Униженіе было нестерпимо. Она выбѣжала въ корридоръ, швырнула на полъ афиши, надѣла пальто и шляпку и помчалась домой.

А на другое утро она уже смѣялась надъ собой и, когда вынула изъ кармана монетку, данную Дрэкомъ, засмѣялась еще пуще. Съ помощью гвоздя и крюка она пробила дырочку въ монетѣ, продѣла въ нее шнурокъ, повѣсила, какъ память, на крючокъ надъ каминомъ и каждый разъ, какъ взглядывала на нее, принималась смѣяться (и плакать). Жизнь такъ забавна! Съ какой стати хоронить себя раньше смерти? Она бы ни за что этого не сдѣлала! Тѣмъ не менѣе она не пошла больше въ театръ и не вернулась на свое мѣсто за прилавкомъ.

Близилось Рождество; магазины пріукрасились, повеселѣли; въ ви-

тринахъ появились выставки, хорошенькія бездѣлушки; Глори вспомнила, какіе роскошные подарки она собиралась послать домой на деньги, которыя надѣялась заработать къ этому времени. Въ сочельникъ на улицахъ толпилось множество мелкихъ торговцевъ; за иными лотками стояли цѣлыя семьи; происходили забавныя сценки. Глори много смѣялась—отъ смѣха она не могла удержаться.

На Рождество утро выпало сѣрое, пасмурное; дѣловыя улицы опустѣли. За обѣдомъ подали поросенка; м-ръ Джупъ, ради праздника, на весь день оставшійся дома, радовался этому, какъ мальчишка. Послѣ обѣда пришелъ почтальонъ съ цѣлымъ коробомъ поздравительныхъ карточекъ и пакетовъ. Онъ подалъ Глори письмо, отъ тети Анны.

«Мы огорчены серьезнымъ шагомъ, предпринятымъ тобою, но надѣемся, что все устроится къ лучшему и что миссисъ Джупъ будетъ довольна тобой. Не трать своихъ сбереженій на подарки намъ. Помни, что вездѣ есть сберегательныя кассы и что нѣтъ лучше друга, какъ отложенная денежка».

Внизу было приписано рукой тети Рэчели: «Часто-ли ты видишь королеву и милыхъ принца съ принцессой?»

Вечеромъ Глори пошла въ соборъ св. Павла. Она вошла черезъ боковую дверь; швейцаръ, одѣтый въ черное, указалъ ей мѣсто на одной изъ среднихъ скамей. Въ огромной, наполовину пустой церкви было холодно и темно. Пѣніе доносилось изъ какой-то невидимой дали; проповѣдникъ въ своей затѣйливой коробочкѣ имѣлъ видъ Джека, который, при нажатіи пружинки, выскакиваетъ изъ ящичка, и голосъ его звучалъ ужасно странно, точно заговорилъ барабанъ.

Глори вышла до окончанія службы, думая не прогуляться ли ей въ Уайтчепель-родъ, о которомъ разсказывала ей Агги. Она пошла по Бишопсгэтъ-стриту и отвернулась, проходя мимо Братства. Пестрая толпа польскихъ евреевъ, нѣмцевъ и китайцевъ, наводнявшая эту улицу, самую интересную въ цѣлой Европѣ, показалась ей забавной, но не надолго. Она дошла до конца улицы и вернулись обратно.

Возлѣ банка она сѣла въ омнибусъ и поѣхала домой. Въ каретѣ, кромѣ нея, была только одна пассажирка,—дебелая особа въ огромной шляпѣ съ перьями.

— На рынокъ ѣдете, душечка? Нѣтъ? Я сама его терпѣть не могу; на улицахъ лучше. Изъ деревни, должно, пріѣхали? Я тутъ одна живу. Отецъ фермеръ, да у него, кромѣ меня, шестнадцать ртовъ, такъ по мнѣ скучать не будутъ. Гдѣ живу? А у тетки Нанъ, въ парикмахерской. Хорошія перчатки, правда? А шляпка? Очень рада, что она въ вашемъ вкусѣ. Я каждую недѣлю покупаю новую, а ужъ перчатки! ежели только кому приглянусь...

Поздно вечеромъ, сидя въ своей затхлой спаленкѣ, возлѣ спящей Бубуськи, Глори писала домой:

«Давно извѣстно, что добрыми намѣреніями вымощенъ адъ. Доказательствомъ тому ваша Глори. Я собиралась послать вамъ подарки къ празднику, но городъ до того завалило снѣгомъ, что ни одинъ мышенокъ по доброй волѣ не вылѣзетъ изъ норы. Вмѣсто подарковъ, посылаю вамъ три сердечныхъ поцѣлуя и пару митенокъ для дѣдушки, связанныхъ мною собственноручно; я не хотѣла позволить ни одной доброй волшебницѣ сдѣлать за меня эту работу. Скажите тетѣ Рэчели, что я иногда вижу принца съ принцессой. Недавно я видѣла ихъ въ театрѣ. Да-съ, въ театрѣ! Это не должно васъ шокировать; мы, лондонцы, народъ веселый, — не прочь побывать и въ театрѣ. Такъ интересно наблюдать всю аристократію. Какъ видите, я попала въ самое фешенебельное общество, но это не мѣшаетъ мнѣ любить всѣхъ по прежнему. Сейчасъ я потушу свѣчу и буду думать о Гленфабѣ, представлять себѣ дѣдушку въ кабинетѣ, у камина, съ трубкой въ зубахъ, а у ногъ его безхвостаго сэра Томаса Трэддльса, который мурлычетъ и жмурится, глядя въ огонь. Веселыхъ праздниковъ всѣмъ вамъ, родные мои! Спокойной ночи!»

VIII.

— А знаете, душечка, джентльмены все спрашиваютъ: «Куда это дѣвалась ваша хорошенькая ирландочка?»—сказала м-ссъ Джупъ,— и Глори, не имѣя чѣмъ заплатить за столъ и квартиру, принуждена была вернуться за прилавокъ.

Невдалекѣ отъ Бедфордъ-Роу, въ узкихъ переулкахъ, гдѣ грязные, полуразвалившіеся дома отдаются внаймы по-комнатно и по угламъ, ютится цѣлая колонія кордебалетныхъ танцовщицъ и хористокъ, служащихъ въ маленькихъ театрахъ на Страндѣ. Все это народъ веселый, шумный, безобидный и беззаботный; всѣ эти дѣвушки охотницы похохотать, не стѣсняются въ рѣчахъ; у всѣхъ поддѣльные бриліанты, накладные волосы и поддѣльный цвѣтъ лица, но всегда прекрасная обувь, которую онѣ всячески стараются не скрывать.

Многимъ изъ нихъ по дорогѣ въ театръ приходилось проходить черезъ Малую заставу; къ семи часамъ вечера въ табачной лавочкѣ набиралось ихъ обыкновенно полнымъ полно. Почти всѣ онѣ курили, какъ то показывали запачканные указательные пальцы ихъ правыхъ рукъ, и, покупая себѣ папиросы, болтали и щебетали безъ умолку; въ эти минуты лавочка напоминала собой дерево, на которомъ усѣлась стая коноплянокъ.

Большинство ихъ служило въ театрѣ *Frailty* и разговоръ обыкновенно вертѣлся на ангажированныхъ туда «звѣздахъ». Первыми въ своемъ родѣ считались сестры Бельманъ—женское комическое тріо, и больше всего намековъ и остротъ сыпалось по поводу одной изъ участ-

ницъ этого тріо, нѣкой Бетти; это имя было понятно Глори: оно красовалось чуть не на каждой вывѣскѣ.

«Говорятъ, она была прежде гувернанткой гдѣ-то въ провинціи».— «Ну, да какъ же! Просто старымъ матросскимъ платьемъ торговала въ Майль-Эндъ-Родѣ, а пѣть училась у шарманщика на задворкахъ конфектной фабрики». — «Ахъ батюшки! а теперь-то расширилась какъ!»—«Да, душечка, чуть не на всю Бродъ-Стритъ *). Продавала цвѣты въ Пиккадилли; а вотъ случилось кому-то заговорить съ ней и теперь разъѣзжаетъ въ ландо. Вотъ и поучайтесь».

Дѣвушки заливались дружнымъ смѣхомъ, выходили обнявшись, и шли по улицѣ, громко распѣвая пѣсни.

Всѣ эти желтоволосыя дѣвицы знали жизнь, какъ свои пять пальцевъ, и скоро сообразили въ какомъ положеніи находится Глори. «Чтобы вамъ нравилась эта жизнь—никогда не повѣрю!»—«Да полноте! Такъ оно и видно по васъ!»

— Можетъ быть, нравится, можетъ быть, и нѣтъ, — возражала Глори.

— Вздоръ, душечка, вздоръ, пустяки! Я сама служила въ лавкѣ, да не выдержала. «Отпустите,—говорю,—душу на покаяніе!» А если при этомъ дѣвушка еще недурна собой... вы понимаете?

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, одна изъ дѣвушекъ, запыхавшись, вбѣжала въ лавчонку, съ крикомъ:

— Ура! Угадайте, что я вамъ скажу? Бетти нужна камеристка одѣвать ее и причесывать, и я предложила васъ, душечка. Гинея въ недѣлю, да кое-что перепадетъ на чаекъ; завтра вечеромъ и пожалуйте. Спокойной ночи!

Глори вся вспыхнула отъ стыда и униженія. Предлагаемая работа оскорбляла ея тщеславіе, но то, что она дѣлала, было еще хуже: здѣсь была задѣта ея честь. М-ссъ Джупъ стала отлучаться изъ дому чаще прежняго. Если всѣ ея дѣла въ томъ же родѣ, какъ-то, изъ за котораго она познакомилась съ Полли Лёвъ...

Чтобы положить конецъ своимъ колебаніямъ, Глори на другой день явилась въ театръ.

— Вы новая горничная?—обратился къ ней швейцаръ.—Вотъ Коллинсъ вамъ покажетъ. Эй, Коллинсъ!

Сухопарая, некрасивая и неряшливо одѣтая женщина, проходившая черезъ швейцарскую, остановилась и прислушалась.

— Пойдемте со мной,— сказала она, и Глори послѣдовала за ней. Онѣ прошли по темному корридору, потомъ черезъ пыльный проходъ между декораціями, потомъ черезъ всю сцену и поднялись по лѣсенкѣ въ небольшую комнату безъ оконъ и безъ вентиляціи. Здѣсь

---

*) Игра словъ: Бетти живетъ на *Broad-street*, а *Broad-street* значитъ «широкая улица».

было три большихъ трюмо, кушетка, четыре плетеныхъ стула, три маленькихъ туалетныхъ столика, помѣщенныхъ подъ газовыми рожками, три большихъ сундука, нѣсколько ящиковъ съ сигаретками и множество пустыхъ бутылокъ изъ подъ шампанскаго. Здѣсь находилась другая женщина, такая же сухопарая и неряшливая, какъ и первая. При входѣ Глори она мотнула головой, продолжая вынимать изъ одного сундука пышные наряды и раскладывать ихъ на кушеткѣ.

— Мнѣ велѣно показать вамъ, какія платья приготовить къ первому выходу,—сказала женщина, которую звали Коллинсъ, и, открывъ другой сундукъ, указала на лежавшіе въ немъ костюмы.

Новый міръ открылся передъ Глори; въ окружившей ее атмосферѣ было что-то острое, электрическое. Со сцены доносились бранные окрики машинистовъ, смѣющіеся голоса хористокъ, проходившихъ мимо двери, отголоски разнообразныхъ шумовъ, наполняющихъ театръ до поднятія занавѣса.

Вдругъ послышался шелестъ шелка и въ комнату въ припрыжку вбѣжали двѣ молодыхъ женщины. Одна изъ нихъ была высокая бѣлолицая, что называется кровь съ молокомъ; другая маленькая и изящная. Обѣ уставились на Глори и она принуждена была заговорить.

— Я полагаю, миссъ Бельманъ?

— Вы, вѣроятно, хотите сказать: Бетти?—переспросила высокая дама, но въ эту минуту вошла сама Бетти. Это была полная и пухлая женщина, довольно смазливая, но вульгарная; Глори смутно припомнила, что гдѣ-то видѣла ее раньше.

— Ага! вы пришли?—сказала она, и тотчасъ же завладѣла Глори.— Помогите мнѣ снять кофточку.

Глори повиновалась. Товарки Бетти точно также разоблачились, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ три сидѣли за туалетными столиками и усердно расписывали себѣ физіономіи кольдъ-кремомъ, тушью и румянами.

Глори причесывала свою толстую барыню, а та, въ это время разсматривала ее въ зеркало.

— А вѣдь не дурное личико, какъ вы думаете, а?

Ея товарки одобрительно посмотрѣли на Глори, отвѣтили:

— Ничего, не дурна,—и, напѣвая въ носъ, продолжали гримироваться.

— Ахъ, *благодарю* васъ!—сказала Глори, низко присѣдая, и всѣ разсмѣялись.

Все это было очень забавно; но изнанка не заставила себя ждать.

— А какъ тебя звать, душечка?—спросила та, что была поменьше ростомъ.

Глори стало какъ-то стыдно назвать въ этомъ обществѣ имя, которое было священно для ея домашнихъ, для стараго пастора и для

Джона Сторма; жуткое чувство холодной дрожью пробѣжало по ея тѣлу, но вдругъ ее словно осѣнило, и память подсказала ей отвѣтъ: «Глорія».

Маленькая актриса остановилась, не донеся карандаша до бровей, и воскликнула:

— Батюшки! вотъ такъ имя, хоть сейчасъ на афишу!

— Уфъ, а мнѣ такъ оно напоминаетъ воскресную проповѣдь,— сказала, вздрогнувъ, высокая.

— Вы ирландка, душенька?

— Нѣчто въ этомъ родѣ,—отвѣтила Глори.

— И голову даю на отсѣченіе, воспитывались, какъ барышня?

— Мой отецъ былъ священникъ, но...

Дружный взрывъ смѣха прервалъ ея рѣчь. Дѣвушка вскинула голову и глаза ея сверкнули, но толстая Бетти потрепала ее по рукѣ, говоря:

— Не обижайся, Гло, право же... Это ужъ такое заведеніе: каждая говоритъ, что она дочь священника.

Въ дверь громко постучали, и раздался голосъ прислужника:

— Поторопитесь, сударыни, осталось полчаса.

Въ уборной поднялась суетня, дамы волновались, музыканты въ оркестрѣ начали настраивать инструменты. Въ дверь опять постучали:

— Занавѣсъ поднимаютъ, пожалуйте.

Дверь распахнулась и всѣ три актрисы выплыли изъ комнаты: высокая—въ мужскомъ платьѣ, маленькая—въ костюмѣ для серпантина, и толстая—въ какомъ-то фантастическомъ нарядѣ, а Глори осталась убирать платье. Прислушиваясь къ звукамъ оркестра, теперь, гремѣвшаго во всю, она раздумывала о своемъ первомъ дебютѣ и смѣялась.

Въ теченіе представленія актрисы нѣсколько разъ возвращались въ уборную. Въ промежуткахъ между переодѣваньемъ онѣ развлекались: то посылали Коллинсъ за водкой и содовой водой, то бесѣдовали о знакомыхъ.

«А лордъ Джонни-то снова здѣсь. Видѣли вы его, въ литерной ложѣ? Пьеса идетъ въ шестидесятый разъ, а вѣдь въ этомъ сезонѣ и всего-то было шестьдесятъ девять представленій...» — Иногда онѣ жаловались на публику вообще.

— Понять не могу, что съ ними сегодня такое; хоть всѣ глаза прогляди, ни одного хлопка не сорвешь.

Занавѣсъ, наконецъ, опустился, актрисы переодѣлись въ выходныя платья, прислужникъ крикнулъ: «Эй карета!» Толстуха Бетти, выходя, кивнула Глори: «Такъ помни же, душечка, приходи завтра; ты, ничего, хорошо будешь служить, когда попривыкнешь». И затѣмъ ничего не осталось, кромѣ темной сцены, опустѣвшаго зданія и учтиваго: «Доброй ночи, миссъ!», посланнаго ей вслѣдъ швейцаромъ.

Такъ вотъ онѣ, любимицы публики! А Глори Квэйль должна одѣ-

вать и раздѣвать ихъ, и убирать имъ волосы, для выхода на сцену. На другое утро, передъ тѣмъ, какъ встать, Глори принялась обсуждать дѣло. Развѣ ужъ онѣ такъ красивы? Глори приподнялась на постели, чтобы взглянуть на себя въ зеркало и съ улыбкой опять легла. Чтобъ онѣ были очень умны, умнѣе другихъ,—этого тоже нельзя сказать... Какая нелѣпость! онѣ пусты и глупы, какъ пробки. Но вѣдь должно же быть какое-нибудь объясненіе этому; надо только умѣть найти его.

Второй вечеръ въ театрѣ прошелъ, какъ и первый, съ тою разницей, что въ антрактѣ извѣстное намъ тріо посѣтили артистки изъ другого театра, и тутъ непринужденно-фамильярное обращеніе сестеръ между собою уступило мѣсто изысканной любезности и свѣтской сдержанности; копируя знатныхъ дамъ, хозяйка и гостьи только и говорили, что объ утреннихъ визитахъ, оставленіи карточекъ и приглашеніяхъ на «*five-o' clock tea*».

Въ одной сценѣ всѣ три «сестры» пѣли вмѣстѣ; Глори тихонько прокралась за кулисы, чтобы послушать. Когда она вернулась въ уборную, сердце ея такъ и колотилось, а глаза готовы были выскочить; по крайней мѣрѣ такъ ей показалось, когда она посмотрѣла на себя въ зеркало. Это просто смѣшно, какіе аплодисменты, сколько шуму изъ-за *такихъ* голосовъ, изъ-за *такого* пѣнія, между тѣмъ какъ она... если бы ей только добиться, чтобъ ее выслушали!

Но черезъ минуту ея просіявшее было лицо снова омрачилось и она прошептала: «О, Боже, не наказывай меня за мою самонадѣянность и тщеславіе!»

Тѣмъ не менѣе, ей стало весело и легко на сердцѣ; сама не зная почему, она чувствовала себя счастливой. На третій вечеръ, она пришла въ театръ первая и, пользуясь тѣмъ, что она была одна въ уборной, громко пѣла, раскладывая костюмы. Вдругъ она замѣтила, что на порогѣ двери кто-то стоитъ и смотритъ на нее. Это былъ режиссеръ, Сефтонъ, пожилой человѣкъ, совершенно лысый и похожій лицомъ на сову.

— Продолжайте, дитя мое,—сказалъ онъ.—Съ этакимъ-то голосомъ и пѣть только для себя?!

Бетти на этотъ разъ запоздала; ея товарки были уже одѣты, когда она, широко распростерши руки, словно летучая мышь крылья, влетѣла въ уборную, крича: «Прочь съ дороги! Бетти Бельманъ идетъ! съ опозданіемъ-съ!»

Весь этотъ вечеръ пріятельницы лицемѣрили наперерывъ, обмѣнивались колкостями и шпильками, которыя достигли своего апогея, когда Бетти сказала: «А знаете, душечки, лордъ Бобби принесъ повинную голову?»—«Не слыхала, мой дружокъ, не слыхала», отозвалась высокая.—«И мы нынче вечеромъ ужинаемъ въ клубѣ»—«Удивляюсь тебѣ, моя милочка»—«Ну, мое сокровище, ужъ тебѣ-то не къ лицу проповѣдывать мораль!»

Послѣ этой стычки пріятельницы, цѣловавшіяся и нѣжничавшія на эстрадѣ, перестали разговаривать въ уборной и тотчасъ же послѣ паденія занавѣса, высокая и маленькая поспѣшили удалиться, отпустивъ нѣсколько таинственныхъ замѣчаній «въ сторону» по поводу невѣрныхъ друзей и своего нежеланія оставаться здѣсь, «чтобы смотрѣть на всякія низости».

— Не желаете, такъ и не надо,—огрызнулась отвергнутая Бетти, и отпустила Глори, предварительно давъ ей порученіе къ «другу», который будетъ ожидать на эстрадѣ.

Въ этотъ вечеръ атмосфера уборной стала удушливой и тяжелой, и, не смотря на возбужденіе, охватившее ее послѣ словъ режиссера, Глори было стыдно до тошноты. Пламя ея честолюбія съ трудомъ боролось съ потоками холодной воды, которыми обливали здѣсь ея скромность; ей было неловко и стыдно.

Когда она сошла внизъ, занавѣсъ былъ давно опущенъ, публика разошлась, въ залѣ и на сценѣ потушили огни; горѣлъ только одинъ рожокъ надъ суфлёрской будкой, а въ полутемномъ оркестрѣ прохаживался господинъ въ вечернемъ костюмѣ. Глори хотѣла было подойти къ нему, но вдругъ узнала его, и, повернувшись на каблукахъ, убѣжала. То былъ лордъ Робертъ Юръ.

Теперь она вспомнила, почему лицо Бетти показалось ей сразу знакомымъ: Бетти была та самая женщина, которая ѣхала, развалившись въ коляскѣ, рядомъ съ Полли Лёвъ въ день выборовъ лорда-мэра. Горя отъ стыда и какого-то безотчетнаго страха, она мчалась по темному корридору, какъ вдругъ ее окликнули. То былъ режиссеръ.

— Мнѣ бы хотѣлось еще разъ послушать васъ, душенька. Приходите завтра утречкомъ, часовъ въ одиннадцать. Здѣсь будетъ нашъ капельмейстеръ и проаккомпанируетъ вамъ.

Она невнятно пробормотала что-то въ отвѣтъ и выбѣжала на улицу, тяжело дыша и втягивая въ себя долгими глотками ночной воздухъ. У нея кружилась голова; въ эту минуту она чувствовала себя такой безпомощной, какъ никогда раньше; ей хотѣлось опереться на кого-нибудь, хотѣлось поддержки, участія. Еслибъ въ эту минуту кто-нибудь сказалъ ей: «Дитя мое, уйди изъ этой нечистой, нездоровой атмосферы; она полна опасностей и зародышей смерти», она оставила бы все и пошла за нимъ, чего бы ни стоила ей такая жертва. Но возлѣ нея не было никого и душа ея мучительно рвалась къ жизни, и чувство стыда тѣснило ей грудь. По дорогѣ домой она зашла въ госпиталь. Нѣтъ, отъ Джона Сторма все еще не было писемъ; зато давно лежало письмо отъ Дрэка. Вотъ его содержаніе:

«Милая Глори, узнавъ, что вы заходите за своими письмами, пишу, чтобы попросить васъ сообщить мнѣ, гдѣ вы и какъ вамъ живется. Послѣ нашей встрѣчи въ Сенъ-Джемскомъ паркѣ, я часто говорилъ о васъ съ моей пріятельницей, миссъ Маккворри, и всегда сержусь на

себя, когда вспоминаю о вашимъ замѣчательныхъ талантахъ, и о томъ, что необходимо предоставить вамъ возможность сдѣлать изъ нихъ надлежащее употребленіе.

«Сердечно вамъ преданный
«Ф. Г. Н. Дрэкъ».

— Много вамъ благодарна, сударь, только вы изволили опоздать,— подумала Глори и смяла письмо въ рукѣ, но вдругъ замѣтила приписку.

«P. S. На дворѣ теперь Рождество, и я позволилъ себѣ удовольствіе послать святочные подарки вашему милѣйшему дѣдушкѣ и его симпатичнымъ домочадцамъ; но такъ какъ они, безъ сомнѣнія, давно забыли меня, а я вовсе не желаю утруждать ихъ излишними обязательствами, то прошу васъ не сообщать имъ, кѣмъ была отправлена посылка.

Глори расправила письмо, аккуратно сложила его, спрятала въ карманъ и пошла домой. Тамъ ее ожидало другое письмо отъ пастора:

«Итакъ, ты таки прислала намъ рождественскіе подарки! Какъ это похоже на мою бѣгляночку,—вѣчно она притворяется и хитритъ, а безъ всякаго дурного умысла. Ужъ и какъ же мы радовались! т.-е. Рэчель и я, потому что намъ пришлось все это скрыть отъ тети Анны: она разсердилась бы, узнавъ, что наша мотовочка истратила такъ много денегъ. Чэльсъ внесъ посылку въ гостиную, когда Анна была наверху; можно было подумать, что это кивотъ завѣта вносятъ въ Іерусалимъ, такая у насъ стояла торжественная тишина. О, Боже, вотъ роскошь-то! сладкій пирогъ, жареный миндаль, сыръ, индѣйка, цѣлый фунтъ курительнаго табаку и полная табакерка нюхательнаго! Изъ-за Анны пришлось раскупорить все на-скоро и потихоньку, но наше молчаніе было ужасно краснорѣчиво и прерывалось тревожнымъ, звонкимъ шопотомъ. Благослови тебя Боже за память и заботу о насъ! Этотъ подарокъ явился такъ кстати, словно сама моя милочка заглянула къ намъ на минутку... когда меня спрашиваютъ, не страшно ли мнѣ, что моя внучка живетъ совсѣмъ одна въ этомъ огромномъ и грѣшномъ Вавилонѣ, я говорю: «нѣтъ, вы не знаете моей Глори! она полна отваги, воли и дарованій, она, точно согнутая полоса стали, вся трепещетъ *силой* и сочувствіемъ къ людямъ».

IX.

Рождество пришло и прошло, а планъ, задуманный двумя монахами, все еще не былъ приведенъ въ исполненіе. Джонъ откладывалъ рѣшительный шагъ со дня на день, подъ самыми вздорными предлогами: то ночь была слишкомъ темна, то недостаточно темна, то луна свѣтила, то не было луны. Въ сущности его останавливалъ суевѣрный страхъ. Выполнить задуманное было очень легко; самъ отецъ настоя-

тель облегчилъ ему задачу; но именно это довѣріе къ нему почтеннаго старика чуть-было не погубило всего дѣла. Одна лишь безсознательная, тайная тревога, которую онъ истолковывалъ себѣ, какъ скорбь о тающемъ на глазахъ братѣ Павлѣ, поддерживала въ немъ рѣшимость.

«Онъ умираетъ; это не можетъ быть неугоднымъ Богу», повторялъ онъ себѣ снова и снова, какъ человѣкъ прижимаетъ рукой больное мѣсто, чтобы удостовѣриться, что боль еще не прошла. Близость критической минуты портила его характеръ. Онъ началъ хитрить, лицемѣрить, всѣ его слова и поступки были фальшивы, неискренни. Онъ опускалъ голову, когда отецъ настоятель проходилъ мимо, а тотъ принималъ это за сокрушеніе о грѣхахъ и ставилъ его въ примѣръ остальной братіи.

Наступилъ послѣдній день стараго года и вмѣстѣ послѣдній день его службы у двери.

— Надо сдѣлать это сегодня, — шепнулъ онъ Павлу, когда тотъ проходилъ мимо.

Павелъ кивнулъ головой. Съ тѣхъ поръ, какъ они выработали планъ бѣгства, онъ какъ будто утратилъ всякую волю, сдѣлался инертнымъ и пассивнымъ.

Какъ долго длился этотъ день! Наконецъ, наступилъ вечеръ, но часы тянулись нестерпимо медленно, какъ будто волоча на ногахъ свинцовыя гири. Казалось, вечерняя рекреація никогда не кончится. Нѣкоторые изъ братьевъ, посланныхъ проповѣдывать по деревнямъ, вернулись въ монастырь на праздникъ Обрѣзанія. Домъ оживился, появились новыя лица, слышались веселые голоса. Джону казалось, что онъ никогда еще не слыхалъ въ монастырѣ такъ много смѣха.

Наконецъ, позвонили къ повечерію, и братья пошли въ церковь. Ночь была холодная; снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами; поднимался вѣтеръ. Служба кончилась. Братья, пожимаясь отъ холода, вернулись въ домъ и разошлись по своимъ кельямъ, оставивъ брата Павла отбывать въ церкви наложенную на него эпитемью.

Пришелъ и отецъ настоятель и, накинувъ капюшонъ на голову, отправился запирать наружную дверь; собака приняла это на свой счетъ и, волоча ноги, поплелась за нимъ. Возвращаясь, онъ ежился и пожималъ плечами.

— Скверная ночь, сынъ мой,—сказалъ онъ.—Выходить въ такую погоду, все равно, что гоняться за смертью; помоги, Боже, всѣмъ бездомнымъ путникамъ, не имѣющимъ крова надъ головой въ такую ночь!

Онъ отряхивалъ снѣгъ, приставшій къ подошвамъ его сапогъ.

— Итакъ, сегодня послѣдній день твоей эпитеміи, братъ Стормъ; завтра утромъ ты присоединишься ко всѣмъ намъ. Ты хорошо поступилъ, ты храбро боролся и отразилъ нападеніе сатаны. Доброй ночи, сынъ мой, Господь съ тобою!

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и остановился.

— Кстати, я обѣщалъ дать тебѣ почитать «Жизнь отца Лакордера», можешь теперь пойти въ мою комнату и взять ее.

Келья отца настоятеля находилась въ нижнемъ этижѣ, налѣво отъ лѣстницы; дверь ея отворялась въ корридоръ, проходившій черезъ весь домъ посрединѣ и дѣлившій его на двѣ части. Комнаты по одну сторону корридора выходили окнами во дворъ; по другую—на Сити, въ сторону Темзы. Къ этимъ послѣднимъ принадлежала комната отца настоятеля. Убранство ея было такъ же просто, какъ и убранство другихъ келій, но въ каминѣ горѣлъ огонь, а въ углу стоялъ писменный столъ и на немъ зажженная лампа.

Они вмѣстѣ вошли въ эту комнату и настоятель повѣсилъ ключъ отъ входной двери на одинъ изъ многихъ гвоздей надъ кроватью. Гвоздь былъ третій отъ конца, ближайшаго къ окну, а ключъ—старый, съ одной только пермычкой. Джонъ все это замѣтилъ; замѣтилъ даже, что на полу лежатъ книги и надо идти осторожно, чтобъ не споткнуться. Настоятель поднялъ одну изъ нихъ.

— Возьми, сынъ мой; это драгоцѣннѣйшій документъ, настоящее зеркало живой души человѣческой. Больше всего меня тронули тѣ мѣста, гдѣ отецъ Лакордеръ упоминаетъ о своей матери. Монахъ лишенъ матери, и, если онъ нуждается въ женской любви, онъ будетъ дѣйствительно несчастливъ, пока не сосредоточитъ своихъ взглядовъ и помысловъ на той, которая благословенна между женами. Но монашеская жизнь не разрушаетъ естественной привязанности. Она убиваетъ только за тѣмъ, чтобы вдохнуть новую жизнь. Сказано: пшеничное зерно не оживетъ, аще не умретъ. Вотъ смыслъ истинно христіанскаго аскетизма, сынъ мой, и нашихъ обѣтовъ. Спокойной ночи.

Выходя изъ кельи отца настоятеля, Джонъ встрѣтилъ брата Эндрью, идущаго туда, съ чистымъ бѣльемъ въ одной рукѣ и кувшиномъ воды въ другой. Онъ бросилъ на свою кроват въ альковѣ, книгу, данную ему настоятелемъ, и сѣлъ на скамью у дверей, стараясь укрѣпиться въ своемъ намѣреніе.

— Этотъ человѣкъ умираетъ отъ тоски по сестрѣ. Онъ можетъ спасти ея душу; надо только дать ему возможность увидать ее. Это не можетъ быть не угодно Всевышнему.

Когда онъ поднялъ голову, въ домѣ все было тихо, только вѣтеръ стоналъ снаружи. Потомъ, вдали, едва слышно щелкнула дверь, и въ корридорѣ появилась фигура брата Эндрью, вышедшаго изъ кельи отца настоятеля. Джонъ позвалъ его и тотъ подошелъ на цыпочкахъ, ибо монахъ ненавидитъ шумъ, какъ злого духа. Широкое лицо брата Эндрью все расплылось въ широкую улыбку.

— Отецъ настоятель легъ?—спросилъ Джонъ.

— Да.

— Только-что?

— Нѣтъ, уже съ полчаса.

— Такъ онъ, должно быть, уже спитъ?

— Онъ спалъ, когда я уходилъ.

— Развѣ онъ не запирается извнутри?

— Нѣтъ, никогда.

— А крѣпко спитъ отецъ настоятель?

— Какъ придется: иногда крѣпко, а иной разъ и кошка пройдетъ, такъ услышитъ.

— Братъ Эндрью...

— Что?

— Сдѣлали бы вы для меня одну вещь, если-бъ мнѣ было очень нужно?

— Вы сами знаете.

— Еслибъ даже при этомъ вы подвергались нѣкоторому риску?

— Этого я не боюсь.

— Если бы я вовлекъ васъ въ бѣду?

— Этого не можетъ быть; вы не способны сдѣлать кому-нибудь непріятность.

Джонъ не могъ продолжать. Простоватое лицо брата Эндрью выражало такое слѣпое довѣріе, что обмануть его онъ не могъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ братъ Эндрью.

— О ничего, пустяки. Я хотѣлъ испытать васъ, но вы слишкомъ хорошій человѣкъ, чтобъ васъ искушать, и мнѣ стало стыдно. Идите, ложитесь.

— Не потушить ли мнѣ огонь вмѣсто васъ?

— Нѣтъ, я еще не готовъ. Уфъ, какой жестокій вѣтеръ! Холодно теперь должно быть брату Павлу въ церкви.

— Скажите мнѣ, братъ Стормъ, что такое съ братомъ Павломъ? Самъ не знаю почему, но при видѣ его мнѣ вспоминается моя мать.

Джонъ не отвѣтилъ, и бѣлецъ сталъ подыматься на лѣстницу. Пройдя двѣ ступеньки, онъ остановился и шепнулъ:

— Такъ вы не позволите мнѣ ничего сдѣлать для васъ?

— Не сегодня, братъ Эндрью.

— Спокойной ночи, братъ Стормъ.

— Спокойной ночи, голубчикъ.

Джонъ прислушивался къ его шагамъ, пока они не замерли вдали. Затѣмъ все стихло; обитель погрузилась въ сонъ; только стоны вѣтра нарушали тишину. Джонъ отодвинулъ рѣшетчатое оконце и выглянулъ. Дворъ тоже тонулъ во мракѣ; только окна церкви, гдѣ братъ Павелъ читалъ молитву по четкамъ, пропускали тонкія полоски свѣта.

Это придало ему мужества; онъ всталъ и пошелъ тушить лампы на лѣстницахъ и въ корридорахъ. Онъ началъ сверху; спускаясь внизъ, онъ останавливался на каждой площадкѣ и внимательно озирался кругомъ. Ни звука, кромѣ легкаго шума его собственныхъ шаговъ. Снова

суевѣрный страхъ овладѣлъ имъ; нечистая совѣсть рисовала ему всякіе ужасы. Въ этомъ старинномъ домѣ, съ его таинственными кельями, казалось, бродили какія-то странныя тѣни. Въ завываніи вѣтра ему слышался голосъ злого духа. Лампы гасли одна за другой. Послѣдняя висѣла въ швейцарской передъ картиной, изображавшей Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Когда онъ гасилъ ее, ему показалось, что глаза Христа смотрятъ прямо на него, и онъ вздрогнулъ.

Часы пробили половину одиннадцатаго. Пора было приступать къ дѣлу. Джонъ чувствовалъ боль въ затылкѣ; онъ дышалъ тяжело и часто. Безшумно ступая, онъ подошелъ къ двери кельи отца настоятеля и прислушался. Ни звука.

Онъ распахнулъ дверь и вошелъ.

Уголья въ каминѣ догорали, бросая слабый, красноватый отблескъ на потолокъ и кровать. Мягкій свѣтъ падалъ на лицо мирно спавшаго отца настоятеля. Въ комнатѣ стояла полная тишина; только вѣтеръ гудѣлъ въ трубѣ, да съ рѣки донесся протяжный пароходный свистокъ.

Что бы добраться до ключа, висѣвшаго надъ кроватью, необходимо было стать между огнемъ и спящимъ. Когда Джонъ шагнулъ впередъ, черная тѣнь его упала на лицо отца настоятеля. Онъ протянулъ руку за ключемъ; оказалось, что на немъ виситъ связка другихъ ключей.

Когда онъ снималъ ихъ, они слегка звякнули и сердце въ немъ замерло; но отецъ настоятель не пошевелился; Джонъ вынулъ ключъ отъ двери, повѣсилъ остальные ключи на мѣсто и повернулся что бы идти.

На улицѣ заиграла шарманка; заслышавъ это, собака завыла; вѣтеръ, проникавшій въ открытую дверь, загудѣлъ въ трубѣ. Отецъ настоятель вздохнулъ. У Джона ёкнуло сердце, онъ остановился и оглянулся черезъ плечо. Но это былъ лишь глубокій вздохъ, вырвавшійся у спящаго.

Минуту спустя, Джонъ былъ уже въ корридорѣ и запиралъ за собой дверь. Въ горлѣ его пересохло, вѣки дрожали, въ виски стучало до боли. Онъ крался неслышно, какъ воръ; когда онъ проходилъ въ темнотѣ мимо изображенія Спасителя, ему показалось, что вѣтеръ крикнулъ ему: «Іуда!» Добравшись до мѣста, онъ упалъ на скамью, ноги больше не держали его. Любовь и совѣсть, гуманность и религія старались заглушить другъ друга, раздирали въ куски его душу. «Измѣнникъ!» кричалъ одинъ голосъ. «Но этотъ человѣкъ умираетъ», возражалъ другой. «Іуда!» «Она на краю пропасти, а онъ можетъ спасти душу ея отъ смерти и осужденія!» Когда борьба кончилась, побѣжденная совѣсть и религіозное чувство смолкли, а умъ его изощрился еще болѣе.

Часы пробили три четверти одиннадцатаго; онъ поднялъ голову.

Улицы въ этотъ часъ, обыкновенно тихія, теперь оживились; слышны были голоса, ѣзда, шарканье ногъ по твердому снѣгу.

Джонъ открылъ входную дверь, по возможности стараясь не шумѣть, и вышелъ во дворъ. Собака выскочила изъ своей будки и заворчала, но онъ успокоилъ ее однимъ словомъ; она подошла и стала лизать его руку. Быстрыми и неслышными шагами онъ перешелъ черезъ дворъ, приподнялъ щеколду у двери ризницы и толкнулъ дверь внутрь.

Тихій, гудящій шепотъ разносился по пустой церкви, подобно плеску волны о ступени каменной лѣстницы. Братъ Павелъ сидѣлъ въ алтарѣ; на скамьѣ возлѣ него стояла лампа. Голова его была наклонена впередъ, глаза закрыты, исхудалое лицо при свѣтѣ лампы казалось мертвенно блѣднымъ и безжизненнымъ. Джонъ шепотомъ позвалъ его:

— Павелъ!

Онъ быстро всталъ и послѣдовалъ за Джономъ во дворъ, шатаясь отъ слабости; видъ у него былъ странный, растерянный.

— А какъ же лампа?.. Я и забылъ. Развѣ вернуться, погасить?

— Какъ вы наивны,—сказалъ Джонъ.—А можетъ быть, въ домѣ кто-нибудь не спитъ. Развѣ вы хотите, чтобъ замѣтили, что вы ушли изъ церкви часомъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ?

— Правда ваша.

— Идите за мной... Тише.

Оба вошли на цыпочкахъ въ проходъ, ведущій на улицу. Въ щели калитки проникалъ свѣтъ.

— Гдѣ ваша шляпа?—спросилъ Джонъ.

— И шляпу забылъ... оставилъ въ церкви.

— Возьмите мою, да накиньте капюшонъ и застегнитесь хорошенько—ночь страшно холодная.

— Я боюсь, — сказалъ Павелъ

— Боитесь? Чего?

— Теперь, когда время настало, я боюсь узнать о ней всю правду. Въ неизвѣстностяхъ все-таки есть хоть капля надежды, а тамъ...

— Полноте, будьте мужчиной! Не падайте духомъ въ послѣднюю минуту. Вотъ вамъ носовой платокъ, повяжите шею. Какой же вы, однако, безпомощный! Я просто готовъ идти вмѣсто васъ.

— Вы же не знаете, что мнѣ нужно сказать; да еслибъ и знали, не сказали бы...

— Въ такомъ случаѣ, слушайте... Вы слушаете меня?

— Да.

— Идите въ госпиталь, гдѣ ваша сестра была сидѣлкой...

— Виноградникъ Мареы?

— Спросите сидѣлку Квэйль—будете помнить?

— Сидѣлку Квэйль...

— Если она ночная дежурная, она сейчасъ выйдетъ къ вамъ, но если она дежурила днемъ, теперь она, можетъ быть, спитъ; въ такомъ случаѣ...

— Что?

— Вотъ вамъ письмо. Взяли?

— Да.

— Отдайте его швейцару, скажите, что это отъ прежняго капеллана. Будете помнить? Скажите, что письмо очень важное, по неотложному дѣлу, и попросите швейцара сейчасъ послать его наверхъ въ дортуары; затѣмъ...

— Ну?

— Затѣмъ ужъ *она* вамъ скажетъ, что дѣлать дальше.

— А если ея нѣтъ дома?

— Это возможно—сегодня канунъ Новаго года.

— А!

— Подождите въ швейцарской, пока она не вернется.

Стремительность Джона разбивала всѣ преграды на пути. Безпомощное созданіе принялось благодарить его, осыпать благословеніями.

— Полноте, не будемъ говорить объ этомъ... Есть у васъ деньги?

— Нѣтъ.

— У меня тоже нѣтъ. Я привезъ съ собой немного мелочи въ кошелькѣ, но отдалъ ихъ при поступленіи.

— Мнѣ не нужно денегъ; я пойду пѣшкомъ.

— Это займетъ у васъ цѣлый часъ.

Гдѣ-то начали бить часы.

— Тсъ! разъ, два, три... одиннадцать. Въ полночь вы будете на мѣстѣ. Теперь идите.

Ключъ повернулся въ замкѣ.

— Помните же! Къ утренѣ, къ шести часамъ вы должны вернуться.

— Я вернусь къ пяти.

— А я открою дверь въ 5 ч. 30 м. Въ вашемъ распоряженіи всего шесть часовъ.

— Такъ я пойду. Спокойной ночи!

— Погодите!

— Что такое?

Павелъ былъ уже на улицѣ. Джонъ оставался еще въ темномъ корридорѣ.

— Весьма возможно, что вамъ съ ней придется взять кэбъ.

— Съ кѣмъ? съ сестрой?

— Ваша сестра, помнится, живетъ гдѣ-то въ Сентъ-Джонсъ-Вудѣ.

— Въ Сентъ-Джонсъ-Вудѣ?

— Скажите ей...—не смотря на всѣ усилія Джона, голосъ его дрожалъ:—скажите ей, что я счастливъ, веселъ, здоровъ, хорошо выгляжу—понимаете?

— Но вѣдь это неправда. Вы слишкомъ добры, вы убиваетесь изъ-за меня...

— Скажите ей, что я часто думаю о ней и если ей что-нибудь нужно, пусть она пришлетъ кого-нибудь, напишетъ... Это не можетъ быть не угодно Богу... Ну, да все равно, идите, идите!

Ключъ снова повернулся въ замкѣ, и бѣлецъ вышелъ, Джонъ Сгормъ остался одинъ.

— Боже, смилуйся и прости меня!—шепталъ онъ, возвращаясь на мѣсто.

Улицы все больше оживлялись, движеніе не прекращалось; какой-то пьяный, проходя мимо калитки, остановился и крикнулъ: «Эй вы, смирно у меня; я за вами смотрю!» Собака вскочила и залаяла, Джонъ поспѣшилъ войти въ домъ и запереть за собой дверь.

Онъ сѣлъ на скамью, стараясь успокоиться. Онъ представлялъ себѣ Павла, какимъ видѣлъ его въ послѣднюю минуту; плѣнный орелъ со сломаннымъ крыломъ вырвался, наконецъ, изъ клѣтки; онъ бродитъ ночью во мракѣ, зато—свободный! свободный!

Мысленно онъ слѣдовалъ за нимъ по улицамъ - по Бишопсгетъ-стриту, потомъ по Чипсайду, до собора св. Павла. Тамъ навѣрное теперь стоитъ толпа народу, въ ожиданіи, пока колоколъ ударитъ полночь, чтобы прокричать «ура», и пожелать другъ другу счастливаго новаго года.

Это навело его на мысль о Глори. Она навѣрное будетъ тамъ; она такъ любитъ быть тамъ, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ. Онъ совершенно ясно видѣлъ ее въ толпѣ, видѣлъ, какъ она идетъ своей легкой, быстрой поступью, какъ сіяютъ ея глаза. Все это такъ ново для нея, такъ хорошо и красиво. Глори! всегда и вездѣ Глори!

Должно быть онъ задремалъ, потому что часы вдругъ начали бить, сначала въ швейцарской, потомъ въ окрестныхъ церквахъ и наконецъ большіе часы на соборной башнѣ. Почти въ ту же минуту, вдали раздался оглушительный трескъ, точно отъ ружейнаго залпа, и по церквамъ зазвонили въ колокола.

На улицѣ шелъ дымъ коромысломъ; прохожіе перекрикивались, хохотали, иные пѣли. Хоромъ пропѣтый псаломъ смѣнился извѣстнымъ романсомъ, потомъ какой-то совсѣмъ неизвѣстной пѣсенкой. Послышался мѣрный топотъ ногъ по замерзшему снѣгу мостовой и мимо прошла толпа молодыхъ людей и дѣвушекъ, распѣвая во все горло:

«D'ye ken John Peel with his coat so gay?
D'ye ken John Peel at the breök of day?
D'ye ken John P-e-e-l»...

Звонкая трель оборвалась на самой высокой нотѣ, и вся компанія покатилась со смѣху.

— Та же пѣсня, что пѣли они вмѣстѣ... Опять Глори, всюду и вездѣ Глори!..

Точно чешуя упала съ глазъ его, и онъ увидѣлъ себя такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ—обманщикомъ, обманывавшимъ самого-себя. Всѣ мотивы, побудившіе его сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ сегодня ночью, въ сущности сосредоточились въ Глори. Съ начала и до конца онъ думалъ только о Глори; и жалость къ брату Павлу, и страхъ за судьбу Полли, все это было ложью, предлогомъ.

Ночной вѣтеръ продолжалъ завывать вокругъ дома. Свистъ и вой его смѣшивались со звономъ колоколовъ и въ этомъ шумѣ ему слышались насмѣшливые голоса бѣсовъ, кричавшихъ ему: Іуда! Измѣнникъ! Глупецъ! глупецъ! Измѣнникъ! Іуда!

Онъ закрылъ руками уши, и голова его упала на грудь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

Академика **А. Фаминцына.**

(*Продолженіе* *).

Глава пятая.

Прежде чѣмъ перейти къ содержанію этой главы: психикѣ животныхъ, я сдѣлаю нѣсколько добавочныхъ замѣчаній о психикѣ человѣка и напомню читателю два основныхъ, исходныхъ положенія проводимаго мною въ настоящей работѣ взгляда.

Первое положеніе заключается въ томъ, что я не считаю возможнымъ допущеніе двухъ, якобы реальныхъ сущностей: духа и матеріи (субстанціи); принимая оба эти термина за абстракцію, я не могу не признать за ложныя и всѣ на реальности ихъ построенныя философскія системы. Явленія духовныя и матеріальныя, различаемыя лишь по способу познаванія ихъ нами, могутъ вѣдь оказаться на самомъ дѣлѣ лишь различными сторонами одного и того же бытія, въ которомъ взаимныя ихъ отношенія представляютъ для насъ неразрѣшимую тайну.

Въ тѣсной связи съ первымъ положеніемъ находится и второе; слѣдуя впервые Миллемъ изложенному взгляду на суть и характеръ раскрываемой намъ естествознаніемъ причинности явленій, и подвергнувъ его дальнѣйшему развитію, я пришелъ, какъ выше было изложено, къ выводу, что при разслѣдованіи причинной связи явленій, независимо отъ того, будутъ ли предметомъ розысканія явленія матеріальныя или духовныя, мы не въ состояніи указать, ни для одного изъ изучаемыхъ явленій, одной, неразрывно связанной съ нимъ причины. То, что обыкновенно обозначаютъ этимъ именемъ, есть не болѣе, какъ недостававшее, для реализаціи желаемаго явленія, въ данномъ частномъ случаѣ, условіе, которое, будучи присоединено ко всѣмъ остальнымъ, имѣвшимся на лицо, при совокупномъ съ ними дѣйствіи, вызываетъ ожидаемое явленіе (см. главу 2-ую, стр. 138). Понятно изъ этого, что, разслѣдуя реакцію живого организма на внѣшніе раздражители,

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

мы никогда не будемъ въ состояніи связать вызванное явленіе непосредственно съ какою-нибудь одною непосредственною причиной. Дѣйствіе на организмъ опредѣленнаго раздражителя скажется въ реакціи на него организма, выраженной совокупнымъ отвѣтомъ на раздраженіе всѣхъ жизненныхъ условій, его составляющихъ. Какъ механическое раздраженіе не ограничивается одними матеріальными измѣненіями, но непремѣнно отражается и на психикѣ, такъ и психическое вліяніе производитъ дѣйствіе не только на психику, но и на тѣлесный субстратъ, и отъ нашего произвола зависитъ, обратить ли вниманіе только на измѣненіе тѣлеснаго субстрата, или психики, или на то и другое вмѣстѣ.

Мнѣ кажется поэтому большимъ заблужденіемъ господствующее среди психологовъ убѣжденіе въ возможности выясненія между послѣдовательно наступающими другъ за другомъ психическими состояніями причинной связи, въ обыденномъ смыслѣ этого слова; принятіе въ настоящее время двухъ параллельныхъ рядовъ причинной связи, которыми соединены между собою явленія матеріальныя съ одной стороны и психическія—съ другой, должно, по моему мнѣнію, быть отвергнуто, какъ несостоятельное. Неотразимымъ слѣдствіемъ изъ этого является невозможность существованія психологіи, въ видѣ науки о дѣятельности и природѣ духа, какъ объекта самостоятельнаго и внѣ связи съ явленіями матеріальными.

Съ равнымъ правомъ, конечно, можно утверждать, принимая во вниманіе вышесказанное, что не можетъ быть и самостоятельной науки о матеріи, разсматриваемой внѣ связи съ явленіями психическими; мнѣ могутъ возразить, что подобное утвержденіе нелѣпо, такъ какъ всякому извѣстно, что таковыя науки не только существуютъ, но и признаются всѣми за весьма важныя и полезныя. Современное естествознаніе почти цѣликомъ сюда относится. Насколько такой взглядъ одностороненъ, было уже мною выше достаточно разъяснено, и мнѣ не представляется надобности возвращаться къ объясненію, что познаніе наше о мірѣ внѣшнемъ, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ мы по аналогіи предполагаемъ психику, сводится въ настоящее время на изученіе явленій *не полное*, именно лишь ихъ внѣшней стороны.

Не болѣе удовлетворительными представляются мнѣ философскія теоріи, построенныя на признаніи только духа или одной матеріи за реальныя сущности; споръ о томъ, что изъ нихъ есть первичное, или, другими словами, есть ли духъ эманація матеріи, или же, наоборотъ, матерія производное отъ духа, по моему мало отличается по существу отъ спора по вопросу: что появилось на свѣтѣ прежде: яйцо или курица? Мы постоянно наблюдаемъ, что изъ яйца вылупляется превращающійся въ курицу цыпленокъ и что курица порождаетъ яйца. Возможность подобнаго вопроса вытекаетъ изъ убѣжденія, ничѣмъ не обоснованнаго, что или яйцо, или курица представляетъ непосредственный продуктъ творенія; причина спора о первенствѣ духа и матеріи кроется

также въ необоснованномъ, но унаслѣдованномъ и по привычкѣ удерживаемомъ убѣжденіи, что или духъ, или матерія, или оба вмѣстѣ суть первичныя причины всего сущаго. Разсматривая же ихъ лишь какъ абстракціи нашего ума, я и не буду больше входить въ ихъ ближайшее разъясненіе. Оставаясь вѣрнымъ естественно-историческому методу разслѣдованія, предписывающему съ неумолимою строгостью не утверждать ничего не обоснованнаго фактическими данными, но допускающему самыя смѣлыя предположенія, теоріи и гипотезы въ роли свѣточей для избраннаго изслѣдователями пути розысканій, я безъ колебанія приступаю къ изложенію соображеній касательно новаго, ингредіента нашей жизни—*самовнушенія*, вводимаго мною, на основаніи изложенныхъ въ предыдущей главѣ опытныхъ данныхъ изъ области гипнотизма. Естественно-историческій методъ строгій въ своихъ требованіяхъ касательно научныхъ выводовъ, съ раскрытыми объятіями принимаетъ самыя, на первый взглядъ, невѣроятныя фактическія данныя, если только они являются хорошо обоснованными. Къ таковымъ относятся, по моему мнѣнію, имѣющіеся факты относительно внушенія и самовнушенія.

Подъ вліяніемъ самовнушенія совершаются всѣ акты нашей жизни, какъ не доходящіе до нашего сознанія, такъ и сознательные. Самовнушеніе въ вышеприведенномъ смыслѣ не есть какая-либо первичная причина; оно продиктовывается нашими чувствами и заслуживаетъ особеннаго вниманія лишь какъ психическій актъ, непосредственно предшествующій обнаруживанію какъ растительныхъ, такъ и высшихъ сознательныхъ отправленій.

Вникая въ цѣль нашихъ сознательныхъ дѣйствій или, другими словами, въ главную суть нашей психической жизни, не трудно замѣтить, что она цѣликомъ направлена на удовлетвореніе присущихъ намъ желаній, невѣдомо откуда идущихъ и нерѣдко завладѣвающихъ нами безконтрольно, даже вопреки оказываемому нами сопротивленію. Изъ нихъ самыя тираническія, ставящія на карту нашу жизнь, принадлежатъ къ низшимъ изъ психическихъ потребностей, напр., голодъ, жажда и т. п. Таковыхъ потребностей очень много, но далеко не всѣ въ одинаковой мѣрѣ ощущаются нами; находя удовлетвореніе нѣкоторыми изъ нихъ, почти повсюду, мы обыкновенно и не сознаемъ потребности въ нихъ, замѣчая ихъ лишь въ необычныхъ, экстерныхъ условіяхъ; къ послѣднимъ, напр., относится наша потребность въ кислородѣ, или потребность въ опредѣленномъ атмосферномъ давленіи, т. е. опредѣленной плотности воздуха; только поднявшись на воздушномъ шарѣ, выше извѣстной высоты, мы испытываемъ важное значеніе послѣдняго фактора для нашей жизни: кровоизліяніе изъ ушей, сопровождаемое головокруженіемъ, доходящимъ до полной потери сознанія, неотразимо объ этомъ свидѣтельствуетъ. Всѣ мы знаемъ, сколько потребно силы и энергіи исключительно для самозащиты и поддержанія жизни въ борьбѣ съ

окружающими условіями, между которыми одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ занимаетъ борьба изъ-за существованія какъ со стихіями, такъ и съ окружающими насъ людьми, но въ жизни каждаго наступаютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды, когда мы ихъ почти или вовсе не замѣчаемъ.

Если вся жизнь наша сводится на исканіе удовлетворенія присущихъ намъ, помимо нашей воли, желаній, часто переходящихъ въ неотложныя потребности, то и вопросъ о сути и значеніи нашей жизни сводится къ разрѣшенію вопроса о возникновеніи и сути нашихъ желаній, не покидающихъ насъ съ момента рожденія вплоть до прекращенія нашей жизни, когда наступаетъ, для живого человѣка, странно звучащее состояніе «вѣчнаго покоя». Съ первымъ проблескомъ сознанія простѣйшаго организма, сопровождаемымъ различеніемъ пріятнаго отъ непріятнаго и появленіемъ *желаннаго*, сказывается несомнѣнный зачатокъ присущей и намъ жизни, опредѣляющій не только ея потребности и внутренній смыслъ; смыслъ, правда, не вѣдомый не только для живого существа на этой первоначальной стадіи развитія, но остающійся тщательно сокрытымъ и отъ наиболѣе сложнаго и совершеннаго представителя жизни на землѣ—отъ человѣка. Такъ велика однако и настоятельна, въ продолженіи всей жизни, потребность дѣятельности для удовлетворенія присущихъ намъ желаній, что только сравнительно крайне незначительное число живыхъ существъ, даже и среди людей, задумывается надъ этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ, опредѣляющимъ весь смыслъ нашей жизни; но и эти послѣдніе, хотя и мучимые его невѣдѣніемъ, убѣдившись въ неисполнимости ихъ желанія, отходятъ отъ него, обрѣтая, если не полное, то все-таки значительное удовлетвореніе въ разысканіи путей, приближающихъ ихъ къ его разъясненію. Увѣренные, что труды ихъ не пропадутъ безслѣдно, они посвящаютъ наукѣ лучшіе годы жизни и завоевываютъ искомую область для человѣчества, подвигаясь впередъ хотя и медленными, но вѣрными шагами.

Слово: *желанное* должно быть принято здѣсь въ самомъ широкомъ его смыслѣ. Въ болѣе простыхъ формахъ живыхъ существъ, значеніе пріятнаго и непріятнаго, а слѣдовательно и желаннаго, совпадаетъ съ обыденнымъ ихъ смысломъ; но въ организмахъ болѣе сложнаго строенія и въ особенности у человѣка опредѣленіе желаннаго рѣзко измѣнилось; среди насъ уже получило неоспоримое право гражданства положеніе, что не все пріятное дозволительно; въ связи съ этимъ и выработалась о желанномъ особая наука—этика, разслѣдующая характеръ желаннаго и дающая ему новое, далеко не совпадающее съ первоначальнымъ, опредѣленіе. Задача психики стала иною, въ сообразованіи дѣйствій организма, согласно указанію внутренняго голоса, голоса совѣсти. Эта потребность для многихъ сдѣлалась второй натурой. Но какъ ни различны между собою желанное первоначальное и требуемое этикой, они тѣмъ не менѣе представляютъ лишь крайнія звенья одной и той же цѣпи, связанныя между собою рядомъ переходныхъ формъ.

Стремленіе достигнуть желаннаго, независимо отъ его содержанія, представляетъ единственный, могучій импульсъ кипучей и неустанной дѣятельности всего живого на земной поверхности, дѣятельности, производимой организмами безъ вѣдома того, что творятъ, или вѣрнѣе: вѣдая *почему*, но не вѣдая *для чего* творятъ. Громадное большинство людей, не вдаваясь въ теоретическія соображенія касательно смысла жизни и ея задачъ, въ полномъ смыслѣ слова инстинктивно преслѣдуютъ, въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ жизни, одну цѣль: удовлетворить потребности достиженія желаннаго, являющагося выразителемъ совокупности всѣхъ присущихъ въ данный моментъ организму желаній. Русскій простолюдинъ мѣтко опредѣляетъ это желанное терминомъ: чего душа проситъ. Но не только онъ, но и все остальное человѣчество преслѣдуетъ эту же задачу; все совершаемое человѣчествомъ, вся его исторія, обусловлена погоней за достиженіемъ того, «чего душа проситъ». Этому же неудержимому стремленію, и ничему иному, обязана своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ современная цивилизація, со всѣми свѣтлыми и темными ея сторонами.

Стремленіе это лежитъ въ основѣ жизни всего животнаго и, какъ увидимъ ниже, и растительнаго міра.

Могучимъ пособникомъ въ достиженіи преслѣдуемыхъ организмомъ цѣлей служитъ, опытомъ и наблюденіями, неоспоримо засвидѣтельствованная *механизація* функцій организма, состоящая въ томъ, что, по мѣрѣ упражненія, всякій органъ постепенно все болѣе и болѣе приспособляется къ своей спеціальной функціи; исполненіе ея требуетъ поэтому все ме́ньшаго и ме́ньшаго сознательнаго участія въ ней организма, и со временемъ совершается почти, или даже совсѣмъ безъ нашего вѣдома. Возможность для артиста исполненія трудной музыкальной пьесы, при веденіи разговора о постороннемъ предметѣ, а также бѣглаго, механическаго чтенія, когда читающій поглощенъ мыслями, ничего общаго не имѣющими съ содержаніемъ книги, и многіе другіе подобные примѣры свидѣтельствуютъ объ этомъ съ достаточною ясностью.

Сознательная психическая дѣятельность, съ одной стороны освобожденная такимъ образомъ отъ участія въ цѣломъ рядѣ механизированныхъ функцій, требовавшихъ раньше сильнаго ея напряженія, а съ другой стороны, располагая теперь органами, болѣе приспособленными къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ функцій, чѣмъ прежде, задается новыми, болѣе сложными цѣлями и преслѣдуетъ ихъ со всею присущею ей энергіей. По достиженіи этихъ новыхъ цѣлей, сознательная дѣятельность не удовлетворяется однако пріобрѣтеннымъ результатомъ и, по свойственной ей природѣ, создаетъ себѣ новыя цѣли; достигнутый успѣхъ не даетъ покоя; подъ вліяніемъ его разыгрывается лишь аппетитъ, разгораются глаза, и интензивнѣе прежняго закипаетъ напряженная работа для достиженія желаннаго. Таково, по крайней мѣрѣ, поведеніе человѣческой психики; ненасытность во всѣхъ ея стремле-

ніяхъ—ея отличительное качество. Нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, непредвидится предѣла ея притязаніямъ.

Самъ собою, однако, при этомъ напрашивается вопросъ: дѣйствительно ли, по самой природѣ человѣческой психики, невозможенъ предѣлъ ея жажды къ дѣятельности, или же это только явленіе временное, и мыслимо ли достиженіе полнаго равновѣсія желаній и ихъ удовлетворенія?

Вопросъ этотъ не праздный, каковымъ онъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и не метафизическій, а по существу своему подлежащій естественно-историческому методу изслѣдованія. Рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ опредѣляется отвѣтомъ на слѣдующій вопросъ: способенъ ли человѣческій организмъ къ безграничному видоизмѣненію и совершенствованію, подъ вліяніемъ дѣятельности и требованій его психики, или же этому положенъ опредѣленный предѣлъ? Въ виду тѣснѣйшей обоюдной зависимости организаціи и психики, а слѣдовательно, и степени успѣха, или же полной остановки въ ихъ развитіи, на что мною было уже неоднократно указано, можно съ достовѣрностью заключить, что съ достиженіемъ предѣльнаго развитія организаціи наступитъ и предѣльное развитіе психики; достигнется полное соотвѣтствіе между желаннымъ и достигаемымъ и жизнь, оставаясь сознательною, цѣликомъ сведется къ исполненію совершенно опредѣленнаго рода болѣе или менѣе механизированныхъ отправленій, при полномъ отсутствіи стремленія къ дальнѣйшему прогрессу. Въ этомъ случаѣ мыслимо установленіе полной гармоніи желаннаго съ достигаемымъ и полнаго довольства, но, конечно, въ томъ только случаѣ, если окружающія условія не поставятъ преграды къ удовлетворенію обыденныхъ потребностей организма.

О судьбѣ человѣчества въ будущемъ нельзя, конечно, сказать ничего опредѣленнаго, но возможно постараться подойти къ рѣшенію этого вопроса косвеннымъ путемъ.

Въ настоящее время признается какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ по нѣскольку филогенетическихъ рядовъ или типовъ органическихъ формъ, возникшихъ постепеннымъ дифференцированіемъ изъ группы простѣйшихъ организмовъ и изображается развитіе какъ животнаго, такъ и растительнаго царства въ видѣ вѣтвистаго дерева, концы развѣтвленія котораго представляютъ существующія въ настоящее время формы.

Вѣдь мыслимо, что нѣкоторые изъ этихъ типовъ продолжаютъ прогрессировать и въ настоящее время, между тѣмъ какъ другіе, достигнувъ возможнаго для нихъ максимума развитія, остановились въ своей эволюціи, хотя и продолжаютъ производить новыя поколѣнія, но построенныя по совершенно опредѣленному и неизмѣнному типу, по крайней мѣрѣ при существующихъ условіяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ и психическая дѣятельность, соотвѣтственно постоянству организаціи, будетъ повторяться съ неизмѣнною періодичностью безъ дальнѣйшаго

прогресса. Правда, до сихъ поръ не удалось, какъ выше было уже выяснено, ни по одной формѣ, убѣдиться въ продолжающемся еще прогрессѣ развитія, но получился ли этотъ результатъ вслѣдствіе происшедшей остановки развитія, или только отъ того, что по медленности прогресса эволюціи, послѣдній ускользалъ отъ нашего наблюденія—фактически не установлено. Прежнее ученіе, утверждавшее неизмѣняемость видовъ, разсматривало, какъ извѣстно, всѣ организмы, какъ формы неподвижныя; по господствующей же въ настоящее время теоріи эволюціи, наоборотъ, всѣ формы, какъ животныя, такъ и растительныя, принимаются за безпрерывно прогрессирующія. Нельзя однако не сознаться, что, въ этой формѣ, послѣднее воззрѣніе столь же мало фактически обосновано, какъ и прежнее, и нѣтъ возможности подтвердить его фактическими данными. Предположеніе, что существуютъ формы, уже достигшія крайняго предѣла развитія, можетъ быть съ успѣхомъ поддерживаемо, не прибѣгая къ отрицанію эволюціи.

При этомъ не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что остановка въ эволюціи можетъ быть и не окончательною, а лишь временною. Нельзя отрицать громаднаго вліянія на жизнь организмовъ внѣшнихъ условій; остановка эволюціи, наступившая при опредѣленныхъ условіяхъ, можетъ, при измѣненіи послѣднихъ, прекратиться и уступить вновь мѣсто прогрессивному развитію; поэтому является допустимымъ еще третье предположеніе, что среди формъ животныхъ и растеній нѣкоторые пребываютъ, въ продолженіи всего періода времени, доступнаго наблюденію человѣчества, во временной пріостановкѣ развитія.

Въ таковыхъ формахъ мы имѣли бы примѣры жизни, руководимой *исключительно* инстинктомъ, приравнивая инстинктивное дѣйствіе къ поступкамъ загипнотизированнаго. Въ обоихъ случаяхъ поступокъ совершается съ роковою необходимостью, но съ полнымъ сознаніемъ окружающихъ условій и съ неотразимымъ стремленіемъ совершить желаемое.

Обыкновенно противополагаютъ инстинктивную жизнь животныхъ разумной психической дѣятельности человѣка; врядъ ли найдется предположеніе менѣе вѣроятное и менѣе обоснованное. Инстинктивное въ жизни человѣка хотя и допускается психологами, но ему придаютъ лишь малое значеніе; между тѣмъ какъ, по моему мнѣнію, громадное большинство нашихъ дѣйствій вполнѣ подходитъ подъ вышеприведенное опредѣленіе инстинкта. Исключительно вниманіе удѣлено было философами одной сознательной психической дѣятельности. Я достаточно долго уже останавливался на выясненіи кореннаго сходства психики животныхъ и человѣка. Въ заключительной главѣ еще разъ возвращусь къ этому предмету.

Теперь же, обращаясь къ психикѣ животныхъ, я постараюсь, на основаніи точно наблюденныхъ фактическихъ данныхъ, прослѣдить ее на разныхъ ступеняхъ развитія животныхъ организмовъ и выяснить ря-

домъ примѣровъ степень приближенія психики высшихъ представителей животнаго царства къ психикѣ человѣка.

Еще недавно господствовало мнѣніе, что между высшими позвоночными животными и человѣкомъ—глубокая пропасть. Не смотря на чрезвычайное сходство всѣхъ органовъ у человѣка и животныхъ, не исключая и вмѣстилища психическихъ явленій—мозга, а также и не меньшаго сходства въ зачатіи зародыша и его развитіи, дознанныхъ наукою, всѣми признавалось, что психика человѣка не только количественно выше животныхъ, но и по природѣ и качеству своему отличается столь рѣзко отъ послѣдней, что мало имѣетъ съ ней общаго. Только въ сравнительно недавнее время перестали разсматривать животныхъ, въ противоположность къ человѣку, какъ бездушныя машины. Еще основатель современной философіи Декартъ, жившій въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, ясно формулировалъ это различіе, и исповѣдывалъ съ такою искренностью и убѣжденіемъ, что по временамъ немилосердно билъ двухъ превосходныхъ собакъ своихъ, наслаждаясь искусствомъ, съ которымъ эти неодушевленныя, по его воззрѣнію, машины подражали живому человѣку въ заявленіи своихъ, лишь симулированныхъ страданій. И въ настоящее время большинство людей видитъ еще и въ высшихъ животныхъ существа представляющія мало общаго съ человѣкомъ. Между тѣмъ наблюденія надъ нравами ихъ представителей обнаруживаютъ все бóльшее и бóльшее сходство съ человѣкомъ. Не достигая, конечно, его развитія, уже вслѣдствіе своей организаціи, далеко уступающей организаціи человѣка, животныя, въ нѣкоторыхъ точно констатированныхъ случаяхъ, оказались способными къ психическимъ актамъ, которые и среди людей причисляются къ категоріи наиболѣе высокой, именно къ проявленію альтруизма самой чистой пробы.

Можно было бы наполнить цѣлый томъ имѣющимися разсказами объ умѣ и несомнѣнно благородныхъ поступкахъ животныхъ. Къ сожалѣнію, эти данныя, въ громадномъ большинствѣ случаевъ носятъ анекдотическій характеръ и не могутъ быть приняты на вѣру, безъ тщательной провѣрки.

Тѣмъ цѣннѣе тѣ немногія изъ нихъ, которыя, исходя отъ лицъ вполнѣ компетентныхъ и надежныхъ, не могутъ возбуждать сомнѣнія въ своей достовѣрности. Отсылая читателя къ спеціальнымъ сочиненіямъ по этому предмету, я ограничусь здѣсь приведеніемъ лишь слѣдующихъ двухъ примѣровъ, особенно ясно и убѣдительно говорящихъ въ пользу проявленія альтруизма у животныхъ.

Первый примѣръ касается обезьяны (гамадриловъ); я заимствую его изъ сочиненія Брэма «Жизнь животныхъ». Вотъ что пишетъ онъ на стр. 191 и 192: «Замѣтивъ стадо гамадриловъ, сидящее рядами и какъ бы прилѣпленное къ совершенно отвѣсной скалѣ, столь высокой, что на мѣткость выстрѣловъ надѣяться было трудно, мы рѣшились, по крайней мѣрѣ спугнуть ихъ. Звукъ первыхъ выстрѣловъ произвелъ

между ними страшное смятеніе: все стадо принялось мычать, ревѣть, лаять и кричать самымъ ужаснымъ образомъ. Потомъ вся цѣпь пришла въ движеніе и гамадрилы двинулись вдоль кряжа съ такою увѣренностью, какъ будто они шли по гладкому полу; между тѣмъ мы никакъ не могли понять, на что они ступаютъ. Наши выстрѣлы довели волненіе обезьянъ до ужаса. Особенно комично казалось намъ, какъ всѣ обезьяны, послѣ каждаго выстрѣла, цѣплялись за скалу, какъ будто боялись отъ одного сотрясенія упасть внизъ. Кажется, что наши выстрѣлы не задѣли ни одной обезьяны, но ужасъ, ими испытанный, вѣроятно, лишилъ ихъ обычной разсудительности. При новомъ изгибѣ долины, мы застали все стадо уже не на вершинѣ скалы; оно спустилось на дно лощины, съ очевиднымъ намѣреніемъ искать спасенія на противулежащихъ горахъ. Часть стада уже вскарабкалась на высоту, но большинство еще находилось въ долинѣ. Наши обѣ собаки (борзыя, которыя были пріучены отгонять гіенъ отъ нашихъ жилищъ и даже могли бороться съ волками) въ первую минуту были озадачены видомъ этой волнообразно движущейся толпы чудовищъ. Но скоро онѣ съ веселымъ лаемъ ринулись на стадо. Тогда мы увидали весьма рѣдкое зрѣлище: при приближеніи враговъ, старые самцы поспѣшно спустились со скалъ, окружили собакъ, громко зарычали, разѣвая свои пасти со страшными зубами, сердито колотили руками о землю и бросали на собакъ такіе злобные, бѣшеные взгляды, что наши отважныя и храбрыя животныя отступили съ ужасомъ и вернулись къ намъ искать защиты. Намъ, впрочемъ, удалось снова возбудить въ нихъ мужество и натравить на звѣрей. Но зрѣлище уже измѣнилось: довольные своей побѣдой, самцы послѣдовали за удаляющимися товарищами.

Когда собаки вновь бросились на гамадриловъ, ихъ оставалось въ долинѣ уже немного, въ томъ числѣ, приблизительно, полугодовалый дѣтенышъ. Увидавъ собакъ, онъ пронзительно закричалъ и бросился на обломокъ скалы, около котораго наши собаки сдѣлали стойку по всѣмъ правиламъ охоты. Мы уже надѣялись достать его живымъ. Но случилось иначе: величественно и гордо, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, одинъ изъ самыхъ сильныхъ самцовъ спустился прямо къ собакамъ, на которыхъ навелъ паническій страхъ своими блестящими пронзительными глазами; онъ подошелъ къ дѣтенышу, обласкалъ его, и, взявъ на руки, направился въ обратный путь мимо собакъ, которыя такъ были сконфужены, что позволили ему спокойно удалиться. Мужественный подвигъ родоначальника внушилъ намъ такое уваженіе, что никто изъ насъ не подумалъ воспротивиться его обратному шествію, хотя онъ проходилъ отъ насъ на разстояніи выстрѣла» *).

Слѣдующія наблюденія надъ воробьями я записалъ со словъ зоолога, профессора въ Томскомъ университетѣ Велакаго. На дачѣ, прикармли-

---

*) *Бремъ.* «Жизнь животныхъ». Т. I., стр. 191 (русскій переводъ).

вая ежедневно воробьевъ, профессоръ и семья его были свидѣтелями трогательной заботливости воробьевъ относительно одного изъ ихъ товарищей. У послѣдняго недоставало передней части клюва, такъ что воробей этотъ былъ лишенъ возможности клевать предлагаемую ему пищу. Всеобщее вниманіе обратило на себя обстоятельство, что сопутствующіе ему воробьи кормили его; то одинъ, то другой изъ нихъ, защемивъ клювомъ кусочекъ насыпанной для нихъ пищи, вкладывали его въ ротъ воробью, лишенному передней части клюва, такъ что послѣдній ежедневно получалъ отъ нихъ свою долю. Воробей этотъ былъ слѣдовательно, выращенъ заботливостью воробьиной семьи, къ которой принадлежалъ. Заботливость эта развѣ не есть альтруизмъ? Справедливо ли отказать ей въ этомъ признаніи только потому что она была проявлена не человѣкомъ, а воробьями? Вѣдь поступокъ, совершенный съ опредѣленною цѣлью, не убываетъ и не увеличивается въ цѣнности въ зависимости отъ лица, который его совершило и въ данномъ случаѣ въ моихъ глазахъ онъ ничѣмъ не отличается отъ альтруизма, проявляемаго человѣкомъ.

Много очень было писано о языкѣ животныхъ, или, вѣрнѣе, о способахъ общенія между ними, о передачѣ ими другъ другу своихъ ощущеній, о способахъ соглашенія ихъ при преслѣдованіи различныхъ цѣлей совокупными усиліями. При этомъ выяснилось, что по крайней мѣрѣ высшія животныя прибѣгаютъ частью къ мимикѣ, частью къ звукамъ, т. е. пользуются пріемами, употребляемыми человѣкомъ. Не смотря на наши скудныя свѣдѣнія о языкѣ животныхъ, не трудно констатировать у нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно большой и разнообразный репертуаръ способовъ выраженія своего настроенія, въ особенности у домашнихъ животныхъ, которыя стоятъ къ намъ ближе остальныхъ. Къ сожалѣнію, имѣется сравнительно очень мало серьезныхъ трудовъ по психологіи животныхъ. Анекдотическіе, не провѣренные точной критикой разсказы касательно ума животныхъ составляютъ, за исключеніемъ немногихъ серьезныхъ трудовъ, почти все содержаніе этой любопытной отрасли знанія. Это наука будущаго; болѣе точное ознакомленіе посредствомъ фонографа со звуковымъ способомъ разговора животныхъ, по моему убѣжденію въ высокой степени облегчитъ не только пониманіе языка животныхъ, но и общеніе съ ними; не невѣроятно также, что удается, научившись говорить съ нѣкоторыми животными, поднять ихъ умственный уровень. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, мы должны ограничиться лишь надеждой на будущее, а для осуществленія этого приняться за изученіе языка животныхъ съ помощью записи звуковъ фонографомъ.

Заручившись, касательно жизнедѣятельности организмовъ, данными, заимствованными изъ нашей собственной жизни, которая, какъ мы видѣли, представляетъ ничто иное, какъ дальнѣйшую степень совершенствованія жизни животныхъ, мы съ полнымъ правомъ можемъ умозаключать о

мотивахъ наблюдаемыхъ нами дѣйствій животныхъ по аналогіи, памятуя только, что психическія отправленія ихъ, сходныя съ нашими по природѣ, проще, даже и въ высшихъ представителяхъ животнаго царства. За исключеніемъ обезьянъ, животныя лишены приспособленныхъ къ осязанію формъ предметовъ конечностей наподобіе рукъ, т. е. одного изъ могущественнѣйшихъ пособій для ознакомленія съ предметами внѣшняго міра и обработки ихъ согласно потребностямъ организма; этимъ и объясняется громадное различіе въ жизни большинства животныхъ и человѣка.

Мнѣ представляются совершенно неосновательными крики негодованія, вызываемыя во многихъ ученыхъ каждой попыткой объяснить психическую жизнь животныхъ по сравненію съ нашей психикой; этотъ пріемъ они разсматриваютъ какъ недозволительный въ точныхъ наукахъ антропоморфизмъ; они утверждаютъ, что, руководствуясь этимъ пріемомъ, мы неизбѣжно будемъ вовлечены въ столь же нежеланный и ненадежный по своимъ выводамъ, антропоморфизмъ, какъ тотъ, который сказался столь ярко въ миѳологіи древнихъ, заселившихъ и небо, и землю, созданными ими по подобію человѣка, богами.

Возраженіе это, на мой взглядъ, совершенно неосновательно; никому и въ голову не приходитъ возставать противъ проведенія подобнаго же антропоморфическаго взгляда при изученіи формы, строенія и физіологическихъ отправленій животныхъ. Напротивъ того, всѣ признаютъ необычайное значеніе этого пріема разслѣдованія, подъ именемъ сравнительной анатоміи и физіологіи; всѣ данныя и выводы этихъ наукъ построены ни на чемъ иномъ, какъ на признаніи единства плана строенія и жизненныхъ отправленій всѣхъ организмовъ, со включеніемъ человѣка. Въ этомъ положеніи кроется и неоспоримое право искать аналогіи нетолько въ строеніи и отправленіяхъ, но и психическихъ функцій, находящихся въ тѣснѣйшей связи съ послѣдними, т. е. права употребленія въ сравнительной психологіи пріема, всѣми допускаемаго въ сравнительной анатоміи и физіологіи животныхъ. Пріемъ этотъ, именуемый субъективнымъ, несомнѣнно требуетъ крайней осторожности при его пользованіи; но это не есть исключительно для него необходимое условіе; оно неизбѣжно и во всѣхъ сравнительно анатомическихъ и сравнительно физіологическихъ розысканіяхъ.

Признавая подобный пріемъ правильнымъ, я считаю дозволеннымъ и поступки животныхъ, сходныя съ дѣяніями человѣческими, объяснять одинаковыми мотивами и разсматривать жизнь животныхъ, какъ взаимодѣйствіе процессовъ матеріальныхъ и психическихъ въ формѣ, сходной съ тою, которую мы знаемъ непосредственно изъ нашей жизни. Слѣдуя этому пріему, я пришелъ къ взгляду на жизнь животныхъ, отличному отъ того, котораго придерживаются въ настоящее время большинство естествоиспытателей; отличіе состоитъ въ томъ, что я удѣляю видное мѣсто какъ въ жизненныхъ отправленіяхъ каждаго недѣлимаго, такъ и въ эволюціи органическихъ формъ психическимъ процессамъ.

Между тѣмъ, слѣдуя ученію Дарвина, возстановленіе органическихъ формъ, путемъ постепенной эволюціи, объясняется какъ неизбѣжное слѣдствіе ряда случайностей. Дарвинъ, какъ извѣстно, принимаетъ, что въ каждомъ организмѣ безпрестанно возникаетъ безконечное число различныхъ, едва замѣтныхъ отклоненій въ строеніи, къ которымъ и сами организмы остаются вполнѣ безучастными; совершенно случайно нѣкоторыя формы, отъ проявившихся въ нихъ едва замѣтныхъ отклоненій, оказываются лучше остальныхъ приспособленными къ окружающимъ условіямъ, получаютъ чрезъ это преимущество передъ другими формами и вытѣсняютъ постепенно послѣднія. Совершенствованіе органическихъ формъ сводится, слѣдовательно, по Дарвину, къ наилучшей приспособляемости къ случайнымъ внѣшнимъ условіямъ и притомъ путемъ не цѣлесообразнымъ, а совершенно случайнымъ и безсознательнымъ. Безсознательно владычествующій подборъ рѣшаетъ судьбу организмовъ, пребывающихъ въ ожесточенной и нескончаемой борьбѣ между собою, но вэдущихъ даже и эту борьбу, за сравнительно рѣдкими исключеніями, безъ активнаго въ ней участія. Только въ немногихъ случаяхъ и Дарвинъ признаетъ послѣднее, хотя и здѣсь о психикѣ вовсе не упоминаетъ: сюда относятся: 1) случаи исчезанія или гипертрофіи органовъ въ непосредственной зависимости отъ недостатка въ ихъ упражненіи или усиленной дѣятельности, и 2) половой подборъ.

Принимая во внимаміе вышесказанное, трудно отрицать участіе психики у животныхъ, какъ въ построеніи ихъ тѣла, такъ и въ совершествованіи функцій органовъ; нельзя не признать и участія психическихъ процессовъ въ эволюціи организмовъ, помимо механическихъ, физическихъ и химическихъ факторовъ, которыми одними полагали возможнымъ ограничиваться въ данномъ случаѣ.

Руководствуясь этими соображеніями, мы въ правѣ принять, что и у животныхъ, какъ и у человѣка, происходитъ, подъ вліяніемъ упражненія, механизація опредѣленныхъ функцій, постепенно устраняемыхъ изъ подъ вѣдѣнія сознанія; участіе послѣдняго въ этихъ отправленіяхъ сводится до минимума, такъ что и у животныхъ, вслѣдствіе механизаціи извѣстныхъ функцій, психическая дѣятельность устремляется на дальнѣйшія цѣли, обусловленныя только что пріобрѣтенными совершенствованіями организма. Мнѣ кажется, что, согласно съ Вундтомъ, слѣдуетъ признать, что всѣ такъ называемые рефлексы суть ничто иное, какъ бывшіе въ прежнее время сознательные акты, постепенно механизированные. Уровень развитія организма съ точностью опредѣляется строеніемъ его тѣла съ одной стороны и уровнемъ сознательныхъ актовъ—съ другой. Чѣмъ выше развитъ организмъ, тѣмъ мощнѣе и выше, по характеру дѣйствія, подлежащія вѣдѣнію его сознанія, тѣмъ богаче и разнообразнѣе число механизированныхъ процессовъ.

Примѣчаніе. Механизированные акты не слѣдуетъ смѣшивать съ психическими процессами, намъ присущими, хотя и не достигающими нашего сознанія, о которыхъ упоминалось въ предыдущей главѣ.

Изученіе различія психики у различныхъ животныхъ и ея эволюція въ животномъ царствѣ — вопросы, ожидающіе спеціальной научной обработки и разъясненія. Это ближайшія задачи *психологіи животныхъ*, науки, находящейся еще въ зачаточномъ состояніи, но обѣщающей весьма многое въ будущемъ.

Обозрѣвая имѣющійся въ нашемъ распоряженіи фактическій матеріалъ, мы убѣждаемся, что есть два пути для распознаванія психики животныхъ: первый и главный состоитъ въ собираніи, при соблюденіи строго научной постановки опыта или наблюденія, данныхъ касательно жизни животныхъ; второй заключается въ изученіи организаціи животныхъ. Всякому извѣстно, какое громадное значеніе, при опредѣленіи животнаго, имѣютъ число и форма зубовъ, челюстей и конечностей, по которымъ удается даже, имѣя для разслѣдованія лишь часть ископаемаго животнаго, опредѣлить сухопутное оно было или водное, травоядное, хищное, и этимъ самымъ до извѣстной степени судить и о связанной съ соотвѣтствующею жизнью животнаго психикѣ. Чѣмъ детальнѣе будетъ произведено разслѣдованіе строенія животнаго, тѣмъ обстоятельнѣе будутъ и добытые этимъ путемъ заключенія о характерѣ психики.

Необходимо, безъ предвзятой идеи, вновь пересмотрѣть имѣющійся фактическій матеріалъ и касательно психики животныхъ и обсудить его съ вышеописанной новой точки зрѣнія.

Твердой точкой опоры для изученія психики въ животномъ царствѣ, исходя изъ явленій нашей психики, служатъ два неоспоримыя положенія: 1) человѣкъ, какъ и остальныя высшія животныя, произошелъ изъ простѣйшихъ, путемъ постепеннаго осложненія ихъ организацій и отъ сродныхъ съ нимъ высшихъ позвоночныхъ не отличается существенно по своей организаціи; сходство человѣка съ позвоночными сказывается особенно рельефно, какъ мною будетъ выяснено, въ зародышевомъ періодѣ его жизни, и притомъ даже и тогда, когда голова и конечности его уже заложены; кромѣ того, въ существенномъ, онъ обнаруживаетъ большое сходство и во вполнѣ развитомъ состояніи; 2) психика же, какъ свидѣтельствуютъ безчисленныя наблюденія и опыты, находится всегда въ тѣснѣйшей связи со строеніемъ организма и въ особенности нервной системы и органовъ чувствъ.

Слѣдующія фактическія данныя положены въ основу теоріи эволюціи, т. е. происхожденія организмовъ путемъ постепеннаго преобразованія изъ простѣйшихъ:

1) сходство *химическаго состава*, какъ по отношенію элементовъ, такъ и преобладающихъ въ организмѣ органическихъ соединеній;

2) сходство *строенія* элементарныхъ организмовъ, какъ по одиночкѣ живущихъ (одноклѣтныхъ простѣйшихъ), такъ и соединенныхъ въ болѣе или менѣе сложные конгломераты (въ многоклѣтныхъ организмахъ);

3) сходство *основныхъ функцій жизни*: питанія, дыханія и размноженія;

4) сходство въ *эмбріологическомъ развитіи*, тѣмъ болѣе сходнымъ въ деталяхъ, чѣмъ ближе организмы по строенію.

5) сходство въ *періодичности жизни* отдѣльнаго недѣлимаго и послѣдовательныхъ фазъ развитія: *первой*—характеризующейся постепеннымъ возрастаніемъ жизненной энергіи, *второй*—зрѣлости, сопровождаемой полнымъ разцвѣтомъ силъ; *третьей*—сопровождаемой постепенно прогрессирующимъ упадкомъ силъ и заканчивающейся смертью недѣлимаго;

6) сходство по *строенію и формѣ* тѣла ихъ, такъ называемаго жизненнаго субстрата, характерныхъ и свойственныхъ исключительно организмамъ; строеніе живыхъ организмовъ и обозначаютъ особеннымъ названіемъ: *организованнаго* строенія;

7) *палеонтологическія* данныя, доказывающія послѣдовательное появленіе на землѣ формъ животныхъ и растеній, соотвѣтственно отношенію организаціи; наисложнѣйшія формы найдены лишь въ верхнихъ пластахъ земной коры;

8) *отношеніе географическихъ данныхъ* о распредѣленіи животныхъ и растеній, въ связи теоріи постепеннаго развитія;

9) *пластичность организмовъ*, т. е. измѣняемость ихъ подъ вліяніемъ какъ внѣшнихъ причинъ, такъ и внутреннихъ, подразумѣвая подъ послѣдними измѣненіями, вызываемыя, напр., въ строеніи органа усиленнымъ его упражненіемъ въ извѣстномъ направленіи, и наоборотъ, болѣе или менѣе полная атрофія, вслѣдствіе отсутствія упражненія, по ненадобности органа для организма въ новыхъ условіяхъ жизни; напр., атрофія глазъ у животныхъ темныхъ и глубокихъ пещеръ; атрофія, доходящая нерѣдко до неузноваемости, паразитирующихъ животныхъ. Отличными примѣрами пластичности служатъ измѣненія, вызываемыя въ прирученныхъ животныхъ и въ воздѣлываемыхъ растеніяхъ, на которые впервые обратилъ, съ этой стороны, вниманіе Дарвинъ. Онъ же показалъ, какимъ сильнымъ стимуломъ можетъ быть борьба за существованіе;

10) *громадное преимущество* теоріи эволюціи для объясненія всѣхъ біологическихъ данныхъ, сравнительно съ прежней теоріей постоянства видовъ, или такъ называемой теоріей спеціальнаго творенія.

Всѣ эти данныя вмѣстѣ взятыя дѣлаютъ теорію эволюціи организмовъ въ глазахъ большинства натуралистовъ несомнѣнной; я же предпочитаю, какъ мною уже замѣчено было въ предыдущей главѣ, быть осторожнѣе, выражаясь, что данныя эти сдѣлали теорію эволюціи въ высшей степени вѣроятной; эта оговорка мнѣ представляется тѣмъ болѣе желательною, что имѣется возможность и надежда сдѣлать со временемъ теорію эволюціи неопровержимой. (См. выше).

Изъ перечня естественно-историческихъ данныхъ, на которыхъ опи-

рается ученіе объ эволюціи организмовъ, видно, что, для обстоятельнаго выясненія основъ этого ученія, мнѣ пришлось бы излагать главнѣйшіе результаты всѣхъ біологическихъ наукъ—дѣло невыполнимое.

Поэтому, отсылая читателя къ общеизвѣстнымъ учебникамъ по этимъ наукамъ, я ограничусь въ своей статьѣ изложеніемъ:

1) наиболѣе бьющихъ въ глаза данныхъ сравнительной эмбріологіи, преимущественно нервной системы и органовъ чувствъ, достаточно ясно выясняющихъ кровное родство человѣка съ міромъ животныхъ, въ особенности съ классомъ позвоночныхъ;

2) изслѣдованій надъ локализацiей сознательной дѣятельности психики человѣка и животныхъ, и

3) результатовъ касательно психики простѣйшихъ существъ.

1) *Эмбріологическія данныя.*

Эмбріологическія изслѣдованія показываютъ, что каждый организмъ въ началѣ своего развитія имѣетъ форму шаровиднаго пузырька микроскопическихъ размѣровъ, опредѣленнаго строенія. При *половомъ* способѣ размноженія, единственномъ въ типѣ позвоночныхъ, этотъ пузырекъ происходитъ изъ сліянія содержимаго двухъ клѣтокъ: оплодотворяемой, доставляемой женскимъ недѣлимымъ (яйца), и оплодотворяющей (живчика, сѣмянного тѣла), выработанной мужскимъ недѣлимымъ. Происшедшій изъ сліянія ихъ пузырекъ или клѣтка (названіе хотя и употребительное, но въ настоящее время совершенно непригодное) начинаетъ дѣлиться и дробиться перегородками по различнымъ направленіямъ, образуя чрезъ нѣкоторое время конгломератъ клѣтокъ въ началѣ совершенно сходныхъ между собою.

Типовъ дробленія яйцевой оплодотворенной клѣтки, какъ извѣстно, нѣсколько. Я отмѣчу только два изъ нихъ: яйцо или цѣликомъ идетъ на построеніе тканей зародыша, или только болѣе или менѣе незначительная часть его превращается въ зародышъ, между тѣмъ какъ остальное содержимое яйца потребляется въ пищу зародышемъ, при его развитіи, представляя изъ себя такъ называемый питательный бѣлокъ. Я ограничусь лишь описаніемъ развитія зародыша позвоночныхъ, куда принадлежитъ и человѣкъ. Наиболѣе удобный объектъ для изученія возникновенія зародыша позвоночнаго, которое въ этотъ періодъ времени завершаетъ построеніе, хотя и въ маломъ видѣ, всѣхъ главнѣйшихъ органовъ, представляетъ куриное яйцо. Для развитія замѣченнаго въ немъ зародыша требуется лишь помѣстить яйцо въ достаточно теплое мѣсто; слѣдовательно, возможно, по произволу, вызывать или задерживать развитіе зародыша. Поэтому я прежде всего остановлюсь на его описаніи. Въ куриномъ зрѣломъ яйцѣ (Т. I, рис. 1) зачатокъ зародыша, *зародышевое пятно* (bl), помѣщается на поверхности желтка, имѣющаго какъ видно, сложное строеніе. Во время кладки яйца, зародышъ цыпленка является уже многоклѣтнымъ и представляетъ продолговатую пластинку, въ которой удается отличить *два* пласта клѣ-

токъ, различныхъ между собой: наружный, состоящій изъ 2 слоевъ и рѣзко оконтурованный (эктодермъ), обращенный къ поверхности яйца и внутренній (энтодермъ), построенный изъ разъединенныхъ клѣтокъ.

Для наблюденія первой, одноклѣтной стадіи развитія цыпленка необходимо добыть яйцо изъ яичника курицы, когда на немъ нѣтъ не только скорлупы, но и наружнаго бѣлка. Въ согрѣтомъ насѣдкой яйцѣ зародышъ развивается далѣе; въ промежуткѣ между образованными пластами клѣтокъ появляется третій пластъ (мезодермъ). Эти три пласта клѣтокъ называются *зародышевыми пластами*; образованіе ихъ предшествуетъ образованію тканей и органовъ. Особенно замѣчательно, что изъ каждаго изъ этихъ 3-хъ зародышевыхъ пластовъ образуются со временемъ опредѣленныя ткани. По Гертвигу *): «частности дифференцированія зародышевыхъ пластовъ при образованіи тканей и органовъ различны у различныхъ типовъ животныхъ, но, во всякомъ случаѣ, здѣсь могутъ быть установлены слѣдующія общія положенія. Изъ *эктобласта* (эктодермы) образуется эпидермисъ (кожа) съ его железами и придатками, нервная система и чувствительный эпителій; изъ *энтобласта* (энтодермы)—важнѣйшія части пищеварительнаго канала съ его железами; изъ *мезобласта* (мезодермы) наконецъ—мускулы, соединительная ткань и выдѣлительные органы; мезобластъ также бóльшею частью даетъ начало и органамъ размноженія.

Не вдаваясь въ описаніе сложныхъ процессовъ заложенія и образованія органовъ въ зародышѣ цыпленка, я ограничусь лишь слѣдующими краткими замѣчаніями. На Т. I, рис. 2 изображенъ зародышъ цыпленка съ брюшной стороны на 4-й день высиживанія. Ясно отличима голова съ глазомъ (Les). Зачатокъ головы съ головнымъ мозгомъ дѣлается замѣтнымъ уже на второй день высиживанія яйца въ видѣ конусовидной выпуклости на одномъ изъ концовъ зародыша; еще яснѣе выступаетъ онъ и уже съ зачаткомъ глазъ въ видѣ глазныхъ пузырей между вторымъ и третьимъ днемъ развитія яйца. На четвертый день высиживанія является замѣтнымъ и сердце (Т. I, рис. 2, *Hz*), съ верхнимъ участкомъ пищевода, между тѣмъ желудокъ (*Mg*) и кишки (*D*) находятся еще въ видѣ раскрытаго желобка, тянущагося вдоль срединной линіи брюшной стороны зародыша. Всѣ эти зачинающіеся и образующіеся органы непосредственно видны съ брюшной стороны зародыша, вслѣдствіе того, что, за исключеніемъ головы и небольшого ближайшаго къ ней участка, зародышъ имѣетъ еще форму разомкнутой пластины. Развитіе головы въ это время подвигается быстро впередъ: она уже выдѣляется въ видѣ ясно отграниченнаго отъ остального зародыша участка, составленнаго изъ трехъ пластинъ, конечной, загнутой внизъ къ такъ называемому желтку, и образующей зачатокъ будущей теменной и лобной части головы, двухъ боковыхъ—будущихъ челюстей и ограниченной ими полости.

---

*) *Гертвигъ.* «Учебникъ зоологіи», стр. 134.

Сходство въ развитіи зародыша цыпленка съ млекопитающими и человѣкомъ обнаруживается въ одинаковой высокой степени и на болѣе позднихъ стадіяхъ развитія. Нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить прилагаемые рисунки зародышей человѣка (Т. I, рис. 3), свиньи (Т. I, рис. 4), косули (Т. I, рис. 5), кролика (Т. I, рис. 6), морской свинки (Т. I, рис. 7) и цыпленка (Т. I, рис. 8), заимствованные изъ сочиненія Гиса. Сравненіе облегчено тѣмъ, что всѣ они изображены увеличенными въ восемь разъ. Общій обликъ зародышей—голова съ глазомъ, зачатки конечностей и просвѣчивающіе позвонки хребетнаго столба весьма рельефно выступаютъ на этихъ рисункахъ.

Въ заключеніе остановлюсь лишь подробнѣе на указаніи параллели развитія, тоже и строенія нервной системы и внѣшнихъ органовъ чувствъ у животныхъ и человѣка, параллели, особенно интересной для насъ въ настоящемъ случаѣ, какъ указаніе степени сродства и психики человѣка съ психикой животныхъ, въ виду неоднократно мною уже приводимаго положенія о тѣснѣйшей связи характера и степени развитія психики съ матеріальнымъ субстратомъ, служащимъ для ея проявленія.

Развитіе центральной нервной системы. Видимыя измѣненія зародыша цыпленка, кромѣ сильнаго разростанія, зачинаются тѣмъ, что на верхней, наружной поверхности зародыша, вдоль его длинной оси, появляется прямая бороздка; по обѣимъ сторонамъ ея поднимаются одновременно два валика; возникшій чрезъ выростаніе ихъ вверхъ, желобокъ дѣлается все глубже и глубже. При дальнѣйшемъ разростаніи валики сближаются свободными краями и, наконецъ, сростаются ими, вслѣдствіе чего желобокъ превращается въ замкнутую отовсюду цилиндрическую полость. На поперечныхъ разрѣзахъ зародыша не трудно убѣдиться, что эта замкнутая трубка образована разростаніемъ клѣтокъ наружнаго зародышеваго пласта (эктодермы). Трубка эта, называемая *медуллярною трубкою*, въ началѣ однородная, въ полости ея, изъ первичныхъ клѣтокъ зародыша образуется спинной мозгъ. Для всѣхъ позвоночныхъ характерно, что вдоль оси этой мозговой массы остается промежуточное пространство въ видѣ цилиндрической полости, *центральный каналъ*, тянущійся по длинѣ всей медуллярной трубки.

Ближайшая стадія развитія мозга описывается Вундтомъ слѣдующимъ образомъ: «Первый зачатокъ *головного* мозга сказывается тѣмъ, что передній конецъ медуллярной трубки начинаетъ разростаться сильнѣе прежняго и превращается въ шаровидный, внутри полый выростокъ—въ *первичный мозговой пузырекъ*, вскорѣ распадающійся на три участка: *передній* (Т. I, рис. 10, *Vh*), *средній* (Т. I, рис. 10, *Mh*) и *задній* (Т. I, рис. 10, *Hh*, *Nh*)». По Вундту каждый изъ этихъ трехъ участковъ находится въ тѣсной связи съ развитіемъ трехъ переднихъ органовъ чувствъ: нервы органа обонянія берутъ начало изъ передняго пузырька; нервы органа слуха изъ боковыхъ частей третьяго (задняго) пузырька;

изъ средняго отходятъ нервы къ глазу. Эти три участка подвергаются слѣдующимъ измѣненіямъ: «передній и третій участки распадаются каждый на два пузырька: главный и придаточный (Т. I, рис. 9, *UH* и *ZH*; *HH* и *NH*)».

Получается, такимъ образомъ, пять слѣдующихъ участковъ мозга, которые даютъ начало опредѣленнымъ частямъ головного мозга, какъ видно изъ прилагаемаго схематическаго рисунка (Т. I, рис. 8). На немъ *VH* обозначаетъ передній мозгъ (большія полушарія мозга); *ZH*—промежуточный мозъ (*thalami optici*); *MH*—средній мозгъ (*corpora quadrigemina*); *HH*—задній или малый мозгъ (*cerebellum*); *NH*—концевой или продолговатый мозгъ (*medulla oblongata*); виденъ и спинной мозгъ (*R*) съ центральнымъ каналомъ.

Передній мозгъ *(VH)* является придаточнымъ пузырькомъ передняго участка, а малый мозгъ придаточнымъ пузырькомъ задняго участка, такъ какъ они развиваются въ видѣ выростковъ, передній мозгъ (*NH*) изъ передняго участка, а малый мозгъ (*HN*) изъ задняго участка; по этой же причинѣ промежуточный мозгъ (*ZH)*, средній мозгъ *(MH)* и продолговатый *(NH)*, взятые въ совокупности, обозначаются названіемъ *мозгового ствола* (Hirnstamm). Передній мозгъ на очень ранней стадіи расщепляется продольною щелью на двѣ симметричныя половины—*полушарія большого мозга*, остающіяся соединенными лишь въ основной части.

Рисунки (Т. I, рис. 10, А и В, рис. 16), изображающіе головной мозгъ цыпленка на различныхъ стадіяхъ развитія и рис. (17 А и В), представляющій вполнѣ развитый головной мозгъ курицы (А—сверху, В—снизу) хорошо иллюстрируютъ сказанное. На рисункахъ 17 А и В: *a* обозначаетъ обонятельныя доли, *b*—большой мозгъ, *c*—двухолміе, *d*—малый мозгъ, *d'*—зачаточныя его боковыя части, *2*—*Nervus opticus*.

Рисунки (Т. I, рис. 12, 13, 14, 15) относятся къ развитію головного мозга человѣка, отличающагося преобладающимъ развитіемъ большихъ полушарій.

На рис. 15 изображенъ съ боку головной мозгъ *семинедѣльнаго* зародыша человѣка; здѣсь отчетливо различимы всѣ пять участковъ головного мозга; воспроизведенныя нѣмецкія названія его частей дѣлаютъ излишнимъ дальнѣйшее разъясненіе послѣднихъ. Рисунки 12-й и 13 й сняты съ мозга *десятинедѣльнаго* зародыша человѣка. Рис. 12-й снятъ сзади, рис. 13-й—съ боку. *H* обозначаетъ передній мозгъ, *Mh*—средній мозгъ, *Hh*—малый мозгъ, *Nh*—продолговатый мозгъ. Рис. 14-й представляетъ мозгъ *семимѣсячнаго* зародыша человѣка съ боку; видны почти исключительно одни полушарія; только отчасти выступаетъ изъ-подъ нихъ малый мозгъ (с). Въ мозгу вполнѣ развитомъ видны, если разсматривать его сверху, исключительно только большія полушарія мозга; какъ видно на рис. 11-мъ, снятомъ съ мозга взрослаго павіана, весьма сходнаго съ человѣческимъ.

Рѣзкій контрастъ, по относительному развитію участковъ, представляетъ мозгъ лягушки. Рисунки *18*, *A* и *B* изображаютъ головной и спинной мозгъ лягушки, *A*—сверху, *B*—снизу; участки мозга обозначены слѣдующими буквами: *a*—обонятельныя доли, *b*—большой мозгъ, *c*—двухходміе; между *b* и *c* виднѣется, на рис. *A*, часть промежуточнаго мозга; *d*—малый мозгъ, *m*—спинной мозгъ.

За исключеніемъ различія въ относительномъ развитіи означенныхъ частей мозга,—сходство мозга позвоночныхъ съ человѣческимъ, какъ видно изъ предыдущаго, весьма большое.

Подобное же сходство проявляется и въ остальныхъ частяхъ центральной нервной системы, а также и въ симпатической. Предоставляя читателю, интересующемуся этимъ предметомъ, ознакомиться съ спеціальными сочиненіями по эмбріологіи и сравнительной анатоміи животныхъ, я лишь замѣчу, что и во всѣхъ остальныхъ органахъ, читатель найдетъ въ этихъ сочиненіяхъ интереснѣйшія фактическія данныя касательно неоспоримаго сродства человѣка съ позвоночными, которыя болѣе остальныхъ живыхъ существъ на него походятъ; они же, въ свою очередь, являются звеньями, неразрывно связующими человѣка и съ безпозвоночными, не исключая и простѣйшихъ.

Органы чувствъ. Мнѣ осталось сказать нѣсколько словъ о внѣшнихъ органахъ чувствъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у животныхъ нетолько позвоночныхъ, но и у безпозвоночныхъ тѣ же органы чувствъ, какъ и у человѣка. Различіе лишь въ относительномъ ихъ развитіи; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чувства животныхъ развиты больше, чѣмъ у человѣка, напр., органъ зрѣнія у птицъ, обоняніе у собакъ, но въ общемъ мы видимъ проходящую по всему животному царству эволюцію органовъ чувствъ, заложенныхъ у простѣйшихъ. У всѣхъ животныхъ и у человѣка, какъ нервная система, такъ и внѣшніе органы чувствъ, происходятъ изъ наружнаго зародышеваго пласта, эктобласта, который у низшихъ формъ Metazoa (многоклѣтныхъ) служитъ посредникомъ общенія животнаго со внѣшнимъ міромъ; воспринимая впечатлѣнія извнѣ, онъ реагируетъ на нихъ; у простѣйшихъ однородный на всемъ протяженіи, эктодермъ не обнаруживаетъ еще вовсе спеціализаціи въ строеніи; изъ внѣшнихъ чувствъ, повидимому, развито лишь осязаніе. У животныхъ, нѣсколько болѣе сложныхъ, напр. у гидромедузъ уже имѣется мѣстами дифференціація въ эктодермѣ; появляются зачаточные глаза, построенные изъ пигмента и прозрачнаго чечевицеобразнаго тѣла, зачаточные органы слуха, въ видѣ микроскопическаго размѣра выростковъ, состоящихъ изъ одноклѣтнаго тѣла съ отолитомъ внутри, и чувствительными волосками при основаніи. Изъ этихъ простѣйшихъ органовъ чувствъ, цѣлымъ сложнымъ рядомъ дальнѣйшей спеціализаціи получились и человѣческій глазъ, и ухо, развивающіеся тоже изъ эктодермы. Всѣ части глаза, за исключеніемъ сѣтчатой оболочки, суть продукты превращенія кожи и отчасти приле-

гающей соединительной ткани, т. е. бывшей эктодормы; хотя сѣтчатая, изъ нервныхъ элементовъ составленная оболочка и есть продуктъ разростанія участка передней стороны мозга, лежащей глубоко внутри головы, но въ виду того, что головной мозгъ образовался, какъ мы видѣли, изъ эктодермы, и весь глазъ долженъ быть разсматриваемъ какъ происшедшій изъ этого слоя зародыша. Изъ эктодермы же слагается также слуховой аппаратъ и остальные органы внѣшнихъ чувствъ: осязанія, обонянія и вкуса. Слѣдовательно, всѣ эти органы, вмѣстѣ взятые, суть ничто иное, какъ спеціальныя приспособленія эктодермы животныхъ къ возможно точному воспріятію впечатлѣній внѣшняго міра. Съ полнымъ правомъ поэтому можно разсматривать наши внѣшнія чувства, какъ продукты дифференцированія чувствъ осязанія, которое Спенсеръ и считаетъ за чувство основновное, являющееся какъ бы родоначальникомъ всѣхъ остальныхъ.

Сравнительно-эмбріологическія изслѣдованія, какъ мы видѣли, обнаруживаютъ, что:

1) Въ зародышевый періодъ жизни человѣка и животныхъ происходятъ и почти заканчиваются главнѣйшіе образовательные процессы; происходитъ, какъ мы видѣли, не только заложеніе всѣхъ органовъ, но и ихъ почти окончательное развитіе; продолжающееся же развитіе въ послѣзародышевый періодъ жизни сводится, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ, почти исключительно на увеличеніе размѣровъ молодого организма. Наиболѣе интересная часть развитія недѣлимаго, его *онтогенезиса*, совпадаетъ, слѣдовательно, съ зародышевымъ періодомъ.

2) Второй крупный результатъ сравнительно-эмбріологическихъ разысканій, особенно сильно говорящій въ пользу ученія объ эволюціи или такъ называемаго *филогенезиса*, заключается въ общепринятомъ біологами положеніи, что постепенный ходъ развитія организма, или, правильнѣе, зародыша—*онтогенезисъ* представляетъ въ общихъ очертаніяхъ какъ бы повтореніе, въ сокращенной формѣ, особенностей *филогенетическаго* развитія изслѣдуемаго организма. Прекраснымъ подтвержденіемъ этого служитъ наблюденіе въ зародышевомъ періодѣ въ болѣе или менѣе зачаточномъ состояніи органовъ, соотвѣтствующихъ органамъ болѣе простыхъ организмовъ того ряда, къ которому принадлежитъ изучаемый организмъ. Не имѣя значенія для наблюдаемой высшей формы и представляя, слѣдовательно, лишь полученное наслѣдіе отъ одной изъ предшествовавшихъ стадій филогенезиса, органы эти подвергаются вскорѣ болѣе или менѣе полной атрофіи. Къ таковымъ относятся, напр., жаберныя щели въ зародышѣ человѣка.

Подводя итоги всему сказанному относительно строенія и развитія позвоночныхъ и человѣка, мы можемъ съ полнымъ правомъ заключить, что наше тѣло есть высшій продуктъ эволюціи животнаго царства, и что соотвѣтственно этому и наша психика произошла, путемъ эволюціи, изъ психики животныхъ.

Локализація сознательной дѣятельности психики человѣка и животныхъ. Весьма любопытныя данныя по этому предмету сведены пр. Бехтеревымъ въ рѣчи, произнесенной имъ на общемъ собраніи VI съѣзда русскихъ врачей 1896 г. въ память Н. И. Пирогова: «о локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка». «Переходя къ человѣку,—пишетъ пр. Бехтеревъ,—слѣдуетъ прежде всего замѣтить. что вопросъ о локализаціи сознанія, т. е. о мѣстѣ, въ нашей нервной системѣ, сознательныхъ процессовъ, до сихъ поръ еще не представляется окончательно рѣшеннымъ. Хотя никто не сомнѣвается въ томъ, что сознательные процессы, по преимуществу, совершаются въ мозговыхъ полушаріяхъ, какъ высшемъ органѣ нервной системы, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ раздаются голоса въ пользу того, что органомъ сознанія у человѣка являются не исключительно одни только мозговыя полушарія съ ихъ узлами, называемыми полосатымъ тѣломъ (corpus striatum). Болѣе низшія формы сознанія, будто бы, могутъ вырабатываться также и въ ядрахъ мозговаго ствола и даже въ спинномъ мозгу» *). «...доводы въ пользу дѣйствительнаго существованія хотя бы элементарныхъ формъ сознанія въ спинномъ мозгу и въ ядрахъ мозгового ствола человѣка болѣе чѣмъ сомнительны» **).

Въ подтвержденіе этого, пр. Бехтеревъ приводитъ (стр. 35) слѣдующее: 1) явленія, наблюдаемыя надъ человѣкомъ отъ временнаго сжатія сонныхъ артерій придавливаніемъ ихъ къ поперечнымъ отросткамъ шейныхъ позвонковъ, обнаруживаютъ, у подвергаемаго опыту человѣка, вскорѣ полную потерю сознанія, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока не прекратится сдавливаніе артерій. «Въ силу извѣстныхъ анатомическихъ отношеній, — пишетъ пр. Бехтеревъ,—нельзя сомнѣваться въ томъ, что сдавливаніе однѣхъ сонныхъ артерій у человѣка отражается на кровообращеніи однихъ лишь мозговыхъ полушарій съ ихъ узлами, вызывая въ тѣхъ и другихъ острую анемію мозга». «Отсюда очевидно (стр. 35), что *опыты съ прижатіемъ сонныхъ артерій служатъ первымъ доказательствомъ въ пользу того, что у человѣка мѣстомъ сознательныхъ процессовъ являются исключительно мозговыя полушарія съ ихъ узлама (corpus striatum). Если бы было иначе, то очевидно, что и при сдавливаніи сонныхъ артерій у человѣкъ сохранялось бы неясное безличное сознаніе*».

«Не менѣе убѣдительныя данныя въ томъ же направленіи мы можемъ почерпнуть и изъ нервной патологіи» (стр. 36).

Къ подобному выводу и привели касательно млекопитающихъ произведенные надъ ними опыты: *всѣ движенія, производимыя млекопитающими, лишенными мозговыхъ полушарій, оказались движеніями рефлекторными, повторяющимися съ машинообразнымъ постоянствомъ, при*

---

*) *Бехтеревъ.* Тамъ же, стр. 34.

**) Тамъ же, стр. 34.

соотвѣтствующихъ внѣшнихъ раздраженіяхъ» (стр. 33). «Мы не встрѣчаемъ у оперированныхъ такимъ образомъ млекопитающихъ ни малѣйшихъ признаковъ сознательнаго или личнаго выбора въ движеніяхъ, которые могли бы свидѣтельствовать, что животное безъ мозговыхъ полушарій могло реагировать на внѣшній міръ движеніями изъ внутреннихъ побужденій» (стр. 33).

У птицъ уже обнаруживается иное. По опытамъ, изъ которыхъ многіе произведены были пр. Бехтеревымъ: «птицы съ удаленными полушаріями, какъ было замѣчено многими авторами, напоминаютъ собою сонныхъ птицъ. Будучи предоставлены самимъ себѣ, онѣ обыкновенно неподвижно стоятъ на одномъ мѣстѣ и, прижавъ голову къ туловищу и закрывъ глаза, слегка нахохливаютъ свои перья, какъ это дѣлаютъ всѣ вообще сонныя птицы. Какъ извѣстно, оперированныя подобнымъ образомъ птицы не могутъ снискивать себѣ пищи и, будучи окружены водою и съѣстными припасами, умираютъ съ голоду. Если же имъ вливать питье въ ротъ и вкладывать кусочки пищи вглубь зѣва, то онѣ отлично проглатываютъ, и при такомъ кормленіи могутъ жить довольно долго, такъ какъ всѣ растительныя функціи у нихъ выполняются правильно.

«Нельзя думать, однако, что оперированныя птицы не ощущаютъ. Правда, зрѣніе и слухъ у нихъ проявляются лишь въ крайне слабой степени, а по нѣкоторымъ авторамъ и вовсе отсутствуютъ; но относительно осязательныхъ и мышечныхъ ощущеній, подобныя птицы мало чѣмъ отличаются отъ нормальныхъ. Онѣ встряхиваютъ крыльями, если ихъ перья смочить водою; онѣ расправляютъ свои перья и очищаютъ ихъ клювомъ, словомъ, держатъ себя въ этомъ отношеніи вполнѣ, какъ здоровыя птицы. Если неожиданно задѣть слегка подобную птицу въ то время, какъ она находится въ совершенно спокойномъ положеніи, уподобляясь сонной птицѣ, она тотчасъ же опускаетъ перья, раскрываетъ глаза, приподнимаетъ голову и озирается по сторонамъ, какъ это дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ здоровыя птицы. Если оперируемую птицу ущипнуть за лапку или уколоть, она быстро отпрыгиваетъ или производитъ нѣсколько взмаховъ крыльями».

«Что касается мышечныхъ ощущеній, то уже изъ правильности всѣхъ вообще движеній, обнаруживаемыхъ оперированными птицами, слѣдуетъ заключить, что послѣднія хорошо воспринимаютъ эти ощущенія. Будучи брошена на воздухъ, оперированная птица летитъ такъ же, какъ и здоровая, съ тѣмъ лишь различіемъ, что, не имѣя цѣли и потребности летать, она обыкновенно тотчасъ же опускается по наклонной плоскости, пока не достигнетъ почвы.

«Точно также оперированныя птицы, будучи посажены на тонкій шестикъ или на палецъ, отлично сохраняютъ равновѣсіе тѣла, и при всякихъ поворотахъ шестика или пальца быстро и ловко исправляютъ соотвѣтственнымъ образомъ положеніе своего тѣла, какъ путемъ пе-

ремѣщенія лапокъ, такъ и взмахами крыльевъ. Очевидно, слѣдовательно, что мышечныя ощущенія воспринимаются оперированными птицами такъ же хорошо, какъ и кожныя. Надо замѣтить также, что оперированныя птицы не остаются вполнѣ пассивными. Уже прежними авторами было указано, что птицы съ удаленными полушаріями по временамъ выходятъ изъ своего неподвижнаго положенія и начинаютъ ходить; онѣ даже иногда клюютъ полъ и окружающіе ихъ предметы, подобно тому, какъ здоровыя птицы клюютъ встрѣчающіяся на пути зерна.

«Всѣ эти факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что *птицы съ удаленными полушаріями могутъ до нѣкоторой степени руководиться въ своихъ движеніяхъ осязательными и мышечными ощущеніями, и, слѣдовательно, у такихъ птицъ мы должны предполагать возможность сознательнаго воспріятія конечныхъ и мышечныхъ ощущеній.* Но спрашивается, могутъ ли птицы съ удаленными полушаріями видѣть и слышать? Въ этомъ отношеніи еще не имѣется такихъ фактовъ, которые бы рѣшили этотъ вопросъ съ положительностью» (стр. 26—29).

«Итакъ, очевидно, что *элементарныя формы сознанія въ видѣ ощущеній у птицъ могутъ выработываться уже въ подкорковыхъ чувствующихъ центрахъ, слѣдовательно, въ центрахъ, лежащихъ на основаніи мозга, тогда какъ мозговымъ полушаріямъ принадлежатъ у нихъ какъ болѣе отчетливое воспріятіе ощущеній, такъ и вся болѣе сложная сознательная работа, выработка сложныхъ представленіи и т. п.* (стр. 31).

«*Пресмыкающіяся и земноводныя, вслѣдъ за удаленіемъ мозговыхъ полушарій не только руководятся при своихъ движеніяхъ осязательными и мышечными ощущеніями, но и несомнѣнно также руководятся и зрительными ощущеніями*».

«По крайней мѣрѣ, доказано съ положительностью, что лягушка, вслѣдъ за удаленіемъ мозговыхъ полушарій, будучи положена на досчечку, отлично переползаетъ съ края на край ея, въ случаѣ, если эту досчечку постепенно поворачиваютъ въ воздухѣ. Точно также, если лягушку посадить въ банку съ водой, въ которой плаваетъ кусокъ дерева, то лягушка обыкновенно быстро его находитъ и затѣмъ, взобравшись на него, успокоивается. Не подлежитъ сомнѣнію, что лягушки, лишенныя мозговыхъ полушарій, прыгаютъ въ обходъ поставленныхъ предъ ними препятствій». «Многократно повторяя одинъ и тотъ же опытъ, мы видимъ, что лягушка, лишенная полушарій, обходитъ препятствія, дающія тѣнь, при всевозможныхъ условіяхъ, слѣдовательно, она выбираетъ свои движенія, сообразно даннымъ зрительнымъ впечатлѣніямъ, какъ бы мы ни измѣняли послѣднія» (стр. 23—24).

«*У рыбъ, какъ низшихъ представителей позвоночныхъ, не одни мозговыя полушарія служатъ мѣстомъ выработки сознательныхъ актовъ, эту роль раздѣляютъ съ ними и подкорковые центры.*

«Вслѣдъ за удаленіемъ мозговыхъ полушарій, у рыбъ не только сохраняются кожныя, мышечныя, зрительныя и другія ощущенія, но, какъ показали интересныя изслѣдованія *Штейнера*, онѣ обнаруживаютъ выборъ въ своихъ движеніяхъ и способны даже самостоятельно снискивать себѣ пищу. Очевидно, что *различныя ощущенія рыбъ могутъ вырабатываться и при отсутствіи мозговыхъ полушарій въ однихъ подкорковыхъ центрахъ*» (стр. 23).

Относительно же простѣйшаго изъ позвоночныхъ «*Amphioxus lanceolatus*, лишеннаго, какъ извѣстно, головного мозга, мы необходимо приходимъ къ выводу, что сознательныя ощущенія и представленія этого простѣйшаго изъ позвоночныхъ выработываются въ спинномъ мозгу, такъ какъ вся его центральная нервная система въ сущность состоитъ изъ одного спинного мозга» (стр. 22—23).

Сопоставляя изложенные опыты надъ позвоночными, мы видимъ, что въ филогенетическомъ ряду этихъ животныхъ мѣсто сознательной дѣятельности, обнимаетъ у простѣйшихъ (Amphioxus) весь мозгъ еще не раздѣленный на головной и спинной участки; по мѣрѣ осложненія организаціи животнаго, мѣсто сознательной дѣятельности постепенно перекочевываетъ изъ спиннаго мозга и подкорковыхъ центровъ въ кору мозговыхъ полушарій.

Подобное же постепенное измѣненіе локализаціи сознательной дѣятельности замѣчается, по утвержденію проф. Бехтерева, и въ жизни каждаго недѣлимаго; и здѣсь она въ началѣ проявляется въ подкорковыхъ центрахъ, и лишь значительно позже перемѣщается въ мозговыя полушарія (тамъ же, стр. 61).

Относительно безпозвоночныхъ я приведу опыты приватъ-доцента Московскаго университета, Вл. Вагнера, изъ его статьи: «Вопросы зоопсихологіи». Авторъ этотъ совершенно отрицаетъ сознательную психику у безпозвоночныхъ и въ заключеніи своей статьи слѣдующимъ образомъ формулируетъ свой взглядъ: «въ группѣ членистоногихъ мы имѣемъ предѣльный пунктъ координированныхъ движеній, но какихъ *исключительно инстинктивныхъ*» (стр. 242), и далѣе: «въ классѣ червей и насѣкомыхъ, а отчасти иглокожихъ и слизняковъ—сознательная и разумная дѣятельность мѣста не имѣтъ и имѣеть не можетъ» (стр. 243).

Не соглашаясь, ни со взглядомъ Вагнера на психику безпозвоночныхъ, ни съ соотвѣтственнымъ толкованіемъ его, произведенныхъ имъ наблюденій надъ различными обезглавленными безпозвоночными, я тѣмъ не менѣе остановлюсь на описаніи произведенныхъ имъ интересныхъ опытовъ, допускающихъ выводы, совершенно иные, чѣмъ тѣ, которые сдѣлалъ авторъ, и подходящіе къ взглядамъ, проводимымъ проф. Бехтеревымъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію опытовъ, я въ нѣсколькихъ словахъ опишу строеніе нервной системы безпозвоночныхъ. Ее нашли во всѣхъ классахъ безпозвоночныхъ, за исключеніемъ одноклѣтныхъ про-

стѣйшихъ (Protozoa) и губокъ. У всѣхъ она состоитъ изъ ганглій, соединенныхъ между собою нервными волокнами. У высшихъ представителей безпозвоночныхъ—у членистоногихъ отличаютъ пару *головныхъ*, *верхнеглоточныхъ ганглiевъ*, представляющихъ подобіе головного мозга позвоночныхъ; отъ нихъ идутъ нервныя волокна къ органамъ чувствъ: глазамъ, слуховымъ и осязательнымъ органамъ (см. рис. 1). Кромѣ, того каждый изъ головныхъ гангліевъ соединяется посредствомъ нервныхъ волоконъ съ передней парой *брюшныхъ гангліевъ*, расположенныхъ по срединной линіи брюшной части и составляющихъ, съ остальными парами ихъ, такъ называемую брюшную, *цѣпную нервную систему* (см. рис. 1). Все различіе у разныхъ представителей членистоногихъ заключается лишь въ томъ, что пары брюшныхъ узловъ, или остаются отдѣль-

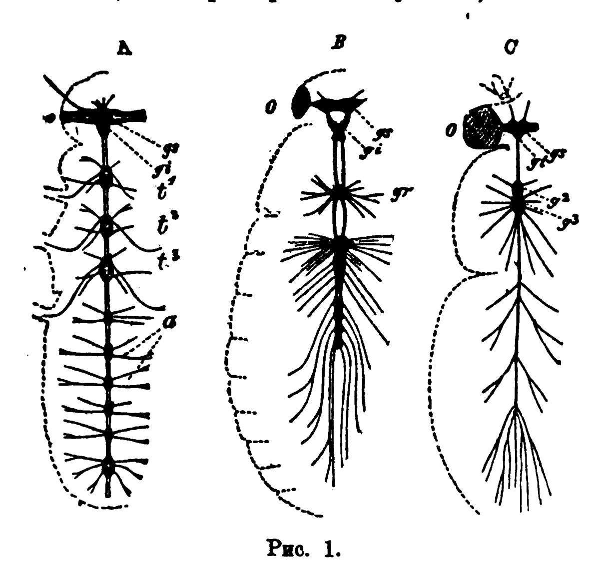

Рис. 1.

ными, или являются сближенными и болѣе или менѣе слитыми по нѣскольку между собою.

Сходное строеніе нервной системы свойственно и классу червей. Не останавливаясь на описаніи болѣе упрощенной нервной системы остальныхъ безпозвоночныхъ, я лишь замѣчу, что въ наиболѣе простой формѣ—въ видѣ гангліевъ, по периферіи тѣла мы встрѣчаемъ нервную систему у гидромедузъ.

Любопытные результаты дали произведенные Вл. Вагнеромъ опыты обезглавливанія безпозвоночныхъ. Написанное Вагнеромъ здѣсь передано почти дословно.

У членистоногихъ, послѣ разъединенія, и голова и туловище пребываютъ нѣкоторое время въ неподвижномъ, какъ бы парализованномъ состояніи, и только постепенно оправляются; оправившись же, проявляютъ обычный родъ дѣятельности. Голова остается живою нѣсколько часовъ и обнаруживаетъ цѣлый рядъ совершенно цѣлесооб-

разныхъ дѣйствій; напр., голова шершня ощупываетъ предметы усиками, энергично хватаетъ челюстями пинцетъ, которымъ до него дотрагиваться. Отдѣленныя головы осы, пчелы, муравья дѣлаютъ то же самое; голова муравья широко раскрываетъ челюсти при приближеніи къ ней посторонняго предмета и схватываетъ его челюстями, если достанетъ его; нерѣдко голова умираетъ, не разжимая челюстей и не выпуская предмета.

Обезглавленное туловище остается живымъ гораздо дольше головы, особенно продолжительно у бабочекъ, напр., туловище *Limenites populi*, бабочки, обезглавленной *18* сентября, оставалось живымъ въ теплой комнатѣ до *4-ю* ноября; на холоду продолжительность жизни еще значительнѣе. Обезглавленная личинка *Eristalis tenax* (иловая муха) прожила съ 5-го августа до ноября.

Остановлюсь подробнѣе на описаніи опытовъ Вагнера надъ водянымъ скорпіономъ *(Nepa cinerea)*, надъ тараканамъ пруссакомъ (Blatta germanica) и многоножками (Lithobius forficatus и Geophilus longicornis). Обезглавленный, помощью перевязки шелковою нитью, *водяной* скорпіонъ (Nepa cineres) часа чрезъ 2 послѣ операціи успокоился совершенно и дѣйствія его получили ту увѣренность и послѣдовательность, при которой возможна ихъ правильная жизнь.

Въ это время водяной скорпіонъ располагается на какомъ-нибудь растеніи акварія совершенно такимъ же способомъ, какъ помѣщается и нормальное животное. Если растеніе, на которомъ находится обезглавленный скорпіонъ, взять пинцетомъ и привесть въ движеніе, то животное немедленно *оставляетъ его и уплываетъ на дно сосуда*. «Очевидно, стало быть,—пишетъ Вагнеръ, — что оно *оцѣнило* опасность и предприняло рядъ дѣйствій, чтобы отъ нея уйти *). Дѣятельность его при этомъ—ни по своей чистотѣ, ни по своей энергіи—ничѣмъ не отличается отъ того, что мы видимъ у нормальныхъ особей.

«Въ другихъ родахъ дѣятельности мы наблюдаемъ то же самое. Такъ, напр., извѣстно, что скорпіонъ, выжидая добычу, которую хватаетъ передними ногами съ сильно утолщенными члениками, такъ чувствителенъ ко всякому движенію, происходящему возлѣ его переднихъ ногъ, что если въ этомъ мѣстѣ производить малѣйшее движеніе, онъ безошибочно и моментально схватываетъ предметъ, производящій его. То же самое мы можемъ наблюдать и надъ обезглавлен-

---

*) Эта фраза и многія изъ послѣдующихъ, заимствованныя мною изъ вышеприведенной статьи г. Вагнера, выражаютъ, конечно, не его взглядъ, а какъ видно изъ хода изложенія, представляютъ толкованіе описываемыхъ фактовъ съ точки зрѣнія оспариваемаго имъ субъективнаго метода расслѣдованія зоопсихологіи. Имѣя цѣлью дискредитировать послѣдній, г. Вагнеръ мѣстами намѣренно придаетъ наблюдаемымъ фактамъ толкованіе, якобы допускаемое субъективнымъ методомъ изученія зоопсихологіи, но на самомъ дѣлѣ немыслимое, при строго научномъ отношеніи къ дѣлу для приверженцевъ этого послѣдняго.

ными особями. Когда, напримѣръ, животное держится близко къ поверхности воды, то стоитъ только коснуться до нея около той или другой ноги скорпіона пинцетомъ, онъ моментально его схватываетъ. Поймавъ насѣкомое, скорпіонъ тѣмъ крѣпче сжимаетъ тиски, которыми онъ держитъ, чѣмъ большія усилія дѣлаетъ животное, чтобы освободиться, т.-е. дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ нормальная особь. Въ высшей степени интересенъ и поучителенъ тотъ фактъ, что *скорпіонъ подноситъ пойманное насѣкомое къ бывшему мѣстонахожденію головы*; но такъ какъ она отрѣзана, то животное только держитъ добычу на томъ мѣстѣ, на которомъ голова находилась.

«Извѣстно, что для дыханія скорпіоны должны время отъ времени выплывать для соотвѣтствующихъ дѣйствій на поверхность воды; спустя нѣсколько времени послѣ операціи, они выполняютъ эти дѣйствія съ полною аккуратностью и надлежащей точностью. Обезглавленный скорпіонъ прожилъ въ акваріумѣ трое сутокъ *).

«*Пруссакъ*, обезглавленный путемъ перевязки, скоро оправляется; опрокинутый на спину, быстро принимаетъ нормальное положеніе... При раздраженіи,—напримѣръ, при прикосновеніи пера къ послѣднимъ сегментамъ абдомена—обезглавленный тараканъ прыгаетъ впередъ такъ же, какъ это дѣлаетъ нормальная особь. Движенія при этомъ разсчитаны такъ вѣрно, что животное, производя цѣлый рядъ прыжковъ (до 10) ни разу не опрокидывается.

«Ползая, обезглавленное животное держится прямого направленія. Если на его пути ставятся предметы,—напримѣръ, два деревянныхъ ящика въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что животное можетъ пройти въ оставленный между ними промежутокъ, лишь измѣнивъ положеніе тѣла изъ горизонтальнаго въ вертикальное,—то тараканъ дѣлаетъ это совершенно такъ, какъ не изуродованное животное, заползая въ щель при обычныхъ условіяхъ жизни.

«... окруженный металлической цѣпочкой отъ часовъ, или другими предметами, ему не встрѣчавшимися при обыкновенныхъ условіяхъ, обезглавленный тараканъ, натолкнувшись на нихъ и нащупавъ ногами, отскакиваетъ. Натолкнувшись въ другой разъ, онъ видимо чувствуетъ себя менѣе испуганнымъ и, наконецъ, заканчиваетъ тѣмъ, что спокойно перелѣзаетъ чрезъ незнакомый вначалѣ предметъ».

«....въ обоихъ случаяхъ (у многоножки и таракана),—пишетъ Вагнеръ, — предъ нами всѣ внѣшніе признаки сознанія и способности пріобрѣтать опытъ»; но какъ упомянуто мною выше, Вагнеръ разсматриваетъ всѣ эти движенія, какъ обусловленныя исключительно **).

---

*) Вл. Вагнеръ. «Вопросы зоопсихологіи», стр. 108—109.

**) Тамъ же, стр. 111—112.

инстинктомъ, ничего общаго не имѣющимъ съ сознательными дѣйствіями человѣка.

Въ заключеніе приведу опыты г. Вагнера надъ многоножками *): *Lithobius forficatus* и *Geophilus longicornis*. Длинное тѣло ихъ раздѣлено на сегменты или членики.

Многоножка передвигается двумя способами. Она ползаетъ взадъ впередъ: двигаясь впередъ головнымъ концомъ тѣла, она ощупываетъ путь усиками; передвигаясь назадъ, т. е. хвостовымъ концемъ впередъ, она перемѣщается не только помощью ногъ, но посредствомъ змѣевиднаго изгибанія тѣла на плоскости, по которой передвигается. Опыты надъ многоножками особенно интересны въ виду совершенной неразвитости у нихъ зрѣнія; недостатокъ этотъ возмѣщается осязаніемъ, локализированнымъ въ усикахъ, но чувство это развито и во всѣхъ конечностяхъ, особенно же въ заднихъ парахъ ножекъ. Обезглавленіе производилось слѣдующимъ способомъ; близъ средины длины тѣло перевязывалось въ двухъ мѣстахъ и затѣмъ животное перерѣзывалось пополамъ въ промежуткѣ между перевязками. Получалось такимъ образомъ какъ бы два животныхъ; оба эти отрѣзка, *головной* и *абдоминальный*, жили по нѣскольку дней.

Обезглавленная многоножка (Geophilus и Lithobius), помѣщенная на столъ, немедленно начинала ползти хвостовымъ концомъ тѣла впередъ, высоко приподнявъ конечные членики. Опрокинутый на спину любой изъ отрѣзковъ многоножки немедленно перевертывался и принималъ нормальное положеніе. Движенія взадъ и впередъ обезглавленныхъ отрѣзковъ совершенно соотвѣтствовали способамъ передвиженія цѣльной многоножки.

«Обезглавленная многоножка употребляетъ тѣ же пріемы защиты, какъ нормальная: головной отрѣзокъ пускаетъ въ ходъ челюсти; абдоминальный—при прикосновеніи къ одной изъ среднихъ заднихъ ногъ— быстро уходитъ, а при прикосновеніи къ одной изъ длинныхъ—быстро приподнимаетъ задній конецъ тѣла и ударяетъ имъ по мѣсту раздраженія».

Отношеніе обезглавленной многоножки къ окружающимъ предметамъ остается сходнымъ съ нормальнымъ.

Встрѣтивъ на столѣ узкую щель, головной отрѣзокъ немедленно скрывается въ ней. Абдоминальный не дѣлаетъ этого.

Отношеніе къ свѣту также подтверждаетъ справедливость вышеуказаннаго положенія. Подобно цѣльной многоножкѣ, оба отрѣзка избѣгаютъ свѣта. Поэтому, если, на освѣщенномъ солнцемъ столѣ, помѣстить отрѣзокъ многоножки и прикрыть бумагой, то онъ остается подъ ней, такъ какъ онъ немедленно прячетъ обратно подъ листъ бумаги выдвинувшуюся на свѣтъ часть тѣла. Для нашей цѣли особен-

*) Вл. Вагнеръ, тамъ же, стр. 94—101.

ный интересъ представляетъ описаніе болѣе сложныхъ психическихъ актовъ.

Абдоминальный отрѣзокъ, дойдя до края стола, на нѣкоторое время останавливается, затѣмъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ, но чрезъ нѣкоторое время вновь оказывается у края стола. Снова отступаетъ, затѣмъ вновь приближается, повторяя эти движенія по нѣскольку разъ. Затѣмъ, однако, онъ начинаетъ осторожно спускаться, приблизительно настолько, что треть тѣла отрѣзка виситъ въ воздухѣ. Животное останавливается и поворачиваетъ свободный конецъ тѣла въ разныя стороны, двигаетъ ногами члениковъ, висящихъ на воздухѣ, остальными же держится за столъ. Если въ это время подставляли ему что-нибудь, то отрѣзокъ многоножки немедленно перемѣщался на подставленный предметъ съ большою ловкостью и пріемами, которые практикуются ею въ нормальномъ состояніи. Не найдя посторонняго предмета, отрѣзокъ многоножки поднимался по отвѣсу вновь на столъ. Чрезъ нѣкоторое время онъ вновь начиналъ спускаться, и спускался на столько, что уже значительно большая часть его тѣла, именно около $^2/_3$, висѣла въ воздухѣ. Въ случаѣ отсутствія посторонняго предмета, отрѣзокъ вновь вползалъ на столъ, но затѣмъ еще разъ пробовалъ спуститься съ края стола и настолько уже свѣшивался, что оставался прикрѣпленнымъ къ столу лишь ножками послѣдняго сегмента.

Подобные описаннымъ опыты разъединенія организма на 2 части поперечнымъ сѣченіемъ, въ классѣ червей, дали еще болѣе интересные результаты. По крайней мѣрѣ обѣ разъединенныя половины дождевого червя (Lumbricus terrestris) продолжаютъ жить, возстановляя, при посредствѣ новообразованія, недостающія части. Результатъ этотъ интересенъ особенно тѣмъ, что нервная система дождевого червя состоитъ такъ же, какъ и у членистоногихъ, изъ головного надглоточнаго узла и цѣпной брюшной нервной системы, соединенной коммиссурами съ головнымъ мозгомъ; въ головной лопасти замѣчаются осязательные органы. У дождевого червя имѣются: пищеварительный каналъ и кровеносная система, состоящая изъ двухъ сосудовъ спинного и брюшного, соединенныхъ боковыми перемычками.

На переднемъ концѣ задняго отрѣзка образуется голова, со вновь образованнымъ головнымъ мозгомъ, глоткою, ртомъ и всѣми другими недостающими частями, и отрѣзокъ преобразовывается такимъ образомъ въ нормальное животное.

Результатъ, достигаемый у дождевого червя оперативнымъ путемъ совершается безъ внѣшняго вмѣшательства у червей, принадлежащихъ къ прѣсноводнымъ и морскимъ кольчатымъ червямъ. Задній конецъ тѣла выростаетъ и образуетъ множество новыхъ члениковъ, которые отдѣляются группами отъ материнскаго тѣла и образуютъ новыя свободно движущіяся особи. При усиленномъ ходѣ этого процесса, называемаго *почкованіемъ*, образованіе новыхъ особей можетъ происходить

скорѣе, чѣмъ ихъ отдѣленіе, вслѣдствіе чего и получается болѣе или менѣе длинная цѣпочка особей, снабженныхъ каждая головою, но еще не разъединившихся (см. рис. 2).

Этотъ способъ размноженія представляетъ какъ бы переходную форму размноженія *дѣленіемъ*, т. е. распаденія особи на два новыхъ, сходныхъ и равныхъ, между собою недѣлимыхъ, свойственную классу простѣйшихъ организмовъ (Protozoa), о которомъ будетъ сказано ниже.

Въ виду указанныхъ случаевъ новообразованія у безпозвоночныхъ утраченныхъ мозговыхъ участковъ, соотвѣтственныхъ головному мозгу позвоночныхъ, особенно интересно то, что и у млекопитающихъ, со включеніемъ человѣка, по словамъ пр. Бехтерева, «центры, предназначенные для сознательной дѣятельности, будучи утрачены, могутъ быть замѣнены другими, вновь образующимися сознательными же цен-

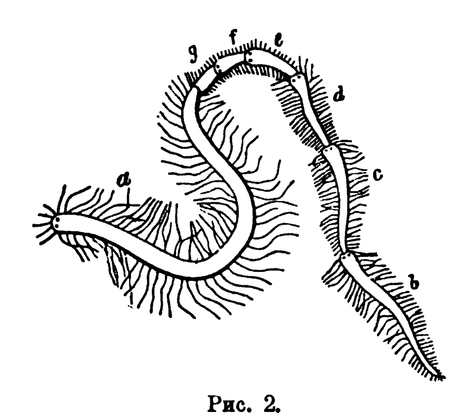

Рис. 2.

трами въ тѣхъ областяхъ коры головного мозга, которыя ранѣе не были заняты подобными центрами»; или, другими словами, «сознательная дѣятельность для своего выраженія находитъ, при пораненіи мозга и у человѣка, другія необычныя мѣста въ области мозговой коры, гдѣ раньше сознательной дѣятельности не проявлялось вовсе».

Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, по удаленіи мозговыхъ полушарій (напр., у собаки), если только удаленіе ихъ произведено постепенно, въ нѣсколько пріемовъ, съ промежутками въ нѣсколько мѣсяцевъ, животное, по прошествіи извѣстнаго времени, оправлялось отъ произведенной операціи и сознательная дѣятельность появлялась вновь, хотя и въ ограниченной степени въ нижележащихъ *подкорковыхъ центрахъ*, т. е. въ тѣхъ областяхъ нервной системы, которыя у нормальныхъ животныхъ предназначены лишь для отправленій рефлекторныхъ (тамъ же, стр. 56).

Закончивъ изложеніе фактической стороны труда г. Вагнера, перехожу къ обсужденію значенія выводовъ, къ которымъ приводятъ его опыты. Вагнеръ какъ въ вышеприведенной выдержкѣ изъ окончательнаго резюме работы, такъ и неоднократно и въ другихъ мѣстахъ

считаетъ себя вправѣ на основаніи опытовъ утверждать, что у безпозвоночныхъ и даже наиболѣе развитыхъ, именно и въ тѣхъ случаяхъ, которые разсмотрѣны, т. е. *въ классѣ червей и насѣкомыхъ, а отчасти иглокожихъ и слизняковъ—сознательная и разумная дѣятельность мѣста не имѣетъ и имѣть не можетъ* (стр. 243).

Мнѣ представляется выводъ этотъ произвольнымъ и необоснованнымъ. Опыти эти даютъ, по моему, лишь одинъ неоспоримый результатъ: обѣ разъединенныя части—голова и туловище членистоногихъ продолжаютъ (за рѣдкимъ исключеніемъ) обнаруживать цѣлесообразные акты, на сколько допускаютъ это условія произведенной операціи; снабженная органами зрѣнія слуха и осязанія голова, продолжаетъ свою нормальную сложную психическую дѣятельность; производимыя ею движенія разнообразны и, какъ при нормальной жизни, точно оріентированы и соразмѣрены съ разстояніемъ и положеніемъ внѣшнихъ предметовъ; она несомнѣнно, по прежнему, цѣлесообразно реагируетъ на получаемыя извнѣ впечатлѣнія, что и сказывается по наблюдаемымъ движеніямъ. Обезглавленнное туловище, лишенное органовъ воспріятія пищи, органовъ зрѣнія и обонянія, можетъ проявлять цѣлесообразныя движенія, руководимое главнымъ образомъ лишь осязаніемъ и въ меньшей мѣрѣ слухомъ.

Но въ этихъ предѣлахъ оно реагируетъ какъ и нормальное животное и въ одинаковой мѣрѣ какъ и послѣднее проявляетъ способность воспринимать ощущенія извнѣ и руководиться ими въ отвѣтныхъ реакціяхъ; послѣднія несомнѣнно носятъ характеръ разумности и не могутъ быть приравнены къ безсознательнымъ рефлексамъ, каковы, напр., чиханіе, проглатываніе пищи и т. п.

Поэтому, присоединяясь въ общемъ къ положенію проф. Бехтерева (стр. 21), «что сознательная дѣятельность у высшихъ суставчатыхъ животныхъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ большомъ надглоточномъ узлѣ, являющемся прототипомъ головного мозга у позвоночныхъ» я считаю нужнымъ только прибавить, что и *цѣпной* (брюшной) нервной системѣ присуща способность реагировать сознательно на раздраженія; это производится при посредствѣ расположенныхъ на обезглавленномъ тѣлѣ насѣкомаго, органовъ чувствъ: осязанія и отчасти слуха.

У членистоногихъ мы имѣемъ, слѣдовательно, первые слѣды разъединенія функцій головного мозга и остальной центральной нервной системы, выражающееся въ преобладаніи сознательной дѣятельности въ головномъ узлѣ.

Опыты г. Вагнера, заслуживающіе полнаго вниманія, какъ попытки разрѣшать вопросы зоопсихологіи оперативнымъ путемъ, не выяснили, однако, еще достаточно отношенія психической дѣятельности головного ганглія къ дѣятельности цѣпной, брюшной нервной системы. Нельзя не сознаться, что изъятіе вліянія головного ганглія на жизненныя отправленія животнаго посредствомъ обезглавливанія, пріемъ очень грубый;

многочисленныя побочныя нежелательныя, но неизбѣжныя, при обезглавливаніи, нарушенія не могутъ не отражаться на результатахъ опыта. Было бы весьма желательно замѣнить ихъ уколомъ въ головной ганглій, подобнымъ уколамъ практикуемымъ нѣкоторыми насѣкомыми. Напр. амазонкой, которая острыми челюстями прокалываетъ головной узелъ муравья или осы.

Тѣмъ менѣе непригодными оказались они для рѣшенія вопроса о томъ, какъ смотрѣть на цѣлесообразныя дѣйствія членистоногихъ: принимать ли ихъ за дѣйствія безсознательныя, какъ полагаетъ Вагнеръ, или же за проявленія сознательной жизни, общей для всѣхъ живыхъ существъ, жизни, опредѣляемой, какъ мы видѣли стремленіемъ достиженія *желаннаго*, съ сознаніемъ окружающихъ условій, хотя и при полномъ невѣдѣніи смысла самой жизни. Опыты г. Вагнера служатъ поэтому не препятствіемъ, а напротивъ того прекраснымъ пособіемъ для укрѣпленія проводимаго мною взгляда.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*
* *

Въ палящій зной надъ жаждущею нивой
Порою облаковъ появится гряда,
На землю бросивъ тѣнь, ихъ мрачные извивы,
Грозой не прогремѣвъ, исчезнутъ безъ слѣда.

—

Такъ иногда сомнѣнья соберутся
Съ тоской безплодною, полны нѣмыхъ угрозъ,
Заронятъ въ душу тѣнь и мимо пронесутся
Безслѣдно... Пѣсни нѣтъ и нѣтъ горячихъ слезъ.

Allegro.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(*Продолженіе* *).

XXVII.

«Каковъ бы я ни былъ, но я борюсь съ дѣйствительностью, вношу въ нее мой идеалъ жизни... Борьба съ дѣйствительностью снова охватываетъ меня и поглощаетъ все существо мое» [127]).

Такъ писалъ Бѣлинскій послѣ первыхъ опытовъ петербургской жизни. То же впечатлѣніе производили и его статьи.

«Бѣлинскій воюетъ теперь въ Питерѣ, — писалъ Грановскій Станкевичу.—Достается всѣмъ!» [128]). И война оказывалась настолько яростной, что гуманный, идеально-культурный профессоръ впадалъ въ дурное настроеніе и находилъ, что Бѣлинскаго читать «иногда забавно, иногда досадно».

Подобное чувство останется навсегда у ближайшихъ друзей и единомышленниковъ критика. Даже Герценъ до самой смерти Бѣлинскаго не постигнетъ его излишествъ, хотя и заявитъ полное сочувствіе его гнѣву и восторгамъ. Грановскій будетъ защищать Бѣлинскаго отъ университетскихъ зоиловъ еще въ гегельянскій періодъ, но признаетъ заслугой Бакунина возмущеніе противъ бородинскихъ статей по соображеніямъ, не безусловно честнымъ для артиста діалектики. Бакунинъ *внушилъ* Бѣлинскому бородинскія статьи: это извѣстно Грановскому, но Бакунинъ «умнѣе и ловче Бѣлинскаго», поэтому онъ и не попалъ въ просакъ [129]).

Эта ловкость, повидимому, совершенно затмила основныя нравственныя черты характера Бѣлинскаго, такъ блистательно обнаружившіяся въ его «телескопскомъ ратованіи» и въ позднѣйшей

---

*) См. «Міръ Божій», № 4. Апрѣль.

[127]) Письмо къ Боткину отъ 10 дек. 1840 года.

[128]) Т. В. Грановскій и его переписка. М. 1897. Томъ II, 378. Письмо отъ 12 февр. 1840 г.

[129]) *Ib.* 341. 403.

петербургской войнѣ. Грановскій, спокойно вдумчивый и снисходительный, не усвоилъ себѣ проникновеннаго, полнаго ожиданій взгляда на дѣятельность своего пріятеля. Его сочувствіе цѣликомъ на сторонѣ «лысаго счастливца», «блаженствующаго», «свѣтлаго душою и головою», т. е. Боткина, конечно, ни на одну минуту въ жизни не испытывавшаго потребности неистовствовать и воевать [130]). Грановскій, конечно, не можетъ не любить Бѣлинскаго, но это любовь Гораціо къ Гамлету: датскій принцъ, твердо увѣренный въ честной дружбѣ ученаго товарища, все-таки одинокъ и лично разсчитывается съ своими «снами» и съ своею дѣйствительностью.

Фактъ отнюдь не унижаетъ ума Грановскаго и не налагаетъ ни малѣйшаго пятна на его личность. Онъ только свидѣтельствуетъ о давно извѣстной намъ истинѣ: одиночество Бѣлинскаго какъ идейнаго дѣятеля, не въ смыслѣ общихъ положительныхъ стремленій, а въ смыслѣ путей и средствъ борьбы. Грановскому «не по душѣ героизмъ» Бѣлинскаго: это собственныя его слова и они показываютъ, какъ мало критикъ могъ разсчитывать на горячія привѣтствія своего «кружка» и своей «партіи» и на новомъ пути—новаго «остервенѣнія». Впечатлѣніе «забавности» въ состояніи допустить только уравновѣшенную благосклонность и нѣжное сожалѣніе. И то, и другое никогда не могло подняться до жгучей температуры любви и ненависти Бѣлинскаго.

Бѣлинскому, конечно, чувствовалась вся тягота его положенія и онъ не могъ скрыть своего чувства въ письмахъ. Онъ откровенно разсказывалъ о броженіи, захватывавшемъ всю его природу, пытался ввести своихъ друзей въ смыслъ своего новаго міросозерцанія и психологически объяснить новизну. Для него это вопросъ личнаго достоинства и вѣры въ свои силы и цѣли. И онъ неоднократно будетъ обращаться къ только-что пройденнымъ зигзагамъ, признаетъ ихъ многочисленность и опрометчивость, но придетъ къ рѣшительному выводу, менѣе всего малодушному и уклончивому.

Не только въ письмахъ, но и въ статьяхъ Бѣлинскій свидѣтельствовалъ о постепенномъ развитіи своихъ взглядовъ. По поводу Пушкина онъ заявлялъ, что у него долго оставалось неяснымъ и неопредѣленнымъ понятіе о значеніи поэта!

Не всякій писатель способенъ на подобную исповѣдь, и Бѣлинскій предвидитъ остроты «доброжелателей». Но онъ не смущается.

«Мы не завидуемъ готовымъ натурамъ, которыя все узнаютъ за одинъ присѣстъ и, узнавши разъ, одинаково думаютъ о пред-

---

130) *Ib.* 378, 363.

метѣ всю жизнь свою, хвалясь неизмѣнчивостью своихъ мнѣній и неспособностью ошибаться. Да, не завидуемъ: ибо глубоко убѣждены, что только тотъ не ошибался въ истинѣ, кто не искалъ истины, и только тотъ не измѣнялъ своихъ убѣжденій, въ комъ нѣтъ потребности и жажды убѣжденія; исторія, философія и искусство не то, что математика съ ея вѣчными, неподвижными истинами» [131]).

То же самое Бѣлинскій писалъ и своей невѣстѣ, усиливаясь поднять ее на высшую ступень нравственнаго и общественнаго міросозерцанія.

«Дѣло не въ томъ, чтобы никогда не дѣлать ошибокъ, а въ томъ, чтобы умѣть сознавать ихъ и великодушно, смѣло слѣдовать своему сознанію. Я больше всего цѣню въ людяхъ пластичность души, способность ея движенія впередъ. Вотъ бѣда, когда эта божественная способность утрачена!» [132]).

Но чтобы помириться съ такимъ «движеніемъ впередъ», какое безпрестанно уклоняется отъ прямаго направленія, сопровождается страстными порывами увлеченія и не менѣе пылкими приступами раскаянія, надо лично обладать этой способностью. Отвлеченныя соображенія не объяснятъ и не оправдаютъ перехода отъ «бѣшенаго уваженія дѣйствительности» къ ожесточенной злобѣ на нее. Грановскій особеннно наглядно обнаружилъ этотъ недостатокъ органическаго проникновенія въ сущность духовнаго міра Бѣлинскаго.

Самъ историкъ имѣлъ счастье обладать завидной гармоніей крови и разсудка и могъ совершать свой высоко-почтенный просвѣтительный путь безъ всякихъ головокружительныхъ встрясокъ. Естественно ему становилось «жаль бѣднаго Виссаріона».

«При чтеніи его письма, — пишетъ Грановскій, — мнѣ стало больно за него... Пріятели наши, сдѣлавъ пакость, извиняютъ ее потомъ моментомъ развитія, въ которомъ находились. Но вѣдь такимъ образомъ всю жизнь можно разбить на моменты абстрактные, безъ связи между собою и отвѣтственности одинъ за другой. Надобно же, чтобы была одна основная, неизмѣнная идея въ дѣятельности. Всѣ эти вещи я говорю имъ ежедневно. Правъ ли я?» [133]).

Несомнѣнно, правъ, скажемъ мы, но только абстрактно. У Бѣлинскаго была болѣе глубокая «основная и неизмѣнная идея» дѣятельности, чѣмъ у самыхъ послѣдовательныхъ и до окаменѣнія неподвижныхъ мыслителей. И именно потому, что эта идея представляла жизненный интересъ и направлялась къ практиче-

---

[131]) Статьи о Пушкинѣ. VIII, 99, 100.

[132]) *Починъ*, 1896 г., стр. 199.

[133]) *O. c.* 183.

скимъ цѣлямъ, къ ней могли вести разнообразныя дороги. Все зависитъ отъ указаній опыта, борьбы, а не отъ кабинетныхъ стратегическихъ соображеній.

Грановскій, очевидно, готовъ отрицать у Бѣлинскаго твердое сознаніе нравственныхъ задачъ. Тогда слѣдовало бы доказать, что «моменты» у критика—дѣйствительно результаты произвола, что они чисто-«абстрактные», не выношенные упорной думой и не вскормленные кровью искренней страсти. Тогда не стòитъ Бѣлинскій ни сожалѣнія, ни любви.

Если такъ судили о немъ доброжелательнѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе свидѣтели его дѣятельности, чего же можно было ожидать отъ явныхъ враговъ и тупыхъ носителей слѣпой личной идеи?

Бѣлинскому, несомнѣнно, не одинъ разъ приходила на умъ грустная мысль о своемъ ложномъ положеніи въ глазахъ даже друзей и о благодарнѣйшихъ темахъ, какія представилъ онъ своимъ врагамъ для обвиненій въ легкомысліи, въ отсутствіи убѣжденій, въ ненадежности критическихъ приговоровъ. Подобно Гоголю, онъ часто раздумывалъ о тяжеломъ бремени писателя, искренне и мужественно говорящаго свою правду обществу. Бѣлинскій не питалъ наклонности публично исповѣдывать свои огорченія, но случалось, горькая рѣчь будто невольно врывалась въ теченіе мысли,—публика тогда читала трогательныя признанія одного изъ безкорыстнѣйшихъ рыцарей современной мысли.

«Какъ тяжка у насъ,—восклицалъ Бѣлинскій,—роль критика, проникнутаго убѣжденіемъ и не отдѣляющаго вопросовъ объ искусствѣ и литературѣ отъ вопросовъ о своей собственной жизни, обо всемъ, чтò составляетъ сущность и цѣль его нравственнаго существованія!.. И тѣмъ хуже ему, если онъ столько уважаетъ истину и столько смиряется передъ нею, что всегда готовъ отказаться отъ мнѣнія, которое защищалъ съ жаромъ и съ энергіею, но которое, въ процессѣ своего безпрерывно движущагося сознанія, онъ уже не можетъ болѣе признавать за справедливое!.. Не смотрятъ на то, что перемѣна мнѣнія не только не доставила и не могла доставить ему никакой пользы, но еще и поставила его, или могла поставить въ непріятное положеніе къ людямъ, которые довѣряли его авторитету, не говоря уже о томъ, что отречься отъ своего мнѣнія, значитъ признаться въ ошибкѣ, а это не совсѣмъ лестно для человѣческаго самолюбія, которое всегда наклонно поддерживать, что дважды два—пять, а не четыре, лишь бы только казаться непогрѣшительнымъ. А имѣть свой взглядъ, свое убѣжденіе, судить на какихъ-нибудь основаніяхъ, а не по голосу толпы, да это значитъ ни больше, ни

меньше, какъ прослыть человѣкомъ безпокойнымъ и безнравственнымъ» [134]).

И Бѣлинскій, можно сказать, всенародно прослылъ имъ, въ кружкѣ друзей и на страницахъ всей современной печати. Слава безусловно утвердилась за нимъ именно въ Петербургѣ. Въ письмахъ онъ не переставалъ заявлять, что дѣйствительность приводитъ его въ отчаяніе. Это настроеніе, какъ всегда у Бѣлинскаго, непосредственно переходитъ въ статьи. Онъ жадно хватается за всякій литературный мотивъ, свидѣтельствующій о страшной драмѣ между отдѣльной личностью и общимъ строемъ жизни. Онъ съ невыразимой нѣжностью говоритъ о жертвахъ дѣйствительности, готовъ сказать слово сочувствія не только идеальному гоголевскому художнику, но и пушкинскому Чайльдъ-Гарольду. Оба они сломились подъ бременемъ тяжелой силы, именуемой обществомъ, дѣйствительностью, толпой [135]).

Въ самомъ звукѣ *толпа* для Бѣлинскаго заключается нѣчто нестерпимо мучительное. Она—его личный врагъ, потому что въ жизни стремится низвести къ общему уровню все яркое и оригинальное, въ литературѣ живетъ стадными увлеченіями, преданіями, пошлымъ преклоненіемъ предъ громкимъ именемъ, предъ традиціонной славой.

Въ исторіи литературы этотъ натискъ безсмысленной стихіи на свѣтъ и разумъ является въ особенно рѣзкихъ формахъ.

Вся жизнь писателя, въ сущности, сплошной искусъ, непрерывная расплата за свое превосходство надъ большинствомъ.

У поэта непреодолимое желаніе рисовать жизнь въ творческихъ образахъ, но предъ нимъ нѣтъ вдохновляющихъ предметовъ. Дѣйствительность не даетъ живыхъ красокъ и общество не представляетъ оригинальныхъ лицъ, и мы, часто нападая на тщедушіе литературы, должны помнить первоисточникъ ея недуга.

«Посмотрите,—восклицаетъ Бѣлинскій,—какъ иногда крѣпко впивается она въ общество, словно дитя всасывается въ грудь своей матери, и ея ли вина, если съ перваго слабаго усилія она всасываетъ все молоко изъ этой безплодной груди... Недостатокъ внутренней жизни, недостатокъ жизненнаго содержанія, отсутствіе міросодержанія,—вотъ причина»...

И критикъ готовъ оправдать ненавистнѣйшія для него литературныя явленія ради жалкой общественной почвы, только и способной производить плевелы. Напримѣръ, Ломоносовъ, Петровъ, Херасковъ и Державинъ сочиняли громкія оды; позже ихъ въ

---

[134]) *Статьи о Пушкинѣ*. VIII, 51.

[135]) *Русская литература въ 1840 году*. IV, 221.

русской литературѣ водворились жалобные вопли разочарованія... Ни то, ни другое не свидѣтельствовало о полноправной жизненности и силѣ художественнаго творчества.

И вполнѣ естественно, «гдѣ нѣтъ внутреннихъ духовныхъ интересовъ, внутренней сокровенной игры и переливовъ жизни, гдѣ все поглощено внѣшней, матеріальной жизнью, тамъ нѣтъ почвы для литературы, нѣтъ соковъ для питанія».

Писатель можетъ отдаться изображенію этой матеріальной жизни,—но онъ лично жестоко искупитъ несоотвѣтствіе возвышеннаго строя своей природы съ окружающимъ міромъ. Поэтому авторство въ Россіи «тяжелая, медленная и напряженная работа». Это доказывается немногочисленностью произведеній даровитѣйшихъ русскихъ талантовъ. На западѣ совершенно другое. Тамъ Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте завѣщали намъ одинаково громадное наслѣдство и по качеству, и по количеству.

И не только художники терпятъ отъ леденого дыханія дѣйствительности,—той же участи подвержены и критики. Положимъ, въ журналѣ появляется статья—плодъ глубокаго убѣжденія и горячаго чувства. Она внушена великими духовными стремленіями, поглощающими писателя. Она дышитъ новизной и силой идей, посмотрите, какъ её встрѣчаетъ русскій читатель?

Или холодно, или съ негодованіемъ, не имѣющимъ ничего общаго ни съ идеями статьи, ни съ намѣреніями и талантомъ автора.

Говорятъ,—статья длинна, досадна по своему содержанію, мѣшаетъ правильному пищеваренію обывателя, смутно безпокоитъ его неповоротливую мысль. Какое читателю дѣло до чувства и вѣры писателя? Интересенъ тотъ, кто громче кричитъ, и силенъ журнальный воинъ, послѣдній оставшійся на аренѣ.

Но горше горе тому, кто отважился затронуть старыхъ боговъ! Для толпы не существуетъ убѣжденій, сознательно и вдумчиво усвоенныхъ. Ей нуженъ авторитетъ и необходима привычка. Осужденіе общепризнанной истины всегда кажется ей бунтомъ и безразсудствомъ, и несбыточное желаніе писателя—весь свѣтъ одновременно увѣрить въ своей истинѣ!

Нѣтъ. Чѣмъ смѣлѣе его мысль, чѣмъ жизненнѣе міросозерцаніе, тѣмъ безповоротнѣе онъ осужденъ на упорную и мучительную борьбу. Сочувственники и единомышленники будутъ завоевываться медленно шагъ за шагомъ. Сначала единицы, съ годами онѣ разростутся въ десятки и сотни. Но уже большое счастье, если имѣются на лицо и единицы!

Бѣлинскій вѣритъ въ ихъ существованіе и опять, наравнѣ съ Гоголемъ, тѣшитъ себя мыслью о невѣдомомъ, Богъ вѣсть гдѣ заброшенномъ, но горячо сочувствующемъ читателѣ.

Съ этой вѣрой критикъ вступаетъ на новую дорогу войны съ дѣйствительностью и съ своими прежними врагами и читателями.

И послѣдняя война едва ли не самая отвѣтственная.

Бѣлинскій, уѣзжая въ Петербургъ, оставилъ за собой цѣлый лагерь ожесточенныхъ хулителей. Грановскій жалуется, что ему *вездѣ* приходится защищать Бѣлинскаго отъ упрековъ *въ подлости*. И во главѣ упрекавшихъ стояла молодежь, лучшіе студенты, по словамъ Грановскаго, считали Бѣлинскаго «подлецомъ въ родѣ Булгарина» [136]).

И единственное оружіе представлялось въ сомнительной перемѣнѣ мнѣній! Выйти изъ такого положенія съ честью и именемъ побѣдителя было задачей, достойной великаго таланта и еще болѣе высшаго мужества.

XXVIII.

Трезвое представленіе о дѣйствительности логически подсказало Бѣлинскому цѣли и пути его критики. Въ Петербургѣ онъ воочію убѣдился, какъ тѣсны предѣлы свободной умственной дѣятельности, какъ ограниченъ кругъ доступныхъ обществу идей и какіе многочисленные запреты лежатъ на самихъ проявленіяхъ идейной, хотя бы даже и очень скудной жизни.

Литература и только она отвѣчаетъ за все, что причастно общимъ интересамъ. Въ Западной Европѣ искусство давно слилось съ запросами общественной жизни, литература превратилась въ анализъ настоящаго и въ программу будущаго. Въ Россіи тоже направленіе пріобрѣло еще болѣе широкій смыслъ.

Здѣсь одна лишь литература и художественная критика отражаютъ жизнь и подвергаютъ ее суду. Вообще «интеллектуальное сознаніе русскаго общества» выражается только въ литературныхъ произведеніяхъ. Слѣдовательно, искусство и критика, помимо своей общеевропейской роли въ XIX вѣкѣ, въ Россіи заполняютъ еще множество пробѣловъ въ культурномъ прогрессѣ поэзіи.

Отсюда совершенно послѣдовательно вытекаютъ свойства и основы новой критики, ея приложеніе къ искусству. Разъ художественное творчество—анализъ, онъ по содержанію и смыслу ничѣмъ не отличается отъ науки и философіи. Вся разница въ формѣ, въ пути, въ способѣ, какими выражаетъ истину творчество и мысль. «Наука, разлагающею дѣятельностью разсудка, отвлекаетъ общія идеи отъ живыхъ явленій. Искусство, творящею дѣятельностью фантазіи, общія идеи являетъ живыми образами». Цѣли въ обоихъ случаяхъ тождественны—просвѣщеніе общества и разумное направленіе его жизненныхъ силъ.

---

[136]) *О. с.* 363—4.

Примѣните это понятіе къ литературѣ, и предъ вами сами собой распредѣлятся писатели и произведенія по различнымъ степенямъ ихъ значительности и талантливости.

Бѣлинскій, установивъ общее понятіе искусства, сдѣлалъ одновременно два практическихъ вывода и на нихъ построилъ всю свою обильную критическую мысль. Выводы касаются *построеній* художника и *предметовъ* его творчества.

Мы знаемъ, что стала обозначать на языкѣ Бѣлинскаго *объективность*. Мѣрой воспріимчивости и отзывчивости писателя должно съ этихъ поръ опредѣляться его мѣсто въ исторіи человѣческаго развитія. И, несомнѣнно, достойнѣйшихъ писателей новому міру даетъ литература, искони жившая одной жизнью съ дѣйствительностью, горѣвшая соціальными страстями и намѣчавшая общественные идеалы.

«Это, литература французская, и талантливѣйшая ея представительница въ эпоху сороковыхъ годовъ.—Жоржъ Зандъ—будетъ теперь окружена неизмѣнно блестящимъ ореоломъ.

Бѣлинскій пишетъ:

Это безспорно, первая поэтическая сила современнаго міра. Каковы бы ни были ея начала, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными; но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Оттого многія изъ ея произведеній глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Оттого талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и растетъ».

Критикъ готовъ еще повысить тонъ и довести изображаемый талантъ до полнаго идеала. Онъ увѣренъ, подобный писатель всегда представляетъ сильный нравственно-безукоризненный характеръ. Иначе не могло бы заключаться столько глубины и живого чувства въ его созданіяхъ.

Бѣлинскому «горько думать», что находятся люди съ талантомъ, способные пѣть, подобно птицамъ, безотчетно и беззаботно, безучастно къ судьбѣ «своихъ страждущихъ братій» [137]).

Жоржъ-Зандъ до конца останется на знамени критика. Для представленія о творческой силѣ XIX вѣка Бѣлинскій назоветъ два имени—Байрона и Жоржъ-Занда, первое, очевидно, во имя принципа борьбы личности съ обществомъ, второе—ради соціальныхъ вѣрованій [138]).

Но вѣдь такъ много толковали во всѣ времена и продолжаютъ толковать до сихъ поръ о «чистомъ искусствѣ». Существуетъ ли оно и какіе его признаки?

---

[137]) *Рѣчь о критикѣ, А. Никитенко.* VI, 211.

[138]) *Петербургскій сборникъ.* X, 368. 1846 г.

Отвѣтъ Бѣлинскаго рѣшителенъ: чистаго, абстрактнаго искусства, «никогда и нигдѣ не бывало». На первый взглядъ греческое искусство подходитъ подъ понятіе чистаго; оно, повидимому, особенно далеко стоитъ отъ будничной дѣйствительности. Но это обманъ зрѣнія.

На самомъ дѣлѣ ни одно искусство съ такой полнотой не отражало религіозной, политической, общественной и частной жизни гражданъ, какъ эллинское.

Среди новыхъ поэтовъ Гёте является чаще всего образцомъ безукоризненнаго жреца искусства. Но и здѣсь кроется недоразумѣніе. Само искусство не при чемъ въ равнодушіи Гёте къ вопросамъ времени. Все дѣло въ характерѣ автора *Фауста*.

Какъ поэтъ—онъ великъ, какъ человѣкъ—самое обыкновенное явленіе, можетъ быть, даже ниже обыкновеннаго, если принять во вниманіе умъ и талантъ Гёте.

«Не искусство,—говоритъ Бѣлинскій,—а его личный характеръ заставляли его вѣчно тереться между сильными земли, жить и дышать милостынею ихъ улыбокъ, равно какъ и оказывать самое холодное невниманіе ко всему, что не касалось до него лично, что могло возмутить его юпитеровское, говоря поэтически, и эгоистическое, говоря прозаически, спокойствіе. И потому равнодушіе Гёте къ живымъ вопросамъ современной ему исторіи не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ: искусство и не думало обязывать его, въ свою пользу, безнравственнымъ равнодушіемъ такого рода».

Но даже и при такихъ отнюдь не возвышенныхъ свойствахъ личнаго характера, Гёте все-таки оказался выразителемъ многихъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Достаточно вспомнить объ его стремленіи къ простотѣ, ясности, положительности, объ его сочувствіи природѣ и усердныхъ занятіяхъ естественными науками [139]).

Не надо, конечно, забывать и о большой долѣ мистицизма въ созерцаніяхъ Гёте: второй части *Фауста* не могъ создать умъ совершенно положительный, но не въ этомъ вымученномъ и преднамѣренно затемненномъ произведеніи сказался дѣйствительный талантъ Гёте, и характеристика его у Бѣлинскаго по существу справедлива.

Та же мысль о невозможности безусловно чистаго творчества доказывается и другимъ примѣромъ, краснорѣчивымъ не менѣе гётевскаго безстрастія.

На Шекспира обыкновенно ссылаются не рѣже, чѣмъ на Гёте, защитники священной неприкосновенности искусства. Но это значитъ обнаруживать близорукость умственнаго зрѣнія.

---

[139]) *Современныя замѣтки*. XI. 298—9. 1847 г.

Шекспиръ, несомнѣнно, величайшій творческій геній, но не видѣть изъ-за его поэзіи безсчисленныхъ уроковъ—для психолога, историка, философа, политика значитъ не понимать его произведеній. Шекспиръ никогда не перестаетъ быть поэтомъ, но поэзія для него только форма разнообразнѣйшаго, отнюдь не чисто поэтическаго содержанія. Въ этомъ смыслѣ онъ истинный поэтъ новаго времени: оно отдало перевѣсъ важности содержанія надъ важностью формы [140]).

Въ единственномъ случаѣ можно усмотрѣть торжество чистаго искусства, когда оно удовлетворяетъ интересамъ одного образованнѣйшаго класса общества. Такъ было, напримѣръ, въ эпоху итальянскаго возрожденія. Но нашему времени никогда не вернуться къ этому золотому вѣку аристократическаго творчества. Теперь всепоглощающіе интересы дня—реальная жизнь народа, отношенія классовъ, взаимодѣйствіе личности и общества, идеаловъ и жизни, и искусство, если только оно желаетъ имѣть у себя публику, должно неминуемо связать путь своего развитія съ этими фактами.

Но, разъ искусство неразрывно съ дѣйствительностью и творчество должно выражать *вѣрованія* автора и даже въ опредѣленномъ направленіи, т.-е. его сочувствіе страждущимъ братьямъ, то вѣдь оно можетъ превратиться въ чистую проповѣдь гуманныхъ идей и совпасть съ обыкновенной журнальной публицистикой?

Именно этого совпаденія и потребуютъ впослѣдствіи крайніе «реалисты» шестидесятыхъ годовъ. Писаревъ откажется дѣлать различія между художественными произведеніями и хрониками и обозрѣніями и пожелаетъ, чтобы беллетристика существовала и читалась исключительно ради положительныхъ сообщеній и фактическихъ данныхъ.

Бѣлинскій не могъ совершить подобнаго акта надъ неотразимымъ естественнымъ явленіемъ, и здѣсь одна изъ существенныхъ заслугъ его критики.

Никакое горячее сочувствіе идейно-общественнымъ задачамъ литературы, никакое глубокое презрѣніе къ птичьему лепету разумныхъ существъ не могло поднять его руки на понятіе красоты и творческой свободы.

«Искусство прежде всего должно быть искусствомъ» [141])—это незыблемая истина, несомнѣнная для Бѣлинскаго даже въ минуты его пламеннаго негодованія на Гоголя-публициста. Устремляя противъ *Переписки съ друзьями* всю силу логики и страсти, Бѣлинскій въ то же время «отчитывался» *Мертвыми душами. Художникъ*

---

[140]) *Взглядъ на русскую литературу въ 1847 году.* XI, 361.

[141]) *Ib.*, стр. 351.

не утрачивалъ своего обаянія надъ критикомъ, какъ бы низко не опускалось его *мышленіе*. *Образы* продолжали горѣть безсмертной красотой рядомъ съ недостойными *идеями*.

И врядъ ли какой критикъ, равнаго политическаго темперамента, посвятилъ столько восторженныхъ рѣчей художественной красотѣ, какъ Бѣлинскій! Онъ превращался въ поэта, заговаривая о существеннѣйшемъ источникѣ эстетическаго наслажденія. Онъ, достигшій вершинъ положительной мысли, вновь становился романтикомъ, лишь только ему предстояло показать неотразимо манящую перспективу таинственнаго процесса, именуемаго творческимъ вдохновеніемъ.

Въ первое время петербургской дѣятельности художественные восторги Бѣлинскаго часто превращаютъ его статьи въ стихотворенія въ прозѣ. Онъ и теперь отнюдь не поклонникъ умилительныхъ эстетическихъ созерцаній. Напротивъ. Онъ переживаетъ первый неудержимый задоръ въ борьбѣ съ дѣйствительностью и стремительно ищетъ всюду личностей, воплощающихъ переживаемое имъ настроеніе. Онъ произнесетъ восторженную хвалу Лермонтову и его герою, онъ даже увѣнчаетъ Ивана Грознаго. Московскій царь, воскресившій въ памяти исторіи тацитовскія страницы о римскихъ цезаряхъ, оказывался жертвой современныхъ условій полуазіатскаго быта. Они лишили царя возможности пересоздать дѣйствительность, не дали ему никакого развитія, онъ остался при своей естественной силѣ и грубой мощи.

И посмотрите, съ какимъ напряженіемъ мысли и героическими усиліями чувства защищаетъ нашъ борецъ личность только во имя ея *личныхъ* независимыхъ и сильныхъ проявленій! Мы при каждомъ словѣ должны помнить истинный источникъ мыслей автора и не упускать изъ виду, что оправданія Грозному скрываютъ въ глубинѣ трепетное негодованіе на такъ-называемую силу вещей и заѣдающую среду.

«Тираннія Іоанна Грознаго,—пишетъ Бѣлинскій,—имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ быть, это былъ своего рода великій человѣкъ, но только не во время, слишкомъ рано явившійся Россіи, пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ. Можетъ быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его и которой онъ такъ страстно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее, и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости».

И дальше возстаетъ предъ нами совершенно романтическая

фигура: она должна бы вполнѣ удовлетворить автора *Философическаго письма*, тосковавшаго по таинственнымъ, захватывающимъ образамъ западныхъ среднихъ вѣковъ.

Здѣсь все, и блѣдное лицо, и впалыя сверкающія очи, и страшное величіе, и нестерпимый блескъ ужасающей поэзіи.,.

До такой живописи могла поднять воображеніе «гнусная расеейская дѣйствительность», вызывавшая на вражду всю природу Бѣлинскаго! Шиллеризмъ воскресъ, только уже не въ формѣ абстрактнаго героизма, а съ самыми положительными задачами и средствами.

И вотъ въ это самое время Бѣлинскій является пѣвцомъ поэтической красоты, не менѣе стремительнымъ, чѣмъ—грозной личности. Онъ, какъ и требуетъ самый предметъ, картиной поясняетъ силу прекраснаго надъ человѣческой душой. Онъ представляетъ читателямъ появленіе красавицы въ ярко освѣщенной залѣ и подробно рисуетъ эффектъ, мгновенное чудодѣйственное впечатлѣніе на пылкую юность, на суровую старость, на героевъ, на поэтовъ. Критикъ, въ порывѣ восторга, готовъ даже нанести жестокій ударъ своей религіи личнаго протеста и осмысленнаго стремленія пересоздавать дѣйствительность. Красавица можетъ не выражать опредѣленной идеи и даже опредѣленнаго чувства, и все-таки безгранично чаровать осчастливленнаго зрителя. Красота сама себѣ цѣль, подобно истинѣ и благу, и критикъ даетъ ей право царствовать надъ вселенной «только властію своего имени» [142]).

Отсюда естественный выводъ: да здравствуетъ искусство, осуществляющее красоту во имя ея самой!

Но такого вывода не будетъ сдѣлано, потому что критикъ лично не способенъ замереть въ безотчетномъ созерцаніи предъ какой угодно красавицей. И самое понятіе красоты незамѣтно сольется у него съ понятіемъ поэзіи. Тогда другое дѣло. Поэзія отнюдь не безстрастное шествіе нѣкоего величественнаго и ослѣпительнаго солнца. Она по самому существу жизнь и движеніе, слѣдовательно, источникъ весьма опредѣленныхъ чувствъ и, слѣдовательно, идей.

Критикъ будто не замѣчаетъ соревнованія двухъ весьма различныхъ понятій и въ одной и той же статьѣ воспѣваетъ самодовлѣющую невозмутимую красоту и даетъ цѣлый рядъ опредѣленій поэзіи.

Здѣсь также много романтическаго паѳоса, образы совершенно подавляютъ отвлеченія, но каждая картина дышитъ и горитъ вполнѣ реальными намѣреніями автора. «Поэзія—это огненный

---

142) *Стихотворенія М. Лермонтова.* IV, 278. 1841 г.

взоръ юноши, кипящаго избыткомъ силъ; это—его отвага и дерзость, его жажда желаній, неудержимые порывы его стремленія сжать въ пламенныхъ объятіяхъ и небо, и землю, разомъ осушить до дна неистощимую чашу жизни... Поэзія—это сосредоточенная, овладѣвшая собою сила мужа, вполнѣ созрѣвшаго для жизни, искупленнаго ея опытами, съ уравновѣшенными силами духа, съ просвѣтленнымъ взоромъ готоваго на битву и на подвигъ»...

Очевидно, царство поэзіи неограниченно, и основная сила его—способность вызывать сильныя движенія души. Критикъ и позже съ большимъ удовольствіемъ будетъ живописать «прекрасную молодую женщину» безъ опредѣленнаго выраженія въ чертахъ ея лица. Эта преданность чистымъ эстетическимъ впечатлѣніямъ краснорѣчива для нравственнаго міра Бѣлинскаго: критикъ всю жизнь оставался художникомъ и жизнью одною жилъ съ художниками, когда вопросъ заходилъ даже о прекрасныхъ формахъ. Красота такая же потребность нашего духа, какъ истина и добродѣтель [143]).

Но всѣ эти изліянія не исчерпываютъ міровоззрѣнія критика, а только выясняютъ одинъ изъ мотивовъ его духовной жизни. Въ области критики оно займетъ свое мѣсто, но въ понятіи *поэтическаго*. А оно отнюдь не тождественно съ идеей чистой, отрѣшенной красоты, все равно, какъ не совпадаетъ и съ представленіемъ о нравственной проповѣди, о преднамѣренномъ направленіи, о разсудочно усвоенномъ идеалѣ. Въ поэзію красота входитъ лишь какъ одинъ изъ частныхъ признаковъ и можетъ даже совершенно преобразоваться сравнительно съ своимъ первичнымъ опредѣленіемъ, именно совпасть съ *истиной*.

Это совпаденіе и является идеаломъ новой поэзіи. Оно даетъ въ результатѣ *натуральную школу*.

XXIX.

Борьба за гоголевское направленіе—главнѣйшая задача цѣлаго періода дѣятельности Бѣлинскаго. Онъ самъ неоднократно признаетъ основнымъ вопросомъ русской литературы *натуральную школу* и ставитъ его наравнѣ съ живѣйшимъ интересомъ современной общественной мысли, съ *славянофильствомъ*. Вокругъ этихъ темъ группируются важнѣйшія статьи Бѣлинскаго и его слово замираетъ на рѣшеніи задачъ, въ чемъ сила и смыслъ натуральнаго направленія искусства, и что положительнаго внесено славянофильскимъ толкомъ въ сознаніе русскаго общества?

Мы видѣли, какъ высоко поставлена критикомъ идейность творчества, опредѣленность направленія. Жоржъ-Зандъ ясно и

---

[143]) Статьи о Пушкинѣ. VIII, 368.

непосредственно удовлетворяла потребности Бѣлинскаго въ личной борьбѣ съ предразсудочнымъ обществомъ и косной толпой. Но онъ не могъ помириться съ *преднамѣренностью* борьбы ради какихъ бы то ни было возвышенныхъ цѣлей. Творчество не должно терять своихъ правъ предъ какими бы то ни было идеалами. Художникъ долженъ всегда и вездѣ оставаться художникомъ, идейность не должна быть тенденціей, а естественнымъ проявленіемъ таланта и натуры писателя. Въ этомъ весь смыслъ такъ-называемыхъ великихъ поэтическихъ дарованій: они безсознательно вдохновенны и непосредственно идейны.

У Бѣлинскаго нѣтъ выраженій *идейный*, *идейность*, онъ выражается энергичнѣе, говоритъ о *направленіи*, и неуклонно доказываетъ, что у художника оно также должно быть талантомъ, т. е. даромъ природы, а не извнѣ навязаннымъ символомъ вѣры. Партійные поэты смѣшны, по мнѣнію Бѣлинскаго, и отказаться художнику отъ творческой свободы значитъ обречь на гибель самый свой талантъ.

Но нѣкоторые поэты явно работаютъ въ пользу опредѣленныхъ политическихъ и общественныхъ идей, какъ же судить объ этой работѣ?

Отвѣтъ простой. Она сама себя судитъ. Она плодотворна, долговѣчна и стоитъ на высотѣ достоинства поэта, если подсказывается личными впечатлѣніями и чувствами художника. Именно самыя впечатлѣнія должны быть идейны, тогда только художественный талантъ съ одинаковымъ значеніемъ служитъ искусству и обществу.

«Творчество,—пишетъ Бѣлинскій,—по своей сущности требуетъ безусловной свободы въ выборѣ предметовъ не только отъ критиковъ, но и отъ самого художника. Ни ему никто не въ правѣ задавать сюжетовъ, ни онъ самъ не въ правѣ направлять себя въ этомъ отношеніи. Онъ можетъ имѣть опредѣленное направленіе, но оно у него только тогда можетъ быть истинно, когда безъ усилія, свободно сходится съ его талантомъ, его натурою и инстинктами и стремленіемъ» [144]).

Одного только критикъ можетъ требовать отъ художника, чтобы онъ оставался вѣренъ изображенной имъ дѣйствительности и не извращалъ выбраннаго предмета личными вымыслами.

Очевидно, свойства предмета и искреннее отношеніе къ нему сами по себѣ опредѣляютъ и значительность, и направленіе произведеній искусства. А выборъ этой или иной дѣйствительности для творческой работы зависитъ отъ глубины и богатства природы художника.

---

[144]) *Отвѣтъ Москвитянину*. XI, 234. 1847 г.

Впечатлѣнія одного поэта внушатъ ему только трели соловья, впечатлѣнія другого уподобятся «тенденціямъ». Такая именно судьба постигла Тургенева, и онъ въ свое оправданіе разсказалъ процессъ своего творчества совершенно по программѣ Бѣлинскаго. Это совпаденіе—краснорѣчивѣйшее свидѣтельство въ пользу эстетики нашего критика.

Бѣлинскій и здѣсь предупредилъ заблужденія нѣкоторыхъ публицистовъ шестидесятыхъ годовъ, во что бы то ни стало гнувшихъ творческія способности поэтовъ подъ извѣстное общественное знамя. Бѣлинскій, не меньше какихъ угодно публицистовъ почитавшій направленіе и идеи, не забылъ простѣйшаго факта: *психологическаго смысла творчества* и запутаннѣйшій вопросъ критики рѣшилъ въ полномъ согласіи и съ фактами, и съ самими художниками.

Откуда получается направленіе у художника и вообще у всякаго человѣка? Отъ очень нагляднаго обстоятельства: отъ живой и кровной симпатіи писателя съ духомъ, надеждами, радостями и болѣзнями своего времени. Безъ этой симпатіи немыслимъ просто болѣе или менѣе интеллигентный человѣкъ, какъ нравственная единица, еще менѣе возможенъ писатель.

Но вопросъ не кончается.

«Главное и трудное состоитъ не въ томъ, чтобъ имѣть направленіе и идеи, а въ томъ, чтобъ не выборъ, не усиліе, не стремленіе, а прежде всего сама натура поэта была непосредственнымъ источникомъ его направленія и идей».

Художникъ даже можетъ не отдавать полнаго и яснаго отчета въ идейномъ смыслѣ своихъ произведеній, все равно, какъ и въ возникновеніи и развитіи художественныхъ образовъ. Бѣлинскій встрѣтился съ самымъ рѣзкимъ фактомъ подобнаго недоразумѣнія,—въ лицѣ Гоголя. Но критикъ предусматривалъ раньше возможное самонепониманіе художника, и этотъ фактъ новое доказательство психологической глубины критики Бѣлинскаго.

Для примѣра Бѣлинскій беретъ не Гоголя, а другого своего любимаго поэта и предполагаетъ слѣдующее:

«Еслибъ сказали Лермонтову о значеніи его направленія и идей, онъ, вѣроятно, многому удивился бы и даже не всему повѣрилъ. И не мудрено: его направленіе, его идеи были онъ самъ, его собственная личность, и потому онъ часто выказывалъ великое чувство, высокую мысль въ полной увѣренности, что онъ не сказалъ ничего особеннаго. Такъ силачъ безъ вниманія, мимоходомъ, откидываетъ ногою съ дороги такой камень, который человѣкъ съ обыкновенною силою не сдвинулъ бы съ мѣста и руками» [145]).

---

[145]) *Стихотворенія Аполлона Григорьева.* X, 404. 1846 г. *Русская литература въ 1844 году.* IX, 293. 1845 г.

Если *направленіе* такъ неразрывно связано съ творчествомъ, то первоисточника его, очевидно, слѣдуетъ искать въ тѣхъ предметахъ, какіе выбираетъ художникъ для своей творческой работы. А предметъ можетъ быть идейнымъ только въ томъ случаѣ, когда онъ *значителенъ* по своему жизненному и общественному смыслу, когда въ немъ самомъ, независимо отъ преднамѣренныхъ толкованій и освѣщеній, заключается богатое поучительное содержаніе.

А такимъ предметомъ является только *дѣйствительность*, переживаемая даннымъ временемъ и обществомъ. Литература, избирающая ее своимъ предметомъ, и будетъ идейная въ силу естественнаго порядка вещей. Это и есть *натуральная школа*.

Намъ ясно теперь, почему Бѣлинскій съ такой неустанной энергіей защищалъ гоголевское творчество и почему въ торжествѣ новаго направленія видѣлъ ясное свидѣтельство развивающагося самосознанія русскаго общества. *Натуральная школа* обладаетъ направленіемъ и идеями сама по себѣ, по своей сущности, независимо отъ книгъ, аудиторій и критики. Пусть представители этой школы не сознаютъ всего общественнаго значенія своего творчества, только пусть не измѣняютъ своему художественному знамени, и плоды созрѣютъ безъ ихъ ухода.

Бѣлинскій судьбу натуральнаго направленія старался выяснить не только путемъ публицистики и эстетики, онъ связалъ ее вообще съ исторіей русской литературы. Онъ въ прошломъ русской словесности собралъ задатки новѣйшей школы, чтобы доказать ея глубоко-національный характеръ, онъ всѣ періоды русскаго литературнаго слова оцѣнилъ съ точки натуральныхъ принциповъ творчества. Гоголь сталъ на мѣсто Гегеля и *Мертвыя души* явились такимъ же неистощимымъ законодательствомъ для общественной мысли, какимъ раньше была гегельянская діалектика для философскихъ построеній.

Основное положеніе натуральной критики, высказаное въ 1842 году по поводу гоголевской поэмы, крайне рѣшительно:

«Въ томъ, что художническая дѣятельность Гоголя вѣрна дѣйствительности, мы видимъ черту геніальности» [146]).

Приложите этотъ принципъ къ историческимъ фактамъ и вы получите точную философію исторіи русской литературы: это — постепенный переходъ отъ искусственности и подражательности къ естественности и самобытности. Изъ книжной русская литература становилась живой и общественной.

Слѣдовательно, всѣ явленія прогрессивны, гдѣ правда и об-

---

[146]) Статья по поводу критическихъ статей К. Аксакова о *Мертвыхъ душахъ*. VI, 546.

щественность, наоборотъ, всѣ ретроградны, гдѣ искусственность, реторичность и художественная отрѣшенность. И Бѣлинскій знаетъ въ сущности только двѣ литературныя школы: *реторическую* и *натуральную*. Одна стремится къ выспреннимъ мотивамъ, громкимъ рѣчамъ, небывалымъ подвигамъ и героямъ, другая пребываетъ на землѣ и въ средѣ оoыкновенныхъ смертныхъ. И это направленіе существовало гораздо раньше Гоголя: въ сущности русская литература началась *натурализмомъ*, именно общественными сатирами Кантемира. Гоголь только окончательно утвердилъ власть исконнаго русскаго и сдѣлалъ невозможными новые набѣги лжи и подражательности на сцену національнаго творчества.

«Если бы насъ спросили,—пишетъ Гоголь,—въ чемъ состоитъ существенная заслуга новой литературной школы, мы отвѣчали бы: въ томъ именно, за что нападаетъ на нее близорукая посредственность или низкая зависть, въ томъ, что отъ высшихъ идеаловъ человѣческой природы и жизни она обратилась къ такъ-называемой «толпѣ», исключительно избрала ее своимъ героемъ, изучаетъ ее съ глубокимъ вниманіемъ и знакомитъ ее съ нею же самою. Это значило совершить окончательно стремленіе нашей литературы, желавшей сдѣлаться вполнѣ національною, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сдѣлать ее выраженіемъ и зеркаломъ русскаго общества, одушевить ее живымъ національнымъ интересомъ» [147]).

Мы видимъ, натуральная школа только предметомъ своего изученія достигла двухъ великихъ результатовъ, отвѣчающихъ духу новаго времени—общественной идейности и народности. Во имя этихъ завоеваній Бѣлинскій стоялъ на стражѣ гоголевскихъ произведеній и не пропускалъ случая выступить на защиту *Мертвыхъ душъ* противъ Сенковскаго, Полевого, даже друзей автора—проф. Шевырева и Константина Аксакова, наконецъ, противъ самого автора.

Библіотека для Чтенія уничтожала произведеніе Гоголя за наименованіе его *поэмой*, за несоблюденіе правилъ русской грамматики, за «нечистыхъ героевъ», за сходство съ романами Поль-де-Кока [148]). Одновременно Полевой въ *Русскомъ Вѣстникѣ* убѣждалъ Гоголя лучше перестать писать, чѣмъ «постепенно болѣе и болѣе падать», сочинять языкомъ харчевенъ и томить читателей въ смрадномъ воздухѣ «неопрятныхъ гостинницъ». Шевыревъ готовъ былъ требовать отъ Гоголя «добродѣтельнаго человѣка», патріотическаго оправданія отрицательныхъ героевъ и совѣтовалъ автору обратиться къ изученію высшаго общества, какъ неис-

---

147) *Русская литература въ 1845 году*. X, 283; XI. 328.
148) *Библ. для Чтенія*. 1842, т. 53.

черпаемаго кладезя русскихъ положительныхъ свойствъ. *Сѣверная Пчела* клеймила Гоголя за то же пристрастіе къ негодяямъ, за безвкусіе, дурной тонъ, за варварскій языкъ, и назначала ему мѣсто даже ниже Поль-де-Кока [149]). Константинъ Аксаковъ—полная противоположность петербургскимъ насмѣшникамъ и пасквилянтамъ, впалъ въ другую крайность, сопоставилъ Гоголя съ Гомеромъ. Смѣшное этого паѳоса почувствовали даже принципіальные враги Бѣлинскаго, въ родѣ Погодина и Шевырева, недоволенъ остался и Гоголь [150]).

Бѣлинскому предстояло единолично защищать Гоголя и отъ ярости враговъ, и отъ наивности друзей. Но защита не означала безусловнаго восторга. Правда, Гоголь—родоначальникъ новой національной школы. Онъ, какъ художникъ, стоитъ на высотѣ современности, но онъ не послѣднее слово творческаго таланта. Есть нѣчто, не входящее въ дарованіе Гоголя, и между тѣмъ весьма существенное для художника новаго времени. Это именно нѣчто и вызоветъ у Гоголя злополучную переписку. Бѣлинскій могъ предчувствовать ее задолго до ея появленія. Его остановили «мистико-лирическія выходки» въ поэмѣ, и онъ могъ отмѣтить измѣну художника своему истинному призванію, желаніе стать прорицателемъ, глашатаемъ великихъ истинъ, теорій и системъ. А теоріи и системы, по мнѣнію Бѣлинскаго, «всегда гибельны для искусства и таланта» [151]).

Но вѣдь возможенъ же случай, когда истины и теоріи одновременно и непосредственныя внушенія вдохновеннаго генія, и выводы сознательной мысли? Бѣлинскій сравнивалъ Гоголя съ животнымъ, рѣзко характеризируя безотчетность его творчества. Это не общее правило: о Жоржъ-Зандѣ Бѣлинскій такъ не могъ бы выразиться. Въ чемъ же разница?

XXX.

Аксаковъ, вознося Гоголя до Гомера, не призналъ Жоржъ-Зандъ великой писательницей. Бѣлинскій возмутился и воспользовался случаемъ еще разъ заявить свое преклоненіе предъ геніальностью «первой поэтической славы современнаго міра». Жоржъ-Зандъ—выше Гоголя, потому что имѣетъ значеніе не въ одной французской литературѣ, но и во всемірно-исторической [152]).

---

[149]) *Сѣв. Пч.* 1842 г., № 137.

[150]) Брошюра *Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя*: *Похожденія Чичикова или Мертвыя Души.* 1842 г. Отзывы Погодина, Шевырева и Гоголя. Барсуковъ VI, 298—9.

[151]) *Похожденія Чичикова.* XI, 69, 70. 1847 г.

[152]) VI, 541.

Критикъ не могъ объяснить подробно своего приговора, не могъ въ то время, когда, по словамъ Бѣлинскаго, цензура безпрестанно исключала изъ его статей по двѣ трети и въ томъ числѣ самый «смыслъ». Но намъ извѣстно изъ отрывочныхъ и общихъ намековъ, чѣмъ Жоржъ-Зандъ заслужила отъ русскаго критика такой роскошный вѣнокъ?

У Гоголя нѣтъ двухъ достоинствъ писателя—знаній и субъективнаго начала. Первое понятно само собой, второе объяснено критикомъ еще независимо отъ Гоголя, въ своеобразномъ толкованіи объективности. Гоголь только внушилъ болѣе яркое и подробное выясненіе старой мысли.

Бѣлинскій привѣтствовалъ въ *Мертвыхъ душахъ*, какъ «величайшій успѣхъ и шагъ впередъ», субъективность—болѣе ощутительную, чѣмъ въ прежнихъ произведеніяхъ. И дальше слѣдовало объясненіе.

«Мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатическою душою и духовно-личною самостью,—ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленія внѣшняго міра, а чрезъ и въ нихъ вдыхать *душу живу*» [153]).

Именно такой субъективностью въ высшей степени обладаетъ Жоржъ-Зандъ, и въ направленіи, рѣзко подчеркнутомъ у Бѣлинскаго.

Критикъ не могъ въ цѣльной статьѣ дать характеристику этого направленія, не могъ даже и случайно употреблять терминовъ, соотвѣтствующихъ его идеѣ, пришлось ограничиваться общими выраженіями — сочувствіе къ страждущимъ друзьямъ, «симпатія къ падшимъ и слабымъ», «гуманность и человѣколюбіе», «вѣчно-тревожное стремленіе къ идеалу и уравненію съ нимъ дѣйствительности». Во всѣхъ этихъ нравственныхъ качествахъ заключается «жизненная идея и паѳосъ французской націи», «рѣзкая черта ея національнаго характера» [154]).

Въ письмахъ Бѣлинскій выражался гораздо откровеннѣе. Еще въ концѣ 1841 года онъ сообщалъ Боткину о своей новой крайности и объяснялъ, что «это идея *соціализма*», и она стала для него «идеею идей... альфою и омегою вѣры и знанія», «поглотила

---

[153]) *Журнальныя и литературныя замѣтки.* VI, 577. 1842 г.

[154]) *Парижскія тайны.* IX, 32. 1844 г. *Сочиненія Державина.* VII, 99, 1843 г.

и исторію, и религію, и философію». «Ею,—прибавляетъ Бѣлинскій,—я объясняю теперь жизнь мою, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути жизни» [155]).

У насъ есть другія свѣдѣнія о настроеніяхъ Бѣлинскаго въ началѣ сороковыхъ годовъ. Отъ Грановскаго мы знаемъ объ увлеченіи критика Робеспьеромъ, потому что Робеспьеръ «удовлетворялъ дѣлами своими ненависти Бѣлинскаго къ аристократамъ» [156]). Тотъ же Грановскій рекомендуетъ Бѣлинскому читать французскихъ историковъ и *Encyclopédie Nouvelle*, гдѣ можно познакомиться съ Пьеромъ Леру. Грановскій его называетъ «однимъ изъ самыхъ умныхъ и благородныхъ людей въ Европѣ».

Бѣлинскій послѣдовалъ совѣту, и, вѣроятно, безъ всякаго совѣта обратился бы именно къ французской исторіи. Она вполнѣ совпадала съ его новыми восторгами предъ соціальными задачами французской литературы. И Бѣлинскій не былъ въ одиночествѣ. Кругомъ него молодое поколѣніе жадно напитывалось политическою мыслью Франціи, перечитывало Прудона, Кабе, Леру и особенно Фурье и позже Луи Блана. Уже къ 1843 году, по словамъ современника, «книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ, подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ». Но результаты новыхъ увлеченій не могли ограничиться чистой теоріей: французскія идеи вскорѣ должны были создать и своихъ мучениковъ [157]).

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ, не перестававшій тлѣть въ русскихъ умахъ со временъ декабристовъ, долженъ былъ сообщить особенно жгучій интересъ демократическимъ и соціальнымъ ученіямъ Запада. Бывшій авторъ *Дмитрія Калинина*, вернувшійся къ рыцарственной войнѣ съ дѣйствительностью, вполнѣ послѣдовательно и, по обыкновенію, страстно углубился въ исторію и идеалы европейскаго соціализма.

Онъ началъ издалека. Ему хотѣлось прослѣдить источники современнаго движенія, уяснить сѣмена соціальныхъ задачъ въ революціи восемьдесятъ девятаго года, изучить законодательскую дѣятельность революціонныхъ собраній и особенно внимательно вдуматься въ факты открытаго соціальнаго характера, именно въ исторію бабувизма и французскихъ карбонаріевъ.

Бѣлинскій принялся читать *Исторію революціи* Тьера и, конечно, не могъ найти искомыхъ указаній. Стремительный бонапартистъ и представитель воинствующаго оппортюнизма менѣе всего могъ ввести русскаго читателя въ область демократиче-

---

155) Пыпинъ. II, 122.

156) II, 439.

157) Анненковъ. *Воспомин. и критич. очерки.* III, Спб. 1881, стр. 70—1.

скихъ стремленій XIX-го вѣка. Бѣлинскій нашелъ желаннаго историка въ лицѣ Луи Блана, поставившаго во главѣ угла своей исторіи прогрессъ демократіи. *Исторія десяти лѣтъ* очаровала Бѣлинскаго.

Анненковъ разсказываетъ:

«По возвращеніи моемъ въ 1843 году въ Петербургъ, почти первымъ словомъ, услышаннымъ мною отъ Бѣлинскаго, было восторженное восклицаніе о книгѣ Луи Блана: «Что за книга Луи Блана!—говорилъ онъ. — Вѣдь этотъ человѣкъ намъ ровесникъ, а между тѣмъ, что такое я передъ нимъ, напримѣръ? Просто стыдно подумать о всѣхъ своихъ кропаніяхъ передъ такимъ произведеніемъ. Гдѣ они берутъ силы, эти люди? Откуда у нихъ является такая образность, такая проницательность и твердость сужденія, а потомъ такое мѣткое слово! Видно, жизнь государственная и общественная даютъ содержаніе мысли и таланту наиболѣе, чѣмъ литература и философія» [158]).

Въ этихъ словахъ звучало явно тяжелое чувство. Мысль Бѣлинскаго начинала задыхаться въ тѣсныхъ предѣлахъ искусства и литературной критики. Этому чувству не суждено было ни замереть, ни потускнѣть. Начиналась новая драма для вѣчно-жаждущаго духа, драма мысли и воли, мучительнѣйшая изъ драмъ, доступныхъ человѣческой природѣ. Бѣлинскій чувствуетъ себя будто приговореннымъ къ пожизненному заключенію и насильственному молчаничеству. Ему невыносимо больно, и онъ не смѣетъ издать крика, произнести даже слово, вѣрно опредѣляющее его боль и ея источникъ.

«Если бы знали вы,—говорилъ онъ Панаеву,—какое вообще мученіе повторять зады, твердить одно и то же все о Лермонтовѣ, Гоголѣ, Пушкинѣ, не смѣть выходить изъ опредѣленныхъ рамокъ,—все искусство да искусство! Ну, какой я литературный критикъ! Я рожденъ памфлетистомъ, и не смѣть пикнуть о томъ, что накипѣло на душѣ, отчего сердце болитъ».

А между тѣмъ враги Бѣлинскаго послѣ его смерти будутъ укорять его съ особеннымъ усердіемъ въ «докучной сказкѣ», въ «двѣнадцати статьяхъ о Пушкинѣ и «чуть ли» не въ «ста эпизодахъ о Лермонтовѣ и Гоголѣ», въ «безконечныхъ и утомительныхъ варьяціяхъ!» [159])

Бѣлинскій, какъ всегда, пытался и въ статьяхъ выразить свою душевную тоску. Онъ съ горечью выражалъ подозрѣніе, что читателямъ литература давно уже кажется предметомъ «истощеннымъ и слишкомъ часто истощаемымъ». Критикъ увѣрялъ, что

---

[158]) *Ib.*, стр. 72.

[159]) Погодинъ. *Москвитянинъ*, 1848 г., ч. IV.

и онъ «не чуждъ этого прогресса», и что было бы несправедливо упрекать его «въ отсталости отъ духа времени». Но... «будемъ разсуждать о русской литературѣ!» заключалъ Бѣлинскій, и вновь начиналъ свою сказку, напрягая всѣ силы одушевить ее интересами времени [160]).

Удавалось это съ величайшимъ трудомъ и только по счастливымъ случайностямъ. Бѣлинскій переживалъ лихорадочныя минуты при выходѣ каждой новой книги *Отечественныхъ Записокъ*. «Онъ съ какою-то жадностью бросался» на нее, «и дрожащей рукой разрѣзывалъ свои статьи, чтобы пробѣжать ихъ и посмотрѣть, до какой степени сохранился смыслъ ихъ въ печати. Въ эти минуты лицо его то вспыхивало, то блѣднѣло. Онъ отбрасывалъ отъ себя книжку въ отчаяніи, или успокоивался и приходилъ въ хорошее расположеніе духа, если не встрѣчалъ значительныхъ перемѣнъ и искаженій» [161]).

Но рѣдко дѣло кончалось такъ благополучно. Мы безпрестанно встрѣчаемъ въ письмахъ Бѣлинскаго такія, напримѣръ, восклицанія: «Святители! Изъ моей несчастной статьи вырѣзанъ весь смыслъ, ибо выкинута ровно половина», «статья не подгуляла бы, если бы цензура не вырѣзала изъ нея смысла и не оставила одной галиматьи», «статья страшно искажена... Чортъ возьми всѣ наши статьи да и всѣхъ насъ съ ними!»

Отчаяніе переходило въ самыя настоящія страданія, Бѣлинскій переживалъ «тяжелые дни». Оказывалось невозможнымъ, хвалить императора Петра, говорить о Державинѣ, о Мицкевичѣ о шапкѣ-мурмолкѣ, и именно самыя горячія статьи выходили «ошельмованными».

Какія опустошенія производились цензорскимъ карандашемъ можно приблизительно судить по напечатанной *статьѣ* о *Перепискѣ Гоголя* и ненапечатанному *письму* Бѣлинскаго къ Гоголю.

Противники критика и поклонники Гоголя-проповѣдника торжествовали: статья вышла «самая пустая», и они понимали почему: цензура не допустила Бѣлинскаго говорить о направленіи [162]). А между тѣмъ *письмо* о томъ же предметѣ до такой степени содержательно и внушительно, что впослѣдствіи нѣкоторые «петрашевцы», въ числѣ ихъ Достоевскій, были приговорены къ смертной казни только за распространеніе этого письма.

Здѣсь Бѣлинскій рѣзко и кратко перечислялъ «самые живые современные національные вопросы въ Россіи»: «уничтоженіе крѣпостного права, ослабленіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по

---

[160]) *Русская литература въ 1844 году*. IX, 232.
[161]) Панаевъ, стр. 405—6.
[162]) Отзывъ А. О. Смирновой. Берсуковъ. VIII, 593.

возможности, строгаго исполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть».

Это—правительственная программа освободительныхъ реформъ, ясно сознанная властью еще раньше письма, и задушевнѣйшимъ желаніемъ Бѣлинскаго было обсуждать именно эти вопросы. Но на пути стояла непреодолимая стѣна и, благодаря ей, предъ нами въ сочиненіяхъ критика только блѣдное и куцое отраженіе его дѣйствительной мысли.

Оставалось обходными путями идти къ страстно-желанной цѣли, и Бѣлинскій неуклонно *хвалилъ* и *порицалъ писателей-художниковъ*, не имѣя возможности подробно объяснить основанія своихъ похвалъ и порицаній и ограничиваясь только общими соображеніями. Отъ читателей требовалась недюжинная проницательность, чтобы оцѣнить по достоинству часто едва намѣченную мысль критика.

XXXI.

Петербургская молодежь стояла на уровнѣ современныхъ соціальныхъ идей Франціи. Въ *Словарѣ иностранныхъ словъ*, изданномъ Петрашевскимъ и представлявшимъ философскую и политическую систему русскихъ соціальныхъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ, конституціонный образъ правленія признавался «аристократіей богатства», т. е. буржуазнымъ строемъ.

Эта мысль—точное воспроизведеніе основного соціалистскаго воззрѣнія, выясненнаго у сенъ-симонистовъ. Несомнѣнно, имѣлась въ виду французская конституція, сначала хартія, октроированная Людовикомъ XVIII, потомъ основной законъ іюльской монархіи. По существу обѣ конституціи не противорѣчили другъ другу, одинаково утвержденные на высокомъ матеріальномъ цензѣ правящаго класса.

Въ результатѣ, французскій парламентъ превратился въ капиталистическую олигархію и политика его, при всей азартной оппозиціи партій разнымъ министерствамъ, но имѣла ничего общаго съ дѣйствительными интересами страны и народа.

Фактъ превосходно понимали въ Россіи и здѣсь вражда къ капиталу и его политическимъ привилегіямъ укоренялась не менѣе глубоко и искренне, чѣмъ на Западѣ. Бѣлинскій питалъ эту вражду, по обыкновенію, въ самой напряженной формѣ. Она не могла не отразиться въ его статьяхъ, какъ бы ихъ ни шельмовала цензура.

Критикъ не могъ открыто заявить своего сочувствія соціальному движенію, вызвавшему февральскую революцію, но неумолимо преслѣдовалъ будущихъ жертвъ этого движенія.

Разбирая «соціальный» романъ Эжена Сю, Бѣлинскій обрушивается на автора:

«Онъ желалъ бы, чтобъ народъ не бѣдствовалъ, и, переставъ быть голодною, оборванною и частью поневолѣ преступною чернью, сдѣлался сытою, опрятною и прилично ведущею себя чернью, а мѣщане, теперешніе фабриканты законовъ во Франціи, остались бы по прежнему господами Франціи, образованнѣйшимъ сословіемъ спекулянтовъ. Эженъ Сю показываетъ въ своемъ романѣ, какъ иногда сами законы французскіе безсознательно покровительствуютъ разврату и преступленію. И, надо сказать, онъ показываетъ это очень ловко и убѣдительно; но онъ не подозрѣваетъ того, что зло скрывается не въ какихъ-нибудь отдѣльныхъ законахъ, а въ цѣлой системѣ французскаго законодательства, *во всемъ устройствѣ общества*» [163]).

Подчеркнутыя нами слова, очевидно, пропущены цензурой по недостаточному вниманію или непониманію. Они, при всей краткости, выражали основной принципъ соціальной политики, равнодушный къ *политическимъ формамъ* и всецѣло направленный на *общественные устои*, т. е. на буржуазный капиталистическій феодализмъ новаго времени.

Бѣлинскому не всегда удавалось такъ опредѣленно выразить свою идею, тогда онъ разилъ врага въ лицѣ какого-нибудь другого *писателя-буржуа*, напримѣръ, Бальзака. Этотъ авторъ «вѣренъ моральному принципу выскочившаго въ люди богатаго мѣщанства», полная противоположность ему Жоржъ-Зандъ, «обвинитель, изобличитель и нравственная кара» современнаго французскаго общества. А «представители этого общества—набитые золотомъ мѣшки, пріобрѣтатели, люди, поклоняющіеся золотому тельцу»... [164]).

Читателямъ оставалось познакомиться съ романами Жоржъ-Зандъ и сдѣлать общій выводъ. Онъ былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ философіей Пьера Леру, вообще, демократическимъ соціализмомъ.

Бѣлинскій понималъ политическое значеніе буржуазіи именно такъ, какъ его представляли соціальные политики на Западѣ. Онъ ставитъ ее рядомъ съ дворянствомъ Людовика XV: и это сословіе и современная bourgeoisie, господствующая во Франціи, по мнѣнію критика, доказываютъ, что «меньшинство скорѣе можетъ выражать болѣе дурныя, нежели хорошія стороны національности народа» [165]).

---

[163]) IX, 18.
[164]) *Сочиненія Зенеиды Р—вой.* VII, 152. 1843 г.
[165]) *Взглядъ на русскую литературу въ 1846 году.* XI, 41.

Наконецъ, Бѣлинскому иногда удавалось провести задушевную идею съ нѣкоторой страстью, перенести ее на почву искусства, нравственности и даже религіи. При защитѣ натуральной школы, такъ кстати сказать доброе слово о «малыхъ сихъ», и критикъ говоритъ, ставя цѣль гораздо дальше вопросовъ литературы.

Прочтите, напримѣръ, его сравненіе образованнаго человѣка съ необразованнымъ, вы непремѣнно почувствуете «памфлетиста, больше, чѣмъ «литературнаго критика».

«Вы говорите,—обращается Бѣлинскій къ своимъ противникамъ,—что образованный человѣкъ выше необразованнаго. Съ этимъ нельзя не согласиться съ вами, но не безусловно. Конечно, самый пустой свѣтскій человѣкъ несравненно выше мужика, но въ какомъ отношеніи? Только въ свѣтскомъ образованіи, а это нисколько не помѣшаетъ иному мужику быть выше его, напримѣръ, со стороны ума, чувства, характера. Образованіе только развиваетъ нравственныя силы человѣка, но не даетъ ихъ: даетъ ихъ человѣку природа. И въ этой раздачѣ драгоцѣннѣйшихъ даровъ своихъ она дѣйствуетъ слѣпо, не разбирая сословій... Если изъ образованныхъ классовъ общества выходитъ больше замѣчательныхъ людей, это потому, что тутъ больше средствъ къ развитію, а совсѣмъ не потому, чтобы природа была для людей низшихъ классовъ скупѣе въ раздачѣ даровъ своихъ».

И дальше слѣдуетъ краснорѣчивое изображеніе человѣколюбія Искупителя, не различавшаго мудрыхъ и образованныхъ отъ простыхъ умомъ и сердцемъ, призвавшаго рыбаковъ быть «ловцами человѣковъ» [166]).

Къ тому же порядку идей принадлежитъ горячая проповѣдь Бѣлинскаго противъ холоднаго скептицизма, отсутствія какой бы то ни было дѣятельной нравственной вѣры. «Спокойные скептики», «абстрактные человѣки» — это «безпаспортные бродяги въ человѣчествѣ».

Согласно съ сенъ-симонистами Бѣлинскій скептицизмъ считаетъ признакомъ переходныхъ эпохъ, разложенія старыхъ основъ общества. Скептицизмъ въ такихъ случаяхъ—болѣзнь времени.

Критикъ не отрицаетъ скептицизма, очищающаго истину отъ лжи и заблужденій. Но такой скептицизмъ—свойство всѣхъ глубокихъ людей, онъ — жажда знанія, а не холодное отрицаніе.

Совершенно другое скептицизмъ, какъ щегольство, какъ модное платье. Оно по плечу только мелкимъ умамъ и ничтожнымъ душамъ. «Только маленькіе великіе люди, фокусники и потѣшники праздной толпы, только они сомнѣваются во всемъ легко и весело,

---

[166]) *Взглядъ на русскую литературу въ 1847 году.* XI, 348—9.

забавляясь, а не страдая». Скептицизмъ сильныхъ умовъ, напротивъ, неудовлетворенное стремленіе къ истинѣ.

Бѣлинскій идетъ дальше тѣмъ же сенъ-симонистскимъ путемъ. Онъ требуетъ сильнаго чувства въ знаніи и разумнаго убѣжденія въ вѣрѣ. «Сознательная вѣра и религіозное знаніе» — единственные источники живой дѣятельности. Безъ нихъ воцаряется эгоизмъ и шутовство надъ священнѣйшими преданіями и стремленіями человѣчества [167]).

Намъ понятны всѣ конечные выводы этихъ положеній. Бѣлинскій одинаково не способенъ допустить самодовлѣющей чистой учености и безотчетнаго, хотя бы самаго идеальнаго увлеченія. Всякое знаніе должно непосредственно отражаться на поведеніи человѣка и его отношеніяхъ къ внѣшнему міру, всякая идея должна возвышаться до уровня религіознаго вѣрованія, т. е. убѣжденіе должно быть догматомъ практической жизни личности, истиной неподкупной и неустрашимой. «Теоретическая нравственность»—явленіе фарисейское, она совершенно ничтожна для оцѣнки человѣка. «Въ сферѣ теорій и созерцаній быть героемъ добродѣтели тысячу разъ легче, нежели въ дѣйствительности выслужить чинъ коллежскаго регистратора или, пообѣдавъ, почувствовать себя сытымъ» [168]).

Легко представить, чего стоило Бѣлинскому оставаться при «теоретической нравственности». И самая истина теряла для него смыслъ и значеніе. Что въ ней толку, «если ея нельзя популяризировать и обнародывать?—Мертвый капиталъ!..»

И Бѣлинскій безнадежно зачахъ въ жестокомъ противорѣчіи своей натуры съ поприщемъ своей дѣятельности. Герценъ еще за четыре года до смерти Бѣлинскаго мѣтко опредѣлилъ крестъ, лежавшій на его плечахъ.

«Энергія и невозможность дѣла,—писалъ Герценъ,—сломили его. Возможность внутренняя и невозможность внѣшняя превращаютъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; они загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: *я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу»*... [169]).

Герценъ, подобно всѣмъ друзьямъ Бѣлинскаго, понималъ развѣ только половину правды о немъ. Всѣ могли понять, когда и отчего Бѣлинскому становилось тяжело, но проникнуть въ нравственный и психологическій смыслъ тяготы оказывалось задачей не-

---

[167]) *Рѣчь о критикѣ А. Никитенко.* — *Сочиненія Платона.* VI, 279. 460. Письмо у Пыпина. II, 307.

[168]) Статьи о Пушкинѣ. VIII' 461.

[169]) *Былое и думы.* I, 307.

разрѣшимой. Не требовалось особенной проницательности усмотрѣть жестокую драму въ невозможности для писателя высказаться, но совсѣмъ другое дѣло—правильно оцѣнить манеру человѣка смотрѣть на практическое значеніе своей истины.

Бѣлинскій могъ сравнивать себя съ жидомъ, а своихъ противниковъ съ филистимлянами, но это не значило для него сознаваться въ слѣпой фанатической нетерпимости, а только характеризовало его рѣшительность въ борьбѣ за свою правду, его отвращеніе къ уступкамъ и сдѣлкамъ, его неспособность закрыть глаза на заблужденія хорошаго человѣка потому только, что онъ хорошій человѣкъ.

Герцену и Грановскому все это казалось нестерпимо-дикимъ и у нихъ даже существовала общая система для оправданія личныхъ благодушныхъ отношеній съ филистимлянами.

Пусть Аксаковъ доводитъ москвобѣсіе до высшей нелѣпости, но «нельзя же порвать такъ холодно связи многихъ лѣтъ. Дружба должна быть снисходительна и пристрастна, она должна любить лицо, а не идею».

Такъ разсуждалъ Герценъ, и Бѣлинскому при желаніи ничего не стоило изобличить друга въ софизмахъ и спросить у него, какими ухищреніями ему удавалось лицо отдѣлить отъ идеи, въ особенности когда этимъ лицомъ былъ самый цѣльный и послѣдовательный представитель москвобѣсія?

Грановскій поступалъ проще, не прибѣгалъ къ нравственнымъ соображеніямъ, а прямо ставилъ рядомъ «невообразимую» философію славянофиловъ и личную симпатичность нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, Ивана Кирѣевскаго: «Я уважаю въ немъ благородство и независимость характера, соединенныя съ теплотою души», оправдывался Грановскій. Недуренъ и Петръ Кирѣевскій: «въ нихъ такъ много святости, прямоты вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ»,—восторгается обыкновенно очень сдержанный и остроумный профессоръ. И Грановскій готовъ съ радостью участвовать въ *Москвитянинѣ*, славянофильскомъ органѣ, если только редакторомъ будетъ Иванъ Кирѣевскій [170]).

Бѣлинскій рѣшительно не могъ понять ни этихъ чувствительностей, ни еще менѣе журнальнаго сотрудничества въ завѣдомо враждебномъ лагерѣ. Самъ Грановскій изложилъ воззрѣнія Кирѣевскихъ въ самомъ отчаянномъ тонѣ: Западъ сгнилъ, русская исторія испорчена Петромъ; вся мудрость человѣческая истощена въ твореніи св. отцовъ греческой церкви...

Это дѣйствительно филистимлянскій символъ вѣры сравнительно съ міросозерцаніемъ Грановскаго, и все-таки глубокое уваженіе Кирѣевскимъ и статьи ихъ журналу!

---

[170]) *О. с.* II, 369, 381, 402, 259.

Какое впечатлѣніе такая «гуманность» могла производить на Бѣлинскаго? Герценъ разсказываетъ:

«Съ нашей стороны было невозможно заарканить Бѣлинскаго. Онъ слалъ намъ грозныя грамоты изъ Петербурга, отвергалъ насъ, предавалъ анаѳемѣ и писалъ еще злѣе въ *Отечественныхъ Запискахъ*».

Грановскій интересовался, читалъ-ли Бѣлинскій его статью въ *Москвитянинѣ*. Бѣлинскій отвѣчалъ Герцену: «Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія» [171]).

Самого Герцена Бѣлинскій предупреждалъ, что отъ него попахиваетъ умѣренностью и благоразуміемъ житейскимъ, т. е. началомъ паденія и гніенія. И дальше слѣдовало жестокое издѣвательство надъ двоемысліемъ и недомысліемъ пріятеля касательно дикихъ, но удивительныхъ людей.

Игра не могла продолжаться безъ конца, Герцену и Грановскому пришлось склонить свои головы предъ «нетерпимостью» Орланда. «Бѣлинскій былъ правъ,—восклицаетъ Герценъ.—Грановскому приходится еще тѣснѣе. Ему приходится написать именно объ Иванѣ Кирѣевскомъ рѣчи, вполнѣ достойныя «неистоваго Виссаріона».

«Здѣшніе п... нарекли его русскимъ Златоустомъ. А этотъ Златоустъ смѣло говоритъ о необходимости изгнать изъ государства всѣхъ иновѣрцевъ, или, по крайней мѣрѣ, подчинить ихъ строгому надзору православной церкви. Изъ всей этой безобразной партіи только у Петра Кирѣевскаго и у Ивана Аксакова есть живая душа и безкорыстное желаніе добра». Всѣ остальные «Аксаковы, Самарины и братія противны» Грановскому, «какъ гробы. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи всего, что́ сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей исторіи» [172]).

Да, Бѣлинскій былъ правъ! Только нѣсколько поздно это признаніе посѣтило умы его друзей.

И все-таки онъ—не ослѣпленный фанатикъ и не самообольщенный «учитель жизни». Онъ только не отдѣляетъ лица отъ идеи и всегда готовъ *ради идеи* пощадить *лицо*, а не наоборотъ, какъ это было у его пріятелей. И мы встрѣтимъ Бѣлинскаго въ станѣ словянофиловъ съ рѣчами мира: въ эту минуту мы можемъ твердо быть увѣрены, что во враждебномъ станѣ оказалось нѣчто истинное и благородное, независимо отъ привлекательности самихъ воиновъ.

---

[171]) *Былое и думы*. I, 311, 307.

[172]) Письмо изъ Москвы къ Кавелину отъ 2 окт. 1855 г. *О. с.* II, 456—7.

Предъ нами теперь окончательно выяснились идеальные запросы Бѣлинскаго къ художественному таланту. Великъ этотъ талантъ, если изображаетъ дѣйствительность во всей ея правдѣ, но существуетъ еще высшая степень величія, когда талантъ *сознательно* живетъ интересами этой дѣйствительности, когда его вдохновеніе совпадаетъ съ его разумомъ, художникъ сливается съ гражданиномъ, поэтъ съ мыслителемъ и столь же непосредственно создаетъ ббразы, какъ и исповѣдуетъ идеалы.

Только при такихъ условіяхъ невозможны трагическія недоразумѣнія писателя съ самимъ собой, борьба его разсудка съ его геніемъ и достижима общественно-просвѣтительная не умирающая цѣль творчества.

Бѣлинскій убѣдился въ этихъ истинахъ на судьбѣ двухъ даровитѣйшихъ художниковъ русской литературы.

Критикъ съ величайшей любовью раскрылъ всѣ художественныя достоинства поэзіи Пушкина, но долженъ былъ признать: «Пушкинъ поэтъ гораздо выше Пушкина мыслителя». Это доказывается отношеніемъ Пушкина къ внѣшнему міру: оно—чисто созерцательное, а не рефлектирующее. Поэту чуются диссонансы и противорѣчія жизни, производятъ даже на него впечатлѣніе страданія, но поэтъ смотритъ на нихъ «съ какимъ-то самоотрицаніемъ, какъ бы признавая ихъ роковую неизбѣжность, и не нося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность ея осуществленія». Въ пушкинской поэзіи нѣтъ духа анализа, нѣтъ страстнаго, полнаго вражды и любви мышленія,—всего, чтб вдохновляетъ поэзію новаго времени. И съ теченіемъ времени отъ пушкинскаго таланта выигрывало искусство и мало пріобрѣтало общество. Можно объяснять эти результаты, но нельзя не признать, что Пушкинъ для нашего времени—слава историческая, и творчество его не стоитъ на уровнѣ съ нашимъ идеальнымъ представленіемъ о художникѣ. Школа Пушкина не можетъ уже произвести великаго поэта. Нельзя также ставить Пушкина рядомъ съ величайшими поэтами Запада.

Такая честь была бы законна, если бы въ нашемъ поэтѣ съ одинаковой глубиной и силой развились творчество и мысль, и если бы его поэзія выросла на почвѣ многовѣковой цивилизаціи.

Именно отсутствіе такой почвы и оправдываетъ во многомъ созерцательныя и примирительныя наклонности пушкинскаго вдохновенія. Бѣлинскій ни на минуту не забываетъ, чего стоитъ русское общество, хотя бы просвѣщенное и на видъ европейски развитое. Въ немъ неизмѣнно существуетъ непроходимая пропасть между жизнью и поэзіей. Личность, одаренная исключительными духовными силами и особенно художественнымъ талантомъ, осуждена на одиночество. Предъ ней одна часть общества спокойно

тянетъ день за днемъ въ грязи и пошлости будней, другая—меньшинство—увлекается поэзіей, усиленно старается сблизить ее съ жизнью. Но въ самой дѣйствительности и среди общества нѣтъ никакого сродства съ поэзіей, остается брать ее исключительно изъ книгъ и удовлетворять запросы ума и сердца книжной пищей.

Это—благопріятнѣйшія условія для возникновенія всевозможныхъ Донъ-Кихотовъ мужского и женскаго пола. Идеальныя дѣвы кишатъ въ русской захолустной жизни, идеальные юноши, можно сказать—неотъемлемое богатство русскаго быта, и на каждомъ шагу геройствуютъ и страдаютъ Донъ-Кихоты любви, науки, литературы, убѣжденій...

Бѣлинскому, очевидно, и здѣсь удается высказать не все, что накипѣло у него на сердцѣ. Насчетъ Донъ-Кихотовъ убѣжденій онъ, несомнѣнно, распространился бы не меньше, чѣмъ о воспитаніи русскихъ барышень, и по поводу Евгенія Онѣгина набросалъ бы рядъ такихъ же жизненныхъ картинъ, какъ и по поводу Татьяны. Онъ показалъ бы, по личному опыту, что значитъ проводить въ русскую среду не идеальное чувство любви, а горячую вѣру ума, что значитъ писать статью, не зная участи каждой строчки еще до появленія въ свѣтъ и разсчитывая только на немногихъ избранныхъ даже послѣ всяческихъ мытарствъ. Но критикъ все это сохранилъ въ сердцѣ своемъ, зато рѣшился превратить Онѣгина въ одну изъ трагическихъ жертвъ русской дѣйствительности.

Эту идею слѣдуетъ признать однимъ изъ внушеній чисто личныхъ впечатлѣній критика, все равно, какъ раньше романтическую реабилитацію Ивана Грознаго. Малѣйшій проблескъ личности, едва уловимый намекъ на страданія ея по винѣ внѣшняго міра, и Бѣлинскій немедленно является во всеоружіи своего краснорѣчія на защиту *человѣка* противъ *стада*.

Онѣгинъ менѣе всего достоинъ благороднаго ратоборства критика, и сама же логика мститъ Бѣлинскому за донъ-кихотство. Онѣгинъ оказывается «эгоистомъ поневолѣ»; «въ его эгоизмѣ должно видѣть то, что древніе называли fatum». Но почему же тогда подвергается порицанію Пушкинъ, объясняющій эгоизмъ другой жертвы разочарованія—Алеко—«судьбами», т. е. тѣмъ же fatum'омъ?

Этого мало. Онѣгинъ ничего не дѣлаетъ и, очевидно, не способенъ ни къ какому дѣлу. Бѣлинскій не винитъ его, виновато общество. Оно лишено дѣйствительныхъ потребностей, вызывающихъ сильную личность на дѣло. И посмотрите, до чего договаривается донъ-кихотствующій адвокатъ въ своемъ стремительномъ гнѣвѣ на пошлость массы, адвокатъ одного изъ родныхъ дѣтищъ именно этой массы:

«Что бы сталъ дѣлать Онѣгинъ въ сообществѣ съ такими прекрасными сосѣдями, въ кругу такихъ милыхъ ближнихъ? Облегчить участь мужика, конечно, много значило для мужика, но со стороны Онѣгина тутъ еще немного было сдѣлано. Есть люди, которымъ если удается что-нибудь сдѣлать порядочное, они съ самодовольствіемъ разсказываютъ объ этомъ всему міру, и такимъ образомъ бываютъ пріятно заняты на цѣлую жизнь. Онѣгинъ же не изъ такихъ людей: важное и великое для многихъ, для него было не Богъ знаетъ чѣмъ».

И безъ поясненій ясно, сколько страннаго и неожиданнаго заключается въ этихъ соображеніяхъ! Облегченіе участи мужика выходило дѣломъ значительнымъ только для мужика! Конечно, не для Онѣгина; онъ, вѣдь, по словамъ поэта:

Чтобъ только время проводить,

задумалъ «порядокъ новый учредить». Благотворительность отъ скуки — одно изъ пошлѣйшихъ проявленій пошлыхъ существованій, и критикъ беретъ ее подъ свое покровительство. А между тѣмъ, онъ такъ энергически умѣлъ уничтожить «теоретическую нравственность» и героевъ грандіозныхъ плановъ и системъ! Чѣмъ же инымъ могли быть Онѣгины въ наилучшемъ случаѣ?

Въ той же самой статьѣ объ Онѣгинѣ Бѣлинскій заявляетъ: «благодатная натура не гибнетъ отъ свѣта вопреки мнѣнію мѣщанскихъ философовъ». Какъ же могъ погибнуть Онѣгинъ?

Критикъ имѣлъ законнѣйшее право клеймить пошлость общества, рѣзкими чертами рисовать ея разлагающее вліяніе на отдѣльныхъ личностей, даже утверждать, что «у насъ только геніальность спасаетъ человѣка отъ пошлости», но критику необходимо было осторожнѣе раздавать терновые вѣнки и не увѣнчивать одного изъ расовыхъ выразителей засасывающей стадности и нравственной дряблости. Пушкинъ въ этомъ случаѣ оказывался болѣе мыслителемъ: онъ не скрылъ ни одной изъ мелкихъ чертъ «московскаго Чайльдъ-Гарольда» и заключилъ романъ меньше всего патетическимъ аккордомъ, достойнымъ страдающей одинокой личности...

Увлеченіе Бѣлинскаго Онѣгинымъ естественно затуманило его взглядъ на Татьяну, и здѣсь онъ забылъ про сосѣдей и близкихъ, т.-е. забылъ вывести смягчающія обстоятельства изъ всей этой пошлости для характера и міросозерцанія Татьяны. Эстетическое тунеядство Онѣгина можно было оправдать, а великую правду Татьяны о психологіи онѣгинскаго чувства къ ней пришлось принести въ жертву ея *обществомъ* воспитанной идеѣ о супружескомъ долгѣ!..

Мы знаемъ разгадку этихъ противорѣчій. Когда человѣкъ задыхается, всякая струя болѣе свѣжаго воздуха вызываетъ у

него радостный и благодарный откликъ. И мы раньше видѣли, какое чарующее и благотворное дѣйствіе производили на нашего критика встрѣчи съ рѣзко-очерченными личностями въ жизни или въ литературѣ. Этотъ инстинктъ остался до конца, и даже Онѣгинъ могъ послужить благодарнымъ поводомъ для лишней вылазки противъ «гнусной дѣйствительности».

Этотъ порывъ не помѣшалъ Бѣлинскому дать безсмертную оцѣнку таланта Пушкина и въ исторію русской литературы вписать классическія страницы о классическомъ поэтѣ.

Гоголь вызвалъ у критика несравненно болѣе сильныя чувства. Онъ по природѣ и таланту былъ гораздо доступнѣе Пушкина «субъективности». Онъ это доказалъ многими лирическими «волнами» въ *Мертвыхъ душахъ*, напримѣръ, въ изображеніи судьбы двухъ писателей разнаго направленія.

И что же?

Именно этотъ человѣкъ, на комъ покоились высшія надежды критика, чье творчество было его настоящимъ и будущимъ, кто для его завѣтнѣйшихъ идей создалъ незабвенные образы, этотъ человѣкъ вздумалъ отречься отъ своего дѣла, не понять внушеній своего генія и призваніе общественнаго просвѣтителя смѣшать на роль усыпителя...

XXXII.

Исторія съ *Перепиской* Гоголя, безспорно, любопытнѣйшій эпизодъ во всей исторіи нашей общественной мысли. Нечего и говорить, до какой степени глубокая психологическая задача—уясненіе его, какъ одного изъ фактовъ чрезвычайно сложнаго нравственнаго міра писателя. Но не менѣе великъ интересъ и внѣшней судьбы *Переписки*. Здѣсь первостепенную роль играетъ нашъ критикъ *).

Гоголь поразилъ прежде всего своихъ личныхъ друзей и восторженнѣйшихъ поклонниковъ своего таланта. Въ семьѣ Аксаковыхъ, гдѣ царствовалъ своего рода гоголевскій культъ, переписка вызвала междоусобицу. Отецъ, С. Т. Аксаковъ, не обинуясь объявилъ Гоголя сумасшедшимъ, призналъ его смерть, какъ художника, видѣлъ въ немъ «добычу сатанинской гордости». Аксаковъ шелъ дальше и открывалъ въ умѣпомѣшательствѣ Гоголя «много плутовства», въ общемъ сумашествіе выходило «и жалко, и гадко».

---

*) Эпизодъ съ «Перепиской» подробно изложенъ въ статьѣ «Осужденная книга», см. «М. Б.» 1897 г., май. Тамъ же и письмо Бѣлинскаго изъ Зальцбрунна. *Прим. редакціи.*

Эти мнѣнія почти тождественны впечатлѣніямъ Бѣлинскаго, вплоть до уликъ Гоголя въ плутовствѣ. Съ отцомъ соглашался Константинъ Аксаковъ и онъ самому Гоголю заявлялъ, что «важныя и еще болѣе важничающія письма» «далеко оттолкнули» его, Аксакова, отъ Гоголя, что ученіе его «ложное, лживое». И Аксаковъ не скрывалъ отъ другихъ своего негодованія, всюду разносилъ его по Москвѣ и тоже сообщалъ объ этомъ Гоголю.

За *Переписку* возсталъ Иванъ Аксаковъ и въ теченіе нѣкотораго времени велъ полемику съ отцомъ. Онъ въ письмахъ Гоголя находилъ «идеалъ художника-христіанина», упивался языкомъ, «торжественною важною тишиною» проповѣдей. Отецъ рѣзко останавливалъ восторги сына. Языкъ писемъ называлъ пошлымъ, сухимъ, вялымъ и безжизненнымъ, не могъ «безъ горькаго смѣха» слушать наставленіе Гоголя помѣщикамъ, «безъ отвращенія» его завѣщаніе...

Побѣда осталась на сторонѣ отца, и сынъ вскорѣ усмотрѣлъ въ книгѣ «много лжи и нелѣпицы, много скрытой гордости и самолюбія».

Погодинъ также убѣдился въ «помѣшательствѣ» и «гордости» Гоголя, тѣмъ болѣе, что Гоголь въ той же книгѣ нанесъ Погодину жестокое оскорбленіе, громогласно изобличивъ его въ писательскомъ неряшествѣ, въ легкомысленной торопливости сообщить читателямъ свои незрѣлыя мысли, въ безплодности его тридцатилѣтней муравьиной работы.

Погодинъ, по его словамъ и по свидѣтельству Шевырева, жестоко «огорчился до глубины сердца» и «горько плакалъ» и затѣмъ написалъ Гоголю:

«Другъ мой, Іисусъ Христосъ учитъ насъ подставлять правую ланиту, получивъ пощечину въ лѣвую, но гдѣ же учитъ онъ давать публично оплеухи?»

С. Т. Аксаковъ написалъ Гоголю: «я не вѣрилъ глазамъ своимъ, что вы, разставаясь съ міромъ и со всѣми его презрѣнными страстями, позорите, безчестите человѣка, котораго называли другомъ и который точно былъ вамъ другъ, но по своему» [173]).

Гоголь одумался и сообщилъ Погодину, что онъ напишетъ другую статью *о достоинствѣ сочиненій и литературныхъ трудовъ Погодина*. Но обѣщаніе осталось невыполненнымъ и странный способъ практиковать христіанское смиреніе сохранился въ *Перепискѣ* во всемъ неподражаемомъ блескѣ.

Душевный недугъ, несомнѣнно, дѣйствовалъ здѣсь на первомъ планѣ, но идея о лжи, ненатуральности, не истинности Гоголя

---

[173]) *О перепискѣ* Гоголя разсказано въ *Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ*, С. Т. Аксакова. Москва. 1890, стр. 155 etc.

не ограничилась впечатлѣніями Сергѣя и Константина Аксаковыхъ [174]). Грановскій задолго до появленія *Переписки* отмѣтилъ въ Гоголѣ именно тѣ черты, какія возмутили Аксаковыхъ: «много претензій, манерности, что-то неестественное во всѣхъ пріемахъ» [175]). Только А. Смирнова осталась непреклонной и своими восторгами продолжала растлѣвать недугъ писателя, фактъ, не имѣвшій никакого положительнаго значенія для современнаго общественнаго значенія, но весьма существенный въ судьбѣ Гоголя.

Бѣлинскій могъ быть довольнымъ и вмѣстѣ съ Боткинымъ привѣтствовать существованіе твердаго *направленія* въ русской литературѣ: *Переписка* встрѣчала единогласное осужденіе [176]). Но критикъ не могъ удовлетвориться столь скромнымъ торжествомъ. «Гнусная книга» взволновала все его существо. Еще никогда такъ мучительно не поднималось противорѣчіе личнаго стремленія и внѣшней возможности выполнить его. И Бѣлинскій именно по этому случаю далъ особенно рѣзкое опредѣленіе своей душевной драмѣ: «природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по лисьи». Статья, мы знаемъ, не позволила, «зажмуривъ глаза, отдаться негодованію и бѣшенству». Гоголь дорожилъ мнѣніемъ Бѣлинскаго, но, подобно Пушкину, не рѣшался вступить съ нимъ въ открытыя дружескія отношенія. Личныя связи автора *Мертвыхъ душъ* были на сторонѣ барей-славянофиловъ и просто барей: здѣсь не находилось мѣста неистовому плебею.

Но это непреодолимое обстоятельство не мѣшало Гоголю пользоваться услугами Бѣлинскаго по изданію *Мертвыхъ душъ* и пересылать ему «письмецо» по поводу его статьи о *Перепискѣ*.

Со многими мыслями этого «письмеца» согласились бы, навѣрное, даже и тѣ, кого возмущала *Переписка*: Бѣлинскій выходилъ просто «раздраженнымъ» человѣкомъ, по существу неспособнымъ хладнокровно вдуматься въ предметъ своего суда.

Въ отвѣтъ послѣдовало знаменитое письмо Бѣлинскаго.

Онъ жилъ въ это время въ Зальцбруннѣ, безплодно стараясь возстановить свое въ конецъ разбитое здоровье, и письмо Гоголя упало на нервно-раскаленную почву, и Бѣлинскій далъ волю своему перу, не боясь цензуры и не щадя противника.

Письмо не только одинъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ въ жизни

---

[174]) Напримѣръ, не лишенъ интереса отзывъ кн. П. Вяземскаго: «Въ Гоголѣ много истиннаго, но онъ самъ не истиненъ; много натуры, но онъ самъ не натураленъ; много здраваго, добраго, но онъ самъ болѣзненъ: былъ таковымъ прежде, таковъ и нынѣ». Барсуковъ. VIII, 558—9.

[175]) Письмо къ Станкевичу отъ 12 февр. 1840 г. *О. с.* II, 384.

[176]) Письмо Боткина къ Анненкову отъ 28 февр. 1848 г. *Анненковъ и его друзья*. Спб. 1892, стр. 529.

критика,—оно историческій фактъ для всего русскаго общества. Первый критикъ своего времени возставалъ противъ своего любимѣйшаго писателя, любимѣйшаго какъ «надежды, чести славы своей страны», какъ «одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса», и теперь ненавистнаго, *лично-ненавистнаго*, какъ безумнаго проповѣдника тьмы, неподвижности и рабства. До сихъ поръ ни въ одной литературѣ нѣтъ примѣра, гдѣ бы человѣкъ и гражданинъ слились въ такомъ подавляющемъ паѳосѣ идеи и страсти, гдѣ бы отдѣльная личность съ такой глубиной и мукой пережила общую утрату какъ свое кровное лишеніе.

Бѣлинскій и теперь продолжаетъ именовать Гоголя «великимъ писателемъ», «геніальнымъ человѣкомъ», и тѣмъ воинственнѣе его гнѣвъ на «позорныя строки». Онъ становится безпредѣльнымъ, когда вопросъ касается крѣпостного народа, его свободы и благоденствія. Очевидно, это старая наболѣвшая рана этого рыцарскаго сердца, и малѣйшее прикосновеніе къ ней заставляетъ Бѣлинскаго горѣть молніями гнѣва и презрѣнія.

И въ то же время какая чисто-религіозная вѣра въ свою родину, въ ея будущее, даже въ русскую публику въ «инстинктъ истины» у русскаго человѣка! Книга Гоголя «позорно провалилась сквозь землю»,—развѣ это не фактъ общественнаго самосознанія? Развѣ это не свидѣтельство «свѣжаго здороваго чутья» у русской публики. Пусть все это будетъ въ зародышѣ, но, несомнѣнно, у такого общества есть будущность.

Бѣлинскій на нѣсколькихъ страницахъ умѣлъ захватить всѣ общественныя отношенія дореформенной Россіи, бросить огненное слово обо всѣхъ назрѣвшихъ вопросахъ современности, и въ общемъ представить, за всѣми этими идеями и страстными рѣчами, свой поразительно-яркій и могучій образъ. Письмо останется незабвеннымъ въ національныхъ преданіяхъ русскаго народа, какъ правдивая страница прошлой дѣйствительности, какъ искренняя исповѣдь жизнедѣятельнаго идеализма, какъ нерукотворный памятникъ одного изъ вѣрнѣйшихъ сыновъ Россіи [177]).

Гоголь отвѣчалъ Бѣлинскому кратко и смиренно: «Что мнѣ отвѣчать!—писалъ онъ,—Богъ вѣсть, можетъ быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды». Здѣсь стояло и превосходное опредѣленіе врага, брошенное съ укоризной, но на самомъ дѣлѣ—почетное и правдиво: «рыцарь прошедшихъ временъ»... Такъ именовалъ Гоголь Бѣлинскаго, оставляя, къ сожалѣнію, неопредѣлимой противоположность этому образу.

---

[177]) Письмо въ наиболѣе полномъ видѣ напечатано у Барсукова, VIII, глава LXIX.

Въ бумагахъ Гоголя сохранились клочки другого письма—не посланнаго и разорваннаго. Его позаботились возстановить и оно дѣйствительно гораздо вразумительнѣе перваго посланія. Здѣсь весьма основательно выражался взглядъ на совершеннаго русскаго критика и русскаго обывателя: одинъ долженъ показывать читателямъ красоты въ твореніяхъ писателей, другой—примиряться съ жизнью и благословлять все въ природѣ. Но поучительными тихими рѣчами Гоголь не желалъ ограничиться, ни въ *Перепискѣ*, ни во второмъ томѣ *Мертвыхъ душъ*, ни въ отвѣтѣ Бѣлинскому. Смиренный, всепрощающій христіанинъ вдругъ сталкивался съ покаяннаго пути чрезвычайно надменнымъ и злобнымъ полемистомъ и тогда рядомъ съ вылазками на критиковъ и друзей въ «Перепискѣ», съ памфлетомъ на «рѣзкаго направленія недоучившагося студента», писались такія увѣщанія:

«Нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными статейками французскихъ романистовъ».

Или:

«Вспомните, что вы учились кое-какъ, не кончили даже университетскаго курса. Вознаградите это чтеніемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ умомъ, совращающимъ съ прямаго взгляда» [178]).

Раздраженіе Гоголя вполнѣ естественно. Ему пришлось защищаться одновременно и отъ «словенистовъ и европеистовъ», какъ на его языкѣ назывались «славянофилы и западники». Всѣ вдругъ впали въ «излишества». Онъ въ началѣ попытался было стать выше партій, объявилъ спорящія стороны одинаково «каррикатурами на то, чѣмъ хотятъ быть» и уличилъ всѣхъ въ незрѣлости и слѣпотѣ.

Такой критическій полетъ не могъ имѣть успѣха: самому Гоголю нечего было сказать зрѣлаго и опредѣленнаго для приведенія партій къ согласію и взаимному пониманію. Онъ достигъ только одного: обидѣлъ «словенистовъ» и не завоевалъ «европеистовъ».

Всѣмъ было ясно, что *Переписка* тяготѣетъ къ Востоку, и Боткинъ и Бѣлинскій, не сговариваясь другъ съ другомъ, выразили тождественныя впечатлѣнія. Боткинъ удивлялся, почему славянская партія отказывается отъ Гоголя изъ-за *Переписки*, «сама натолкнувъ его на эту дорогу?» Бѣлинскій писалъ еще энергичнѣе;

«Славянофилы... напрасно на него сердятся. Имъ бы вспомнить пословицу: неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Они... трусы,

---

[178]) Перепечатано тамъ же, стр. 614 etc.

люди не консеквентные, боящіеся крайнихъ выводовъ собственнаго ученія, а онъ человѣкъ храбрый, которому нечего терять»[179]).

Бѣлинскому не въ первый разъ приходилось сталкиваться съ непримиримыми противорѣчіями славянофильскаго толка, и все изъ-за того же Гоголя. Авторъ *Мертвыхъ душъ* не напечаталъ ни строки въ *Отечественныхъ Запискахъ*, водилъ хлѣбъ-соль только съ славянофилами, *Москвитянинъ* былъ его литературнымъ органомъ въ такой же мѣрѣ, какъ и всей славянофильской партіи. И онъ именно среди этой партіи встрѣтилъ необузданные восторги, далеко оставлявшіе за собой критику Бѣлинскаго.

Чаадаевъ даже всѣ изъяны *Переписки* относилъ не лично къ Гоголю, а къ его московскимъ друзьямъ.

«Тамъ въ Москвѣ,—писалъ Чаадаевъ,—сталъ нуженъ человѣкъ, котораго бы могли поставить на-ряду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ и выше всѣхъ прочихъ писателей настоящаго и прошлаго времени. Этихъ поклонниковъ я знаю коротко; я ихъ люблю и уважаю; они люди умные, люди хорошіе; но имъ надобно во что бы то ни стало возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми странами въ мірѣ, имъ непремѣнно надобно себя и другихъ въ томъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашелся на первый случай такой маленькій наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса, а онъ имъ повѣрилъ»[180]).

Положимъ, Гоголю и отъ природы было дано не мало страсти попасть въ положеніе учителя, проповѣдника, вообще руководителя неразумными смертными и онъ еще въ ранней молодости снабжалъ свою семью поученіями и выспренними изрѣченіями. Но Чаадаевъ правъ въ изображеніи славянофильскихъ ухаживаній за Гоголемъ.

Но вѣдь Гоголь, какъ художникъ, представитель натуральной школы. А школа эта—бѣльмо на аристократическихъ глазахъ воспитанныхъ «словенистовъ» и ученыхъ профессоровъ, въ родѣ Юрія Самарина и Шевырева. О Самаринѣ Бѣлинскій выражался, что онъ «не лучше Булгарина по его отношенію къ натуральной школѣ»[181]), а Шевыревъ во снѣ и на яву видѣлъ свѣтское изящество и эстетику итальянскаго возрожденія, писалъ нарочитыя статьи противъ «западной» школы и находилъ полное сочувствіе у Погодина[182]). *Москвитянинъ* вообще служилъ пріютомъ для всѣхъ враговъ натуральнаго направленія...

И послѣ всего этого—культъ Гоголя!

---

[179]) *Анненковъ и его друзья*, стр. 529. Пыпинъ. II, 271.

[180]) У Барсукова. VIII, 578.

[181]) Письмо Бѣлинскаго къ Кавелину, *Русская Мысль*, 1892, январь.

[182]) Напримѣръ, въ № 1 1848 года. О Погодинѣ—Барсуковъ. IX, 391.

Бѣлинскій неоднократно указывалъ на это вопіющее недоразумѣніе. Славянофильская критика пыталась выйти изъ затрудненія, приписывая русской натуральной школѣ родство съ французской словесностью и усиливаясь открыть разницу между Гоголемъ и натурализмомъ. Всѣ старанія оставались безплодными и славянофилы бились въ собственныхъ тенетахъ [183]).

Очевидно, что-то неладное происходило одновременно и въ эстетикѣ, и въ политикѣ славянофильскаго лагеря. Обѣ области тѣсно примыкали другъ къ другу въ одномъ вопросѣ, великомъ одинаково и въ искусствѣ, и въ общественной жизни—въ вопросѣ о *народности*.

Отношенія Бѣлинскаго къ славянофильскимъ ученіямъ—послѣдняя глава въ исторіи его духовнаго развитія. Борьба съ принципіальными старыми противниками захватила всѣ многообразные умственные и художественные интересы, какими жилъ Бѣлинскій. Именно здѣсь его мысль и слово вступили въ вожделѣнную область живой общественной политики, и, слѣдовательно, скорѣе чѣмъ въ другихъ случаяхъ наталкивались на «внѣшнюю невозможность». И все-таки Бѣлинскій съумѣлъ написать вполнѣ точное и вразумительное завѣщаніе по важнѣйшимъ вопросамъ современнаго идейнаго движенія и по существу разрѣшить одну изъ сложнѣйшихъ задачъ позднѣйшей русской публицистики.

Эта борьба броситъ заключительный свѣтъ на незабвенное дѣло Бѣлинскаго и дорисуетъ намъ окончательно избранный образъ борца за разумъ и правду.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ив. Ивановъ.

---

[183]) *Отвѣтъ Москвитянину. — Взглядъ на русскую литературу въ 1847 году.* XI, 227, 246, 328.

Въ лѣсу.

Какой покой глубокій, безмятежный
Въ таинственной тѣни, среди сѣдыхъ стволовъ,
Тамъ, въ самой глубинѣ, гдѣ папоротникъ нѣжный
Раскинулъ кружево причудливыхъ листовъ.

—

На солнцѣ мохъ сверкаетъ позолотой
И яркой зеленью на посѣдѣвшемъ пнѣ,
Однообразною, тоскующею нотой
Звучитъ кукушки крикъ въ глубокой тишинѣ.

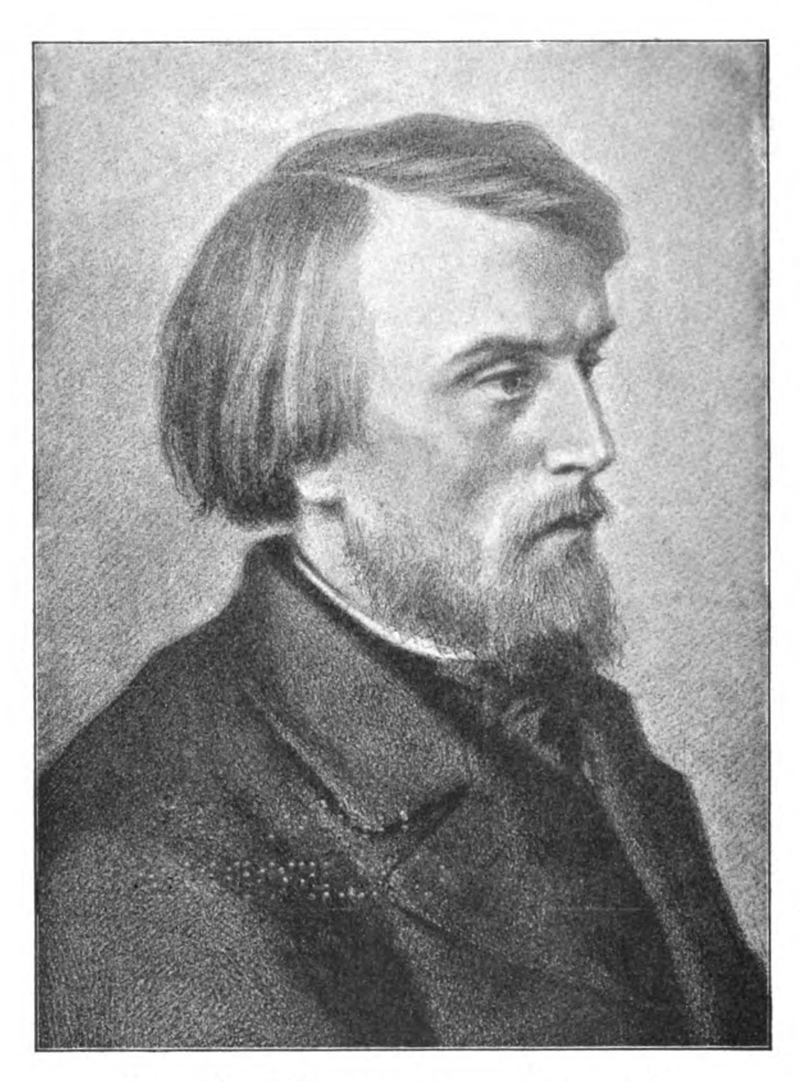
—

Порой мгновенный вѣтеръ пронесется
И слышится въ вѣтвяхъ подобный морю шумъ,
Какъ будто старый лѣсъ откликнется, проснется
И отъ глубокихъ сновъ и отъ завѣтныхъ думъ.

—

Какъ хорошо, забывъ свои страданья,
Природы голосамъ внимать средь тишины
И жадно пить душой горячія лобзанья
И солнечныхъ лучей и ласковой весны!

Allegro.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.
1810—1848.
(Идеальный портретъ работы художника И. А. Астафьева).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Памяти В. Г. Бѣлинскаго.

«Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно ни развилась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славой, ея украшеніемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознается, что значительной частью своего развитія обязанъ, непосредственно или посредственно, Бѣлинскому. Въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ оттѣнковъ едва ли найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести его имя».

Такъ сорокъ лѣтъ тому назадъ писалъ Добролюбовъ о Бѣлинскомъ по поводу выхода перваго собранія его сочиненій, и эти слова не теряютъ своего значенія и теперь, когда прошло полстолѣтія со дня кончины великаго русскаго писателя. Даже болѣе, — если Добролюбовъ все же счелъ нужнымъ отмѣтить «пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей», то нынѣ едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ «въ литературныхъ кружкахъ», который сталъ бы отрицать значеніе Бѣлинскаго или отказалъ бы ему въ уваженіи. Имя Бѣлинскаго играетъ въ литературѣ такую же роль теперь, какъ имя Пушкина, соединившее на празднествѣ 80 года всѣхъ около себя, примирившее всѣ направленія. Нѣтъ теперь двухъ мнѣній о немъ, и въ этомъ мы видимъ великое торжество тѣхъ началъ, провозвѣстникомъ которыхъ выступилъ въ литературѣ Бѣлинскій, которыя онъ выстрадалъ и за нихъ пострадалъ не мало. Здѣсь мы не будемъ останавливаться на ихъ развитіи и значеніи, такъ какъ наши читатели имѣютъ подробнѣйшее изложеніе взглядовъ Бѣлинскаго, характеристику его роли въ литературѣ и того пути развитія, который прошелъ великій критикъ,—въ статьяхъ г. Иванова. Мы же напомнимъ читателямъ въ общихъ чертахъ жизнь Бѣлинскаго и попытаемся дать краткую характеристику его личности.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій былъ сыномъ флотскаго врача и родился въ маѣ или февралѣ 1810 г. въ Свеаборгѣ, во время стоянки тамъ флотскаго экипажа, въ которомъ служилъ его отецъ, происходившій изъ духовнаго сословія. Дѣдъ Бѣлинскаго былъ священикомъ въ селѣ Бѣлыни, Пензенской губерніи, Нижнеломовскаго уѣзда, откуда и фамилія Бѣлынскій, передѣланная затѣмъ въ «Бѣлинскій». Дѣтство его протекло въ родной губерніи, въ уѣздномъ городѣ Чембарѣ, гдѣ продолжалъ службу его отецъ въ качествѣ уѣздаго «штабсъ-лекаря». Насколько можно судить по скуднымъ воспоминаніямъ, дѣтство Бѣлинскаго протекло въ родной семьѣ довольно сносно. Отецъ былъ для своего времени человѣкомъ развитымъ и понималъ даровитую натуру ребенка, отличалъ его остроуміе, поощрялъ раннюю пытливость его и вскорѣ научился уважать его голосъ. По словамъ г. Пыпина, «между ними была симпатія, благодѣтельно дѣйствовавшая на обоихъ въ рѣзкихъ случаяхъ. Висса-

ріонъ еще юноша, въ виду домашнихъ несогласій, сталъ заявлять свой голосъ, высказывать отцу свои укоры, и отецъ выслушивалъ ихъ, не негодовалъ, не оправдывался: очевидно, голосъ сына онъ принималъ съ уваженіемъ». Мать была женщина простая и необразованная; всѣ заботы ея ограничивались тѣмъ, чтобы прилично одѣть и накормить дѣтей.

Вообще, семья не могла дать особаго поощренія талантливому мальчику, но главное—не стѣсняла и не мѣшала развитію его даровитости, что было уже большимъ счастіемъ въ то время, если принять во вниманіе обстановку глухой провинціи съ ея дикими взглядами на воспитаніе и не менѣе дикими нравами. Пензенская губернія и теперь самый глухой уголокъ Россіи,—можно представить, чѣмъ былъ какой-нибудь Чембаръ сто лѣтъ тому назадъ. Большимъ счастіемъ для Бѣлинскаго была эта мягкая семейная атмосфера, въ которой онъ могъ чувствовать себя свободнымъ, гдѣ его не гнули въ бараній рогъ, слѣдуя домостроевскимъ традиціямъ патріархальной семьи, и теперь еще процвѣтающимъ у насъ въ разныхъ Чембарахъ, Зашиверскахъ и Тмутараканяхъ.

Бѣлинскій очень рано научился читать и страстно отдавался чтенію и дома, и въ уѣздномъ училищѣ Чембара, гдѣ продолжалось его обученіе. И здѣсь онъ попалъ въ сравнительно хорошія условія, благодаря мягкому и доброму смотрителю училища. Изъ времени пребыванія его въ училищѣ сохранился любопытный разсказъ Лажечникова о школьникѣ Бѣлинскомъ. «Въ 1823 г.,—разсказываетъ Лажечниковъ, бывшій тогда директоромъ училищъ Пензенской губерніи,—ревизовалъ я Чембарское училище. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12-ти, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ между тѣмъ на лицо казался старше, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ легко, скоро, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частью, своими словами, прибавляя то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его. Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ».

Талантливость маленькаго Бѣлинскаго сказывалась, какъ видно, очень рано, а его начитанность давала ей обильную пищу. «Еще будучи мальчикомъ,—пишетъ Бѣлинскій одному изъ своихъ друзей,—я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно и безъ всякаго разбору списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Державина и проч.; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину рощу», писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я сходилъ тогда съ ума».

Какъ въ училищѣ, такъ затѣмъ и въ пензенской гимназіи, куда Бѣлинскій поступилъ въ 1825 г., онъ настолько своимъ развитіемъ опережалъ образованіе, даваемое школой, что по существу ему здѣсь нечего было дѣлать. Понятно, что и гимназія не увлекала его ни мало, и онъ продолжалъ учиться по своему, съ еще большей, чѣмъ раньше, жадностью накидывался на чтеніе и страшно увлекался уже тогда театромъ. Одинъ изъ его тогдашнихъ учителей, Поповъ, сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о плохомъ гимназистѣ, но чрезвычайно даровитомъ мальчикѣ. «Многое мимоходомъ запало въ его крѣпкую память, многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше набиралось въ немъ свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназіи... Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ... По лѣтамъ и тогдашнимъ

отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ, но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ». Но Бѣлинскій не только глоталъ книги, какъ многіе даровитые и любознательные юноши,—онъ очень критически и вдумчиво относился къ книгѣ и чужому мнѣнію. Какъ впослѣдствіи онъ ничего не бралъ на вѣру и, страшно увлекаясь, въ то же время выхватывалъ изъ предмета его сущность, такъ и въ своихъ юношескихъ отношеніяхъ сохранялъ самостоятельность и самодѣятельность. Тотъ же Поповъ говоритъ, что «Бѣлинскій не поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ началъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте подумаю, дайте еще прочту». Если же съ чѣмъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной силой: «совершенно справедливо».

Въ юности, мы видимъ, уже складывались будущія черты Бѣлинскаго—искателя истинныхъ путей, піонера свободной мысли и критическаго отношенія къ дѣйствительности, упорнаго и страстнаго борца за свои убѣжденія, за то, что онъ считаетъ святымъ. Тогда же зародилась страсть къ театру, отличавшая Бѣлинскаго впослѣдствіи и которой литература обязана единственными по глубинѣ и силѣ статьями объ игрѣ Мочалова. Бѣлинскій-гимназистъ тратилъ всѣ свои скудныя средства на театръ, дѣлалъ займы для той же цѣли, для удовлетворенія своей исключительной по силѣ и страстности любви къ театру, о которомъ онъ впослѣдствіи пишетъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ»: «Театръ! Любили ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т.-е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? О, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!»

При такомъ направленіи ума, способностей, склонностей, понятно, Бѣлинскій мало удовлетворенія находилъ въ гимназіи, откуда и былъ исключенъ черезъ три года «за нехожденіе въ классъ». Такъ же мало далъ ему и университетъ, куда Бѣлинскій поступилъ въ концѣ лѣта 1829 г. На первое время онъ увлекался обстановкой, товариществомъ, но уже къ концу перваго года пустота и ничтожество тогдашней университетской науки оттолкнули Бѣлинскаго отъ профессорскихъ лекцій, и онъ снова вернулся къ прежнему источнику, утолявшему его духовную жажду,—къ самостоятельному чтенію, размышленію и спорамъ въ небольшомъ, тѣсномъ кругѣ избранныхъ товарищей, и къ театру, гдѣ въ то время на московской сценѣ подвизались такіе таланты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ. Во время студенческой жизни умъ его насыщался и работалъ неутомимо, мужалъ и крѣпчалъ. Складывались основныя черты будущаго критика, намѣчались тенденціи, руководившія имъ потомъ всю жизнь. Читая «Бориса Годунова», Бѣлинскій приходитъ въ неистовый восторгъ отъ сцены въ корчмѣ, онъ вскакиваетъ, бросаетъ книгу, опрокидываетъ стулъ и восторженно восклицаетъ: «да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно?» Это—та же до болѣзненности доходящая впечатлительность, которая отличала Бѣлинскаго всегда, заслуживъ ему прозвище «неистоваго Виссаріона». Краткое пребываніе въ университетѣ было полезно ему въ одномъ лишь отношеніи, давъ ему почти два года свободнаго времени, которые были цѣликомъ посвящены работѣ надъ, своимъ развитіемъ, самообразованію въ истинномъ и широкомъ значеніи этого слова. Но университетъ самъ по себѣ ничего не далъ ему, кромѣ лекцій Надеждина, котораго онъ, впрочемъ, слушалъ очень недолго, но лекціи его не прошли для Бѣлинскаго безслѣдно, хотя и не имѣли такого рѣшительнаго вліянія, какъ полагали раньше.

Бѣлинскій былъ типичный самоучка, обязанный исключительно своей энергіи, своей страстной любви къ знанію и литературѣ и особой, творческой способ-

ности по одному обрывку, по кончику нитки добраться до цѣлаго, охватить его разомъ и претворить въ цѣльное и ясное представленіе. Его упрекали иногда, что у него нѣтъ систематическихъ знаній ни по одному предмету, о которыхъ онъ писалъ, и это вѣрно. Но у него было нѣчто бо́льшее: была энергія мысли и чувства, которая не позволяла остановиться и успокоиться на чемъ-либо, постоянно толкала къ новой работѣ, къ новымъ исканіямъ. «Упорствуя, волнуясь и спѣша», геніальный самоучка поглощалъ все, что отвѣчало этому стремленію, безъ системы, безъ разбора, и среди этого хаоса проложилъ вѣрную дорогу для бѣдной русской мысли, не потерялся тамъ, гдѣ несравненно болѣе образованные. съ самыми систематическими знаніями, застряли въ трясинѣ, либо пришли къ рѣшительному выводу о спасительности старины, кнута и татарской мурмолки. Нѣтъ ничего несправедливѣе этихъ упрековъ по адресу такихъ натуръ. какъ Бѣлинскій, въ отсутствіи системы, въ недостаточной дисциплинѣ ума. Тогда какъ вся сила ихъ заключается именно въ томъ, что ихъ нельзя уложить ни въ какую систему, потому что система всегда ограничена, всегда узка и одностороння. Такіе умы безпредѣльны; они вбираютъ въ себя все окружающее и претворяютъ невѣдомымъ, непостижимымъ образомъ въ идеи, которыя, какъ откровенія, освѣщаютъ хаосъ смутныхъ и неясныхъ образовъ и служатъ маяками въ жизни. Они создаютъ новую науку, новое искусство, новую религію, смотря по тому, куда влечетъ ихъ геній, неспособный примириться съ существующимъ, которое его не удовлетворяетъ. Они истинная соль земли, въ нихъ, какъ лучи въ фокусѣ, сосредоточивается высшее напряженіе духовныхъ силъ данной эпохи даннаго общества.

Университетъ не далъ ничего Бѣлинскому, и послѣднему скоро пришлось и совсѣмъ оставить его. Поводомъ послужила драма «Дмитрій Калининъ», сущность которой составляетъ протестъ противъ крѣпостного права. Какъ литературное произведеніе, драма была крайне неудачной, ходульной, напыщенной и риторической вещью, хотя самъ авторъ былъ о ней весьма высокаго мнѣнія и на ея успѣхѣ строилъ весь планъ будущей жизни. Мечты его разлетѣлись прахомъ очень быстро, и дальше цензурнаго комитета драма не пошла. Но, по словамъ г. Пыпина, «цензурныя власти совпадали тогда съ университетскимъ начальствомъ, и неблагопріятное мнѣніе, составленное объ авторѣ пьесы, отразилось на студентѣ. Цензурная власть и въ то же время ректоръ университета Двигубскій пригрозилъ студенту за дерзкія мысли. Хотя Бѣлинскій написалъ послѣ домой, что положеніе его улаживается, но впечатлѣніе его «дерзости» сохранилось, и по всѣмъ отзывамъ, какіе намъ приходилось читать и слышать, трагедія имѣла положительную роль въ исключеніи его изъ университета». По вѣрному заключенію г. Протопопова, трагедія, если и не была поводомъ, то явилась «серьезной причиной» исключенія, которое и состоялось въ половинѣ 1832 г.

Бѣлинскій былъ слишкомъ опредѣлененъ, слишкомъ неспособенъ къ тому режиму, который прежде всего требовалъ приспособленія отъ студентовъ, а Бѣлинскій никогда не могъ приспособиться къ жизни. Въ гимназіи онъ не ужился и былъ исключенъ «за нехожденіе въ классъ», въ университетѣ тоже, и опять исключеніе «за неспособностью». Шестнадцать лѣтъ спустя то же неумѣніе приспособляться свело его преждевременно въ могилу въ такіе годы, когда большинство испытываетъ расцвѣтъ силъ. «Бѣлинскій,—говоритъ г. Протопоповъ,—былъ «не ко двору» въ своемъ уѣздномъ городишкѣ, «не ко двору» въ гимназіи, «не ко двору» въ университетѣ, да не ко двору и въ русской дѣйствительности: его настоящее мѣсто было въ храмѣ идеала, у подножія богини Истины, и онъ бывалъ страненъ, нелѣпъ и смѣшонъ, выходя оттуда, въ своемъ молитвенномъ, благоговѣйно-страстномъ настроеніи, на нашъ житейскій базаръ. Причина всѣхъ причинъ и всѣхъ поводовъ къ его исключенію

лежала именно здѣсь, въ несоединимыхъ свойствахъ нашей жизни и его нравственной природы».

На самого Бѣлинскаго исключеніе, въ связи съ погибшими надеждами на успѣхъ драмы, подѣйствовало удручающимъ образомъ, но не надолго. Матеріальное положеніе его было болѣе чѣмъ бѣдственное; и какъ существовалъ Бѣлинскій по выходѣ изъ университета, можно представить по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ его писемъ. Вообще, Бѣлинскій рѣдко жаловался на матеріальныя стѣсненія, хотя и любилъ иногда мечтать объ обезпеченномъ положеніи. Уже черезъ годъ онъ пишетъ съ увѣренностью, что никогда и нигдѣ не пропадетъ, «не смотря на всѣ жестокія гоненія судьбы... Не только не жалуюсь на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа. Будущее не страшитъ меня».

Съ этой вѣрой въ себя Бѣлинскій началъ самостоятельную жизнь, не стѣсненную рамками оффиціальныхъ обязанностей къ университеу или другому начальству, и уже въ 1834 г. выступилъ въ литературѣ съ блестящей статьей «Литературныя мечтанія», выдвинувшей его сразу на первое мѣсто въ журналистикѣ. Впечатлѣніе этой статьи лучше всего передаетъ Панаевъ. «Начало этой статьи,—говоритъ онъ,—привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакалъ въ Москву познакомиться съ авторомъ ея. Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея такъ и охватилъ меня. Не оно ли, подумалъ я, это новое слово, котораго я жаждалъ, не это ли тотъ самый голосъ правды, который я такъ давно хотѣлъ услышать?» Съ этого момента Бѣлинскій уже является признаннымъ цѣнителемъ въ литературѣ, къ голосу котораго прислушиваются и съ которымъ считаются. Литература всецѣло завладѣваетъ Бѣлинскимъ, вся жизнь котораго проходитъ среди интересовъ исключительно умственныхъ, въ страстномъ увлеченіи философіей, театромъ и журналистикой.

Еще въ университетѣ онъ сблизился съ кружкомъ лучшихъ студентовъ, группировавшихся около Станкевича. Съ другимъ кружкомъ, центромъ котораго былъ Герценъ, Бѣлинскій тогда не былъ такъ близокъ. Оба кружка въ то время нѣсколько враждовали, что особенно проявилось впослѣдствіи. Кружокъ Станкевича, говоритъ г. Пыпинъ, «первоначально воспитывался прямо по философіи, выслушанной у Павлова и Надеждина, и, увлекаемый заманчивой перспективой рѣшеній для глубочайшихъ вопросовъ человѣческой мысли, отдался исканію этихъ рѣшеній, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, какъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этими всеобъемлющими вопросами... Бѣлинскій, съ самаго начала увлекшійся поэтическими и отвлеченно-моральными интересами, рано присоединился къ кругу Станкевича; онъ встрѣчалъ здѣсь тѣ же стремленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ личность Станкевича произвела на него то привлекательное дѣйствіе, вліяніе котораго уцѣлѣло въ Бѣлинскомъ на многіе годы, и которое Станкевичъ производилъ вообще на всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался».

Мы не будемъ распространяться въ настоящей біографической справкѣ о вліяніи Станкевича и его кружка на Бѣлинскаго. Вопросъ этотъ и слишкомъ большой, и слишкомъ сложный, чтобы уложить его на нѣсколькихъ строкахъ. Изъ статьи г. Иванова читатели уже знаютъ, что вліяніе и значеніе всего кружка были и велики, и важны, но до сихъ поръ выставлялись въ преувеличенномъ видѣ. Бѣлинскій былъ настолько богатая и сложная натура, что подчинить ее тому или иному вліянію было трудно. Въ сущности, онъ, какъ инструментъ, настроенный на извѣстный тонъ, давалъ только отзвуки тому, что отвѣчало по высотѣ и настроенію его собственному душевному укладу въ данную эпоху его жизни. Въ этомъ отношеніи вліяніе кружка было дѣйствительно велико. Въ немъ онъ встрѣчалъ людей, стоявшихъ на одномъ съ нимъ уровнѣ по развитію, по стремленіямъ, по общему направленію мысли,—людей, хотя и уступавшихъ ему по творческой силѣ таланта, но превосходившихъ его

знаніями и во всякомъ случаѣ не уступавшихъ ему въ пониманіи литературы, театра, философіи, такъ увлекавшихъ его тогда.

Кромѣ Станкевича, самыми видными были Константинъ Аксаковъ, Бакунинъ, Василій Боткинъ и Грановскій. Каждый былъ оригиналенъ, съ яркой индивидуальностью и особымъ темпераментомъ. Всѣхъ объединяло идеальное стремленіе къ свѣту, къ истинѣ, къ правдѣ. Понятно, въ этой атмосферѣ чистѣйшихъ помысловъ и чистѣйшихъ страстей Бѣлинскій не могъ не чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ, жадно вбирая изъ каждаго то, что было роднымъ его душѣ. Больше всего онъ увлекался тогда философіей, въ которой, по свидѣтельству Тургенева, «мы всѣ искали тогда всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія». А для изученія философіи въ кружкѣ были два компетентныхъ знатока—Бакунинъ и самъ Станкевичъ. Бѣлинскій, обладавшій замѣчательнѣйшей философской организаціей, способной по основнымъ началамъ вывести самостоятельно всѣ логическія послѣдствія, превосходно воспользовался уроками этихъ вполнѣ свѣдущихъ лицъ.

Въ кружкѣ Бѣлинскій хотя и не занималъ перваго мѣста, но и не уступалъ никому. Прежде всего огромный литературный талантъ выдвигалъ его на первое мѣсто въ литературѣ изъ среды его болѣе свѣдущихъ товарищей. Затѣмъ онъ превосходилъ всѣхъ энергіей чувствъ, искренностью убѣжденій и порывомъ, заставлявшимъ его въ каждый данный моментъ всецѣло отдаваться охватившему его настроенію и этимъ увлекать за собой всѣхъ. Все это вмѣстѣ и сдѣлало то, что изъ всѣхъ членовъ кружка именно Бѣлинскій явился въ литературѣ представителемъ богатаго содержанія кружка.

Этотъ періодъ въ жизни Бѣлинскаго былъ, пожалуй, самымъ свѣтлымъ. Молодость, богатство надеждъ, свѣжесть таланта создавали то настроеніе, которое Пушкинъ называетъ «минутами умиленія, младыхъ надеждъ, сердечной тишины и нѣгой вдохновенія», — и не давали чувствовать тяготъ бѣдности и скуднаго матеріальнаго положенія. Бѣлинскій работалъ все время, со всѣмъ пыломъ истиннаго вдохновеннаго журналиста, сначала въ «Молвѣ», потомъ въ «Телескопѣ» Надеждина, редактировалъ «Московскій Наблюдатель».

И матеріалъ для его критической работы русская литература того времени представляла превосходный. Огонь, сжигавшій критика, находилъ для себя богатую пищу. Пушкинъ блисталъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, Грибоѣдовъ только что сошелъ со сцены, выступили Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Полежаевъ и цѣлая плеяда меньшихъ боговъ. Бѣлинскій словно вводилъ ихъ въ русское общество, разъясняя сущность ихъ поэзіи, прививая любовь къ истинной художественности, выясняя физіономію каждаго изъ этихъ талантовъ. Критикъ былъ достоенъ художниковъ, но и самъ учился у нихъ истинному пониманію красоты и правды.

Борьба съ бѣдностью, однако, давала себя чувствовать, и безъ того не крѣпкій организмъ пошатнулся именно въ тотъ періодъ. Бѣлинскій захворалъ роковымъ недугомъ, сведшимъ его впослѣдствіи въ могилу, и ѣздилъ на Кавказъ, гдѣ и оправился на время. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, именно въ 1839 г., Бѣлинскій переселился въ Петербургъ, гдѣ и начался второй, самый значительный періодъ его дѣятельности. Черезъ Панаева онъ вошелъ въ соглашеніе съ Краевскимъ, который купилъ тогда у Свиньина «Отечественныя Записки» и организовалъ редакцію для нихъ. И здѣсь, благодаря наивной и дѣтской непрактичности Бѣлинскаго, матеріальное положеніе его было далеко не блестящее. За тысячу рублей въ годъ онъ взялъ на себя весь критическій и библіографическій отдѣлъ журнала. Работа была, по словамъ Бѣлинскаго, «каторжная». Въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ онъ заканчиваетъ слѣдующей припиской: «вчера только отдѣлался отъ 10-ой книжки «Отеч. Записокъ». Мочи нѣтъ, какъ усталъ душой и тѣломъ: правая рука одеревенѣла и ломитъ». На обязанности Бѣлинскаго лежалъ разборъ массы глупѣйшихъ книжекъ, которыми онъ долженъ былъ заниматься для ежемѣсячнаго обозрѣнія.

Бѣлинскій сильно жаловался на эту скучную и неблагодарную работу. «Положительно тупѣю, — говорилъ онъ,—строчишь, строчишь о всякой пошлости и одурѣешь».

Жизнь шла довольно однообразно, въ гости онъ не любилъ ходить, по-прежнему часто бывалъ въ театрѣ, сильно волнуясь, если шла хорошая пьеса. До обѣда онъ писалъ, по вечерамъ собирался кружокъ близкихъ, шли безконечные споры или играли въ преферансъ, которымъ, какъ и всѣмъ, Бѣлинскій увлекался до страсти, причемъ страшно волновался и кипятился. Объ этой его безобидной страсти есть нѣсколько показаній друзей. Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ Кавелинъ объ игрѣ Бѣлинскаго: «Повѣритъ ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оплачивалась рублемъ-двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ, и если ему везло, былъ веселъ и доволенъ; поставивъ нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мраченъ, жаловался на судьбу, которая его преслѣдуетъ, и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату». Видя его волненіе за картами, друзья удерживали его, опасаясь за его здоровье, но Бѣлинскій сердился и отвѣчалъ на эти опасенія: «Что карты! Мое волненіе за картами пустяки; вотъ вредное для меня волненіе, какъ, напримѣръ, сегодня я волновался, когда мнѣ принесли листъ моей статьи, окровавленной цензоромъ; изволь печатать изуродованную статью! Отъ такихъ волненій грудь ноетъ, дышать трудно».

Въ Петербургѣ Бѣлинскій сдѣлался центромъ, къ которому стремилось все, что было лучшаго въ тогдашней литературѣ. Нравственный его авторитетъ былъ всѣми признанъ. Кромѣ Панаева, очень близкаго къ Бѣлинскому въ то время, въ кружкѣ были Тургеневъ, тогда только начинающій писатель, Некрасовъ, Одоевскій, Соллогубъ, впослѣдствіи Достоевскій, Анненковъ, Григоровичъ. Всѣ были молоды, увлекались, много спорили и часто зарывались. Бѣлинскій являлся среди нихъ самымъ зрѣлымъ, вполнѣ сложившимся человѣкомъ, признаннымъ борцомъ за высшіе идеалы литературы. Подходя къ нему, всѣ «подтягивались», въ лучшемъ значеніи этого слова. Для нихъ онъ былъ «учителемъ», что прекрасно выразилъ Некрасовъ въ одномъ изъ задушевнѣйшихъ воспоминаній объ этомъ времени:

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! предъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
«Чернорабочій я—не бѣлоручка!»
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ;
Но предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стóишь ты вѣнца,
И разумъ твой гóрѣлъ, не угасая,
Самимъ собою и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя—

То недовольство, что душѣ живой
Не дастъ возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говоритъ: «пора въ могилы!»

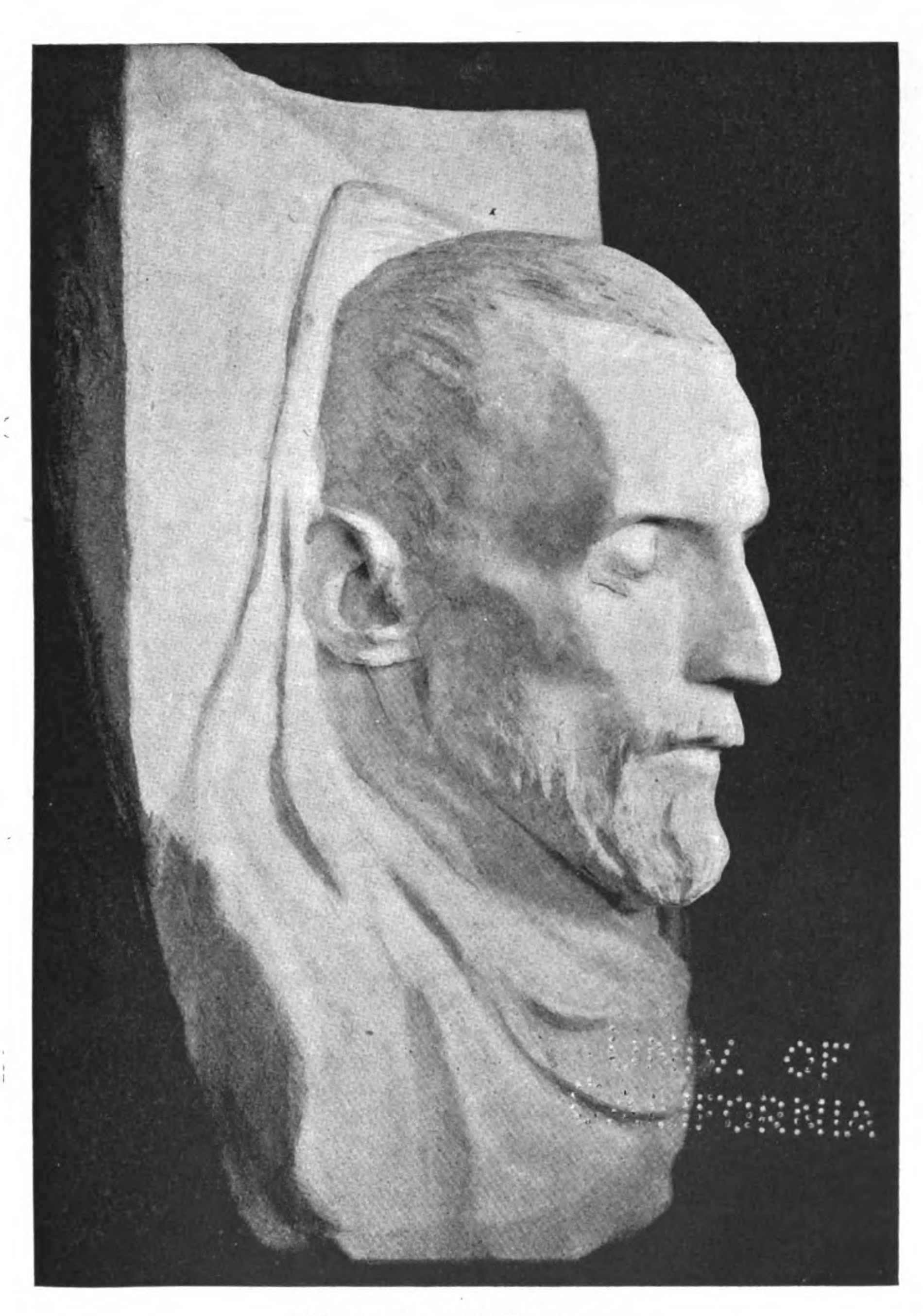
Въ 1843 году Бѣлинскій женился на Марьѣ Васильевнѣ Орловой, къ которой познакомился еще въ Москвѣ въ 1835 г. М. В. Орлова кончила курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, нѣкоторое время была гувернанткой въ частномъ домѣ и затѣмъ поступила въ институтъ классной дамой. Ей было уже 31 годъ, когда она вышла замужъ. Сохранилась его переписка съ невѣстой, въ которой обрисовывается любящая и нѣжная душа Бѣлинскаго *). Жена его была, по скуднымъ отзывамъ друзей, женщина добрая и любящая, но, повидимому, въ жизни великаго писателя не играла замѣтной роли. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь (жива и теперь). Явилась новая забота, новые расходы, а матеріальное положеніе не улучшалось. Тяжесть необезпеченной жизни въ это время его жизни была ужасна. Въ запискахъ г-жи Головачевой есть много указаній на удручающую обстановку, при которой долженъ былъ работать Бѣлинскій. Удивительно и прискорбно, что друзья его, по большей части люди болѣе, чѣмъ обезпеченные, такъ мало заботились о немъ. Равнодушіе, съ какимъ окружающіе относились къ тяжкой нуждѣ Бѣлинскаго, просто поразительно. Послѣ его смерти, вдова его съ трехлѣтней дочерью осталась буквально въ нищетѣ...

Въ 1845 году Бѣлинскій разошелся съ «Отеч. Зап.». Онъ радовался полученной свободѣ и задумывалъ рядъ «затѣй и предпріятій», въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло изданіе сборника въ родѣ «Петербургскаго Сборника» Некрасова. Но эта затѣя по цензурнымъ причинамъ не осуществилась. Зато другое предпріятіе, которое задумалъ Некрасовъ съ Панаевымъ, новый журналъ «Современникъ»—удалось, и съ 1847 г. Бѣлинскій снова принялся за журнальную работу съ обычной силой и страстью. «Современникъ» въ умѣлыхъ рукахъ Некрасова сразу пошелъ прекрасно, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось къ лучшему и положеніе Бѣлинскаго. Но силы его уже были надорваны въ конецъ. По настоянію друзей онъ уѣхалъ заграницу лѣчиться. Здѣсь онъ написалъ, между прочимъ, знаменитое письмо Гоголю изъ Зальцбрунна, излагающее какъ бы «исповѣданіе вѣры» Бѣлинскаго,—письмо, въ которомъ съ страшной силой выражены основныя воззрѣнія его на Россію, на жизнь общества и народа, на задачи и цѣли общественной борьбы **). Оно явилось и его завѣщаніемъ: менѣе чѣмъ черезъ годъ Бѣлинскаго не стало.

Изъ-за границы онъ вернулся осенью 1847 года, мало поправившись, и усиленно принялся за работу. Тутъ подоспѣлъ роковой 48-й годъ, надъ литературой стали сгущаться все болѣе и болѣе грозныя тучи, и Бѣлинскій,

*) Выдержки изъ этой переписки помѣщены въ «М. Б.» за 1895 г., іюль, «На родинѣ».

**) Письмо цѣликомъ напечатано въ книгѣ г. Барсукова «Жизнь Погодина», т. IX. Въ значительныхъ выдержкахъ, составляющихъ почти все письмо, оно помѣщено въ «М. Б.» 1897 г., май, «Осужденная книга».

Посмертная маска Бѣлинскаго.

больной, задыхающійся, которому и раньше было душно, — не выдержалъ, нравственныя страданія успѣшно помогли физическому недугу, и 26 мая 1848 года Бѣлинскаго не стало. Смерть для него явилась во время. Только по удостовѣренію врачей, что дни Бѣлинскаго сочтены, его оставили въ покоѣ. Уже въ то время, когда онъ не могъ ходить, его три раза «приглашали» въ одно учрежденіе «познакомиться». Смерть избавила его отъ «знакомства» и отъ худшей для писателя участи: носились слухи, что Бѣлинскому предстояла высылка съ воспрещеніемъ писать, а это было бы, несомнѣнно, хуже смерти для того, кто не понималъ для себя жизни безъ литературы. «Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «От. Записокъ». Я—литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ рассейской моя жизнь и моя кровь», писалъ онъ въ частномъ письмѣ изъ Петербурга, и сдержалъ слово.

Прошло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ закончилась эта жизнь, такая бѣдная внѣшними событіями, такая богатая внутреннимъ содержаніемъ и безпримѣрно плодотворная по результатамъ. Въ русской литературѣ не было болѣе чистаго образа, болѣе вдохновленнаго и страстнаго, неподкупнаго и искренняго борца за истину. Развѣ одинъ Добролюбовъ можетъ стать съ нимъ въ одинъ уровень по красотѣ духовнаго склада, но онъ жилъ такъ мало и во всякомъ случаѣ уступаетъ ему по силѣ литературнаго таланта. Читая Бѣлинскаго, забываешь время, отдѣляющее насъ отъ него, до того подчиняетъ его страстная, художественная и порывистая рѣчь, волнующаяся, неудержимо стремительная и пылкая. Тайна чарующей прелести стиля Бѣлинскаго заключается въ подкупающей, проникающей до сердца искренности его. Такъ можетъ говорить только человѣкъ, свято вѣрующій въ правду того, что проповѣдуетъ. Панаевъ приводитъ одну сцену, въ высшей степени характерную для Бѣлинскаго. Рѣчь идетъ о статьѣ, относящейся еще къ тому періоду, когда Бѣлинскій стоялъ на почвѣ тезиса «дѣйствительность разумна» и въ то же время буквально почти умиралъ съ голоду.

«Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, — говоритъ Панаевъ,—языкъ этой статьи, исполненной страстной торжественности и напряженнаго паѳоса, произвелъ во мнѣ нервное раздраженіе. Бѣлинскій самъ былъ раздраженъ нервически.—Удивительно! превосходно!—повторялъ я во время чтенія и по окончаніи его:—но я вамъ замѣчу одно...—Я знаю что̀,—не договаривайте,—перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій,—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь предъ властью... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать свои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни подумали...—Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи.—Да! это мои убѣжденія, — продолжалъ онъ, разгорячаясь болѣе и болѣе.—Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ. Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости... Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ,—вѣдь вы меня еще мало знаете...—Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.—Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ... Мнѣ легче умереть съ голоду—я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей),—чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизивши себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя»...

Правда этихъ словъ, подтверждаемая всей его жизнью, кристально-чистой, почти аскетической, только усиливала впечатлѣніе его статей. Первый признакъ неискренности это—измѣна таланта. Когда человѣкъ, не вѣря въ истину сво-

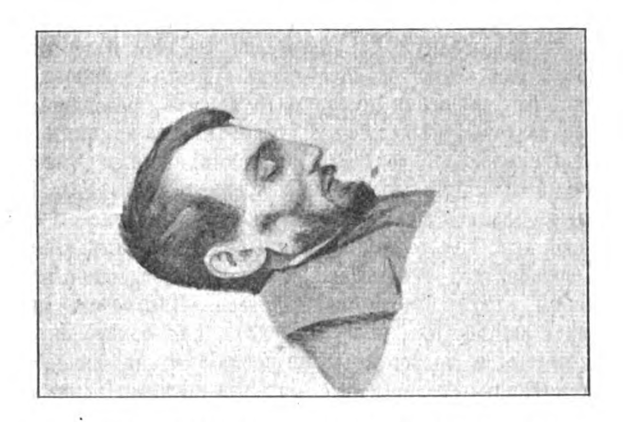
его дѣла, распинается тѣмъ не менѣе за него, ему измѣняетъ его талантъ, если онъ былъ у него прежде,—чего никогда не бывало съ Бѣлинскимъ. Правда, его статьи второго періода лучше, полнѣе, слогъ опредѣленнѣе и глубже, что зависѣло отъ большей зрѣлости таланта, но по силѣ и горячности тона онѣ не выше. Въ обоихъ случаяхъ предъ нами все та же «наивная и страстная душа». И если теперь сильно впечатлѣніе, какое выносишь изъ чтенія Бѣлинскаго, можно представить, какое вліяніе должно было имѣть его слово тогда,—по свидѣтельству Салтыкова,—«волнуя и утѣшая насъ и наполняя сердце наше скорбью и негодованіемъ и вмѣстѣ указывая цѣль нашихъ стремленій». Благоговѣйное чувство, какимъ проникнуты воспоминанія о немъ знавшихъ его лично, напр., Панаева и Тургенева, отражаетъ это впечатлѣніе недосягаемой нравственной высоты и непоколебимой силы убѣжденія, какое производилъ Бѣлинскій, какъ человѣкъ и писатель.

«Сколько счастливыхъ чистыхъ минутъ снова напомнятъ его статьи,—тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ беззавѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія. размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности и искренно надѣялись встрѣтить когда-нибудь такихъ людей и восторженно обѣщали посвятить себя самихъ такой дѣятельности»,—говоритъ Добролюбовъ, почти современникъ его и самый достойный замѣститель. «Да, — заканчиваетъ онъ, — въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, въ немъ же и тяжкій, горькій, неизгладимый упрекъ нашему обществу»...

Наивная и страстная душа.
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли;
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ—
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Беспечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...

Въ послѣднихъ словахъ поэта, какъ и заключительныхъ словахъ Добролюбова, слышится горькій упрекъ по адресу русскаго общества, и много правды въ этомъ упрекѣ. Правда эта не въ томъ, что и до сихъ поръ нѣтъ памятника, достойнаго великаго писателя, — лучшій памятникъ ему — это вся послѣдующая литература, которая и до сихъ поръ вѣрно держится намѣченнаго имъ пути. Эта правда лежитъ несравненно глубже, она заключается въ равнодушіи общества къ тѣмъ завѣтамъ, которыми дышалъ Бѣлинскій, ради которыхъ жилъ, какъ страстотерпецъ, и которыя завѣщалъ потомству,—она лежитъ въ равнодушіи къ принципамъ гуманности, свободы, просвѣщенія и борьбы во имя ихъ. Бѣлинскій самъ никогда не зналъ минутъ слабости и паденія, равнодушія къ жизни и разочарованія. Его вѣра двигала горами, воодушевляя въ мертвые дни той эпохи самыхъ равнодушныхъ и поддерживая готовыхъ упасть.

Многое, о чемъ мечталъ онъ, осуществилось, но еще больше осталось мечтою и до сихъ поръ. Дальнѣйшая работа въ томъ же направленіи, съ вѣрою въ непобѣдимую силу любви и свѣта и въ конечную побѣду ихъ надъ насиліемъ и мракомъ,—вотъ что завѣщалъ онъ потомству, вотъ къ чему призываетъ насъ воспоминаніе о немъ. И теперь въ дни, посвященные памяти ве-

Бѣлинскій на смертномъ одрѣ. (Со снимка Горбунова).

ликаго мученика русской мысли, лишь одного можемъ мы пожелать, чтобы неумирающій духъ его ожилъ въ насъ, поднялъ надъ пошлостью современности, вдохновилъ своей вѣрой и любовью, объединилъ враждующихъ и направилъ къ общей дружной работѣ на благо народа, любить и жертвовать собой для котораго Бѣлинскій училъ и словомъ, и примѣромъ всей жизни. **А. Б.**

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Еврейскіе безпорядки въ Минскѣ. Въ виленской судебной палатѣ недавно разбиралось дѣло о безпорядкахъ въ Минскѣ, которое само по себѣ не представляло ничего особенно интереснаго, потому что заключалось въ простой базарной дракѣ между солдатами русскими и евреями, принявшей внушительные размѣры благодаря нѣкоторымъ побочнымъ обстоятельствамъ, вполнѣ выяснившимся на судебномъ слѣдствіи. Но чрезвычайно характернымъ было отношеніе къ этому дѣлу прокурора судебной палата и въ особенности гражданскаго истца, присяжнаго повѣреннаго Шмакова, который силился придать этому дѣлу національную окраску, и требовалъ отъ суда самыхъ строгихъ мѣръ въ виду того, что подсудимыми являлись евреи. Несмотря однако на всѣ его доводы, подкрѣпляемые цитатами изъ Цицерона, Талмуда, ссылками на дѣло Дрейфуса и пр., судебная палата ограничилась незначительными взысканіями.
Какъ видно изъ обвинительнаго акта, суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ: на базарѣ произошла ссора между гулявщими и подпившими солдатами.

Началась она съ того, что отставной солдатъ еврей сталъ упрекать ихъ за то, что они нарушаютъ порядокъ и ведутъ себя «не по солдатски». Ссора перешла въ драку, въ которой приняли участіе патрульные солдаты, раньше только смѣявшіеся надъ ссорящимися, а когда началась драка, то принявшіе въ ней участіе, бросившіеся выручать своихъ, колотить толпу прикладами и тѣмъ вызвавшіе озлобленіе толпы. На слѣдствіи выяснилось, что религіозная или племенная вражда не играла никакой роли въ этой дракѣ. Толпа просто стала бить тѣхъ, кто началъ драку. И характерно то, что въ числѣ нападавшихъ на солдатъ, преимущественно чернорабочихъ, почти босяковъ, были русскіе, засимъ отнимать отъ дерущейся толпы патрульныхъ бросились мясники-евреи. Когда нѣкоторые солдаты убѣжали съ мѣста драки, то за ними погналась толпа и побила еще нѣсколькихъ солдатъ, не принимавшихъ участія въ дракѣ и просто шедшихъ, бѣжавшихъ въ томъ-же направленіи, явленіе, обычное при дракахъ въ толпѣ. Дрались преимущественно чернорабочіе и въ дракѣ принимало участіе человѣкъ 150, а толпа, покрывавшая базаръ, только волновалась и кричала, но волновалась отъ страха. Пронеслось страшное для евреевъ слово «погромъ» и лавки стали быстро закрываться. Никто изъ многихъ свидѣтелей, находившихся на базарѣ, не былъ задѣтъ или оскорбленъ, не былъ тронутъ пальцемъ. Не были подвергнуты ни насиліямъ, ни оскорбленіямъ ни офицеры, ни чины полиціи, ни городовые. Патруль артиллерійскихъ солдатъ, явившійся, впрочемъ, когда уже волненіе утихло и большинство участниковъ драки были задержаны въ части, тоже прошелъ безъ сопротивленія и оскорбленія. Наконецъ, три серпуховскихъ патрульныхъ солдата прошли послѣ драки сквозь нижній базаръ и никто ихъ не тронулъ.

Присяжный повѣренный Мироновъ, въ своей прекрасной защитительной рѣчи (обширныя выдержки изъ которой напечатаны въ «Новостяхъ») особенно настаивалъ на томъ, что дрались со всѣми, кто вступалъ въ драку, и по поводу этой свалки нечего и говорить о какой-то племенной враждѣ. Если же эта вражда и проявлялась, то «скорѣе со стороны русскихъ, а не со стороны евреевъ». Такъ, дворникъ Дембицкій былъ избитъ прикладами и на его стоны послышался отвѣтъ: «извини, мы думали, что ты еврей!». Дворникъ дома Жебровскихъ, русскій, палъ, пораженный ударомъ приклада въ голову, и пролежалъ нѣсколько часовъ безъ чувствъ. «Какъ поясняетъ судебный слѣдователь, его били за то, что онъ «похожъ на еврея». Когда началась драка, то пускались въ ходъ и камни, и это дало поводъ гражданскому истцу г-ну Шмакову замѣтить, что «по древнему обычаю евреи побивали солдатъ камнями». Г-нъ Шмаковъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, распространился о всѣмъ извѣстной жестокости евреевъ и привелъ примѣры изъ исторіи, «когда евреи вырѣзывали младенцевъ и не оставляли камня на камнѣ въ покоренныхъ мѣстностяхъ». Но судебное слѣдствіе выяснило, что «излюбленный евреями библейскій пріемъ побиванія каменьями», былъ впервые въ данномъ случаѣ примѣненъ не евреями, а солдатами, поднимавшими съ мостовой камни и кидавшими въ толпу. Но драка была прекращена полиціей, явившейся опять-таки по призыву евреевъ. Евреи бросились къ полиціймейстеру, къ приставамъ, къ коменданту съ просьбой скорѣе возстановить порядокъ. И полиція, несмотря на ничтожныя средства, бывшія въ ея распоряженіи, быстро усмирила безпорядокъ при помощи 5 или 6 городовыхъ. Все происшествіе окончилось довольно благополучно, потому что изъ низшихъ чиновъ никто серьезно не пострадалъ. Евреи пострадали сравнительно сильнѣе, но, во всякомъ случаѣ, на томъ дѣло и кончилось и никакихъ дальнѣйшихъ безпорядковъ не предвидѣлось.

Всѣхъ буяновъ и больныхъ убрали, и пріѣхавшіе полиціймейстеръ Закалинскій и командиръ полка полковникъ Ѳедоровъ не нашли на нижнемъ базарѣ нижнихъ чиновъ, не встрѣтили ни драки, ни безпорядковъ, лавки снова стали

открываться, снова появился народъ на площади и шумно разговаривалъ о случившемся; словомъ, когда предстояло мѣстному мировому судьѣ постановить свой приговоръ о происшествіи, явился съ своей командой подпоручикъ Галашекъ и дѣло приняло печальный оборотъ.

Подпоручикъ Галашекъ получилъ предписаніе «прослѣдить поведеніе солдатъ на базарной площади», но солдатъ тамъ уже не было, драка была усмирена полиціей. Вмѣсто того, чтобы спокойно удалиться обратно, подпоручикъ Галашекъ принялся усмирять несуществующіе безпорядки. Солдаты врѣзались въ толпу, а офицеръ, видя себя окруженнымъ и воображая, что на его команду напираютъ, послѣ того, какъ толпа не разошлась по его окрику—да и куда ей было разойтись, когда она наполняла всю площадь—приказалъ дѣйствовать прикладами или, по его мнѣнію, обороняться прикладами. Ошеломленная толпа, не разошлась по окрику Галашека, а когда ее стали бить прикладами, отвѣтила, спасаясь бѣгствомъ, градомъ палокъ и камней. За бѣгущей толпой бросились въ разсыпную бить солдаты. Вотъ какую картину рисуетъ свидѣтель, офицеръ Чайковскій. Бѣжитъ еврей съ ломомъ, за нимъ гонится солдатъ, другой еврей, нагоняя солдата, хочетъ его ударить, но за нимъ бросается другой солдатъ и бьетъ его прикладомъ. Забыто, зачѣмъ пришли, а взамѣнъ этого устраивается побоище. Толпа безъ всякихъ причинъ была разогнана прикладами и команда двинулась на Немигу (названіе улицы), причемъ по дорогѣ разбиты во многихъ домахъ окна и разгромленъ кабакъ. Свидѣтели говорятъ, что на Немигѣ было тихо, вдругъ прибѣжалъ городовой Филатоновичъ и крикнулъ, чтобы закрывали лавки и бѣжали, такъ какъ идутъ солдаты.

Странное поведеніе команды подпоручика Галашека встрѣтило отпоръ среди мѣстной полиціи, которая въ данномъ случаѣ оказалась на высотѣ своего призванія: она обратилась къ Галашеку съ просьбой отвести въ сторону патруль и прекратить «дебошъ». Защита старалась разъяснить, что подпоручикъ Галашекъ не имѣлъ права приказывать толпѣ разойтись, не имѣлъ права разгонять ее силой и, выйдя изъ предѣловъ даннаго ему порученія, вступилъ въ борьбу съ толпой и вызвалъ въ видѣ отпора на его неожиданное нападеніе тѣ печальныя явленія, которыя создали настоящее дѣло. Но въ этомъ отпорѣ не было никакого проявленія вражды племенной или религіозной, не было сопротивленія законной власти, ибо дѣйствія Галашека были незаконныя, а были простые отвѣты ударами на удары, была драка, былъ обычный безпорядокъ.

Религіозныя движенія среди крестьянъ. Въ «Петерб. Вѣд.» напечатано интересное сообщеніе о «мнимыхъ штундистахъ». Газета отмѣчаетъ, что въ числѣ находившихся недавно въ Кронштадтѣ паломниковъ была небольшая депутація крестьянъ Херсонской губ.

Одинъ изъ нихъ, явившись въ канцелярію «Дома трудолюбія», передалъ печальную повѣсть ихъ приключеній.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—разсказывалъ мужичекъ,—я былъ здѣсь, въ Кронштадтѣ, и услышавъ поученія въ часовнѣ дома Быкова (тамъ ежедневно и теперь читается Священное Писаніе и поются духовныя пѣсни), по пріѣздѣ домой рѣшилъ послѣдовать добрымъ христіанскимъ совѣтамъ. Поговорилъ объ этомъ съ сосѣдями, и рѣшили мы составить общество, такое общество, чтобы вина не пить, табаку не курить, дурными словами не ругаться и, вообще, всего дурного избѣгать. Начали мы собираться по избамъ священныя книги читать и молитвы пѣть. Узналъ про наши сходки священникъ, донесъ урядинку, урядникъ по начальству и пошла писать. Пріѣхалъ къ намъ миссіонеръ, давай увѣщевать насъ, зачѣмъ, молъ, мы православіе оставили и въ штунду перешли. А какая у насъ штунда?!. И слушать не хотѣлъ миссіонеръ—«штунда да и только». Запретилъ намъ собираться, да молитвы пѣть. А ужъ насъ тогда 60 человѣкъ

было. Не послушались мы, ибо не видѣли ничего худого въ томъ, что дѣлали. Пріѣхалъ второй миссіонеръ—тотъ какъ слѣдуетъ допросилъ и говоритъ: «дѣло у васъ хорошее, а только разрѣшеніе надо!» Какъ же это такъ разрѣшеніе на то, чтобы молиться? А насъ ужъ 120 человѣкъ! Можетъ и разрѣшать, а можетъ, и опять за штундистовъ сочтутъ. Вотъ мы и пріѣхали въ Кронштадтъ просить совѣта у о. Іоанна да кстати, чтобы онъ указалъ намъ хорошія духовныя книги.

Предсѣдатель «Дома трудолюбія» П. П. Шауманъ обѣщалъ представить мнимыхъ штундистовъ о. Іоанну.

На ряду съ такими движеніями въ крестьянствѣ находятъ большое распространеніе и другого рода ученія, имѣющія болѣе мистическій характеръ и часто граничащія съ изувѣрствомъ. Такъ, напр., въ газетахъ сообщалось, что недалеко отъ столицы, съ ея многочисленными учебными заведеніями всякаго рода—въ Петергофскомъ уѣздѣ свила себѣ гнѣздо секта «скакуновъ». Собранія сектантовъ совершаются слѣдующимъ образомъ. Въ намѣченную деревню собираются послѣдователи секты, преимущественно чухонцы, во главѣ съ наставникомъ; найдя подходящій домъ, наставникъ становится за столъ. Мужчины одѣваютъ на себя бѣлыя длинныя, безъ пояса, рубашки, а женщины—поверхъ платья, бѣлыя, широкія и длинныя кофты. Затѣмъ начинается пѣніе псалмовъ на финскомъ языкѣ, составленныхъ самими же сектантами. Въ псалмахъ этихъ они прославляютъ свою вѣру, себя изображаютъ не иначе, какъ чистыми и святыми,—всѣхъ же остальныхъ чернятъ какъ только можно; «только у насъ лѣстница на небо»—любимое выраженіе сектантовъ. Во время пѣнія наставникъ весь въ движеніи, машетъ руками, стучитъ и проч.,—вотъ онъ выходитъ изъ-за стола: его тотчасъ всѣ присутствующіе окружаютъ и начинается общее прыганіе. Каждый старается изъ всѣхъ силъ, издавая при этомъ какіе-то нечленораздѣльные звуки, порой похожіе на крикъ курицы, а иногда и на лай собаки, кто реветъ, кто стонетъ, кто воетъ,—все сливается въ какой-то хаосъ, а въ общемъ получается очень странная, и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелая картина. Скачутъ сектанты до изнеможенія, нѣкоторые изъ нихъ падаютъ, прикрываются простынею,—отдохнутъ немного и опять принимаются за старое. Продолжительность скачки въ ихъ глазахъ является достоинствомъ. Старые же изъ нихъ или отстоятъ по одиночкѣ, переминаясь съ ноги на ногу, или, найдя себѣ подходящую пару—обнимаются и покачиваются изъ стороны въ сторону. Секта скакуновъ въ Петергофскомъ уѣздѣ существуетъ преимущественно среди чухонъ-лютеранъ. Православная же среда относится къ ней несочувственно, а молодежь—даже насмѣшливо.

Книгъ сектанты на собраніяхъ раньше не читали, но съ 1897 г. у нихъ откуда-то появилась толстая книга, съ которой и возятся теперь. На основаніи этой книги они въ концѣ прошлаго года утверждали, что 1 января 1898 г. не будетъ дневного свѣта, день будетъ теменъ, какъ ночь. Когда же пророчество не осуществилось, находчивые сектанты успокоили себя тѣмъ, что ожидаемая ими темнота непремѣнно гдѣ-нибудь да была; на основаніи той же толстой книги сектанты утверждали, что на второй день Пасхи въ этомъ году будетъ свѣтопреставленіе. Притягательной силой къ сектантству служатъ братства, дѣятельность которыхъ выражается, главнымъ образомъ, въ матеріальной помощи.

Книжный складъ елисаветградскаго земства. Въ «Русскихъ Вѣд.» помѣщенъ интересный очеркъ дѣятельности книжнаго склада елисаветградскаго земства, наглядно показывающій, при какихъ условіяхъ такого рода предпріятія могутъ развиваться и достигать своей цѣли.

Открытый съ 1895 года складъ предназначался для продажи при земской управѣ и при сельскихъ школахъ дешевыхъ книгъ, рекомендованныхъ мини-

-стерствомъ народнаго просвѣщенія, на что ассигновано было земскимъ собраніемъ по 300 р. ежегодно. Почти на всѣ эти деньги въ первомъ году куплены были книжки, но распродано было ихъ всего на 8 р. 81 к. Во второмъ году земство сверхъ ассигновки открываетъ кредитъ въ 1.000 руб. на обороты склада; и кредитъ, и ассигновка полностью обращаются также на выписку книгъ, но изъ накопившагося такимъ образомъ товара на сумму около 1.600 р. продано за 1896 г. на 163 р., т. е. одна десятая наличности. Въ слѣдующемъ 1897 г. при тѣхъ же условіяхъ ежемѣсячная продажа книгъ колебалась по суммѣ между 6 и 27 рублями. «Иначе и быть не могло, — говорится въ отчетѣ,—крайне ограниченный выборъ спеціально рекомендованныхъ книжекъ, притомъ большею частью далеко не дешевыхъ соотвѣтственно ихъ объему и содержанію, не развивалъ запроса со стороны покупателей, и разъ вложенныя на выписку этихъ книгъ деньги не дѣлали оборота, позволяющаго приступить къ новымъ операціямъ, успѣхъ которыхъ, впрочемъ, при наличности такого ограниченія заранѣе могъ считаться осужденнымъ».

Чтобы вывести складъ изъ неподвижнаго состоянія, земство признало необходимыми слѣдующія мѣры: 1) исходатайствовать разрѣшеніе на продажу всякихъ дозволенныхъ общей цензурой изданій наравнѣ съ частными книгопродавцами; 2) ввести въ операціи склада торговлю учебниками, учебными пособіями и письменными принадлежностями, какъ предметами, близкими къ цѣлямъ склада, и кромѣ того привлекающими публику, которая попутно знакомится съ его книжнымъ составомъ; 3) увеличить кредитъ на обороты склада до 3.000 р.; 4) приспособить болѣе соотвѣтствующее помѣщеніе при управѣ для магазина и 5) по возможности расширить дѣятельность агентовъ книжной продажи въ уѣздѣ. Полученное въ іюлѣ разрѣшеніе на продажу всѣхъ книгъ является поворотнымъ пунктомъ въ жизни книжнаго склада: произведена была значительная выписка всякаго книжнаго учебнаго и канцелярскаго товара, завязаны сношенія со многими издательскими и торговыми фирмами, и продажа изъ склада, начиная съ августа, сразу сильно возростаетъ. Не считая выручки за письменныя принадлежности, складъ продалъ только книгъ и учебниковъ за 5 мѣсяцевъ на 3,224 руб. Въ эти цифры не входитъ продажа по отдѣленіямъ склада въ уѣздѣ, отчетность по которой не поступила къ началу новаго года. За письменныя принадлежности въ эти 5 мѣсяцевъ выручено 692 р., такъ что за этотъ срокъ складомъ возвращено въ кассу гораздо болѣе той суммы, въ какой открытъ годовой кредитъ. Нужно помнить еще, что въ операціи склада не входило (какъ это практикуется по другимъ земскимъ складамъ) снабженіе земскихъ школъ учебнымъ матеріаломъ, что обыкновенно удваиваетъ оборотъ; это снабженіе производила непосредственно Елисаветградская управа. Складъ продаетъ книги съ уступкою 10°/o съ номинальной цѣны, получая, въ свою очередь, болѣе значительную уступку при выпискѣ. Несмотря на всѣ естественныя послѣдствія недостатка опытности и неизбѣжность лишнихъ затратъ въ началѣ всякаго дѣла, складъ завершилъ годъ безъ дефицита, получивъ, за покрытіемъ расходовъ по фрахту товара, сношенія съ фирмами, жалованью продавщицѣ и прочимъ, чистой выручки 158 рублей.

Въ дальнѣйшемъ при ожиданіи увеличенія кредита можно разсчитывать на еще лучшіе результаты, такъ какъ тогда заготовки товара будутъ крупнѣе и всегда изъ первыхъ рукъ, т. е. дешевле, и кромѣ того при значительныхъ оборотахъ издательскія фирмы соглашаются на коммиссіонную безубыточную вполнѣ продажу книгъ.

Что касается того, какія книги преимущественно расходятся благодаря ему, то не продолжительныя пока наблюденія лицъ, ведущихъ это дѣло, показываютъ, что изъ такъ называемыхъ «толстыхъ» книгъ (дороже 30 коп.) требовались болѣе научно-популярныя сочиненія по естествознанію, общественнымъ наукамъ (изд.

Поповой, Павленкова и др.) и менѣе по беллетристикѣ; изъ дешевыхъ же изданій, наоборотъ, больше всего былъ спросъ на беллетристическіе разсказы, затѣмъ брошюры по сельскому хозяйству, естествознанію и т. д. Наиболѣе ходкими оказались изданія: Петербургскаго комитета грамотности, «Посредника», Мурииовой и Калмыковой. Очень большой спросъ былъ на дѣтскую литературу разнаго рода, за подборомъ которой по содержанію, какъ, впрочемъ, и относительно другихъ книгъ, складъ очень внимательно слѣдилъ. Покупались охотно и дешевыя раскрашенныя картины, отъ 2-хъ до 30-ти к. Жаль только, что выборъ ихъ по сюжету вообще слишкомъ скуденъ. Озабочиваясь развитіемъ книжной продажи въ уѣздѣ, земство привлекло въ качествѣ агентовъ, кромѣ школьныхъ учителей, и свой медицинскій участковый персоналъ, затѣмъ предполагаетъ нанять спеціальнаго разносчика по базарамъ и ярмаркамъ, такъ называемаго «офеню».

Просвѣтительная дѣятельность Московской думы. Московскія газеты сообщаютъ, что въ состоявшемся, 17-го марта, засѣданіи московской думы разсматривался докладъ коммиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ по вопросу объ организаціи въ Москвѣ отъ города народныхъ читаленъ, чтеній и развлеченій.

Докладъ коммиссіи вызвалъ продолжительныя пренія, открывшіяся рѣчью предсѣдателя комиссіи, гласнаго В. И. Герье, который выяснилъ основные мотивы заключеній комиссіи. «Могутъ возразить,—говорилъ гласный,—какое дѣло городскому управленію до того, какъ проводитъ населеніе время въ періодъ отдыха; пусть каждый отдыхаетъ, какъ знаетъ, какъ ему угодно. Но въ послѣднее время отдыхъ рабочихъ сталъ предметомъ общественныхъ заботъ, вопросъ о немъ изучается теоретически, предлагаются для народа различныя развлеченія, воспитывающія его нравственно и умственно. Хотя въ Москвѣ возникаютъ нѣкоторыя учрежденія и есть частныя лица, которыя стремятся къ устройству раціональныхъ народныхъ развлеченій, но они не могутъ обойтись собственными своими средствами, и сколько бы ни являлось отдѣльныхъ обществъ по устройству народныхъ читаленъ, чтеній и развлеченій, городское управленіе должно идти во главѣ этого дѣла и быть руководителемъ такого движенія». Гласный А. И. Геннертъ, относясь съ большимъ сочувствіемъ къ предложеніямъ коммиссіи объ организаціи народныхъ чтеній и читаленъ, возражалъ противъ заключеній коммиссіи по вопросу объ устройствѣ народныхъ развлеченій въ видѣ театральныхъ представленій. Основная мысль коммиссіи, что театръ отвлечетъ народъ отъ пьянства, представляется гласному далеко не вѣрной, и онъ предполагаетъ, что можетъ получиться результатъ прямо противоположный. Въ примѣръ гласный привелъ театръ Омона. Все зависитъ отъ того, какой будетъ театръ. Сценическія представленія достигаютъ своей цѣли, когда пьесы и ихъ исполненіе вполнѣ художественны, но разсчитывать, чтобы въ одномъ городѣ Москвѣ возможно было собрать 10 хорошихъ труппъ подъ руководствомъ опытныхъ режиссеровъ, немыслимо. Наберутся для московскихъ бараковъ, какими проектируются народные театры, такія труппы, что онѣ могутъ только ронять дѣло и дѣйствовать развращающе на публику. Дѣло созданія народнаго театра крайне трудное, и вопросъ о немъ до сихъ поръ не разработанъ даже въ Западной Европѣ, гдѣ почти не существуетъ народныхъ театровъ. Въ виду этого гласный предлагалъ думѣ принять заключенія коммиссіи о народныхъ читальняхъ и чтеніяхъ, а вопросъ о театральныхъ зрѣлищахъ передать для дальнѣйшей разработки въ проектируемую исполнительную коммиссію «народнаго воспитанія», которая обсудила бы этотъ вопросъ совмѣстно съ представленными въ думу проектами народныхъ развлеченій В. И. Немировича-Данченко, г. Алексѣева и г. Лентовскаго. Гласный П. Н. Сальниковъ, напоминая, какъ тысяч-

ная толпа стояла у прежде бывшаго въ Москвѣ народнаго театра, добиваясь попасть въ него, какъ у дверей политехническаго музея всегда собирается масса рабочихъ, желающихъ видѣть коллекціи и слушать народныя чтенія, доказывалъ, что въ русскомъ народѣ существуетъ неодолимая жажда къ знанію и разумнымъ развлеченіямъ, но нѣтъ надлежащей организаціи, чтобы удовлетворить этому стремленію. Народъ ищетъ исхода изъ окружающаго его мрака къ свѣту, и тѣ, кто могъ бы оказать ему помощь, уклоняются отъ этого. Гл. М. В. Бородулинъ, поддерживая заключеніе коммиссіи, находилъ, что въ Лефортовѣ и другихъ окраинахъ города, гдѣ много фабрикъ, сами рабочіе и фабриканты придутъ на помощь въ устройствѣ театровъ, если онъ только дастъ для нихъ землю. Гласный Ѳ. Ѳ. Воскресенскій, считая вопросъ о разумныхъ народныхъ развлеченіяхъ крайне серьезнымъ и мало разработаннымъ, предлагалъ передать его въ особую подготовительную коммиссію, пригласивъ въ нее членовъ различныхъ учрежденій для устройства народныхъ чтеній, библіотекъ и разумныхъ развлеченій.

По обсужденіи доклада дума, по предложенію коммиссіи, постановила: 1) избрать, на основаніи ст 103 Городового Положенія, исполнительную коммиссію изъ 6-ти членовъ для устройства и завѣдыванія народными читальнями, чтеніями и развлеченіями, причемъ въ составъ этой коммиссіи, какъ непремѣнный ея членъ, входитъ предсѣдатель училищной коммиссіи; 2) поручить училищной коммиссіи указать, въ какихъ изъ городскихъ начальныхъ училищъ могли бы быть устроены въ настоящее время народныя библіотеки и читальни; 3) поручить училищной коммиссіи, совмѣстно съ финансовой, при разсмотрѣніи вопроса о сооруженіи зданій для городскихъ училищъ, принять во вниманіе желательность устройства въ этихъ зданіяхъ залъ, которыя могли бы служить для народныхъ чтеній и музыкальныхъ исполненій; 4) поручить городской управѣ разработать и представить смѣту для сооруженія особыхъ зданій для народныхъ развлеченій (на подобіе зданія, устроеннаго гг. Прохоровыми) и указать тѣ мѣстности г. Москвы, гдѣ такія зданія должны быть построены; 5) ассигновать городской управѣ на указанныя въ пунктѣ 4-мъ порученія кредитъ въ 500 р.; 6) поручить организуемой исполнительной коммиссіи разработать къ началу мая проектъ устройства народныхъ читаленъ, чтеній и развлеченій на зимній сезонъ 1898—1899 года (съ 1-го октября по Великій постъ) и смѣту необходимыхъ для этого расходовъ.

Увлеченіе Сибирью. По поводу вопроса о Сибирской желѣзной дорогѣ князь Мещерскій высказываетъ въ «Гражданинѣ» слѣдующія любопытныя соображенія.

«Сначала,—говоритъ авторъ,—двинулись туда крестьяне. Явилось сибирское переселеніе: пошли десятки, потомъ десятки тысячъ, потомъ сотни тысячъ: мрутъ, какъ мухи, разоряются, нищими приходятъ, а все идутъ и идутъ. А что тамъ, на новыхъ мѣстахъ Сибири, будетъ съ ними—того не рѣшить никому, а Сибирь для разгадки загадки своего мудраго Эдипа еще не родила.

«Затѣмъ, стали мы Сибирскую желѣзную дорогу строить... Тоже въ недомекъ нашему простодушному русскому человѣку: у насъ-то нигдѣ ни одной еще дороженьки нѣтъ, чтобы пудъ хлѣба во-время и поскорѣе свезти на рынокъ или на станцію, а начали мы строить Великій Сибирскій путь...

«Задача огромная, а Великимъ мы зовемъ этотъ путь потому, что онъ долженъ соединить Балтійское море съ Тихимъ океаномъ. Начали строить съ двухъ концовъ изъ Владивостока въ Хабаровскъ, на Амуръ, да изъ Самары на Байкалъ и въ Иркутскъ. Построили мы много сотенъ верстъ по второму пути, построили много верстъ по первому... И что же случилось? Все неожиданности... Построили линію съ легкими рельсами, оказалось, что потребностей больше, чѣмъ средствъ къ удовлетворенію, и рельсы слишкомъ легки, чтобы усиливать дви-

женіе желѣзной дороги... Нужно рельсы потяжелѣе, т. е. еще много милліоновъ расходу, а старыя рельсы на смарку. Это одно; но затѣмъ вторая неожиданность... Началась постройка Маньчжурской желѣзной дороги; а затѣмъ для соединенія уссурійской линіи съ маньчжурской понадобилась линія не болѣе ста верстъ, но стоющая, благодаря мѣстнымъ условіямъ, тоже много милліоновъ рублей. Но не успѣло все это начаться, какъ явилась третья неожиданность; это—Портъ-Артуръ и Далянванъ, которые потребуютъ новую желѣзнодорожную линію въ 2.000 верстъ, т. е. опять много милліоновъ рублей, и тогда явится вопросъ: нуженъ ли весь почти Уссурійскій край съ его строящимися линіями и Владивостокъ съ Амуромъ? Одни говорятъ: не нужно, а другіе, какъ, напримѣръ, одинъ инженеръ изъ Владивостока, побывавшій у меня сегодня, говоритъ: помилуйте, весь Уссурійскій край—это сплошные залежи золота и каменнаго угля!.. Все это волшебное и неожиданное въ Сибири создаетъ какой-то фантастическій, по своей громадности, міръ дилеммъ и неразрѣшимыхъ загадокъ. Да вотъ хотя бы эту, напримѣръ: линія маньчжурская, такъ или иначе, прежде всего есть широко открывающаяся дверь въ Сибирь для китайцевъ. И вотъ создается такое положеніе: съ одной стороны въ Сибирь переселяются русскіе люди изъ Европейской Россіи, а съ другой стороны переселяются въ Сибирь китайцы, и когда русскій, въ видѣ рабочаго, напримѣръ, является на постройки въ Сибири съ предложеніемъ работы и заявляетъ свою цѣну 2 руб. въ день и 5 р. съ лошадью, дѣйствительно, нужные для прокормленія и обзаведенія, тогда предприниматели работъ имъ говорятъ: нѣтъ, дорого, Богъ съ вами,—и берутъ китайцевъ, которые предлагаютъ себя въ рабочіе: пѣшіе за 35 коп. въ день, а конные за 70 коп. въ день... Чѣмъ помѣшать этому и что дѣлать съ нашими рабочими? А разверните-ка эту нынѣшнюю дилемму въ маломъ ея видѣ въ широкую картину будущаго, когда на одного русскаго въ Сибири явится 50 китайцевъ?

«Но вотъ еще одинъ кошмаръ...

«Кто же оплачиваетъ всѣ эти на Сибирь уходящіе милліоны?

«По приблизительно вѣрнымъ исчисленіямъ выходитъ, что главная доля этихъ огромныхъ расходовъ ложится на такъ-называемую центральную Россію, а самая меньшая доля на Сибирь, съ ея несмѣтными богатствами въ землѣ... И разница эта такъ велика, что если ее выразить въ цифрахъ, то окажется, что центральная изнуренная Россія платитъ около 2 р. въ годъ съ души, а непочатая, богатѣйшая Сибирь платить 50 к.

«Затѣмъ далѣе, кто оплачиваетъ эти капризныя переселенія русскаго мужичка изъ Россіи, гдѣ онъ нуженъ, въ Сибирь, гдѣ кореецъ и китаецъ сдѣлаютъ его скоро совсѣмъ не нужнымъ? Опять-таки та самая центральная Россія, которую переселенецъ бросаетъ, лишая ее своего труда...»

Изъ голодающихъ губерній. Въ числѣ писемъ, полученныхъ комитетомъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, есть письмо народной учительницы, г-жи Каменской, рисующее бѣдственное положеніе крестьянъ Машково-Сурены, Козловскаго уѣзда, Тамбовской губ. Г-жа Каменскаа пишетъ:

«Положеніе крестьянъ очень тяжелое, а помощь отъ земства получилась лишь въ видѣ открытой у насъ пекарни, гдѣ хлѣбъ продается по $1^1/_2$ коп. Такъ какъ всѣ сидятъ безъ хлѣба и безъ денегъ, то эта пекарня лишь горечь вливаетъ въ жизнь крестьянъ: просятъ открыть имъ кредитъ и уплату причислить къ податямъ, но въ этомъ имъ отказывается. Земскій начальникъ возложилъ на меня завѣдываніе пекарнею и мнѣ достовѣрно извѣстно, какая масса голодныхъ обращается въ нее за хлѣбомъ, не получая изъ нея ни единаго фунта. На моихъ рукахъ 109 учениковъ, которыхъ я кормлю обѣдомъ и которымъ я покупаю хлѣбъ къ обѣду изъ своего 12-рублеваго жалованья. Присылаемые

10 руб. употребляю на самый обѣдъ, но хлѣба къ нему могу покупать едва на ⅓ учениковъ. Такимъ образомъ, я принуждена безучастно смотрѣть на голодъ десятковъ дворовъ. Есть семьи, которыя не имѣютъ теплаго платья, поэтому по міру не ходятъ, живя бѣдственнѣе всякаго нищаго; есть семьи, гдѣ старики—больные, а дѣти слишкомъ малы для собиранія милостыни. Въ одной семьѣ пять дѣтей круглыхъ сиротъ, самой старшей 8 лѣтъ; взяты они всѣ теткой-вдовой, безземельной крестьянкой, отъ только-что умершихъ въ нуждѣ родителей. Какъ бросить однихъ дѣтей и идти по міру? — жалуется она мнѣ. Вотъ, говоритъ, плачемъ вмѣстѣ. А отъ священника столько ужасовъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ слышу ежедневно, что нѣтъ силъ затушить голосъ разсудка и обходить голодныхъ безучастно... Беру подъ свое жалованье хлѣбъ въ кредитъ (одной мнѣ, мѣстной учительницѣ, эта милость), но оно такъ ограничено, что поддержки даю слишкомъ мало. На помощь мнѣ въ школу пріѣхала на мѣсяцъ одна великодушная курсистка (жалованья помощницѣ нѣтъ въ моей школѣ), и мы вмѣстѣ нерѣдко посѣщаемъ своихъ злосчастныхъ односельчанъ. Могу съ точностью описать положеніе нѣкоторыхъ дворовъ за подписью старосты и священника и позволю себѣ это сдѣлать въ самомъ скоромъ времени».

Перейдя затѣмъ къ обсужденію мѣръ для оказанія помощи населенію, авторъ письма продолжаетъ:

«Самое лучшее было бы выдавать бѣдствующимъ печеный хлѣбъ. Дѣла пекарни остановились и надо было бы изъ рукъ земства передать ее сельскому обществу, но денегъ на то не имѣется. Земство ранѣе закупило хлѣбъ по высокой цѣнѣ и менѣе, чѣмъ за 1—1½ коп. не можетъ давать. Было бы также благодѣтельно дать хлѣбъ въ кредитъ. Крестьяне высказываютъ такія отчаянныя мысли, что сонъ теряешь, долго слушая ихъ. Вотъ была бы великая радость, если бы насъ ожидало участіе гуманныхъ людей. Сама я теряю силы, здоровье, нервы напряжены до невозможной степени. Часто идутъ ко мнѣ съ разсказами о своихъ тщетныхъ поискахъ заработка въ Саратовѣ и Ѳедессѣ: возвращаются разоренными. Идутъ также въ Тобольскую губ., бросая семью на произволъ. Конечно, не всѣ бѣдствуютъ и въ разной степени эти бѣдствія проявляются. Но есть около 500 дворовъ, сильно бѣдствующихъ, гдѣ не только попродали коровъ и лошадей, но и овецъ и куръ. Священникъ говоритъ, что голодный тифъ у насъ не переводится. Хотя Козловскій уѣздъ считается богатымъ, но нынѣшняя зима унесла здѣсь въ могилу много жертвъ. Больныхъ такая масса, что и одинъ разъ въ недѣлю не успѣешь посѣтить знакомыхъ больныхъ, а я удѣляю имъ ежедневное свободное время. И вотъ, безпрестанно я со своей помощницей, будущимъ врачемъ, наталкиваюсь на такіе случи, что больные ѣдятъ картофель безъ хлѣба или хлѣбъ безъ картофеля, и это ихъ единственная пища. У богатыхъ же имѣется пшеничная мука для праздниковъ. Надо вамъ замѣтить, что въ нашемъ селѣ второй годъ сряду полный неурожай, вотъ почему этотъ годъ особенно тяжелый. Во время обѣда моихъ учениковъ мнѣ рисуются образы другихъ дѣтей моего села, лишенныхъ такой же пищи и ихъ горькаго черстваго хлѣба. Если бы мнѣ удалось найти добрыхъ людей, которые помогли бы прокормить хотя однихъ дѣтей моего села, я была бы счастлива... Образы этихъ исхудалыхъ лицъ терзаютъ души, давятъ мозгъ... Тяжело... простите... не могу кончить и связать мысли. На-дняхъ я займусь перечнемъ тѣхъ дворовъ, которые особенно бѣдствуютъ въ тѣсной хатѣ. Овцы падаютъ у многихъ. Съ крышъ снимаютъ солому для прокормленія лошади. По дорогамъ собираютъ навозъ и соръ для топки. Многіе не топятъ своихъ жилищъ и ютятся по 20 человѣкъ».

Чествованіе памяти Бѣлинскаго въ Москвѣ. Чествованіе памяти Бѣлинскаго въ Москвѣ прошло чрезвычайно удачно. Переполнившая огромный акто-

вый залъ университета публика, среди которой были и пріѣзжіе гости изъ Петербурга (А. Ѳ. Кони, В. П. Острогорскій, художникъ И. И. Вокулинъ и др.), присутствіе 80-лѣтней свояченицы Бѣлинскаго А. В. Орловой, возвышающійся на каѳедрѣ портретъ критика и по бокамъ — его бюсты среди тропическихъ растеній, выставка рукописей, портретовъ, бюстовъ, изданій сочиненій—какъ Бѣлинскаго, такъ и лицъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе, — таковы внѣшній видъ и обстановка чествованія памяти великаго русскаго критика, происходившаго 8 апрѣля, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины, въ стѣнахъ московскаго университета, на торжественномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Этой внѣшней обстановкѣ, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ полной мѣрѣ соотвѣтствовало и внутреннее содержаніе торжества: рядъ сообщеній, доложенныхъ послѣдовательно пятью авторами, освѣтилъ съ разныхъ точекъ личность, жизнь, творчество и значеніе чествуемаго писателя.

Предсѣдатель общества Н. И. Стороженко открылъ торжество привѣтствіемъ отъ имени общества къ А. В. Орловой, причемъ передалъ ей въ воспоминаніе о чествованіи заслугъ ея великаго родственника букетъ цвѣтовъ; это привѣтствіе было покрыто продолжительными рукоплесканіями всего зала. Въ послѣдовавшей затѣмъ рѣчи, проф. Стороженко остановился, главнымъ образомъ, на одномъ вопросѣ, — вопросѣ объ эволюціи критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго. Перечисливъ всѣ тѣ переходы въ воззрѣніяхъ критика на художественное творчество, которые слѣдовали другъ за другомъ вплоть до петербургскаго періода дѣятельности В. Г. и даже здѣсь не сразу пріобрѣли окончательную форму, — проф. Стороженко указалъ, какъ подъ вліяніемъ условій русской дѣйствительности Бѣлинскій постепенно превращался изъ критика-эстетика въ критика-публициста, отрѣшившагося, подъ напоромъ предъявляемыхъ жизнью требованій, отъ эстетическихъ и гегеліанскихъ увлеченій и замѣнившаго ихъ опредѣленнымъ общественно-моральнымъ ученіемъ. Это, однако, не была измѣна однимъ взглядомъ и предпочтеніе имъ другихъ, противоположныхъ; это было постепенное развитіе, переработка воззрѣній, неустанное движеніе впередъ. Проф. Стороженко закончилъ указаніемъ на то, какъ велико значеніе Бѣлинскаго какъ критика и публициста, какою признательностью мы обязаны ему за многое изъ того, что вошло въ обиходъ нашей общественной жизни, но что въ его время составляло предметъ пламенныхъ мечтаній и поводъ для страстной борьбы.

Сообщеніе И. И. Иванова «Бѣлинскій, какъ русскій культурно-историческій типъ», представило живую картину внутренней жизни и постепеннаго духовнаго роста В. Г. Это былъ, говорилъ г. Ивановъ, прирожденный апостолъ, искавшій прозелитовъ во что бы то ни стало и не смущавшійся, когда встрѣчалъ на своемъ пути несогласныхъ съ собою. Если онъ шелъ не всегда одною дорогою, то цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, принципы, которымъ служилъ, были всегда неизмѣнны. Завѣты, оставленные Бѣлинскимъ, далеко еще не осуществлены; средства и способы, которые онъ примѣнялъ въ своихъ писаніяхъ — обнаженіе русской дѣйствительности и сопоставленіе съ нею результатовъ и выводовъ европейской общественной мысли и жизни,—надолго еще останутся надежными и неизбѣжными. И если одинъ изъ враговъ Бѣлинскаго сказалъ про него: «Бѣлинскій умеръ.—живъ Бѣлинскій», то въ этихъ словахъ заключается лучшая похвала знаменитому дѣятелю, невольное признаніе его неумирающаго вліянія на послѣдующую жизнь и послѣдующія поколѣнія.

Фактическій по преимуществу характеръ имѣло сообщеніе В. Е. Якушкина: «Бѣлинскій, его друзья и враги»; лекторъ напомнилъ главнѣйшіе эпизоды изъ жизни и дѣятельности великаго критика. По поводу раздававшихся нерѣдко возгласовъ о недостаточности знаній Бѣлинскаго г. Якушкинъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Если оффиціальный университетъ и не призналъ Бѣлинскаго,

то годы студенчества оказали тѣмъ не менѣе на него огромное вліяніе, а потомъ люди и книги сдѣлали то, что не всегда въ состояніи сдѣлать и университетъ. Бѣлинскій въ годы своего ученія встрѣчается вездѣ съ людьми выше средняго уровня, впитавшими въ себя, такъ сказать, всѣ результаты предшествующей работы общественной мысли, и на него въ общемъ оказала вліяніе вся совокупность тогдашней русской образованности. Останавливаясь въ отдѣльности на лицахъ, съ которыми пришлось сталкиваться знаменитому критику, на друзьяхъ и врагахъ его, г. Якушкинъ широко пользовался въ своемъ сообщеніи воспоминаніями друзей Бѣлинскаго, въ особенности Герцена, и перепиской самого критика. Любопытенъ, между прочимъ, отзывъ Бѣлинскаго объ условіяхъ своей работы въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Эти условія были таковы, что великій критикъ вынужденъ былъ называть себя въ одномъ изъ писемъ Прометеемъ, для котораго «Отечественныя Записки» были скалою, а Краевскій былъ коршуномъ. Въ заключеніе своего сообщенія г. Якушкинъ остановился на вопросѣ о редакціи изданій сочиненій Бѣлинскаго. Г. Якушкинъ отмѣтилъ, что первое изданіе, выпущенное въ 1859 г. К. Т. Солдатенковымъ и Н. М. Щепкинымъ подъ редакціей Н. Х. Кетчера и отчасти А. Д. Галахова, имѣвшее такое важное значеніе, не было полнымъ: Кетчеръ не все написанное Бѣлинскимъ внесъ въ изданіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напечатаннаго имъ были сдѣланы пропуски. Между тѣмъ это изданіе перепечатывалось затѣмъ безъ перемѣнъ, а въ изданіи, выпущенномъ въ 1896 году г. Павленковымъ, были произведены еще и новыя сокращенія. Г. Якушкинъ высказалъ пожеланіе, чтобы въ настоящее время было предпринято такое собраніе сочиненій Бѣлинскаго, которое можно было бы назвать дѣйствительно полнымъ.

Яркою характеристикою душевнаго склада Бѣлинского явилось сообщеніе А. Н. Веселовскаго «Orlando furioso». Напомнивъ о томъ, какъ произведеніе Аріосто, усердно читавшееся Бѣлинскимъ и его товарищами-студентами, дало поводъ къ наименованію страстнаго и увлекающагося юноши сначала «неистовымъ Роландомъ», затѣмъ «неистовымъ Виссаріономъ», проф. Веселовскій провелъ параллель между героемъ Аріосто и его русскимъ снимкомъ въ лицѣ Бѣлинскаго. При кипучемъ темпераментѣ Бѣлинскаго, при томъ ускоренномъ темпѣ, которымъ билась его жизнь, для него были особенно тягостны общественныя условія тогдашней русской жизни, когда приходилось молчать или тщательно скрывать свои мысли, между тѣмъ какъ, по выраженію Бѣлинскаго, «хотѣлось порою умереть отъ избытка жизни». Статьи Бѣлинскаго представляютъ лишь слабую копію, блѣдный оттискъ того первичнаго образа, который имѣли мысли Бѣлинскаго, и не только потому, что статьи урѣзывались цензурою, но и потому, что бумага никогда не передастъ того увлеченія, волненія и страсти, которыми горѣлъ Бѣлинскій, когда писалъ свои произведенія. И ни въ западной литературѣ, ни въ русской послѣ Бѣлинскаго нельзя указать такого удивительнаго сліянія критическаго чутья, публицистическаго таланта и горячаго чувства, которое представилось въ лицѣ В. Г. И если въ литературной критикѣ имя Бѣлинскаго останется незабвеннымъ, то въ исторіи личности въ Россіи этотъ «гладіаторъ» и рыцарь правды займетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

Сообщеніе Г. А. Джаншіева «Бѣлинскій и эпоха реформъ» устанавливало связь реформъ 60-хъ г. съ публицистическою дѣятельностью В. Г. Наиболѣе крѣпка эта связь, конечно, съ главнѣйшею язвой нашего до-реформеннаго быта—крѣпостнымъ правомъ. Еще на студенческой скамьѣ Бѣлинскій написалъ драму «Дмитрій Калининъ», бичующую зло крѣпостного права и аттестованную начальствомъ «безчестною». Этимъ произведеніемъ юноша далъ Аннибалову клятву бороться всю жизнь съ существовавшимъ въ русской дѣйствительности порабощеніемъ человѣка. Если на необходимость другихъ реформъ Александра II

въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго и нѣтъ прямыхъ указаній, то, съ одной стороны, они подготовили ту почву, благодаря которой сдѣлалось возможнымъ возрожденіе Россіи, съ другой—въ письмахъ Бѣлинскаго разбросано множество мыслей, показывающихъ, что знаменитымъ публицистомъ ясно сознавался не только духъ, въ которомъ предстояло произвести преобразованіе русской жизни, но и тѣ конкретныя сферы ея, которыя въ преобразованіяхъ нуждались. Великое вліяніе Бѣлинскаго имѣло великія послѣдствія, но многое къ чему стремился Бѣлинскій и его современники, еще не достигнуто по сію пору. Лучшимъ чествованіемъ памяти В. Г. будетъ поэтому вѣра въ его идеалы и принципы, неуклонное стремленіе къ ихъ проведенію въ жизнь.

Чествованіе памяти знаменитаго критика закончилось, какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости», чтеніемъ стихотвореній, посвященныхъ Бѣлинскому Некрасовымъ. Эти стихотворенія, прекрасно прочитанныя кн. А. И. Сумбатовымъ, были: неизданная поэма «Бѣлинскій», «Памяти пріятеля» и отрывки изъ «Медвѣжьей охоты».

Послѣ засѣданія обществомъ любителей русской словесности было отправлено по телеграфу привѣтствіе дочери Бѣлинскаго О. В. Бензи въ Парижъ.

Открытая въ библіотечной залѣ университета выставка въ память Бѣлинскаго очень усердно посѣщалась московской публикой. Въ глубинѣ залы, въ купѣ лавровыхъ деревьевъ, помѣстилась довольно большихъ размѣровъ картина А. А. Наумова—«Бѣлинскій передъ смертью», извѣстная большинству публики лишь по всякаго рода воспроизведеніямъ, но не по оригиналу. По стѣнамъ залы размѣстилась богатая коллекція фотографій, литографій и гравюръ,—прекрасная иллюстрація къ тому, что читалось разными лекторами о Бѣлинскомъ. Коллекція подобрана съ большою заботливостью и полнотою. Первое мѣсто принадлежитъ, конечно, портретамъ критика въ различныя поры его жизни. Всего до 20 портретовъ. Затѣмъ идутъ портреты членовъ семьи Бѣлинскаго, его жены, дѣтей, внуковъ, университетскаго кружка, въ которомъ протекли юношескіе годы критика (М. Н. Катковъ, Н. В. Станкевичъ, Кетчеръ, Конст. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Огаревъ, Искандеръ, Пассекъ, Евг. Ѳедор. Коршъ и т. д.), профессоровъ и начальства московскаго университета поры пребыванія въ немъ Бѣлинскаго, петербургскихъ друзей и знакомыхъ, литераторовъ, соприкасавшихся съ критикомъ въ личной жизни и писательской дѣятельности, между прочимъ, противниковъ Бѣлинскаго—Булгарина, Греча, Сенковскаго и др., авторовъ болѣе выдающихся сочиненій о Бѣлинскомъ. Въ витринахъ, по срединѣ залы, размѣщена довольно большая коллекція подлинныхъ черновиковъ Бѣлинскаго, нѣсколько записочекъ его. Большую сенсацію въ осматривавшей выставку публикѣ производили помѣщенныя тутъ же записная книга инспектора студентовъ Щепкина, открытая на страницѣ, гдѣ вписано постановленіе объ увольненіи Бѣлинскаго изъ университета, и полицейская книга пречистенской части, дома Ефремова, открытая на страницѣ, гдѣ записанъ жильцомъ Бѣлинскій. Въ центрѣ залы—бронзовый бюстъ критика, работы Н. Н. Ге, составляющій собственность К. Т. Солдатенкова. Неподалеку отъ картины Наумова помѣстился небольшой рисунокъ—проектъ памятника Бѣлинскому въ Пензѣ. На высокой колоннѣ—бюстъ Бѣлинскаго, къ которому протягиваетъ руку длинная женская фигура въ какомъ-то странномъ одѣяніи. У подножія—раскрытая книга и лавровая вѣтвь. Проектъ принадлежитъ парижскому скульптору г. Каплану, и по отзывамъ лицъ, видѣвшихъ его, въ художественномъ отношеніи является крайне неудачнымъ.

Въ Петербургѣ чествованіе Бѣлинскаго, устраиваемое Союзомъ взаимопомощи русскихъ писателей, будетъ происходить 10 мая. Въ немъ примутъ участіе гг. Михайловскій, Вейнбергъ, Венгеровъ, В. П. Острогорскій и пр. Лекціи В. П. Острогорскаго о Бѣлинскомъ, читанныя въ мартѣ имѣли большой успѣхъ и привлекали массу публики преимущественно изъ учащейся молодежи. За-

тѣмъ, главное чествованіе предстоитъ въ Пензѣ, на мѣстѣ родины критика, 26 мая, и въ Чембарѣ, гдѣ Бѣлинскій провелъ свое дѣтство.

Нельзя не радоваться душевно, при видѣ того дружнаго отклика, какой вызвала въ обществѣ память о великомъ писателѣ, и было бы въ высшей степени желательно завершить эти поминки памятникомъ, достойнымъ Бѣлинскаго. Мѣсто для такого памятника напрашивается само собой: это на Тверскомъ бульварѣ въ Москвѣ противъ памятника Пушкина. Если Пушкинъ создалъ русскую поэзію, давъ недосягаемые образцы совершенства, то Бѣлинскій разъяснилъ ихъ и научилъ русское общество понимать и любить Пушкина.

За границей.

Кубинская война. Взоры всего цивилизованнаго міра сосредоточены теперь у береговъ Америки и около острова Кубы, этой «жемчучины Антильскихъ острововъ», сдѣлавшейся яблокомъ раздора между великою американскою республикой и Испаніей.

Въ Европѣ давно уже съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми перипетіями борьбы, происходившей на Кубѣ. Недовольство испанскимъ управленіемъ настолько возрасло, что въ 1895 году вновь вспыхнуло возстаніе и кубинцы обнаружили сильнѣйшее стремленіе на этотъ разъ во что бы то ни стало отвоевать себѣ независимость. Это возстаніе, продолжавшееся почти три года, а необыкновенно жестокія мѣропріятія со стороны испанской власти въ образѣ генерала Вейлера, управлявшаго островомъ, привели въ концѣ концовъ къ окончательному разрыву между Испаніей и Соединенными Штатами, открыто покровительствовавшими инсургентамъ и оказывавшими имъ не только нравственную, но и матеріальную поддержку. Со смертью Кановаса и отозваніемъ генерала Вейлера, Испанія, повидимому, рѣшила принять другую тактику относительно Кубы и дѣйствовать въ болѣе примирительномъ духѣ. Но, очевидно, время было пропущено. «Кубинскіе ужасы», о которыхъ упомянулъ президентъ Макъ-Кинлэй въ своемъ посланіи конгрессу, возбудили слишкомъ большую ненависть населенія къ испанской власти, взрывъ же американскаго броненосца «Мэнъ» послужилъ послѣднею каплею, вызвавъ крайнее озлобленіе въ Соединенныхъ Штатахъ и такое усиленіе шовинистскихъ чувствъ, что президентъ Макъ-Кинлэй былъ, такъ сказать, поставленъ противъ своей воли въ необходимость порвать дипломатическія сношенія съ Испаніей, объявивъ ей ультиматумъ, на который она не могла согласиться, не уронивъ своего достоинства, какъ сильной европейской державы.

Испаніи теперь приходится расплачиваться за тѣ правонарушенія и жестокости, которыя производилъ отъ ея имени генералъ Вейлеръ въ Кубѣ. Если даже допустить массу преувеличеній въ разсказахъ корреспондентовъ и донесеніяхъ консуловъ, то все же и при такомъ исключеніи, поведеніе испанскихъ властей на островѣ способно возбудить глубочайшее негодованіе. Куба совершенно разорена теперь и число погибшихъ, даже по самому умѣренному разсчету, превышаетъ 200.000. Самымъ гибельнымъ и ужаснымъ мѣропріятіемъ генерала Вейлера было распоряженіе загнать мирное населеніе Кубы въ укрѣпленные города и поселки. Это было равносильно осужденію на голодную смерть. Тѣхъ, кто пытался бѣжать, немедленно разстрѣливали. За предѣлами городовъ и поселковъ всѣ дома были сожжены и плантаціи опустошены, такъ что, нѣкогда зажиточные фермеры и плантаторы, сразу превратились въ нищихъ, которымъ ничего другого не оставалось, какъ протягивать руку за подаяніемъ. Помѣщеній въ городахъ не хватало и согнанные туда жители должны были

ютиться въ ужасныхъ лачугахъ и шалашахъ, сплетенныхъ изъ пальмовыхъ вѣтвей. Что жъ удивительнаго, что несчастные, поставленные въ такія ужасныя условія, погибали тысячами. Больницы не могли вмѣстить всѣхъ, да и тамъ условія были не лучше и больныхъ приходилось класть прямо на полу, за неимѣніемъ постелей, и оставлять безъ всякаго лѣченія, за неимѣніемъ лѣкарствъ. Какъ деспотично дѣйствовалъ Вейлеръ доказываетъ слѣдующее: онъ безъ церемоніи приказывалъ сжигать дома тѣхъ поселянъ, которые отказывались добровольно переселиться въ города. Лишенные крова и всего имущества, несчастные поневолѣ вынуждены были бѣжать. Вейлеръ разсчитывалъ такимъ опустошеніемъ страны вынудить инсургентовъ сдаться, но цѣли своей не достигъ и своими крутыми мѣрами скорѣе даже содѣйствовалъ успѣху и распространенію инсуррекціоннаго движенія. Перемѣна министерства въ Испаніи вызвала измѣненіе въ направленіи испанской политики по отношенію къ Кубѣ—политики, которую одинъ англичанинъ назвалъ «политикою абсолютнаго истребленія», но перемѣна эта совершилась слишкомъ поздно, когда остановить естественное теченіе событій оказалось уже невозможно.

Куба не разъ уже бывала мѣстомъ кровопролитныхъ схватокъ и кубинское населеніе, тяготившееся испанскимъ владычествомъ, много разъ хваталось за оружіе и одно изъ такихъ возстаній длилось нѣсколько лѣтъ, съ 1869 г. по 1877 г., когда, наконецъ, генералу Мартинецу Кампосу удалось покорить островъ. Послѣ того рабство было отмѣнено на Кубѣ и испанское правительство обѣщало реформы, но не сдержало своихъ обѣщаній. Мы уже имѣли случай говорить объ испанской администраціи и порядкахъ, господствовавшихъ на Кубѣ *), населеніе которой было обложено тяжелыми податями, на покрытіе расходовъ по содержанію сильнаго гарнизона на островѣ. Стѣснительныя же пошлины, имѣющія въ виду выгоды торговли и промышленности Испаніи, мѣшали свободному промышленному развитію колоній и подавляли ея производительность.

Всѣ эти причины, конечно, содѣйствовали тому, что на островѣ постоянно поддерживалось враждебное отношеніе къ испанцамъ. Къ тому же, въ извѣстной части кубинскаго населенія давно обнаруживалось тяготѣніе къ великой американской республикѣ, поддерживаемое въ началѣ южными штатами, а впослѣдствіи сѣверными. Уже въ 1845 году впервые былъ оффиціально возбужденъ вопросъ о выкупѣ Кубы у испанцевъ и даже образовалась промышленная компанія, предлагавшая испанскому правительству 200 милліоновъ долларовъ за Кубу. Испанія не приняла этого предложенія, но послѣ цѣлаго ряда возстаній и кроваваго усмиренія Соединенные Штаты снова заявили въ въ 1854 году, что они считаютъ себя вправѣ отнять Кубу у Испаніи, такъ какъ внутренніе безпорядки, происходящіе на островѣ, угрожаютъ миру американскаго союза. Но междуусобная война, возникшая въ Соединенныхъ Штатахъ, помѣшала привести въ исполненіе это намѣреніе. Съ того времени частичныя возстанія почти не прекращались на Кубѣ и принимали иной разъ очень серьезные размѣры.

Можно считать почти аксіомой, что всѣ колоніи рано или поздно стремятся къ отпаденію отъ метрополіи и добиваются полной независимости. Это вполнѣ естественное стремленіе не всегда, конечно, идетъ ровными путями и въ особенности, если этому стремленію ставятся преграды, то населеніе, достигшее уже извѣстной гражданской зрѣлости и чувствующее себя способнымъ самому вѣдать свои дѣла, прибѣгаетъ порою къ весьма энергичнымъ мѣрамъ, чтобы сбросить иго метрополіи, начинающее тяготить его. На Кубѣ происходитъ нѣчто подобное и испанское правительство могло бы уладить дѣло, еслибъ во время ввело реформы и дало бы острову автономію, по образцу, напримѣръ, канадской

*) См. «М. Б.», ноябрь 97 г., «Заграницей»—«Кубинскіе герои и героини».

автономіи. Но теперь время пропущено и остановить событія уже невозможно. Соединенные Штаты сильно заинтересованы въ томъ, чтобы Куба присоединилась къ федераціи. Американской республикѣ было бы очень важно пріобрѣсти для своей промышленности обширный рынокъ въ Кубѣ; кромѣ того, Куба могла бы быть полезна Соединеннымъ Штатамъ, какъ опора для торговаго и военнаго флота.

Такимъ образомъ, стремленіе кубинцевъ, желающихъ во что бы то ни стало сбросить иго испанскаго владычества, выражавшееся въ безпощадной эксплуатаціи и политическомъ гнетѣ, не могли не встрѣтить сочувственнаго отклика въ Соединенныхъ Штатахъ, оказавшихъ помощь и нравственную поддержку кубинскимъ инсургентамъ, во главѣ которыхъ находились люди, пользующіеся большимъ престижемъ среди мѣстнаго населенія. Одно время можно было думать, что смерть одного изъ главныхъ предводителей возстанія, мулата Антоніо Мацео, произведетъ какое-либо замѣшательство въ рядахъ инсургентовъ, но ожиданія испанцевъ въ этомъ направленіи были обмануты. Мацео замѣнилъ съ большимъ успѣхомъ Максимо Гомецъ или «кубинскій Наполеонъ», какъ его называютъ его приверженцы и партизанская война возобновилась съ прежнею силой.

Испанско американская война, возникающая изъ за Кубы, не можетъ не отразиться и на европейскихъ интересахъ. Европейская торговля съ Америкой несомнѣнно должна будетъ пострадать отъ этой войны и поэтому можно ожидать даже активнаго вмѣшательства европейскихъ державъ, въ случаѣ, если война затянется или приметъ не желательные размѣры. Ходятъ слухи, что Соединенные Штаты располагаютъ новыми средствами обороны на морѣ, которыя еще неизвѣстны европейцамъ. Говорятъ также о какомъ-то новомъ изобрѣтеніи Эдиссона и т. п. Но во всякомъ случаѣ настоящая война, которая должна будетъ происходить, главнымъ образомъ, на морѣ, покажетъ на дѣлѣ преимущества того или иного морского вооруженія и системы судовъ. Съ этой точки зрѣнія испано-американская война должна будетъ имѣть большое значеніе для европейскихъ флотовъ.

Въ Испаніи война можетъ имѣть очень дурныя послѣдствія для династіи и вызвать даже государственный переворотъ. Республиканская партія въ Испаніи довольно сильна и предпріимчива и, конечно, не преминетъ воспользоваться первымъ удобнымъ предлогомъ къ ниспроверженію существующаго порядка вещей; съ другой стороны, и Донъ-Карлосъ не дремлетъ и готовится выступить на сцену, чуть только обстоятельства будутъ этому благопріятствовать. Въ Соединенныхъ Штатахъ также могутъ произойти перемѣны въ ущербъ Макъ-Кинлэю и его партіи, такъ что во всякомъ случаѣ испано-американская война, кромѣ, быть можетъ, совершенно неожиданныхъ выводовъ, касающихся морской обороны, можетъ имѣть для Европы еще и другія важныя послѣдствія.

Бѣгство съ острова Дьявола. Процессъ Золя и агитація въ пользу Дрейфуса напомнили французскому обществу объ островахъ Спасенія, служащихъ для ссылки преступниковъ. Еще до начала знаменитаго процесса въ обществѣ нѣсколько разъ распространялись слухи о бѣгствѣ Дрейфуса, поселеннаго на островѣ Дьявола, но всѣ эти слухи опровергались съ оффиціальной стороны и, къ тому же, выставлялось на видъ, что островъ Дьявола окруженъ совершенно неприступными скалами и въ окружающихъ водахъ водится такое множество акулъ, что ужъ одно ихъ присутствіе способно удержать смѣльчаковъ отъ отчаянной попытки вернуть свободу.

Однако во всѣхъ этихъ разсказахъ о страшныхъ акулахъ, неприступныхъ скалахъ и безплодныхъ берегахъ заключается много преувеличеній! Островъ Дьявола, на которомъ заключенъ теперь Дрейфусъ, служилъ уже во времена второй имперіи мѣстомъ ссылки политическихъ преступниковъ, и многимъ изъ

нихъ удалось бѣжать оттуда, такъ что островъ лишился тогда же своей репутаціи и на немъ, вмѣсто ссыльныхъ, были помѣщены прокаженные. Прошло много лѣтъ, исторія бѣглецовъ была позабыта и островъ Дьявола снова былъ превращенъ въ мѣсто ссылки и снова возродилась вѣра въ его неприступность.

Исторія ссыльныхъ второй имперіи дѣйствительно можетъ служить доказательствомъ того, что для человѣческой воли и страстной жажды свободы не страшны ни скалы, ни жадныя акулы. Въ 1856 году въ августѣ съ острова Дьявола бѣжали нѣсколько человѣкъ ссыльныхъ подъ предводительствомъ Анри Шабанна. Этотъ послѣдній былъ арестованъ и сосланъ на островъ Дьявола, какъ политическій преступникъ и организаторъ тайнаго общества. Шабаннъ, по профессіи бочаръ, извѣстенъ былъ однако, какъ человѣкъ въ высшей степени энергичный и пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ на своихъ товарищей; поэтому власти смотрѣли на него, какъ на человѣка въ высшей степени опаснаго. Уѣзжая изъ Франціи навсегда во французскую Гвіану, куда его отправляли въ пожизненную ссылку, Шабаннъ написалъ своей дочери: «Когда ты выростешь, думай иногда о своемъ отцѣ и, быть можетъ, ты поймешь тогда, что давало силы переносить столько бѣдствій...»

Первое впечатлѣніе, произведенное на Шабанна островами Спасенія, было очень благопріятное. Свѣжій воздухъ, зеленыя деревья—все это послѣ долговременнаго пребыванія въ душной тюрьмѣ и тяжелаго морского перехода не могло не вызвать въ арестантахъ радостнаго чувства, когда они высадились на берегъ. Кромѣ этого Шабаннъ твердо вѣрилъ въ то, что онъ вернетъ себѣ свободу. Дорогою онъ очень подружился съ двумя другими ссыльными, Карнезатомъ и Піанори, съ которыми онъ впослѣдствіи вмѣстѣ бѣжалъ, Карнезатъ былъ очень образованъ, но это образованіе онъ получилъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ пробылъ въ заключеніи больше пяти лѣтъ. Это пребываніе онъ употребилъ съ большою пользою для себя и могъ примѣнить къ себѣ извѣстныя слова Луи Наполеона (позднѣе Напелеона III), знакомаго по опыту съ тюремнымъ заключеніемъ. Наполеонъ однажды на вопросъ, гдѣ онъ почерпнулъ свои обширныя математическія свѣдѣнія, отвѣтилъ, улыбаясь: «Въ университетѣ Гамъ», т. е. въ крѣпости Гамъ, откуда онъ бѣжалъ послѣ шестилѣтняго заключенія.

Высаженные на островѣ Дьявола, ссыльные были предоставлены сами себѣ, и убѣжденіе въ невозможности побѣга было настолько сильно, что на островѣ даже не было тюремщиковъ. Два раза въ недѣлю лодка подъѣзжала къ острову и привозила заключеннымъ: хлѣбъ, мясо, сахаръ, кофе, соль, водку и, главное, воду для питья и т. п. необходимыя вещи. Вмѣстѣ съ этимъ на островѣ являлись главный надзиратель въ сопровожденіи четырехъ солдатъ и докторъ, и дѣлали перекличку арестантовъ. Такимъ образомъ, жизнь на островѣ, въ сравненіи съ жизнью въ тюрьмѣ, была гораздо легче. Ссыльные сами построили себѣ хижинки, посадили овощи и развели птицу; кокосовыя пальмы и бананы, а также сахарный тростникъ были уже раньше насажены на островѣ каторжниками, которые прежде тамъ содержались.

Однако Шабаннъ, вмѣстѣ съ Карнезатомъ и Піанори твердо рѣшились бѣжать, при первой возможности, и дѣятельно подготовляли свой побѣгъ. Они втайнѣ выстроили большой плотъ, воспользовавшись для этого стволомъ дерева, которое было прибито волнами къ берегу. Тутъ Шабанну очень пригодилось его бочарное ремесло. Однажды его засталъ за работой сторожъ, посланный администраціей на островъ Дьявола за овощами, и спросилъ, для какой цѣли онъ приготовляетъ боченокъ. Шабаннъ спокойно отвѣтилъ ему, что боченокъ ему нуженъ для дождевой воды, такъ какъ воды, доставляемой администраціей, имъ не хватаетъ. Сторожъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ и даже посовѣтовалъ ему обратиться къ администраціи съ просьбою прислать боченки для храненія дождевой воды.

Работа быстро подвигалась. Товарищи Шабанна по ссылкѣ, пожелавшіе также попытаться вернуть себѣ свободу, принимали дѣятельное участіе въ работахъ по устройству плота и снабженія его всѣмъ необходимымъ. Назначенъ былъ день отъѣзда, не всѣ ссыльные однако рѣшались на побѣгъ, но изъ остающихся не нашлось ни одного измѣнника. Въ назначенный часъ, вечеромъ, плотъ отплылъ отъ берега. На немъ находилось семнадцать человѣкъ, но въ это время съ берега замѣтили, что плотъ погружается и остающіеся закричали объ этомъ. Тогда десять человѣкъ испугались и тотчасъ же вернулись на островъ, но семеро остались и пустились въ открытое море. Плаваніе продолжалось четверо сутокъ; бѣглецамъ счастливо удалось избѣжать опасности и они не попались на глаза французскимъ властямъ. Капитанъ повстрѣчавшагося имъ по дорогѣ голландскаго брига, хотя и не взялъ ихъ съ собою, такъ какъ думалъ, что они просто бѣглые каторжники, тѣмъ не менѣе заставилъ ихъ взять отъ него небольшую сумму денегъ и затѣмъ продолжалъ свой путь дальше. Честный морякъ не захотѣлъ воспользоваться преміей въ сто франковъ, выдаваемыхъ въ Каеннѣ за каждаго пойманнаго бѣглеца.

Достигнувъ песчанаго берега голландской Гвіаны, бѣглецы высадились, но, ни найдя и слѣдовъ человѣческаго жилья, они снова пустились въ море. Съѣстные припасы у нихъ пришли къ концу, воды не было, плотъ на половину затопило водой, но они продолжали грести подъ палящими лучами солнца, напрягая послѣднія силы. Одинъ изъ ихъ товарищей сошелъ съ ума и они должны были крѣпко связать его. Къ счастью для нихъ. полилъ проливной дождь съ грозой и это нѣсколько облегчило ихъ мученія. На пятый день они, наконецъ, пристали къ устью рѣки. Карнезатъ и Шабаннъ, болѣе сильные и крѣпкіе, чѣмъ ихъ товарищи, отправились разыскивать жилье, полагая, что тутъ близко гдѣ-нибудь должны находиться сахарныя плантаціи. Спутники Шабанна и Карнезата, настолько ослабѣвшіе, что не могли двигаться, остались ждать ихъ возвращенія.

Восемь дней странствовали два энергичныхъ человѣка, которыхъ только поддерживала надежда, что спасеніе недалеко. Ежеминутно подвергаясь опасности отъ дикихъ звѣрей, изнемогая отъ усталости и голода, изъѣденные москитами, они добрались, наконецъ, до голландской плантаціи. Плантаторъ и его семья обѣдали, когда къ нимъ вошли два странника въ лохмотьяхъ, покрытые ранами и еле державшіеся на ногахъ. Добрые голландцы немедленно приняли въ нихъ самое живое участіе и окружили ихъ попеченіями. Карнезатъ и Шабаннъ умоляли своихъ гостепріимныхъ хозяевъ немедленно отправиться за ихъ оставшимися товарищами, что и было исполнено. Но они нашли только троихъ, почти умирающихъ; двое другихъ исчезли и только послѣ долгихъ поисковъ нашли ихъ трупы съѣденные крабами. Радость спасенныхъ была неописуема, когда они увидѣли своихъ товарищей. «О свобода, дорогая свобода!— воскликнулъ Шабаннъ,—ты не покинула своихъ защитниковъ!» Добрые голландцы. оказавшіе гостепріимство бѣглецамъ, отправили ихъ въ Парамарибо, какъ только силы бѣглецовъ возстановились.

Въ то время, какъ они находились въ Парамарибо, дожидаясь корабля, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Нью-Іоркъ, Шабаннъ и его товарищи были однажды разбужены ночью.

— Кто тамъ?—воскликнули они.

— Это мы, Геренъ, Мёньо и др...—послѣдовалъ отвѣтъ. — Мы пріѣхали съ острова Дьявола. Насъ двадцать человѣкъ и за нами слѣдуютъ еще четырнадцать, которые, вѣроятно, прибудутъ завтра.

Примѣръ первыхъ бѣглецовъ не остался безъ вліянія, и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ 40 ссыльныхъ бѣжали съ острова, только послѣдній плотъ, на кото-

ромъ находились четырнадцать ссыльныхъ, былъ захваченъ правительственнымъ судномъ, отправленнымъ на поиски.

Китайскіе врачи. Знаменитый Ли-Хунгъ-Чангъ, печелійскій вице-король, хорошо извѣстный и европейской публикѣ, и сторонникъ европейской цивилизаціи, устроилъ въ Китаѣ медицинскую школу по европейскому образцу, но его попытка произвести такимъ образомъ реформу въ области медицинской наукт, повидимому, осталась безъ результата и въ этой области по прежнему господствуетъ рутина, освященная вѣковыми обычаями.

Въ Китаѣ вовсе не нужно имѣть диплома, чтобы быть врачемъ; всякій можетъ быть имъ. если захочетъ, но чаще всего китаецъ выбираетъ медицинскую профессію не по влеченію, а по необходимости, ради того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. Одинъ миссіонеръ изъ Юннама разсказываетъ, что онъ зналъ одного китайца, носильщика, который въ 48 лѣтъ, чувствуя себя слишкомъ старымъ для своего ремесла, рѣшилъ сдѣлаться врачемъ и въ концѣ-конповъ даже прославился своимъ искусствомъ и нажилъ большое состояніе.

Благодаря легкости, съ которою каждый желающій можетъ избрать медицинскую профессію, Китай переполненъ врачами и нѣтъ такой маленькой деревушки, въ которой бы не было нѣсколькихъ врачей. Чаще всего эту профессію выбираютъ кандидаты или баккалавры, выдержавшіе государственный экзаменъ, но не имѣющіе возможности пристроиться на какомъ-нибудь мѣстечкѣ или продолжать учиться, чтобы достигнуть высшихъ степеней и получить званіе мандарина. Большинство этихъ людей не питаетъ ни малѣйшей склонности къ физическому труду, къ занятіямъ торговлей и земледѣліемъ и въ то же время не обладаетъ достаточно блестящими способностями, чтобы претендовать на ученую степень. Для такихъ людей медицинская профессія является настоящею находкой, такъ какъ она не требуетъ отъ нихъ никакого труда и никакихъ особенныхъ знаній, а только умѣнья эсплуатировать невѣжество и предразсудки людей.

Однако и это не всегда бываетъ легко. Китайскіе больные стараются оградить себя отъ врачебной эксплуатаціи. Обыкновенно китайскій врачъ ничего не получаетъ за свои визиты, но съ ними заранѣе условливаются въ цѣнѣ, за которую онъ берется вылѣчить больного. Если больной не выздоравливаетъ, то врачъ такъ ничего и не получаетъ. Китайцы такъ боятся сдѣлаться жертвою врачебной эксплуатаціи, что обыкновенно у постели у больного возникаетъ настоящій торгъ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ члены семьи больного и даже самъ больной. Торгуются относительно цѣны лѣкарствъ и цѣны за лѣченіе. Врачъ настаиваетъ на необходимости того или другого средства, но члены семейства больного, а часто и самъ больной требуютъ болѣе дешевыхъ средствъ, надѣясь, что эти средства все-таки помогутъ въ концѣ-концовъ, хотя лѣченіе, быть можетъ, и будетъ продолжительнѣе. Въ концѣ-концовъ врачъ обыкновенно уступаетъ и отдаетъ свой товаръ по болѣе дешевой цѣнѣ, такъ какъ онъ знаетъ, что если онъ выкажетъ слишкомъ большое упорство, то обратятся въ другую лавочку. Случается также, что когда врачъ скажетъ свое послѣднее слово и объявитъ категорическимъ образомъ, что больной долженъ употреблять такія-то средства въ теченіе столькихъ дней, то члены семьи начинаютъ самымъ хладнокровнымъ образомъ обсуждать въ присутствіи самого больного вопросъ, стоитъ ли, въ виду его преклоннаго возраста или же трудно излѣчимой болѣзни, на выздоровленіе отъ которой вообще существуетъ мало надежды, рѣшаться на такіе расходы и не лучше ли предоставить вещи собственному теченію. Очень часто самъ больной принимаетъ участіе въ этомъ совѣщаніи и даже берегъ на себя иниціативу и объявляетъ, что, пожалуй, лучше, чѣмъ тратить деньги на лѣкарства, которыя, быть можетъ окажутся, безполезными.

сберечь ихъ на покупку гроба лучшаго качества и хорошіе похороны. Рано или поздно придется умереть, и лучше, пожалуй, умереть нѣсколькими днями раньше, но зато имѣть пышные похороны.

Такъ разсуждаетъ самъ больной и всѣ его родственники, и врача отсылаютъ назадъ, а вмѣсто него призываютъ гробовщика, съ которымъ и сговариваются о цѣнѣ похоронъ.

Ни одинъ китайскій врачъ не получаетъ болѣе одного доллара за визитъ и многіе довольствуются одной пятой этой суммы. Но зато обычай требуетъ, чтобы деньги эти были завернуты въ бумагу лучшаго качества и изящнаго вида, на которой сдѣлана надпись: *«золоченая благодарность»*. Во многихъ большихъ центрахъ абонируются на врача, какъ абонируются на газовое освѣщеніе и воду. Въ Гонъ-Конгѣ, гдѣ жизнь вообще очень дорога, такой абонементъ стоитъ очень дорого и врачи тамъ, конечно, должны служить предметомъ зависти своихъ коллегъ въ другихъ частяхъ имперіи. Но въ особенности трудно положеніе врачей, которые удостоиваются чести лѣчить самого Сына Неба. Когда послѣдній китайскій императоръ заболѣлъ оспой и въ болѣзни обнаружилось временное улучшеніе, то врачи были осыпаны всевозможными милостями. Но какъ только болѣзнь снова приняла роковое теченіе, то врачамъ пришлось плохо; все полученное ими было отъ нихъ отнято и они сразу лишились своего высокаго положенія.

Китайскіе врачи, которые лѣчатъ обыкновенныхъ смертныхъ, прибѣгаютъ, въ случаѣ крайности къ слѣдующей уловкѣ: какъ только врачъ замѣчаетъ, что болѣзнь принимаетъ роковой оборотъ, то онъ объявляетъ роднымъ больного, что не можетъ понять его болѣзни и поэтому проситъ ихъ пригласить другого врача, такъ что если говорятъ, что «больной перемѣнилъ много врачей», то это значитъ, что онъ при смерти. Вообще, китайскій врачъ подвергается личнымъ опасностямъ въ томъ случаѣ, если онъ обѣщалъ выздоровленіе, а больной умеръ. Тогда родные больного возбуждаютъ противъ врача судебный процессъ и врачу больше ничего не остается, какъ бѣжать, такъ какъ иначе ему грозитъ тюрьма, палочные удары и штрафы. Китайское законодательство, допуская такое преслѣдованіе врачей, имѣло въ виду внушить имъ осторожность въ лѣченіи.

Нельзя однако сказать, чтобы въ Китаѣ совершенно не существовало медицинской науки, хотя у этой науки и нѣтъ никакой основы и все лѣченіе носитъ чисто эмпирическій характеръ. Тѣмъ не менѣе врачъ, желающій пріобрѣсти ученую репутацію, принимается за изученіе китайскихъ медицинскихъ сочиненій древняго происхожденія. Китайцы не имѣютъ понятія объ анатоміи, такъ какъ вскрывать трупы считается святотатствомъ, но тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе пульса больного стоитъ у нихъ на первомъ планѣ и указываетъ, что они имѣютъ нѣкоторыя понятія о кровообращеніи. Въ китайской исторіи сообщается слѣдующій фактъ: одинъ провинціальный губернаторъ приговорилъ 40 злодѣевъ, виновныхъ въ убійствѣ женщинъ и дѣтей, къ вскрытію живота и приказалъ нѣсколькимъ художникамъ присутствовать при этой операціи, которой руководили врачи, и срисовать внутренности казненныхъ. Такимъ образомъ эта пытка доставила врачамъ возможность познакомиться съ положеніемъ внутренностей въ человѣческомъ тѣлѣ. Позднѣе императоръ Кюнгъ-Хи, въ XVII вѣкѣ, разрѣшилъ вскрытіе трупа съ научной цѣлью и, кромѣ того, поручилъ одному миссіонеру перевести на китайскій языкъ какой-нибудь анатомическій трактатъ. Этотъ императоръ справедливо полагалъ, что причиною неуспѣха китайской медицины является отсутствіе основныхъ знаній, касающихся строенія человѣческаго тѣла и функцій различныхъ органовъ. Но съ тѣхъ поръ китайцы мало подвинулись впередъ и какъ во всемъ другомъ, такъ и въ отношеніи медицины стоятъ на точкѣ замерзанія. Однако, мало по малу и у нихъ уже начинаетъ проникать сознаніе несостоятельности медицинской науки и зажиточ

ные китайцы, имѣющіе частыя сношенія съ европейцами, предпочитаютъ обращаться въ случаѣ нужды къ европейскимъ врачамъ, не довѣряя собственнымъ эскулапамъ.

Лордъ Байронъ въ Греціи. Редакторъ одного итальянскаго журнала нашелъ въ Римѣ, въ государственныхъ архивахъ, полную коллекцію нумеровъ газеты «Греческій Телеграфъ», которая издавалась въ Миссалангахъ въ 1824—1825 годахъ. Это была патріотическая газета, преданная дѣлу національной независимости, но отличавшаяся слишкомъ большимъ полемическимъ задоромъ и рѣзкостью, не разъ скандализовавшими даже пылкаго лорда Байрона. Теперь, конечно, всѣ эти полемическія статьи потеряли свое значеніе и коллекція нумеровъ этой газеты не представляла бы никакого интереса, еслибъ въ этихъ нумерахъ не попадались бы кое-какія разбросанныя свѣдѣнія о лордѣ Байронѣ. Между прочимъ, тамъ сообщается, что Юсуфъ-паша возвратилъ Байрону судно, конфискованное турками, и Байронъ былъ такъ этимъ тронутъ, что не могъ успокоиться, пока и съ своей стороны не оказалъ равносильной услуги Юсуфу. Онъ выхлопоталъ у князя Маврокордато разрѣшеніе выкупить четырехъ турецкихъ военноплѣнныхъ и двадцати трехъ женщинъ и на свой счетъ отправилъ ихъ на родину. Въ письмѣ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ объ этомъ Юсуфа, Байронъ, между прочимъ, говоритъ: «Эти плѣнные отдаются вамъ безъ всякихъ условій, но если вы находите, что объ этомъ забывать не слѣдуетъ, то я попрошу васъ ради этого обращаться гуманно со всѣми греческими плѣнными, которые попадутъ къ вамъ въ руки или же въ руки мусульманъ. Сражаться составляетъ честь и не зачѣмъ прибавлять сюда еще хладнокровную жестокость съ той и съ другой стороны».

Далѣе въ газетѣ напечатано письмо, адресованное лордомъ Байрономъ «законодательной и исполнительной власти греческаго народа». Письмо это помѣчено 30-мъ ноября 1823 года и указываетъ, что и въ тѣ времена партійная борьба въ Греціи была очень сильна. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Байронъ: «Я долженъ откровенно объявить вамъ, что пока не установится хоть какой-нибудь порядокъ и согласіе въ вашей странѣ, до тѣхъ поръ надо отложить всякія попеченія о займѣ или о какой бы то ни было помощи съ внѣшней стороны. Но самое худшее то, что державы, вполнѣ расположенныя къ Греціи и сочувствующія ея независимости, могутъ, видя положеніе дѣлъ, составить себѣ убѣжденіе, что греки неспособны къ самоуправленію, тогда, пожалуй, онѣ рѣшатъ совмѣстно положить конецъ происходящимъ у васъ безпорядкамъ. Это разрушитъ всѣ ваши лучшія надежды, также какъ и надежды вашихъ друзей. Позвольте мнѣ сказать вамъ разъ навсегда: я отъ всего сердца желаю счастья Греціи и другихъ желаній у меня нѣтъ; я все на свѣтѣ готовъ сдѣлать для ея блага, но я не хочу и никогда не допущу того, чтобы въ Англіи правительство и публика обманывались на счетъ истиннаго положенія дѣлъ въ Греціи. Остальное зависитъ только отъ васъ, господа. Вы славно сражались, теперь поступите честно по отношенію другъ къ другу... Вы не должны допускать, чтобы даже клевета могла сравнивать турка съ греческимъ патріотомъ!»

Байронъ умеръ, какъ извѣстно, черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, 19-го апрѣля и въ греческой газетѣ напечатанъ длинный и подробный отчетъ о его похоронахъ. Надъ гробомъ этого умершаго англичанина «грекъ Трикуписъ произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ». Черезъ двѣ недѣли послѣ этого въ газетѣ былъ напечатанъ протоколъ вскрытія тѣла поэта, откуда мы узнаемъ, что мозгъ его вѣсилъ «шесть медицинскихъ фунтовъ», что кости черепа «отличались необыкновенною толщиною и твердостью и не имѣли швовъ» и что «печень у него была очень мала, такъ что кто-то замѣтилъ даже, что про Байрона можно сказать, что «печени у него совсѣмъ не было». Въ заключеніе протокола врачи,

на основаніи данныхъ, полученныхъ при вскрытіи, заявляли, что если бы Байронъ позволилъ пустить себѣ кровь, то онъ остался бы въ живыхъ!

Изъ статей греческой газеты видно также, что Байронъ, несмотря на то, что беззавѣтно жертвовалъ собою «святому дѣлу греческой независимости», какъ онъ называлъ его, не скрывалъ своихъ пессимистическихъ взглядовъ на исходъ борьбы и не вполнѣ довѣрялъ успѣху дѣла.

Выборы въ швейцарской общинѣ. Корреспондентъ газеты «Temps» описываетъ выборы, происходившіе въ одной изъ швейцарскихъ деревенскихъ общинъ въ Цюрихскомъ кантонѣ. Такія общины окружаютъ точно поясомъ цюрихскія озера, образуя непрерывный рядъ фермъ и маленькихъ домиковъ, группирующихся вокругъ школы и церкви. Обитатели общины рѣдко вмѣшиваются въ дѣйствія своего демократическаго кантональнаго правительства, но сами вѣдаютъ собственныя дѣла и назначаютъ своихъ должностныхъ лицъ: учителя, пастора и акушерку. Въ опредѣленные сроки всѣ жители общины собираются и рѣшаютъ путемъ голосованія всѣ вопросы, касающіеся внутренней администраціи общины. Голосованіемъ рѣшается также вопросъ, насколько пасторъ или школьный учитель удовлетворяютъ требованіямъ общины. Одинъ почтенный отецъ семейства, у котораго жилъ корреспондентъ, разсказывалъ ему, что онъ предоставляетъ своимъ дѣтямъ подавать голосъ, когда ставится вопросъ относительно учителя, и община должна рѣшить путемъ голосованія, оставить ли его въ прежней должности или же избрать другого. Если же дѣло касается пастора, то этотъ почтенный швейцарецъ предоставляетъ голосъ женѣ, находя что въ вопросахъ, касающихся религіи, женщины могутъ быть лучшими судьями. Если результаты голосованія будутъ отрицательными, то въ газетахъ объявляется, что «такая-то община вызываетъ кандидатовъ на должность пастора или учителя». Кандидаты являются и избраніе рѣшается опять-таки путемъ голосованія.

То же самое происходитъ и когда мѣсто акушерки въ общинѣ становится вакантнымъ, но на этихъ выборахъ голосъ предостовляется замужнимъ женщинамъ, матерямъ семействъ, такъ какъ только онѣ считаются компетентными въ этомъ случаѣ. Въ той общинѣ, въ которой жилъ корреспондентъ, много уже лѣтъ практиковала акушерка, «черезъ руки которой, — какъ выражались жители — прошла вся община». Но эта акушерка уже состарилась, руки у нея начали трястись и ей трудно было исполнять свои обязанности. Такъ какъ она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, то община рѣшила дать ей помощницу, которая впослѣдствіи могла бы занять ея мѣсто. Съ этою цѣлью назначены были выборы. Община захотѣла избрать кандидатку и отправить ее на свой счетъ въ Цюрихъ обучаться акушерству. На выборы явились три кандидатки, изъ которыхъ ни одна не была свѣдуща въ акушерствѣ, но всѣ три были извѣстны общинѣ какъ здоровыя, сильныя, работящія женщины, пользующіяся притомъ безукоризненною репутаціей.

Маленькая община въ день выборовъ приняла праздничный видъ. Всѣ жители нарядились въ лучшія платья, приберегаемыя для торжественныхъ случаевъ, напримѣръ, «праздникъ стрѣлковъ» и т. п. Но въ большую залу деревенской гостинницы, гдѣ происходили выборы, впущены были только деревенскія матроны. Избирательное бюро также состояло изъ женщинъ и ни одинъ мужчина не присутствовалъ въ залѣ выборовъ. Передъ избирательными урнами продефилировали всѣ замужнія женщины общины и когда результаты сдѣлались извѣстны, то двери залы были открыты и мужья, дожидавшіеся окончанія выборовъ, распивая пиво за столиками въ саду гостинницы, были приглашены въ залу и имъ было объявлено имя счастливой избранницы. Какъ и всѣ подобные акты, касающіеся общественной жизни въ Швейцаріи, такъ и это

избраніе заключилось общественнымъ праздникомъ, банкетомъ и баломъ, на которомъ отъ души веселилась вся молодежь общины.

Избранница же общины на другой день отправилась въ Цюрихъ для обученія акушерству. «Курьезнѣе всего,—замѣчаетъ корреспондентъ,—что мужъ ея, также служащій въ общинѣ, занимаетъ въ ней должность могильщика уже много лѣтъ».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«North American Review».—«Century Magazine».—«Revue des Revues».—«Quinzaine».—«Pearson's Magazine».

Профессоръ Ломброзо, давно уже занимающійся изслѣдованіями причинъ и распространенія преступности, говоритъ, между прочимъ, что статистика убійствъ можетъ служить «барометромъ цивилизаціи». Въ статьѣ, посвященной этому вопросу въ «North American Review», проф. Ломброзо говоритъ, что, изслѣдуя преступность въ наиболѣе культурныхъ и цивилизованныхъ странахъ, онъ пришелъ къ заключенію, что хотя общее число преступленій не уменьшается, но несомнѣнно ослабѣваетъ ихъ звѣрскій характеръ. По его наблюденію, во всѣхъ такихъ странахъ, одновременно съ уменьшеніемъ числа убійствъ, возрастаетъ число мошенничествъ и т. п. преступленій, лишенныхъ элемента жестокости, такъ что убійца какъ бы преобразуется мало-по-малу въ вора и мошенника, и это превращеніе, подвергая наибольшему риску собственность, влечетъ за собою въ то же время уменьшеніе риска для человѣческой жизни.

Статистика убійствъ можетъ служить, по словамъ Ломброзо, лучшимъ показателемъ степени культуры даннаго народа и можно навѣрно утверждать, что съ возрастаніемъ благосостоянія страны, увеличеніемъ ея народонаселенія и распространеніемъ грамотности, число подобныхъ преступленій уменьшается. Проф. Ломброзо приводитъ слѣдующія цифры: Италія—96 убійствъ на 100.000 населенія, Испанія—58, Португалія—25, Венгрія—75, Швеція и Норвегія—13, Франція и Бельгія—18, Германія—5, Англія—5.

Однако, въ Соединенныхъ Штатахъ замѣчается совершенно обратное явленіе которое, повидимому, находится въ явномъ противорѣчіи съ теоріей Ломброзо; тамъ число убійствъ, какъ показываетъ статистика, возрастаетъ самымъ тревожнымъ образомъ. Но профессоръ Ломброзо этимъ не смущается и старается подыскать различныя объясненія этому странному явленію. Прежде всего онъ говоритъ, что процентъ убійствъ не одинаковъ въ различныхъ штатахъ и въ старыхъ штатахъ на сѣверѣ число убійствъ не только не возрастаетъ, но даже уменьшается. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ условія, повидимому, такія же, какъ и во многихъ европейскихъ государствахъ, но зато въ другихъ штатахъ существуютъ, повидимому, условія, благопріятствующія убійствамъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ условій Ломброзо отводитъ климату и температурѣ; чѣмъ жарче климатъ, тѣмъ больше убійствъ совершается. Это же замѣчается и въ Англіи, гдѣ вмѣстѣ съ повышеніемъ температуры повышается и процентъ убійствъ. Въ Новой Англіи, напримѣръ, одно убійство приходится на 66.000 жителей, а въ Техасѣ — одно на 115. Въ этомъ послѣднемъ штатѣ даже школьники не разстаются съ оружіемъ. Нѣчто подобное наблюдалось и въ южной Италіи и въ то время, какъ въ южной Италіи на 100.000 жителей приходится 31 убійство, въ сѣверной только семь. Странно однако, что Ломброзо совершенно игнорируетъ Испанію и Португалію, климатъ которыхъ, конечно, жарче, чѣмъ климатъ Венгріи, и населеніе, пожалуй, еще менѣе культурно, а между тѣмъ процентъ убійствъ, какъ видно изъ приводимой имъ таблицы, гораздо меньше. Ломброзо никакъ не объясняетъ этого страннаго противорѣчія.

Другая причина, которой Ломброзо приписываетъ важное вліяніе на возрастаніе процента убійствъ въ Соединенныхъ Штатахъ, это—иммиграція и большая численность цвѣтной расы, которая, не смотря на вліяніе цивилизаціи, все-таки сохраняетъ нѣкоторыя изъ своихъ первобытныхъ наклонностей и, между прочимъ, склонность къ убійству. Хотя по статистикѣ 60% убійствъ совершаются представителями бѣлой расы и только 40% остаются на долю цвѣтной расы, но это, по мнѣнію Ломброзо, не можетъ служить опроверженіемъ его теоріи, такъ какъ надо имѣть въ виду при этомъ, что бѣлая раса составляетъ 88% всего населенія, а цвѣтная только 12%, такъ что если принять во вниманіе это отношеніе, то цвѣтная раса совершаетъ въ пять разъ больше убійствъ нежели бѣлая. «Такимъ образомъ,—говоритъ Ломброзо,— не будь негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то число преступленій тамъ было бы нисколько не больше, чѣмъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ Европы».

Сынъ знаменитаго англійскаго ученаго, профессора Томаса Гексли печатаетъ въ «Century Magazine» воспоминанія о своемъ отцѣ. Гексли, какъ видно изъ разсказовъ его сына, отличался необыкновенно рѣшительнымъ и твердымъ характеромъ, но въ то же время имѣлъ очень чувствительное и нѣжное сердце. Онъ такъ былъ занятъ, что въ теченіе недѣли семья видѣла его только мелькомъ послѣ перваго завтрака, который подавался въ восемь часовъ, но зато въ воскресенье онъ всегда подолгу гулялъ со своими старшими дѣтьми и разсказывалъ имъ разныя морскія исторіи, а также про животныхъ и про различные народы, населяющіе земной шаръ. Дѣти страшно любили эти прогулки и разсказы отца, старавшагося заинтересовать ихъ и возбудить ихъ любознательность. Когда семья переселялась въ деревню, то Гексли больше времени отдавалъ своимъ дѣтямъ. Послѣ обѣда они собирались у него въ кабинетѣ и онъ разсказывалъ имъ что-нибудь или рисовалъ для нихъ картинки. Семейная жизнь Гексли была настолько счастлива, что докторъ Дорнъ, состоящій при біологической станціи въ Неаполѣ и посѣтившій Гексли въ его лѣтней резиденціи, написалъ объ этомъ посѣщеніи слѣдующее: «Если бы мнѣ нужно было сдѣлать опредѣленіе слова «счастье»—понятія, возбуждавшаго не разъ большіе споры,—то я бы сказалъ только: ступайте и посмотрите на семью Гексли въ Сванеджѣ и, увидѣвъ то, что я видѣлъ тамъ, вы тотчасъ же поймете, что такое истинное счастье, и не будете нуждаться въ болѣе точномъ опредѣленіи этого слова».

Гексли былъ такимъ же нѣжнымъ дѣдушкой, какъ и отцомъ. Внуки его обожали. Впрочемъ, вообще всѣ дѣти любили Гексли, также какъ и онъ любилъ ихъ, и самые маленькіе ребята, въ первый разъ видѣвшіе его, съ большимъ довѣріемъ шли къ нему на руки. Онъ терпѣливо сносилъ и дѣтскій крикъ, и дѣтскія шалости и въ особенности любилъ своего маленькаго внука Юліана, чрезвычайно живого и смѣлаго мальчугана, который всегда съ самымъ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ въ глаза старшимъ и непремѣнно дѣлалъ то, что ему запрещали дѣлать. Гексли также очень любилъ кошекъ и посѣтители иногда заставали его читающимъ въ самой неудобной позѣ, которую онъ сохранялъ въ теченіе долгаго времени, чтобы только не потревожить кота, комфортабельно разлегшагося на его креслѣ. Гексли очень любилъ цвѣты и въ концѣ жизни много занимался садоводствомъ. Во время послѣдней болѣзни, пригвожденный къ постели долгіе мѣсяцы, онъ все-таки интересовался садомъ и разспрашивалъ домашнихъ, какіе цвѣты уже начали цвѣсти. Возлѣ его постели всегда стоялъ букетъ живыхъ цвѣтовъ.

Цвѣты онъ также называлъ «своими дѣтьми» и они услаждали своимъ видомъ и ароматомъ послѣдніе дни его жизни.

Извѣстно, что въ жилахъ Жоржъ-Зандъ текла смѣшанная кровь; отецъ ея былъ аристократъ, мать—дочь простыхъ парижскихъ рабочихъ. Этимъ смѣшаннымъ происхожденіемъ объясняли многія особенности характера и таланта Жоржъ-Зандъ. Авторъ статьи въ «Revue des Revues», разсказывающій исторію прабабки Жоржъ-Зандъ, знаменитой въ свое время пѣвицы Мари Веррьеръ, говорить, что Жоржъ-Зандъ унаслѣдовала очень многое отъ этой женщины, въ салонѣ которой собирались всѣ звѣзды и представители литературы и философіи. Многочисленныя увлеченія Жоржъ-Зандъ, столь же знаменитыя, какъ и ея романы, представляютъ, по словамъ автора, очень много аналогіи съ увлеченіями Мари Веррьеръ, хотя, конечно, тутъ надо имѣть въ виду общественное положеніе этой послѣдней, которая была «свободной жрицей любви». Однако, Мари Веррьеръ все-таки была типомъ свободной женщины XVIII вѣка, мечтавшей о вліяніи на французскую литературу. Мечту эту впослѣдствіи осуществила черезъ много лѣтъ ея правнучка, Аврора Дюдеванъ.

Мари Веррьеръ, также какъ и впослѣдствіи ея знаменитая правнучка, не выносила никакихъ путъ и выше всего ставила свою личную независимость и свободу. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ людьми, Мари Веррьеръ всегда придерживалась этого принципа, но чтобы правильно судить о ней, не слѣдуетъ упускать изъ виду отношеній къ ней общества и господствующихъ въ тѣ времена взглядовъ. Поклоненіе уму доходило у Мари Веррьеръ до степени культа. Совсѣмъ молоденькою дѣвушкой она сошлась съ Мармонтелемъ и эта связь имѣла большое вліяніе на ея умственное развитіе. Со времени знакомства съ Мармонтелемъ, у Мари Веррьеръ явилось влеченіе къ людямъ избраннымъ и возникло страстное желаніе оказывать черезъ нихъ воздѣйствіе на театральное и литературное творчество своей эпохи.

Связь Мармонтеля съ Мари Веррьеръ очень напоминаетъ отношенія ея правнучки съ ея первымъ литературнымъ руководителемъ Сандо, и кончилась эта связь такъ же, какъ кончились эти отношенія. Но, примирившись съ потерею любовника, Мари Веррьеръ все-таки никакъ не могла примириться съ отсутствіемъ литературнаго салона и только и мечтала о томъ, чтобы стать во главѣ какого-нибудь театральнаго дѣла и вліять на драматическое искусство въ Парижѣ. Поэтому, когда богатый банкиръ д'Эпинэ, положилъ къ ея ногамъ свое сердце и кошелекъ, то она первымъ дѣломъ потребовала, чтобы онъ выстроилъ ей двѣ театральныя залы, одну въ ея лѣтней, а другую въ ея зимней резиденціи. Жоржъ-Зандъ также устроила театръ у себя въНоганѣ.

Исторія Альфреда Мюссе и Жоржъ-Зандъ была какъ бы повтореніемъ исторіи Мари Веррьеръ и поэта Колярдо. Измученная требовательною, эгоистическою и деспотическою любовью своего поэта, Мари Веррьеръ покинула его, такъ же какъ ея правнучка покинула Мюссе и ея романъ съ Колярдо, такъ же, какъ романъ Жоржъ-Зандъ съ Мюссе, долго служилъ предметомъ разговоровъ и далъ поводъ ко всевозможнымъ обвиненіямъ ея въ безнравственности и безсердечномъ кокетствѣ, какъ со стороны ея жертвы, такъ и со стороны общества. Колярдо, какъ впослѣдствіи Мюссе, увѣковѣчилъ свою связь съ Мари Веррьеръ въ стихахъ и то осыпалъ ея упреками и презрѣніемъ, то взывалъ къ ней со страстною мольбой. Много разъ Мари Веррьеръ, отличавшаяся нѣжностью души, готова была уступить этимъ мольбамъ и вернуться къ своему поэту и въ этомъ отношеніи душевная борьба, происходившая въ ней, представляетъ также много аналогіи съ той, которую пережила Жоржъ-Зандъ послѣ своего разрыва съ Мюссе.

Дальнѣйшая исторія Колярдо и его отношеній къ Мари Веррьеръ служитъ уже иллюстраціей общества той эпохи, относившагося вообще довольно снисходительно ко многимъ вещамъ, которыя въ другое время были бы заклеймены презрѣніемъ. Колярдо превратился въ настоящаго паразита; онъ жилъ на счетъ одной богатой покровительницы, открывшей ему свое сердце и кошелекъ, и въ

благодарность за это воспѣвалъ ее въ стихахъ самымъ восторженнымъ образомъ. Отчасти къ этому побуждало его чувство досады, желаніе доказать Мари Веррьеръ, что онъ нисколько не грустить о ней. Цѣль его отчасти была достигнута; Мари Веррьеръ была возмущена его легкомысліемъ и между нею и ея новою соперницей, покровительницею Колярдо, г-жею Вьевилль, возникла борьба изъ-за вліянія. Въ отместку Мари Веррьеръ, г-жа Вьевилль также захотѣла устроить у себя литературный салонъ—«bureau d'esprit», какъ называли тогда. Ей хотѣлось, чтобы ея домъ былъ центромъ литературнаго вліянія, какъ бы преддверіемъ академіи. Поэтому она постоянно старалась возбудить честолюбіе Колярдо и побуждать его къ разнымъ выходкамъ противъ Мари Веррьеръ. Чтобы угодить своей покровительницѣ, Колярдо написалъ комедію «Les perfidies à la mode», направленную противъ Мари Веррьеръ. Затѣмъ, побуждаемый г-жею Вьевилль, Колярдо выставилъ свою кандидатуру въ академію. Мари Веррьеръ, которая на зло Колярдо, сошлась съ Лагарпомъ, тоже съ своей стороны побуждала его выставить свою кандидатуру. Возникла настоящая борьба между двумя салонами и обѣ соперницы изощряли всѣ свои средства въ этой борьбѣ, всѣ свои способности къ интригѣ. Мари Веррьеръ мобилизовала для поддержки Лагарпа весь полкъ своихъ послушныхъ обожателей и друзей. Борьба эта занимала все общество, раздѣлившееся также на два лагеря; всѣ прекрасныя дамы Франціи и Наварры, знавшія всѣ подробности этой любовной драмы, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми ея перипетіями. Но, увы, бѣдная Мари Веррьеръ умерла до окончанія этого состязанія; впрочемъ, это избавило ее отъ огорченія видѣть торжество Колярдо, который былъ избранъ въ академію.

Въ этой опьяняющей атмосферѣ любви, литературныхъ успѣховъ, свѣтскихъ интригъ и безпощадной критики и насмѣшки надъ всѣми учрежденіями, всѣмъ строемъ современнаго общества, выросла мать знаменитой писательницы, осуществившей въ слѣдующемъ вѣкѣ стремленія и мечты своей прабабки сдѣлаться руководительницей литературнаго движенія во Франціи.

Въ журналѣ «Quinzaine» напечатаны не лишенные интереса письма Монталамбера отъ 1860—1865 года, адресованныя одному молодому священнику въ Лангедокѣ, посвятившему статью въ одномъ изъ мѣстныхъ журналовъ произведеніямъ Монталамбера. Эта переписка главы либеральной католической партіи представляетъ вполнѣ современный интересъ.

Монталамберъ очень строго осуждаетъ поведеніе католическаго духовенства и возмущается противъ рокового вліянія той школы, «которая господствуетъ надъ французскимъ духовенствомъ, подчиняя его своей волѣ и дѣлая его жертвою и сообщникомъ наполеоновскаго цезаризма». Вотъ что говоритъ этотъ вождь католицизма въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Десять тысячъ священниковъ пропитываются воззрѣніями рабскаго фанатизма, заставляющаго ихъ мечтать о такомъ идеальномъ христіанскомъ обществѣ, въ которомъ мэръ и жандармъ всегда находились бы къ ихъ услугамъ. Но, къ счастью, этотъ режимъ не имѣлъ успѣха въ прошломъ и не будетъ имѣть успѣха и въ будущемъ. Повѣрьте мнѣ, мой дорогой аббатъ, церковь ничего не выиграетъ отъ употребленія насилія въ дѣлѣ обращенія душъ и рано или поздно такой образъ дѣйствій всею тяжестью обрушится на нее и будетъ ей вмѣненъ какъ преступленіе...»

Въ послѣднемъ нумерѣ англійскаго журнала «Pearson's Magazine», докторъ миссъ Лиліасъ Гамильтонъ, занимающая должность лейбъ-медика афганскаго эмира Абдуррахмана, описываетъ жизнь при афганскомъ дворѣ и дѣлаетъ характеристику восточнаго властителя, оказавшагося на дѣлѣ настоящимъ сторонникомъ женскаго равноправія и, несмотря на магометанскую вѣру, не видящимъ ничего предосудительнаго въ томъ, что женщина исполняетъ обязанности мужчины и занимаетъ мѣсто придворнаго врача.

Миссъ Лиліасъ Гамильтонъ удалось вылѣчить эмира отъ опасной болѣзни и съ тѣхъ поръ она пользуется его неизмѣннымъ довѣріемъ. Миссъ Гамильтонъ очень хвалитъ эмира, какъ паціента, и говоритъ, что онъ отличается необыкновеннымъ послушаніемъ и терпѣніемъ и всегда исполняетъ всѣ ея предписанія самымъ точнымъ образомъ. Когда онъ выздоравливалъ послѣ своей тяжкой болѣзни, то до смѣшного боялся сдѣлать какой бы то ни было шагъ безъ ея разрѣшенія. Однажды ночью онъ послалъ за нею, чтобы только спросить ее, можетъ ли онъ съѣсть мятную лепешку, такъ какъ ему очень этого хотѣлось, но онъ не рѣшался сдѣлать это безъ разрѣшенія своего врача. Миссъ Лиліасъ находилась почти безвыходно возлѣ него во время его тяжкой болѣзни и говорила, что ей временами казалось, будто она переселилась во времена Саула и Соломона—до того отъ всѣхъ порядковъ и обычаевъ, господствовавшихъ во дворцѣ, вѣяло сѣдою стариной.

Эмиръ, по ея словамъ, представляетъ типъ восточнаго деспота, но деспота, доступнаго благороднымъ порывамъ и чувствамъ. Въ странѣ нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ его воли, и онъ даже не можетъ представить себѣ, чтобы что-нибудь могло быть сдѣлано противъ его желанія или наперекоръ его приказанію. Малѣйшее ослушаніе навлекаетъ строгую кару, какъ самое тяжелое преступленіе. Когда однажды миссъ Гамильтонъ попробовала было воздѣйствовать на эмира и побудить его уничтожить произволъ и смягчить суровыя наказанія, то эмиръ, очевидно хорошо освѣдомленный насчетъ способовъ, при помощи которыхъ европейцы иногда вводятъ цивилизацію среди дикарей, напомнилъ ей о подвигахъ Стэнли и Петерса и сказалъ, что европейцы весьма немногимъ отличаются отъ азіатовъ и прибѣгаютъ для утвержденія своего авторитета и поддержанія своего господства къ такимъ же суровымъ мѣропріятіямъ, къ какимъ прибѣгаютъ азіатскіе деспоты.

Въ Кабулѣ, какъ говоритъ миссъ Гамильтонъ, никто не обращаетъ вниманіе на время, надъ всѣмъ царитъ воля или капризъ эмира. Онъ рѣдко встаетъ раньше полудня, но если ему вздумается встать раньше, то всѣ уже должны быть на своихъ мѣстахъ. Назначеннаго времени для обѣда не существуетъ и миссъ Гамильтонъ никакъ не могла втолковать эмиру пользы правильнаго распредѣленія времени. Только когда онъ былъ боленъ, онъ подчинился установленному ею режиму, а затѣмъ, когда выздоровѣлъ, все опять пошло по старому. Обѣдъ долженъ быть готовъ во всякое время и долженъ быть поданъ тотчасъ же, какъ потребуетъ эмиръ. Иногда случается, что онъ среди ночи вдругъ почувствуетъ голодъ, и бѣда, если повара окажутся тогда не на высотѣ своихъ обязанностей.

Эмиръ очень любитъ разговаривать о политикѣ и во время своего выздоровленія цѣлыми часами бесѣдовалъ съ миссъ Лиліанъ о разныхъ политическихъ вопросахъ, конечно, такихъ, которые по преимуществу затрогивали афганскіе интересы. Эмиръ довольно свѣдущъ въ этихъ вопросахъ и высказываетъ часто очень здравыя сужденія. Миссъ Лиліасъ говоритъ, что онъ чрезвычайно любознателенъ и эта любознательность его подчасъ бывала ей въ тягость. Онъ буквально закидывалъ ее вопросами, на которые она подчасъ не знала даже, какъ отвѣчать. Эмиръ требовалъ отъ нея настоящихъ энциклопедическихъ познаній и удивлялся и даже былъ недоволенъ, если она не могла ему что-нибудь объяснить удовлетворительнымъ образомъ Поэтому-то миссъ Лиліасъ и нашла нужнымъ запастись во время отпуска самыми разнообразными свѣдѣніями, не имѣющими ровно никакого отношенія къ ея спеціальности, и захватила съ собою въ Кабулъ британскій энциклопедическій словарь.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Работа мысли въ новѣйшей зоологіи.

Профессора **Н. А. Холодковскаго.**

Охотно принявъ предложеніе редакціи «Міра Божьяго» участвовать въ отдѣлѣ «Научный обзоръ», я долгое время колебался въ выборѣ способа осуществленія этой задачи по отношенію къ моей спеціальности—зоологіи. Было бы, разумѣется, немыслимо дать въ предѣлахъ небольшой журнальной статьи сколько-нибудь полный обзоръ движенія этой науки хотя бы за одинъ годъ: не только безчисленные интересные факты, но и главнѣйшіе частные вопросы не уложились бы въ эту узкую рамку. Можно было бы выбрать *нѣкоторые* изъ фактовъ и вопросовъ, могущіе интересовать не только спеціалиста, но и всякаго любознательнаго читателя. Но, во-первыхъ, этотъ путь отчасти уже «использованъ» другими *), во-вторыхъ онъ, во всякомъ случаѣ, можетъ вести только къ сообщенію группы свѣдѣній, болѣе или менѣе важныхъ и интересныхъ, общей же картины прогресса науки за извѣстный періодъ онъ не дастъ. Поэтому, отказавшись пока отъ такого подбора вопросовъ и фактовъ, по трудности его систематизированія, я пришелъ къ убѣжденію, что, въ особенности для *перваго* обзора по зоологіи, лучше всего будетъ разсмотрѣть нѣкоторыя наиболѣе общія направленія и главнѣйшія теченія мысли, характеризующія, по моему мнѣнію, современное состояніе нашей науки.

Прежде всего надо отмѣтить тотъ фактъ, что переживаемое нами время, по отношенію къ зоологіи, какъ и по отношенію къ другимъ отраслямъ знанія и общественной жизни, есть эпоха переходная. Еще недавно, въ восьмидесятыхъ годахъ, почти безраздѣльно царило въ нашей наукѣ *филогенетическое* направленіе. Изученіе животныхъ формъ въ ихъ сопоставленіи и преемственности казалось чуть не единственною задачею зоолога; отъ этого изученія наука наша ждала разъясненія всевозможныхъ вопросовъ, на этомъ изученіи строилось все біологическое міросозерцаніе. Какъ во времена Линнея надъ всѣмъ царила систематика, такъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ нашего истекающаго столѣтія *филогенія* заслонила собою всѣ прочіе біологическіе интересы, отодвинула ихъ на задній планъ. Оно и немудрено: эволюціонное ученіе, получивъ въ теоріи естественнаго подбора могучую поддержку, быстро пріобрѣло въ наукѣ право гражданства, въ которомъ ему такъ долго отказывали со временъ Кювье; плотина была разрушена и новая струя шумно ворвалась въ научную жизнь, ниспровергая все, что встрѣчалось на ея пути. Родство органическихъ формъ, о которомъ прежде говорилось только фигурально, для обозна-

*) См., напр., обзоры по зоологіи профессора В. М. Шимкевича въ журналѣ «Естествознаніе и Географія».

ченія близкаго систематическаго положенія сравниваемыхъ между собою организмовъ, превратилось въ живое, фактическое родство; такія книги, какъ «Общая морфологія» (Generelle Morphologie) Геккеля и его же сочиненія «Natürliche «Schöpfungsgeschichte и «Anthropogenie» стали въ глазахъ отчасти самихъ специалистовъ, а еще болѣе въ глазахъ учащагося юношества и массы интеллигентной публики,—кодексами знанія, чуть не основою новой философіи. Всего болѣе содѣйствовала успѣхамъ филогеніи сравнительная эмбріологія, которая, казалось, въ простыхъ и ясныхъ картинахъ давала неожиданно-быстрое, блестящее разоблаченіе филогенетическаго развитія животныхъ. Благодаря капитальнымъ работамъ Александра Ковалевскаго, теорія зародышевыхъ пластовъ получила приложеніе ко всему животному царству, а Геккель, основавъ гастрейную теорію и выразивъ ее въ чрезвычайно удачно подобранныхъ терминахъ и формулахъ, такъ сказать, популяризировалъ теорію пластовъ и придалъ ей выдающееся, господствующее значеніе въ зоологіи.

И вотъ, прошло какихъ-нибудь два десятилѣтія—и мы стоимъ на рубежѣ крупной перемѣны. Уже во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ громко стали раздаваться голоса, называвшіе «Generelle Morphologie», «Anthropogenie» и другія однородныя сочиненія Геккеля—романами, отчасти даже плохими романами; въ то же время сдѣланы были рѣшительныя попытки потрясти прочно, казалось, утвердившійся догматъ всеобщей гомологіи зародышевыхъ пластовъ. Филогенетическія обобщенія и генеалогическія древовидныя схемы стали встрѣчаться все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ скептицизмомъ, и не безъ основанія, такъ какъ въ своемъ увлеченіи филогенезомъ нѣкоторые теоретики, потерявъ всякое чувство мѣры, стали возвращать насъ къ добрымъ старымъ временамъ натурфилософіи со всѣмъ ея, не знавшимъ удержу, произволомъ. Что касается догмата гомологіи зародышевыхъ пластовъ, то прежде всего скомпрометирована была гомологія средняго пласта, мезодермы, а въ новѣйшихъ эмбріологическихъ работахъ даже два первичные пласта—эктодерма и энтодерма—до такой степени развѣнчиваются въ качествѣ «основныхъ примитивныхъ органовъ», что защитникамъ этого установившагося въ учебникахъ догмата приходится усиленно выступать на защиту его.

Всѣ эти «знаменія времени» показываютъ, что исключительное господство филогенетической морфологіи отжило свое время и начинаетъ уступать, мало-по-малу, новымъ вѣяніямъ. Филогенетическія работы дали зоологіи очень многое и, безъ сомнѣнія, ни эмбріологія, ни сравнительная анатомія далеко еще не исчерпали своихъ задачъ, если даже онѣ будутъ слѣдовать обычнымъ, чисто морфологическимъ методамъ изслѣдованія. Но все же интересъ къ филогенезу значительно ослабѣлъ; на мѣсто его выдвигаются другіе вопросы, болѣе физіологическаго свойства. Начатки этого новаго направленія стали, правда, проявляться еще въ семидесятыхъ годахъ, въ самомъ расцвѣтѣ морфолого-генетическаго періода: тотъ же самый Дорнъ, который, не опасаясь множества натяжекъ, производитъ позвоночныхъ животныхъ, какъ старые натурфилософы, отъ кольчатыхъ червей,—основалъ плодотворное ученіе о «перемѣнѣ функцій»; тотъ же самый Земперъ, который своими работами о развитіи выдѣлительной системы акуловыхъ рыбъ положилъ основу теоріи, упорно защищаемой Дорномъ,—написалъ превосходную книгу «о естественныхъ условіяхъ существованія животныхъ», въ которой указалъ на необходимость изученія «цѣлыхъ организмовъ» въ живомъ соотношеніи ихъ съ внѣшнею средою. Но никогда еще стремленіе къ приложенію чисто физіологическихъ методовъ изслѣдованія, къ изученію физико-химическихъ основъ жизни не проявлялось въ зоологіи съ такою силою и настойчивостію, какъ въ настоящее время.

Экспериментъ, который до новѣйшаго времени считался главнымъ образомъ орудіемъ физіологовъ, начинаетъ все болѣе и болѣе эксплуатироваться анатомами и

эмбріологами. Изучая животную клѣтку, современный изслѣдователь не только интересуется ея морфологическимъ изученіемъ, которое Альтманомъ и его школою доведено до мельчайшихъ подробностей, но старается свести ея жизненную дѣятельность и самое ея морфологическое устройство къ физикохимическимъ основамъ (Бючли), изслѣдуетъ вліяніе химическихъ агентовъ на ядро и протоплазму, пытаясь выдѣлить, путемъ эксперимента, физіологическую дѣятельность того и другой (Демооръ); наконецъ, особенное вниманіе посвящаетъ онъ процессу размноженія клѣтки, при которомъ выступаетъ дѣятельность, а стало быть, и значеніе центральныхъ тѣлецъ (центрозомъ) и хроматиннаго вещества ядра. Изучая анатомическое строеніе многоклѣточныхъ организмовъ, современный зоологъ все чаще и чаще пользуется впрыскиваніемъ въ полость тѣла живого животнаго различныхъ веществъ, имѣющихъ сродство къ тѣмъ или другимъ тканямъ и органамъ,—методомъ, также въ значительной степени экспериментальнымъ; такъ, введеніе растворовъ кармина, разболтанной въ водѣ китайской туши и другихъ веществъ, примѣненное Ковалевскимъ и его учениками, а за ними и другими учеными, привело къ открытію и выясненію физіологическаго значенія многихъ органовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ или же мало извѣстныхъ и непонятныхъ. Опыты съ ампутированіемъ разныхъ частей животныхъ, съ цѣлью наблюденія регенераціи ихъ, также повели къ множеству интересныхъ открытій и къ основанію ученія о гетероморфозѣ (Лёбъ); опыты надъ вліяніемъ разныхъ физическихъ и химическихъ агентовъ на цѣлые животные организмы и на отдѣльныя клѣтки выдвинули вопросы о хемотропизмѣ, термотропизмѣ, геліотропизмѣ животныхъ и проч.

Но едва ли не наиболѣе интересуются зоологи въ настоящее время приложеніемъ экспериментальныхъ способовъ изслѣдованія къ эмбріональному развитію животныхъ. На этой почвѣ уже выросла цѣлая новая наука—экспериментальная морфологія или, какъ ее обыкновенно называютъ въ Германіи, механика исторіи развитія (Entwickelungsmechanik). Этой новой отрасли біологіи посвященъ уже особый журналъ («Archiv für Entwicklungsmechanik»), основанный нѣмецкимъ анатомомъ и эмбріологомъ Вильгельмомъ Ру, въ настоящее время профессоромъ въ Галле. Названіе «механика исторіи развитія», положимъ, не совсѣмъ удачно и нѣсколько претенціозно, такъ какъ приложеніе экспериментальнаго метода далеко еще не даетъ возможности свести всѣ процессы развитія или хотя бы только нѣкоторые изъ нихъ къ простымъ законамъ механики. Этимъ отчасти объясняются тѣ страстныя нападки на Ру и его журналъ, которыя высказаны О. Гертвигомъ въ его брошюрѣ «Mechanik und Biologie» (Iena 1897). О. Гертвигъ утверждаетъ, что экспериментальный методъ практиковался въ морфологіи многими раньше Ру и его школы, что названіе «механика» неприложимо къ исторіи развитія, что экспериментъ ничуть не долженъ считаться какимъ-то высшимъ орудіемъ, въ сравненіи съ наблюденіемъ и, наконецъ, что никакой новой науки «механика исторіи развитія» собою не представляетъ. «Для меня,—говоритъ Гертвигъ,—природа является но меньшей мѣрѣ столь же надежнымъ учителемъ, какъ и экспериментирующій анатомъ. Природѣ, которая является передъ нами въ видѣ разнообразныхъ, взаимно пополняющихъ другъ друга объектовъ и измѣненій ихъ, причемъ всѣ эти явленія абсолютно однородны и строго закономѣрны,—этой природѣ я даже отдаю предпочтеніе передъ человѣческими экспериментами, результаты которыхъ всегда обнаруживаютъ нѣкоторыя колебанія». Другими словами, Гертвигъ является защитникомъ стараго, излюбленнаго морфологами-филогенетиками, метода непосредственнаго *наблюденія*, безъ экспериментальнаго вмѣшательства. Для поддержки своихъ доводовъ онъ приводитъ характеристику наблюденія и опыта, сдѣланную знаменитымъ физіологомъ и анатомомъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ—Іоганномъ Мюллеромъ. Вотъ эта замѣчательная характеристика: «На-

блюденіе просто, спокойно, прилежно, честно, лишено предвзятаго мнѣнія; опытъ искусственъ, нетерпѣливъ, суетливъ, склоненъ разбрасываться, страстенъ, ненадеженъ. Нѣтъ ничего легче, какъ надѣлать множество такъ называемыхъ интересныхъ опытовъ. Стоитъ лишь насильственно испытывать природу тѣмъ или другимъ способомъ: она всегда будетъ вынуждена, въ своихъ страданіяхъ, дать какой-нибудь отвѣтъ. Но нѣтъ ничего труднѣе, какъ правильно истолковать этотъ отвѣтъ; нѣтъ ничего труднѣе, какъ произвести надежный физіологическій опытъ». Приводя эти слова, Гертвигъ, впрочемъ, самъ признаетъ нѣкоторую односторонность такой аттестаціи наблюденія и опыта и соглашается, что существуетъ множество вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ можно подойти *только съ помощью эксперимента.* Нападки Гертвига вызвали горячую отповѣдь со стороны Ру,—отповѣдь, которая весьма удачно опровергаетъ множество частныхъ упрековъ, брошенныхъ Гертвигомъ Ру и его послѣдователямъ, а также достаточно защищаетъ самостоятельное положеніе экспериментальной морфологіи, какъ «новой» науки. Дѣйствительно, нельзя оспаривать, что если экспериментальный методъ въ морфологіи примѣнялся, *въ частностяхъ*, уже давно и многими, то возведеніе его въ систему, основаніе новой морфологической дисциплины, которая ставитъ себѣ задачею не простое *описаніе* и сопоставленіе явленій живой природы, а *анализъ ихъ причинъ* съ помощью систематическихъ опытовъ, составляетъ всецѣло заслугу Ру и его школы. При этомъ, однако, Гертвигъ остается вполнѣ правъ, находя терминъ «механика исторіи развитія» неудачнымъ и невѣрнымъ; возраженія Ру на этотъ упрекъ слабы и отчасти даже комичны. Такъ, онъ разсказываетъ исторію имени, которое онъ собирался дать основанной имъ наукѣ, причемъ думалъ, между прочимъ, дать ей названіе «физіологіи исторіи развитія», но отказался отъ этого намѣренія по разнымъ соображеніямъ, въ числѣ которыхъ фигурируетъ опасеніе, что ученые, посвятившіе себя этой отрасли, будучи въ сущности анатомами, а не физіологами, не найдутъ себѣ каѳедръ въ нѣмецкихъ университетахъ! Отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ!

Названіе «экспериментальная морфологія», которое Ру почему-то не избралъ, очевидно, подходило бы къ основанному имъ новому біологическому направленію всего лучше. Оно, во-первыхъ, нисколько не претенціозно, во-вторыхъ, совершенно вѣрно выражаетъ всю суть дѣла, т.-е. и выдающееся значеніе эксперимента въ этой дисциплинѣ, и то обстоятельство, что работники ея, несмотря на физіологическіе методы изслѣдованія, по существу остаются морфологами. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что Ру, внесшій физіологическій оттѣнокъ въ современную морфологію, является въ вопросахъ наслѣдственности вѣрнымъ союзникомъ Вейсмана,—чистѣйшаго морфолога, который рѣшительно всѣ явленія жизни клѣтки хочетъ свести на борьбу за существованіе мельчайшихъ частицъ, составляющихъ гипотетическую зародышевую плазму. Здѣсь повторяется та же исторія, которая случилась въ восьмидесятыхъ годахъ съ Негели, пожелавшимъ основать новую, «механико-физіологическую» теорію развитія. По его мнѣнію, вопросы о происхожденіи живыхъ существъ, вопросы наслѣдственности и филогеніи подлежатъ главнымъ образомъ вѣдѣнію физіологовъ, а морфологическія науки могутъ доставить для этого лишь сырой матеріалъ. И что же? Для объясненія явленій наслѣдственности, индивидуальнаго и племенного развитія физіологъ Негели не нашелъ ничего другого, какъ чисто морфологическую схему идіоплазмы, съ мельчайшими гипотетическими частицами (мицеллами) опредѣленной формы, расположенными опредѣленными рядами и т. д. Очевидно, при современномъ состояніи нашихъ знаній о живомъ веществѣ такіе, сложные вопросы, какъ, напр., наслѣдственность, съ чисто физіологической стороны еще слишкомъ мало доступны и поневолѣ приходится прибѣгать къ морфологическимъ схемамъ.

Повидимому, отчасти именно въ силу этого, такъ сказать, вынужденно-морфо-

логическаго направленія теорій наслѣдственности, не могутъ пробить себѣ дороги такъ называемыя «ламаркистскія» тенденціи Эймера, Гааке и другихъ. Естественный подборъ—принципъ чисто морфологическій; теорія Дарвина и въ особенности теорія Вейсмана въ физіологическихъ данныхъ, строго говоря, не нуждаются: онѣ имѣютъ дѣло съ *готовыми* варіаціями, которыя эксплуатируются естественнымъ подборомъ, а какъ возникли варіаціи — для нихъ, въ сущности, вопросъ второстепенный. Напротивъ, другія теоріи развитія (Жоффруа Сентъ-Илера, Ламарка, Негели, Эймера, Гааке) стремятся не только объяснить происхожденіе видовъ, но и самое возникновеніе варіацій. Теорія Дарвина, которой впервые удалось укрѣпить догматъ измѣняемости видовъ, своимъ блестящимъ успѣхомъ затмила и вытѣснила теоріи Жоффруа Сантъ-Илера и Ламарка; точно такъ же и въ наши дни теорія Вейсмана, развившая принципъ естественнаго подбора до крайнихъ предѣловъ, пользуется бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ теоріи Эймера и Гааке. Но чѣмъ далѣе развивается теорія естественнаго подбора, тѣмъ болѣе чувствуются ея недостатки, какъ *исключительной* формы эволюціонной теоріи, тѣмъ болѣе наростаетъ потребность въ объясненіи возникновенія варіацій. Эймеръ, упорно отстаивающій свою теорію ортогенеза или органическаго роста, изложеніе которой завело бы насъ слишкомъ далеко, недавно выпустилъ большую книгу («Orthogenesis der Schmetterlinge»), въ которой онъ собралъ множество интересныхъ фактовъ, ясно доказывающихъ, что однимъ естественнымъ подборомъ невозможно объяснять органическое развитіе: не только самое возникновеніе варіацій не зависитъ отъ естественнаго подбора, но и дальнѣйшее развитіе ихъ можетъ совершаться безъ его помощи; естественный подборъ есть факторъ контролирующій, но не создающій. Но если Эймеру удается сдѣлать въ высокой степени вѣроятнымъ, что, напр., рисунокъ на крыльяхъ бабочекъ извѣстной группы развивается закономѣрно, послѣдовательно проходя извѣстныя стадіи, то, допустивъ даже, что это развитіе происходитъ отъ комбинированія внѣшнихъ вліяній съ внутренними силами и жизненными процессами организма, мы все-таки рѣшительно не въ состояніи будемъ объяснить, почему именно порядокъ развитія рисунка такой, а не иной, и тѣмъ менѣе, почему данное внѣшнее вліяніе вызываетъ данное измѣненіе въ организмѣ. Чрезвычайно интересные опыты лепидоптерологовъ, напр., Штандфусса, показываютъ, что, напр., измѣненія температуры вызываютъ вполнѣ опредѣленныя измѣненія окраски бабочекъ; такъ, большая перламутровка *Argynnis Aglaja*, развиваясь при повышенной температурѣ, становится сверху ярко-бурокрасною, а зеленый цвѣтъ снизу дѣлается значительно темнѣе, при пониженной же температурѣ вся окраска дѣлается темнѣе, особенно на переднихъ крыльяхъ разростается темный рисунокъ. Но почему это именно такъ, а не наоборотъ или вообще не иначе,— объ этомъ мы не имѣемъ даже отдаленнаго представленія, да нельзя и думать о полномъ объясненіи такихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, какъ происхожденіе окраски на крыльяхъ бабочекъ, когда химія и физіологія животныхъ красокъ вообще находится въ зачаткѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что пока сравнительная физіологія не разовьется въ той же мѣрѣ, какъ развились сравнительная анатомія и эмбріологія, ученіе Жоффруа Сентъ-Илера и Ламарка не пріобрѣтетъ господствующаго положенія въ біологіи. Теорія естественнаго подбора тѣмъ и сильна, что она обходитъ щекотливый вопросъ о первомъ возникновеніи варіацій и работаетъ съ готовымъ матеріаломъ, а для «ламаркистовъ», ставящихъ вопросъ о развитіи шире и глубже, бо́льшую часть матеріала слѣдуетъ еще подготовить. Притомъ, надо еще принять во вниманіе, что если и удастся объяснить происхожденіе варіацій, то придется имѣть дѣло съ вопросомъ: какія варіаціи наслѣдственны и какія нѣтъ, и почему именно, т. е. опять понадобится хорошо разработанная и физіологически обоснованная теорія наслѣдственности. Все это дѣло будущаго и, можетъ быть, не близкаго; а по-

ка «ламаркизмъ» находится въ зачаточномъ состояніи и имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе, какъ заслуживащій полнаго вниманія протестъ противъ крайностей ученія о естественномъ подборѣ.

Пониженіе интереса къ филогенезу имѣло своимъ послѣдствіемъ не только развитіе новыхъ направленій въ морфологіи, не только повело къ воскрешенію ламаркизма, но и способствовало возрожденію тѣхъ отраслей зоологіи, которыя въ расцвѣтѣ филогенетическаго періода были заброшены. Такъ, стали вновь болѣе усердно заниматься изученіемъ жизни животныхъ. Эта отрасль старательно культивировалась въ прошломъ столѣтіи, которое оставило намъ превосходныя изслѣдованія Рёзеля, Реомюра, Де-Геера и другихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Кювье положилъ прочное основаніе сравнительной анатоміи и морфологіи вообще, весь интересъ изслѣдователей сосредоточился на темахъ морфологическаго характера, а изученіе образа жизни животныхъ предоставлено было охотникамъ и любителямъ. Результатомъ этого былъ несомнѣнный застой въ развитіи знаній о жизни животныхъ. Еще относительно позвоночныхъ, въ особенности птицъ и млекопитающихъ, продолжалъ накопляться богатый матеріалъ, доставляемый путешественниками и охотниками; что же касается безпозвоночныхъ, изученіе жизни которыхъ привлекаетъ гораздо меньшее число любителей и требуетъ нерѣдко значительной научной подготовки, то невѣжество современныхъ натуралистовъ въ этомъ отношеніи поразительно велико. Оказывается, напр., что мы знаемъ мельчайшія подробности анатоміи и эмбріологіи рѣчного рака—и очень мало можемъ сказать о его зимовкѣ, о его половой жизни и проч.; мы имѣемъ подробныя изслѣдованія строенія тѣла постельнаго клопа—и далеко недостаточно знакомы съ періодами его размноженія; мы прекрасно ознакомлены съ строеніемъ и эмбріональнымъ развитіемъ комнатной мухи—и лишь сравнительно недавно познакомились достаточно съ ея личинкою, и т. д., и т. д. Сознаніе этого пробѣла, наконецъ, настолько усилилось, что явился новый журналъ, который, на ряду съ морфологическими задачами, сталъ равномѣрно преслѣдовать и задачи зообіографіи или экологіи («Zoologische Jahrbücher, Abtheilung für Biologie»). Этотъ журналъ, издающійся уже нѣсколько лѣтъ и богатый интересными работами, представляетъ собою, такимъ образомъ, тоже одно изъ знаменій времени. Когда интересъ къ изученію жизни животныхъ снова оживился, это тотчасъ же отразилось и на нѣкоторыхъ отрасляхъ зоологіи, тѣсно связанныхъ съ этимъ изученіемъ. Возникли новыя задачи въ зоогеографіи, которая до недавняго времени стремилась главнымъ образомъ установить, въ связи съ геологическими данными и предположеніями, границы и взаимную связь отдѣльныхъ фаунъ. Новѣйшему времени принадлежитъ, напр., возникновеніе ученія о *планктонѣ*, т. е. о совокупности тѣхъ организмовъ, которые всю или почти всю свою жизнь плаваютъ, составляя живое содержаніе различныхъ водъ. Таковы различныя микроскопическія простѣйшія животныя, медузы, мелкіе рачки, личинки разныхъ животныхъ и проч. Планктонъ играетъ, безъ сомнѣнія, огромную роль въ экономіи природы, такъ какъ составляющіе его организмы служатъ пищею для множества болѣе крупныхъ животныхъ; когда планктонные организмы гибнутъ отъ тѣхъ или другихъ причинъ, напр., отъ рѣзкихъ измѣненій температуры, то нерастворимыя части ихъ осѣдаютъ на дно, а растворимыя распространяются въ водѣ. Такимъ образомъ планктонъ имѣетъ очевидное вліяніе какъ на составъ водъ, такъ и на химическій характеръ дна водоемовъ. Такимъ образомъ изученіе планктона оказывается весьма важнымъ и интереснымъ во многихъ отношеніяхъ, какъ съ чисто теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія, и новѣйшая біологія уже выработала цѣлую методику для качественнаго и количественнаго изслѣдованія планктона. Первоначально біологи интересовались преимущественно морскимъ планктономъ, но въ послѣдніе годы чрезвычайно выдвинулся

вопросъ о систематическомъ изслѣдованіи *прѣсныхъ водъ*. Въ періодъ филогенетической горячки *море* привлекло къ себѣ большую часть свѣжихъ научныхъ силъ, надѣявшихся найти въ немъ разгадку многихъ и многихъ тайнъ, такъ какъ, по общепринятому взгляду, унаслѣдованному нами отъ натурфилософовъ, а натурфилософами—отъ древней греческой философіи,—въ океанѣ находится начало всякой жизни. Прѣсныя воды, какъ населенныя организмами болѣе вторичнаго характера, переселившимися отчасти съ суши, отчасти изъ морей, привлекали къ себѣ сравнительно мало вниманія. Но когда неотложныя филогенетическія задачи частью были рѣшены, частью оказались пока недоступными удовлетворительному рѣшенію, наступила нѣкоторая реакція; и тутъ-то біологи снова обратили болѣе пристальное вниманіе на прѣсныя воды. Еще въ семидесятыхъ годахъ швейцарскій зоологъ Форель основалъ новую науку—*лимнологію*; интересъ къ ней мало-по-малу все возросталъ и въ послѣднія десять лѣтъ открылось нѣсколько прѣсноводныхъ біологическихъ станцій въ Богеміи, Германіи, Франціи, Америкѣ и, наконецъ, у насъ въ Россіи. Станціи эти поставили себѣ задачею какъ изслѣдованіе планктона, такъ и вообще всестороннее изученіе жизни прѣсныхъ водъ. Весьма возможно, что работы этихъ станцій современемъ будутъ имѣть не меньшее, а въ практическомъ отношеніи, вѣроятно, даже большее значеніе, чѣмъ работа морскихъ біологическихъ станцій. До какой степени лимнологія сдѣлалась уже интересною и важною отраслью естествознанія, доказываетъ появленіе популярныхъ лимнологическихъ руководствъ, какъ «Thier- und Pflanzenwelt des Süsswassers» д-ра Захаріаса и превосходной, выходящей въ настоящее время выпусками, книги проф. Лампезина «Das Leben der Binnengewässer».

Еще одна отрасль зоологіи стала замѣтно развиваться въ послѣднія два десятилѣтія, параллельно упадку морфологогенетическихъ интересовъ, — это сравнительная психологія. Въ шестидесятыхъ годахъ главною задачею зоопсихологовъ было сведеніе къ общему источнику умственныхъ способностей человѣка и животныхъ, чтобы показать, что между первыми и вторыми разница не качественная, а количественная. Въ силу неразработанности относящагося сюда матеріала сужденія объ умственныхъ способностяхъ животныхъ грѣшили, однако, нерѣдко грубымъ антропоморфизмомъ. Въ новѣйшее время вопросы сравнительной психологіи съ философской стороны разрабатывались преимущественно Ромэнсомъ и Вундтомъ, а другая группа послѣдователей—Фабръ, Форель, Леббокъ, Вейсманнъ и у насъ въ Россіи В. Вагнеръ—доставили множество интересныхъ экспериментальныхъ данныхъ. Наиболѣе полные трактаты по сравнительной психологіи принадлежатъ Ромэнсу. Въ своемъ сочиненіи «Animal Intelligence» (умъ животныхъ) онъ собралъ сырой матеріалъ разныхъ свѣдѣній о психикѣ животныхъ, расположивъ его по типамъ и классамъ животнаго царства; въ этой книгѣ авторъ еще во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ чрезмѣрный антропоморфизмъ и недостатокъ критики. Зато въ другой своей книгѣ «Mental Evolution in animals» Ромэнсъ, повидимому, уже окончательно выяснилъ себѣ тѣ идеи, которыя лишь слегка набросаны въ краткомъ введеніи, предпосланномъ первому изъ названныхъ сочиненій. Здѣсь онъ излагаетъ свои мысли опредѣленно и систематично, а къ фактамъ относится съ большею критикой; такимъ образомъ книга эта, какъ и «Основы психологіи» Вундта, является весьма цѣннымъ кодексомъ новѣйшей зоопсихологіи. Вообще же сравнительная психологія, несмотря на сдѣланные ею успѣхи, все еще находится почти въ зачатачномъ состояніи, и остается лишь пожелать, чтобы въ ней возможно шире и всестороннѣе прилагался экспериментальный методъ, который одинъ можетъ дать для нея твердыя основы.

Изъ предложеннаго обзора читатель, надѣюсь, видитъ, что наука наша, дѣйствительно, какъ говорится, «совершаетъ эволюцію». Измѣнились методы,

измѣнились интересы и цѣли, выросли даже цѣлыя новыя отрасли нашей науки, все болѣе и болѣе привлекающія къ себѣ молодыя силы,—работниковъ будущаго. Дѣлая этотъ обзоръ, я намѣренно не коснулся еще одного теченія мысли, которое въ послѣдніе годы много заставило говорить о себѣ,—именно, витализма. Я не коснулся его потому, что, на мой взглядъ, витализмъ есть нѣчто совершенно безплодное и, строго говоря, не составляетъ опредѣленной научной доктрины или направленія. Можетъ быть, онъ находитъ себѣ извѣстное оправданіе въ нѣкоторыхъ разочарованіяхъ, испытанныхъ наукою; можетъ быть, онъ даже заслуживаетъ вниманія, какъ исканіе новыхъ путей (напр., въ теоретическихъ работахъ зоолога-виталиста Ганса Дриша), но въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ не болѣе значенія, какъ декадентство въ современномъ искусствѣ: породить онъ ничего не въ состояніи.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія. 1) Новыя гипотезы о строеніи Марса и его каналахъ. 2) Лунная атмосфера. **Физика.** Послѣдняя работа Рёнтгена объ X-лучахъ. **Геологія и метеорологія.** 1) О подводныхъ сеисмическихъ явленіяхъ. 2) Дожди—кровавый и пыльный. 3) Смоляное озеро. **Біологія.** 1) Къ вопросу о вліяніи среды на половую дифференціацію. 2) Вліяніе рёнтгеновскихъ лучей на растенія. 3) Земляные черви и растительность. 4) Свистящее дерево.

Астрономія. 1) *Новыя гипотезы о строеніи Марса и его каналахъ.* Англійское астрономическое общество раздѣляется, какъ извѣстно, на нѣсколько секцій; такъ, напр., есть секція лунная, секція метеорная, секція, изучающая Марсъ, и т. д. Недавно предсѣдатель послѣдней секціи, г. *Антоніади*, представилъ обществу отчетъ о работахъ секціи за 1896 — 1897 годъ. Въ виду крайняго интереса этого отчета мы приводимъ довольно подробно главнѣйшіе выводы этого рапорта, перепечатанныя во французскомъ журналѣ *Ciel et terre*, № 2, 1898 (16 Mars). Остановимся сначала на красноватомъ цвѣтѣ Марса. *Гершель* высказалъ довольно правдоподобную мысль, что цвѣтъ этотъ есть цвѣтъ почвы Марса. *Ловелль* же думаетъ, что мѣстности, окрашенныя въ красный цвѣтъ,—пустыни, потому что цвѣтъ этотъ совершенно сходенъ съ цвѣтомъ желтаго песка нашей Сахары; если бы мы могли посмотрѣть на нее съ Венеры въ ясную погоду, то получилась бы точно такая же картина. Нельзя согласиться съ Ламбертомъ, что своимъ цвѣтомъ Марсъ обязанъ существованію красноватой растительности; не можемъ же мы представить себѣ растительность безъ измѣненія оттѣнковъ, а цвѣтъ Марса никогда не мѣняется. Что касается *полутѣней*, то онѣ происходятъ, вѣроятно, не отъ песчаныхъ холмовъ, подвергающихся періодическимъ наводненіямъ, но отъ материковъ, покрытыхъ плохою растительностью; послѣднее предположеніе объяснило бы измѣнчивость внѣшняго вида этихъ полутѣней. Бѣлизна по краямъ этихъ земель зависитъ отъ инея или отъ тумана; спокойный и разрѣженный воздухъ Марса благопріятствуетъ ночному лучеиспусканію. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе медленность воздушныхъ теченій, характерную для атмосферы Марса, можно склониться скорѣе къ теоріи инея, такъ какъ роса является одной изъ простѣйшихъ формъ осадка.

Темныя пространства представляютъ, вѣроятно, одновременно и воду, и растительность: растительность тамъ, гдѣ замѣчаются нѣкоторыя измѣненія цвѣта въ зависимости отъ времени года, воду тамъ, гдѣ цвѣтъ не подвергается измѣненіямъ. Присутствіемъ растительности объясняются далеко не всѣ наблюдаемыя нами измѣненія: почему *Moeris lacus* спустилось постепенно въ Syrtis major, почему прекрасный полуостровъ *Aurea cherso* расплылся въ мрачномъ Aurorae sinus? Слѣдуетъ предположить существованіе какого-нибудь другого фактора, и весьма возможно, что объясненіе этихъ явленій лежитъ въ незначительной плотности Марса. Принявъ за единицу плотность воды, мы получаемъ

3,91 для Марса и 5,5 для земли. Эта послѣдняя цифра говоритъ объ относительной устойчивости земной поверхности. Съ другой стороны абсолютная неустойчивость была бы характерной чертой планеты, плотность которой равнялась бы плотности воды (Сатурнъ и Юпитеръ). Марсъ, такимъ образомъ, занимаетъ переходное положеніе между относительной устойчивостью земли и абсолютной неустойчивостью планетъ съ плотностью, равной единицѣ.

Послѣднія работы по космографіи подтверждаютъ это мнѣніе. По мнѣнію г. *Du-Ligoudès*, Марсъ одинъ изъ позднѣйшихъ міровъ въ нашей планетной системѣ. «Степень измѣненія плотности въ зависимости отъ глубины мѣста,— говоритъ онъ,—гораздо менѣе чувствительна на Марсѣ, чѣмъ на землѣ». Предположеніе это подтверждается послѣдними наблюденіями, опубликованными г. *Ловеллемъ*, по поводу сплющенности Марса у полюсовъ. Сплюснутость эта значительно больше, чѣмъ у земли. Средняя плотность Марса = 3,90; въ центрѣ плотность его = 5,6, а на поверхности = 2,8. «Эта послѣдняя,—заключаетъ du-Ligoudès,—почти равна плотности скалъ, составляющихъ земную кору, но вслѣдствіе малой силы тяжести на поверхности и внутри Марса скалы, хотя и сравнительно плотныя, по строенію, вѣроятно, довольно пористы, что дѣлаетъ ихъ мало устойчивыми—онѣ быстро разрушаются подъ вліяніемъ воды. Что касается до двойныхъ каналовъ Марса, то г. *Антоніади* относится съ большимъ недовѣріемъ къ ихъ дѣйствительному существованію. Недавно, говоритъ авторъ, мнѣ удалось воспроизвести всѣ явленія раздвоенія каналовъ на искусственныхъ кругахъ Марса, разсматриваемыхъ черезъ телескопъ на разстояніи 67 метровъ и имѣвшихъ на своей поверхности только простые каналы. Нѣкоторые каналы тотчасъ же раздвоились, а между этими новообразованіями залегли тѣни; другіе каналы остались неизмѣненными, кое-гдѣ образовались круглыя или продолговатыя озера. Чтобы получить этотъ результатъ достаточно было разницы въ фокусѣ въ 1/5000 дм. (0^{mm},13).

Полная тожественность этого раздвоенія съ тѣмъ же явленіемъ на Марсѣ такъ поразительна, что поневолѣ задаешь себѣ вопросъ, не являются ли оба эти явленія результатомъ одной и той же причины и нельзя ли раздвоеніе каналовъ Марса приписать скорѣе неточности фокуса, чѣмъ какому-то магическому дѣйствію. Что неясное видѣніе можетъ вызвать раздвоеніе линій и пятенъ на Марсѣ, легко понять, но едва ли мы повѣримъ своимъ глазамъ, если увидимъ, что Темза вдругъ исчезла и замѣнилась двумя отдѣльными линіями, каждая съ мрачнымъ ядромъ—Лондономъ—а вся остальная мѣстность между ними представляетъ неясную тѣнь.

Раздвоеніе каналовъ дѣлаетъ изъ Марса загадку; если бы его не было, планета эта не представляла бы для насъ тайнъ. Дѣйствительно, *Добре* доказалъ, что сжиманіе коры планеты вызываетъ образованіе горныхъ хребтовъ, а расширеніе ядра заставляетъ кору трескаться, главнымъ образомъ, по большимъ кругамъ, т.-е. подобно системѣ каналовъ Марса.

Жоль, профессоръ геологіи въ дублинскомъ университетѣ, въ прошломъ году далъ очень остроумное объясненіе образованію этихъ каналовъ. Въ очень отдаленную эпоху, когда движеніе Марса вокругъ своей оси было гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь, планета эта притянула къ себѣ много маленькихъ тѣлъ, можетъ быть маленькихъ планетъ, подобныхъ тѣмъ 433, которыя находятся между орбитами Марса и Юпитера. Тѣла эти, кружась вокругъ Марса, могли даже въ концѣ концовъ упасть на его поверхность. Спутникъ же, обращаясь медленно вокругъ этого свѣтила, оказывалъ на послѣднее нѣкоторое притяженіе, которое могло бы вызвать приподнятіе коры, еще мягкой, такъ какъ вся масса планеты еще не успѣла охладиться. Такимъ образомъ, могъ образоваться конусъ, вокругъ основанія котораго въ почвѣ должны были бы образоваться трещины. Если спутникъ этотъ имѣлъ бы діаметръ вдвое больше, чѣмъ у Фобоса, бли-

жайшей изъ двухъ лунъ Марса, и если бы онъ находился на разстояніи 100 километровъ, то сила его притяженія равнялась бы 300 тоннамъ на кв. метръ, что могли бы сдвинуть съ мѣста кругъ коры, имѣющій 350 километровъ въ діаметрѣ, или около 1.100 километровъ въ окружности. Кругъ этотъ могъ бы дать одну и даже двѣ параллельныя трещины, которыя повторяясь множество разъ и въ различныхъ мѣстахъ, образовали бы систему круглыхъ каналовъ, заканчивающихся одной или двумя параллельными разсѣлинами. Это объясненіе, по мнѣнію г. Антоніади, довольно вѣроятно. Но все же оно не объясняетъ намъ существованія прямолинейныхъ каналовъ въ *4 или 5 тысячъ километровъ ширины* и отъ 30 до 200 километровъ длины, равно какъ и окраску и раздвоеніе этихъ каналовъ; явленія эти, повидимому, тѣсно связаны съ различными временами года, какъ это доказали многочисленныя наблюденія.

Лунная атмосфера. Измѣряя относительныя положенія двухъ звѣздъ, изъ которыхъ одна приближалась къ темному краю луны, г. *Комштокъ* констатировалъ разницу $^1/_{300}$ секунды сравнительно съ прежними измѣреніями. Разница эта обязана преломленію лунной атмосферы. Атмосфера эта, по мнѣнію г. Комштока, имѣетъ плотность не болѣе $^1/_{500}$ нашей атмосферы, что подтверждаетъ выводы г. *Пикеринга*, сдѣланные на основаніи аналогичныхъ наблюденій. Рѣшеніе вопроса о существованіи лунной атмосферы представляетъ, конечно, интересъ глубокой научной важности.

Физика. *Послѣдняя работа Рёнтгена объ X-лучахъ.* Не смотря на то, что въ декабрѣ минетъ 3 года, какъ Рёнтгенъ сдѣлалъ свое знаменитое сообщеніе о новыхъ, открытыхъ имъ, лучахъ, не смотря на то, что за это время были произведены тысячи работъ надъ X-лучами и успѣла выросги громадная литература по этому вопросу, все же природа таинственныхъ лучей мало выяснилась, мы знаемъ о нихъ почти столько же, сколько знали послѣ первыхъ сообщеній самаго Рёнтгена. Новая работа вюрцбургскаго профессора хотя и не рѣшаетъ вопроса о природѣ X-лучей, но все же даетъ много новыхъ и крайне интересныхъ фактовъ. Вотъ главнѣйшіе выводы этой работы:

1) Частицы воздуха при освѣщеніи ихъ X-лучами сами становятся источниками новыхъ пучковъ X-лучей, распространяющихся по всѣмъ направленіямъ.

2) Изъ лучей, образующихся на платиновой пластинкѣ аппарата (трубка Крукса, Гитторфа и др.), наибольшей интенсивностью отличаются лучи, направленіе которыхъ наименѣе отклоняется отъ перпендикуляра къ этой пластинкѣ; лучи, составляющіе съ перпендикуляромъ уголъ около 80 градусовъ, очень слабы, а лучи, выходящіе подъ 89°—90°, уже не обнаруживаютъ никакой интенсивности.

3) Первые слои какого бы то ни было тѣла задерживаютъ X-лучи сильнѣе, чѣмъ слои послѣдующіе, болѣе удаленные отъ источника.

4) Если двѣ пластинки изъ различныхъ веществъ при различныхъ, опредѣленныхъ для данныхъ веществъ, толщинахъ — одинаково прозрачны для X-лучей, то это равенство не сохраняется, если мы измѣнимъ пропорціонально толщину каждой пластинки. Такъ, напр., платиновая пластинка въ 0,0026 мм. толщиной такъ же прозрачна, какъ 6 аллюминіевыхъ пластинокъ въ 0,0299 мм. толщиной; но 2 такихъ же платиновыхъ пластинки соотвѣтствуютъ, по своей прозрачности, уже не 12, а 16 аллюминіевымъ пластинкамъ.

5) Одна и та же пластинка не одинаково прозрачна для лучей, образующихся въ различныхъ аппаратахъ: чѣмъ большаго потенціала требуетъ трубка (чѣмъ трубка «жестче»), тѣмъ легче X-лучи проходятъ черезъ пластинку.

6) Качество X-лучей, образующихся въ одной и той же трубкѣ, тоже не всегда одинаково и зависитъ отъ многихъ деталей въ функціонированіи прибора, деталей, вдаваться въ которыя мы здѣсь не можемъ.

Эти факты приводятъ проф. Рентгена къ заключенію, что X-лучи, возникающіе, какъ извѣстно, благодаря дѣйствію катодныхъ лучей на стеклянную

Въ лѣсу.

Какой покой глубокій, безмятежный
Въ таинственной тѣни, среди сѣдыхъ стволовъ,
Тамъ, въ самой глубинѣ, гдѣ папоротникъ нѣжный
Раскинулъ кружево причудливыхъ листовъ.

—

На солнцѣ мохъ сверкаетъ позолотой
И яркой зеленью на посѣдѣвшемъ пнѣ,
Однообразною, тоскующею нотой
Звучитъ кукушки крикъ въ глубокой тишинѣ.

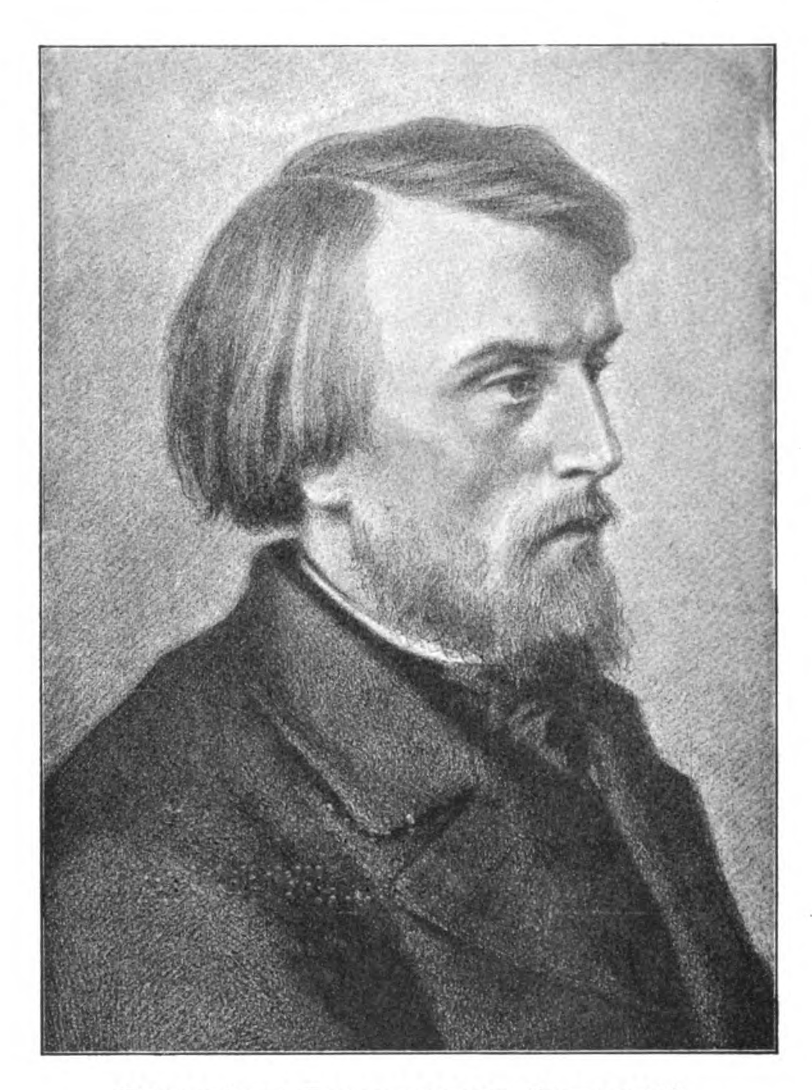
—

Порой мгновенный вѣтеръ пронесется
И слышится въ вѣтвяхъ подобный морю шумъ,
Какъ будто старый лѣсъ откликнется, проснется
И отъ глубокихъ сновъ и отъ завѣтныхъ думъ.

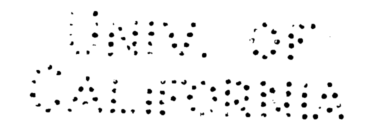
—

Какъ хорошо, забывъ свои страданья,
Природы голосамъ внимать средь тишины
И жадно пить душой горячія лобзанья
И солнечныхъ лучей и ласковой весны!

Allegro.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.
1810—1848.
(Идеальный портретъ работы художника И. А. Астафьева).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Памяти В. Г. Бѣлинскаго.

«Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно ни развилась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славой, ея украшеніемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознается, что значительной частью своего развитія обязанъ, непосредственно или посредственно, Бѣлинскому. Въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ оттѣнковъ едва ли найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести его имя».

Такъ сорокъ лѣтъ тому назадъ писалъ Добролюбовъ о Бѣлинскомъ по поводу выхода перваго собранія его сочиненій, и эти слова не теряютъ своего значенія и теперь, когда прошло полстолѣтія со дня кончины великаго русскаго писателя. Даже болѣе, — если Добролюбовъ все же счелъ нужнымъ отмѣтить «пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей», то нынѣ едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ «въ литературныхъ кружкахъ», который сталъ бы отрицать значеніе Бѣлинскаго или отказалъ бы ему въ уваженіи. Имя Бѣлинскаго играетъ въ литературѣ такую же роль теперь, какъ имя Пушкина, соединившее на празднествѣ 80 года всѣхъ около себя, примирившее всѣ направленія. Нѣтъ теперь двухъ мнѣній о немъ, и въ этомъ мы видимъ великое торжество тѣхъ началъ, провозвѣстникомъ которыхъ выступилъ въ литературѣ Бѣлинскій, которыя онъ выстрадалъ и за нихъ пострадалъ не мало. Здѣсь мы не будемъ останавливаться на ихъ развитіи и значеніи, такъ какъ наши читатели имѣютъ подробнѣйшее изложеніе взглядовъ Бѣлинскаго, характеристику его роли въ литературѣ и того пути развитія, который прошелъ великій критикъ,—въ статьяхъ г. Иванова. Мы же напомнимъ читателямъ въ общихъ чертахъ жизнь Бѣлинскаго и попытаемся дать краткую характеристику его личности.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій былъ сыномъ флотскаго врача и родился въ маѣ или февралѣ 1810 г. въ Свеаборгѣ, во время стоянки тамъ флотскаго экипажа, въ которомъ служилъ его отецъ, происходившій изъ духовнаго сословія. Дѣдъ Бѣлинскаго былъ священикомъ въ селѣ Бѣлыни, Пензенской губерніи, Нижнеломовскаго уѣзда, откуда и фамилія Бѣлынскій, передѣланная затѣмъ въ «Бѣлинскій». Дѣтство его протекло въ родной губерніи, въ уѣздномъ городѣ Чембарѣ, гдѣ продолжалъ службу его отецъ въ качествѣ уѣздаго «штабсъ-лекаря». Насколько можно судить по скуднымъ воспоминаніямъ, дѣтство Бѣлинскаго протекло въ родной семьѣ довольно сносно. Отецъ былъ для своего времени человѣкомъ развитымъ и понималъ даровитую натуру ребенка, отличалъ его остроуміе, поощрялъ раннюю пытливость его и вскорѣ научился уважать его голосъ. По словамъ г. Пыпина, «между ними была симпатія, благодѣтельно дѣйствовавшая на обоихъ въ рѣзкихъ случаяхъ. Висса-

ріонъ еще юноша, въ виду домашнихъ несогласій, сталъ заявлять свой голосъ, высказывать отцу свои укоры, и отецъ выслушивалъ ихъ, не негодовалъ, не оправдывался: очевидно, голосъ сына онъ принималъ съ уваженіемъ». Мать была женщина простая и необразованная; всѣ заботы ея ограничивались тѣмъ, чтобы прилично одѣть и накормить дѣтей.

Вообще, семья не могла дать особаго поощренія талантливому мальчику, но главное—не стѣсняла и не мѣшала развитію его даровитости, что было уже большимъ счастіемъ въ то время, если принять во вниманіе обстановку глухой провинціи съ ея дикими взглядами на воспитаніе и не менѣе дикими нравами. Пензенская губернія и теперь самый глухой уголокъ Россіи,—можно представить, чѣмъ былъ какой-нибудь Чембаръ сто лѣтъ тому назадъ. Большимъ счастіемъ для Бѣлинскаго была эта мягкая семейная атмосфера, въ которой онъ могъ чувствовать себя свободнымъ, гдѣ его не гнули въ бараній рогъ, слѣдуя домостроевскимъ традиціямъ патріархальной семьи, и теперь еще процвѣтающимъ у насъ въ разныхъ Чембарахъ, Зашиверскахъ и Тмутараканяхъ.

Бѣлинскій очень рано научился читать и страстно отдавался чтенію и дома, и въ уѣздномъ училищѣ Чембара, гдѣ продолжалось его обученіе. И здѣсь онъ попалъ въ сравнительно хорошія условія, благодаря мягкому и доброму смотрителю училища. Изъ времени пребыванія его въ училищѣ сохранился любопытный разсказъ Лажечникова о школьникѣ Бѣлинскомъ. «Въ 1823 г.,—разсказываетъ Лажечниковъ, бывшій тогда директоромъ училищъ Пензенской губерніи,—ревизовалъ я Чембарское училище. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12-ти, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ между тѣмъ на лицо казался старше, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ легко, скоро, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частью, своими словами, прибавляя то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его. Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ».

Талантливость маленькаго Бѣлинскаго сказывалась, какъ видно, очень рано, а его начитанность давала ей обильную пищу. «Еще будучи мальчикомъ,—пишетъ Бѣлинскій одному изъ своихъ друзей,—я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно и безъ всякаго разбору списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Державина и проч.; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину рощу», писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я сходилъ тогда съ ума».

Какъ въ училищѣ, такъ затѣмъ и въ пензенской гимназіи, куда Бѣлинскій поступилъ въ 1825 г., онъ настолько своимъ развитіемъ опережалъ образованіе, даваемое школой, что по существу ему здѣсь нечего было дѣлать. Понятно, что и гимназія не увлекала его ни мало, и онъ продолжалъ учиться по своему, съ еще большей, чѣмъ раньше, жадностью накидывался на чтеніе и страшно увлекался уже тогда театромъ. Одинъ изъ его тогдашнихъ учителей, Поповъ, сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о плохомъ гимназистѣ, но чрезвычайно даровитомъ мальчикѣ. «Многое мимоходомъ запало въ его крѣпкую память, многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше набиралось въ немъ свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназіи... Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ... По лѣтамъ и тогдашнимъ

отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ, но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ». Но Бѣлинскій не только глоталъ книги, какъ многіе даровитые и любознательные юноши,—онъ очень критически и вдумчиво относился къ книгѣ и чужому мнѣнію. Какъ впослѣдствіи онъ ничего не бралъ на вѣру и, страшно увлекаясь, въ то же время выхватывалъ изъ предмета его сущность, такъ и въ своихъ юношескихъ отношеніяхъ сохранялъ самостоятельность и самодѣятельность. Тотъ же Поповъ говоритъ, что «Бѣлинскій не поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте подумаю, дайте еще прочту». Если же съ чѣмъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной силой: «совершенно справедливо».

Въ юности, мы видимъ, уже складывались будущія черты Бѣлинскаго—искателя истинныхъ путей, піонера свободной мысли и критическаго отношенія къ дѣйствительности, упорнаго и страстнаго борца за свои убѣжденія, за то, что онъ считаетъ святымъ. Тогда же зародилась страсть къ театру, отличавшая Бѣлинскаго впослѣдствіи и которой литература обязана единственными по глубинѣ и силѣ статьями объ игрѣ Мочалова. Бѣлинскій-гимназистъ тратилъ всѣ свои скудныя средства на театръ, дѣлалъ займы для той же цѣли, для удовлетворенія своей исключительной по силѣ и страстности любви къ театру, о которомъ онъ впослѣдствіи пишетъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ»: «Театръ! Любили ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т.-е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? О, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!»

При такомъ направленіи ума, способностей, склонностей, понятно, Бѣлинскій мало удовлетворенія находилъ въ гимназіи, откуда и былъ исключенъ черезъ три года «за нехожденіе въ классъ». Такъ же мало далъ ему и университетъ, куда Бѣлинскій поступилъ въ концѣ лѣта 1829 г. На первое время онъ увлекался обстановкой, товариществомъ, но уже къ концу перваго года пустота и ничтожество тогдашней университетской науки отшатнули Бѣлинскаго отъ профессорскихъ лекцій, и онъ снова вернулся къ прежнему источнику, утолявшему его духовную жажду,—къ самостоятельному чтенію, размышленію и спорамъ въ небольшомъ, тѣсномъ кругѣ избранныхъ товарищей, и къ театру, гдѣ въ то время на московской сценѣ подвизались такіе таланты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ. Во время студенческой жизни умъ его насыщался и работалъ неутомимо, мужалъ и крѣпчалъ. Складывались основныя черты будущаго критика, намѣчались тенденціи, руководившія имъ потомъ всю жизнь. Читая «Бориса Годунова», Бѣлинскій приходитъ въ неистовый восторгъ отъ сцены въ корчмѣ, онъ вскакиваетъ, бросаетъ книгу, опрокидываетъ стулъ и восторженно восклицаетъ: «да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно?» Это—та же до болѣзненности доходящая впечатлительность, которая отличала Бѣлинскаго всегда, заслуживъ ему прозвище «неистоваго Виссаріона». Краткое пребываніе въ университетѣ было полезно ему въ одномъ лишь отношеніи, давъ ему почти два года свободнаго времени, которые были цѣликомъ посвящены работѣ надъ своимъ развитіемъ, самообразованію въ истинномъ и широкомъ значеніи этого слова. Но университетъ самъ по себѣ ничего не далъ ему, кромѣ лекцій Надеждина, котораго онъ, впрочемъ, слушалъ очень недолго, но лекціи его не прошли для Бѣлинскаго безслѣдно, хотя и не имѣли такого рѣшительнаго вліянія, какъ полагали раньше.

Бѣлинскій былъ типичный самоучка, обязанный исключительно своей энергіи, своей страстной любви къ знанію и литературѣ и особой, творческой способ-

ности по одному обрывку, по кончику нитки добраться до цѣлаго, охватить его разомъ и претворить въ цѣльное и ясное представленіе. Его упрекали иногда, что у него нѣтъ систематическихъ знаній ни по одному предмету, о которыхъ онъ писалъ, и это вѣрно. Но у него было нѣчто бо́льшее: была энергія мысли и чувства, которая не позволяла остановиться и успокоиться на чемъ-либо, постоянно толкала къ новой работѣ, къ новымъ исканіямъ. «Упорствуя, волнуясь и спѣша», геніальный самоучка поглощалъ все, что отвѣчало этому стремленію, безъ системы, безъ разбора, и среди этого хаоса проложилъ вѣрную дорогу для бѣдной русской мысли, не потерялся тамъ, гдѣ несравненно болѣе образованные, съ самыми систематическими знаніями, застряли въ трясинѣ, либо пришли къ рѣшительному выводу о спасительности старины, кнута и татарской мурмолки. Нѣтъ ничего несправедливѣе этихъ упрековъ по адресу такихъ натуръ, какъ Бѣлинскій, въ отсутствіи системы, въ недостаточной дисциплинѣ ума. Тогда какъ вся сила ихъ заключается именно въ томъ, что ихъ нельзя уложить ни въ какую систему, потому что система всегда ограничена, всегда узка и одностороння. Такіе умы безпредѣльны; они вбираютъ въ себя все окружающее и претворяютъ невѣдомымъ, непостижимымъ образомъ въ идеи, которыя, какъ откровенія, освѣщаютъ хаосъ смутныхъ и неясныхъ образовъ и служатъ маяками въ жизни. Они создаютъ новую науку, новое искусство, новую религію, смотря по тому, куда влечетъ ихъ геній, неспособный примириться съ существующимъ, которое его не удовлетворяетъ. Они истинная соль земли, въ нихъ, какъ лучи въ фокусѣ, сосредоточивается высшее напряженіе духовныхъ силъ данной эпохи даннаго общества.

Университетъ не далъ ничего Бѣлинскому, и послѣднему скоро пришлось и совсѣмъ оставить его. Поводомъ послужила драма «Дмитрій Калининъ», сущность которой составляетъ протестъ противъ крѣпостного права. Какъ литературное произведеніе, драма была крайне неудачной, ходульной, напыщенной и риторической вещью, хотя самъ авторъ былъ о ней весьма высокаго мнѣнія и на ея успѣхѣ строилъ весь планъ будущей жизни. Мечты его разлетѣлись прахомъ очень быстро, и дальше цензурнаго комитета драма не пошла. Но, по словамъ г. Пыпина, «цензурныя власти совпадали тогда съ университетскимъ начальствомъ, и неблагопріятное мнѣніе, составленное объ авторѣ пьесы, отразилось на студентѣ. Цензурная власть и въ то же время ректоръ университета Двигубскій пригрозилъ студенту за дерзкія мысли. Хотя Бѣлинскій написалъ послѣ домой, что положеніе его улаживается, но впечатлѣніе его «дерзости» сохранилось, и по всѣмъ отзывамъ, какіе намъ приходилось читать и слышать, трагедія имѣла положительную роль въ исключеніи его изъ университета». По вѣрному заключенію г. Протопопова, трагедія, если и не была поводомъ, то явилась «серьезной причиной» исключенія, которое и состоялось въ половинѣ 1832 г.

Бѣлинскій былъ слишкомъ опредѣлененъ, слишкомъ неспособенъ къ тому режиму, который прежде всего требовалъ приспособленія отъ студентовъ, а Бѣлинскій никогда не могъ приспособиться къ жизни. Въ гимназіи онъ не ужился и былъ исключенъ «за нехожденіе въ классъ», въ университетѣ тоже, и опять исключеніе «за неспособностью». Шестнадцать лѣтъ спустя то же неумѣніе приспособляться свело его преждевременно въ могилу въ такіе годы, когда большинство испытываетъ расцвѣтъ силъ. «Бѣлинскій,—говоритъ г. Протопоповъ,—былъ «не ко двору» въ своемъ уѣздномъ городишкѣ, «не ко двору» въ гимназіи, «не ко двору» въ университетѣ, да не ко двору и въ русской дѣйствительности: его настоящее мѣсто было въ храмѣ идеала, у подножія богини Истины, и онъ бывалъ страненъ, нелѣпъ и смѣшонъ, выходя оттуда, въ своемъ молитвенномъ, благоговѣйно-страстномъ настроеніи, на нашъ житейскій базаръ. Причина всѣхъ причинъ и всѣхъ поводовъ къ его исключенію

лежала именно здѣсь, въ несоединимыхъ свойствахъ нашей жизни и его нравственной природы».

На самого Бѣлинскаго исключеніе, въ связи съ погибшими надеждами на успѣхъ драмы, подѣйствовало удручающимъ образомъ, но не надолго. Матеріальное положеніе его было болѣе чѣмъ бѣдственное; и какъ существовалъ Бѣлинскій по выходѣ изъ университета, можно представить по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ его писемъ. Вообще, Бѣлинскій рѣдко жаловался на матеріальныя стѣсненія, хотя и любилъ иногда мечтать объ обезпеченномъ положеніи. Уже черезъ годъ онъ пишетъ съ увѣренностью, что никогда и нигдѣ не пропадетъ, «не смотря на всѣ жестокія гоненія судьбы... Не только не жалуюсь на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа. Будущее не страшитъ меня».

Съ этой вѣрой въ себя Бѣлинскій началъ самостоятельную жизнь, не стѣсненную рамками оффиціальныхъ обязанностей къ университету или другому начальству, и уже въ 1834 г. выступилъ въ литературѣ съ блестящей статьей «Литературныя мечтанія», выдвинувшей его сразу на первое мѣсто въ журналистикѣ. Впечатлѣніе этой статьи лучше всего передаетъ Панаевъ. «Начало этой статьи,—говоритъ онъ,—привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакалъ въ Москву познакомиться съ авторомъ ея. Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея такъ и охватилъ меня. Не оно ли, подумалъ я, это новое слово, котораго я жаждалъ, не это ли тотъ самый голосъ правды, который я такъ давно хотѣлъ услышать?» Съ этого момента Бѣлинскій уже является признаннымъ цѣнителемъ въ литературѣ, къ голосу котораго прислушиваются и съ которымъ считаются. Литература всецѣло завладѣваетъ Бѣлинскимъ, вся жизнь котораго проходитъ среди интересовъ исключительно умственныхъ, въ страстномъ увлеченіи философіей, театромъ и журналистикой.

Еще въ университетѣ онъ сблизился съ кружкомъ лучшихъ студентовъ, группировавшихся около Станкевича. Съ другимъ кружкомъ, центромъ котораго былъ Герценъ, Бѣлинскій тогда не былъ такъ близокъ. Оба кружка въ то время нѣсколько враждовали, что̀ особенно проявилось впослѣдствіи. Кружокъ Станкевича, говоритъ г. Пыпинъ, «первоначально воспитывался прямо по философіи, выслушанной у Павлова и Надеждина, и, увлекаемый заманчивой перспективой рѣшеній для глубочайшихъ вопросовъ человѣческой мысли, отдался исканію этихъ рѣшеній, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, какъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этими всеобъемлющими вопросами... Бѣлинскій, съ самаго начала увлекшійся поэтическими и отвлеченно-моральными интересами, рано присоединился къ кругу Станкевича; онъ встрѣчалъ здѣсь тѣ же стремленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ личность Станкевича произвела на него то привлекательное дѣйствіе, вліяніе котораго уцѣлѣло въ Бѣлинскомъ на многіе годы, и которое Станкевичъ производилъ вообще на всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался».

Мы не будемъ распространяться въ настоящей біографической справкѣ о вліяніи Станкевича и его кружка на Бѣлинскаго. Вопросъ этотъ и слишкомъ большой, и слишкомъ сложный, чтобы уложить его на нѣсколькихъ строкахъ. Изъ статьи г. Иванова читатели уже знаютъ, что вліяніе и значеніе всего кружка были и велики, и важны, но до сихъ поръ выставлялись въ преувеличенномъ видѣ. Бѣлинскій былъ настолько богатая и сложная натура, что подчинить ее тому или иному вліянію было трудно. Въ сущности, онъ, какъ инструментъ, настроенный на извѣстный тонъ, давалъ только отзвуки тому, что отвѣчало по высотѣ и настроенію его собственному душевному укладу въ данную эпоху его жизни. Въ этомъ отношеніи вліяніе кружка было дѣйствительно велико. Въ немъ онъ встрѣчалъ людей, стоявшихъ на одномъ съ нимъ уровнѣ по развитію, по стремленіямъ, по общему направленію мысли,—людей, хотя и уступавшихъ ему по творческой силѣ таланта, но превосходившихъ его

знаніями и во всякомъ случаѣ не уступавшихъ ему въ пониманіи литературы, театра, философіи, такъ увлекавшихъ его тогда.

Кромѣ Станкевича, самыми видными были Константинъ Аксаковъ, Бакунинъ, Василій Боткинъ и Грановскій. Каждый былъ оригиналенъ, съ яркой индивидуальностью и особымъ темпераментомъ. Всѣхъ объединяло идеальное стремленіе къ свѣту, къ истинѣ, къ правдѣ. Понятно, въ этой атмосферѣ чистѣйшихъ помысловъ и чистѣйшихъ страстей Бѣлинскій не могъ не чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ, жадно вбирая изъ каждаго то, что было роднымъ его душѣ. Больше всего онъ увлекался тогда философіей, въ которой, по свидѣтельству Тургенева, «мы всѣ искали тогда всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія». А для изученія философіи въ кружкѣ были два компетентныхъ знатока—Бакунинъ и самъ Станкевичъ. Бѣлинскій, обладавшій замѣчательнѣйшей философской организаціей, способной по основнымъ началамъ вывести самостоятельно всѣ логическія послѣдствія, превосходно воспользовался уроками этихъ вполнѣ свѣдущихъ лицъ.

Въ кружкѣ Бѣлинскій хотя и не занималъ перваго мѣста, но и не уступалъ никому. Прежде всего огромный литературный талантъ выдвигалъ его на первое мѣсто въ литературѣ изъ среды его болѣе свѣдущихъ товарищей. Затѣмъ онъ превосходилъ всѣхъ энергіей чувствъ, искренностью убѣжденій и порывомъ, заставлявшимъ его въ каждый данный моментъ всецѣло отдаваться охватившему его настроенію и этимъ увлекать за собой всѣхъ. Все это вмѣстѣ и сдѣлало то, что изъ всѣхъ членовъ кружка именно Бѣлинскій явился въ литературѣ представителемъ богатаго содержанія кружка.

Этотъ періодъ въ жизни Бѣлинскаго былъ, пожалуй, самымъ свѣтлымъ. Молодость, богатство надеждъ, свѣжесть таланта создавали то настроеніе, которое Пушкинъ называетъ «минутами умиленія, младыхъ надеждъ, сердечной тишины и нѣгой вдохновенія», — и не давали чувствовать тяготъ бѣдности и скуднаго матеріальнаго положенія. Бѣлинскій работалъ все время, со всѣмъ пыломъ истиннаго вдохновеннаго журналиста, сначала въ «Молвѣ», потомъ въ «Телескопѣ» Надеждина, редактировалъ «Московскій Наблюдатель».

И матеріалъ для его критической работы русская литература того времени представляла превосходный. Огонь, сжигавшій критика, находилъ для себя богатую пищу. Пушкинъ блисталъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, Грибоѣдовъ только что сошелъ со сцены, выступили Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Полежаевъ и цѣлая плеяда меньшихъ боговъ. Бѣлинскій словно вводилъ ихъ въ русское общество, разъясняя сущность ихъ поэзіи, прививая любовь къ истинной художественности, выясняя физіономію каждаго изъ этихъ талантовъ. Критикъ былъ достоенъ художниковъ, но и самъ учился у нихъ истинному пониманію красоты и правды.

Борьба съ бѣдностью, однако, давала себя чувствовать, и безъ того не крѣпкій организмъ пошатнулся именно въ тотъ періодъ. Бѣлинскій захворалъ роковымъ недугомъ, сведшимъ его впослѣдствіи въ могилу, и ѣздилъ на Кавказъ, гдѣ и оправился на время. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, именно въ 1839 г., Бѣлинскій переселился въ Петербургъ, гдѣ и начался второй, самый значительный періодъ его дѣятельности. Черезъ Панаева онъ вошелъ въ соглашеніе съ Краевскимъ, который купилъ тогда у Свиньина «Отечественныя Записки» и организовалъ редакцію для нихъ. И здѣсь, благодаря наивной и дѣтской непрактичности Бѣлинскаго, матеріальное положеніе его было далеко не блестящее. За тысячу рублей въ годъ онъ взялъ на себя весь критическій и библіографическій отдѣлъ журнала. Работа была, по словамъ Бѣлинскаго, «каторжная». Въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ онъ заканчиваетъ слѣдующей припиской: «вчера только отдѣлался отъ 10-ой книжки «Отеч. Записокъ». Мочи нѣтъ, какъ усталъ душой и тѣломъ: правая рука одеревенѣла и ломитъ». На обязанности Бѣлинскаго лежалъ разборъ массы глупѣйшихъ книжекъ, которыми онъ долженъ былъ заниматься для ежемѣсячнаго обозрѣнія.

Бѣлинскій сильно жаловался на эту скучную и неблагодарную работу. «Положительно тупѣю, — говорилъ онъ,—строчишь, строчишь о всякой пошлости и одурѣешь».

Жизнь шла довольно однообразно, въ гости онъ не любилъ ходить, попрежнему часто бывалъ въ театрѣ, сильно волнуясь, если шла хорошая пьеса. До обѣда онъ писалъ, по вечерамъ собирался кружокъ близкихъ, шли безконечные споры или играли въ преферансъ, которымъ, какъ и всѣмъ, Бѣлинскій увлекался до страсти, причемъ страшно волновался и кипятился. Объ этой его безобидной страсти есть нѣсколько показаній друзей. Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ Кавелинъ объ игрѣ Бѣлинскаго: «Повѣритъ ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оплачивалась рублемъ-двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ, и если ему везло, былъ веселъ и доволенъ; поставивъ нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мраченъ, жаловался на судьбу, которая его преслѣдуетъ, и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату». Видя его волненіе за картами, друзья удерживали его, опасаясь за его здоровье, но Бѣлинскій сердился и отвѣчалъ на эти опасенія: «Что карты! Мое волненіе за картами пустяки; вотъ вредное для меня волненіе, какъ, напримѣръ, сегодня я волновался, когда мнѣ принесли листъ моей статьи, окровавленной цензоромъ; изволь печатать изуродованную статью! Отъ такихъ волненій грудь ноетъ, дышать трудно».

Въ Петербургѣ Бѣлинскій сдѣлался центромъ, къ которому стремилось все, что было лучшаго въ тогдашней литературѣ. Нравственный его авторитетъ былъ всѣми признанъ. Кромѣ Панаева, очень близкаго къ Бѣлинскому въ то время, въ кружкѣ были Тургеневъ, тогда только начинающій писатель, Некрасовъ, Одоевскій, Соллогубъ, впослѣдствіи Достоевскій, Анненковъ, Григоровичъ. Всѣ были молоды, увлекались, много спорили и часто зарывались. Бѣлинскій являлся среди нихъ самымъ зрѣлымъ, вполнѣ сложившимся человѣкомъ, признаннымъ борцомъ за высшіе идеалы литературы. Подходя къ нему, всѣ «подтягивались», въ лучшемъ значеніи этого слова. Для нихъ онъ былъ «учителемъ», что прекрасно выразилъ Некрасовъ въ одномъ изъ задушевнѣйшихъ воспоминаній объ этомъ времени:

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! предъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
«Чернорабочій я—не бѣлоручка!»
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ;
Но предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стоишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ, не угасая,
Самимъ собою и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя—

То недовольство, что душѣ живой
Не дастъ возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говоритъ: «пора въ могилы!»

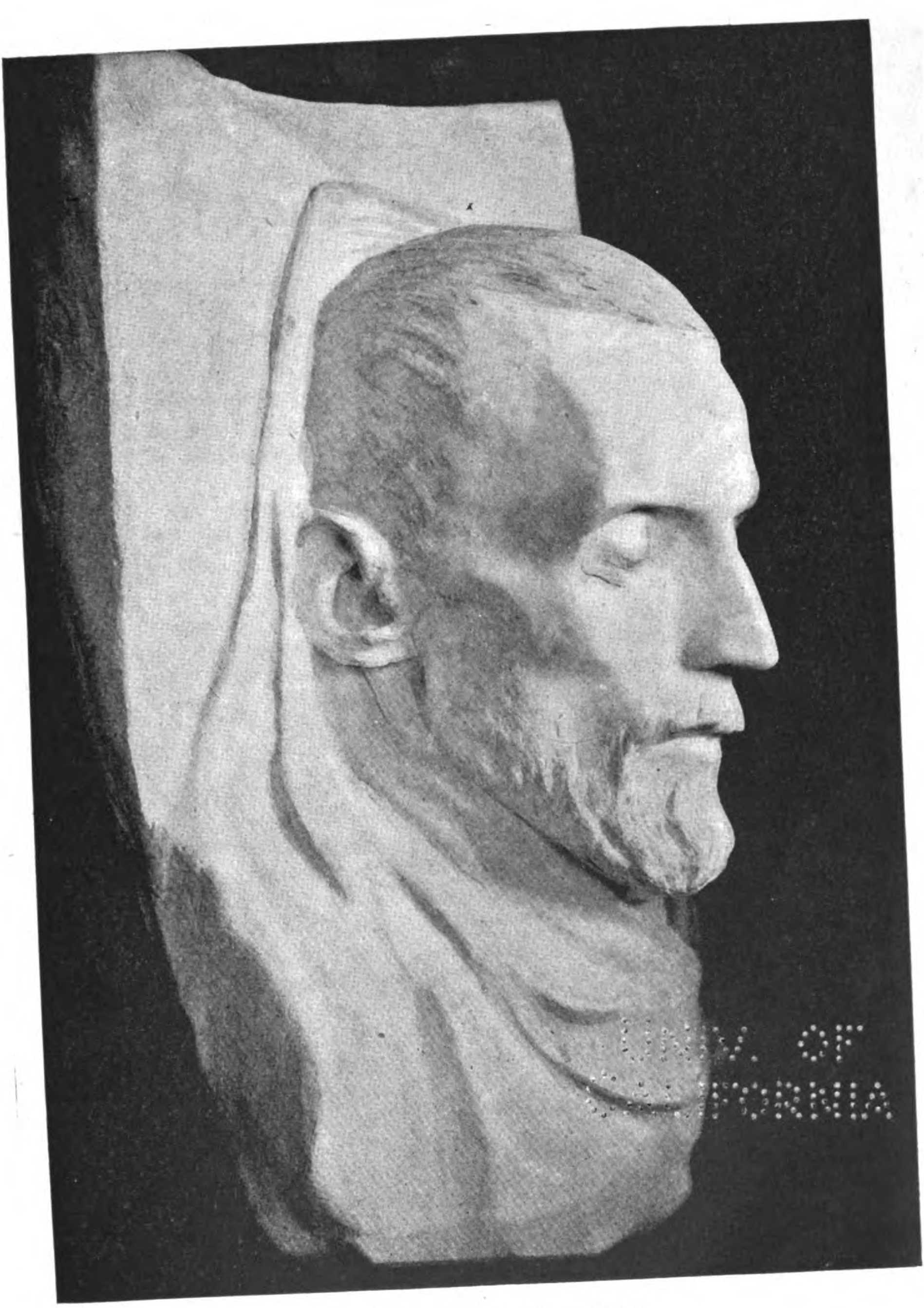
Въ 1843 году Бѣлинскій женился на Марьѣ Васильевнѣ Орловой, къ которой познакомился еще въ Москвѣ въ 1835 г. М. В. Орлова кончила курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, нѣкоторое время была гуверванткой въ частномъ домѣ и затѣмъ поступила въ институтъ классной дамой. Ей было уже 31 годъ, когда она вышла замужъ. Сохранилась его переписка съ невѣстой, въ которой обрисовывается любящая и нѣжная душа Бѣлинскаго *). Жена его была, по скуднымъ отзывамъ друзей, женщина добрая и любящая, но, повидимому, въ жизни великаго писателя не играла замѣтной роли. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь (жива и теперь). Явилась новая забота, новые расходы, а матеріальное положеніе не улучшалось. Тяжесть необезпеченной жизни въ это время его жизни была ужасна. Въ запискахъ г-жи Головачевой есть много указаній на удручающую обстановку, при которой долженъ былъ работать Бѣлинскій. Удивительно и прискорбно, что друзья его, по большей части люди болѣе, чѣмъ обезпеченные, такъ мало заботились о немъ. Равнодушіе, съ какимъ окружающіе относились къ тяжкой нуждѣ Бѣлинскаго, просто поразительно. Послѣ его смерти, вдова его съ трехлѣтней дочерью осталась буквально въ нищетѣ...

Въ 1845 году Бѣлинскій разошелся съ «Отеч. Зап.». Онъ радовался полученной свободѣ и задумывалъ рядъ «затѣй и предпріятій», въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло изданіе сборника въ родѣ «Петербургскаго Сборника» Некрасова. Но эта затѣя по цензурнымъ причинамъ не осуществилась. Зато другое предпріятіе, которое задумалъ Некрасовъ съ Панаевымъ, новый журналъ «Современникъ»— удалось, и съ 1847 г. Бѣлинскій снова принялся за журнальную работу съобычной силой и страстью. «Современникъ» въ умѣлыхъ рукахъ Некрасова сразу пошелъ прекрасно, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось къ лучшему и положеніе Бѣлинскаго. Но силы его уже были надорваны въ конецъ. По настоянію друзей онъ уѣхалъ заграницу лѣчиться. Здѣсь онъ написалъ, между прочимъ, знаменитое письмо Гоголю изъ Зальцбрунна, излагающее какъ бы «исповѣданіе вѣры» Бѣлинскаго,—письмо, въ которомъ съ страшной силой выражены основныя воззрѣнія его на Россію, на жизнь общества и народа, на задачи и цѣли общественной борьбы **). Оно явилось и его завѣщаніемъ: менѣе чѣмъ черезъ годъ Бѣлинскаго не стало.

Изъ-за границы онъ вернулся осенью 1847 года, мало поправившись, и усиленно принялся за работу. Тутъ подоспѣлъ роковой 48-й годъ, надъ литературой стали сгущаться все болѣе и болѣе грозныя тучи, и Бѣлинскій,

*) Выдержки изъ этой переписки помѣщены въ «М. Б.» за 1895 г., іюль, «На родинѣ».

**) Письмо цѣликомъ напечатано въ книгѣ г. Барсукова «Жизнь Погодина», т. IX. Въ значительныхъ выдержкахъ, составляющихъ почти все письмо, оно помѣщено въ «М. Б.» 1897 г., май, «Осужденная книга».

Посмертная маска Бѣлинскаго.

больной, задыхающійся, которому и раньше было душно, — не выдержалъ, нравственныя страданія успѣшно помогли физическому недугу, и 26 мая 1848 года Бѣлинскаго не стало. Смерть для него явилась во время. Только по удостовѣренію врачей, что дни Бѣлинскаго сочтены, его оставили въ покоѣ. Уже въ то время, когда онъ не могъ ходить, его три раза «приглашали» въ одно учрежденіе «познакомиться». Смерть избавила его отъ «знакомства» и отъ худшей для писателя участи: носились слухи, что Бѣлинскому предстояла высылка съ воспрещеніемъ писать, а это было бы, несомнѣнно, хуже смерти для того, кто не понималъ для себя жизни безъ литературы. «Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «От. Записокъ». Я— литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ рассейской моя жизнь и моя кровь», писалъ онъ въ частномъ письмѣ изъ Петербурга, и сдержалъ слово.

Прошло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ закончилась эта жизнь, такая бѣдная внѣшними событіями, такая богатая внутреннимъ содержаніемъ и безпримѣрно плодотворная по результатамъ. Въ русской литературѣ не было болѣе чистаго образа, болѣе вдохновленнаго и страстнаго, неподкупнаго и искренняго борца за истину. Развѣ одинъ Добролюбовъ можетъ стать съ нимъ въ одинъ уровень по красотѣ духовнаго склада, но онъ жилъ такъ мало и во всякомъ случаѣ уступаетъ ему по силѣ литературнаго таланта. Читая Бѣлинскаго, забываешь время, отдѣляющее насъ отъ него, до того подчиняетъ его страстная, художественная и порывистая рѣчь, волнующаяся, неудержимо стремительная и пылкая. Тайна чарующей прелести стиля Бѣлинскаго заключается въ подкупающей, проникающей до сердца искренности его. Такъ можетъ говорить только человѣкъ, свято вѣрующій въ правду того, что проповѣдуетъ. Панаевъ приводитъ одну сцену, въ высшей степени характерную для Бѣлинскаго. Рѣчь идетъ о статьѣ, относящейся еще къ тому періоду, когда Бѣлинскій стоялъ на почвѣ тезиса «дѣйствительность разумна» и въ то же время буквально почти умиралъ съ голоду.

«Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, — говоритъ Панаевъ,—языкъ этой статьи, исполненной страстной торжественности и напряженнаго паѳоса, произвелъ во мнѣ нервное раздраженіе. Бѣлинскій самъ былъ раздраженъ нервически.—Удивительно! превосходно!—повторялъ я во время чтенія и по окончаніи его:—но я вамъ замѣчу одно...—Я знаю что̀,—не договаривайте,—перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій,—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь предъ властью... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать свои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни подумали...— Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи.—Да! это мои убѣжденія, — продолжалъ онъ, разгорячаясь болѣе и болѣе.—Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ. Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости... Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ,—вѣдь вы меня еще мало знаете...—Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.—Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ... Мнѣ легче умереть съ голоду—я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей),—чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизивши себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя»...

Правда этихъ словъ, подтверждаемая всей его жизнью, кристально-чистой, почти аскетической, только усиливала впечатлѣніе его статей. Первый признакъ неискренности это—измѣна таланта. Когда человѣкъ, не вѣря въ истину сво-

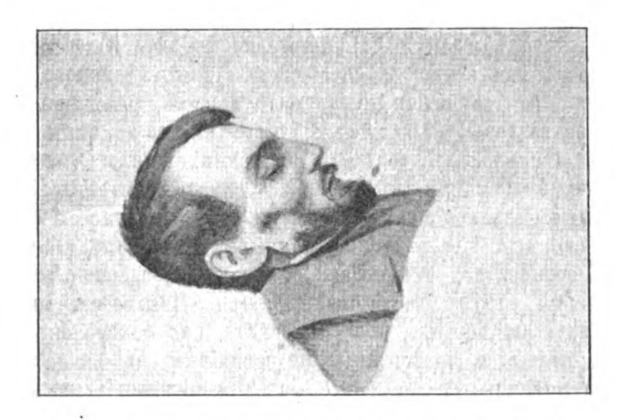
его дѣла, распинается тѣмъ не менѣе за него, ему измѣняетъ его талантъ, если онъ былъ у него прежде,—чего никогда не бывало съ Бѣлинскимъ. Правда, его статьи второго періода лучше, полнѣе, слогъ опредѣленнѣе и глубже, что зависѣло отъ большей зрѣлости таланта, но по силѣ и горячности тона онѣ не выше. Въ обоихъ случаяхъ предъ нами все та же «наивная и страстная душа». И если теперь сильно впечатлѣніе, какое выносишь изъ чтенія Бѣлинскаго, можно представить, какое вліяніе должно было имѣть его слово тогда,— по свидѣтельству Салтыкова,—«волнуя и утѣшая насъ и наполняя сердце наше скорбью и негодованіемъ и вмѣстѣ указывая цѣль нашихъ стремленій». Благоговѣйное чувство, какимъ проникнуты воспоминанія о немъ знавшихъ его лично, напр., Панаева и Тургенева, отражаетъ это впечатлѣніе недосягаемой нравственной высоты и непоколебимой силы убѣжденія, какое производилъ Бѣлинскій, какъ человѣкъ и писатель.

«Сколько счастливыхъ чистыхъ минутъ снова напомнятъ его статьи,—тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ беззавѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности и искренно надѣялись встрѣтить когда-нибудь такихъ людей и восторженно обѣщали посвятить себя самихъ такой дѣятельности»,—говоритъ Добролюбовъ, почти современникъ его и самый достойный замѣститель. «Да, — заканчиваетъ онъ, — въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, въ немъ же и тяжкій, горькій, неизгладимый упрекъ нашему обществу»...

Наивная и страстная душа.
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли;
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ—
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной беапримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Беспечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...

Въ послѣднихъ словахъ поэта, какъ и заключительныхъ словахъ Добролюбова, слышится горькій упрекъ по адресу русскаго общества, и много правды въ этомъ упрекѣ. Правда эта не въ томъ, что и до сихъ поръ нѣтъ памятника, достойнаго великаго писателя, — лучшій памятникъ ему — это вся послѣдующая литература, которая и до сихъ поръ вѣрно держится намѣченнаго имъ пути. Эта правда лежитъ несравненно глубже, она заключается въ равнодушіи общества къ тѣмъ завѣтамъ, которыми дышалъ Бѣлинскій, ради которыхъ жилъ, какъ страстотерпецъ, и которыя завѣщалъ потомству,—она лежитъ въ равнодушіи къ принципамъ гуманности, свободы, просвѣщенія и борьбы во имя ихъ. Бѣлинскій самъ никогда не зналъ минутъ слабости и паденія, равнодушія къ жизни и разочарованія. Его вѣра двигала горами, воодушевляя въ мертвые дни той эпохи самыхъ равнодушныхъ и поддерживая готовыхъ упасть.

Многое, о чемъ мечталъ онъ, осуществилось, но еще больше осталось мечтою и до сихъ поръ. Дальнѣйшая работа въ томъ же направленіи, съ вѣрою въ непобѣдимую силу любви и свѣта и въ конечную побѣду ихъ надъ насиліемъ и мракомъ,—вотъ что завѣщалъ онъ потомству, вотъ къ чему призываетъ насъ воспоминаніе о немъ. И теперь въ дни, посвященные памяти ве-

Бѣлинскій на смертномъ одрѣ. (Со снимка Горбунова).

ликаго мученика русской мысли, лишь одного можемъ мы пожелать, чтобы неумирающій духъ его ожилъ въ насъ, поднялъ надъ пошлостью современности, вдохновилъ своей вѣрой и любовью, объединилъ враждующихъ и направилъ къ общей дружной работѣ на благо народа, любить и жертвовать собой для котораго Бѣлинскій училъ и словомъ, и примѣромъ всей жизни. **А. Б.**

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Еврейскіе безпорядки въ Минскѣ. Въ виленской судебной палатѣ недавно разбиралось дѣло о безпорядкахъ въ Минскѣ, которое само по себѣ не представляло ничего особенно интереснаго, потому что заключалось въ простой базарной дракѣ между солдатами русскими и евреями, принявшей внушительные размѣры благодаря нѣкоторымъ побочнымъ обстоятельствамъ, вполнѣ выяснившимся на судебномъ слѣдствіи. Но чрезвычайно характернымъ было отношеніе къ этому дѣлу прокурора судебной палата и въ особенности гражданскаго истца, присяжнаго повѣреннаго Шмакова, который силился придать этому дѣлу національную окраску, и требовалъ отъ суда самыхъ строгихъ мѣръ въ виду того, что подсудимыми являлись евреи. Несмотря однако на всѣ его доводы, подкрѣпляемые цитатами изъ Цицерона, Талмуда, ссылками на дѣло Дрейфуса и пр., судебная палата ограничилась незначительными взысканіями.
Какъ видно изъ обвинительнаго акта, суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ: на базарѣ произошла ссора между гуляющими и подпившими солдатами.

Началась она съ того, что отставной солдатъ еврей сталъ упрекать ихъ за то, что они нарушаютъ порядокъ и ведутъ себя «не по-солдатски». Ссора перешла въ драку, въ которой приняли участіе патрульные солдаты, раньше только смѣявшіеся надъ ссорящимися, а когда началась драка, то принявшіе въ ней участіе, бросившіеся выручать своихъ, колотить толпу прикладами и тѣмъ вызвавшіе озлобленіе толпы. На слѣдствіи выяснилось, что религіозная или племенная вражда не играла никакой роли въ этой дракѣ. Толпа просто стала бить тѣхъ, кто началъ драку. И характерно то, что въ числѣ нападавшихъ на солдатъ, преимущественно чернорабочихъ, почти босяковъ, были русскіе, засимъ отнимать отъ дерущейся толпы патрульныхъ бросились мясники-евреи. Когда нѣкоторые солдаты убѣжали съ мѣста драки, то за ними погналась толпа и побила еще нѣсколькихъ солдатъ, не принимавшихъ участія въ дракѣ и просто шедшихъ, бѣжавшихъ въ томъ-же направленіи, явленіе, обычное при дракахъ въ толпѣ. Дрались преимущественно чернорабочіе и въ дракѣ принимало участіе человѣкъ 150, а толпа, покрывавшая базаръ, только волновалась и кричала, но волновалась отъ страха. Пронеслось страшное для евреевъ слово «погромъ» и лавки стали быстро закрываться. Никто изъ многихъ свидѣтелей, находившихся на базарѣ, не былъ задѣтъ или оскорбленъ, не былъ тронутъ пальцемъ. Не были подвергнуты ни насиліямъ, ни оскорбленіямъ ни офицеры, ни чины полиціи, ни городовые. Патруль артиллерійскихъ солдатъ, явившійся, впрочемъ, когда уже волненіе утихло и большинство участниковъ драки были задержаны въ части, тоже прошелъ безъ сопротивленія и оскорбленія. Наконецъ, три серпуховскихъ патрульныхъ солдата прошли послѣ драки сквозь нижній базаръ и никто ихъ не тронулъ.

Присяжный повѣренный Мироновъ, въ своей прекрасной защитительной рѣчи (обширныя выдержки изъ которой напечатаны въ «Новостяхъ») особенно настаивалъ на томъ, что дрались со всѣми, кто вступалъ въ драку, и по поводу этой свалки нечего и говорить о какой-то племенной враждѣ. Если же эта вражда и проявлялась, то «скорѣе со стороны русскихъ, а не со стороны евреевъ». Такъ, дворникъ Дембицкій былъ избитъ прикладами и на его стоны послышался отвѣтъ: «извини, мы думали, что ты еврей!». Дворникъ дома Жебровскихъ, русскій, палъ, пораженный ударомъ приклада въ голову, и пролежалъ нѣсколько часовъ безъ чувствъ. «Какъ поясняетъ судебный слѣдователь, его били за то, что онъ «похожъ на еврея». Когда началась драка, то пускались въ ходъ и камни, и это дало поводъ гражданскому истцу г-ну Шмакову замѣтить, что «по древнему обычаю евреи побивали солдатъ камнями». Г-нъ Шмаковъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, распространился о всѣмъ извѣстной жестокости евреевъ и привелъ примѣры изъ исторіи, «когда евреи вырѣзывали младенцевъ и не оставляли камня на камнѣ въ покоренныхъ мѣстностяхъ». Но судебное слѣдствіе выяснило, что «излюбленный евреями библейскій пріемъ побиванія каменьями», былъ впервые въ данномъ случаѣ примѣненъ не евреями, а солдатами, поднимавшими съ мостовой камни и кидавшими въ толпу. Но драка была прекращена полиціей, явившейся опять-таки по призыву евреевъ. Евреи бросились къ полиціймейстеру, къ приставамъ, къ коменданту съ просьбой скорѣе возстановить порядокъ. И полиція, несмотря на ничтожныя средства, бывшія въ ея распоряженіи, быстро усмирила безпорядокъ при помощи 5 или 6 городовыхъ. Все происшествіе окончилось довольно благополучно, потому что изъ низшихъ чиновъ никто серьезно не пострадалъ. Евреи пострадали сравнительно сильнѣе, но, во всякомъ случаѣ, на томъ дѣло и кончилось и никакихъ дальнѣйшихъ безпорядковъ не предвидѣлось.

Всѣхъ буяновъ и больныхъ убрали, и пріѣхавшіе полиціймейстеръ Закалинскій и командиръ полка полковникъ Ѳедоровъ не нашли на нижнемъ базарѣ нижнихъ чиновъ, не встрѣтили ни драки, ни безпорядковъ, лавки снова стали

открываться, снова появился народъ на площади и шумно разговаривалъ о случившемся; словомъ, когда предстояло мѣстному мировому судьѣ постановить свой приговоръ о происшествіи, явился съ своей командой подпоручикъ Галашекъ и дѣло приняло печальный оборотъ.

Подпоручикъ Галашекъ получилъ предписаніе «прослѣдить поведеніе солдатъ на базарной площади», но солдатъ тамъ уже не было, драка была усмирена полиціей. Вмѣсто того, чтобы спокойно удалиться обратно, подпоручикъ Галашекъ принялся усмирять несуществующіе безпорядки. Солдаты врѣзались въ толпу, а офицеръ, видя себя окруженнымъ и воображая, что на его команду напираютъ, послѣ того, какъ толпа не разошлась по его окрику—да и куда ей было разойтись, когда она наполняла всю площадь—приказалъ дѣйствовать прикладами или, по его мнѣнію, обороняться прикладами. Ошеломленная толпа, не разошлась по окрику Галашека, а когда ее стали бить прикладами, отвѣтила, спасаясь бѣгствомъ, градомъ палокъ и камней. За бѣгущей толпой бросились въ разсыпную бить солдаты. Вотъ какую картину рисуетъ свидѣтель, офицеръ Чайковскій. Бѣжитъ еврей съ ломомъ, за нимъ гонится солдатъ, другой еврей, нагоняя солдата, хочетъ его ударить, но за нимъ бросается другой солдатъ и бьетъ его прикладомъ. Забыто, зачѣмъ пришли, а взамѣнъ этого устраивается побоище. Толпа безъ всякихъ причинъ была разогнана прикладами и команда двинулась на Немигу (названіе улицы), причемъ по дорогѣ разбиты во многихъ домахъ окна и разгромленъ кабакъ. Свидѣтели говорятъ, что на Немигѣ было тихо, вдругъ прибѣжалъ городовой Филатоновичъ и крикнулъ, чтобы закрывали лавки и бѣжали, такъ какъ идутъ солдаты.

Странное поведеніе команды подпоручика Галашека встрѣтило отпоръ среди мѣстной полиціи, которая въ данномъ случаѣ оказалась на высотѣ своего призванія: она обратилась къ Галашеку съ просьбой отвезти въ сторону патруль и прекратить «дебошъ». Защита старалась разъяснить, что подпоручикъ Галашекъ не имѣлъ права приказывать толпѣ разойтись, не имѣлъ права разгонять ее силой и, выйдя изъ предѣловъ даннаго ему порученія, вступилъ въ борьбу съ толпой и вызвалъ въ видѣ отпора на его неожиданное нападеніе тѣ печальныя явленія, которыя создали настоящее дѣло. Но въ этомъ отпорѣ не было никакого проявленія вражды племенной или религіозной, не было сопротивленія законной власти, ибо дѣйствія Галашека были незаконныя, а были простые отвѣты ударами на удары, была драка, былъ обычный безпорядокъ.

Религіозныя движенія среди крестьянъ. Въ «Петерб. Вѣд.» напечатано интересное сообщеніе о «мнимыхъ штундистахъ». Газета отмѣчаетъ, что въ числѣ находившихся недавно въ Кронштадтѣ паломниковъ была небольшая депутація крестьянъ Херсонской губ.

Одинъ изъ нихъ, явившись въ канцелярію «Дома трудолюбія», передалъ печальную повѣсть ихъ приключеній.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—разсказывалъ мужичекъ,—я былъ здѣсь, въ Кронштадтѣ, и услышавъ поученія въ часовнѣ дома Быкова (тамъ ежедневно и теперь читается Священное Писаніе и поются духовныя пѣсни), по пріѣздѣ домой рѣшилъ послѣдовать добрымъ христіанскимъ совѣтамъ. Поговорилъ объ этомъ съ сосѣдями, и рѣшили мы составить общество, такое общество, чтобы вина не пить, табаку не курить, дурными словами не ругаться и, вообще, всего дурного избѣгать. Начали мы собираться по избамъ священныя книги читать и молитвы пѣть. Узналъ про наши сходки священникъ, донесъ уряднику, урядникъ по начальству и пошла писать. Пріѣхалъ къ намъ миссіонеръ, давай увѣщевать насъ, зачѣмъ, молъ, мы православіе оставили и въ штунду перешли. А какая у насъ штунда?!. И слушать не хотѣлъ миссіонеръ—«штунда да и только». Запретилъ намъ собираться, да молитвы пѣть. А ужъ насъ тогда 60 человѣкъ

было. Не послушались мы, ибо не видѣли ничего худого въ томъ, что дѣлали. Пріѣхалъ второй миссіонеръ—тотъ какъ слѣдуетъ допросилъ и говоритъ: «дѣло у васъ хорошее, а только разрѣшеніе надо!» Какъ же это такъ разрѣшеніе на то, чтобы молиться? А насъ ужъ 120 человѣкъ! Можетъ и разрѣшатъ, а можетъ, и опять за штундистовъ сочтутъ. Вотъ мы и пріѣхали въ Кронштадтъ просить совѣта у о. Іоанна да кстати, чтобы онъ указалъ намъ хорошія духовныя книги.

Председатель «Дома трудолюбія» П. П. Шауманъ обѣщалъ представить мнимыхъ штундистовъ о. Іоанну.

На ряду съ такими движеніями въ крестьянствѣ находятъ большое распространеніе и другого рода ученія, имѣющія болѣе мистическій характеръ и часто граничащія съ изувѣрствомъ. Такъ, напр., въ газетахъ сообщалось, что недалеко отъ столицы, съ ея многочисленными учебными заведеніями всякаго рода—въ Петергофскомъ уѣздѣ свила себѣ гнѣздо секта «скакуновъ». Собранія сектантовъ совершаются слѣдующимъ образомъ. Въ намѣченную деревню собираются послѣдователи секты, преимущественно чухонцы, во главѣ съ наставникомъ; найдя подходящій домъ, наставникъ становится за столъ. Мужчины одѣваютъ на себя бѣлыя длинныя, безъ пояса, рубашки, а женщины—поверхъ платья, бѣлыя, широкія и длинныя кофти. Затѣмъ начинается пѣніе псалмовъ на финскомъ языкѣ, составленныхъ самими же сектантами. Въ псалмахъ этихъ они прославляютъ свою вѣру, себя изображаютъ не иначе, какъ чистыми и святыми,—всѣхъ же остальныхъ чернятъ какъ только можно; «только у насъ лѣстница на небо»—любимое выраженіе сектантовъ. Во время пѣнія наставникъ весь въ движеніи, машетъ руками, стучитъ и проч.,—вотъ онъ выходитъ изъ-за стола: его тотчасъ всѣ присутствующіе окружаютъ и начинается общее прыганіе. Каждый старается изъ всѣхъ силъ, издавая при этомъ какіе-то нечленораздѣльные звуки, порой похожіе на крикъ курицы, а иногда и на лай собаки, кто реветъ, кто стонетъ, кто воетъ,—все сливается въ какой-то хаосъ, а въ общемъ получается очень странная, и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелая картина. Скачутъ сектанты до изнеможенія, нѣкоторые изъ нихъ падаютъ, прикрываются простынею,—отдохнутъ немного и опять принимаются за старое. Продолжительность скачки въ ихъ глазахъ является достоинствомъ. Старые же изъ нихъ или отстоятъ по одиночкѣ, переминаясь съ ноги на ногу, или, найдя себѣ подходящую пару—обнимаются и покачиваются изъ стороны въ сторону. Секта скакуновъ въ Петергофскомъ уѣздѣ существуетъ преимущественно среди чухонъ-лютеранъ. Православная же среда относится къ ней несочувственно, а молодежь—даже насмѣшливо.

Книгъ сектанты на собраніяхъ раньше не читали, но съ 1897 г. у нихъ откуда-то появилась толстая книга, съ которой и возятся теперь. На основаніи этой книги они въ концѣ прошлаго года утверждали, что 1 января 1898 г. не будетъ дневного свѣта, день будетъ теменъ, какъ ночь. Когда же пророчество не осуществилось, находчивые сектанты успокоили себя тѣмъ, что ожидаемая ими темнота непремѣнно гдѣ-нибудь да была; на основаніи той же толстой книги сектанты утверждали, что на второй день Пасхи въ этомъ году будетъ свѣтопреставленіе. Притягательной силой къ сектантству служатъ братства, дѣятельность которыхъ выражается, главнымъ образомъ, въ матеріальной помощи.

Книжный складъ елисаветградскаго земства. Въ «Русскихъ Вѣд.» помѣщенъ интересный очеркъ дѣятельности книжнаго склада елисаветградскаго земства, наглядно показывающій, при какихъ условіяхъ такого рода предпріятія могутъ развиваться и достигать своей цѣли.

Открытый съ 1895 года складъ предназначался для продажи при земской управѣ и при сельскихъ школахъ дешевыхъ книгъ, рекомендованныхъ мини-

стерствомъ народнаго просвѣщенія, на что ассигновано было земскимъ собраніемъ по 300 р. ежегодно. Почти на всѣ эти деньги въ первомъ году куплены были книжки, но распродано было ихъ всего на 8 р. 81 к. Во второмъ году земство сверхъ ассигновки открываетъ кредитъ въ 1.000 руб. на обороты склада; и кредитъ, и ассигновка полностью обращаются также на выписку книгъ, но изъ накопившагося такимъ образомъ товара на сумму около 1.600 р. продано за 1896 г. на 163 р., т. е. одна десятая наличности. Въ слѣдующемъ 1897 г. при тѣхъ же условіяхъ ежемѣсячная продажа книгъ колебалась по суммѣ между 6 и 27 рублями. «Иначе и быть не могло, — говорится въ отчетѣ,—крайне ограниченный выборъ спеціально рекомендованныхъ книжекъ, притомъ большею частью далеко не дешевыхъ соотвѣтственно ихъ объему и содержанію, не развивалъ запроса со стороны покупателей, и разъ вложенныя на выписку этихъ книгъ деньги не дѣлали оборота, позволяющаго приступить къ новымъ операціямъ, успѣхъ которыхъ, впрочемъ, при наличности такого ограниченія заранѣе могъ считаться осужденнымъ».

Чтобы вывести складъ изъ неподвижнаго состоянія, земство признало необходимыми слѣдующія мѣры: 1) исходатайствовать разрѣшеніе на продажу всякихъ дозволенныхъ общей цензурой изданій наравнѣ съ частными книгопродавцами; 2) ввести въ операціи склада торговлю учебниками, учебными пособіями и письменными принадлежностями, какъ предметами, близкими къ цѣлямъ склада, и кромѣ того привлекающими публику, которая попутно знакомится съ его книжнымъ составомъ; 3) увеличить кредитъ на обороты склада до 3.000 р.; 4) приспособить болѣе соотвѣтствующее помѣщеніе при управѣ для магазина и 5) по возможности расширить дѣятельность агентовъ книжной продажи въ уѣздѣ. Полученное въ іюлѣ разрѣшеніе на продажу всѣхъ книгъ является поворотнымъ пунктомъ въ жизни книжнаго склада: произведена была значительная выписка всякаго книжнаго учебнаго и канцелярскаго товара, завязаны сношенія со многими издательскими и торговыми фирмами, и продажа изъ склада, начиная съ августа, сразу сильно возростаетъ. Не считая выручки за письменныя принадлежности, складъ продалъ только книгъ и учебниковъ за 5 мѣсяцевъ на 3,224 руб. Въ эти цифры не входитъ продажа по отдѣленіямъ склада въ уѣздѣ, отчетность по которой не поступила къ началу новаго года. За письменныя принадлежности въ эти 5 мѣсяцевъ выручено 692 р., такъ что за этотъ срокъ складомъ возвращено въ кассу гораздо болѣе той суммы, въ какой открытъ годовой кредитъ. Нужно помнить еще, что въ операціи склада не входило (какъ это практикуется по другимъ земскимъ складамъ) снабженіе земскихъ школъ учебнымъ матеріаломъ, что обыкновенно удваиваетъ оборотъ; это снабженіе производила непосредственно Елисаветградская управа. Складъ продаетъ книги съ уступкою 10°/o съ номинальной цѣны, получая, въ свою очередь, болѣе значительную уступку при выпискѣ. Несмотря на всѣ естественныя послѣдствія недостатка опытности и неизбѣжность лишнихъ затратъ въ началѣ всякаго дѣла, складъ завершилъ годъ безъ дефицита, получивъ, за покрытіемъ расходовъ по фрахту товара, сношенія съ фирмами, жалованью продавщицѣ и прочимъ, чистой выручки 158 рублей.

Въ дальнѣйшемъ при ожиданіи увеличенія кредита можно разсчитывать на еще лучшіе результаты, такъ какъ тогда заготовки товара будутъ крупнѣе и всегда изъ первыхъ рукъ, т. е. дешевле, и кромѣ того при значительныхъ оборотахъ издательскія фирмы соглашаются на коммиссіонную безубыточную вполнѣ продажу книгъ.

Что касается того, какія книги преимущественно расходятся благодаря ему, то не продолжительныя пока наблюденія лицъ, ведущихъ это дѣло, показываютъ, что изъ такъ называемыхъ «толстыхъ» книгъ (дороже 30 коп.) требовались болѣе научно-популярныя сочиненія по естествознанію, общественнымъ наукамъ (изд.

Поповой, Павленкова и др.) и менѣе по беллетристикѣ; изъ дешевыхъ же изданій, наоборотъ, больше всего былъ спросъ на беллетристическіе разсказы, затѣмъ брошюры по сельскому хозяйству, естествознанію и т. д. Наиболѣе ходкими оказались изданія: Петербургскаго комитета грамотности, «Посредника», Муриновой и Калмыковой. Очень большой спросъ былъ на дѣтскую литературу разнаго рода, за подборомъ которой по содержанію, какъ, впрочемъ, и относительно другихъ книгъ, складъ очень внимательно слѣдилъ. Покупались охотно и дешевыя раскрашенныя картины, отъ 2-хъ до 30-ти к. Жаль только, что выборъ ихъ по сюжету вообще слишкомъ скуденъ. Озабочиваясь развитіемъ книжной продажи въ уѣздѣ, земство привлекло въ качествѣ агентовъ, кромѣ школьныхъ учителей, и свой медицинскій участковый персоналъ, затѣмъ предполагаетъ нанять спеціальнаго разносчика по базарамъ и ярмаркамъ, такъ называемаго «офеню».

Просвѣтительная дѣятельность Московской думы. Московскія газеты сообщаютъ, что въ состоявшемся, 17-го марта, засѣданіи московской думы разсматривался докладъ коммиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ по вопросу объ организаціи въ Москвѣ отъ города народныхъ читаленъ, чтеній и развлеченій.

Докладъ коммиссіи вызвалъ продолжительныя пренія, открывшіяся рѣчью предсѣдателя комиссіи, гласнаго В. И. Герье, который выяснилъ основные мотивы заключеній комиссіи. «Могутъ возразить,—говорилъ гласный,—какое дѣло городскому управленію до того, какъ проводитъ населеніе время въ періодъ отдыха; пусть каждый отдыхаетъ, какъ знаетъ, какъ ему угодно. Но въ послѣднее время отдыхъ рабочихъ сталъ предметомъ общественныхъ заботъ, вопросъ о немъ изучается теоретически, предлагаются для народа различныя развлеченія, воспитывающія его нравственно и умственно. Хотя въ Москвѣ возникаютъ нѣкоторыя учрежденія и есть частныя лица, которыя стремятся къ устройству раціональныхъ народныхъ развлеченій, но они не могутъ обойтись собственными своими средствами, и сколько бы ни являлось отдѣльныхъ обществъ по устройству народныхъ читаленъ, чтеній и развлеченій, городское управленіе должно идти во главѣ этого дѣла и быть руководителемъ такого движенія». Гласный А. И. Геннертъ, относясь съ большимъ сочувствіемъ къ предложеніямъ коммиссіи объ организаціи народныхъ чтеній и читаленъ, возражалъ противъ заключеній коммиссіи по вопросу объ устройствѣ народныхъ развлеченій въ видѣ театральныхъ представленій. Основная мысль коммиссіи, что театръ отвлечетъ народъ отъ пьянства, представляется гласному далеко не вѣрной, и онъ предполагаетъ, что можетъ получиться результатъ прямо противоположный. Въ примѣръ гласный привелъ театръ Омона. Все зависитъ отъ того, какой будетъ театръ. Сценическія представленія достигаютъ своей цѣли, когда пьесы и ихъ исполненіе вполнѣ художественны, но разсчитывать, чтобы въ одномъ городѣ Москвѣ возможно было собрать 10 хорошихъ труппъ подъ руководствомъ опытныхъ режиссеровъ, немыслимо. Наберутся для московскихъ бараковъ, какими проектируются народные театры, такія труппы, что онѣ могутъ только ронять дѣло и дѣйствовать развращающе на публику. Дѣло созданія народнаго театра крайне трудное, и вопросъ о немъ до сихъ поръ не разработанъ даже въ Западной Европѣ, гдѣ почти не существуетъ народныхъ театровъ. Въ виду этого гласный предлагалъ думѣ принять заключенія коммиссіи о народныхъ читальняхъ и чтеніяхъ, а вопросъ о театральныхъ зрѣлищахъ передать для дальнѣйшей разработки въ проектируемую исполнительную коммиссію «народнаго воспитанія», которая обсудила бы этотъ вопросъ совмѣстно съ представленными въ думу проектами народныхъ развлеченій В. И. Немировича-Данченко, г. Алексѣева и г. Лентовскаго. Гласный П. Н. Сальниковъ, напоминая, какъ тысяч-

ная толпа стояла у прежде бывшаго въ Москвѣ народнаго театра, добиваясь попасть въ него, какъ у дверей политехническаго музея всегда собирается масса рабочихъ, желающихъ видѣть коллекціи и слушать народныя чтенія, доказывалъ, что въ русскомъ народѣ существуетъ неодолимая жажда къ знанію и разумнымъ развлеченіямъ, но нѣтъ надлежащей организаціи, чтобы удовлетворить этому стремленію. Народъ ищетъ исхода изъ окружающаго его мрака къ свѣту, и тѣ, кто могъ бы оказать ему помощь, уклоняются отъ этого. Гл. М. В. Бородулинъ, поддерживая заключеніе коммиссіи, находилъ, что въ Лефортовѣ и другихъ окраинахъ города, гдѣ много фабрикъ, сами рабочіе и фабриканты придутъ на помощь въ устройствѣ театровъ, если онъ только дастъ для нихъ землю. Гласный Ѳ. Ѳ. Воскресенскій, считая вопросъ о разумныхъ народныхъ развлеченіяхъ крайне серьезнымъ и мало разработаннымъ, предлагалъ передать его въ особую подготовительную коммиссію, пригласивъ въ нее членовъ различныхъ учрежденій для устройства народныхъ чтеній, библіотекъ и разумныхъ развлеченій.

По обсужденіи доклада дума, по предложенію коммиссіи, постановила: 1) избрать, на основаніи ст 103 Городового Положенія, исполнительную коммиссію изъ 6-ти членовъ для устройства и завѣдыванія народными читальнями, чтеніями и развлеченіями, причемъ въ составъ этой коммиссіи, какъ непремѣнный ея членъ, входитъ предсѣдатель училищной коммиссіи; 2) поручить училищной коммиссіи указать, въ какихъ изъ городскихъ начальныхъ училищъ могли бы быть устроены въ настоящее время народныя библіотеки и читальни; 3) поручить училищной коммиссіи, совмѣстно съ финансовой, при разсмотрѣніи вопроса о сооруженіи зданій для городскихъ училищъ, принять во вниманіе желательность устройства въ этихъ зданіяхъ залъ, которыя могли бы служить для народныхъ чтеній и музыкальныхъ исполненій; 4) поручить городской управѣ разработать и представить смѣту для сооруженія особыхъ зданій для народныхъ развлеченій (на подобіе зданія, устроеннаго гг. Прохоровыми) и указать тѣ мѣстности г. Москвы, гдѣ такія зданія должны быть построены; 5) ассигновать городской управѣ на указанныя въ пунктѣ 4-мъ порученія кредитъ въ 500 р.; 6) поручить организуемой исполнительной коммиссіи разработать къ началу мая проектъ устройства народныхъ читаленъ, чтеній и развлеченій на зимній сезонъ 1898—1899 года (съ 1-го октября по Великій постъ) и смѣту необходимыхъ для этого расходовъ.

Увлеченіе Сибирью. По поводу вопроса о Сибирской желѣзной дорогѣ князь Мещерскій высказываетъ въ «Гражданинѣ» слѣдующія любопытныя соображенія.

«Сначала,—говоритъ авторъ,—двинулись туда крестьяне. Явилось сибирское переселеніе: пошли десятки, потомъ десятки тысячъ, потомъ сотни тысячъ: мрутъ, какъ мухи, разоряются, нищими приходятъ, а все идутъ и идутъ. А что тамъ, на новыхъ мѣстахъ Сибири, будетъ съ ними—того не рѣшить никому, а Сибирь для разгадки загадки своего мудраго Эдипа еще не родила.

«Затѣмъ, стали мы Сибирскую желѣзную дорогу строить... Тоже въ недомекъ нашему простодушному русскому человѣку: у насъ-то нигдѣ ни одной еще дороженьки нѣтъ, чтобы пудъ хлѣба во-время и поскорѣе свезти на рынокъ или на станцію, а начали мы строить Великій Сибирскій путь...

«Задача огромная, а Великимъ мы зовемъ этотъ путь потому, что онъ долженъ соединить Балтійское море съ Тихимъ океаномъ. Начали строить съ двухъ концовъ изъ Владивостока въ Хабаровскъ, на Амуръ, да изъ Самары на Байкалъ и въ Иркутскъ. Построили мы много сотенъ верстъ по второму пути, построили много верстъ по первому... И что же случилось? Все неожиданности... Построили линію съ легкими рельсами, оказалось, что потребностей больше, чѣмъ средствъ къ удовлетворенію, и рельсы слишкомъ легки, чтобы усиливать дви-

женіе желѣзной дороги... Нужно рельсы потяжелѣе, т. е. еще много милліоновъ расходу, а старыя рельсы на смарку. Это одно; но затѣмъ вторая неожиданность... Началась постройка Маньчжурской желѣзной дороги; а затѣмъ для соединенія уссурійской линіи съ маньчжурской понадобилась линія не болѣе ста верстъ, но стоющая, благодаря мѣстнымъ условіямъ, тоже много милліоновъ рублей. Но не успѣло все это начаться, какъ явилась третья неожиданность; это—Портъ-Артуръ и Далянванъ, которые потребуютъ новую желѣзнодорожную линію въ 2.000 верстъ, т. е. опять много милліоновъ рублей, и тогда явится вопросъ: нуженъ ли весь почти Уссурійскій край съ его строящимися линіями и Владивостокъ съ Амуромъ? Одни говорятъ: не нужно, а другіе, какъ, напримѣръ, одинъ инженеръ изъ Владивостока, побывавшій у меня сегодня, говоритъ: помилуйте, весь Уссурійскій край—это сплошные залежи золота и каменнаго угля!.. Все это волшебное и неожиданное въ Сибири создаетъ какой-то фантастическій, по своей громадности, міръ дилеммъ и неразрѣшимыхъ загадокъ. Да вотъ хотя бы эту, напримѣръ: линія маньчжурская, такъ или иначе, прежде всего есть широко открывающаяся дверь въ Сибирь для китайцевъ. И вотъ создается такое положеніе: съ одной стороны въ Сибирь переселяются русскіе люди изъ Европейской Россіи, а съ другой стороны переселяются въ Сибирь китайцы, и когда русскій, въ видѣ рабочаго, напримѣръ, является на постройки въ Сибири съ предложеніемъ работы и заявляетъ свою цѣну 2 руб. въ день и 5 р. съ лошадью, дѣйствительно, нужные для прокормленія и обзаведенія, тогда предприниматели работъ имъ говорятъ: нѣтъ, дорого, Богъ съ вами,—и берутъ китайцевъ, которые предлагаютъ себя въ рабочіе: пѣшіе за 35 коп. въ день, а конные за 70 коп. въ день... Чѣмъ помѣшать этому и что дѣлать съ нашими рабочими? А разверните-ка эту нынѣшнюю дилемму въ маломъ ея видѣ въ широкую картину будущаго, когда на одного русскаго въ Сибири явится 50 китайцевъ?

«Но вотъ еще одинъ кошмаръ...

«Кто же оплачиваетъ всѣ эти на Сибирь уходящіе милліоны?

«По приблизительно вѣрнымъ исчисленіямъ выходитъ, что главная доля этихъ огромныхъ расходовъ ложится на такъ-называемую центральную Россію, а самая меньшая доля на Сибирь, съ ея несмѣтными богатствами въ землѣ... И разница эта такъ велика, что если ее выразить въ цифрахъ, то окажется, что центральная изнуренная Россія платитъ около 2 р. въ годъ съ души, а непочатая, богатѣйшая Сибирь платить 50 к.

«Затѣмъ далѣе, кто оплачиваетъ эти капризныя переселенія русскаго мужичка изъ Россіи, гдѣ онъ нуженъ, въ Сибирь, гдѣ кореецъ и китаецъ сдѣлаютъ его скоро совсѣмъ не нужнымъ? Опять-таки та самая центральная Россія, которую переселенецъ бросаетъ, лишая ее своего труда...»

Изъ голодающихъ губерній. Въ числѣ писемъ, полученныхъ комитетомъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, есть письмо народной учительницы, г-жи Каменской, рисующее бѣдственное положеніе крестьянъ Машково-Сурены, Козловскаго уѣзда, Тамбовской губ. Г-жа Каменскаа пишетъ:

«Положеніе крестьянъ очень тяжелое, а помощь отъ земства получилась лишь въ видѣ открытой у насъ пекарни, гдѣ хлѣбъ продается по $1^1/_2$ коп. Такъ какъ всѣ сидятъ безъ хлѣба и безъ денегъ, то эта пекарня лишь горечь вливаетъ въ жизнь крестьянъ: просятъ открыть имъ кредитъ и уплату причислить къ податямъ, но въ этомъ имъ отказывается. Земскій начальникъ возложилъ на меня завѣдываніе пекарнею и мнѣ достовѣрно извѣстно, какая масса голодныхъ обращается въ нее за хлѣбомъ, не получая изъ нея ни единаго фунта. На моихъ рукахъ 109 учениковъ, которыхъ я кормлю обѣдомъ и которымъ я покупаю хлѣбъ къ обѣду изъ своего 12-рублеваго жалованья. Присылаемые

10 руб. употребляю на самый обѣдъ, но хлѣба къ нему могу покупать едва на $1/3$ учениковъ. Такимъ образомъ, я принуждена безучастно смотрѣть на голодъ десятковъ дворовъ. Есть семьи, которыя не имѣютъ теплаго платья, поэтому по міру не ходятъ, живя бѣдственнѣе всякаго нищаго; есть семьи, гдѣ старики—больные, а дѣти слишкомъ малы для собиранія милостыни. Въ одной семьѣ пять дѣтей круглыхъ сиротъ, самой старшей 8 лѣтъ; взяты они всѣ теткой-вдовой, безземельной крестьянкой, отъ только-что умершихъ въ нуждѣ родителей. Какъ бросить однихъ дѣтей и идти по міру? — жалуется она мнѣ. Вотъ, говоритъ, плачемъ вмѣстѣ. А отъ священника столько ужасовъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ слышу ежедневно, что нѣтъ силъ затушить голосъ разсудка и обходить голодныхъ безучастно... Беру подъ свое жалованье хлѣбъ въ кредитъ (одной мнѣ, мѣстной учительницѣ, эта милость), но оно такъ ограничено, что поддержки даю слишкомъ мало. На помощь мнѣ въ школу пріѣхала на мѣсяцъ одна великодушная курсистка (жалованья помощницѣ нѣтъ въ моей школѣ), и мы вмѣстѣ нерѣдко посѣщаемъ своихъ злосчастныхъ односельчанъ. Могу съ точностью описать положеніе нѣкоторыхъ дворовъ за подписью старосты и священника и позволю себѣ это сдѣлать въ самомъ скоромъ времени».

Перейдя затѣмъ къ обсужденію мѣръ для оказанія помощи населенію, авторъ письма продолжаетъ:

«Самое лучшее было бы выдавать бѣдствующимъ печеный хлѣбъ. Дѣла пекарни остановились и надо было бы изъ рукъ земства передать ее сельскому обществу, но денегъ на то не имѣется. Земство ранѣе закупило хлѣбъ по высокой цѣнѣ и менѣе, чѣмъ за 1—$1\frac{1}{2}$ коп. не можетъ давать. Было бы также благодѣтельно дать хлѣбъ въ кредитъ. Крестьяне высказываютъ такія отчаянныя мысли, что сонъ теряешь, долго слушая ихъ. Вотъ была бы великая радость, если бы насъ ожидало участіе гуманныхъ людей. Сама я теряю силы, здоровье, нервы напряжены до невозможной степени. Часто идутъ ко мнѣ съ разсказами о своихъ тщетныхъ поискахъ заработка въ Саратовѣ и Ѳедессѣ: возвращаются разоренными. Идутъ также въ Тобольскую губ., бросая семью на произволъ. Конечно, не всѣ бѣдствуютъ и въ разной степени эти бѣдствія проявляются. Но есть около 500 дворовъ, сильно бѣдствующихъ, гдѣ не только попродали коровъ и лошадей, но и овецъ и куръ. Священникъ говоритъ, что голодный тифъ у насъ не переводится. Хотя Козловскій уѣздъ считается богатымъ, но нынѣшняя зима унесла здѣсь въ могилу много жертвъ. Больныхъ такая масса, что и одинъ разъ въ недѣлю не успѣешь посѣтить знакомыхъ больныхъ, а я удѣляю имъ ежедневное свободное время. И вотъ, безпрестанно я со своей помощницей, будущимъ врачемъ, наталкиваюсь на такіе случи, что больные ѣдятъ картофель безъ хлѣба или хлѣбъ безъ картофеля, и это ихъ единственная пища. У богатыхъ же имѣется пшеничная мука для праздниковъ. Надо вамъ замѣтить, что въ нашемъ селѣ второй годъ сряду полный неурожай, вотъ почему этотъ годъ особенно тяжелый. Во время обѣда моихъ учениковъ мнѣ рисуются образы другихъ дѣтей моего села, лишенныхъ такой же пищи и ихъ горькаго черстваго хлѣба. Если бы мнѣ удалось найти добрыхъ людей, которые помогли бы прокормить хотя однихъ дѣтей моего села, я была бы счастлива... Образы этихъ исхудалыхъ лицъ терзаютъ души, давятъ мозгъ... Тяжело... простите... не могу кончить и связать мысли. На-дняхъ я займусь перечнемъ тѣхъ дворовъ, которые особенно бѣдствуютъ въ тѣсной хатѣ. Овцы падаютъ у многихъ. Съ крышъ снимаютъ солому для прокормленія лошади. По дорогамъ собираютъ навозъ и соръ для топки. Многіе не топятъ своихъ жилищъ и ютятся по 20 человѣкъ».

Чествованіе памяти Бѣлинскаго въ Москвѣ. Чествованіе памяти Бѣлинскаго въ Москвѣ прошло чрезвычайно удачно. Переполнившая огромный акто-

*

вый залъ университета публика, среди которой были и пріѣзжіе гости изъ Петербурга (А. Ѳ. Кони, В. П. Острогорскій, художникъ И. И. Вокулинъ и др.), присутствіе 80-лѣтней свояченицы Бѣлинскаго А. В. Орловой, возвышающійся на каѳедрѣ портретъ критика и по бокамъ — его бюсты среди тропическихъ растеній, выставка рукописей, портретовъ, бюстовъ, изданій сочиненій—какъ Бѣлинскаго, такъ и лицъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе, — таковы внѣшній видъ и обстановка чествованія памяти великаго русскаго критика, происходившаго 8 апрѣля, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины, въ стѣнахъ московскаго университета, на торжественномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Этой внѣшней обстановкѣ, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ полной мѣрѣ соотвѣтствовало и внутреннее содержаніе торжества: рядъ сообщеній, доложенныхъ послѣдовательно пятью авторами, освѣтилъ съ разныхъ точекъ личность, жизнь, творчество и значеніе чествуемаго писателя.

Предсѣдатель общества Н. И. Стороженко открылъ торжество привѣтствіемъ отъ имени общества къ А. В. Орловой, причемъ передалъ ей въ воспоминаніе о чествованіи заслугъ ея великаго родственника букетъ цвѣтовъ; это привѣтствіе было покрыто продолжительными рукоплесканіями всего зала. Въ послѣдовавшей затѣмъ рѣчи, проф. Стороженко остановился, главнымъ образомъ, на одномъ вопросѣ,—вопросѣ объ эволюціи критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго. Перечисливъ всѣ тѣ переходы въ воззрѣніяхъ критика на художественное творчество, которые слѣдовали другъ за другомъ вплоть до петербургскаго періода дѣятельности В. Г. и даже здѣсь не сразу пріобрѣли окончательную форму,—проф. Стороженко указалъ, какъ подъ вліяніемъ условій русской дѣйствительности Бѣлинскій постепенно превращался изъ критика-эстетика въ критика-публициста, отрѣшившагося, подъ напоромъ предъявляемыхъ жизнью требованій, отъ эстетическихъ и гегеліанскихъ увлеченій и замѣнившаго ихъ опредѣленнымъ общественно-моральнымъ ученіемъ. Это, однако, не была измѣна однимъ взглядомъ и предпочтеніе имъ другихъ, противоположныхъ; это было постепенное развитіе, переработка воззрѣній, неустанное движеніе впередъ. Проф. Стороженко закончилъ указаніемъ на то, какъ велико значеніе Бѣлинскаго какъ критика и публициста, какою признательностью мы обязаны ему за многое изъ того, что вошло въ обиходъ нашей общественной жизни, но что въ его время составляло предметъ пламенныхъ мечтаній и поводъ для страстной борьбы.

Сообщеніе И. И. Иванова «Бѣлинскій, какъ русскій культурно-историческій типъ», представило живую картину внутренней жизни и постепеннаго духовнаго роста В. Г. Это былъ, говорилъ г. Ивановъ, прирожденный апостолъ, искавшій прозелитовъ во что бы то ни стало и не смущавшійся, когда встрѣчалъ на своемъ пути несогласныхъ съ собою. Если онъ шелъ не всегда одною дорогою, то цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, принципы, которымъ служилъ, были всегда неизмѣнны. Завѣты, оставленные Бѣлинскимъ, далеко еще не осуществлены; средства и способы, которые онъ примѣнялъ въ своихъ писаніяхъ—обнаженіе русской дѣйствительности и сопоставленіе съ нею результатовъ и выводовъ европейской общественной мысли и жизни,—надолго еще останутся надежными и неизбѣжными. И если одинъ изъ враговъ Бѣлинскаго сказалъ про него: «Бѣлинскій умеръ.—живъ Бѣлинскій», то въ этихъ словахъ заключается лучшая похвала знаменитому дѣятелю, невольное признаніе его неумирающаго вліянія на послѣдующую жизнь и послѣдующія поколѣнія.

Фактическій по преимуществу характеръ имѣло сообщеніе В. Е. Якушкина: «Бѣлинскій, его друзья и враги»; лекторъ напомнилъ главнѣйшіе эпизоды изъ жизни и дѣятельности великаго критика. По поводу раздававшихся нерѣдко возгласовъ о недостаточности знаній Бѣлинскаго г. Якушкинъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Если оффиціальный университетъ и не призналъ Бѣлинскаго,

то годы студенчества оказали тѣмъ не менѣе на него огромное вліяніе, а потомъ люди и книги сдѣлали то, что не всегда въ состояніи сдѣлать и университетъ. Бѣлинскій въ годы своего ученія встрѣчается вездѣ съ людьми выше средняго уровня, впитавшими въ себя, такъ сказать, всѣ результаты предшествующей работы общественной мысли, и на него въ общемъ оказала вліяніе вся совокупность тогдашней русской образованности. Останавливаясь въ отдѣльности на лицахъ, съ которыми пришлось сталкиваться знаменитому критику, на друзьяхъ и врагахъ его, г. Якушкинъ широко пользовался въ своемъ сообщеніи воспоминаніями друзей Бѣлинскаго, въ особенности Герцена, и перепиской самого критика. Любопытенъ, между прочимъ, отзывъ Бѣлинскаго объ условіяхъ своей работы въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Эти условія были таковы, что великій критикъ вынужденъ былъ называть себя въ одномъ изъ писемъ Прометеемъ, для котораго «Отечественныя Записки» были скалою, а Краевскій былъ коршуномъ. Въ заключеніе своего сообщенія г. Якушкинъ остановился на вопросѣ о редакціи изданій сочиненій Бѣлинскаго. Г. Якушкинъ отмѣтилъ, что первое изданіе, выпущенное въ 1859 г. К. Т. Солдатенковымъ и Н. М. Щепкинымъ подъ редакціей Н. Х. Кетчера и отчасти А. Д. Галахова, имѣвшее такое важное значеніе, не было полнымъ: Кетчеръ не все написанное Бѣлинскимъ внесъ въ изданіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напечатаннаго имъ были сдѣланы пропуски. Между тѣмъ это изданіе перепечатывалось затѣмъ безъ перемѣнъ, а въ изданіи, выпущенномъ въ 1896 году г. Павленковымъ, были произведены еще и новыя сокращенія. Г. Якушкинъ высказалъ пожеланіе, чтобы въ настоящее время было предпринято такое собраніе сочиненій Бѣлинскаго, которое можно было бы назвать дѣйствительно полнымъ.

Яркою характеристикою душевнаго склада Бѣлинского явилось сообщеніе А. Н. Веселовскаго «Orlando furioso». Напомнивъ о томъ, какъ произведеніе Аріосто, усердно читавшееся Бѣлинскимъ и его товарищами-студентами, дало поводъ къ наименованію страстнаго и увлекающагося юноши сначала «неистовымъ Роландомъ», затѣмъ «неистовымъ Виссаріономъ», проф. Веселовскій провелъ параллель между героемъ Аріосто и его русскимъ снимкомъ въ лицѣ Бѣлинскаго. При кипучемъ темпераментѣ Бѣлинскаго, при томъ ускоренномъ темпѣ, которымъ билась его жизнь, для него были особенно тягостны общественныя условія тогдашней русской жизни, когда приходилось молчать или тщательно скрывать свои мысли, между тѣмъ какъ, по выраженію Бѣлинскаго, «хотѣлось порою умереть отъ избытка жизни». Статьи Бѣлинскаго представляютъ лишь слабую копію, блѣдный оттискъ того первичнаго образа, который имѣли мысли Бѣлинскаго, и не только потому, что статьи урѣзывались цензурою, но и потому, что бумага никогда не передастъ того увлеченія, волненія и страсти, которыми горѣлъ Бѣлинскій, когда писалъ свои произведенія. И ни въ западной литературѣ, ни въ русской послѣ Бѣлинскаго нельзя указать такого удивительнаго сліянія критическаго чутья, публицистическаго таланта и горячаго чувства, которое представилось въ лицѣ В. Г. И если въ литературной критикѣ имя Бѣлинскаго останется незабвеннымъ, то въ исторіи личности въ Россіи этотъ «гладіаторъ» и рыцарь правды займетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

Сообщеніе Г. А. Джаншіева «Бѣлинскій и эпоха реформъ» устанавливало связь реформъ 60-хъ г. съ публицистическою дѣятельностью В. Г. Наиболѣе крѣпка эта связь, конечно, съ главнѣйшею язвой нашего до-реформеннаго быта—крѣпостнымъ правомъ. Еще на студенческой скамьѣ Бѣлинскій написалъ драму «Дмитрій Калининъ», бичующую зло крѣпостного права и аттестованную начальствомъ «безчестною». Этимъ произведеніемъ юноша далъ Аннибалову клятву бороться всю жизнь съ существовавшимъ въ русской дѣйствительности порабощеніемъ человѣка. Если на необходимость другихъ реформъ Александра II

въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго и нѣтъ прямыхъ указаній, то, съ одной стороны, они подготовили ту почву, благодаря которой сдѣлалось возможнымъ возрожденіе Россіи, съ другой—въ письмахъ Бѣлинскаго разбросано множество мыслей, показывающихъ, что знаменитымъ публицистомъ ясно сознавался не только духъ, въ которомъ предстояло произвести преобразованіе русской жизни, но и тѣ конкретныя сферы ея, которыя въ преобразованіяхъ нуждались. Великое вліяніе Бѣлинскаго имѣло великія послѣдствія, но многое къ чему стремился Бѣлинскій и его современники, еще не достигнуто по сію пору. Лучшимъ чествованіемъ памяти В. Г. будетъ поэтому вѣра въ его идеалы и принципы, неуклонное стремленіе къ ихъ проведенію въ жизнь.

Чествованіе памяти знаменитаго критика закончилось, какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости», чтеніемъ стихотвореній, посвященныхъ Бѣлинскому Некрасовымъ. Эти стихотворенія, прекрасно прочитанныя кн. А. И. Сумбатовымъ, были: неизданная поэма «Бѣлинскій», «Памяти пріятеля» и отрывки изъ «Медвѣжьей охоты».

Послѣ засѣданія обществомъ любителей русской словесности было отправлено по телеграфу привѣтствіе дочери Бѣлинскаго О. В. Бензи въ Парижъ.

Открытая въ библіотечной залѣ университета выставка въ память Бѣлинскаго очень усердно посѣщалась московской публикой. Въ глубинѣ залы, въ купѣ лавровыхъ деревьевъ, помѣстилась довольно большихъ размѣровъ картина А. А. Наумова—«Бѣлинскій передъ смертью», извѣстная большинству публики лишь по всякаго рода воспроизведеніямъ, но не по оригиналу. По стѣнамъ залы размѣстилась богатая коллекція фотографій, литографій и гравюръ,—прекрасная иллюстрація къ тому, что читалось разными лекторами о Бѣлинскомъ. Коллекція подобрана съ большою заботливостью и полнотою. Первое мѣсто принадлежитъ, конечно, портретамъ критика въ различныя поры его жизни. Всего до 20 портретовъ. Затѣмъ идутъ портреты членовъ семьи Бѣлинскаго, его жены, дѣтей, внуковъ, университетскаго кружка, въ которомъ протекли юношескіе годы критика (М. Н. Катковъ, Н. В. Станкевичъ, Кетчеръ, Конст. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Огаревъ, Искандеръ, Пассекъ, Евг. Өедор. Коршъ и т. д.), профессоровъ и начальства московскаго университета поры пребыванія въ немъ Бѣлинскаго, петербургскихъ друзей и знакомыхъ, литераторовъ, соприкасавшихся съ критикомъ въ личной жизни и писательской дѣятельности, между прочимъ, противниковъ Бѣлинскаго—Булгарина, Греча, Сенковскаго и др., авторовъ болѣе выдающихся сочиненій о Бѣлинскомъ. Въ витринахъ, по срединѣ залы, размѣщена довольно большая коллекція подлинныхъ черновиковъ Бѣлинскаго, нѣсколько записочекъ его. Большую сенсацію въ осматривавшей выставку публикѣ производили помѣщенныя тутъ же записная книга инспектора студентовъ Щепкина, открытая на страницѣ, гдѣ вписано постановленіе объ увольненіи Бѣлинскаго изъ университета, и полицейская книга пречистенской части, дома Ефремова, открытая на страницѣ, гдѣ записанъ жильцомъ Бѣлинскій. Въ центрѣ залы—бронзовый бюстъ критика, работы Н. Н. Ге, составляющій собственность К. Т. Солдатенкова. Неподалеку отъ картины Наумова помѣстился небольшой рисунокъ—проектъ памятника Бѣлинскому въ Пензѣ. На высокой колоннѣ—бюстъ Бѣлинскаго, къ которому протягиваетъ руку длинная женская фигура въ какомъ-то странномъ одѣяніи. У подножія—раскрытая книга и лавровая вѣтвь. Проектъ принадлежитъ парижскому скульптору г. Каплану, и по отзывамъ лицъ, видѣвшихъ его, въ художественномъ отношеніи является крайне неудачнымъ.

Въ Петербургѣ чествованіе Бѣлинскаго, устраиваемое Союзомъ взаимопощи русскихъ писателей, будетъ происходить 10 мая. Въ немъ примутъ участіе гг. Михайловскій, Вейнбергъ, Венгеровъ, В. П. Острогорскій и пр. Лекціи В. П. Острогорскаго о Бѣлинскомъ, читанныя въ мартѣ имѣли большой успѣхъ и привлекали массу публики преимущественно изъ учащейся молодежи. За-

тѣмъ, главное чествованіе предстоитъ въ Пензѣ, на мѣстѣ родины критика, 26 мая, и въ Чембарѣ, гдѣ Бѣлинскій провелъ свое дѣтство.

Нельзя не радоваться душевно, при видѣ того дружнаго отклика, какой вызвала въ обществѣ память о великомъ писателѣ, и было бы въ высшей степени желательно завершить эти поминки памятникомъ, достойнымъ Бѣлинскаго. Мѣсто для такого памятника напрашивается само собой: это на Тверскомъ бульварѣ въ Москвѣ противъ памятника Пушкина. Если Пушкинъ создалъ русскую поэзію, давъ недосягаемые образцы совершенства, то Бѣлинскій разъяснилъ ихъ и научилъ русское общество понимать и любить Пушкина.

За границей.

Кубинская война. Взоры всего цивилизованнаго міра сосредоточены теперь у береговъ Америки и около острова Кубы, этой «жемчучины Антильскихъ острововъ», сдѣлавшейся яблокомъ раздора между великою американскою республикой и Испаніей.

Въ Европѣ давно уже съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми перипетіями борьбы, происходившей на Кубѣ. Недовольство испанскимъ управленіемъ настолько возрасло, что въ 1895 году вновь вспыхнуло возстаніе и кубинцы обнаружили сильнѣйшее стремленіе на этотъ разъ во что бы то ни стало отвоевать себѣ независимость. Это возстаніе, продолжавшееся почти три года, а необыкновенно жестокія мѣропріятія со стороны испанской власти въ образѣ генерала Вейлера, управлявшаго островомъ, привели въ концѣ концовъ къ окончательному разрыву между Испаніей и Соединенными Штатами, открыто покровительствовавшими инсургентамъ и оказывавшими имъ не только нравственную, но и матеріальную поддержку. Со смертью Кановаса и отозваніемъ генерала Вейлера, Испанія, повидимому, рѣшила принять другую тактику относительно Кубы и дѣйствовать въ болѣе примирительномъ духѣ. Но, очевидно, время было пропущено. «Кубинскіе ужасы», о которыхъ упомянулъ президентъ Макъ-Кинлэй въ своемъ посланіи конгрессу, возбудили слишкомъ большую ненависть населенія къ испанской власти, взрывъ же американскаго броненосца «Мэнъ» послужилъ послѣднею каплею, вызвавъ крайнее озлобленіе въ Соединенныхъ Штатахъ и такое усиленіе шовинистскихъ чувствъ, что президентъ Макъ-Кинлэй былъ, такъ сказать, поставленъ противъ своей воли въ необходимость порвать дипломатическія сношенія съ Испаніей, объявивъ ей ультиматумъ, на который она не могла согласиться, не уронивъ своего достоинства, какъ сильной европейской державы.

Испаніи теперь приходится расплачиваться за тѣ правонарушенія и жестокости, которыя производилъ отъ ея имени генералъ Вейлеръ въ Кубѣ. Если даже допустить массу преувеличеній въ разсказахъ корреспондентовъ и донесеніяхъ консуловъ, то все же и при такомъ исключеніи, поведеніе испанскихъ властей на островѣ способно возбудить глубочайшее негодованіе. Куба совершенно разорена теперь и число погибшихъ, даже по самому умѣренному разсчету, превышаетъ 200.000. Самымъ гибельнымъ и ужаснымъ мѣропріятіемъ генерала Вейлера было распоряженіе загнать мирное населеніе Кубы въ укрѣпленные города и поселки. Это было равносильно осужденію на голодную смерть. Тѣхъ, кто пытался бѣжать, немедленно разстрѣливали. За предѣлами городовъ и поселковъ всѣ дома были сожжены и плантаціи опустошены, такъ что, нѣкогда зажиточные фермеры и плантаторы, сразу превратились въ нищихъ, которымъ ничего другого не оставалось, какъ протягивать руку за подаяніемъ. Помѣщеній въ городахъ не хватало и согнанные туда жители должны были

ютиться въ ужасныхъ лачугахъ и шалашахъ, сплетенныхъ изъ пальмовыхъ вѣтвей. Что жъ удивительнаго, что несчастные, поставленные въ такія ужасныя условія, погибали тысячами. Больницы не могли вмѣстить всѣхъ, да и тамъ условія были не лучше и больныхъ приходилось класть прямо на полу, за неимѣніемъ постелей, и оставлять безъ всякаго лѣченія, за неимѣніемъ лѣкарствъ. Какъ деспотично дѣйствовалъ Вейлеръ доказываетъ слѣдующее: онъ безъ церемоніи приказывалъ сжигать дома тѣхъ поселянъ, которые отказывались добровольно переселиться въ города. Лишенные крова и всего имущества, несчастные поневолѣ вынуждены были бѣжать. Вейлеръ разсчитывалъ такимъ опустошеніемъ страны вынудить инсургентовъ сдаться, но цѣли своей не достигъ и своими кругыми мѣрами скорѣе даже содѣйствовалъ успѣху и распространенію инсуррекціоннаго движенія. Перемѣна министерства въ Испаніи вызвала измѣненіе въ направленіи испанской политики по отношенію къ Кубѣ—политики, которую одинъ англичанинъ назвалъ «политикою абсолютнаго истребленія», но перемѣна эта совершилась слишкомъ поздно, когда остановить естественное теченіе событій оказалось уже невозможно.

Куба не разъ уже бывала мѣстомъ кровопролитныхъ схватокъ и кубинское населеніе, тяготившееся испанскимъ владычествомъ, много разъ хваталось за оружіе и одно изъ такихъ возстаній длилось нѣсколько лѣтъ, съ 1869 г. по 1877 г., когда, наконецъ, генералу Мартинецу Кампосу удалось покорить островъ. Послѣ того рабство было отмѣнено на Кубѣ и испанское правительство обѣщало реформы, но не сдержало своихъ обѣщаній. Мы уже имѣли случай говорить объ испанской администраціи и порядкахъ, господствовавшихъ на Кубѣ *), населеніе которой было обложено тяжелыми податями, на покрытіе расходовъ по содержанію сильнаго гарнизона на островѣ. Стѣснительныя же пошлины, имѣющія въ виду выгоды торговли и промышленности Испаніи, мѣшали свободному промышленному развитію колоній и подавляли ея производительность.

Всѣ эти причины, конечно, содѣйствовали тому, что на островѣ постоянно поддерживалось враждебное отношеніе къ испанцамъ. Къ тому же, въ извѣстной части кубинскаго населенія давно обнаруживалось тяготѣніе къ великой американской республикѣ, поддерживаемое въ началѣ южными штатами, а впослѣдствіи сѣверными. Уже въ 1845 году впервые былъ оффиціально возбужденъ вопросъ о выкупѣ Кубы у испанцевъ и даже образовалась промышленная компанія, предлагавшая испанскому правительству 200 милліоновъ долларовъ за Кубу. Испанія не приняла этого предложенія, но послѣ цѣлаго ряда возстаній и кроваваго усмиренія Соединенные Штаты снова заявили въ въ 1854 году, что они считаютъ себя вправѣ отнять Кубу у Испаніи, такъ какъ внутренніе безпорядки, происходящіе на островѣ, угрожаютъ миру американскаго союза. Но междуусобная война, возникшая въ Соединенныхъ Штатахъ, помѣшала привести въ исполненіе это намѣреніе. Съ того времени частичныя возстанія почти не прекращались на Кубѣ и принимали иной разъ очень серьезные размѣры.

Можно считать почти аксіомой, что всѣ колоніи рано или поздно стремятся къ отпаденію отъ метрополіи и добиваются полной независимости. Это вполнѣ естественное стремленіе не всегда, конечно, идетъ ровными путями и въ особенности, если этому стремленію ставятся преграды, то населеніе, достигшее уже извѣстной гражданской зрѣлости и чувствующее себя способнымъ самому вѣдать свои дѣла, прибѣгаетъ порою къ весьма энергичнымъ мѣрамъ, чтобы сбросить иго метрополіи, начинающее тяготить его. На Кубѣ происходитъ нѣчто подобное и испанское правительство могло бы уладить дѣло, еслибъ во время ввело реформы и дало бы острову автономію, по образцу, напримѣръ, канадской

*) См. «М. Б.», ноябрь 97 г., «Заграницей»—«Кубинскіе герои и героини».

автономіи. Но теперь время пропущено и остановить событія уже невозможно. Соединенные Штаты сильно заинтересованы въ томъ, чтобы Куба присоединилась къ федераціи. Американской республикѣ было бы очень важно пріобрѣсти для своей промышленности обширный рынокъ въ Кубѣ; кромѣ того, Куба могла бы быть полезна Соединеннымъ Штатамъ, какъ опора для торговаго и военнаго флота.

Такимъ образомъ, стремленіе кубинцевъ, желающихъ во что бы то ни стало сбросить иго испанскаго владычества, выражавшееся въ безпощадной эксплуатаціи и политическомъ гнетѣ, не могли не встрѣтить сочувственнаго отклика въ Соединенныхъ Штатахъ, оказавшихъ помощь и нравственную поддержку кубинскимъ инсургентамъ, во главѣ которыхъ находились люди, пользующіеся большимъ престижемъ среди мѣстнаго населенія. Одно время можно было думать, что смерть одного изъ главныхъ предводителей возстанія, мулата Антоніо Мацео, произведетъ какое-либо замѣшательство въ рядахъ инсургентовъ, но ожиданія испанцевъ въ этомъ направленіи были обмануты. Мацео замѣнилъ съ большимъ успѣхомъ Максимо Гомецъ или «кубинскій Наполеонъ», какъ его называютъ его приверженцы и партизанская война возобновилась съ прежнею силой.

Испанско американская война, возникающая изъ за Кубы, не можетъ не отразиться и на европейскихъ интересахъ. Европейская торговля съ Америкой несомнѣнно должна будетъ пострадать отъ этой войны и поэтому можно ожидать даже активнаго вмѣшательства европейскихъ державъ, въ случаѣ, если война затянется или приметъ не желательные размѣры. Ходятъ слухи, что Соединенные Штаты располагаютъ новыми средствами обороны на морѣ, которыя еще неизвѣстны европейцамъ. Говорятъ также о какомъ-то новомъ изобрѣтеніи Эдиссона и т. п. Но во всякомъ случаѣ настоящая война, которая должна будетъ происходить, главнымъ образомъ, на морѣ, покажетъ на дѣлѣ преимущества того или иного морского вооруженія и системы судовъ. Съ этой точки зрѣнія испано-американская война должна будетъ имѣть большое значеніе для европейскихъ флотовъ.

Въ Испаніи война можетъ имѣть очень дурныя послѣдствія для династіи и вызвать даже государственный переворотъ. Республиканская партія въ Испаніи довольно сильна и предпріимчива и, конечно, не преминетъ воспользоваться первымъ удобнымъ предлогомъ къ ниспроверженію существующаго порядка вещей; съ другой стороны, и Донъ-Карлосъ не дремлетъ и готовится выступить на сцену, чуть только обстоятельства будутъ этому благопріятствовать. Въ Соединенныхъ Штатахъ также могутъ произойти перемѣны въ ущербъ Макъ-Кинлэю и его партіи, такъ что во всякомъ случаѣ испано-американская война, кромѣ, быть можетъ, совершенно неожиданныхъ выводовъ, касающихся морской обороны, можетъ имѣть для Европы еще и другія важныя послѣдствія.

Бѣгство съ острова Дьявола. Процессъ Золя и агитація въ пользу Дрейфуса напомнили французскому обществу объ островахъ Спасенія, служащихъ для ссылки преступниковъ. Еще до начала знаменитаго процесса въ обществѣ нѣсколько разъ распространялись слухи о бѣгствѣ Дрейфуса, поселеннаго на островѣ Дьявола, но всѣ эти слухи опровергались съ оффиціальной стороны и, къ тому же, выставлялось на видъ, что островъ Дьявола окруженъ совершенно неприступными скалами и въ окружающихъ водахъ водится такое множество акулъ, что ужъ одно ихъ присутствіе способно удержать смѣльчаковъ отъ отчаянной попытки вернуть свободу.

Однако во всѣхъ этихъ разсказахъ о страшныхъ акулахъ, неприступныхъ скалахъ и безплодныхъ берегахъ заключается много преувеличеній! Островъ Дьявола, на которомъ заключенъ теперь Дрейфусъ, служилъ уже во времена второй имперіи мѣстомъ ссылки политическихъ преступниковъ, и многимъ изъ

нихъ удалось бѣжать оттуда, такъ что островъ лишился тогда же своей репутаціи и на немъ, вмѣсто ссыльныхъ, были помѣщены прокаженные. Прошло много лѣтъ, исторія бѣглецовъ была позабыта и островъ Дьявола снова былъ превращенъ въ мѣсто ссылки и снова возродилась вѣра въ его неприступность.

Исторія ссыльныхъ второй имперіи дѣйствительно можетъ служить доказательствомъ того, что для человѣческой воли и страстной жажды свободы не страшны ни скалы, ни жадныя акулы. Въ 1856 году въ августѣ съ острова Дьявола бѣжали нѣсколько человѣкъ ссыльныхъ подъ предводительствомъ Анри Шабанна. Этотъ послѣдній былъ арестованъ и сосланъ на островъ Дьявола, какъ политическій преступникъ и организаторъ тайнаго общества. Шабаннъ, по профессіи бочаръ, извѣстенъ былъ однако, какъ человѣкъ въ высшей степени энергичный и пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ на своихъ товарищей; поэтому власти смотрѣли на него, какъ на человѣка въ высшей степени опаснаго. Уѣзжая изъ Франціи навсегда во французскую Гвіану, куда его отправляли въ пожизненную ссылку, Шабаннъ написалъ своей дочери: «Когда ты выростешь, думай иногда о своемъ отцѣ и, быть можетъ, ты поймешь тогда, что давало силы переносить столько бѣдствій...»

Первое впечатлѣніе, произведенное на Шабанна островами Спасенія, было очень благопріятное. Свѣжій воздухъ, зеленыя деревья—все это послѣ долговременнаго пребыванія въ душной тюрьмѣ и тяжелаго морского перехода не могло не вызвать въ арестантахъ радостнаго чувства, когда они высадились на берегъ. Кромѣ этого Шабаннъ твердо вѣрилъ въ то, что онъ вернетъ себѣ свободу. Дорогою онъ очень подружился съ двумя другими ссыльными, Карнезатомъ и Піанори, съ которыми онъ впослѣдствіи вмѣстѣ бѣжалъ, Карнезатъ былъ очень образованъ, но это образованіе онъ получилъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ пробылъ въ заключеніи больше пяти лѣтъ. Это пребываніе онъ употребилъ съ большою пользою для себя и могъ примѣнить къ себѣ извѣстныя слова Луи Наполеона (позднѣе Напелеона III), знакомаго по опыту съ тюремнымъ заключеніемъ. Наполеонъ однажды на вопросъ, гдѣ онъ почерпнулъ свои обширныя математическія свѣдѣнія, отвѣтилъ, улыбаясь: «Въ университетѣ Гамъ», т. е. въ крѣпости Гамъ, откуда онъ бѣжалъ послѣ шестилѣтняго заключенія.

Высаженные на островѣ Дьявола, ссыльные были предоставлены сами себѣ, и убѣжденіе въ невозможности побѣга было настолько сильно, что на островѣ даже не было тюремщиковъ. Два раза въ недѣлю лодка подъѣзжала къ острову и привозила заключеннымъ: хлѣбъ, мясо, сахаръ, кофе, соль, водку и, главное, воду для питья и т. п. необходимыя вещи. Вмѣстѣ съ этимъ на островѣ являлись главный надзиратель въ сопровожденіи четырехъ солдатъ и докторъ, и дѣлали перекличку арестантовъ. Такимъ образомъ, жизнь на островѣ, въ сравненіи съ жизнью въ тюрьмѣ, была гораздо легче. Ссыльные сами построили себѣ хижинки, посадили овощи и развели птицу; кокосовыя пальмы и бананы, а также сахарный тростникъ были уже раньше насажены на островѣ каторжниками, которые прежде тамъ содержались.

Однако Шабаннъ, вмѣстѣ съ Карнезатомъ и Піанори твердо рѣшились бѣжать, при первой возможности, и дѣятельно подготовляли свой побѣгъ. Они втайнѣ выстроили большой плотъ, воспользовавшись для этого стволомъ дерева, которое было прибито волнами къ берегу. Тутъ Шабанну очень пригодилось его бочарное ремесло. Однажды его засталъ за работой сторожъ, посланный администраціей на островъ Дьявола за овощами, и спросилъ, для какой цѣли онъ приготовляетъ боченокъ. Шабаннъ спокойно отвѣтилъ ему, что боченокъ ему нуженъ для дождевой воды, такъ какъ воды, доставляемой администраціей, имъ не хватаетъ. Сторожъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ и даже посовѣтовалъ ему обратиться къ администраціи съ просьбою прислать боченки для храненія дождевой воды.

Работа быстро подвигалась. Товарищи Шабанна по ссылкѣ, пожелавшіе также попытаться вернуть себѣ свободу, принимали дѣятельное участіе въ работахъ по устройству плота и снабженія его всѣмъ необходимымъ. Назначенъ былъ день отъѣзда, не всѣ ссыльные однако рѣшались на побѣгъ, но изъ остающихся не нашлось ни одного измѣнника. Въ назначенный часъ, вечеромъ, плотъ отплылъ отъ берега. На немъ находилось семнадцать человѣкъ, но въ это время съ берега замѣтили, что плотъ погружается и остающіеся закричали объ этомъ. Тогда десять человѣкъ испугались и тотчасъ же вернулись на островъ, но семеро остались и пустились въ открытое море. Плаваніе продолжалось четверо сутокъ; бѣглецамъ счастливо удалось избѣжать опасности и они не попались на глаза французскимъ властямъ. Капитанъ повстрѣчавшагося имъ по дорогѣ голландскаго брига, хотя и не взялъ ихъ съ собою, такъ какъ думалъ, что они просто бѣглые каторжники, тѣмъ не менѣе заставилъ ихъ взять отъ него небольшую сумму денегъ и затѣмъ продолжалъ свой путь дальше. Честный морякъ не захотѣлъ воспользоваться преміей въ сто франковъ, выдаваемыхъ въ Каеннѣ за каждаго пойманнаго бѣглеца.

Достигнувъ песчанаго берега голландской Гвіаны, бѣглецы высадились, но, ни найдя и слѣдовъ человѣческаго жилья, они снова пустились въ море. Съѣстные припасы у нихъ пришли къ концу, воды не было, плотъ на половину затопило водой, но они продолжали грести подъ палящими лучами солнца, напрягая послѣднія силы. Одинъ изъ ихъ товарищей сошелъ съ ума и они должны были крѣпко связать его. Къ счастью для нихъ. полилъ проливной дождь съ грозой и это нѣсколько облегчило ихъ мученія. На пятый день они, наконецъ, пристали къ устью рѣки. Карнезатъ и Шабаннъ, болѣе сильные и крѣпкіе, чѣмъ ихъ товарищи, отправились разыскивать жилье, полагая, что тутъ близко гдѣ-нибудь должны находиться сахарныя плантаціи. Спутники Шабанна и Карнезата, настолько ослабѣвшіе, что не могли двигаться, остались ждать ихъ возвращенія.

Восемь дней странствовали два энергичныхъ человѣка, которыхъ только поддерживала надежда, что спасеніе недалеко. Ежеминутно подвергаясь опасности отъ дикихъ звѣрей, изнемогая отъ усталости и голода, изъѣденные москитами, они добрались, наконецъ, до голландской плантаціи. Плантаторъ и его семья обѣдали, когда къ нимъ вошли два странника въ лохмотьяхъ, покрытые ранами и еле державшіеся на ногахъ. Добрые голландцы немедленно приняли въ нихъ самое живое участіе и окружили ихъ попеченіями. Карнезатъ и Шабаннъ умоляли своихъ гостепріимныхъ хозяевъ немедленно отправиться за ихъ оставшимися товарищами, что и было исполнено. Но они нашли только троихъ, почти умирающихъ; двое другихъ исчезли и только послѣ долгихъ поисковъ нашли ихъ трупы съѣденные крабами. Радость спасенныхъ была неописуема, когда они увидѣли своихъ товарищей. «О свобода, дорогая свобода!— воскликнулъ Шабаннъ,—ты не покинула своихъ защитниковъ!» Добрые голландцы, оказавшіе гостепріимство бѣглецамъ, отправили ихъ въ Парамарибо, какъ только силы бѣглецовъ возстановились.

Въ то время, какъ они находились въ Парамарибо, дожидаясь корабля, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Нью-Іоркъ, Шабаннъ и его товарищи были однажды разбужены ночью.

— Кто тамъ?—воскликнули они.

— Это мы, Геренъ, Мёньо и др...—послѣдовалъ отвѣтъ. — Мы пріѣхали съ острова Дьявола. Насъ двадцать человѣкъ и за нами слѣдуютъ еще четырнадцать, которые, вѣроятно, прибудутъ завтра.

Примѣръ первыхъ бѣглецовъ не остался безъ вліянія, и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ 40 ссыльныхъ бѣжали съ острова, только послѣдній плотъ, на кото-

ромъ находились четырнадцать ссыльныхъ, былъ захваченъ правительственнымъ судномъ, отправленнымъ на поиски.

Китайскіе врачи. Знаменитый Ли-Хунгъ-Чангъ, печелійскій вице-король, хорошо извѣстный и европейской публикѣ, и сторонникъ европейской цивилизаціи, устроилъ въ Китаѣ медицинскую школу по европейскому образцу, но его попытка произвести такимъ образомъ реформу въ области медицинской наукъ, повидимому, осталась безъ результата и въ этой области по прежнему господствуетъ рутина, освященная вѣковыми обычаями.

Въ Китаѣ вовсе не нужно имѣть диплома, чтобы быть врачемъ; всякій можетъ быть имъ, если захочетъ, но чаще всего китаецъ выбираетъ медицинскую профессію не по влеченію, а по необходимости, ради того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. Одинъ миссіонеръ изъ Юннама разсказываетъ, что онъ зналъ одного китайца, носильщика, который въ 48 лѣтъ, чувствуя себя слишкомъ старымъ для своего ремесла, рѣшилъ сдѣлаться врачемъ и въ концѣ-концовъ даже прославился своимъ искусствомъ и нажилъ большое состояніе.

Благодаря легкости, съ которою каждый желающій можетъ избрать медицинскую профессію, Китай переполненъ врачами и нѣтъ такой маленькой деревушки, въ которой бы не было нѣсколькихъ врачей. Чаще всего эту профессію выбираютъ кандидаты или баккалавры, выдержавшіе государственный экзаменъ, но не имѣющіе возможности пристроиться на какомъ-нибудь мѣстечкѣ или продолжать учиться, чтобы достигнуть высшихъ степеней и получить званіе мандарина. Большинство этихъ людей не питаетъ ни малѣйшей склонности къ физическому труду, къ занятіямъ торговлей и земледѣліемъ и въ то же время не обладаетъ достаточно блестящими способностями, чтобы претендовать на ученую степень. Для такихъ людей медицинская профессія является настоящею находкой, такъ какъ она не требуетъ отъ нихъ никакого труда и никакихъ особенныхъ знаній, а только умѣнья эксплуатировать невѣжество и предразсудки людей.

Однако и это не всегда бываетъ легко. Китайскіе больные стараются оградить себя отъ врачебной эксплуатаціи. Обыкновенно китайскій врачъ ничего не получаетъ за свои визиты, но съ ними заранѣе условливаются въ цѣнѣ, за которую онъ берется вылѣчить больного. Если больной не выздоравливаетъ, то врачъ такъ ничего и не получаетъ. Китайцы такъ боятся сдѣлаться жертвою врачебной эксплуатаціи, что обыкновенно у постели у больного возникаетъ настоящій торгъ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ члены семьи больного и даже самъ больной. Торгуются относительно цѣны лѣкарствъ и цѣны за лѣченіе. Врачъ настаиваетъ на необходимости того или другого средства, но члены семейства больного, а часто и самъ больной требуютъ болѣе дешевыхъ средствъ, надѣясь, что эти средства все-таки помогутъ въ концѣ-концовъ, хотя лѣченіе, быть можетъ, и будетъ продолжительнѣе. Въ концѣ-концовъ врачъ обыкновенно уступаетъ и отдаетъ свой товаръ по болѣе дешевой цѣнѣ, такъ какъ онъ знаетъ, что если онъ выкажетъ слишкомъ большое упорство, то обратятся въ другую лавочку. Случается также, что когда врачъ скажетъ свое послѣднее слово и объявитъ категорическимъ образомъ, что больной долженъ употреблять такія-то средства въ теченіе столькихъ дней, то члены семьи начинаютъ самымъ хладнокровнымъ образомъ обсуждать въ присутствіи самого больного вопросъ, стоитъ ли, въ виду его преклоннаго возраста или же трудно излѣчимой болѣзни, на выздоровленіе отъ которой вообще существуетъ мало надежды, рѣшаться на такіе расходы и не лучше ли предоставить вещи собственному теченію. Очень часто самъ больной принимаетъ участіе въ этомъ совѣщаніи и даже беретъ на себя иниціативу и объявляетъ, что, пожалуй, лучше, чѣмъ тратить деньги на лѣкарства, которыя, быть можетъ окажутся, безполезными.

сберечь ихъ на покупку гроба лучшаго качества и хорошіе похороны. Рано или поздно придется умереть, и лучше, пожалуй, умереть нѣсколькими днями раньше, но зато имѣть пышные похороны.

Такъ разсуждаетъ самъ больной и всѣ его родственники, и врача отсылаютъ назадъ, а вмѣсто него призываютъ гробовщика, съ которымъ и сговариваются о цѣнѣ похоронъ.

Ни одинъ китайскій врачъ не получаетъ болѣе одного доллара за визитъ и многіе довольствуются одной пятой этой суммы. Но зато обычай требуетъ, чтобы деньги эти были завернуты въ бумагу лучшаго качества и изящнаго вида, на которой сдѣлана надпись: *«золоченая благодарность»*. Во многихъ большихъ центрахъ абонируются на врача, какъ абонируются на газовое освѣщеніе и воду. Въ Гонъ-Конгѣ, гдѣ жизнь вообще очень дорога, такой абонементъ стоитъ очень дорого и врачи тамъ, конечно, должны служить предметомъ зависти своихъ коллегъ въ другихъ частяхъ имперіи. Но въ особенности трудно положеніе врачей, которые удостоиваются чести лѣчить самого Сына Неба. Когда послѣдній китайскій императоръ заболѣлъ оспой и въ болѣзни обнаружилось временное улучшеніе, то врачи были осыпаны всевозможными милостями. Но какъ только болѣзнь снова приняла роковое теченіе, то врачамъ пришлось плохо; все полученное ими было отъ нихъ отнято и они сразу лишились своего высокаго положенія.

Китайскіе врачи, которые лѣчатъ обыкновенныхъ смертныхъ, прибѣгаютъ, въ случаѣ крайности къ слѣдующей уловкѣ: какъ только врачъ замѣчаетъ, что болѣзнь принимаетъ роковой оборотъ, то онъ объявляетъ роднымъ больного, что не можетъ понять его болѣзни и поэтому проситъ ихъ пригласить другого врача, такъ что если говорятъ, что «больной перемѣнилъ много врачей», то это значитъ, что онъ при смерти. Вообще, китайскій врачъ подвергается личнымъ опасностямъ въ томъ случаѣ, если онъ обѣщалъ выздоровленіе, а больной умеръ. Тогда родные больного возбуждаютъ противъ врача судебный процессъ и врачу больше ничего не остается, какъ бѣжать, такъ какъ иначе ему грозитъ тюрьма, палочные удары и штрафы. Китайское законодательство, допуская такое преслѣдованіе врачей, имѣло въ виду внушить имъ осторожность въ лѣченіи.

Нельзя однако сказать, чтобы въ Китаѣ совершенно не существовало медицинской науки, хотя у этой науки и нѣтъ никакой основы и все лѣченіе носитъ чисто эмпирическій характеръ. Тѣмъ не менѣе врачъ, желающій пріобрѣсти ученую репутацію, принимается за изученіе китайскихъ медицинскихъ сочиненій древняго происхожденія. Китайцы не имѣютъ понятія объ анатоміи, такъ какъ вскрывать трупы считается святотатствомъ, но тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе пульса больного стоитъ у нихъ на первомъ планѣ и указываетъ, что они имѣютъ нѣкоторыя понятія о кровообращеніи. Въ китайской исторіи сообщается слѣдующій фактъ: одинъ провинціальный губернаторъ приговорилъ 40 злодѣевъ, виновныхъ въ убійствѣ женщинъ и дѣтей, къ вскрытію живота и приказалъ нѣсколькимъ художникамъ присутствовать при этой операціи, которой руководили врачи, и срисовать внутренности казненныхъ. Такимъ образомъ эта пытка доставила врачамъ возможность познакомиться съ положеніемъ внутренностей въ человѣческомъ тѣлѣ. Позднѣе императоръ Кюнгъ-Хи, въ XVII вѣкѣ, разрѣшилъ вскрытіе трупа съ научной цѣлью и, кромѣ того, поручилъ одному миссіонеру перевести на китайскій языкъ какой-нибудь анатомическій трактатъ. Этотъ императоръ справедливо полагалъ, что причиною неуспѣха китайской медицины является отсутствіе основныхъ знаній, касающихся строенія человѣческаго тѣла и функцій различныхъ органовъ. Но съ тѣхъ поръ китайцы мало подвинулись впередъ и какъ во всемъ другомъ, такъ и въ отношеніи медицины стоятъ на точкѣ замерзанія. Однако, мало по малу и у нихъ уже начинаетъ проникать сознаніе несостоятельности медицинской науки и зажиточ

ромъ находились чет...
судномъ, отп...

Китайс...
хорошо из...
заціи, ус...
попытка...
повиди...
ствует...
Р...
мож...
ску...
со...
к...

... имѣющіе частыя сношенія съ европейцами, предпочитаютъ обращаться въ случаѣ нужды къ европейскимъ врачамъ, не довѣряя собственнымъ лекарямъ.

Лордъ Байронъ въ Греціи. Редакторъ одного итальянскаго журнала нашелъ въ Римѣ, въ государственныхъ архивахъ, полную коллекцію нумеровъ газеты «Греческій Телеграфъ», которая издавалась въ Миссалангахъ въ 1824—1825 годахъ. Это была патріотическая газета, преданная дѣлу національной независимости, но отличавшаяся слишкомъ большимъ полемическимъ задоромъ и рѣзкостью, не разъ скандализовавшими даже пылкаго лорда Байрона. Теперь, конечно, всѣ эти полемическія статьи потеряли свое значеніе и коллекція нумеровъ этой газеты не представляла бы никакого интереса, еслибъ въ этихъ нумерахъ не попадались бы кое-какія разбросанныя свѣдѣнія о лордѣ Байронѣ. Между прочимъ, тамъ сообщается, что Юсуфъ-паша возвратилъ Байрону судно, конфискованное турками, и Байронъ былъ такъ этимъ тронутъ, что не могъ успокоиться, пока и съ своей стороны не оказалъ равносильной услуги Юсуфу. Онъ выхлопоталъ у князя Маврокордато разрѣшеніе выкупить четырехъ турецкихъ военноплѣнныхъ и двадцати трехъ женщинъ и на свой счетъ отправилъ ихъ на родину. Въ письмѣ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ объ этомъ Юсуфа, Байронъ, между прочимъ, говоритъ: «Эти плѣнные отдаются вамъ безъ всякихъ условій, но если вы находите, что объ этомъ забывать не слѣдуетъ, то я попрошу васъ ради этого обращаться гуманно со всѣми греческими плѣнными, которые попадутъ къ вамъ въ руки или же въ руки мусульманъ. Сражаться составляетъ честь и не зачѣмъ прибавлять сюда еще хладнокровную жестокость съ той и съ другой стороны».

Далѣе въ газетѣ напечатано письмо, адресованное лордомъ Байрономъ «законодательной и исполнительной власти греческаго народа». Письмо это помѣчено 30-мъ ноября 1823 года и указываетъ, что и въ тѣ времена партійная борьба въ Греціи была очень сильна. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Байронъ: «Я долженъ откровенно объявить вамъ, что пока не установится хоть какой-нибудь порядокъ и согласіе въ вашей странѣ, до тѣхъ поръ надо отложить всякія попеченія о займѣ или о какой бы то ни было помощи съ внѣшней стороны. Но самое худшее то, что державы, вполнѣ расположенныя къ Греціи и сочувствующія ея независимости, могутъ, видя положеніе дѣлъ, составить себѣ убѣжденіе, что греки неспособны къ самоуправленію, тогда, пожалуй, онѣ рѣшатъ совмѣстно положить конецъ происходящимъ у васъ безпорядкамъ. Это разрушитъ всѣ ваши лучшія надежды, также какъ и надежды вашихъ друзей. Позвольте мнѣ сказать вамъ разъ навсегда: я отъ всего сердца желаю счастья Греціи и другихъ желаній у меня нѣтъ; я все на свѣтѣ готовъ сдѣлать для ея блага, но я не хочу и никогда не допущу того, чтобы въ Англіи правительство и публика обманывались на счетъ истиннаго положенія дѣлъ въ Греціи. Остальное зависитъ только отъ васъ, господа. Вы славно сражались, теперь поступите честно по отношенію другъ къ другу... Вы не должны допускать, чтобы даже клевета могла сравнивать турка съ греческимъ патріотомъ!»

Байронъ умеръ, какъ извѣстно, черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, 19-го апрѣля и въ греческой газетѣ напечатанъ длинный и подробный отчетъ о его похоронахъ. Надъ гробомъ этого умершаго англичанина «грекъ Трикуписъ произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ». Черезъ двѣ недѣли послѣ этого въ газетѣ былъ напечатанъ протоколъ вскрытія тѣла поэта, откуда мы узнаемъ, что мозгъ его вѣсилъ «шесть медицинскихъ фунтовъ», что кости черепа «отличались необыкновенною толщиною и твердостью и не имѣли швовъ» и что «печень у него была очень мала, такъ что кто-то замѣтилъ даже, что про Байрона можно сказать, что «печени у него совсѣмъ не было». Въ заключеніе протокола врачи,

на основаніи данныхъ, полученныхъ при вскрытіи, заявляли, что если бы Байронъ позволилъ пустить себѣ кровь, то онъ остался бы въ живыхъ!

Изъ статей греческой газеты видно также, что Байронъ, несмотря на то, что беззавѣтно жертвовалъ собою «святому дѣлу греческой независимости», какъ онъ называлъ его, не скрывалъ своихъ пессимистическихъ взглядовъ на исходъ борьбы и не вполнѣ довѣрялъ успѣху дѣла.

Выборы въ швейцарской общинѣ. Корреспондентъ газеты «Temps» описываетъ выборы, происходившіе въ одной изъ швейцарскихъ деревенскихъ общинъ въ Цюрихскомъ кантонѣ. Такія общины окружаютъ точно поясомъ цюрихскія озера, образуя непрерывный рядъ фермъ и маленькихъ домиковъ, группирующихся вокругъ школы и церкви. Обитатели общины рѣдко вмѣшиваются въ дѣйствія своего демократическаго кантональнаго правительства, но сами вѣдаютъ собственныя дѣла и назначаютъ своихъ должностныхъ лицъ: учителя, пастора и акушерку. Въ опредѣленные сроки всѣ жители общины собираются и рѣшаютъ путемъ голосованія всѣ вопросы, касающіеся внутренней администраціи общины. Голосованіемъ рѣшается также вопросъ, насколько пасторъ или школьный учитель удовлетворяютъ требованіямъ общины. Одинъ почтенный отецъ семейства, у котораго жилъ корреспондентъ, разсказывалъ ему, что онъ предоставляетъ своимъ дѣтямъ подавать голосъ, когда ставится вопросъ относительно учителя, и община должна рѣшить путемъ голосованія, оставить ли его въ прежней должности или же избрать другого. Если же дѣло касается пастора, то этотъ почтенный швейцарецъ предоставляетъ голосъ женѣ, находя что въ вопросахъ, касающихся религіи, женщины могутъ быть лучшими судьями. Если результаты голосованія будутъ отрицательными, то въ газетахъ объявляется, что «такая-то община вызываетъ кандидатовъ на должность пастора или учителя». Кандидаты являются и избраніе рѣшается опять-таки путемъ голосованія.

То же самое происходитъ и когда мѣсто акушерки въ общинѣ становится вакантнымъ, но на этихъ выборахъ голосъ предостовляется замужнимъ женщинамъ, матерямъ семействъ, такъ какъ только онѣ считаются компетентными въ этомъ случаѣ. Въ той общинѣ, въ которой жилъ корреспондентъ, много уже лѣтъ практиковала акушерка, «черезъ руки которой, — какъ выражались жители — прошла вся община». Но эта акушерка уже состарилась, руки у нея начали трястись и ей трудно было исполнять свои обязанности. Такъ какъ она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, то община рѣшила дать ей помощницу, которая впослѣдствіи могла бы занять ея мѣсто. Съ этою цѣлью назначены были выборы. Община захотѣла избрать кандидатку и отправить ее на свой счетъ въ Цюрихъ обучаться акушерству. На выборы явились три кандидатки, изъ которыхъ ни одна не была свѣдуща въ акушерствѣ, но всѣ три были извѣстны общинѣ какъ здоровыя, сильныя, работящія женщины, пользующіяся притомъ безукоризненною репутаціей.

Маленькая община въ день выборовъ приняла праздничный видъ. Всѣ жители нарядились въ лучшія платья, приберегаемыя для торжественныхъ случаевъ, напримѣръ, «праздникъ стрѣлковъ» и т. п. Но въ большую залу деревенской гостинницы, гдѣ происходили выборы, впущены были только деревенскія матроны. Избирательное бюро также состояло изъ женщинъ и ни одинъ мужчина не присутствовалъ въ залѣ выборовъ. Передъ избирательными урнами продефилировали всѣ замужнія женщины общины и когда результаты сдѣлались извѣстны, то двери залы были открыты и мужья, дожидавшіеся окончанія выборовъ, распивая пиво за столиками въ саду гостинницы, были приглашены въ залу и имъ было объявлено имя счастливой избранницы. Какъ и всѣ подобные акты, касающіеся общественной жизни въ Швейцаріи, такъ и это

избраніе заключилось общественнымъ праздникомъ, банкетомъ и баломъ, на которомъ отъ души веселилась вся молодежь общины.

Избранница же общины на другой день отправилась въ Цюрихъ для обученія акушерству. «Курьезнѣе всего,—замѣчаетъ корреспондентъ,—что мужъ ея, также служащій въ общинѣ, занимаетъ въ ней должность могильщика уже много лѣтъ».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«North American Review».—«Century Magazine».—«Revue des Revues».—«Quinzaine».—«Pearson's Magazine».

Профессоръ Ломброзо, давно уже занимающійся изслѣдованіями причинъ и распространенія преступности, говоритъ, между прочимъ, что статистика убійствъ можетъ служить «барометромъ цивилизаціи». Въ статьѣ, посвященной этому вопросу въ «North American Review», проф. Ломброзо говоритъ, что, изслѣдуя преступность въ наиболѣе культурныхъ и цивилизованныхъ странахъ, онъ пришелъ къ заключенію, что хотя общее число преступленій не уменьшается, но несомнѣнно ослабѣваетъ ихъ звѣрскій характеръ. По его наблюденію, во всѣхъ такихъ странахъ, одновременно съ уменьшеніемъ числа убійствъ, возрастаетъ число мошенничествъ и т. п. преступленій, лишенныхъ элемента жестокости, такъ что убійца какъ бы преобразуется мало-по-малу въ вора и мошенника, и это превращеніе, подвергая наибольшему риску собственность, влечетъ за собою въ то же время уменьшеніе риска для человѣческой жизни.

Статистика убійствъ можетъ служить, по словамъ Ломброзо, лучшимъ показателемъ степени культуры даннаго народа и можно навѣрно утверждать, что съ возрастаніемъ благосостоянія страны, увеличеніемъ ея народонаселенія и распространеніемъ грамотности, число подобныхъ преступленій уменьшается. Проф. Ломброзо приводитъ слѣдующія цифры: Италія—96 убійствъ на 100.000 населенія, Испанія—58, Португалія—25, Венгрія—75, Швеція и Норвегія—13, Франція и Бельгія—18, Германія—5, Англія—5.

Однако, въ Соединенныхъ Штатахъ замѣчается совершенно обратное явленіе которое, повидимому, находится въ явномъ противорѣчіи съ теоріей Ломброзо; тамъ число убійствъ, какъ показываетъ статистика, возрастаетъ самымъ тревожнымъ образомъ. Но профессоръ Ломброзо этимъ не смущается и старается подыскать различныя объясненія этому странному явленію. Прежде всего онъ говоритъ, что процентъ убійствъ не одинаковъ въ различныхъ штатахъ и въ старыхъ штатахъ на сѣверѣ число убійствъ не только не возрастаетъ, но даже уменьшается. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ условія, повидимому, такія же, какъ и во многихъ европейскихъ государствахъ, но зато въ другихъ штатахъ существуютъ, повидимому, условія, благопріятствующія убійствамъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ условій Ломброзо отводитъ климату и температурѣ; чѣмъ жарче климатъ, тѣмъ больше убійствъ совершается. Это же замѣчается и въ Англіи, гдѣ вмѣстѣ съ повышеніемъ температуры повышается и процентъ убійствъ. Въ Новой Англіи, напримѣръ, одно убійство приходится на 66.000 жителей, а въ Техасѣ — одно на 115. Въ этомъ послѣднемъ штатѣ даже школьники не разстаются съ оружіемъ. Нѣчто подобное наблюдалось и въ южной Италіи и въ то время, какъ въ южной Италіи на 100.000 жителей приходится 31 убійство, въ сѣверной только семь. Странно однако, что Ломброзо совершенно игнорируетъ Испанію и Португалію, климатъ которыхъ, конечно, жарче, чѣмъ климатъ Венгріи, и населеніе, пожалуй, еще менѣе культурно, а между тѣмъ процентъ убійствъ, какъ видно изъ приводимой имъ таблицы, гораздо меньше. Ломброзо никакъ не объясняетъ этого страннаго противорѣчія.

Другая причина, которой Ломброзо приписываетъ важное вліяніе на возрастаніе процента убійствъ въ Соединенныхъ Штатахъ, это—иммиграція и большая численность цвѣтной расы, которая, не смотря на вліяніе цивилизаціи, все-таки сохраняетъ нѣкоторыя изъ своихъ первобытныхъ наклонностей и, между прочимъ, склонность къ убійству. Хотя по статистикѣ 60% убійствъ совершаются представителями бѣлой расы и только 40% остаются на долю цвѣтной расы, но это, по мнѣнію Ломброзо, не можетъ служить опроверженіемъ его теоріи, такъ какъ надо имѣть въ виду при этомъ, что бѣлая раса составляетъ 88% всего населенія, а цвѣтная только 12%, такъ что если принять во вниманіе это отношеніе, то цвѣтная раса совершаетъ въ пять разъ больше убійствъ нежели бѣлая. «Такимъ образомъ,—говоритъ Ломброзо,— не будь негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то число преступленій тамъ было бы нисколько не больше, чѣмъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ Европы».

Сынъ знаменитаго англійскаго ученаго, профессора Томаса Гексли печатаетъ въ «Century Magazine» воспоминанія о своемъ отцѣ. Гексли, какъ видно изъ разсказовъ его сына, отличался необыкновенно рѣшительнымъ и твердымъ характеромъ, но въ то же время имѣлъ очень чувствительное и нѣжное сердце. Онъ такъ былъ занятъ, что въ теченіе недѣли семья видѣла его только мелькомъ послѣ перваго завтрака, который подавался въ восемь часовъ, но зато въ воскресенье онъ всегда подолгу гулялъ со своими старшими дѣтьми и разсказывалъ имъ разныя морскія исторіи, а также про животныхъ и про различные народы, населяющіе земной шаръ. Дѣти страшно любили эти прогулки и разсказы отца, старавшагося заинтересовать ихъ и возбудить ихъ любознательность. Когда семья переселялась въ деревню, то Гексли больше времени отдавалъ своимъ дѣтямъ. Послѣ обѣда они собирались у него въ кабинетѣ и онъ разсказывалъ имъ что-нибудь или рисовалъ для нихъ картинки. Семейная жизнь Гексли была настолько счастлива, что докторъ Дорнъ, состоящій при біологической станціи въ Неаполѣ и посѣтившій Гексли въ его лѣтней резиденціи, написалъ объ этомъ посѣщеніи слѣдующее: «Если бы мнѣ нужно было сдѣлать опредѣленіе слова «счастье»—понятія, возбуждавшаго не разъ большіе споры,—то я бы сказалъ только: ступайте и посмотрите на семью Гексли въ Сванеджѣ и, увидѣвъ то, что я видѣлъ тамъ, вы тотчасъ же поймете, что такое истинное счастье, и не будете нуждаться въ болѣе точномъ опредѣленіи этого слова».

Гексли былъ такимъ же нѣжнымъ дѣдушкой, какъ и отцомъ. Внуки его обожали. Впрочемъ, вообще всѣ дѣти любили Гексли, также какъ и онъ любилъ ихъ, и самые маленькіе ребята, въ первый разъ видѣвшіе его, съ большимъ довѣріемъ шли къ нему на руки. Онъ терпѣливо сносилъ и дѣтскій крикъ, и дѣтскія шалости и въ особенности любилъ своего маленькаго внука Юліана, чрезвычайно живого и смѣлаго мальчугана, который всегда съ самымъ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ въ глаза старшимъ и непремѣнно дѣлалъ то, что ему запрещали дѣлать. Гексли также очень любилъ кошекъ и посѣтители иногда заставали его читающимъ въ самой неудобной позѣ, которую онъ сохранялъ въ теченіе долгаго времени, чтобы только не потревожить кота, комфортабельно разлегшагося на его креслѣ. Гексли очень любилъ цвѣты и въ концѣ жизни много занимался садоводствомъ. Во время послѣдней болѣзни, пригвожденный къ постели долгіе мѣсяцы, онъ все-таки интересовался садомъ и разспрашивалъ домашнихъ, какіе цвѣты уже начали цвѣсти. Возлѣ его постели всегда стоялъ букетъ живыхъ цвѣтовъ.

Цвѣты онъ также называлъ «своими дѣтьми» и они услаждали своимъ видомъ и ароматомъ послѣдніе дни его жизни.

Извѣстно, что въ жилахъ Жоржъ-Зандъ текла смѣшанная кровь; отецъ ея былъ аристократъ, мать—дочь простыхъ парижскихъ рабочихъ. Этимъ смѣшаннымъ происхожденіемъ объясняли многія особенности характера и таланта Жоржъ-Зандъ. Авторъ статьи въ «Revue des Revues», разсказывающій исторію прабабки Жоржъ-Зандъ, знаменитой въ свое время пѣвицы Мари Веррьеръ, говоритъ, что Жоржъ-Зандъ унаслѣдовала очень многое отъ этой женщины, въ салонъ которой собирались всѣ звѣзды и представители литературы и философіи. Многочисленныя увлеченія Жоржъ-Зандъ, столь же знаменитыя, какъ и ея романы, представляютъ, по словамъ автора, очень много аналогіи съ увлеченіями Мари Веррьеръ, хотя, конечно, тутъ надо имѣть въ виду общественное положеніе этой послѣдней, которая была «свободной жрицей любви». Однако, Мари Веррьеръ все-таки была типомъ свободной женщины XVIII вѣка, мечтавшей о вліяніи на французскую литературу. Мечту эту впослѣдствіи осуществила черезъ много лѣтъ ея правнучка, Аврора Дюдеванъ.

Мари Веррьеръ, также какъ и впослѣдствіи ея знаменитая правнучка, не выносила никакихъ путъ и выше всего ставила свою личную независимость и свободу. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ людьми, Мари Веррьеръ всегда придерживалась этого принципа, но чтобы правильно судить о ней, не слѣдуетъ упускать изъ виду отношеній къ ней общества и господствующихъ въ тѣ времена взглядовъ. Поклоненіе уму доходило у Мари Веррьеръ до степени культа. Совсѣмъ молоденькою дѣвушкой она сошлась съ Мармонтелемъ и эта связь имѣла большое вліяніе на ея умственное развитіе. Со времени знакомства съ Мармонтелемъ, у Мари Веррьеръ явилось влеченіе къ людямъ избраннымъ и возникло страстное желаніе оказывать черезъ нихъ воздѣйствіе на театральное и литературное творчество своей эпохи.

Связь Мармонтеля съ Мари Веррьеръ очень напоминаетъ отношенія ея правнучки съ ея первымъ литературнымъ руководителемъ Сандо, и кончилась эта связь такъ же, какъ кончились эти отношенія. Но, примирившись съ потерею любовника, Мари Веррьеръ все-таки никакъ не могла примириться съ отсутствіемъ литературнаго салона и только и мечтала о томъ, чтобы стать во главѣ какого-нибудь театральнаго дѣла и вліять на драматическое искусство въ Парижѣ. Поэтому, когда богатый банкиръ д'Эпинэ, положилъ къ ея ногамъ свое сердце и кошелекъ, то она первымъ дѣломъ потребовала, чтобы онъ выстроилъ ей двѣ театральныя залы, одну въ ея лѣтней, а другую въ ея зимней резиденціи. Жоржъ-Зандъ также устроила театръ у себя въ Ноганѣ.

Исторія Альфреда Мюссе и Жоржъ-Зандъ была какъ бы повтореніемъ исторіи Мари Веррьеръ и поэта Колярдо. Измученная требовательною, эгоистическою и деспотическою любовью своего поэта, Мари Веррьеръ покинула его, такъ же какъ ея правнучка покинула Мюссе и ея романъ съ Колярдо, такъ же, какъ романъ Жоржъ-Зандъ съ Мюссе, долго служилъ предметомъ разговоровъ и далъ поводъ ко всевозможнымъ обвиненіямъ ея въ безнравственности и безсердечномъ кокетствѣ, какъ со стороны ея жертвы, такъ и со стороны общества. Колярдо, какъ впослѣдствіи Мюссе, увѣковѣчилъ свою связь съ Мари Веррьеръ въ стихахъ и то осыпалъ ея упреками и презрѣніемъ, то взывалъ къ ней со страстною мольбой. Много разъ Мари Веррьеръ, отличавшаяся нѣжностью души, готова была уступить этимъ мольбамъ и вернуться къ своему поэту и въ этомъ отношеніи душевная борьба, происходившая въ ней, представляетъ также много аналогіи съ той, которую пережила Жоржъ-Зандъ послѣ своего разрыва съ Мюссе.

Дальнѣйшая исторія Колярдо и его отношеній къ Мари Веррьеръ служитъ уже иллюстраціей общества той эпохи, относившагося вообще довольно снисходительно ко многимъ вещамъ, которыя въ другое время были бы заклеймены презрѣніемъ. Колярдо превратился въ настоящаго паразита; онъ жилъ на счетъ одной богатой покровительницы, открывшей ему свое сердце и кошелекъ, и въ

благодарность за это воспѣвалъ ее въ стихахъ самымъ восторженнымъ образомъ. Отчасти къ этому побуждало его чувство досады, желаніе доказать Мари Веррьеръ, что онъ нисколько не грустить о ней. Цѣль его отчасти была достигнута; Мари Веррьеръ была возмущена его легкомысліемъ и между нею и ея новою соперницей, покровительницею Колярдо, г-жею Вьевилль, возникла борьба изъ-за вліянія. Въ отместку Мари Веррьеръ, г-жа Вьевилль также захотѣла устроить у себя литературный салонъ—«bureau d'esprit», какъ называли тогда. Ей хотѣлось, чтобы ея домъ былъ центромъ литературнаго вліянія, какъ бы преддверіемъ академіи. Поэтому она постоянно старалась возбудить честолюбіе Колярдо и побуждать его къ разнымъ выходкамъ противъ Мари Веррьеръ. Чтобы угодить своей покровительницѣ, Колярдо написалъ комедію «Les perfidies à la mode», направленную противъ Мари Веррьеръ. Затѣмъ, побуждаемый г-жею Вьевилль, Колярдо выставилъ свою кандидатуру въ академію. Мари Веррьеръ, которая на зло Колярдо, сошлась съ Лагарпомъ, тоже съ своей стороны побуждала его выставить свою кандидатуру. Возникла настоящая борьба между двумя салонами и обѣ соперницы изощряли всѣ свои средства въ этой борьбѣ, всѣ свои способности къ интригѣ. Мари Веррьеръ мобилизовала для поддержки Лагарпа весь полкъ своихъ послушныхъ обожателей и друзей. Борьба эта занимала все общество, раздѣлившееся также на два лагеря; всѣ прекрасныя дамы Франціи и Наварры, знавшія всѣ подробности этой любовной драмы, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми ея перипетіями. Но, увы, бѣдная Мари Веррьеръ умерла до окончанія этого состязанія; впрочемъ, это избавило ее отъ огорченія видѣть торжество Колярдо, который былъ избранъ въ академію.

Въ этой опьяняющей атмосферѣ любви, литературныхъ успѣховъ, свѣтскихъ интригъ и безпощадной критики и насмѣшки надъ всѣми учрежденіями, всѣмъ строемъ современнаго общества, выросла мать знаменитой писательницы, осуществившей въ слѣдующемъ вѣкѣ стремленія и мечты своей прабабки сдѣлаться руководительницей литературнаго движенія во Франціи.

Въ журналѣ «Quinzaine» напечатаны не лишенные интереса письма Монталамбера отъ 1860—1865 года, адресованныя одному молодому священнику въ Лангедокѣ, посвятившему статью въ одномъ изъ мѣстныхъ журналовъ произведеніямъ Монталамбера. Эта переписка главы либеральной католической партіи представляетъ вполнѣ современный интересъ.

Монталамберъ очень строго осуждаетъ поведеніе католическаго духовенства и возмущается противъ рокового вліянія той школы, «которая господствуетъ надъ французскимъ духовенствомъ, подчиняя его своей волѣ и дѣлая его жертвою и сообщникомъ наполеоновскаго цезаризма». Вотъ что говоритъ этотъ вождь католицизма въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Десять тысячъ священниковъ пропитываются воззрѣніями рабскаго фанатизма, заставляющаго ихъ мечтать о такомъ идеальномъ христіанскомъ обществѣ, въ которомъ мэръ и жандармъ всегда находились бы къ ихъ услугамъ. Но, къ счастью, этотъ режимъ не имѣлъ успѣха въ прошломъ и не будетъ имѣть успѣха и въ будущемъ. Повѣрьте мнѣ, мой дорогой аббатъ, церковь ничего не выиграетъ отъ употребленія насилія въ дѣлѣ обращенія душъ и рано или поздно такой образъ дѣйствій всею тяжестью обрушится на нее и будетъ ей вмѣненъ какъ преступленіе...»

Въ послѣднемъ нумерѣ англійскаго журнала «Pearson's Magazine», докторъ миссъ Лиліасъ Гамильтонъ, занимающая должность лейбъ-медика афганскаго эмира Абдуррахмана, описываетъ жизнь при афганскомъ дворѣ и дѣлаетъ характеристику восточнаго властителя, оказавшагося на дѣлѣ настоящимъ сторонникомъ женскаго равноправія и, несмотря на магометанскую вѣру, не видящимъ ничего предосудительнаго въ томъ, что женщина исполняетъ обязанности мужчины и занимаетъ мѣсто придворнаго врача.

Миссъ Лиліасъ Гамильтонъ удалось вылѣчить эмира отъ опасной болѣзни и съ тѣхъ поръ она пользуется его неизмѣннымъ довѣріемъ. Миссъ Гамильтонъ очень хвалитъ эмира, какъ паціента, и говоритъ, что онъ отличается необыкновеннымъ послушаніемъ и терпѣніемъ и всегда исполняетъ всѣ ея предписанія самымъ точнымъ образомъ. Когда онъ выздоравливалъ послѣ своей тяжкой болѣзни, то до смѣшного боялся сдѣлать какой бы то ни было шагъ безъ ея разрѣшенія. Однажды ночью онъ послалъ за нею, чтобы только спросить ее, можетъ ли онъ съѣсть мятную лепешку, такъ какъ ему очень этого хотѣлось, но онъ не рѣшался сдѣлать это безъ разрѣшенія своего врача. Миссъ Лиліасъ находилась почти безвыходно возлѣ него во время его тяжкой болѣзни и говорила, что ей временами казалось, будто она переселилась во времена Саула и Соломона—до того отъ всѣхъ порядковъ и обычаевъ, господствовавшихъ во дворцѣ, вѣяло сѣдою стариной.

Эмиръ, по ея словамъ, представляетъ типъ восточнаго деспота, но деспота, доступнаго благороднымъ порывамъ и чувствамъ. Въ странѣ нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ его воли, и онъ даже не можетъ представить себѣ, чтобы что-нибудь могло быть сдѣлано противъ его желанія или наперекоръ его приказанію. Малѣйшее ослушаніе навлекаетъ строгую кару, какъ самое тяжелое преступленіе. Когда однажды миссъ Гамильтонъ попробовала было воздѣйствовать на эмира и побудить его уничтожить произволъ и смягчить суровыя наказанія, то эмиръ, очевидно хорошо освѣдомленный насчетъ способовъ, при помощи которыхъ европейцы иногда вводятъ цивилизацію среди дикарей, напомнилъ ей о подвигахъ Стэнли и Петерса и сказалъ, что европейцы весьма немногимъ отличаются отъ азіатовъ и прибѣгаютъ для утвержденія своего авторитета и поддержанія своего господства къ такимъ же суровымъ мѣропріятіямъ, къ какимъ прибѣгаютъ азіатскіе деспоты.

Въ Кабулѣ, какъ говоритъ миссъ Гамильтонъ, никто не обращаетъ вниманіе на время, надъ всѣмъ царитъ воля или капризъ эмира. Онъ рѣдко встаетъ раньше полудня, но если ему вздумается встать раньше, то всѣ уже должны быть на своихъ мѣстахъ. Назначеннаго времени для обѣда не существуетъ и миссъ Гамильтонъ никакъ не могла втолковать эмиру пользы правильнаго распредѣленія времени. Только когда онъ былъ боленъ, онъ подчинился установленному ею режиму, а затѣмъ, когда выздоровѣлъ, все опять пошло по старому. Обѣдъ долженъ быть готовъ во всякое время и долженъ быть поданъ тотчасъ же, какъ потребуетъ эмиръ. Иногда случается, что онъ среди ночи вдругъ почувствуетъ голодъ, и бѣда, если повара окажутся тогда не на высотѣ своихъ обязанностей.

Эмиръ очень любитъ разговаривать о политикѣ и во время своего выздоровленія цѣлыми часами бесѣдовалъ съ миссъ Лиліанъ о разныхъ политическихъ вопросахъ, конечно, такихъ, которые по преимущестну затрогивали афганскіе интересы. Эмиръ довольно свѣдущъ въ этихъ вопросахъ и высказываетъ часто очень здравыя сужденія. Миссъ Лиліасъ говоритъ, что онъ чрезвычайно любознателенъ и эта любознательность его подчасъ бывала ей въ тягость. Онъ буквально закидывалъ ее вопросами, на которые она подчасъ не знала даже, какъ отвѣчать. Эмиръ требовалъ отъ нея настоящихъ энциклопедическихъ познаній и удивлялся и даже былъ недоволенъ, если она не могла ему что-нибудь объяснить удовлетворительнымъ образомъ. Поэтому-то миссъ Лиліасъ и нашла нужнымъ запастись во время отпуска самыми разнообразными свѣдѣніями, не имѣющими ровно никакого отношенія къ ея спеціальности, и захватила съ собою въ Кабулъ британскій энциклопедическій словарь.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Работа мысли въ новѣйшей зоологіи.

Профессора **Н. А. Холодковскаго.**

Охотно принявъ предложеніе редакціи «Міра Божьяго» участвовать въ отдѣлѣ «Научный обзоръ», я долгое время колебался въ выборѣ способа осуществленія этой задачи по отношенію къ моей спеціальности—зоологіи. Было бы, разумѣется, немыслимо дать въ предѣлахъ небольшой журнальной статьи сколько-нибудь полный обзоръ движенія этой науки хотя бы за одинъ годъ: не только безчисленные интересные факты, но и главнѣйшіе частные вопросы не уложились бы въ эту узкую рамку. Можно было бы выбрать *нѣкоторые* изъ фактовъ и вопросовъ, могущіе интересовать не только спеціалиста, но и всякаго любознательнаго читателя. Но, во-первыхъ, этотъ путь отчасти уже «использованъ» другими *), во-вторыхъ онъ, во всякомъ случаѣ, можетъ вести только къ сообщенію группы свѣдѣній, болѣе или менѣе важныхъ и интересныхъ, общей же картины прогресса науки за извѣстный періодъ онъ не дастъ. Поэтому, отказавшись пока отъ такого подбора вопросовъ и фактовъ, по трудности его систематизированія, я пришелъ къ убѣжденію, что, въ особенности для *перваго* обзора по зоологіи, лучше всего будетъ разсмотрѣть нѣкоторыя наиболѣе общія направленія и главнѣйшія теченія мысли, характеризующія, по моему мнѣнію, современное состояніе нашей науки.

Прежде всего надо отмѣтить тотъ фактъ, что переживаемое нами время, по отношенію къ зоологіи, какъ и по отношенію къ другимъ отраслямъ знанія и общественной жизни, есть эпоха переходная. Еще недавно, въ восьмидесятыхъ годахъ, почти безраздѣльно царило въ нашей наукѣ *филогенетическое* направленіе. Изученіе животныхъ формъ въ ихъ сопоставленіи и преемственности казалось чуть не единственною задачею зоолога; отъ этого изученія наука наша ждала разъясненія всевозможныхъ вопросовъ, на этомъ изученіи строилось все біологическое міросозерцаніе. Какъ во времена Линнея надъ всѣмъ царила систематика, такъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ нашего истекающаго столѣтія *филогенія* заслонила собою всѣ прочіе біологическіе интересы, отодвинула ихъ на задній планъ. Оно и немудрено: эволюціонное ученіе, получивъ въ теоріи естественнаго подбора могучую поддержку, быстро пріобрѣло въ наукѣ право гражданства, въ которомъ ему такъ долго отказывали со временъ Кювье; плотина была разрушена и новая струя шумно ворвалась въ научную жизнь, ниспровергая все, что встрѣчалось на ея пути. Родство органическихъ формъ, о которомъ прежде говорилось только фигурально, для обозна-

*) См., напр., обзоры по зоологіи профессора В. М. Шимкевича въ журналѣ «Естествознаніе и Географія».

ченія близкаго систематическаго положенія сравниваемыхъ между собою организмовъ, превратилось въ живое, фактическое родство; такія книги, какъ «Общая морфологія» (Generelle Morphologie) Геккеля и его же сочиненія «Natürliche «Schöpfungsgeschichte и «Anthropogenie» стали въ глазахъ отчасти самихъ спеціалистовъ, а еще болѣе въ глазахъ учащагося юношества и массы интеллигентной публики,—кодексами знанія, чуть не основою новой философіи. Всего болѣе содѣйствовала успѣхамъ филогеніи сравнительная эмбріологія, которая, казалось, въ простыхъ и ясныхъ картинахъ давала неожиданно-быстрое, блестящее разоблаченіе филогенетическаго развитія животныхъ. Благодаря капитальнымъ работамъ Александра Ковалевскаго, теорія зародышевыхъ пластовъ получила приложеніе ко всему животному царству, а Геккель, основавъ гастрейную теорію и выразивъ ее въ чрезвычайно удачно подобранныхъ терминахъ и формулахъ, такъ сказать, популяризировалъ теорію пластовъ и придалъ ей выдающееся, господствующее значеніе въ зоологіи.

И вотъ, прошло какихъ-нибудь два десятилѣтія—и мы стоимъ на рубежѣ крупной перемѣны. Уже во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ громко стали раздаваться голоса, называвшіе «Generelle Morphologie», «Anthropogenie» и другія однородныя сочиненія Геккеля—романами, отчасти даже плохими романами; въ то же время сдѣланы были рѣшительныя попытки потрясти прочно, казалось, утвердившійся догматъ всеобщей гомологіи зародышевыхъ пластовъ. Филогенетическія обобщенія и генеалогическія древовидныя схемы стали встрѣчаться все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ скептицизмомъ, и не безъ основанія, такъ какъ въ своемъ увлеченіи филогенезомъ нѣкоторые теоретики, потерявъ всякое чувство мѣры, стали возвращать насъ къ добрымъ старымъ временамъ натурфилософіи со всѣмъ ея, не знавшимъ удержу, произволомъ. Что касается догмата гомологіи зародышевыхъ пластовъ, то прежде всего скомпрометирована была гомологія средняго пласта, мезодермы, а въ новѣйшихъ эмбріологическихъ работахъ даже два первичные пласта—эктодерма и энтодерма—до такой степени развѣнчиваются въ качествѣ «основныхъ примитивныхъ органовъ», что защитникамъ этого установившагося въ учебникахъ догмата приходится усиленно выступать на защиту его.

Всѣ эти «знаменія времени» показываютъ, что исключительное господство филогенетической морфологіи отжило свое время и начинаетъ уступать, мало-по-малу, новымъ вѣяніямъ. Филогенетическія работы дали зоологіи очень многое и, безъ сомнѣнія, ни эмбріологія, ни сравнительная анатомія далеко еще не исчерпали своихъ задачъ, если даже онѣ будутъ слѣдовать обычнымъ, чисто морфологическимъ методамъ изслѣдованія. Но все же интересъ къ филогенезу значительно ослабѣлъ; на мѣсто его выдвигаются другіе вопросы, болѣе физіологическаго свойства. Начатки этого новаго направленія стали, правда, проявляться еще въ семидесятыхъ годахъ, въ самомъ расцвѣтѣ морфолого-генетическаго періода: тотъ же самый Дорнъ, который, не опасаясь множества натяжекъ, производитъ позвоночныхъ животныхъ, какъ старые натурфилософы, отъ кольчатыхъ червей,—основалъ плодотворное ученіе о «перемѣнѣ функцій»; тотъ же самый Земперъ, который своими работами о развитіи выдѣлительной системы акуловыхъ рыбъ положилъ основу теоріи, упорно защищаемой Дорномъ,—написалъ превосходную книгу «о естественныхъ условіяхъ существованія животныхъ», въ которой указалъ на необходимость изученія «цѣлыхъ организмовъ» въ живомъ соотношеніи ихъ съ внѣшнею средою. Но никогда еще стремленіе къ приложенію чисто физіологическихъ методовъ изслѣдованія, къ изученію физико-химическихъ основъ жизни не проявлялось въ зоологіи съ такою силою и настойчивостію, какъ въ настоящее время.

Экспериментъ, который до новѣйшаго времени считался главнымъ образомъ орудіемъ физіологовъ, начинаетъ все болѣе и болѣе эксплуатироваться анатомами и

эмбріологами. Изучая животную клѣтку, современный изслѣдователь не только интересуется ея морфологическимъ изученіемъ, которое Альтманомъ и его школою доведено до мельчайшихъ подробностей, но старается свести ея жизненную дѣятельность и самое ея морфологическое устройство къ физикохимическимъ основамъ (Бючли), изслѣдуетъ вліяніе химическихъ агентовъ на ядро и протоплазму, пытаясь выдѣлить, путемъ эксперимента, физіологическую дѣятельность того и другой (Демооръ); наконецъ, особенное вниманіе посвящаетъ онъ процессу размноженія клѣтки, при которомъ выступаетъ дѣятельность, а стало быть, и значеніе центральныхъ тѣлецъ (центрозомъ) и хроматиннаго вещества ядра. Изучая анатомическое строеніе многоклѣточныхъ организмовъ, современный зоологъ все чаще и чаще пользуется впрыскиваніемъ въ полость тѣла живого животнаго различныхъ веществъ, имѣющихъ сродство къ тѣмъ или другимъ тканямъ и органамъ,—методомъ, также въ значительной степени экспериментальнымъ; такъ, введеніе растворовъ кармина, разболтанной въ водѣ китайской туши и другихъ веществъ, примѣненное Ковалевскимъ и его учениками, а за ними и другими учеными, привело къ открытію и выясненію физіологическаго значенія многихъ органовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ или же мало извѣстныхъ и непонятныхъ. Опыты съ ампутированіемъ разныхъ частей животныхъ, съ цѣлью наблюденія регенераціи ихъ, также повели къ множеству интересныхъ открытій и къ основанію ученія о гетероморфозѣ (Лёбъ); опыты надъ вліяніемъ разныхъ физическихъ и химическихъ агентовъ на цѣлые животные организмы и на отдѣльныя клѣтки выдвинули вопросы о хемотропизмѣ, термотропизмѣ, геліотропизмѣ животныхъ и проч.

Но едва ли не наиболѣе интересуются зоологи въ настоящее время приложеніемъ экспериментальныхъ способовъ изслѣдованія къ эмбріональному развитію животныхъ. На этой почвѣ уже выросла цѣлая новая наука—экспериментальная морфологія или, какъ ее обыкновенно называютъ въ Германіи, механика исторіи развитія (Entwickelungsmechanik). Этой новой отрасли біологіи посвященъ уже особый журналъ («Archiv für Entwicklungsmechanik»), основанный нѣмецкимъ анатомомъ и эмбріологомъ Вильгельмомъ Ру, въ настоящее время профессоромъ въ Галле. Названіе «механика исторіи развитія», положимъ, не совсѣмъ удачно и нѣсколько претенціозно, такъ какъ приложеніе экспериментальнаго метода далеко еще не даетъ возможности свести всѣ процессы развитія или хотя бы только нѣкоторые изъ нихъ къ простымъ законамъ механики. Этимъ отчасти объясняются тѣ страстныя нападки на Ру и его журналъ, которыя высказаны О. Гертвигомъ въ его брошюрѣ «Mechanik und Biologie» (Iena 1897). О. Гертвигъ утверждаетъ, что экспериментальный методъ практиковался въ морфологіи многими раньше Ру и его школы, что названіе «механика» неприложимо къ исторіи развитія, что экспериментъ ничуть не долженъ считаться какимъ-то высшимъ орудіемъ, въ сравненіи съ наблюденіемъ и, наконецъ, что никакой новой науки «механика исторіи развитія» собою не представляетъ. «Для меня,—говоритъ Гертвигъ,—природа является по меньшей мѣрѣ столь же надежнымъ учителемъ, какъ и экспериментирующій анатомъ. Природѣ, которая является передъ нами въ видѣ разнообразныхъ, взаимно пополняющихъ другъ друга объектовъ и измѣненій ихъ, причемъ всѣ эти явленія абсолютно однородны и строго закономѣрны,—этой природѣ я даже отдаю предпочтеніе передъ человѣческими экспериментами, результаты которыхъ всегда обнаруживаютъ нѣкоторыя колебанія». Другими словами, Гертвигъ является защитникомъ стараго, излюбленнаго морфологами-филогенетиками, метода непосредственнаго *наблюденія*, безъ экспериментальнаго вмѣшательства. Для поддержки своихъ доводовъ онъ приводитъ характеристику наблюденія и опыта, сдѣланную знаменитымъ физіологомъ и анатомомъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ—Іоганномъ Мюллеромъ. Вотъ эта замѣчательная характеристика: «На-

блюденіе просто, спокойно, прилежно, честно, лишено предвзятаго мнѣнія; опытъ искусственъ, нетерпѣливъ, суетливъ, склоненъ разбрасываться, страстенъ, ненадеженъ. Нѣтъ ничего легче, какъ надѣлать множество такъ называемыхъ интересныхъ опытовъ. Стоитъ лишь насильственно испытывать природу тѣмъ или другимъ способомъ: она всегда будетъ вынуждена, въ своихъ страданіяхъ, дать какой-нибудь отвѣтъ. Но нѣтъ ничего труднѣе, какъ правильно истолковать этотъ отвѣтъ; нѣтъ ничего труднѣе, какъ произвести надежный физіологическій опытъ». Приводя эти слова, Гертвигъ, впрочемъ, самъ признаетъ нѣкоторую односторонность такой аттестаціи наблюденія и опыта и соглашается, что существуетъ множество вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ можно подойти *только съ помощью эксперимента.* Нападки Гертвига вызвали горячую отповѣдь со стороны Ру,—отповѣдь, которая весьма удачно опровергаетъ множество частныхъ упрековъ, брошенныхъ Гертвигомъ Ру и его послѣдователямъ, а также достаточно защищаетъ самостоятельное положеніе экспериментальной морфологіи, какъ «новой» науки. Дѣйствительно, нельзя оспаривать, что если экспериментальный методъ въ морфологіи примѣнялся, *въ частностяхъ*, уже давно и многими, то возведеніе его въ систему, основаніе новой морфологической дисциплины, которая ставитъ себѣ задачею не простое *описаніе* и сопоставленіе явленій живой природы, а *анализъ ихъ причинъ* съ помощью систематическихъ опытовъ, составляетъ всецѣло заслугу Ру и его школы. При этомъ, однако, Гертвигъ остается вполнѣ правъ, находя терминъ «механика исторіи развитія» неудачнымъ и невѣрнымъ; возраженія Ру на этотъ упрекъ слабы и отчасти даже комичны. Такъ, онъ разсказываетъ исторію имени, которое онъ собирался дать основанной имъ наукѣ, причемъ думалъ, между прочимъ, дать ей названіе «физіологіи исторіи развитія», но отказался отъ этого намѣренія по разнымъ соображеніямъ, въ числѣ которыхъ фигурируетъ опасеніе, что ученые, посвятившіе себя этой отрасли, будучи въ сущности анатомами, а не физіологами, не найдутъ себѣ каѳедръ въ нѣмецкихъ университетахъ! Отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ!

Названіе «экспериментальная морфологія», которое Ру почему-то не избралъ, очевидно, подходило бы къ основанному имъ новому біологическому направленію всего лучше. Оно, во-первыхъ, нисколько не претенціозно, во-вторыхъ, совершенно вѣрно выражаетъ всю суть дѣла, т.-е. и выдающееся значеніе эксперимента въ этой дисциплинѣ, и то обстоятельство, что работники ея, несмотря на физіологическіе методы изслѣдованія, по существу остаются морфологами. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что Ру, внесшій физіологическій оттѣнокъ въ современную морфологію, является въ вопросахъ наслѣдственности вѣрнымъ союзникомъ Вейсмана,—чистѣйшаго морфолога, который рѣшительно всѣ явленія жизни клѣтки хочетъ свести на борьбу за существованіе мельчайшихъ частицъ, составляющихъ гипотетическую зародышевую плазму. Здѣсь повторяется та же исторія, которая случилась въ восьмидесятыхъ годахъ съ Негели, пожелавшимъ основать новую, «механико-физіологическую» теорію развитія. По его мнѣнію, вопросы о происхожденіи живыхъ существъ, вопросы наслѣдственности и филогеніи подлежатъ главнымъ образомъ вѣдѣнію физіологовъ, а морфологическія науки могутъ доставить для этого лишь сырой матеріалъ. И что же? Для объясненія явленій наслѣдственности, индивидуальнаго и племенного развитія физіологъ Негели не нашелъ ничего другого, какъ чисто морфологическую схему идіоплазмы, съ мельчайшими гипотетическими частицами (мицеллами) опредѣленной формы, расположенными опредѣленными рядами и т. д. Очевидно, при современномъ состояніи нашихъ знаній о живомъ веществѣ такіе, сложные вопросы, какъ, напр., наслѣдственность, съ чисто физіологической стороны еще слишкомъ мало доступны и поневолѣ приходится прибѣгать къ морфологическимъ схемамъ.

Повидимому, отчасти именно въ силу этого, такъ сказать, вынужденно-морфо-

логическаго направленія теорій наслѣдственности, не могутъ пробить себѣ дороги такъ называемыя «ламаркистскія» тенденціи Эймера, Гааке и другихъ. Естественный подборъ—принципъ чисто морфологическій; теорія Дарвина и въ особенности теорія Вейсмана въ физіологическихъ данныхъ, строго говоря, не нуждаются: онѣ имѣютъ дѣло съ *готовыми* варіаціями, которыя эксплуатируются естественнымъ подборомъ, а какъ возникли варіаціи — для нихъ, въ сущности, вопросъ второстепенный. Напротивъ, другія теоріи развитія (Жоффруа Сентъ-Илера, Ламарка, Негели, Эймера, Гааке) стремятся не только объяснить происхожденіе видовъ, но и самое возникновеніе варіацій. Теорія Дарвина, которой впервые удалось укрѣпить догматъ измѣняемости видовъ, своимъ блестящимъ успѣхомъ затмила и вытѣснила теоріи Жоффруа Сантъ-Илера и Ламарка; точно такъ же и въ наши дни теорія Вейсмана, развившая принципъ естественнаго подбора до крайнихъ предѣловъ, пользуется бóльшимъ успѣхомъ, чѣмъ теоріи Эймера и Гааке. Но чѣмъ далѣе развивается теорія естественнаго подбора, тѣмъ болѣе чувствуются ея недостатки, какъ *исключительной* формы эволюціонной теоріи, тѣмъ болѣе наростаетъ потребность въ объясненіи возникновенія варіацій. Эймеръ, упорно отстаивающій свою теорію ортогенеза или органическаго роста, изложеніе которой завело бы насъ слишкомъ далеко, недавно выпустилъ большую книгу («Orthogenesis der Schmetterlinge»), въ которой онъ собралъ множество интересныхъ фактовъ, ясно доказывающихъ, что однимъ естественнымъ подборомъ невозможно объяснять органическое развитіе: не только самое возникновеніе варіацій не зависитъ отъ естественнаго подбора, но и дальнѣйшее развитіе ихъ можетъ совершаться безъ его помощи; естественный подборъ есть факторъ контролирующій, но не создающій. Но если Эймеру удается сдѣлать въ высокой степени вѣроятнымъ, что, напр., рисунокъ на крыльяхъ бабочекъ извѣстной группы развивается закономѣрно, послѣдовательно проходя извѣстныя стадіи, то, допустивъ даже, что это развитіе происходитъ отъ комбинированія внѣшнихъ вліяній съ внутренними силами и жизненными процессами организма, мы все-таки рѣшительно не въ состояніи будемъ объяснить, почему именно порядокъ развитія рисунка такой, а не иной, и тѣмъ менѣе, почему данное внѣшнее вліяніе вызываетъ данное измѣненіе въ организмѣ. Чрезвычайно интересные опыты лепидоптерологовъ, напр., Штандфусса, показываютъ, что, напр., измѣненія температуры вызываютъ вполнѣ опредѣленныя измѣненія окраски бабочекъ; такъ, большая перламутровка *Argynnis Aglaja*, развиваясь при повышенной температурѣ, становится сверху ярко-бурокрасною, а зеленый цвѣтъ снизу дѣлается значительно темнѣе, при пониженной же температурѣ вся окраска дѣлается темнѣе, особенно на переднихъ крыльяхъ разростается темный рисунокъ. Но почему это именно такъ, а не наоборотъ или вообще не иначе,— объ этомъ мы не имѣемъ даже отдаленнаго представленія, да нельзя и думать о полномъ объясненіи такихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, какъ происхожденіе окраски на крыльяхъ бабочекъ, когда химія и физіологія животныхъ красокъ вообще находится въ зачаткѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что пока сравнительная физіологія не разовьется въ той же мѣрѣ, какъ развились сравнительная анатомія и эмбріологія, ученіе Жоффруа Сентъ-Илера и Ламарка не пріобрѣтетъ господствующаго положенія въ біологіи. Теорія естественнаго подбора тѣмъ и сильна, что она обходитъ щекотливый вопросъ о первомъ возникновеніи варіацій и работаетъ съ готовымъ матеріаломъ, а для «ламаркистовъ», ставящихъ вопросъ о развитіи шире и глубже, бóльшую часть матеріала слѣдуетъ еще подготовить. Притомъ, надо еще принять во вниманіе, что если и удастся объяснить происхожденіе варіацій, то придется имѣть дѣло съ вопросомъ: какія варіаціи наслѣдственны и какія нѣтъ, и почему именно, т. е. опять понадобится хорошо разработанная и физіологически обоснованная теорія наслѣдственности. Все это дѣло будущаго и, можетъ быть, не близкаго; а по-

ка «ламаркизмъ» находится въ зачаточномъ состояніи и имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе, какъ заслуживащій полнаго вниманія протестъ противъ крайностей ученія о естественномъ подборѣ.

Пониженіе интереса къ филогенезу имѣло своимъ послѣдствіемъ не только развитіе новыхъ направленій въ морфологіи, не только повело къ воскрешенію ламаркизма, но и способствовало возрожденію тѣхъ отраслей зоологіи, которыя въ расцвѣтѣ филогенетическаго періода были заброшены. Такъ, стали вновь болѣе усердно заниматься изученіемъ жизни животныхъ. Эта отрасль старательно культивировалась въ прошломъ столѣтіи, которое оставило намъ превосходныя изслѣдованія Рёзеля, Реомюра, Де-Геера и другихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Кювье положилъ прочное основаніе сравнительной анатоміи и морфологіи вообще, весь интересъ изслѣдователей сосредоточился на темахъ морфологическаго характера, а изученіе образа жизни животныхъ предоставлено было охотникамъ и любителямъ. Результатомъ этого былъ несомнѣнный застой въ развитіи знаній о жизни животныхъ. Еще относительно позвоночныхъ, въ особенности птицъ и млекопитающихъ, продолжалъ накопляться богатый матеріалъ, доставляемый путешественниками и охотниками; что же касается безпозвоночныхъ, изученіе жизни которыхъ привлекаетъ гораздо меньшее число любителей и требуетъ нерѣдко значительной научной подготовки, то невѣжество современныхъ натуралистовъ въ этомъ отношеніи поразительно велико. Оказывается, напр., что мы знаемъ мельчайшія подробности анатоміи и эмбріологіи рѣчного рака—и очень мало можемъ сказать о его зимовкѣ, о его половой жизни и проч.; мы имѣемъ подробныя изслѣдованія строенія тѣла постельнаго клопа—и далеко недостаточно знакомы съ періодами его размноженія; мы прекрасно ознакомлены съ строеніемъ и эмбріональнымъ развитіемъ комнатной мухи—и лишь сравнительно недавно познакомились достаточно съ ея личинкою, и т. д., и т. д. Сознаніе этого пробѣла, наконецъ, настолько усилилось, что явился новый журналъ, который, на ряду съ морфологическими задачами, сталъ равномѣрно преслѣдовать и задачи зообіографіи или экологіи («Zoologische Jahrbücher, Abtheilung für Biologie»). Этотъ журналъ, издающійся уже нѣсколько лѣтъ и богатый интересными работами, представляетъ собою, такимъ образомъ, тоже одно изъ знаменій времени. Когда интересъ къ изученію жизни животныхъ снова оживился, это тотчасъ же отразилось и на нѣкоторыхъ отрасляхъ зоологіи, тѣсно связанныхъ съ этимъ изученіемъ. Возникли новыя задачи въ зоогеографіи, которая до недавняго времени стремилась главнымъ образомъ установить, въ связи съ геологическими данными и предположеніями, границы и взаимную связь отдѣльныхъ фаунъ. Новѣйшему времени принадлежитъ, напр., возникновеніе ученія о *планктонѣ*, т. е. о совокупности тѣхъ организмовъ, которые всю или почти всю свою жизнь плаваютъ, составляя живое содержаніе различныхъ водъ. Таковы различныя микроскопическія простѣйшія животныя, медузы, мелкіе рачки, личинки разныхъ животныхъ и проч. Планктонъ играетъ, безъ сомнѣнія, огромную роль въ экономіи природы, такъ какъ составляющіе его организмы служатъ пищею для множества болѣе крупныхъ животныхъ; когда планктонные организмы гибнутъ отъ тѣхъ или другихъ причинъ, напр., отъ рѣзкихъ измѣненій температуры, то нерастворимыя части ихъ осѣдаютъ на дно, а растворимыя распространяются въ водѣ. Такимъ образомъ планктонъ имѣетъ очевидное вліяніе какъ на составъ водъ, такъ и на химическій характеръ дна водоемовъ. Такимъ образомъ изученіе планктона оказывается весьма важнымъ и интереснымъ во многихъ отношеніяхъ, какъ съ чисто теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія, и новѣйшая біологія уже выработала цѣлую методику для качественнаго и количественнаго изслѣдованія планктона. Первоначально біологи интересовались преимущественно морскимъ планктономъ, но въ послѣдніе годы чрезвычайно выдвинулся

вопросъ о систематическомъ изслѣдованiи *прѣсныхъ водъ*. Въ перiодъ филогенетической горячки *море* привлекло къ себѣ большую часть свѣжихъ научныхъ силъ, надѣявшихся найти въ немъ разгадку многихъ и многихъ тайнъ, такъ какъ, по общепринятому взгляду, унаслѣдованному нами отъ натурфилософовъ, а натурфилософами—отъ древней греческой философiи,—въ океанѣ находится начало всякой жизни. Прѣсныя воды, какъ населенныя организмами болѣе вторичнаго характера, переселившимся отчасти съ суши, отчасти изъ морей, привлекали къ себѣ сравнительно мало вниманiя. Но когда неотложныя филогенетическiя задачи частью были рѣшены, частью оказались пока недоступными удовлетворительному рѣшенiю, наступила нѣкоторая реакцiя; и тутъ-то бiологи снова обратили болѣе пристальное вниманiе на прѣсныя воды. Еще въ семидесятыхъ годахъ швейцарскiй зоологъ Форель основалъ новую науку—*лимнологiю*; интересъ къ ней мало-по-малу все возросталъ и въ послѣднiя десять лѣтъ открылось нѣсколько прѣсноводныхъ бiологическихъ станцiй въ Богемiи, Германiи, Францiи, Америкѣ и, наконецъ, у насъ въ Россiи. Станцiи эти поставили себѣ задачею какъ изслѣдованiе планктона, такъ и вообще всестороннее изученiе жизни прѣсныхъ водъ. Весьма возможно, что работы этихъ станцiй современемъ будутъ имѣть не меньшее, а въ практическомъ отношенiи, вѣроятно, даже большее значенiе, чѣмъ работа морскихъ бiологическихъ станцiй. До какой степени лимнологiя сдѣлалась уже интересною и важною отраслью естествознанiя, доказываетъ появленiе популярныхъ лимнологическихъ руководствъ, какъ «Thier- und Pflanzenwelt des Süsswassers» д-ра Захарiаса и превосходной, выходящей въ настоящее время выпусками, книги проф. Лампезина «Das Leben der Binnengewässer».

Еще одна отрасль зоологiи стала замѣтно развиваться въ послѣднiя два десятилѣтiя, параллельно упадку морфологогенетическихъ интересовъ, — это сравнительная психологiя. Въ шестидесятыхъ годахъ главною задачею зоопсихологовъ было сведенiе къ общему источнику умственныхъ способностей человѣка и животныхъ, чтобы показать, что между первыми и вторыми разница не качественная, а количественная. Въ силу неразработанности относящагося сюда матерiала сужденiя объ умственныхъ способностяхъ животныхъ грѣшили, однако, нерѣдко грубымъ антропоморфизмомъ. Въ новѣйшее время вопросы сравнительной психологiи съ философской стороны разрабатывались преимущественно Роменсомъ и Вундтомъ, а другая группа послѣдователей—Фабръ, Форель, Леббокъ, Вейсманнъ и у насъ въ Россiи В. Вагнеръ—доставили множество интересныхъ экспериментальныхъ данныхъ. Наиболѣе полные трактаты по сравнительной психологiи принадлежатъ Роменсу. Въ своемъ сочиненiи «Animal Intelligence» (умъ животныхъ) онъ собралъ сырой матерiалъ разныхъ свѣдѣнiй о психикѣ животныхъ, расположивъ его по типамъ и классамъ животнаго царства; въ этой книгѣ авторъ еще во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ чрезмѣрный антропоморфизмъ и недостатокъ критики. Зато въ другой своей книгѣ «Mental Evolution in animals» Роменсъ, повидимому, уже окончательно выяснилъ себѣ тѣ идеи, которыя лишь слегка набросаны въ краткомъ введенiи, предпосланномъ первому изъ названныхъ сочиненiй. Здѣсь онъ излагаетъ свои мысли опредѣленно и систематично, а къ фактамъ относится съ большею критикой; такимъ образомъ книга эта, какъ и «Основы психологiи» Вундта, является весьма цѣннымъ кодексомъ новѣйшей зоопсихологiи. Вообще же сравнительная психологiя, несмотря на сдѣланные ею успѣхи, все еще находится почти въ зачатачномъ состоянiи, и остается лишь пожелать, чтобы въ ней возможно шире и всестороннѣе прилагался экспериментальный методъ, который одинъ можетъ дать для нея твердыя основы.

Изъ предложеннаго обзора читатель, надѣюсь, видитъ, что наука наша, дѣйствительно, какъ говорится, «совершаетъ эволюцiю». Измѣнились методы,

измѣнились интересы и цѣли, выросли даже цѣлыя новыя отрасли нашей науки, все болѣе и болѣе привлекающія къ себѣ молодыя силы,—работниковъ будущаго. Дѣлая этотъ обзоръ, я намѣренно не коснулся еще одного теченія мысли, которое въ послѣдніе годы много заставило говорить о себѣ,—именно, витализма. Я не коснулся его потому, что, на мой взглядъ, витализмъ есть нѣчто совершеннно безплодное и, строго говоря, не составляетъ опредѣленной научной доктрины или направленія. Можетъ быть, онъ находитъ себѣ извѣстное оправданіе въ нѣкоторыхъ разочарованіяхъ, испытанныхъ наукою; можетъ быть, онъ даже заслуживаетъ вниманія, какъ исканіе новыхъ путей (напр., въ теоретическихъ работахъ зоолога-виталиста Ганса Дриша), но въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ не болѣе значенія, какъ декадентство въ современномъ искусствѣ: породить онъ ничего не въ состояніи.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія. 1) Новыя гипотезы о строеніи Марса и его каналахъ. 2) Лунная атмосфера. **Физика.** Послѣдняя работа Рёнтгена объ X-лучахъ. **Геологія и метеорологія.** 1) О подводныхъ сейсмическихъ явленіяхъ. 2) Дожди—кровавый и пыльный. 3) Смоляное озеро. **Біологія.** 1) Къ вопросу о вліяніи среды на половую дифференціацію. 2) Вліяніе рёнтгеновскихъ лучей на растенія. 3) Земляные черви и растительность. 4) Свистящее дерево.

Астрономія. 1) *Новыя гипотезы о строеніи Марса и его каналахъ.* Англійское астрономическое общество раздѣляется, какъ извѣстно, на нѣсколько секцій; такъ, напр., есть секція лунная, секція метеорная, секція, изучающая Марсъ, и т. д. Недавно предсѣдатель послѣдней секціи, г. *Антоніади*, представилъ обществу отчетъ о работахъ секціи за 1896 — 1897 годъ. Въ виду крайняго интереса этого отчета мы приводимъ довольно подробно главнѣйшіе выводы этого рапорта, перепечатанныя во французскомъ журналѣ *Ciel et terre*, № 2, 1898 (16 Mars). Остановимся сначала на красноватомъ цвѣтѣ Марса. *Гершель* высказалъ довольно правдоподобную мысль, что цвѣтъ этотъ есть цвѣтъ почвы Марса. *Ловелль* же думаетъ, что мѣстности, окрашенныя въ красный цвѣтъ,—пустыни, потому что цвѣтъ этотъ совершенно сходенъ съ цвѣтомъ желтаго песка нашей Сахары; если бы мы могли посмотрѣть на нее съ Венеры въ ясную погоду, то получилась бы точно такая же картина. Нельзя согласиться съ Ламбертомъ, что своимъ цвѣтомъ Марсъ обязанъ существованію красноватой растительности; не можемъ же мы представить себѣ растительность безъ измѣненія оттѣнковъ, а цвѣтъ Марса никогда не мѣняется. Что касается *полутѣней*, то онѣ происходятъ, вѣроятно, не отъ песчаныхъ холмовъ, подвергающихся періодическимъ наводненіямъ, но отъ материковъ, покрытыхъ плохою растительностью; послѣднее предположеніе объяснило бы измѣнчивость внѣшняго вида этихъ полутѣней. Бѣлизна по краямъ этихъ земель зависитъ отъ инея или отъ тумана; спокойный и разрѣженный воздухъ Марса благопріятствуетъ ночному лучеиспусканію. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе медленность воздушныхъ теченій, характерную для атмосферы Марса, можно склониться скорѣе къ теоріи инея, такъ какъ роса является одной изъ простѣйшихъ формъ осадка.

Темныя пространства представляютъ, вѣроятно, одновременно и воду, и растительность: растительность тамъ, гдѣ замѣчаются нѣкоторыя измѣненія цвѣта въ зависимости отъ времени года, воду тамъ, гдѣ цвѣтъ не подвергается измѣненіямъ. Присутствіемъ растительности объясняются далеко не всѣ наблюдаемыя нами измѣненія: почему *Moeris lacus* спустилось постепенно въ Syrtis major, почему прекрасный полуостровъ *Aurea cherso* расплылся въ мрачномъ Aurorae sinus? Слѣдуетъ предположить существованіе какого-нибудь другого фактора, и весьма возможно, что объясненіе этихъ явленій лежитъ въ незначительной плотности Марса. Принявъ за единицу плотность воды, мы получаемъ

3,91 для Марса и 5,5 для земли. Эта послѣдняя цифра говоритъ объ относительной устойчивости земной поверхности. Съ другой стороны абсолютная неустойчивость была бы характерной чертой планеты, плотность которой равнялась бы плотности воды (Сатурнъ и Юпитеръ). Марсъ, такимъ образомъ, занимаетъ переходное положеніе между относительной устойчивостью земли и абсолютной неустойчивостью планетъ съ плотностью, равной единицѣ.

Послѣднія работы по космографіи подтверждаютъ это мнѣніе. По мнѣнію г. *Du-Ligoudès*, Марсъ одинъ изъ позднѣйшихъ міровъ въ нашей планетной системѣ. «Степень измѣненія плотности въ зависимости отъ глубины мѣста,— говоритъ онъ,—гораздо менѣе чувствительна на Марсѣ, чѣмъ на землѣ». Предположеніе это подтверждается послѣдними наблюденіями, опубликованными г. *Ловеллемъ*, по поводу сплющенности Марса у полюсовъ. Сплюснутость эта значительно больше, чѣмъ у земли. Средняя плотность Марса = 3,90; въ центрѣ же плотность его = 5,6, а на поверхности = 2,8. «Эта послѣдняя,—заключаетъ du-Ligoudès,—почти равна плотности скалъ, составляющихъ земную кору, но вслѣдствіе малой силы тяжести на поверхности и внутри Марса скалы, хотя и сравнительно плотныя, по строенію, вѣроятно, довольно пористы, что дѣлаетъ ихъ мало устойчивыми—онѣ быстро разрушаются подъ вліяніемъ воды. Что касается до двойныхъ каналовъ Марса, то г. *Антоніади* относится съ большимъ недовѣріемъ къ ихъ дѣйствительному существованію. Недавно, говоритъ авторъ, мнѣ удалось воспроизвести всѣ явленія раздвоенія каналовъ на искусственныхъ кругахъ Марса, разсматриваемыхъ черезъ телескопъ на разстояніи 67 метровъ и имѣвшихъ на своей поверхности только простые каналы. Нѣкоторые каналы тотчасъ же раздвоились, а между этими новообразованіями залегли тѣни; другіе каналы остались неизмѣненными, кое-гдѣ образовались круглыя или продолговатыя озера. Чтобы получить этотъ результатъ достаточно было разницы въ фокусѣ въ $^1/_{5000}$ дм. (0^{mm},13).

Полная тожественность этого раздвоенія съ тѣмъ же явленіемъ на Марсѣ такъ поразительна, что поневолѣ задаешь себѣ вопросъ, не являются ли оба эти явленія результатомъ одной и той же причины и нельзя ли раздвоеніе каналовъ Марса приписать скорѣе неточности фокуса, чѣмъ какому-то магическому дѣйствію. Что неясное видѣніе можетъ вызвать раздвоеніе линій и пятенъ на Марсѣ, легко понять, но едва ли мы повѣримъ своимъ глазамъ, если увидимъ, что Темза вдругъ исчезла и замѣнилась двумя отдѣльными линіями, каждая съ мрачнымъ ядромъ—Лондономъ—а вся остальная мѣстность между ними представляетъ неясную тѣнь.

Раздвоеніе каналовъ дѣлаетъ изъ Марса загадку; если бы его не было, планета эта не представляла бы для насъ тайнъ. Дѣйствительно, *Добре* доказалъ, что сжиманіе коры планеты вызываетъ образованіе горныхъ хребтовъ, а расширеніе ядра заставляетъ кору трескаться, главнымъ образомъ, по большимъ кругамъ, т.-е. подобно системѣ каналовъ Марса.

Жоль, профессоръ геологіи въ дублинскомъ университетѣ, въ прошломъ году далъ очень остроумное объясненіе образованію этихъ каналовъ. Въ очень отдаленную эпоху, когда движеніе Марса вокругъ своей оси было гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь, планета эта притянула къ себѣ много маленькихъ тѣлъ, можетъ быть маленькихъ планетъ, подобныхъ тѣмъ 433, которыя находятся между орбитами Марса и Юпитера. Тѣла эти, кружась вокругъ Марса, могли даже въ концѣ концовъ упасть на его поверхность. Спутникъ же, обращаясь медленно вокругъ этого свѣтила, оказывалъ на послѣднее нѣкоторое притяженіе, которое могло бы вызвать приподнятіе коры, еще мягкой, такъ какъ вся масса планеты еще не успѣла охладиться. Такимъ образомъ, могъ образоваться конусъ, вокругъ основанія котораго въ почвѣ должны были бы образоваться трещины. Если спутникъ этотъ имѣлъ бы діаметръ вдвое больше, чѣмъ у Фобоса, бли-

жайшей изъ двухъ лунъ Марса, и если бы онъ находился на разстояніи 100 километровъ, то сила его притяженія равнялась бы 300 тоннамъ на кв. метръ, что могли бы сдвинуть съ мѣста кругѣ коры, имѣющій 350 километровъ въ діаметрѣ, или около 1.100 километровъ въ окружности. Кругъ этотъ могъ бы дать одну и даже двѣ параллельныя трещины, которыя повторяясь множество разъ и въ различныхъ мѣстахъ, образовали бы систему круглыхъ каналовъ, заканчивающихся одной или двумя параллельными разсѣлинами. Это объясненіе, по мнѣнію г. Антоніади, довольно вѣроятно. Но все же оно не объясняетъ намъ существованія прямолинейныхъ каналовъ въ *4 или 5 тысячъ километровъ ширины* и отъ 30 до 200 километровъ длины, равно какъ и окраску и раздвоеніе этихъ каналовъ; явленія эти, повидимому, тѣсно связаны съ различными временами года, какъ это доказали многочисленныя наблюденія.

Лунная атмосфера. Измѣряя относительныя положенія двухъ звѣздъ, изъ которыхъ одна приближалась къ темному краю луны, г. *Комштокъ* констатировалъ разницу $^1/_{300}$ секунды сравнительно съ прежними измѣреніями. Разница эта обязана преломленію лунной атмосферы. Атмосфера эта, по мнѣнію г. Комштока, имѣетъ плотность не болѣе $^1/_{500}$ нашей атмосферы, что подтверждаетъ выводы г. *Пикеринга*, сдѣланные на основаніи аналогичныхъ наблюденій. Рѣшеніе вопроса о существованіи лунной атмосферы представляетъ, конечно, интересъ глубокой научной важности.

Физика. *Послѣдняя работа Рёнтгена объ X-лучахъ.* Не смотря на то, что въ декабрѣ минетъ 3 года, какъ Рёнтгенъ сдѣлалъ свое знаменитое сообщеніе о новыхъ, открытыхъ имъ, лучахъ, не смотря на то, что за это время были произведены тысячи работъ надъ X-лучами и успѣла вырости громадная литература по этому вопросу, все же природа таинственныхъ лучей мало выяснилась, мы знаемъ о нихъ почти столько же, сколько знали послѣ первыхъ сообщеній самаго Рёнтгена. Новая работа вюрцбургскаго профессора хотя и не рѣшаетъ вопроса о природѣ X-лучей, но все же даетъ много новыхъ и крайне интересныхъ фактовъ. Вотъ главнѣйшіе выводы этой работы:

1) Частицы воздуха при освѣщеніи ихъ X-лучами сами становятся источниками новыхъ пучковъ X-лучей, распространяющихся по всѣмъ направленіямъ.

2) Изъ лучей, образующихся на платиновой пластинкѣ аппарата (трубка Крукса, Гитторфа и др.), наибольшей интенсивностью отличаются лучи, направленіе которыхъ наименѣе отклоняется отъ перпендикуляра къ этой пластинкѣ; лучи, составляющіе съ перпендикуляромъ уголъ около 80 градусовъ, очень слабы, а лучи, выходящіе подъ 89°—90°, уже не обнаруживаютъ никакой интенсивности.

3) Первые слои какого бы то ни было тѣла задерживаютъ X-лучи сильнѣе, чѣмъ слои послѣдующіе, болѣе удаленные отъ источника.

4) Если двѣ пластинки изъ различныхъ веществъ при различныхъ, опредѣленныхъ для данныхъ веществъ, толщинахъ — одинаково прозрачны для X-лучей, то это равенство не сохраняется, если мы измѣнимъ пропорціонально толщину каждой пластинки. Такъ, напр., платиновая пластинка въ 0,0026 мм. толщиной такъ же прозрачна, какъ 6 аллюминіевыхъ пластинокъ въ 0,0299 мм. толщиной; но 2 такихъ же платиновыхъ пластинки соотвѣтствуютъ, по своей прозрачности, уже не 12, а 16 аллюминіевымъ пластинкамъ.

5) Одна и та же пластинка не одинаково прозрачна для лучей, образующихся въ различныхъ аппаратахъ: чѣмъ большаго потенціала требуетъ трубка (чѣмъ трубка «жестче»), тѣмъ легче X-лучи проходятъ черезъ пластинку.

6) Качество X-лучей, образующихся въ одной и той же трубкѣ, тоже не всегда одинаково и зависитъ отъ многихъ деталей въ функціонированіи прибора, деталей, вдаваться въ которыя мы здѣсь не можемъ.

Эти факты приводятъ проф. Рентгена къ заключенію, что X-лучи, возникающіе, какъ извѣстно, благодаря дѣйствію катодныхъ лучей на стеклянную

оболочку трубки, и имѣющіе съ ними много общихъ свойствъ, нужно считать явленіями одного порядка съ катодными.

Геологія и метеорологія. *О подводныхъ сеисмическихъ явленіяхъ. Г. Рудольфъ* напечаталъ недавно въ «Beiträge für Geophysik» крайне интересную работу о подводныхъ толчкахъ и землетрясеніяхъ. Выводы его покоятся на болѣе чѣмъ 400 наблюденіяхъ, произведенныхъ на различнѣйшихъ корабляхъ какъ въ мелкихъ, такъ и въ глубокихъ моряхъ, но, главнымъ образомъ, въ океанахъ. Наблюдатели весьма рѣдко могли дать себѣ отчетъ въ направленіи толчка, полученнаго ихъ кораблемъ, часто даже нельзя было согласить наблюденія, сдѣланныя въ различныхъ пунктахъ одного и того же корабля. Гораздо болѣе точныя свѣдѣнія получались относительно силы ударовъ, и съ этой точки зрѣнія можно даже классифицировать подводныя сотрясенія. начиная съ едва ощущаемыхъ вплоть до такихъ, которыя опрокидывали людей, срывали пушки и вообще подвергали корабль страшной опасности. Продолжительность подводныхъ сотрясеній крайне измѣнчива, но не превышаетъ 4—5 минутъ; при этомъ поверхность моря то совершенно спокойна, то, наоборотъ, весьма характерно колеблется. 12-го января 1878 г., капитанъ *Гарденъ* наблюдалъ, какъ среди моря поднялась водяная колонна, высотой болѣе 20 метровъ; это явленіе повторилось еще 2 раза, но уже не съ такой силой. По словамъ наблюдателя, картина была такова, какъ будто взорвали подводную торпеду. Подводныя сотрясенія сопровождаются иногда шумомъ, который наблюдатели сравниваютъ съ трескомъ корабля, сѣвшаго на мель. Но, во всякомъ случаѣ, поверхность моря приходитъ въ движеніе только на весьма незначительномъ протяженіи и часто случается, что одинъ корабль получаетъ сильный ударъ, тогда какъ другой, стоящій отъ него всего въ нѣсколькихъ километрахъ, не ощущаетъ ни малѣйшаго сотрясенія. Однако, наблюдались все же, хотя и крайне рѣдкіе случаи, когда подводныя сотрясенія приводили въ волненіе морскую поверхность на громадныя разстоянія: такъ, напр., 1-го ноября 1893 г. подводное сотрясеніе въ широтѣ Зеленаго мыса было констатировано 5 кораблями, находившимися другъ отъ друга въ разстояніи не менѣе 300 километровъ.

Подводныя «землетрясенія», если можно такъ назвать ихъ, въ Атлантическомъ океанѣ особенно часты въ полосѣ, тянущейся къ югу отъ Португаліи по направленію къ Азорскимъ островамъ, приблизительно до 40-го градуса западной долготы; нерѣдко наблюдались они также въ Антильскомъ морѣ и, наконецъ, у экватора въ области острововъ Св. Павла. Въ Индійскомъ океанѣ морскія сотрясенія происходятъ, главнымъ образомъ, между Индіей и Явой; въ Тихомъ же океанѣ вдоль западныхъ береговъ Южной Америки, около С.-Франциско, къ сѣверу отъ Новой Зеландіи, вплоть до острововъ Самоа и, наконецъ, между Японіей и Моллукскими островами.

2) *Дожди—кровавый и пыльный. Thomas Steel* представилъ недавно австралійскому конгрессу «Ассоціаціи для вспоспѣшествованія наукъ» интересный докладъ «о дождяхъ изъ красной пыли». *Steel* наблюдалъ такой дождь 27 декабря 1896 года въ Мельбурнѣ; красная пыль сопровождалась настоящимъ дождемъ. Образцы этой красной пыли были подвергнуты анализу, который далъ слѣдующіе результаты:

Органическаго вещества	10,70%
Песку нерастворимаго	66,21%
Растворимой кремнекислоты	0,75%
Окиси желѣза	4,68%
Закиси желѣза	0,50%
Глинозема	15,16%
Извести	1,36%
Сѣрной кислоты	0,62%

Авторъ думаетъ, на основаніи этихъ анализовъ, что эту пыль нужно разсматривать какъ почву, образующуюся въ различныхъ доже довольно удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ на вулканическихъ породахъ. Понятно, что, если такой «дождь» несетъ съ собою пыль изъ области, гдѣ почвы не окрашены желѣзомъ въ такой интенсивный красный цвѣтъ, какъ предъидущія, то и «дождь» будетъ уже не кровавымъ, а просто пыльнымъ. Такой пыльный дождь, выпалъ въ началѣ марта текущаго года на громадномъ пространствѣ—въ южной части Атлантическаго океана, къ западу отъ Африки. Одинъ англійскій пароходъ встрѣтилъ тамъ громадную пыльную тучу, пыль падала на его палубу очень долго; только пройдя 1.200 километровъ, пароходъ освободился отъ этого своеобразнаго дождя. Изслѣдованіе образцовъ этой пыли показало, что она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ пластиночекъ кварца и черной слюды; частицъ вулканическаго происхожденія нѣтъ совсѣмъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, пыль эта принесена изъ Сахары; предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что въ это время въ Алжирѣ была очень скверная погода, бури, которыя свирѣпствовали тамъ и въ Сахарѣ, и вызвали, конечно, образованіе этой гигантской пыльной тучи. Мы не удивимся громадному разстоянію, которое пробѣжала эта туча, когда вспомнимъ указанія Гейки, что «песчаные дожди», образовавшіеся въ Сахарѣ, доносились иногда до Канарскихъ островoвъ.

3) *Смоляное озеро.* Это озеро, неправильной круглой формы, находится на островѣ Тринидадѣ (въ заливѣ Паріа, на берегу Венецуэлы), въ 1.700 метрахъ отъ берега моря, и на 41 метръ ниже его уровня; поверхность озера, приблизительно, въ 40 гектаровъ, возвышается на нѣсколько футовъ надъ своими берегами, какъ будто смолистыя вещества, составляющія ея «воды» приподняты подземнымъ толчкомъ снизу вверхъ. Эти вещества *тверды* до 2—3 метровъ въ глубину, кромѣ нѣсколькихъ пунктовъ въ центрѣ озера, гдѣ смола болѣе мягкая и горячая. Кое-гдѣ на поверхности этого страннаго озера образовались трещины, а въ маленькихъ углубленіяхъ собираются дождевыя воды и эти бассейны соединяются другъ съ другомъ небольшими естественными каналами. Кромѣ этихъ мѣстъ, занятыхъ дождевой водой, по озеру можно всюду ходить. Но все же поверхность озера не неподвижна, она медленно катитъ свои твердыя волны отъ центра къ периферіи. Тамъ и сямъ пыль образовала на поверхности маленькіе холмики земли и они поросли жидкими кустарниками и карликовыми деревцами. Вулканическая дѣятельность совершенно не проявляется, но всѣ смоляныя глубины Тринидадскаго озера имѣютъ довольно высокую температуру.

Біологія. 1) *Къ вопросу о вліяніи среды на половую дифференціацію.* Какъ извѣстно, половыя различія появляются у зародышей не сразу; вначалѣ зародыши одного и того же вида, изъ которыхъ впослѣдствіи разовьются самцы и самки, совершенно одинаковы. Что же, какія вліянія среды обусловливаютъ появленіе этихъ половыхъ различій? Въ послѣднее время большой, и довольно непріятный, шумъ произвели «сообщенія» нѣмецкаго ученаго *Шенка*, утверждавшаго, что онъ открылъ секретъ, благодаря которому каждая мать можетъ по желанію имѣть то мальчиковъ, то дѣвочекъ. Если вѣрить газетамъ, (у меня нѣтъ еще работъ Шенка), «секретъ» нѣмецкаго зоолога очень простъ и... мало вѣроятенъ. Шенкъ якобы утверждаетъ, что мальчики рождаются, если въ первые три мѣсяца беременности мать усиленно питается бѣлковою пищей (главнымъ образомъ мясомъ), при болѣе же слабомъ питаніи рождаются, обыкновенно, дѣвочки. Изъ газетныхъ телеграммъ нельзя, конечно, составить себѣ понятія, насколько обоснованы выводы г. Шенка, но все же можно утверждать, что они мало вѣроятны, такъ какъ расходятся со всѣми данными, которыя намъ извѣстны изъ работъ другихъ зоологовъ. Такъ, напр., работы *Броуна* и *Юнга* показали,

что, если головастиковъ лягушки кормить мясомъ, то вмѣсто 57% самокъ, получается 78% до 92% и даже 95%; опыты *фонъ-Зибальда* надъ осами и *Гентри* и др. надъ бабочками приводятъ къ тому же выводу: самки появляются только при условіи обильнаго питанія яицъ или гусеницъ. *Жиру* дѣлилъ стадо овецъ въ 300 головъ на двѣ части: первую часть кормили отлично и скрещивали съ двумя молодыми баранами — она дала 70% ягнятъ самокъ; вторая часть, плохо кормленная и скрещенная съ двумя старыми баранами, дала только 40% самокъ. «Хотя здѣсь было два различныхъ фактора,—говоритъ Кено *),—все-таки этотъ опытъ даетъ нѣкоторое понятіе о вліяніи пищи».

Нѣкоторыя ученые, какъ, напр., *Геддъ* и *Томсонъ*, рѣшаются даже обобщить эти и многіе другіе аналогичные факты и высказываютъ гипотезу, что вообще благопріятныя обстоятельства—оптимумъ температуры и свѣта, обиліе пищи, опредѣляютъ появленіе самокъ, неблагопріятныя же—самцовъ. Но большинство ученыхъ считаютъ это обобщеніе не совсѣмъ обоснованнымъ и преждевременнымъ. И дѣйствительно, при разсмотрѣніи условій, вліяющихъ на появленіе того или иного пола, въ вышеупомянутыхъ опытахъ не принято во вниманіе, напр., условія самого акта оплодотворенія, между тѣмъ какъ, по крайней мѣрѣ у высшихъ животныхъ, эти условія оказываютъ громадное вліяніе и большинство скотоводовъ и птицеводовъ приписываютъ этому моменту доминирующее вліяніе: эта практика склоняется къ тому мнѣнію, что въ большинствѣ случаевъ полъ потомства опредѣляется при болѣе сильномъ родителѣ; такъ отъ молодыхъ, полныхъ силъ самцовъ и старыхъ самокъ нужно ждатв потомства мужскаго пола, и наоборотъ. Весьма интересныя свѣдѣнія по этому вопросу сообщены въ «Revue Scientifique» 16 Avril 1898 г., но мы не считаемъ нужнымъ вдаваться въ подробности.

Намъ кажется достаточно приведенныхъ фактовъ, чтобы видѣть, съ какой осторожностью и даже недовѣріемъ нужно отнестись къ странному сообщенію г. Шенка.

2) *Вліяніе Рёнтгеновскихъ лучей на растенія.* До сихъ поръ многочисленные опыты, ставившіеся для изученія дѣйствія Рёнтгеновскихъ лучей на жизненныя отправленія растеній, приводили изслѣдователей къ отрицательнымъ результатамъ; по мнѣнію г. *Толомеи*, происходило это потому, что изслѣдовались явленія, которыя могли обнаружиться только при интензивномъ вліяніи свѣта; Рёнтгеновскіе же лучи—лучи слабые, и для констатированія ихъ вліянія нужно выбирать такія явленія, которыя очень чувствительны къ измѣненію внѣшнихъ условій. *Толомеи* остановился на выдѣленіи газовъ зелеными частями растенія, погруженнаго въ насыщенную углекислотой воду. Какъ извѣстно, вѣтви Elodea canadensis, погруженные въ такую воду, выдѣляютъ подъ дѣйствіемъ солнечнаго свѣта газъ, объемъ котораго легко измѣрить, сосчитавъ число пузырьковъ газа, всплывающихъ на поверхность воды въ теченіе минуты. Аналогичное солнечному свѣту дѣйствіе обнаруживаютъ и искусственные источники свѣта, какъ-то: электрическій, свѣтъ магнія и другіе, хотя и въ болѣе слабой степени. Въ темнотѣ же выдѣленіе газа совершенно прекращается. Точно также и при дѣйствіи Рёнтгеновскихъ лучей *Толомеи* наблюдалъ образованіе газа, хотя въ еще болѣе слабой степени, чѣмъ при дѣйствіи искусственнаго свѣта. Чтобы опредѣлить число поднимающихся изъ воды пузырьковъ при дѣйствіи Рёнтгеновскихъ лучей, Толомеи употреблялъ фотографическую лампу, и число пузырьковъ, образующихся при совмѣстномъ дѣйствіи Рентгеновскихъ лучей и лампы сравнивались съ числомъ ихъ при

*) *Кено.* «Вліяніа среды на организмы». Перев. съ франц. подъ ред. В. К. Агафонова. Изд. Павленкова 1898 г.

дѣйствіи свѣта только этой послѣдней. Въ другихъ опытахъ онъ прибѣгалъ къ микрофону, чтобы уловить слабый шумъ лопающихся пузырьковъ.

Разъ было доказано, что Рёнтгеновскіе лучи оказываютъ въ данномъ случаѣ такое же дѣйствіе, какъ и свѣтъ вообще, естественно было поставить и другіе вопросы. Какъ извѣстно, низшіе организмы очень чувствительны къ дѣйствію свѣтовыхъ лучей. *Micoderma aceti* въ жидкости, содержащей спиртъ, и въ темнотѣ поглощаетъ кислородъ; количество поглощеннаго такимъ образомъ газа весьма легко измѣрить. Оказалось, что равныя количества одинаковыхъ жидкостей, засѣянныхъ въ равной степени культурами этой Micoderma, поглощали при дѣйствіи Рентгеновскихъ лучей меньше кислорода, чѣмъ безъ этого дѣйствія, причемъ уксусное броженіе уменьшается подъ дѣйствіемъ Рентгеновскихъ лучей также интенсивно, какъ и подъ дѣйствіемъ солнечнаго свѣта. Подобные же опыты произведены были съ Sacharomyces ellipsoides, сила броженія котораго измѣрялась объемомъ образующагося въ единицу времени углекислаго газа. И здѣсь, при дѣйствіи Рентгеновскихъ лучей также было констатировано уменьшеніе броженія, хотя и въ болѣе слабой степени, чѣмъ при дѣйствіи свѣта.

Эти результаты побудили автора къ дальнѣйшимъ опытамъ надъ бактеріями, именно—надъ очень чувствительной къ свѣту *Bacillus authracis*. Споры, посѣянныя обычнымъ способомъ на желатинѣ, держались то въ темнотѣ, то подвергались дѣйствію солнечнаго свѣта, то Рентгеновскихъ лучей. При дѣйствіи солнечнаго свѣта бактеріи совсѣмъ не размножались, при дѣйствіи же Рентгеновскихъ лучей замѣчалось слабое размноженіе, въ темнотѣ же и при отсутствіи Рентгеновскихъ лучей шло интенсивное, быстрое размноженіе бактерій. Рядъ опытовъ, поставленныхъ *Толомеи*, показалъ, что въ данномъ случаѣ Рентгеновскіе лучи дѣйствуютъ не на питательную среду, а непосредственно на самыя бактеріи и ихъ споры. Такимъ образомъ, на основаніи опытовъ итальянскаго ученаго можно заключить, что Рентгеновскіе лучи дѣйствуютъ на растительные организмы качественно такъ же, какъ и обыкновенный свѣтъ, только интензивность ихъ дѣйствія въ большинствѣ случаевъ болѣе слабая.

3) *Земляные черви и растительность.* Уже со времени работъ Дарвина извѣстно, какое громадное вліяніе оказываютъ черви на образованіе почвы, а слѣдовательно и на растительность.

Дарвинъ установилъ слѣдующіе факты: черви проглатываютъ частицы земли частью для того, чтобы извлечь изъ нихъ питательныя вещества, частью для прокладыванія своихъ подземныхъ ходовъ. Въ желудкѣ червей земля и кусочки горныхъ породъ подвергаются какъ механическому измельченію (благодаря страшной силѣ мускульнаго желудка червей), такъ и химическому разложенію подъ вліяніемъ гумусовыхъ кислотъ, которыя, по мнѣнію Дарвина, образуются также внутри тѣла червей во время пищеварительнаго процесса *). Такимъ образомъ, измѣненные куски горныхъ породъ и земли выносятся на поверхность, гдѣ и способствуютъ утолщенію почвеннаго слоя. «Но утолщеніе его задерживаетъ, по прошествіи нѣкотораго времени, дальнѣйшее разложеніе лежащихъ подъ нимъ горныхъ породъ и глубже расположенныхъ частичекъ, потому что *гумусовыя кислоты*, образующіяся преимущественно въ верхнемъ слоѣ растительной почвы, представляютъ собой въ высшей степени непостоянныя соединенія, *легко разлагаются*, прежде чѣмъ достигнуть сколько-нибудь *значительной глубины*. Благодаря этому, во многихъ мѣстностяхъ Англіи весь поверхностный слой почвы проходитъ сквозь тѣло червей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вслѣдствіе спаданія старыхъ ходовъ или норъ почва находится въ постоянномъ, хотя и медленномъ, движеніи и составляющія ее частицы такимъ образомъ перетираются.

*) Образованіе почвеннаго слоя дождевыми червями, etc. Переводъ М. Линдемана.

«Такимъ образомъ, все новыя поверхности послѣдовательно подвергаются вліянію угольной кислоты почвы и перегнойныхъ кислотъ, которыя, повидимому, еще болѣе вліяютъ на разрушеніе породъ».

Понятно, что если какія либо причины удалятъ земляныхъ червей изъ почвы, то это благотворное перемѣщеніе частицъ почвы прекратится, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится, или во всякомъ случаѣ сильно ослабнетъ, и «аэрація» почвы, т. е. омываніе частицъ ея воздухомъ. Подобный случай произошелъ недавно (въ ноябрѣ 1897 года) на берегу (Essex) въ Англіи. Во время страшной бури низкіе берега были залиты морской водой на протяженіи 20—25.000 гекторовъ; въ иныхъ участкахъ потребовалось отъ 6 до 8 дней, чтобы вода впиталась въ почву. Конечно, благодаря этому, процентное содержаніе соли въ почвѣ значительно возрасло—съ 0.01% до 0,20, т. е. ровно въ 20 разъ, что, конечно, отразилось крайне печально на растительности, но, по мнѣнію спеціалистовъ, еще болѣе печальныя послѣдствія должно повлечь за собою уничтоженіе въ этой мѣстности земляныхъ червей. Бѣдныхъ подземныхъ труженниковъ соленая вода выгнала изъ ихъ жилищъ на поверхность земли, а здѣсь ихъ начисто истребили чайки и другія морскія птицы. Въ началѣ текущаго столѣтія подобное же бѣдствіе случилось съ прибрежными жителями Линкольншира, и англичане хорошо знаютъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ ведетъ такое уничтоженіе земляныхъ червей,—поневолѣ они подумываютъ прибѣгнуть къ искусственному заселенію этого участка земли земляными червями.

4) *Свистящее дерево.* Г. Швейнфуртъ разсказываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Африки растетъ интересное дерево, которое издаетъ довольно сильные свистящіе звуки. Дерево это называется туземцами Дзофаръ и выдѣляетъ особую смолу, представляющую одинъ изъ предметовъ торговли арабовъ. Кромѣ арабовъ, за этой смолой охотится одно насѣкомое, которое настолько догадливо, что, когда не находитъ выдѣленной смолы, то ищетъ ее внутри дерева и для этого просверливаетъ сучья. Вѣтеръ дуетъ въ эти импровизированныя трубочки, и дерево Дзофаръ насвистываетъ свои пѣсенки.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ"
Май. 1898 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги.* Беллетристика. — Исторія литературы. — Исторія всеобщая и русская. — Соціологія. — Народныя и общедоступныя книги. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — *Иностранная литература.* — Изъ западной культуры. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Каз. Баранцевичъ. «Сказки жизни». — *Ѳ. Э. Ромеръ.* «Сказки и правда». — *Владиміръ Шуфъ.* «Свароговъ». — *Альфонсъ Додэ.* «Опора семьи».

Каз. Баранцевичъ. Сказки жизни. 13 разсказовъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. Новый сборникъ разсказовъ г. Баранцевича ничего не привноситъ въ характеристику автора, какъ беллетриста, пользующагося давно уже заслуженными симпатіями читателей. Какъ художникъ-бытописатель, г. Баранцевичъ съ самаго начала выступилъ вполнѣ сложившимся, и въ первыхъ его очеркахъ, какъ и въ послѣднихъ, онъ неизмѣнно одинъ и тотъ же. Предъ нами все тѣ же мелкія, незамѣтныя стороны жизни, маленькіе люди съ ихъ маленькими интересами, ничтожными скорбями и радостями, съ ихъ сѣренькой и пошлой жизнью, монотонной, скучной и неглубокой. Симпатіи автора всегда опредѣленны и ясны, сразу подкупаютъ читателя въ его пользу, привлекая къ нему добротой и мягкостью, съ которыми онъ старается заинтересовать насъ въ незамѣтной жизни его незамѣтныхъ героевъ, наполняющихъ будничную жизнь. Эта гуманная черта, составляющая едва ли не главное достоинство г. Баранцевича, заставляетъ многое забыть при чтеніи его многочисленныхъ разсказовъ, простить тусклость его слога, тотъ сѣрый колоритъ, который лежитъ на всѣхъ рисуемыхъ имъ картинкахъ, и поверхностность его наблюденій. Г. Баранцевичъ не принадлежитъ къ числу глубокихъ писателей, съ сильнымъ и яркимъ художественнымъ талантомъ, которые въ самомъ обыденномъ явленіи умѣютъ раскрыть его сущность, показать, что для художника нѣтъ ничтожнаго въ жизни, въ которой все глубоко, полно захватывающаго интереса для того, кто умѣетъ наблюдать и освѣщать видѣнное внутреннимъ свѣтомъ своей души. Г. Баранцевичъ скользитъ по поверхности и только описываетъ, не заглядывая въ глубь жизни. Отъ этого его разсказы не производятъ глубокаго впечатлѣнія, большею частью они имѣютъ характеръ эскиза, почти анекдота. Содержаніемъ почти всегда служитъ жизнь петербургской мелкоты,—можно сказать, что авторъ рѣдко выглядываетъ за предѣлы Петербурга. Деревня ему совершенно чужда, да и разсматриваетъ онъ ее больше съ точки зрѣнія дачнаго жителя.

Въ настоящемъ сборникѣ анекдотъ преобладаетъ, въ нѣкоторыхъ разсказахъ онъ составляетъ исключительное содержаніе, какъ, напр., «Нуда», написанномъ въ стилѣ тридцатыхъ годовъ, когда даже въ фамиліяхъ героевъ авторы старались запечатлѣть ихъ характеристику: исправникъ называется Разбейносовъ, становой Рылло, а весь разсказъ словно позаимствованъ изъ стараго фельетона захудалой провинціальной газетки. Въ другихъ разсказахъ, въ которыхъ авторъ пускается въ психологію, область ему мало знакомую, чувствуется такая на-

тяжка и искусственность, что исчезаетъ всякая иллюзія, и дѣланность разсказа, пришитая бѣлыми нитками тенденція торчитъ какъ шестъ. Вотъ какъ разсуждаетъ въ разсказѣ «Весна студенчества» студентъ Иввревъ, юристъ второго курса: «Первымъ лицомъ въ Россіи всегда былъ и будетъ чиновникъ! Ну, что такое наука, въ особенности въ рукахъ нашего брата—средняго человѣка?.. То ли дѣло чиновникъ! Служи только исправно, составляй докладныя, подписывай, наводняй всю Россію бумагами, да не забывай про «собачку дворника» и и благо ти будетъ! Братцы, за «собачку дворника» и т. д.! Эта рѣчь на студенческой пирушкѣ приводится совершенно серьезно, авторъ, увлеченный «сочинительствомъ», вѣритъ въ возможность такой откровенности, но едва ли кого заставитъ повѣрить ему, что это не «сочинительство», и при томъ весьма дурного тона.

Большое мѣсто въ сборникѣ отведено дѣтямъ, которыхъ г. Баранцевичъ рисуетъ съ большой любовью и теплотой. Таковы разсказы «Игрушка Вовика», «День Васи», «Большія волненья маленькаго человѣка», которыя обнаруживаютъ въ г. Баранцевичѣ умѣнье проникнуть въ душу маленькихъ людей и показать, какъ жизнь коверкаетъ ихъ здоровыя чувства. Это лучшіе очерки, отчасти испорченные нѣкоторой искусственностью фабулы.

Ѳ. Э. Ромеръ. Сказки и правда. Повѣсти, разсказы и статьи. Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Имя автора намъ совершенно неизвѣстно. Гдѣ и что онъ писалъ, мы не знаемъ, и, познакомившись теперь съ его «Сказками и правдой», не имѣемъ ни малѣйшаго повода жалѣть объ этомъ. Его попытки въ художественномъ стилѣ повѣдать свою «правду» несомнѣнно относятся къ области «покушеній съ негодными средствами». О нихъ и упоминать не стоитъ. Любопытнѣе его критическая статья, въ которой онъ громитъ «критиковъ-публицистовъ», обвиняя ихъ въ злѣйшихъ преступленіяхъ противъ общества и совѣсти. Чѣмъ мы обязаны имъ?, спрашиваетъ озлобленный г. Ромеръ и отвѣчаетъ: «Не боясь ошибки, можно утверждать, что чрезвычайно низкимъ уровнемъ нашего настоящаго мышленія въ вопросахъ государственной экономіи, народнаго хозяйства и общественнаго благоустройства мы обязаны именно преобладанію критической публицистики или, вѣрнѣе, тѣмъ печальнымъ условіямъ, которыя у насъ ее породили и такъ долго поддерживали». Такое обвиненіе приходится слышать не впервые, и было время, когда оно не сходило со страницъ извѣстной части печати, пока не надоѣло всѣмъ до тошноты. Новоявленный критикъ нѣсколько запоздалъ, и врядъ ли найдется теперь наивный читатель, который повѣритъ ему, будто все зло русской общественной жизни проистекаетъ отъ публицистической критики.

Не признали г. Ромера, можетъ быть, просто не замѣтили его «Сказокъ и правды» — и готово грозное обвиненіе противъ критики, которая занимается публицистикой, вмѣсто того, чтобы разъяснять читателямъ красоты художествъ того или другого г. Ромера. Ибо, вѣщаетъ послѣдній, «критикъ прежде всего долженъ помнить, что онъ отнюдь не судья надъ авторомъ, не какая-то высшая надъ нимъ инстанція, а напротивъ—первый его слуга, поклонникъ и истолкователь». Въ заключеніе нашъ авторъ выдѣляетъ изъ ряда русскихъ критиковъ двухъ—г. Буренина, котораго считаетъ «самымъ чуткимъ» изъ современныхъ критиковъ, и Н. И. Страхова, какъ самаго глубокомысленнаго. Эти два славныхъ имени на критическомъ знамени г. Ромера настолько дополняютъ его литературную физіономію, что дальнѣйшее знакомство съ нимъ мы считаемъ излишнимъ.

Владиміръ Шуфъ. Свароговъ. Романъ въ стихахъ. Съ иллюстраціями художниковъ Ризниченко и Скиргелло. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. Романъ въ стихахъ даже въ наше время, столь обильное стихотворными произведеніями, представляетъ выдающееся въ литературѣ явленіе. Какъ одна изъ самыхъ трудныхъ

формъ творчества, подобный романъ требуетъ такъ много силъ отъ автора, что послѣ Пушкина никто и не брался писать такіе романы. Г. Владиміръ Шуфъ или обладаетъ громаднымъ дарованіемъ, или же не менѣе огромнымъ легкомысліемъ. Съ первыхъ же страницъ романа исчезаетъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ, и личность г. Шуфа, какъ «поэта», выясняется сразу.

Five o clock tea у графини
Безподобны... как не знать?
Въ сeврѣ чай, сиропъ въ графинѣ
Сливки общества, вся знать!

Этими четырьмя безподобными по звучности и красотѣ стихами начинается «романъ», весь выдержанный въ томъ же стилѣ. Четырехстопный хорей—обычная форма, съ которой начинаютъ свои попытки въ стихотворномъ родѣ гимназисты третьяго класса, и съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ г. Шуфъ, у котораго риѳмы «графини»—въ «графинѣ», «знать»—«знать» принадлежатъ къ числу наименѣе пикантныхъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ, выхваченныхъ наудачу:

Да, «Безсмертный» обезсмертенъ!
Вотъ Астье Регю, Додэ
Педантиченъ и инертенъ,
Онъ встрѣчается вездѣ!

Или такая вдохновенная строфа:

Легкій станъ обнявъ у талій,
На балконѣ—милый видъ—
Сафочка съ Цирцеей стали,
Анна съ книгою сидитъ.

И такими стихами написанъ «романъ» въ двадцать листовъ, или слишкомъ 10.000 стиховъ, лучше сказать, рубленой прозы въ видѣ окрошки, въ которой потонулъ не только здравый смыслъ «поэта», но и грамматика, и логика. Передать содержаніе романа нѣтъ возможности, потому что романа и нѣтъ, а есть нѣсколько плохо и безсвязно скомпонованныхъ отдѣльныхъ сценъ, въ которыхъ фигурируетъ нѣкій Свароговъ, неизвѣстно кто, невѣдомо откуда и зачѣмъ извлеченный г. Шуфомъ. Авторъ, повидимому, желалъ изобразить героя нашего времени, не то развинченнаго и разочарованнаго, не то прожигателя жизни, не то мелкаго мазурика. Но это лишь наша догадка, потому что, повторяемъ, ничего нельзя уловить въ этой массѣ хромыхъ стиховъ, трескучихъ, вихлявыхъ, безъ метра, съ невѣрными цезурами, съ смѣхотворными риѳмами. Мѣстами среди пошлостей, болѣе грубыхъ и плоскихъ, чѣмъ фривольныхъ, авторъ откалываетъ философскіе «морсо» въ родѣ слѣдующаго:

Прописи мнѣ хуже казни.
Скученъ нынче типъ людей.
Этотъ типъ разнообразнѣй
Въ табунѣ у лошадей—
Пѣгихъ, съ крапинкой отчасти,
Физьономій пестрый рядъ.
А у насъ одной всѣ масти,
И одно всѣ говорятъ.

Въ заключеніе первой главы поэтъ жалуется на оскудѣніе у насъ поэзіи:

Миѳъ исчезъ воздушной сказкой,
На Парнасѣ риѳмъ не ткутъ,—
Знаменитый сыръ Парнасскій
Нынче дѣлается тутъ.
Такъ и мы забыли грезу,
Измѣнился вкусъ у насъ,
И готовитъ сыръ и прозу.
Поэтическій Парнасъ.

Мы извиняемся передъ авторомъ, но согласиться съ нимъ не можемъ: его «Свароговъ» даже и не «сыръ», а просто гиль, невѣроятная по тошнотѣ, скукѣ и тяжеловѣсности. Вѣроятно, передъ нами графоманъ. Иначе нельзя понять, какъ у человѣка, «въ здравомъ умѣ и твердой памяти», могло бы хватить терпѣнія вымучить изъ себя десять тысячъ коротенькихъ строчекъ, безсвязныхъ по формѣ и нелѣпыхъ по содержанію. Только болѣзненной извращенностью мысли можно объяснить всю странность этого чудовищнаго произведенія.

Къ характеристикѣ его надо еще прибавить одну черту, подтверждающую наше предположеніе о болѣзненномъ состояніи автора. Графоманы, какъ извѣстно, всегда страдаютъ чрезвычайной мнительностью. Они считаютъ себя обыкновенно не понятыми геніями, которыхъ всѣ преслѣдуютъ завистью, и потому ненавидятъ всѣхъ, кто пишетъ и чьи произведенія печатаются. Г. Владиміръ Шуфъ проявляетъ такую же дикую ненависть къ писателямъ вообще и посвятилъ имъ цѣлую главу, въ которой обливаетъ ушатомъ помой всѣхъ и вся, такъ или иначе прикосновенныхъ къ литературѣ и печати. Описываются какіе-то миѳическіе обѣды, на которые ежемѣсячно собирается, будто бы, вся литературная братія, «петербургскій Пантеонъ». Нашъ графоманъ изъ себя выходитъ, не находя достаточно бранныхъ словъ, чтобы разнести этотъ «Пантеонъ». Нужно отдать ему справедливость: онъ разноситъ всѣхъ, ни къ кому не проявляя симпатій, ко всѣмъ равно пристрастный. Начинаетъ онъ съ «Вѣстника Европы» и кончаетъ символистами. Въ манерѣ онъ подражаетъ здѣсь Воейкову, только безъ его остроумія.

Вотъ Европы скучный Вѣстникъ,
Нашъ корректный публицистъ,
Мысли западной прелестникъ
И ея панегиристъ.
Позабывъ «quod licet Jovi»
И чего не долженъ быкъ,
Онъ Европу, полнъ любови,
Радъ похитить хоть на мигъ.
Вотъ другой—мудрѣе ста совъ
И въ премудрости сугубъ
Громогласный критикъ С—совъ.
Онъ великъ, великъ, какъ дубъ...
Вотъ, съ Брандесомъ сходенъ мало
И совсѣмъ не новый Тэнъ,—
Критикъ дамскаго журнала,
У журнала дамскій трэнъ.
Декадентъ въ ермолкѣ, важный
Философскій лапсердакъ.
Рядомъ съ нимъ мудрецъ присяжный,
Воробьевъ, аскетъ и магъ...
Милословскій—критикъ хмурый.
Пишетъ онъ весьма остро,
И невинные Амуры
Подаютъ ему перо.
Пышно дамамъ куры строя,
Былъ со Спенсеромъ онъ строгъ,
Но барана за героя
Принялъ нашъ соціологъ...
Передъ нами Стабичевскій,
Слишкомъ низокъ, толстъ, тяжелъ,
Все жъ и этотъ критикъ Невскій
Свой имѣетъ ореолъ.
Какъ Морфей, въ вѣнцѣ изъ маковъ,
Онъ наводитъ скучный сонъ,
Монотоненъ, одинаковъ,
Вялъ, напыщенъ, углубленъ...

И въ такомъ родѣ на десятки страницъ тянется канитель характеристикъ разныхъ писателей, возбудившихъ злой гнѣвъ г. Шуфа. Не припомнимъ, встрѣ-

чалось ли гдѣ его имя и было ли что-нибудь напечатано за этой подписью. Не объясняется ли этотъ потокъ брани тѣми неудачами, которыя могли постичь злаполучнаго графомана при его попыткахъ найти прибѣжище для своего несуразаго дѣтища? Впрочемъ, достается не однимъ лишь редактаромъ, критикамъ и публицистамъ, съ которыми г. Шуфъ могъ имѣть стычки.

Вотъ историкъ и философъ.
Взгромоздилъ на Оссу онъ
Историческихъ вопросовъ—
Компиляцій Пеліонъ
Русскій Бокль, Коко Кирѣевъ,
Опершись на горы книгъ,
Лучезарныхъ эмпиреевъ
Титанически достигъ.

Ну что могло сдѣлать г. Шуфу столь безобидное существо, какъ г. «Коко Кирѣевъ»? Этотъ стихъ вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ графоманомъ, съ бѣднымъ маньякомъ, правда, неопаснымъ и жалкимъ, внушающимъ невольное сочувствіе своимъ горькимъ состояніемъ. Интересно, между прочимъ, что онъ иллюстрировалъ свой романъ рисунками художниковъ гг. Ризниченко и Скиргелло, столь же вдохновленныхъ людей, какъ и самъ г. Шуфъ, насколько можно судить по ихъ удивительнымъ иллюстраціямъ. И опять-таки черта чисто графоманская — снабжать свои безумныя произведенія странными и непонятными рисунками.

Есть только одно, что нѣсколько смущаетъ насъ въ окончательной постановкѣ нашего діагноза: на обложкѣ обозначено «цѣна 1 р.». Неужели г. Владиміръ Шуфъ полагаетъ, что его «романъ» можно покупать? Изъ всѣхъ его дикихъ мечтаній это, пожалуй, самое нелѣпое и неосновательное.

А. Додэ. Опора семьи. Романъ. Переводъ съ французскаго С. Леонтьевой. 1898 г. Спб. Ц. 1 р. «Опора семьи»—послѣднее произведеніе покойнаго французскаго писателя, который на ряду съ Золя и Мопассаномъ составлялъ славу французской литературы за послѣднюю четверть вѣка. Романъ этотъ во многомъ уступаетъ прежнимъ произведеніямъ Додэ. Въ немъ преобладаютъ присущія этому писателю слабыя черты: сентиментальность, слабыя попытки къ юмору, столь вообще несвойственному французскому уму, поверхностность наблюденій и непониманіе соціальныхъ отношеній.

Талантъ Додэ вообще не великъ по объему. Ему всегда была чужда общественная жизнь, въ которой онъ не умѣлъ разбираться, не видѣлъ смысла въ борьбѣ ея интересовъ и ненавидѣлъ всякое сильное проявленіе. Додэ писатель до крайности субъективный. Онъ мечтатель, сентиментальный и узкій, которому высшій идеалъ жизни представлялся въ видѣ тихой сладкой дремы, вдали отъ шумнаго свѣта, въ комфортабельномъ уединеніи, подъ защитой крѣпкой власти какого-нибудь Луи Бонапарта. Лучшія его воспоминанія относятся къ незабвенному времени этого «великаго преступника», по опредѣленію Виктора Гюго, и послѣ паденія имперіи Додэ въ своихъ романахъ, гдѣ только могъ, кстати и некстати пиналъ республику, по его мнѣнію, источникъ всяческихъ золъ, обуревающихъ Францію И въ послѣднемъ романѣ онъ тоже не удержался, чтобы не напасть на ненавистную ему республику, которая «губитъ Францію». Для вящшаго эффекта эти слова онъ вкладываетъ въ уста «республиканца 48 года», по мнѣнію котораго «орудія республики были превосходны, но мы ихъ испортили», и для исправленія надо «прежде всего закрыть на два года палату. Французы за это время поищутъ себѣ жизненныхъ припасовъ гдѣ-нибудь помимо государственной кладовой»,—напр., въ объятіяхъ новаго Бонапарта, въ родѣ Буланже или одного изъ представителей «de la grande armée», столь доблестно сражавшихся противъ Золя.

Насколько узка общественная сфера, въ которой вращался всю жизнь Додэ,

настолько же узка сфера, въ которой вращается его талантъ, рѣдко выходившій за предѣлы семейныхъ и чисто личныхъ отношеній. У Додэ нечего искать широкихъ картинъ жизни цѣлыхъ классовъ, какъ у Золя въ его «L'Assomoire», въ «Жерминалѣ» или въ послѣднихъ произведеніяхъ — «Лурдъ» и «Парижъ». Золя можно не любить, не соглашаться съ его подчасъ узко-идейнымъ направленіемъ, но нельзя не признать въ немъ огромной силы, которая чувствуется въ грандіозномъ размахѣ его таланта. Ничего подобнаго у Додэ, который живописуетъ маленькія страстишки маленькихъ людей, живописуетъ иногда безподобно, но всегда мелко, неглубоко, несильно. Онъ въ полномъ смыслѣ миніатюристъ. Все сильное его отталкиваетъ, его излюбленные герои—слабые, благодушные люди, добренькіе, пошленькіе и скучненькіе. Познакомившись съ ними, вы тотчасъ ихъ забываете, ни одинъ не врѣжется вамъ въ память неизгладимыми чертами. Читать его можно не безъ пріятности, но едва ли кому доставитъ удовольствіе вновь перечитать его «Набоба», «Жака», «Фромона младшаго и Рислера старшаго» и др. Тѣмъ болѣе, что онъ крайне однообразенъ и у него постоянно повторяются одни и тѣ же типы, которыхъ немного: съ одной стороны слабые, безхарактерные люди, эгоисты до мозга костей, не имѣющіе достаточной силы, чтобы бороться со зломъ и страдать въ защиту добра, вѣчно колеблющіеся и всегда пакостничающіе, съ другой — безхитростные, прямые, сильные физически, но слабые умомъ добряки, которыхъ онъ противопоставляетъ первымъ, какъ идеалъ. Первый разъ созданные имъ въ «Фромонѣ младшемъ и Рислерѣ старшемъ», эти два типа повторяются затѣмъ до безконечности. То же самое и въ его женскихъ характерахъ, представляющихъ или кокотку, или преисполненную всяческихъ добродѣтелей невинность, скучную, глупую и нелѣпую. Проникнутый буржуазной, чисто французской моралью, Додэ слащаво склоняется предъ семейными добродѣтелями, не находитъ достаточно сладкихъ эпитетовъ, когда описываетъ домашній очагъ, и тутъ же со вкусомъ, «многочастне и многообразне» рисуетъ фривольныя сценки, въ которыхъ, какъ истый французъ, знаетъ толкъ. Въ его манерѣ писанія есть что-то диккенсовское, только безъ здорсваго юмора геніальнаго англичанина, безъ его прямоты и глубокой проникающей Диккенса нравственной чистоты. По существу Додэ—большой лицемѣръ, и, казня грѣшки, онъ имѣетъ такой видъ, что читателя беретъ невольное сомнѣніе, такъ ли ужъ авторъ ненавидитъ грѣхъ.

Въ послѣднемъ его произведеніи «Опора семьи» всѣ отрицательныя стороны Додэ усилились, видно паденіе таланта, какая-то усталость, что особенно чувствуется по мѣрѣ приближенія къ концу. Содержаніе романа крайне незамысловато. Простой и благодушный человѣкъ, запутавшись въ дѣлахъ и не видя ни откуда помощи, рѣшается покончить съ собой, въ надеждѣ, что друзья, въ виду такого трагическаго конца, поддержатъ его семью и помогутъ встать на ноги его старшему сыну, на котораго онъ смотритъ, какъ на «опору семьи». Такъ продолжаетъ смотрѣть на него и вся осиротѣвшая семья, и самъ будущій возстановитель добраго имени семьи того же мнѣнія. Всѣ жертвуютъ ради него всѣмъ, чѣмъ могутъ, а «опора семьи» благосклонно принимаетъ эти жертвы, въ твердой увѣренности, что такъ и должно, ибо онъ—«опора семьи». Эгоистъ до мозга костей, мелочной, сентиментальный, тщеславный, слабовольный, съ громаднымъ самомнѣніемъ, онъ ничего не даетъ и только отъ всѣхъ беретъ, въ наивной увѣренности, что онъ тѣмъ не менѣе—столпъ, на которомъ все держится и отъ котораго все зависитъ. На дѣлѣ же истиннымъ возстановителемъ имени является его младшій братъ, простякъ и работяга, который обожаетъ старшаго брата, преклоняется предъ нимъ и свято чтитъ въ немъ «опору семьи». Его слѣпота и глупость въ этомъ отношеніи настолько же безграничны, насколько высока самоувѣренность старшаго брата. Какъ водится въ любомъ французскомъ романѣ, атмосфера все время наполнена любовью, сценки паденій съ одной сто-

роны,—въ чемъ отличается старшій братъ, у котораго сразу двѣ любовницы, съ другой—чистаго платоническаго обожанія, которому предается младшій. Припутана ради сумбура русская нигилистка, французскій шпіонъ, убійство «важнаго» русскаго генерала, и прочая дребедень, мало интересная по существу и ни мало не вяжущаяся съ исторіей «опоры семьи». Въ концѣ концовъ, эгоистъ вдругъ, къ великому удивленію читателя, усматриваетъ всю неказистость своего поведенія, проявляетъ великодушіе, неизвѣстно откуда у него объявившееся, и открыто заявляетъ, что истинной «опорой семьи» былъ и есть младшій братъ, которому и надлежитъ честь и хвала, и скромно, но съ достоинствомъ идетъ отбывать солдатчину вмѣсто младшаго. Дѣланность такого конца поразитъ и самаго невзыскательнаго читателя.

Переживутъ-ли Додэ его творенія? Мы думаемъ не на долго. Онъ не создалъ ни одного безсмертнаго типа, не далъ ничего яркаго, новаго, что открыло-бы намъ еще одну тайну человѣческой души. Онъ—писатель исключительно своего времени, и если наканунѣ двадцатаго вѣка имъ зачитывались вмѣстѣ со всѣми этими Прево, Бурже, Родами, Жипами, Маргэритами, то двадцатое столѣтіе врядъ-ли его вспомнитъ черезъ какой нибудь одинъ—другой десятокъ лѣтъ. Самое оригинальное его произведеніе «Тартаренъ изъ Тараскона» не долговѣчно, балгодаря преобладанію шаржа, утрировки, что можетъ смѣшить и только, а смѣхъ для смѣха замираетъ тотчасъ, какъ раздался, и не можетъ увѣковѣчить ничьего имени. И имя Додэ врядъ ли займетъ мѣсто въ Пантеонѣ французской литературы на ряду съ Бальзакомъ, Флоберомъ, Золя и Мопассаномъ.

Даже какъ стилистъ Додэ не выдающаяся сила. Его стиль мягокъ, расплывчатъ, онъ напоминаетъ акварель по нѣжности тоновъ, но въ немъ нѣтъ яркости, опредѣленности и крѣпости масляныхъ красокъ, прочныхъ, способныхъ пережить вѣка. Онъ даже бываетъ нерѣдко манеренъ, почти жеманенъ,—до того онъ выдѣланъ и утонченъ. Извѣстно, что Додэ передѣлывалъ и переписывалъ по нѣскольку разъ свои произведенія, старательно отдѣлывая каждую фразу. Но въ этой отдѣлкѣ не видно работы Флобера, тягостной, полной почти родовыхъ мукъ, съ которыми этотъ титанъ выковывалъ изъ неподвижнаго человѣческаго языка слова, подобныя молніямъ, освѣщающимъ съ ослѣпительнымъ блескомъ мракъ окружающей ночи. Языкъ Додэ, при видимой простотѣ, въ сущности вычуренъ, весь въ завитушкахъ и украшеніяхъ, почему его легко переводить, что не мало способствовало распространенности его переводовъ. Тогда какъ Флобера могъ переводить съ успѣхомъ развѣ Тургеневъ, Додэ въ состояніи перевести даже г-жа Леонтьева, переводъ которой, впрочемъ, досадно плохъ и тяжелъ мѣстами.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

М. З. Златковскій. «А. Н. Майковъ».—*А. Н. Тенъ-Бринкъ.* «Шекспиръ».

М. З. Златковскій. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. 1821—1897 г. Біографическій очеркъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1898. Первое изданіе книги г. Златковскаго появилось въ 1888 г. ко дню пятидесятилѣтняго юбилея покойнаго поэта и было поднесено ему въ видѣ юбилейнаго подарка. Внѣшніе слѣды этого сохранились и въ настоящемъ изданіи: г. Златковскій называетъ поэта то юбиляромъ (стр. 7), то г. Майковымъ (стр. 59). Послѣднія главы, которыми дополненъ первоначальный очеркъ, написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины А. Н. Майкова. Если прибавить къ этому, что біографъ находился въ близкихъ личныхъ и служебныхъ отношеніяхъ къ покойному (А. Н. Майковъ, какъ извѣстно, былъ предсѣдателемъ центральнаго ко-

митета иностранной цензуры, а г. Златковскій былъ секретаремъ того же комитета), то станетъ понятнымъ, что мы не можемъ ожидать отъ г. Златковскаго всесторонней и объективной оцѣнки личности и дѣятельности славнаго поэта. Для такой оцѣнки, можетъ быть, не настало еще и время, и во всякомъ случаѣ, правильное сужденіе можетъ произнести лишь человѣкъ, ближе стоящій къ интересамъ русской литературы и мысли, чѣмъ г. Златковскій, который слегка смѣшиваетъ ихъ съ интересами порядка и благочинія.

Но и отъ современнаго біографа мы вправѣ требовать, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, собралъ съ возможною полнотою біографическіе матеріалы, которыми могъ бы воспользоваться хотя бы будущій историкъ литературы. Нельзя сказать, чтобы и эти законныя требованія были въ достаточной степени испол нены книгой г. Златковскаго. Жизнь А. Н. Майкова чрезвычайно бѣдна внѣшними событіями, которыя всѣ укладываются въ формулярномъ спискѣ. Самъ поэтъ не придавалъ имъ никакого значенія. «Вся моя біографія не во внѣшнихъ фактахъ, — писалъ онъ, — а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣпленіи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные и политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями жизни, въ осмысленіи пріобрѣтаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній. Все прочее — вздоръ, труха, формуляръ»... Вотъ эта-то духовная и умственная эволюція А. Н. Майкова очерчена г. Златковскимъ лишь весьма поверхностно, и многіе моменты психической жизни поэта остаются для читателя невыясненными.

Происходя изъ даровитой дворянской семьи, А. Н. имѣлъ въ крови склонность къ наслажденію природой и къ ея воспроизведенію. Сынъ живописца, онъ самъ въ юности колебался между живописью и поэзіей и, хотя избралъ наконецъ послѣднюю, но на всю жизнь сохранилъ чувство къ пластической формѣ и къ красотѣ, воспринимаемой глазомъ. Этимъ въ достаточной мѣрѣ объясняется характеръ его поэзіи. Знаніе языковъ, начитанность въ произведеніяхъ изящной литературы чужихъ народовъ, наконецъ, двухлѣтнее путешествіе за-границу по окончаніи университетскаго курса окончательно опредѣлили направленіе его эстетическихъ интересовъ. Возвратившись изъ-заграницы въ 1844 г. молодой А. Н. Майковъ на нѣкоторое время поддался вліянію Бѣлинскаго и его петербургскаго кружка. Изъ разсказа г. Златковскаго мало свѣдущій читатель могъ бы заключить, что знакомство поэта съ этимъ кружкомъ произошло въ Москвѣ, куда Майковъ въ томъ же году переѣхалъ въ качествѣ помощника библіотекаря Румянцевскаго музея (стр. 30). Въ дѣйствительности же все, что разсказываетъ біографъ объ отношеніяхъ поэта и великаго критика, могло происходить только въ Петербургѣ въ періодъ времени между пріѣздомъ Майкова изъ-заграницы и переселеніемъ въ Москву. Біографъ приводитъ очень интересное письмо Майкова къ г. Висковатову, написанное, повидимому, уже въ преклонномъ возрастѣ, гдѣ поэтъ такъ разсказываетъ эволюцію своего міровоззрѣнія: «Что такое убѣжденіе у молодого человѣка 20-ти, 25-ти лѣтъ? Этого вообще, а у насъ въ мою юность и слухомъ не слыхали и слова не знали. Это все-таки то, что кругомъ себя слышишь и что вычитываешь; плода собственнаго опыта и изученія быть еще не можетъ. Выросли мы безсознательно на христіанской и русской почвѣ и въ дѣйствіяхъ своихъ были, конечно (!), христіанами и русскими; но свои отношенія къ міру приравнивали то къ тому, то къ другому философскому ученію. Вдругъ налетѣла буря Бѣлинскаго... западничество дохнуло всею своею силой и охватило, конечно, и меня, но не вполнѣ, и вотъ почему: потому что матушка моя, какъ москвичка, выписывала и «Москвитянина», Погодина... міръ «Москвитянина», вмѣстѣ съ занятіями русской исторіей, были для меня главное, чѣмъ я старался овладѣть; другая кровная забота были стихи. А соціальные вопросы — какъ бы сто-

рона... пусть все это рѣшаютъ другіе, я беру ужъ какъ готовое, отметая только то, что мнѣ не нравится, напр., казарменная жизнь въ фаланстеріяхъ и общественныя работы; ну, а общественныя кухни пусть заведутъ—можетъ быть, дешевле будетъ, если притомъ меня не будутъ заставлять стряпать. Насчетъ брака — тоже нравилось, особенно насчетъ замужнихъ дамъ»... Такимъ убогимъ юношей съ обрывками чужихъ мыслей, опошленныхъ до послѣдней степени, рисуетъ себя самъ поэтъ. Соотвѣтствовала ли эта характеристика дѣйствительности, или это была клевета дряхлѣющаго старца на свою молодость, долженъ былъ бы выяснить біографъ на основаніи современныхъ матеріаловъ, но, къ сожалѣнію, онъ даже не сознаетъ этой необходимости и воздаетъ только хвалу «чуткости (поэта) къ кореннымъ началамъ русской жизни». О какихъ именно «коренныхъ началахъ» идетъ рѣчь, становится для читателя нѣсколько понятнѣе изъ приводимаго біографомъ другого письма (стр. 46—47): начиная со времени Крымской войны или, лучше говоря, со времени поступленія Майкова на службу въ цензурный комитетъ, онъ окончательно утверждается въ «органической разумности» оффиціальнаго государственнаго націонализма, представителями котораго были Погодинъ, а позднѣе Катковъ. Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что Майковъ, несмотря на то, что онъ былъ искренно увѣренъ въ своей «полной независимости и свободѣ мысли отъ посторонних вліяній», всю жизнь неизмѣнно сообразуетъ свои мнѣнія съ оффиціально господствующимъ теченіемъ и подчиняется совершившемуся факту: въ 1854 — 1855 г.г. поэтомъ овладѣваетъ воинственный патріотизмъ, послѣ 19 февраля онъ воспѣваетъ освобожденіе крестьянъ и народную грамоту, въ 80-хъ годахъ онъ становится академическимъ пѣвцомъ «Руси, воскресшей духомъ» на «вѣковыхъ устояхъ». Г. Златковскій думаетъ иначе: «что бы намъ ни говорили зоилы,—говоритъ онъ,—но, полагаю, никто не станетъ отвергать, что А. Н. былъ человѣкомъ *цѣльнымъ*». Для читателя очень любопытно было бы видѣть эту цѣльность, напр., въ служебной дѣятельности поэта. Но г. Златковскій, которому она ближе всего знакома, опять оставляетъ неудовлетвореннымъ любопытство читателя. Онъ очень много и пространно говоритъ о добротѣ Майкова вообще и объ его прекрасныхъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ въ частности, объ его энциклопедическихъ познаніяхъ и глубинѣ мысли, но совершенно умалчиваетъ о томъ, какой характеръ имѣла его дѣятельность, какъ онъ ухитрялся соединять ее съ писательствомъ, не нарушая своей цѣльности. Майковъ служилъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Онъ «и умереть хотѣлъ въ дорогомъ его сердцу комитетѣ» (стр. 87). «Пламенно любя Россію, онъ ко всему, что считалъ для нея вреднымъ, относился съ крайнею непримиримостью, и, какъ отважный боецъ, всегда готовъ былъ идти хотя бы и въ неравный бой» (стр. 89). Для читателя опять цѣлый рядъ темныхъ пунктовъ: что Майковъ считалъ для Россіи вреднымъ? какъ установить цѣльность христіанскаго идеала у автора «Двухъ міровъ» съ крайнею непримиримостью? какіе случаи неравнаго боя могла представить служба въ цензурномъ комитетѣ для проявленія отваги?

Во всемъ, что мы до сихъ поръ сказали, почти не было рѣчи о поэзіи Майкова, и это въ высшей степени для него характерно: его жизнь и его поэзія имѣютъ весьма мало точекъ соприкосновенія. Въ русской литературѣ Майковъ занимаетъ отчасти такое мѣсто, какъ во французской Леконтъ де-Лиль. Оба они очень рѣдко отдаются личному лирическому чувству, оба черпаютъ свое вдохновеніе не въ окружающей ихъ дѣйствительности, не въ событіяхъ своей душевной жизни, а въ красивыхъ или величественныхъ картинахъ далекихъ временъ и далекихъ странъ, въ свѣжихъ источникахъ первобытныхъ литературъ. Только у французскаго поэта его отрѣшенность отъ всего близкаго, обыденнаго, личнаго проистекаетъ изъ философскаго пессимизма, развившагося на почвѣ печальной современности, тогда какъ нашъ поэтъ по объему своей духов-

ной личности былъ чуждъ всякихъ серьезныхъ общественныхъ интересовъ. Леконтъ де-Лиль и Майковъ оба считали, что поэты должны быть «единаго прекраснаго жрецы», оба охотно поставили бы своимъ девизомъ:

Не для житейскаго волненья.
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья и т. д.

Леконтъ де-Лиль рѣдко сходилъ съ своего «Парнаса» на «шумныя улицы» и не хотѣлъ смѣшиваться съ «безумными рабами», но зато онъ никогда не забывалъ своего жреческаго достоинства, «алтаря и жертвоприношенья», не бралъ метлы, чтобы сметать соръ съ этихъ презрѣнныхъ улицъ. Онъ никогда не давалъ своей жреческой санкціи торжествующему злу. Глубоко трагическій характеръ его поэзіи обусловливался именно тѣмъ, что рисовавшійся его воображенію идеалъ былъ слишкомъ далекъ отъ несовершенныхъ преходящихъ формъ окружающей жизни. Муза Майкова о будущемъ не загадывала, она находила себѣ достаточно темъ для гимновъ въ прошедшемъ и настоящемъ.

Г. Златковскій и съ этимъ, конечно, не согласится, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы подтвердить свой взглядъ детальнымъ и добросовѣстнымъ изученіемъ мотивовъ, генезиса и характера поэзіи Майкова. Въ этомъ смыслѣ книга г. Златковскаго даетъ также весьма мало: онъ не пользуется даже тѣмъ, что сдѣлано другими, такъ, напр., онъ только указываетъ, но не утилизируетъ образцовое изслѣдованіе Ѳ. Д. Батюшкова: «Два міра». Трагедія А. Н. Майкова» (*Cosmopolis*, іюнь 1897). Такимъ образомъ, полная исторія какъ личности, такъ и творчества Майкова еще остается задачей будущаго историка.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Лекціи. Переводъ П. Вейнберга. Спб. Изданіе Пантелѣева. Цѣна 75 к. Лекціи Тенъ-Бринка не принадлежатъ къ особенно выдающимся произведеніямъ о Шекспирѣ, и въ необозримой западной литературѣ объ англійскомъ драматургѣ можно бы указать произведенія, заслуживающія перевода съ бо́льшимъ правомъ. Напримѣръ, у насъ почему-то совершенно пренебрегаются работы французскихъ шекспирологовъ, а между тѣмъ сочиненія такихъ критиковъ-историковъ, какъ Мезьеръ, несомнѣнно оказали бы русскому читателю существенную пользу широтой историко-литературнаго взгляда, остроуміемъ и разносторонностью критическаго анализа. Книги нѣмецкихъ профессоровъ давно уже усвоили одну болѣе или менѣе прочную физіономію и пишутся приблизительно по одному и тому же плану. Въ *исторической* части— рядъ чрезвычайно сложныхъ, но чаще всего въ сущности произвольныхъ и даже безцѣльныхъ изысканій на счетъ подробностей шекспировской біографіи, хронологіи его пьесъ. Въ отдѣлѣ *психологіи* — отчаянное стремленіе доказать, что Шекспиръ не только по таланту, но и по рожденію —сынъ германской расы, т. е. такой же нѣмецъ, какъ Гёте и Шиллеръ. Въ заключеніе—*критика* слагается уже само собой: это сплошной лирическій восторгъ и чрезвычайно сильные эпитеты о недосягаемомъ и всестороннемъ геніи Шекспира.

Что же касается культурной и общественной почвы шекспировскаго творчества, тщательнаго изученія его личности ради нея самой, — эти капитальнѣйшіе вопросы тонутъ въ патріотическихъ и эстетическихъ гимнахъ и одахъ.

Лекціи Тенъ-Бринка составлены по такой же программѣ. Авторъ весьма мало говоритъ о «старой веселой Англіи», не считаетъ нужнымъ обратить вниманіе на учителей и соревнователей Шекспира и рисуетъ избраннаго автора въ видѣ одинокаго колосса, никому ничѣмъ не обязаннаго, ни въ чемъ непогрѣшимаго. Онъ, какъ водится, очень патетически характеризуетъ трагическій геній Шекспира: «Съ одинокой вершины, служащей ему престоломъ, онъ видитъ всѣ остальныя верхушки трагическаго искусства лежащими глубоко внизу, подъ его ногами и нынѣшнимъ служителямъ искусства представляется недосягаемымъ образцомъ нездѣшнимъ, высшимъ».

Все это справедливо, но только опредѣленіе *нездѣшній* совершенно лишнее: задача историка и критика именно и заключается въ томъ, чтобы показать, насколько даже сильный колоссальный творческій талантъ *здѣшній*, т. е. насколько тѣсно онъ связанъ съ землей и воздухомъ.

Чрезмѣрная восторженность, конечно, приноситъ свои плоды, отнюдь нежелательные, особенно въ популярно-научной книгѣ. Авторъ считаетъ возможнымъ находить «поразительное» въ такихъ пьесахъ, какъ *Укрощеніе строптивой*. Любопытно бы выслушать болѣе подробныя объясненія автора, какъ онъ ухитрился отыскать «сочувствіе нравственной силѣ» у поэта, создавшаго образъ укротителя — Петруччіо? Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія вообще въ такомъ сочувствіи Шекспира, но только здѣсь ни при чемъ одно изъ примитивнѣйшихъ и грубѣйшихъ произведеній стараго англійскаго репертуара. Въ этой комедіи даже Шекспиръ врядъ ли и повиненъ на столько, чтобы можно было отыскивать здѣсь выводы его міросозерцанія. Тенъ-Бринкъ идетъ еще дальше и утверждаетъ, что «суть» такой комедіи, какъ *Укрощеніе строптивой*, «не во внѣшнихъ проявленіяхъ, а исключительно во внутренней натурѣ человѣка». Это на той сценѣ, гдѣ безпрестанно раздается хлопанье бича, дикіе вскрики «господина», сыплется брань на ни въ чемъ не повинныхъ людей, какъ воспитательное средство противъ «строптивости» супруги (стр. 49).

Совершенно некстати проявляется та же елейность духа у критика и въ другихъ еще болѣе важныхъ случаяхъ. Какъ онъ могъ додуматься до вывода, будто бы Шекспиръ въ Коріоланѣ «представляетъ намъ благородно мыслящаго аристократа, полнаго пламеннымъ патріотизмомъ, гордо скромнаго»? Это тотъ Коріоланъ, который воплощаетъ исконную политику аристократическихъ героевъ *партіи*, а не отечественной славы, — партіи, готовой измѣнить своему отечеству при всякомъ посягательствѣ на *ея* сословные интересы, партіи, достаточно эффектно увѣковѣчившій себя во всей исторіи, начиная съ аѳинскихъ «лаконофиловъ» и кончая французскими эмигрантами конца XVIII-го вѣка. Зачѣмъ критику было вдаваться въ усладительныя настроенія, когда самъ авторъ драмы ясно выразилъ свое мнѣніе о героѣ въ спокойныхъ рѣчахъ римскихъ гражданъ: «Изъ одной гордости онъ служилъ родинѣ. Простаки хвалятъ въ немъ любовь къ Риму: не для родного края, а изъ угоды своей матери да изъ тщеславія дрался онъ за отечество». И только у такого «благородно мыслящаго аристократа» намъ понятенъ союзъ съ врагами отечества, страстное намѣреніе разметать согражданъ, какъ «многоголовый скотъ», уничтожить «этихъ тварей», какъ непріятеля въ открытомъ полѣ. Въ заключеніе Коріоланъ тронутъ не судьбой родины, а *исключительно* колѣнопреклоненіемъ матери, — а великій психологъ влагаетъ въ его уста самую гиперболическую и крикливую рѣчь по этому случаю... Коріоланъ и на смерть идетъ патриціемъ-эгоистомъ, безъ единаго проблеска гражданскаго духа, истиннаго патріотизма и политическаго смысла. Коріоланъ «поминутно *силится* выказать себя противникомъ плебеевъ»,—таковъ отзывъ о Коріоланѣ въ пьесѣ: врядъ ли въ подобной критикѣ много вообще *мыслей*, не говоря уже о *благородныхъ* мысляхъ.

Напрасно восторгается Тенъ-Бринкъ и поэмами Шекспира. Здѣсь особенно рѣзко сказывается отсутствіе у автора культурно-исторической перспективы, иначе онъ оцѣнилъ бы всю *модную* искусственность и преднамѣренную разсудочную работу ловкаго артиста надъ произведеніемъ, пользующимся спросомъ у современныхъ франтовъ. *Похищеніе Лукреціи* для Тенъ-Бринка образцовый продуктъ поэтическаго вдохновенія, а между тѣмъ ни въ одномъ изъ произведеній Шекспира не разлито столько холода, манерности, разсчитанно-утонченнаго тона, какъ здѣсь. Только развѣ другая тэма можетъ поспорить съ *Лукреціей*. Неужели можетъ быть названо вдохновенной поэзіей описаніе, напримѣръ, «борьбы между румянцемъ красоты и бѣлизной добродѣтели»—на лицѣ

Лукреціи, изображеніе спящей героини въ десяткѣ строфъ, филигранно-отдѣланная картина сладострастной и въ то же время цѣломудренной игры волосъ съ дыханіемъ? Неужели Тарквиній, полудикій насильникъ легендарной римской эпохи,—лицо естественное и поэтическое, въ роли галантнѣйшаго искателя приключеній временъ возрожденія, въ роли томящейся жертвы любви, многорѣчивѣйшаго профессора «науки страсти нѣжной» и въ заключеніе въ роли рыцаря, выдерживающаго споръ «своей холодной совѣсти съ пламенной страстью?» Недурна и Лукреція, неистощимая въ монологахъ и нравственныхъ сентенціяхъ, въ теченіе цѣлой ночи «ведущая тяжбу съ своимъ позоромъ» и попеременно осыпающая рѣчами «всѣ предметы», какіе только видитъ. Врядъ ли можно согласиться съ критикомъ, что «все это прочувствовано драматически». Обязательный культъ шекспировской геніальности лишилъ, очевидно, критика свободы чувства.

Но главнѣйшее недоразумѣніе Тенъ-Бринка, несомнѣнно, его восторги комедіями Шекспира. Критику тяжело слышать, что нѣкоторые ставятъ Мольера выше Шекспира, какъ комическаго автора. Критикъ прибѣгаетъ къ «перечисленію свойствъ, которыя необходимы для комическаго писателя», т. е. къ *теоретическимъ* соображеніямъ, къ правиламъ эстетики и приходитъ къ желанному выводу: Шекспиръ обладалъ этими свойствами «въ равной степени съ Мольеромъ или, пожалуй, даже больше его» (стр. 97).

Но никакая эстетика не устранитъ существеннаго *жизненнаго* факта. Комедіи Шекспира, какъ признаетъ и самъ авторъ, не представляютъ «вѣрнаго зеркала окружающей дѣйствительности», а совершаются «въ обстановкѣ идеальной», «подъ прекраснымъ свѣтлымъ небомъ, въ свѣжемъ зеленомъ лѣсу, на берегу моря». Ясно, это все, что угодно, только не комедіи: идилліи, элегіи, поэмы, и смыслъ, конечно, не въ наименованіи, а въ содержаніи и цѣляхъ произведеній. Шекспиръ вполнѣ послѣдовательно шелъ къ этимъ цѣлямъ, т. е. давалъ неограниченную свободу своей фантазіи и всевозможнымъ капризамъ случая и счастья. Въ результатѣ: «это міръ, показываемый съ его свѣтлой, озаренной солнечнымъ сіяніемъ, стороны, въ безмятежные и счастливые дни, міръ, въ которомъ мы чувствуемъ явственнѣе, чѣмъ въ нашей дѣйствительности, присутствіе благого Промысла» (стр. 111).

Совершенно не то у Мольера: тамъ смѣхъ безпрестанно переходитъ въ слезы, а лучшія комедіи, *Мизантропъ*, *Тартюфъ*, даже нельзя рѣзко отличить отъ драмы. Это въ полномъ смыслѣ реальный міръ съ реальными мотивами и дѣйствующими лицами, т. е. міръ, единственно сообщающій общественную и идейную цѣнность комедіи. Шекспиръ не идетъ дальше чистой поэзіи и довольно однообразныхъ исторій любви. У него въ комедіяхъ главный вдохновитель—итальянская литература возрожденія, а не англійская современная жизнь и онъ систематически изгоняетъ съ своей экзотической сцены все временное и *историческое*. Во всѣхъ комедіяхъ можно отыскать лишь нѣсколько намековъ на англійскую современность XVI-го вѣка, напримѣръ, фигуру меланхолика Жака, представителя англійской итальяномании и чайльдъ-гарольдства XVI-го столѣтія. Комедіи такое же *чисто литературное*, модное явленіе, какъ и поэмы, отчасти сонеты: Шекспиръ здѣсь служилъ гораздо больше вкусу тѣхъ же Жаковъ, чѣмъ собственному генію.

Странно не понялъ Тенъ-Бринкъ и нѣкоторыхъ величайшихъ созданій Шекспира. Напримѣръ, «трагизмъ судьбы» Брута онъ открылъ въ слѣдующемъ: «Брутъ, вслѣдствіе высоты своего образа мыслей, подчиняется вліянію болѣе ловкихъ, болѣе проницательныхъ, но нравственно стоящихъ ниже его людей» (стр. 137). На это неожиданное соображеніе можно отвѣтить словами самого же автора, недовольнаго ухищреніями гамлетовской критики: «Неправиленъ методъ, по которому вещи, умышленно или неумышленно оставляемыя Шекспиромъ въ темнотѣ, не только стараются освѣтить, но еще подвергаютъ микроскопическому анализу

и дѣлаютъ исходною точкою изслѣдованія. То, что Шекспиръ находитъ нужнымъ высказать, онъ обыкновенно высказываетъ довольно ясно, а что онъ умалчиваетъ, то, по всей вѣроятности, признавалъ онъ несущественнымъ и такимъ поэтому должно оно оставаться и для насъ» (стр. 142).

Шекспиръ даже устами самого Брута ясно высказалъ смыслъ его драмы: Брутъ передъ смертью сознаетъ, какъ могучъ «духъ цезаря», т. е. цезаризмъ, настроенія эпохи, «запросы времени», какъ выражался Ричардъ II. Брутъ—убійца Цезаря—Донъ-Кихотъ республики. Она существуетъ только въ его мечтательномъ воображеніи и наивно-благородномъ сердцѣ: кругомъ *императорская* атмосфера и она непремѣнно задушитъ рыцаря отжившей свободы. Тенъ-Бринкъ понимаетъ, почему драма названа *Юлій Цезарь*, хотя онъ появляется въ ней только затѣмъ, чтобы быть убитымъ, но не понимаетъ *психологическаго* значенія этого факта въ характерѣ и судьбѣ Брута.

Наконецъ, неосновательно авторъ превозноситъ гётевскій разборъ *Гамлета*. Гёте вовсе не далъ «ключа къ разрѣшенію проблемы», а только затемнилъ ее. Гёте сталъ родоначальникомъ воззрѣнія, по которому вся разгадка Гамлета. какъ психологическаго типа, сводится къ *слабости воли* и чрезвычайному благородству натуры, неприспособленной къ грубому дѣлу мести. Гамлетъ — слабъ волей, выдерживая жестокую борьбу съ настоятельными внушеніями отца и своего сердца, Гамлетъ—идеалистъ, убивающій Полонія и Розенкранца съ Гольденштерномъ! Конечно, на все есть свои объясненія, но убійство, притомъ еще изъ засады, все-таки поступокъ не идеальный. Гёте, лично натура пассивная и склонная къ романтизму, создалъ своего Гамлета неограниченно «симпатичнаго» и «прекраснаго», о которомъ врядъ ли могъ помышлять положительнѣйшій поэтъ-реалистъ всѣхъ временъ и народовъ. Гамлетъ, конечно, и симпатиченъ, и благороденъ, но только съ этими добродѣтелями не было бы шекспировской трагедіи по существу и по подробностямъ.

Въ хронологическихъ домыслахъ Тенъ-Бринка, какъ и слѣдовало ожидать, не мало загадочнаго и произвольнаго: почему, напримѣръ, онъ относитъ *Перикла* къ зрѣлому періоду дѣятельности Шекспира? *Перикла*, рѣшительно недостойнаго считаться даже отчасти шекспировскимъ произведеніемъ того времени, когда создавались такія драмы, какъ *Антоній и Клеопатра*.

Въ результатѣ русскіе читатели не извлекутъ очень богатаго матеріала изъ лекцій Тенъ-Бринка, хотя, конечно, при нашей скудной оригинальной литературѣ о Шекспирѣ и онѣ могутъ быть прочитаны съ пользою. Изложеніе вполнѣ популярное, даже не чуждое мѣстами чисто нѣмецкаго простодушія и прекраснодушія, переводъ удовлетворителенъ. Къ сожалѣнію, встрѣчаются важныя опечатки, могущія ввести въ заблужденіе читателя, мало знакомаго съ предметомъ. На стр. 48: «Въ *Генрихѣ IV* Шекспиръ изобразилъ кровавыя войны Алой и Бѣлой Розы»—вмѣсто въ Генрихѣ *VI*. «*Венера и Адонисъ*» издана въ *1593 году*, а не въ *1543* (стр. 49). Цѣна книги—за 150 страницъ малаго формата слишкомъ высока.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Э. Лависсъ и А. Рамбо. «Всеобщая исторія».—*А. Трачевскій.* «Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе».—*Е. С. Шумигорскій.* «Екатерина Ивавовна Нелидова».

Эрнестъ Лависсъ и Альфредъ Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ второй: Феодальная Европа. Крестовые походы. Переводъ М. Гершензона. XV + 885 стр. М. 1897. Ц. 3 р. Томъ третій: Образованіе большихъ государствъ. Переводъ В. Невѣдомскаго. XXI +

993 стр. М. 1897. Ц. 3 р. Въ «Мірѣ Божьемъ» было уже отмѣчено появленіе въ русскомъ переводѣ перваго тома коллективнаго труда французскихъ историковъ, предпринявшихъ, подъ руководствомъ Лависса и Рамбо, изданіе обширной «Всеобщей исторіи». Второй томъ содержитъ обзоръ историческихъ явленій за періодъ между 1095 и 1270 гг. Это время классическаго средневѣковья, полнаго разцвѣта феодализма, борьбы папства и имперіи, крестовыхъ походовъ. Какъ во всякомъ коллективномъ трудѣ—достоинство отдѣльныхъ очерковъ, вошедшихъ въ его составъ—неодинаково. Естественно для французскаго изданія. что лучшіе тѣ, которые посвящены исторіи Франціи. Очеркъ исторіи французскаго королевства въ XII—XIII вв., составленный Лютеромъ и очеркъ городскаго движенія, составленный Жири и Ревилемъ—лучшее украшеніе книги. Къ сожалѣнію, нельзя этого сказать про главу I: «Феодальный порядокъ отъ его возникновенія до конца XIII вѣка». Она принадлежитъ перу Шарля Сейньобо, который далъ лишь внѣшнюю, блѣдную и не достаточно отчетливую характеристику феодальныхъ отношеній. Для этого вопроса русскому читателю полезнѣе будутъ статьи Виноградова и Щепкина въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» (т. II). Этой же книгой слѣдуетъ пользоваться, чтобы лучше выяснить себѣ смыслъ тѣхъ явленій, которыя разсматриваются въ главахъ, посвященныхъ исторіи папства и имперіи, а также и крестовыхъ походовъ. Подробное, фактическое изложеніе «Всеобщей исторіи» нуждается въ одухотвореніи при помощи другихъ пособій. Въ частности, для яркой фигуры Григорія VII и для пониманія духа его времени русская литература располагаетъ такими превосходными трудами, какъ «Идея Божескаго царства въ твореніяхъ папы Григорія VII»—кн. С. Трубецкаго и «Григорій VII, его жизнь и общественная дѣятельность» А. Вязигина. Особаго вниманія заслуживаютъ главы, посвященныя внутренней жизни средневѣковой Европы: «Торговля и промышленность въ средніе вѣка» (Жири и Ревиль) и «Западная цивилизація въ XII и XIII вв.» (Ланглуа), изъ которыхъ послѣдняя, впрочемъ, слишкомъ кратка; хорошимъ дополненіемъ къ ней можетъ служить блестящій этюдъ Н. В. Сперанскаго: «Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ». Послѣднія главы второго тома «Всеобщей исторіи» посвящены исторіи Англіи въ норманнскій и анжуйскій періодъ, пиринейскихъ, скандинавскихъ и восточно-европейскихъ государствъ. Русскій читатель съ интересомъ прочтетъ написанную Эрнестомъ Дени главу: «Русь и монголы», какъ и отдѣлъ о русской исторіи XIV—XV вв. въ III томѣ, несмотря на рядъ ошибокъ и странныхъ сужденій, какія здѣсь встрѣчаются. Сжатые очерки исторіи юго-восточной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ (А. Рамбо) и исторіи тюрковъ и монголовъ (Л. Кагёнъ) отъ древнѣйшихъ временъ до конца XIII вѣка—можно признать цѣнными вкладами въ нашу популярнонаучную литературу, по отсутствію соотвѣтствующихъ общедоступныхъ трудовъ на русскомъ языкѣ.

Съ этой же точки зрѣнія особенно цѣнны нѣкоторые отдѣлы третьяго тома «Всеобщей исторіи», который обнимаетъ эпоху съ 1270 по 1492 годъ. Здѣсь читатель найдетъ подробное изложеніе судебъ Франціи при послѣднихъ Капетингахъ и въ эпоху столѣтней войны и борьбы королей Карла VII и Людовика XI со «второй феодальной системой». Далѣе, отлично составлена глава о «французской цивилизаціи въ XIV и XV столѣтіяхъ»; характеристика зародившейся «личной» литературы въ отличіе отъ безличнаго средневѣковаго творчества и первыхъ успѣховъ положительной науки, еще слишкомъ «книжной» и мало опиравшейся на живое наблюденіе,—составлены Пети-де-Жюллевилемъ и Полемъ Таннери; обзоръ искусства—извѣстнымъ ученымъ Мюнцемъ; особый отдѣлъ посвященъ зарожденію свѣтской музыки. Изъ слѣдующихъ главъ особаго упоминанія заслуживаютъ XI и XIII. Первая изъ нихъ, озаглавленная: «Возрожденіе въ Италіи» — поражаетъ своимъ поверхностнымъ характеромъ;

тщетно будемъ мы искать въ этой работѣ Андре Бертело сколько-нибудь содержательнаго опредѣленія гуманизма, вродѣ того, какое русскій читатель можетъ найти въ трудахъ академика А. Н. Веселовскаго («Вилла-Альберти» и «Боккачіо, его среда и сверстники») и М. С. Корелина («Ранній итальянскій гуманизмъ» и «Очерки итальянскаго возрожденія»). Вторая изъ отмѣченныхъ главъ написана Э. Дени. Авторъ превосходныхъ трудовъ по исторіи Руси и Чехіи даетъ очень цѣнный очеркъ исторіи Богеміи и Венгріи отъ вступленія на престолъ иностранныхъ династій до присоединенія къ Австріи (1290—1526). Вообще же, всѣ историческіе очерки, вошедшіе въ составъ разбираемаго труда, составлены, какъ и естественно въ трудѣ подобнаго рода, сжато, фактически довольно полно и предназначены служить не столько для чтенія, сколько для первоначальнаго ознакомленія съ общимъ курсомъ всеобщей исторіи. Книга можетъ удобно служить, по полнотѣ матеріала, и для справокъ. Къ каждой главѣ приложенъ обстоятельный обзоръ источниковъ и пособій по отдѣльнымъ вопросамъ.

А. Трачевскій. Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. IV + 292 стр. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к. Проф. Трачевскій даетъ въ своей книжкѣ образчикъ особаго литературнаго рода — историческій фельетонъ. Книга трактуетъ важный историческій вопросъ—переходъ старой средневѣковой Германіи, благополучно дотянувшей свое существованіе до временъ великаго Наполеона, въ Германію новую, созданную прусской силой. Но авторъ не ставилъ себѣ цѣлью дать «ученую» книгу. Его задача—дать живой и легкій очеркъ. Книга читается, дѣйствительно, легко, даже очень легко. Она написана въ своеобразномъ шутливомъ тонѣ, переполнена остротами. Авторъ, со скептической улыбкой, насмѣшливымъ взоромъ слѣдитъ за перепитіями нѣмецкой политической жизни. Онъ передаетъ не столько ходъ эволюціи германской жизни, сколько свои личныя впечатлѣнія, не столько опредѣляетъ характеры своихъ героевъ, сколько выражаетъ свое отношеніе къ нимъ. Тѣмъ не менѣе, при внимательномъ чтеніи, есть возможность познакомиться не только съ проф. Трачевскимъ, но и съ Германіей XVIII и отчасти XIX в. Это знакомство не будетъ глубокимъ, далеко нѣтъ. Но внѣшній обликъ событій, внѣшнія черты борющихся историческихъ силъ отмѣчены подчасъ мѣткимъ словечкомъ. Въ основѣ книги лежитъ обстоятельное знакомство съ исторіей Германіи, которое виднѣется сквозь фельетонную оболочку.

Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова (очеркъ изъ исторіи императора Павла). Спб. 1898 г. 172 стр. Ц. 1 р. 25 к. Живой и талантливо составленный этюдъ г. Шумигорскаго проливаетъ яркій свѣтъ на личный характеръ императора Павла Петровича и окружавшихъ его лицъ. Для «царства страха» только теперь наступаетъ исторія. Благодаря мелочному и причудливо-капризному характеру правительственной дѣятельности, оно перешло въ память потомства въ серіи анекдотовъ, то курьезныхъ и смѣшныхъ, то тяжелыхъ и мрачныхъ. Среди этой «анекдотической славы» царствованія совсѣмъ терялось отчетливое представленіе о личности Павла Петровича и трудно было понять возможность столь противорѣчивыхъ отзывовъ о немъ, какіе дошли до насъ отъ современниковъ. Труды Кобеко («Цесаревичъ Павелъ Петровичъ») и Шумигорскаго («Императрица Марія Θеодоровна» и «Е. И. Нелидова») даютъ возможность составить себѣ понятіе о трагической личности несчастнаго императора. Личность эта поистинѣ трагическая; поставленный съ ранняго дѣтства и до самаго восшествія на престолъ въ самыя невозможныя условія жизни и личнаго развитія, Павелъ Петровичъ сталъ ихъ жертвою. Всѣ лучшія стороны его натуры роковымъ образомъ искажались и мельчали; запасъ недюжинныхъ силъ растраченъ былъ не только безъ пользы, но съ явнымъ вредомъ для того самаго дѣла, которому онъ отъ души желалъ послужить. Полное незнаніе жизни и условій русской общественности обезсилило широкіе и нерѣдко ра-

зумно-задуманные проекты реформъ: порча личнаго характера, первоначально привлекавшаго окружающихъ несомнѣннымъ благородствомъ, сдѣлала личную дѣятельность Павла Петровича невыносимой для русскаго общества и довела его до гибели; изумительное незнаніе людей сдѣлало его игрушкой вліянія окружающихъ, несмотря, а, подчасъ, именно благодаря настойчивому стремленію быть самостоятельнымъ.

Центральной личностью своего этюда авторъ избралъ фрейлину Е. И. Нелидову, которая долго была ангеломъ-хранителемъ Павла, умѣя смирять своимъ вліяніемъ непомѣрно возраставшую нервную раздражительность его натуры. Авторъ идеализируетъ Нелидову; онъ готовъ признать ее «крупнымъ историческимъ лицомъ» и «воплощеніемъ лучшихъ свойствъ русской женщины». По счастью, это не помѣшало ему дать вѣрную характеристику Нелидовой. Представительница перваго поколѣнія той «новой породы людей», которую Екатерина II думала создать въ своихъ закрытыхъ училищахъ, въ искусственной и условной обстановкѣ, Нелидова всю жизнь оставалась «восторженно-сентиментальной смольнянкой», съ добрымъ сердцемъ, узкимъ кругозоромъ и небольшимъ разумѣніемъ того, что кругомъ творится. Ея чистая и почти мистическая дружба съ императоромъ давала ей большое значеніе, какъ защитницѣ тѣхъ, на которыхъ обрушивался причудливый гнѣвъ надорванной и лишенной самообладанія натуры императора. Ея вліяніе не шло, однако, дальше воздѣйствія на его волю въ отдѣльныхъ случаяхъ. У власти, опираясь на ея поддержку, долго стояли люди, ни чѣмъ не заслужившіе своего положенія, вродѣ Куракиныхъ. Ея доброму слову обязанъ былъ сохраненіемъ положенія Кутайсовъ, злой геній Павла, лакей, сыгравшій политическую роль, какъ орудіе интригановъ, устранившихъ Нелидову, къ великому несчастью Павла Петровича. По мѣрѣ того, какъ слабѣло вліяніе Нелидовой, Павелъ подпадалъ подъ вліяніе людей, обезсмертившихъ себя низостью. Нелидова, дѣйствительно, рисуется, какъ симпатичный образъ, на фонѣ остальной толпы, наполнявшей дворецъ; но что это были за люди! Они искажали даже повелѣнія Павла Петровича, доводя ихъ до абсурда,—одни по неразумному усердію, какъ Архаровъ, другіе—тенденціозно, чтобы создать удобную атмосферу для собственной интриги, какъ Паленъ. Чего-либо содержательнаго, сколько-нибудь идейнаго—нечего искать въ побужденіяхъ стоявшихъ на виду дѣятелей этого царствованія. Контрастъ съ екатерининскимъ царствованіемъ очень рѣзокъ. Вліятельные дѣятели лучшей поры екатерининской эпохи были, въ общемъ, представителями интересовъ опредѣленной соціальной группы: дворянства, которое достигло высшей степени своего политическаго и общественнаго значенія и, по остроумному выраженію одного изъ нашихъ историковъ, «черезъ правительство управляло страной». Императоръ Павелъ вступилъ на престолъ, проникнутый высокимъ представленіемъ о значеніи абсолютной монархической власти, и сознательно возмущался тѣмъ, что эта власть отдана на служеніе сословнымъ интересамъ одного класса. Отсюда невозможность для него вполнѣ опираться на государственныхъ дѣятелей, доставшихся ему по наслѣдству отъ предыдущей, столь антипатичной ему эпохи. Его сотрудниками явились новые люди. Этюдъ г. Шумигорскаго знакомитъ читателя съ ними. Частный гатчинскій кружокъ цесаревича, перенесенный въ большой петербургскій дворецъ, не съумѣлъ послужить дѣлу осуществленія того, что было лучшаго въ стремленіяхъ Павла Петровича. Всѣмъ государственнымъ дѣламъ приданъ былъ отпечатокъ чего-то мелкаго, частнаго. Личныя чувства, случайныя, неустойчивыя настроенія нервно-возбужденнаго императора, опутаннаго сѣтью мелкихъ придворныхъ интригъ и истерзаннаго вѣчною тревогой и подозрительностью,—рѣшали всѣ важнѣйшія дѣла. Авторъ даетъ живой очеркъ той обстановки, въ которой привелось жить и дѣйствовать Павлу Петровичу. Книга читается легко и съ интересомъ, не только какъ историческая картина,

но и какъ психологическій этюдъ. Впечатлѣніе она оставляетъ тяжелое, какъ тяжело было и впечатлѣніе, испытанное русскимъ обществомъ въ ту эпоху.

СОЦІОЛОГІЯ.

Б. Поллокъ. «Исторія политическихъ ученій».—*Г. Ольденбергъ.* «Будда, его жизнь, ученіе и община».

Поллокъ Ф. (проф. оксфордскаго университета). **Исторія политическихъ ученій. Переводъ съ англійскаго. М. 1898. 109 стр. 8°. Цѣна 40 коп.** Книжка проф. Поллока по внѣшнему виду и объему представляетъ, или, лучше сказать, должна представлять популярный очеркъ исторіи политическихъ ученій. Несомнѣнно, самая тема представляла бы для русскихъ читателей большой интересъ, если бы только она дѣйствительно была выполнена. По прочтеніи книжки проф. Поллока приходишь въ полное недоумѣніе, для кого и для чего она написана? Научнаго значенія она, конечно, имѣть не можетъ. такъ какъ ни одного вопроса она серьезно не разбираетъ. а какъ популярная книжка, она не удовлетворяетъ и самымъ элементарнымъ требованіямъ. Во-первыхъ, чѣмъ ближе мы подходимъ къ современности, тѣмъ короче и скомканнѣе становится изложеніе, между тѣмъ какъ и для англійскихъ читателей современность имѣетъ больше интереса, нежели взгляды хотя бы и самого Аристотеля. Во-вторыхъ, авторъ отчетливо не представилъ рѣшительно ни одного ученія. Многіе новѣйшіе ученые просто названы по именамъ, и читателю не спеціалисту приходится иногда самому догадываться, какихъ взглядовъ держался данный ученый, напр., Вильгельмъ Гумбольдтъ, о которомъ сказано только, что онъ считалъ народное образованіе такою областью, куда государство не должно вмѣшиваться, и несмотря на это, самъ былъ прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Однимъ словомъ, «Исторія политическихъ ученій» проф. Поллока не указываетъ даже и того, какимъ путемъ наука государственнаго права въ самое послѣднее время стала переходить отъ чисто умозрительныхъ построеній къ научной разработкѣ фактовъ и выводамъ изъ нихъ своихъ положеній. Вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть дѣйствительныя задачи политической науки, авторъ, сравнивая ее съ этикой и философіей, приходитъ къ выводу, что она должна существовать, «хотя бы единственно для того, чтобы опровергать нелѣпыя политическія теоріи и проекты» (3 стр.). Съ наибольшей подробностью авторъ останавливается на Аристотелѣ и на теоріяхъ общественнаго договора. Переходя къ современности, авторъ говоритъ, что остановится преимущественно на англійскихъ ученыхъ, превозноситъ Бентама и заключаетъ книжку приглашеніемъ вернуться къ Аристотелю.

Всѣ странности книжки перечислить невозможно, да и не имѣетъ цѣли. Но одной нельзя не упомянуть. Говоря объ Аристотелѣ, авторъ въ примѣчаніи приводитъ примѣръ дѣленія на четыре степени вреда, который одно лицо можетъ нанести другому, и прибавляетъ: «Если только эти свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ лекцій покойнаго Копа, которому я обязанъ своимъ знакомствомъ съ «Политикою», приведены мною безошибочно, то, по мнѣнію Копа, это раздѣленіе очень продумано» (стр. 15). Такъ и видишь, какъ проф. Поллокъ составляетъ популярную книжку по студенческимъ запискамъ. Невольно закрадывается сомнѣніе, не слѣдуетъ ли и призывъ возвратиться къ Аристотелю понимать въ смыслѣ возвращенія къ запискамъ, составленнымъ со словъ «покойнаго Копа».

Что касается русскаго перевода, то и его нельзя похвалить. Часто въ предложеніи не хватаетъ словъ, встрѣчаются обороты въ родѣ «выберемъ отдѣлъ,

касающійся отдѣла верховной власти» (стр. 83). Въ книжкѣ довольно много опечатокъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и самая обложка, на которой Ф. Поллокъ названъ профессоромъ «оксордскаго» университета.

Германъ Ольденбергъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ со второго исправленнаго изданія П. Николаева. Москва. Изданіе 3-е. Д. П. Ефимова. 1898 (360 стр. 8°). Цѣна 2 р. Имя Германа Ольденберга пользуется на Западѣ большою извѣстностью не только въ узкомъ кругу ученыхъ, но и среди читающей публики. Выдающійся серьезный изслѣдователь различныхъ сторонъ древне-индійской культуры обладаетъ, кромѣ того, и рѣдкимъ даромъ изложенія. Онъ несомнѣнно одинъ изъ серьезныхъ и талантливыхъ популяризаторовъ нашего времени. Вышеуказанная книжка на нѣмецкомъ языкѣ недавно вышла четвертымъ изданіемъ. Такой успѣхъ ея объясняется многими серьезными достоинствами, Всѣмъ, кто интересуется исторіей религій вообще и буддизмомъ въ частности, мы совѣтуемъ серьезно познакомиться съ этимъ трудомъ Ольденберга.

Буддизмъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ интересное, даже единственное въ своемъ родѣ явленіе. Это—религія безъ Бога, религія исключительно личная, не желающая признавать ничего, что лежитъ за предѣлами личности. Внѣшній міръ съ этой точки зрѣнія представляетъ только одно страданіе, и задача каждаго человѣка заключается въ томъ, чтобы при жизни уничтожить въ себѣ всякія привязанности къ внѣшнему міру и совершенно равнодушно относиться ко всему, что въ жизни считается радостью или горемъ, счастьемъ или несчастьемъ. Если человѣкъ достигнетъ при жизни этого состоянія, то онъ, по ученію буддизма, освобождается навсегда отъ перерожденій, составляющихъ источникъ страданій. Мы только что назвали буддизмъ религіей исключительно личной, каковою она и является практически; но теоретически она не признаетъ существованія личности. Личность, по ея ученію, есть только сумма извѣстныхъ внѣшнихъ признаковъ, и сама по себѣ она не существуетъ. Съ этой точки зрѣнія буддизмъ точнѣе было бы назвать религіей исключительно личнаго сознанія.

Эта основная черта буддизма, по нашему мнѣнію, объясняетъ увлеченіе этою религіей на Западѣ, проявляющееся не только въ серьезномъ научномъ изслѣдованіи содержанія и исторія буддизма, но и въ нѣкоторыхъ патологическихъ явленіяхъ, напр., въ томъ, что тамъ появилось не мало новыхъ адептовъ этого ученія, называющихъ себя «буддистами». Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ буддійскій культъ личности, хотя и проникнутый отрицаніемъ и пессимизмомъ, заставляетъ дрожать одинаково настроенныя струны западнаго человѣка, воспитаннаго точно такъ же на поклоненіи личности. А для пессимизма и отрицанія и на Западѣ накопился довольно богатый матеріалъ. Такимъ образомъ буддизмъ и въ настоящее время не потерялъ своего жизненнаго значенія, хотя, конечно, современные западные его адепты вкладываютъ въ него свои собственныя мысли.

Задача изслѣдователя первоначальнаго древнѣйшаго буддизма состоитъ въ томъ, чтобы, во-1-хъ, возстановить по памятникамъ первоначальной составъ буддійскихъ вѣрованій, во-2-хъ, показать, какимъ образомъ буддизмъ могъ развиться на почвѣ древнѣйшей индійской религіи, и, въ-3-хъ, выяснить тѣ черты и условія существованія буддизма, которыя оказали вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Таковъ планъ изслѣдованія Ольденберга. Конечно, въ изложеніи исторіи буддизма нужно начать съ выясненія того состоянія Индіи, которое непосредственно предшествовало появленію ученія Будды. Буддизмъ вовсе не представляетъ реакціи противъ первоначальной религіи Индіи, опиравшейся на авторитетъ ведъ. Напротивъ, онъ заимствуетъ изъ брахманской философіи того времени свои главныя положенія и развиваетъ ихъ. Брахманская филосо-

фія съ ея теоріей âтмана («я самъ») и брахмы («сила святости») уже подточила древнюю вѣру въ ведійскихъ боговъ. Появленіе рядомъ съ буддизмомъ и другихъ аналогичныхъ ученій (напр. джайнскаго) показываетъ, насколько буддизмъ естественно вытекалъ изъ брахманской философіи. Отрицательное отношеніе къ дѣйствительности, склонность къ монашескому образу жизни, даже нѣкоторыя основныя положенія этого ученія были выработаны до буддизма.

Разбирая далѣе легенду о самой личности Будды, Ольденбергъ старается опровергнуть мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ ней только миѳъ, и излагаетъ тѣ только данныя, которыя онъ считаетъ историческими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему приходится признать, что достовѣрность добытыхъ имъ фактовъ еще сомнительна, но, во всякомъ случаѣ, для читателя особенно цѣнно то, что онъ вводитъ его въ подробности своей критики и даетъ возможность самому различить болѣе достовѣрное отъ мало вѣроятнаго.

Ученіе Будды излагается въ книгѣ два раза: сначала въ описаніи жизни и дѣятельности Будды, а потомъ систематически въ спеціальномъ отдѣлѣ. Въ основу первоначальнаго буддизма Ольденбергъ кладетъ четыре «святыя истины», которыя Будда повѣдалъ міру. Эти истины составляютъ въ сущности одинъ силлогизмъ. Все въ мірѣ есть страданіе. Страданіе происходитъ отъ стремленія человѣка ко всему земному. Оно уничтожается, если уничтожается стремленіе къ земному. Поэтому истинный путь къ уничтоженію страданія заключается въ пониманіи этихъ истинъ и въ дѣлахъ, направленныхъ къ уничтоженію въ себѣ стремленія къ земному. Истинный буддистъ долженъ усвоить и поддерживать въ себѣ эти «святыя истины», такъ какъ знаніе каждой изъ нихъ необходимо для достиженія окончательнаго освобожденія отъ страданія. Отсюда вытекаютъ естественно всѣ предписанія относительно поведенія буддійскаго монаха. Онъ не долженъ имѣть собственности, долженъ жить въ уединеніи и питаться подаяніемъ благочестивыхъ мірянъ, долженъ ѣсть одинъ разъ въ день, не долженъ принимать денегъ и т. д. Конечно, при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что многія предписанія не могутъ быть объяснены исключительно буддійскимъ ученіемъ. Многое объясняется старой ведійской ралигіей. Такъ, напр., буддизмъ только развилъ до крайнихъ предѣловъ правило, что монахъ не долженъ лишать жизни ни одно существо. Самое освобожденіе отъ страданія неразрывно связывается со старинной вѣрой въ перерожденія и понимается, какъ освобожденіе отъ этого скитанія въ мірѣ живыхъ существъ.

Въ общину буддійскихъ монаховъ былъ открытъ доступъ всѣмъ. Существовали ограниченія только для устраненія злоупотребленій. Не позволялось поступать въ нее солдатамъ, должникамъ, малолѣтнимъ, калѣкамъ и больнымъ тяжкою болѣзнью (напр. проказой). Пріемъ не сопровождался никакими церемоніями; поступающій долженъ былъ только объявить, что онъ прибѣгаетъ къ буддійской троицѣ: Буддѣ, его закону и общинѣ. Если монахъ не былъ въ силахъ побѣдить въ себѣ стремленіе къ радостямъ жизни, если онъ не могъ забыть своихъ родныхъ, то его никто не удерживалъ, онъ свободно могъ возвратиться въ міръ. Никакой іерархіи въ общинѣ не существовало; религія личности и не могла, конечно, создать ея, такъ какъ она не признавала никакого авторитета, кромѣ ученія Будды. Самъ Будда почитался только какъ человѣкъ, открывшій истинный путь къ искупленію отъ страданія. Но уже довольно рано стали считать священными тѣ мѣста, гдѣ онъ родился, гдѣ достигъ познанія и гдѣ вошелъ въ нирвану. Не признавая ничего, кромѣ личности, буддизмъ въ сущности не знаетъ никакого культа, никакихъ молитвъ. Онъ знаетъ только постъ и торжественную исповѣдь въ собраніи всей общины. Женщины могли тоже составлять свои отдѣльныя общины, но онѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были ограничены въ своихъ правахъ и ихъ общины находились въ зависимости отъ общинъ мужчинъ.

Слабая сторона буддизма заключалась именно въ томъ, что онъ не могъ имѣть іерархіи и не могъ поэтому создать своей церкви. Это и было главною причиною того, что буддизмъ въ Индіи почти всюду уступилъ свое мѣсто старой брахманской религіи и только, распространившись за предѣлами Индіи, въ измѣненномъ видѣ завоевалъ себѣ многіе милліоны поклонниковъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги Ольденберга. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что русскій переводъ страдаетъ большими недостатками. Насколько мы могли замѣтить, онъ представляетъ перепечатку перевода, вышедшаго въ 1891 году (изданіе Солдатенкова). Новы только многочисленныя опечатки. Переводчикъ, повидимому, не знаетъ произношенія санскритскихъ и палійскихъ буквъ, и потому сильно искажаетъ туземныя имена.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Л. Купріянова «Современная Бельгія».—*Д. И. Шрейдеръ* «Страна восходящаго солнца».—«Японія. Изданіе пост. ком. народн. чтеній».—*Н. Ю. Зографъ* «Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море».

Л. Купріянова. Современная Бельгія въ связи съ ея историческимъ развитіемъ. Съ 8-ю рисунками въ текстѣ и приложеніемъ карты. Спб. 1898 г. Цѣна 75 коп. Стр. 242. Вопросъ о томъ, какъ живутъ люди въ далекихъ незнакомыхъ странахъ и почему ихъ жизнь сложилась такъ, а не иначе, неизбѣжно привлекаетъ къ себѣ вниманіе всякаго думающаго читателя, хотя бы и стоящаго еще на невысокой ступени умственнаго развитія. Интересуетъ такого читателя все, начиная отъ описанія мелочей внѣшняго быта и кончая анализомъ положенія общественныхъ классовъ и политическаго строя государства. Вотъ почему можно особенно привѣтствовать появленіе книгъ, описывающихъ въ доступной формѣ современную и прошлую жизнь чужихъ странъ, какъ непосредственно отвѣчающихъ потребностямъ читателей изъ народной среды. Изъ всѣхъ же описаній чужихъ странъ, ничто, безъ сомнѣнія, не способствуетъ такъ расширенію кругозора, ничто не толкаетъ такъ мысль впередъ, какъ знакомство съ жизнью цивилизованныхъ государствъ Европы, въ томъ числѣ и Бельгіи. Между тѣмъ, въ русской популярной и народной литературѣ до сихъ поръ почти нѣтъ сочиненій, посвященныхъ прошлому и настоящему Бельгіи: очеркъ жизни бельгійцевъ, составляющій одну изъ главъ обширнаго труда Водовозовой: «Жизнь европейскихъ народовъ», почти недоступенъ по дороговизнѣ этого изданія, а сверхъ того и очень устарѣлъ, такъ какъ написанъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Только что вышедшая книга г-жи Л. Купріяновой заполняетъ этотъ существенный пробѣлъ; къ тому же, она носитъ на себѣ печать внимательнаго и серьезнаго труда, составлена по большому числу спеціальныхъ сочиненій и содержитъ данныя самаго послѣдняго времени.

Книга распадается на двѣ неравныя части: первая (1—101 стр.) посвящена историческому очерку, вторая (101 — 242 стр.) — очерку современнаго состоянія страны.

Исторія Бельгіи разсказана очень подробно. Эта полнота объема не споспобствуетъ, однако, въ данномъ случаѣ уясненію взаимной связи историческихъ явленій; картина историческаго развитія Бельгіи уже и сама по себѣ отличается пестротой, благодаря постоянной зависимости ея отъ другихъ, болѣе сильныхъ государствъ; автору популярной книги слѣдовало отбросить всѣ незначительныя подробности и остановиться только на главнѣйшихъ историческихъ моментахъ; тогда процессъ историческаго развитія страны представился бы читателю съ бо́льшей яркостью и выпуклостью. При способѣ изложенія, при-

нятомъ авторомъ, мѣста, удѣленнаго въ книгѣ для историческаго очерка, оказалось недостаточно, и изложенію пришлось придать мѣстами излишнюю краткость и характеръ конспекта. Эта конспективность и сухость изложенія, упоминаніе неизвѣстнаго, какъ извѣстнаго, должны чрезвычайно затруднить пониманіе историческаго очерка для читателя, не прошедшаго курса въ среднемъ учебномъ заведеніи.

Благодаря тому же стремленію къ наибольшей краткости, авторъ употребляетъ безъ поясненія термины, слишкомъ трудные для читателя изъ народной среды, какъ, напр., «династическіе, національные, политическіе интересы, конституціонныя обезпеченія, оппозиція, администрація, централизація» и т. п. Въ связи со всѣмъ указаннымъ, нельзя не отмѣтить также и чрезмѣрную сухость изложенія, лишеннаго живыхъ образовъ и яркихъ картинъ, такъ облегчающихъ всегда усвоеніе самаго труднаго матеріала. Наиболѣе живо и интересно написаны очерки средневѣковыхъ городскихъ корпорацій, въ особенности же борьба бельгійцевъ съ голландскимъ правительствомъ и возстаніе 1830 года.

Вторая часть книги посвящена описанію современной Бельгіи. Начинается она съ географическаго очерка (гл. IX), за которымъ слѣдуетъ описаніе современнаго государственнаго устройства Бельгіи: неприкосновенныя права гражданъ, организація законодательной, исполнительной и судебной власти, провинціальное и общинное управленіе. Въ слѣдующихъ главахъ (XI, XII, XIII и XIV) болѣе или менѣе подробно описывается внутренняя политика Бельгіи: статистическія цифры государственныхъ доходовъ и расходовъ, дѣятельность парламента и его партій: клерикальной, либеральной и рабочей; введеніе всеобщаго избирательнаго права въ 1893 году. Далѣе характеризуется земледѣліе и земледѣльческое населеніе, промышленность Бельгіи, преобладаніе крупнаго капиталистическаго производства и его главнѣйшія отрасли, сохранившіеся виды кустарнаго производства, противорѣчія капиталистическаго строя и вліяніе ихъ на промышленное населеніе Бельгіи (гл. XIV): объединеніе рабочихъ въ профессіональные союзы и федераціи; экономическое положеніе рабочаго класса, результаты государственнаго вмѣшательства въ отношенія предпринимателей и рабочихъ. За этимъ слѣдуетъ подробное описаніе организацій рабочихъ въ союзы, кассы, кооперативныя общества. Наконецъ, въ главѣ XV, послѣдней, говорится о народномъ образованіи въ Бельгіи, о состояніи литературы и искусствъ, объ организаціи общественнаго призрѣнія, о различныхъ обществахъ и празднествахъ у бельгійцевъ.

Несмотря на отсутствіе живыхъ сценъ и бытовыхъ картинъ, вся вторая часть книги читается сравнительно легко; только описаніе государственнаго устройства Бельгіи страдаетъ тою-же краткостью и абстрактностью, какъ и историческій очеркъ, что несомнѣнно сильно затруднитъ пониманіе и усвоеніе этой главы малоподготовленнымъ читателемъ. Притомъ же отличіе функцій сената и палаты совершенно не выяснено, а въ характеристикѣ королевской власти почему-то опущено право абсолютнаго veto. Значительной сухостью и схематичностью отличается также очеркъ развитія литературы и искусствъ. Всѣ же остальныя главы будутъ, безъ сомнѣнія, прочтены съ огромнымъ интересомъ, особенно посвященныя росту того общественнаго класса, который выдвинутъ на сцену исторіи промышленнымъ развитіемъ страны въ концѣ XIX-го вѣка, и его борьбѣ съ буржуазіей за политическое господство.

Въ общемъ, книга отличается серьезностью тона и богатствомъ содержанія. Она даетъ широкую картину жизни современной Бельгіи, какъ одного изъ промышленныхъ центровъ Западной Европы, со всѣми противорѣчіями ея развитого капиталистическаго строя; она рисуетъ историческій процессъ дифференціаціи общественныхъ классовъ, борьбу ихъ экономическихъ, политическихъ и культурныхъ интересовъ въ настоящее время и открываетъ, наконецъ, пер-

спективы вѣроятнаго будущаго. Все это дѣлаетъ книгу г-жи Л. Купріяновой цѣннымъ вкладомъ въ народную литературу, несмотря на сравнительную недоступность ея для мало развитыхъ читателей.

Издана книга съ внѣшней стороны очень хорошо, снабжена картой и недурными рисунками, но текстъ изобилуетъ опечатками, а цѣна слишкомъ высока.

Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ I. Д. И. Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца. Разсказы о японцахъ. Изданіе О. Н. Поповой. Цѣна 20 коп. Спб. 1898 г. Стр. 60. Новая книга Д. И. Шрейдера представляетъ сокращеніе большой его книги «Японія и японцы», изданной въ 1895 году и привлекшей тогда общее вниманіе увлекательнымъ описаніемъ жизни и обычаевъ страны, только 30 лѣтъ тому назадъ вступившей въ ряды цивилизованныхъ государствъ и сохранившей еще всю свою оригинальность.

На 60 страницахъ новаго изданія разсказывается кратко о томъ рѣзкомъ переломѣ въ исторіи Японіи, который положилъ начало ея новой жизни, подробнѣе описывается новый режимъ правительства, приведшій страну къ поразительно быстрымъ успѣхамъ въ области науки, промышленности и торговли, военнаго и морского искусства, общественнаго и государственнаго устройства. Рядомъ съ этимъ отведено мѣсто и разсказамъ о своеобразныхъ обычаяхъ японцевъ, ихъ семейной жизни, религіи и увеселеніямъ, ихъ способности къ изумительно настойчивому труду и готовности воспринять все новое и полезное изъ культуры другихъ странъ.

Книга написана такъ легко, что и для сокращеннаго изданіе, ее слѣдовало бы увеличить хотя бы вдвое. Издана книга очень изящно и дешево, снабжена 20 рисунками, лишенными, однако, почему-то пояснительныхъ надписей, что затрудняетъ пользованіе ими.

Японія. Изданіе постоянной коммиссіи народныхъ чтеній. Съ картой. Спб. 1897 г. Цѣна 10 к. Стр. 35. Книжка о Японіи, какъ и другія изданія постоянной коммиссіи, предназначена для чтенія вслухъ въ народныхъ аудиторіяхъ, чѣмъ объясняется ея чрезвычайная краткость. Въ чтеніе это включены тѣмъ не менѣе и перечисленіе географическихъ свойствъ страны, внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей ея жителей, и сообщеніе объ устройствѣ домовъ и садовъ японцевъ, пищѣ и религіи ихъ, о проповѣди православія въ Японіи, о распространеніи просвѣщенія и прессы, о театрахъ и музыкѣ; не оставлены безъ вниманія и воздѣлываніе полезныхъ растеній и рыболовство, особенности городовъ Токіо и Іокагамы, художественныя издѣлія японцевъ, торговля ихъ съ иностранцами, наконецъ, созданіе флота и арміи, а также послѣдняя война съ Китаемъ. Благодаря такому обилію затронутыхъ вопросовъ, чтеніе о Японіи оказывается почти однимъ только перечнемъ всего, что можно бы разсказать объ этой интереснѣйшей странѣ—этомъ «царствѣ веселыхъ сновъ».

При этомъ, авторъ даже не упоминаетъ о современномъ политическомъ устройствѣ Японіи и ростѣ ея крупной фабричной промышленности, но останавливается въ концѣ чтенія на результатахъ войны Японіи съ Китаемъ и въ заключеніе не отказываетъ себѣ въ удовольствіи припугнуть японцевъ ихъ близкимъ сосѣдствомъ съ могущественной Россіей и увѣрить ихъ на всякій случай, что когда «пройдетъ великій сибирскій желѣзный путь, заселится наша далекая окраина—японцамъ останется лишь одно—жить съ нами въ мирѣ».—Рядомъ съ книгой Д. И. Шрейдера «Японія» въ изданіи постоянной коммиссіи кажется еще болѣе обезцвѣченной и жалкой, и все же нужно признать, что это одно изъ лучшихъ чтеній, составленныхъ для коммиссіи.

Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море. (Географическій очеркъ). Чтеніе для народа. Геннисаретское озеро и путь къ нему. (Географическій очеркъ). Чтеніе для народа. Составилъ дѣйств. членъ моск. ком. нар. чтеній профессоръ Н. Ю. Зографъ. Изданіе московской коммиссіи народныхъ чтеній Москва 1898 г. Цѣна 8 + 7 коп. Стр. 45 + 40. Благодаря внушительности заглавія двухъ небольшихъ книжечекъ, читатель приступаетъ къ чтенію ихъ не безъ нѣкоторыхъ ожиданій. Въ самомъ дѣлѣ, чтенія для народа составленныя профессоромъ, выходятъ въ свѣтъ далеко не часто; къ тому же профессоръ, какъ видно изъ его предисловія, отнесся къ дѣлу очень добросовѣстно и для составленія двухъ небольшихъ брошюрокъ воспользовался 14 сочиненіями на 4 хъ языкахъ. Къ сожалѣнію, содержаніе брошюръ далеко не оправдываетъ ожиданій; географическаго въ нихъ только и есть, что описаніе всѣхъ памятныхъ въ исторіи христіанства горныхъ вершинъ, озеръ, рѣкъ и долинъ, а также подробное указаніе особенностей мѣстныхъ растеній, рыбъ и птицъ и четвероногихъ, причемъ приводятся даже латинскія названія большинства изъ нихъ. Зато о населеніи Палестины не говорится почти ничего; только о жителяхъ Назарета разсказывается довольно подробно, приводятся даже цифровыя данныя ихъ дѣленія по вѣроисповѣданіямъ и совершенно не указывается, къ какому же племени или народности причисляется это населеніе?—сказано лишь, что оно «не изъ потомковъ неблагодарныхъ галилеянъ-евреевъ». Даже тамъ, гдѣ говорится объ обработкѣ почвы въ долинѣ Іордана и о собираніи соли на берегахъ Мертваго моря, авторъ употребляетъ безличную форму, какъ бы избѣгая говорить о современномъ населеніи тамъ, гдѣ всѣ его мысли сосредоточены на воспоминаніяхъ. И дѣйствительно по поводу каждаго уголка Палестины приводится цѣлый рядъ библейскихъ и христіанскихъ преданій Указывается даже мѣсто, гдѣ войска Израиля, предводимыя пророчицей Деворрой, разбили полчища сирійскаго полководца Сисарры, или другое, гдѣ паслись стада Іакова; вблизи Содомской горы упоминаются даже слѣды города Цоара, куда удалился Лотъ по приказанію ангеловъ и т. п. и т. п.

Въ своемъ уклоненіи отъ задачъ ученаго географа, профессоръ идетъ такъ далеко, что заканчиваетъ одну изъ книжекъ слѣдующими словами: «люди могутъ выстроить новые города, могутъ заселить ихъ новымъ населеніемъ, но не могутъ измѣнить того *проклятія*, которое *тяготѣетъ надъ прежней Галилеей и ея прежнимъ населеніемъ*». Такое заключеніе весьма поучительно слышать изъ устъ христіанина и въ особенности профессора. Насколько оно умѣстно въ книгѣ, предназначаемой для народа, полагаемъ, понятно и безъ комментаріевъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го марта по 15-е апрѣля 1898 года.

Перепелочка и другіе разсказы. Л. 7-й 1 1/2 к. Изд. Посредника. 98 г.

Л. Яковлевъ. Разсказъ объ Амурѣ и о зеленомъ клину. Ц. 3 к. Изд. Посредника. 98.

Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло. Ц. 20 к. Изд. Посредника. 98 г.

М. Мирова. Разсказъ объ устройствѣ и жизни растеній. 165 рис. Ц. 35 к. Изд. Посредника. 98 г.

Эркманъ Шатріанъ. Сочиненія. Т. I и II. Изд. Павленкова. Спб. 98 г. Ц. за 2 т. 3 руб.

Положеніе народнаго образованія. Саратовъ 97 г.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи. Москва. 98 г. Ц. 1 р. 20 к.

Арн. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи. Пер. съ англійскаго, съ предислов. проф. Чупрова. Москва. 98 г. Изд. «Научно-образовательной библіотеки».

Павелъ Гарно. Рѣчь и пѣніе. Пер. съ франц. Мазуркевича. Изд. книжн. магаз. Селивестрова. Ц. 1 р. 50 к. Спб.

Д-ра Антона Лампа. Силы и законы природы. Съ 45 рис. Изд. Павленкова. Пер. съ нѣм. Паперна. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

Камилла Фламмаріона. Стелла. Астроном. романъ. Пер. Предтечинскаго. Изд. Павленкова. Спб. 98 г. Ц. 80 к.

Ф. Фэдо. Химикъ-любитель. Пер. съ франц. Обреимова. Изд. Павленкова. 98 г. Ц. 1 р.

Э. Ретерера. Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. Пер. со 2-го франц. изд. Паперна. Спб. Изд. Павленкова. 98 г.

Гавелокъ Эллисъ. Мужчина и женщина. Пер. съ англійск. Николая Шмурло. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 1 р.

Ж. Массонъ. Пушокъ и Пушинка. Пер. съ франц. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Поповой. Спб. 97 г.

Альфонсъ Додэ. Козочки г-на Сегена. Пер. съ франц. Е. В. Лавровой. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Поповой. Спб. 97 г.

Викторъ Рюдбергъ. Приключенія маленькаго Вигга въ ночь на Рождество. Пер. съ шведск. Изд. Лавровой и Поповой.

Бичеръ-Стоу. Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. Біографическій очеркъ Иванова. Изд. Библ. дѣтск. чтенія. Москва. 98 г. Ц. 30 к.

В. И. Немировичъ-Данченко. Поднебесный аулъ. «Изд. Дѣтск. Чтенія». Москва 98 г. Ц. 75 к.

Поль-Бурже. О возрастахъ любви, переводъ съ франц. Ц. 20 к. Спб. 98 г.

I. Шерръ. Переселеніе народовъ, пер. съ нѣм. М. А—кой. Спб. 98 г. Ц. 20 к.

М. А. Энгельгардтъ. Л. Пастёръ. Біограф. очеркъ. Изд. Павленкова. Спб. 98 г. Ц. 25 к.

Ю. Липпертъ. Исторія семьи. Пер. съ нѣм. Н. Шатерникова. Изд. Павленкова. Спб. 97 г. Ц. 60 к.

Проф. Монтегацца. Будущее человѣчество (3000-й годъ). Пер. съ итал. Изд. Павленкова. Спб. 98 г. Ц. 40 к.

В. А. Волжина. Физическіе парадоксы и софизмы. Изд. Павленкова. Спб. 98 г. Ц. 25 к.

М. Кено. Вліяніе среды на организмы. Пер. съ франц. подъ редакц. Агафонова. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 40 к.

Уйда. Англійскія сказки. Пер. Шишмаревой. Изд. Павленкова.

И. Саловъ. Дѣла житейскія. Разсказы и повѣсти. Изд. Куманиной. Москва.

Начальное народное образованіе въ Тульской губерніи въ 1896—1897 учебномъ году. Тула. 98 г.

Отто Гауппъ. Гербертъ Спенсеръ. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 98 г. Ц. 50 к.

М. Гернесъ. Исторія первобытнаго человѣчества. Изд. 2-е, редакц. журн. «Образованіе». Спб. 98 г. Ц. 50 к.

Проф. Геффдингъ. Жанъ-Жакъ-Руссо и его философія. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 98 г. Ц. 50 к.

Кампфмейеръ. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 98 г. Ц. 60 к.

Топеліусъ. Юнгарсы. Пер. со шведск. Изд. Мамонтова. Москва 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

Агапова. Собраніе наиболѣе трудныхъ задачъ по математикѣ. Оренбургъ 98 г. Ц. 1 р. 75 к. Изд. 2-е.

Проф. Шершеневичъ. Въ свою защиту. Каз. 98 г.

П. Ганзенъ. Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

Германъ Тюркъ. Философія эгоизма. Ницше, Ибсенъ и Штирнеръ. Спб. 98 г. Ц. 20 к.

Луговской. На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новгородъ 98 г. Ц. 60 к.

И. Рево. Вопросы сельскаго хозяйства. Кіевъ 98 г.

Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Т. XI. Слободской уѣздъ. Вятка. 97 г.

Примѣрный каталогъ для учительскихъ библіотекъ. Тула 98 г.

Свѣчниковъ. О Богѣ. Самостоятельное философское изслѣдованіе. Сарапуль 98 г.

Его же. Рѣшеніе философскаго вопроса о существованіи въ насъ души и тѣла. Сарапуль 97 г.

Марковичъ. Въ лѣсахъ Ичкеріи. Тифлисъ 98 г.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1897 г. Москва.

Николай Сперанскій. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. Изд. Сабашниковыхъ. Москва 98 г. Ц. 1 р.

К. В. Назарьева. Дорогой цѣной. Романъ. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

Генріетта Каргремъ. Въ крѣпости небывалой Разсказы изъ военнаго быта. Спб. 98 г.

Сводъ оцѣночныхъ данныхъ по Вятской губерніи. Вятка. 97 г.

Проекты общихъ основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. г. Елабуги, Воткинскаго завода и Ижевскаго завода. Вятка. 97 г.

Городская врачебная помощь нуждающемуся населенію въ Петербургѣ и Одессѣ.

Отчетъ Совѣта благотворительнаго Общества при Спб. городской больницѣ св. Пантелеймона за 1897 г.

П. Гиршъ. Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. Пер. съ нѣм. Изд. Павленкова. Спб. 98 г. Ц. 30 к.

Д. Норденъ. Итоги XIX вѣка. Пер. съ нѣм. Эл. Зауеръ. Изд. Павленкова. Спб. 98 г. Ц. 40 к.

Инж.-мех. Р. Малкинъ. Обзоръ дѣятельности совѣщательныхъ техническихъ съѣздовъ инженеровъ ремонта пути и зданій русск. жел. дорогъ 1891 по 1896 г.

Л. С. Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи. Спб. 98 г. Ц. 25 к.

А. Фулье. Любовь по Платону. Пер. Герасимова. Спб. 98 г. Ц. 35 к.

Максъ Нордау. Литературное воображеніе. Пер. проф. Н. К—ва. Изд. Н. Зинченко. Ц. 25 к.

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Пер. подъ ред. М. О. Гершензона. Изд. Водовозовой. Спб. 98 г. Ц. 60 к.

Карлъ Героkъ. Иллюзіи и идеалы. Пер. В. Ч. Спб. 98 г. Ц. 30 к.

И. М. Иванова. Петръ Великій. Біограф. очеркъ. Біограф. библ. Павленкова. Спб 98 г. Ц. 25 к.

Джонъ Мэкензи. Этика. Пер. съ англійскаго. Изд. Павленкова. Ц. 1 р. Спб. 98 г.

Изъ экономической жизни Западной Европы. Пер. съ нѣм. А. Санина. Спб. 98 г. Изд. Гарина. Ц. 75 к.

Образовательное путешествіе. Изд. Павленкова. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р., 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Каммилла Фламмаріона. Множественность населенныхъ міровъ. Пер. Е. А. Предтечинскаго. Изд. Павленкова. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

К... Кузька мордовскій богъ. Н.-Новгородъ. 98 г. Ц. 1 р.

С. С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи.

Алоизъ Риль, Г. Зиммель. Фридрихъ Ницше. Пер. Н. Южина. Одесса. 98 г. Ц. 60 к.

С. И. Шохоръ-Троцкій. Методика ариѳметики. Спб. 98 г. Ц. 80 к.

Проф. Ранке. Человѣкъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. Коропчевскаго, выпускъ 4. Спб. 98 г. Ц. 50 к.

М. Маршаль. Развитіе человѣческаго зародыша. Пер. В. Н. Львова. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва 98 г. Ц. 1 р. 75 к.

В. Ф. Залѣсскій. Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Вып. I. Часть историко-критическая. Казань. 98 г.

То же. II в. часть догматическая. За оба выпуска 3 рубля.

П. Ө. Каптеревъ. Задачи и основы семейнаго воспитанія. Вып. І-й.

Проф. А. Кернеръ. Ф. Марилаунъ. Жизнь растеній. Вып. 4—5. Ц. 1-го вып. 50 к.

Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ. Изд. Имп. Русск. Технич. Общества въ Москвѣ. Москва. 98 г. Ц. 50 к.

Торсе. Исторія нашего столѣтія. Пер. съ датскаго. М. В. Лучицкой. Изд. С. В Кульженко. Ц. 1 р. 75 к.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской коммиссіи народныхъ чтеній за 1896—1897 г Воронежъ 98.

Ө. В. Ивановскій. Русское государственное право. Часть І-я. Казань 96 г. Ц. 3 р. 50 к.

То же. Часть ІІ-я. Казань 98 г. Ц. 4 р.

М. Melnikoff. Catalogue des livres français.

Краткій каталогъ. кн. магаз. Клюкина. Москва. 98 г.

Каталогъ кн. маг. Мельникова № 25.

Джонъ Морлей. Воспитательное значеніе литературы. Пер. съ англ. Гольдмерштейнъ. Спб. 98 г.

Н. А. Муратовъ. Очерки грамматики старославянскаго языка. Изд. В. В. Думнова. Москва. 97 г. Ц. 1 р.

М. П. Чубинскій. Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ. Кіевъ. 98 г.

Дж. Ст. Милль. Положительная логика. Изд. Кутенко. Спб. 98 г.

Отчетъ Воронежской публичной библіотеки 1898 г.

Отчетъ филіальнаго отд. Воронеж. публичной библіотеки за 1897 г. Воронежъ 98 г.

Я. В. Абрамовъ. Заемъ, закладъ и залогъ. Изд. попул. нар. библіотеки Павленкова. Спб. 98 г. Ц. 25 к.

В. Шереметьевскій. Значеніе математическаго анализа для изученія природы. Изд. кн. маг. Гроссманъ и Кнебель. 97 г.

Ив. Ивановъ. Люди и факты западной культуры. Москва, изд. Сытина. Ц. 1 р.

Жонво. Женское образованіе въ Америкѣ. Изд. библіотеки всеобщ. энциклоп. Спб. 98 г. Ц. 20 к.

С. А. Мокржецкаго. Демиръ-Пасъ—болѣзнь табака въ Крыму. Изд. Тавр. губ. зем. управы. Симферополь 98 г.

Б. Ф. Брандтъ. Иностранные капиталы, ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Спб. 98 г. Ц. 2 р.

Л. Купріянова. Современная Бельгія. Спб. 98 г. Ц. 75 к.

Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. Очеркъ. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 25 к.

Полтавская коммиссія народныхъ чтеній. Полтава 98 г.

Н. И. Николаевъ. Драматическій театръ въ Кіевѣ. Изд. Я. В—го. Н. Н—ва. Кіевъ. 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

Весник спроскецкое лист свештеничкое удружене за криштьмнс купоуку, поуку и свештеничко усавршаванье.

А. Додэ. Опора семьи. Романъ. Пер. съ французскаго Леонтьевой. Ц. 1 р.

Князь Кугушевъ. Стихотворенія. Москва 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. Н. Загоскинъ. Полное собраніе сочиненій, томъ І-й. Спб. и Москва. Изд. Т-ва Вольфъ.

Открытіе Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Витебской губ. Витебскъ, 98 г.

То же, уставъ ихъ. 1898 г.

Вредныя животныя и растенія въ 1897 г. Отчетъ С. А. Мокржецкаго.

Асбьерисенъ. Норвежскія сказки. Перев. Б. Д. Прозоровской. Ц. 10 к. Изд. Павленкова.

Англійскія сказки. Пер. М. А. Шишмаревой. Изд. Павленкова. Ц. 15 к.

Англійскія сказки. Перев. Шишмаревой. Изд. иллюстриров. сказочн. библіотеки Павленкова. Ц. 15 к.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Политическій гамлетизмъ XIX-го вѣка.

По поводу книги: *Alexis de Tocqueville et la démocratie libérale*, par Eugenè d'Eichthal. Paris 1897.

I.

Никто изъ западно-европейскихъ историковъ не можетъ похвалиться такой прочной и почетной извѣстностью среди избранной русской интеллигенціи, какою пользуется авторъ *Демократіи въ Америкѣ* и въ особенности *Стараго порядка и революціи.*

Большая слава выпадала у насъ на долю и другимъ писателямъ-историкамъ, напримѣръ, Боклю. Но это была популярность на опредѣленный срокъ, созданіе одного поколѣнія, это былъ «властитель думъ», т. е. на столько же скоротечный, насколько и блестящій авторитетъ для настроеній одной какой-либо эпохи.

Потомъ было попалъ на пьедесталъ Тэнъ, внезапно очаровавшій обширный и пестрый міръ россійскихъ компиляторовъ простотой философіи и энергіей политики. Въ кругъ очарованныхъ попали всѣ толки и направленія, начиная съ либеральнаго вплоть до откровенныхъ атавистовъ въ области общественныхъ идеаловъ. Но уже подобная всесторонняя популярность, совершенно неестественная и отнюдь не лестная для мыслителя и политика, краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ доказательствъ свидѣтельствовала объ одномъ изъ самыхъ трагикомическихъ, хотя и весьма нерѣдкихъ приключеній русскаго ума, въ теченіе вѣковъ не устающаго разыскивать варяговъ, по возможности рѣшительныхъ, математически-строгихъ и простыхъ въ разъясненіи всѣхъ тайнъ настоящаго и будущаго.

Токвиля никогда *не унижала* подобная популярность. Его имя никогда не выкрикивалось, какъ пароль и лозунгъ какого-нибудь *теченія*, наконецъ, вообще сильныхъ чувствъ историкъ не вызывалъ, и въ то же время вотъ уже болѣе шестидесяти лѣтъ онъ остается авторитетомъ.

Въ этомъ обстоятельствѣ собственно ничего не было бы особенно примѣчательнаго, если бы авторитетность Токвиля не переходила за стѣны ученыхъ кабинетовъ и школьныхъ аудиторій. Это другая крайность, столь же мало желательная для великихъ дѣятелей мысли, какъ и тэновскій фейерверочный успѣхъ.

Нѣтъ. Токвиль авторитетъ для всѣхъ, у кого является вполнѣ серьезное желаніе познакомиться съ современной исторіей, кого

вообще искренне занимают вопросы политическаго и общественнаго развитія новой Европы. Его книга о дореволюціонной Франціи давно стала классической въ университетскомъ преподаваніи, безъ нея также не можетъ обойтись ни одинъ образованный человѣкъ, стремящійся отдать себѣ отчетъ въ насущнѣйшихъ вопросахъ текущаго дня.

То же самое справедливо и касательно другой книги Токвиля. Новый ея переводъ вышелъ годъ тому назадъ и издатели вполнѣ правы, вѣруя въ современное значеніе и поучительность токвилевскихъ сужденій объ Америкѣ тридцатыхъ годовъ.

А между тѣмъ, сколько новыхъ источниковъ открыто для подробнѣйшаго изученія «стараго порядка» и какъ все успѣло измѣниться въ заатлантической республикѣ!

Токвиль принужденъ былъ лично продѣлать необъятную черную работу, чтобы написать одинъ томъ весьма скромныхъ размѣровъ о Франціи наканунѣ восемьдесятъ девятаго года. Его біографъ совершенно справедливо говоритъ: «чтобы издать одинъ томъ, онъ писалъ десять» *).

Естественно, при такомъ сложномъ процессѣ можно многимъ увлечься неосторожно и многое опустить незаслуженно. И то и другое неразлучно съ личными изслѣдованіями автора въ дѣвственныхъ архивныхъ дебряхъ.

И Токвиль, самъ одно время принадлежавшій къ администраціи, обнаружилъ излишній вкусъ къ оффиціальнымъ бумагамъ дореволюціоннаго чиновничества и относился часто къ ихъ даннымъ съ большей довѣрчивостью, чѣмъ онѣ заслуживали. Но никакія увлеченія и промахи не помѣшали книгѣ Токвиля остаться незамѣнимой до нашихъ дней.

То же самое и *Демократія въ Америкѣ*.

Здѣсь жизнь произвела несравненно болѣе глубокія перемѣны, чѣмъ вся европейская наука въ вопросѣ о французской революціи.

Токвиль, напримѣръ, не нашелъ въ Америкѣ особенно рѣзкаго экономическаго неравенства и даже думалъ, что американская почва неспособна производить большія состоянія. Въ частности, напримѣръ, онъ рѣшительно утверждалъ, что финансисты никогда не будутъ въ Америкѣ—дѣятелями періодической печати. При громадной конкурренціи газетъ соображалъ Токвиль — отъ издательства нельзя ждать большихъ прибылей...

Всякому ясно, какъ мало похожа современная Америка на ту, какую обозрѣвалъ историкъ и о какой грезилъ даже въ отдаленномъ будущемъ.

И опять книга устояла противъ жизни.

Ее до сихъ поръ высоко цѣнятъ американцы, а во время ея появленія въ свѣтъ утверждали даже, что именно по сочиненію Токвиля они постигли *духъ* своихъ учрежденій.

Вотъ это дѣйствительно слава и авторитетъ! На чемъ же они основаны и въ чемъ лежитъ разгадка ихъ устойчивости и столь высокаго полета?

Вопросъ этотъ представляется неизбѣжно, а между тѣмъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта нѣтъ даже во французской литера-

---

*) Beaumont. *Notice sur Alexisde Tocqueville* въ первомъ томѣ *Oeuvres et correspondanc inédites d'Alexis de Tocqueville*. Paris. 1859, p. 91.

турѣ. Намъ много говорятъ о свѣтломъ умѣ Токвиля, его большомъ талантѣ наблюдателя, ученаго и писателя, объ его идеально привлекательной, высокопросвѣщенной и человѣчески чуткой личности. Но все это врядъ ли способно объяснить почти вѣковую *свѣжесть историческихъ* трудовъ Токвиля.

Быть отличнымъ человѣкомъ очень мало значитъ для *научной* цѣнности книги, всестороннее образованіе далеко не всегда обезпечиваетъ *общественно идейную* поучительность литературнаго произведенія. Даже продолжительная и громкая политическая дѣятельность отнюдь не ручательство въ долговѣчномъ интересѣ общихъ выводовъ, какіе за много лѣтъ составились въ умѣ дѣятеля.

Меттернихъ, напримѣръ, около двадцати лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ нити высшей европейской политики и оставилъ намъ свою автобіографію съ многочисленными широковѣщательными покушеніями на философскія, политическія и нравственныя истины... Попробуйте изъ этой сокровищницы извлечь хотя бы одну такую драгоцѣнность, съ какой вамъ не стыдно бы показаться людямъ! Ничего не получится, кромѣ единственнаго внушенія: стой неподвижно на томъ мѣстѣ, гдѣ стоишь, пока тебя не столкнетъ чей нибудь кулакъ...

Очевидно, у Токвиля было нѣчто, помимо большого ума и житейскаго опыта. Это нѣчто, по нашему мнѣнію, самое существенное и отсутствуетъ въ характеристикахъ знаменитаго историка. И отсутствуетъ по очень своеобразной причинѣ, вполнѣ, впрочемъ, естественной для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ чувствами и настроеніями большинства французовъ второй половины нашего вѣка.

Авторъ новѣйшей книги о Токвилѣ вполнѣ раскрываетъ не хитрую тайну собственной особой.

Онъ, конечно, пишетъ о Токвилѣ вовсе не затѣмъ, чтобы безстрастно и объективно обсуждать разные вопросы по этому предмету Если еще въ семидесятыхъ годахъ и даже Фюстель де-Куланжъ приглашалъ отечественныхъ историковъ превратиться въ публицистовъ и своей наукой пользоваться ради патріотическихъ цѣлей,—само собой разумѣется, менѣе ученымъ авторамъ не подъ силу сохранять неприкосновенность личнаго чувства и невозмутимую ясность мысли. Всѣ они болѣе или менѣе политики, и по тону, данному Ренаномъ, Тэномъ и прочими звѣздами новой французской культуры, — политики анти-демократической партіи.

У нѣкоторыхъ это направленіе доходитъ до откровенныхъ одъ доброму старому времени благороднаго меценатства и салоннаго литераторства, у другихъ, болѣе умѣренныхъ, нѣтъ ясной лирики, но достаточно яркая сатира. Таковъ Эйхталь.

Какъ онъ обрадовался случаю осыпать камнями suffrage universel, т. е. всеобщую подачу голосовъ, этотъ мучительный кошмаръ современныхъ академиковъ, рожденныхъ и сдѣланныхъ! И какой случай! Токвиль написалъ очень рѣзкую характеристику единоличнаго деспотизма, водворяющагося среди демократическаго общества. Эйхталь тѣ же самыя рѣчи приспособилъ къ *всенародному* деспотизму самой демократіи.

Нѣтъ никакой нужды въ партійной парламентской борьбѣ видѣть плоды государственной мудрости, еще меньше смысла современныхъ французскихъ министровъ и партійныхъ вожаковъ

считать непремѣнно сливками страны, а на всю журналистику смотрѣть, какъ на идеально-точное отраженіе общественнаго мнѣнія.

Никому, кромѣ самихъ заинтересованныхъ лицъ, не придетъ на умъ подобное доказательство. Но неужели единственно разумный противовѣсъ ему народное возстаніе и военный бунтъ? А именно отсутствію этихъ явленій изумляются аристократы третьей республики. И нашъ авторъ съ грустью заявляетъ, что исторія никогда не повторяется вполнѣ...

Истина—достойная особеннаго сожалѣнія: авторъ могъ бы убѣдиться, что означаетъ *вполнѣ повторяющаяся* исторія для столь откровенныхъ критиковъ существующаго порядка вещей. Такихъ же взглядовъ держались и предшественники Эйхталя; самый видный изъ нихъ Сентъ-Бёвъ.

Облагодѣтельствованный и даже разнѣженный второй имперіей, онъ всякій другой политическій строй характеризовалъ кратко и строго: *misères parlementaires*, парламентскія пошлости и «правительству одного», т. е. Бонапарта, приписывалъ все, что только осталось на долю французской демократіи.

Очевидно, столь рѣзкія настроенія заранѣе дожны опредѣлять физіономію какой угодно исторической личности, и особенно Токвиля.

Именно онъ менѣе всего представляетъ изъ себя цѣльный, ярко-очерченный образъ въ политическомъ смыслѣ. Это, можетъ быть, единственный примѣръ безусловнаго благородства чувствъ и стремленій и крайней неустойчивости основныхъ политическихъ принциповъ. Столь рѣдкостное сочетаніе, представляетъ великій психологическій интересъ и одинъ изъ поучительнѣйшихъ фактовъ политической исторіи нашего времени.

Неустойчивость у Токвиля не могла быть результатомъ какихъ бы то ни было себялюбивыхъ, еще менѣе корыстныхъ разсчетовъ. Не могла она корениться также и въ незрѣлости и нерѣшительности ума. Токвиль, какъ политическій дѣятель, рыцарь безъ страха и упрека, а его истинно государственный умъ доказывается его произведеніями и весьма многими поступками. Правда, не всѣми, но именно потому, что, чистота намѣреній и строжайшая отчетность въ каждомъ шагѣ мѣшали неуклонному послѣдовательному движенію Токвиля, на поприщѣ практической политики.

Ясно, какая двусмысленная тема заключается въ міросозерцаніи и въ дѣятельности Токвиля для психолога и историка. Задачу можно рѣшить многими способами. Простѣйшій—взять одинъ рядъ идей Токвиля, признать его органическимъ, единственно-положительнымъ, и все противоположное отнести къ мимолетнымъ колебаніямъ и недоразумѣніямъ.

Можно поступить и иначе—помириться съ серьезностью и глубиной колебаній, открыть побѣду надъ ними желательнаго образа мыслей, и этимъ самымъ произнести *объективный* приговоръ самимъ предметомъ, вызывавшимъ колебанія.

Это болѣе тонкій путь, и онъ излюбленъ судьями Токвиля.

Біографъ, близко знавшій его, поставилъ вопросъ просто:

«Алексѣй Токвиль, хотя его разсудокъ понималъ демократическія идеи, сохранилъ аристократію чувствъ».

Какъ понимать это изреченіе? Токвиль почти десять лѣтъ былъ депутатомъ, потомъ участвовалъ въ составленіи конституціи для республики сорокъ восьмого года, занималъ постъ министра... Какимъ же внушеніямъ онъ слѣдовалъ—разсудка или чувства? Или онъ изображалъ изъ себя типъ извѣстныхъ рыцарей печальнаго образа — жертвъ нравственнаго разлада, у кого «умъ съ сердцемъ не въ ладу»? Тогда, что же это была за фигура въ роли народнаго представителя и даже вождя нѣкоторой парламентской партіи?

Гизо выразился опредѣленнѣе. Однажды среди разговора въ палатѣ онъ заявилъ Токвилю:

«Вы для меня побѣжденный аристократъ, признающій свое пораженіе».

Слѣдовательно, Токвиль говорилъ и дѣйствовалъ съ извѣстнымъ угрызеніемъ души и сердца, невольно чувствуя себя въ состояніи порабощеннаго и подвергаемаго насиліямъ въ интересахъ побѣдителя?

Если такъ, то можетъ ли здѣсь идти рѣчь о свободной искренности убѣжденій и убѣжденной энергіи дѣйствій? Предъ нами борьба природы съ принципомъ, инстинкта съ фактомъ. А всякому извѣстно, къ какимъ печальнымъ результатамъ можетъ привести подобная междоусобица; во всякомъ случаѣ, ни плодотворный дѣятель, ни руководящій мыслитель при такихъ условіяхъ не создается.

А между тѣмъ, о Токвилѣ сплошь самые лестные отзывы. Ворчитъ, по обыкновенію, Сентъ-Бёвъ на кое-какія противорѣчія въ сужденіяхъ Токвиля о движеніи сорокъ восьмого года. Но эта воркотня просто наклонность лукаваго критика непремѣнно поцарапать даже пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. Манера подсиживанья и подмигиванья для Сентъ-Бёва *esprit* высшаго тона. Никто не мѣшаетъ ему выражать глубокое уваженіе къ своей жертвѣ, хотя Сентъ-Бёвъ въ личныхъ отношеніяхъ съ Токвилемъ никогда не могъ усвоить простой, дружескій, фамильярный тонъ.

Это понятно. Какія бы недоразумѣнія ни вызывалъ Токвиль у своихъ критиковъ, его никто не могъ обвинить въ сознательномъ двоедушіи, въ разсчитанномъ лукавствѣ, въ неуловимой изворотливости софистическаго ума. Еще менѣе можно бы открыть въ природѣ Токвиля паразитскіе инстинкты, заставляющіе извѣстнаго сорта таланты садиться за чей угодно столъ, лишь бы по сосѣдству—съ людьми власти и моды.

Всего этого сколько угодно таилось въ утонченно-скептической душѣ Сентъ-Бёва, и мы вѣримъ, что онъ не могъ сойтись съ Токвилемъ, не смотря на «авансы» знаменитаго писателя и депутата.

Но все-таки намъ остаются свидѣтельства, далеко не совсѣмъ увѣнчивающія опредѣленность и силу убѣжденій политическаго дѣятеля. Если привести только свидѣтельства и назвать имена весьма авторитетныхъ свидѣтелей, получится выводъ, весьма сомнительный для славы нашего героя.

Сентъ-Бёвъ, повидимому, понималъ это обстоятельство и спѣшилъ свои фельетоны о Токвилѣ закончить чрезвычайно почтенными укоризнами. Бывшій романтикъ и преобразованный бона-

партистъ вдругъ заговорилъ о любви къ демократіи и пустился въ защиту «желудка» и «воплей бѣдноты». Онъ, вызвавшій, по его собственному сознанію, неудовольствіе Токвиля насмѣшливой выходкой противъ «принциповъ восемьдесятъ девятаго года»! *).

Довольно неожиданно, но любопытно, что соціальныя и демократическія сочувствія Сентъ-Бёва вызваны оппозиціей Токвилю, политику, слывущему однимъ изъ родоначальниковъ демократическихъ идей во Франціи!

Фактъ въ высшей степени оригинальный, и особенно тѣмъ, что онъ нисколько не унижаетъ Токвиля и не возвышаетъ его оппонента. Напротивъ. Именно въ немъ и заключается общечеловѣческій и неумирающій смыслъ нашей задачи.

II.

Принято думать, будто всѣ сложныя личности вырабатываются непремѣнно въ исключительныхъ житейскихъ условіяхъ и обладаютъ очень интересными и подчасъ даже загадочными біографіями. Въ нашемъ случаѣ ничего подобнаго.

Трудно представить болѣе простую и ровную исторію жизни, чѣмъ у Токвиля. И самъ герой вполнѣ приспособленъ къ этой простотѣ. Ему однажды пришлось написать слѣдующія строки въ письмѣ къ сыну своего брата:

«Человѣкъ не достигаетъ никакого успѣха, особенно въ молодости, если въ немъ нѣтъ немного чорта. Въ ваши годы я рѣшился бы перепрыгнуть чрезъ башни Notre Dame, если бы зналъ, что по ту сторону найду исполненіе своихъ желаній» **).

Это писалось на склонѣ лѣтъ, когда Токвиля разрушалъ уже смертельный недугъ и больной невольно впадалъ въ обычныя иллюзіи людей, оканчивающихъ свой земной путь,—*романтизировалъ* далекое и невозвратное прошлое. Въ дѣйствительности онъ врядъ ли когда испытывалъ желаніе сдѣлать даже болѣе скромный скачекъ, чѣмъ черезъ башни Notre Dame. Какъ разъ наоборотъ, вся его природа настроена противъ всяческихъ излишествъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Она внушила ему такую классификацію человѣческихъ бѣдствій: болѣзни, смерть, *сомнѣніе*. И вотъ третье-то бѣдствіе удручало Токвиля всю жизнь и не давало ему ни отдыха, ни срока въ самые горячіе моменты, какіе только приходилось переживать французамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

А развѣ возможно съ такимъ спутникомъ дѣлать скачки?

Токвиль родился въ старинной дворянской семьѣ, въ дѣтствѣ не получилъ никакого образованія, за исключеніемъ изящныхъ манеръ и дворянскихъ чувствъ. Капиталъ этотъ — мало пригодный для юноши, появившагося на свѣтъ за десять лѣтъ до реставраціи и предназначеннаго, слѣдовательно, къ дѣятельности въ средѣ, предъявлявшей запросы на совершенно другіе таланты. И Токвилю пришлось впослѣдствіи долгимъ опытомъ разсчитываться съ наслѣдствомъ, и вполнѣ не разсчитаться до самой

---

*) *Nouveaux Lundis*. Paris 1874, X.

**) *Oeuvres*. Paris, 1861. I, 469, 4 janvier, 1856. Токвиль умеръ 16 апрѣля 1859 г.

смерти. Слабое здоровье не позволяло ему пристальныхъ научныхъ занятій и внѣ родительскаго дома. Курсомъ колледжа и блестящими успѣхами во французскомъ стилѣ ограничилось среднее и высшее образованіе Токвиля. И онъ, слѣдовательно, столь потомъ внушительный историкъ, не готовился къ таинствамъ исторической науки путемъ школьной выправки и схоластической дисциплины, не проходилъ ни методовъ, ни системъ и безъ патентованнаго оружія чистой науки явился авторитетнѣйшимъ учителемъ. Это—фактъ, достойный всяческаго вниманія, и мы увидимъ, какъ онъ отразится на историческомъ трудѣ Токвиля.

Настоящая школа началась для него съ путешествія. Онъ проѣзжаетъ всю Италію, особенно долго останавливается въ Римѣ, вдумывается въ его величавые памятники, по нимъ старается разгадать влекущую тайну старины. Изъ Италіи Токвиль переплываетъ въ Сицилію. Предъ нимъ страна, одаренная всѣми сокровищами природы и доведенная людьми до мерзости запустѣнія. У путешественника невольно является вопросъ о причинѣ столь вопіющаго противорѣчія и будущій изслѣдователь *стараго порядка* задумывается надъ величайшей задачей историка и политика: о зависимости благоденствія и культурнаго прогресса народовъ отъ ихъ учрежденій.

Врядъ ли какая книга могла вызвать у Токвиля такой настоятельный и плодотворный процессъ мысли. Врожденная впечатлительность, чрезвычайно нервная чуткость не позволяли Токвилю пропустить ни одного факта, а рыцарственное благородство мысли и идеальная добросовѣстность въ отношеніяхъ къ внѣшнему міру обезпечивали наблюдателю неустанное совершенствованіе принциповъ. Такъ останется до конца, во время путешествія Токвиля по Америкѣ, Германіи и Англіи. Всюду его душа будетъ открыта всѣмъ новымъ впечатлѣніямъ и умъ не устанетъ перерабатывать ихъ въ идеи. Внѣшняя жизнь не будетъ блистать ни переворотами, ни скачками, но за внѣшнимъ спокойнымъ теченіемъ скрывается энергичнѣйшая внутренняя работа, подчасъ мучительная, но неизмѣнно направленная на самые жгучіе вопросы современности.

Токвиля призовутъ на родину и опредѣлятъ чиновникомъ. Это произойдетъ за три года до іюльской революціи. Борьба партій достигаетъ высшей температуры. Карлъ X съ закрытыми глазами стремится къ пропасти, въ оппозиціи оказываются всѣ, кому дороги первичнѣйшія основы новаго гражданскаго строя. Постепенно исчезаетъ разница между либераломъ и радикаломъ: до такой степени далеко зашелъ бывшій петиметръ дореволюціоннаго двора въ своемъ возстановительскомъ азартѣ!

Токвиль наблюдаетъ вблизи грозный разгулъ страстей. Ему не требуется большихъ усилій мысли, чтобы явно видѣть неминуемый конецъ. Революція стучится въ двери,—и молодой сынъ графа готовъ привѣтствовать ее.

Во имя чего? Біографъ Токвиля приписываетъ ему «извѣстное количество вполнѣ установленныхъ мнѣній въ политикѣ». Да, развѣ только «извѣстное количество», и притомъ не особенно существенныхъ мнѣній. По крайней мѣрѣ, основной вопросъ революціи—замѣна безнадежно-реакціонной династіи другою въ умѣ Токвиля не успѣваетъ выясниться. Съ недоумѣніемъ присутствуетъ Ток-

виль и при другомъ результатѣ переворота—при появленіи демократіи на политическую сцену.

Изумляться не представлялось никакихъ основаній. Конституція реставраціи, благодаря непомѣрно высокому избирательному цензу, признавала гражданскія права только за какой-нибудь сотней тысячъ французовъ. Вся остальная нація была осуждена на роль публики и ей предоставлялось принимать участіе въ дѣлахъ страны нисколько не больше, чѣмъ театральнымъ зрителямъ въ представленіи драматической пьесы. Правда, въ театрахъ случается, слишкомъ шумныя впечатлѣнія публики заставляютъ опускать занавѣсъ. То же произошло въ іюлѣ съ парламентскими и министерскими зрѣлищами. Франція заставила короля и его совѣтниковъ прекратить спектакль и прогнала ихъ со сцены.

Токвиль отлично схватилъ всѣ подробности происшествія и одинъ изъ весьма немногихъ очевидцевъ разглядѣлъ *демократическій* смыслъ революціи. Для большинства современныхъ даже государственныхъ умовъ эта проницательность оказалась недостижимой. Іюльская монархія—и въ парламентѣ, и въ правительствѣ—будетъ построена на совершеннѣйшемъ пренебреженіи именно народной стихіи. Людовикъ-Филиппъ взойдетъ на престолъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что все его спасеніе въ буржуазіи, понизитъ цензъ на незначительную сумму, подъищетъ себѣ подходящихъ оруженосцевъ, не менѣе его ослѣпленныхъ мѣщанскимъ геніемъ солиднаго капитала, и успокоится съ величайшимъ самодовольствомъ провиденціальнаго человѣка, постигшаго тайны времени и душу человѣчества.

Гизо, переполненный книжными и хартійными «опытами вѣковъ», будетъ бить въ одну и ту же точку—*Enrichisses-vous!*—и сквозь свои солиднѣйшіе въ мірѣ очки не разглядитъ, какую пропасть онъ вырываетъ между *обогащеніемъ* «почтенныхъ людей» и обѣдненіемъ милліоновъ.

Токвиль съумѣетъ по достоинству оцѣнить эту мудрость мытаря, обзоветъ его «дурнымъ политикомъ» и «дурнымъ судьей *французскаго чувства*», т. е. отвергнетъ у него пониманіе самаго духа времени и націи.

Это вполнѣ справедливо и большой шагъ политическаго мышленія, но самъ Токвиль *какъ* понималъ французское чувство?

Для него послѣ іюльскихъ дней вопросъ рѣшенный: демократія несомнѣнная сила, ей принадлежитъ будущее, это фактъ роковой, если угодно провиденціальный. Такъ именно Токвиль именуетъ историческое явленіе. Но понять фактъ еще не значитъ усвоить убѣжденіе, даже помириться съ фактомъ далеко не то же самое, что дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи.

Токвиль съ великой простотой и здравымъ смысломъ уразумѣлъ развитіе демократическаго принципа въ Западной Европѣ. «Съ того времени», писалъ онъ, «какъ умственный трудъ сдѣлался источникомъ силы и богатства, слѣдовало смотрѣть на каждое научное усовершенствованіе, каждую новую идею, какъ на зачатокъ силы, предоставленной народу. Поэзія, краснорѣчіе, память, изящество ума, огонь воображенія, глубина мысли—всѣ эти дары, распредѣленные небомъ случайно, шли на пользу демократіи, и даже тогда, когда ими обладали ея противники, они все же служили ея цѣлямъ, выдвигая впередъ естественное величіе человѣка. Та-

кимъ образомъ завоеванія демократіи распространялись вмѣстѣ съ цивилизаціей и просвѣщеніемъ, и литература сдѣлалась открытымъ для всѣхъ арсеналомъ, въ которомъ слабые и бѣдные постоянно искали себѣ оружія».

Такъ говорилъ Токвиль еще въ молодости, въ тридцатыхъ годахъ. И мы охотно вѣримъ, что *здѣсь* взглядъ его остался непоколебимъ. Но дальше? Какой выводъ изъ непреложнаго историческаго закона?

У Токвиля нѣтъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ не берется судить, полезно ли для человѣчества или нѣтъ розвитіе демократіи. Даже больше. Токвиль всю книгу объ Америкѣ пишетъ «подъ впечатлѣніемъ нѣкотораго религіознаго ужаса», при видѣ только что признаннаго факта. Авторъ увѣренъ, что «Провидѣніе обязываетъ» современную Западную Европу принять демократическій общественный строй, но самъ отступаетъ въ недоумѣніи и страхѣ предъ невѣдомой и непостижимой стихіей.

Онъ отправляется въ Америку именно съ цѣлью просвѣтиться. Пожалуй, цѣль еще опредѣленнѣе. Его чувства и инстинкты чужды новѣйшему движенію, онъ невольно приходитъ въ оторопь предъ наплывомъ демократизма во всѣ области современной общественной жизни. И онъ ѣдетъ въ Америку узнать, не существуетъ ли какихъ-либо средствъ *обезвредить* демократію, отнять у нея губительный размахъ и ввести въ извѣстную колею.

Токвилю нужна опека надъ демократіей: вотъ его задушевная мысль и съ ней онъ не разстанется до конца своего политическаго и литературнаго поприща. И она сопутствуетъ ему въ путешествіи по Америкѣ. Она преслѣдуетъ его послѣ всякаго новаго опыта, новой бесѣды съ американскими политиками. Онъ не всѣ свои впечатлѣнія вноситъ въ книгу, и мы должны дополнять ихъ изъ частной переписки. Здѣсь Токвиль откровеннѣе и предлагаетъ свою мысль безъ всякихъ литературныхъ украшеній и оговорокъ.

Онъ сомнѣвается, чтобы Франція удовлетворительно устроилась съ демократическимъ принципомъ, но движеніе непреодолимо и аристократія явно вымираетъ во Франціи, коронѣ приходится считаться съ новой силой и упорядочивать новое общество. Это убѣжденіе не мѣшаетъ Токвилю немедленно сознаться, что оно тягостно, и что даже «при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ» «правительство толпы» вовсе не «превосходная вещь» *).

И у Токвиля имѣются общія соображенія, помимо отдѣльныхъ наблюденій. Соображенія не новыя, прекрасно развитыя еще Аристотелемъ, но для нашего автора столь же несомнѣнныя, какъ и роковой прогрессъ демократіи.

Нечего, разумѣется, и думать, что какое-либо государство можетъ благоденствовать въ рукахъ людей невѣжественныхъ или полуобразованныхъ. А именно такимъ всегда останется народъ.

Его просвѣтить можно только до извѣстныхъ предѣловъ. У него нѣтъ достаточно досуга, чтобы добраться до вершинъ образованія, даже больше—чтобъ внимательно обсудить какой-либо общественный вопросъ и отдать себѣ отчетъ въ достоинствахъ и порокахъ политическаго дѣятеля. Поэтому шарлатаны всякаго

*) *Oeuvres*. I, 315—6.

сорта умѣютъ отлично ему нравиться, а истиные друзья народа чаще всего не имѣютъ успѣха.

Токвиль при этой смѣтѣ могъ бы вспомнить мудрость французскихъ правителей при реставраціи и позже при іюльской монархіи. Кажется, во главѣ дѣлъ стояли все люди съ неограниченнымъ досугомъ. Царствовала самая ограниченная олигархія, какую только можно было извлечь изъ многомилліоннаго населенія культурной страны. и самъ Токвиль впослѣдствіи отдастъ должное іюльскимъ порядкамъ.

Людовикъ Филиппъ, по его мнѣнію, былъ самымъ неограниченнымъ монархомъ, какой только царствовалъ во Франціи со временъ Карла Великаго. Избирателей при немъ числилось всего около 200.000, а правительство располагало двойнымъ количествомъ мѣстъ и должностей. Въ результатѣ всѣ полноправные граждане состояли на службѣ у короля и онъ могъ не бояться никакой парламентской оппозиціи. Государство вмѣстѣ съ законодателями и администраціей замкнулось въ тѣсный кругъ и превратило общественныя дѣла въ партійные и личные интересы господствующаго класса.

Все это говоритъ Токвиль и онъ же уничтожитъ Гизо, какъ государственнаго человѣка, а между тѣмъ ученѣе Гизо даже въ олигархическихъ парламентахъ Людовика-Филиппа немыслимо было сыскать ни одного человѣка.

Нельзя, слѣдовательно, положиться на высокій цензъ, но нельзя обольщаться и всеобщей подачей голосовъ. Тамъ образуется корыстная клика, здѣсь расширяется путь всякимъ проходимцамъ. Токвиль убѣжденъ, что истинный джентльмэнъ никогда не завоюетъ себѣ большинства въ suffrage universel. Манеры джентльмэновъ слишкомъ сдержанны и принципы слишкомъ строги! Эти качества невыгодны для популярности въ народѣ.

Опять и здѣсь Токвиль могъ бы противоставить другіе факты и другой выводъ. Онъ самъ былъ избранъ громаднымъ большинствомъ въ учредительное собраніе послѣ революціи сорокъ восьмого года. А мы нисколько не сомнѣваемся въ совершенномъ джентльмэнствѣ Токвиля, слѣдовательно, бываютъ случаи, когда и народъ является на высотѣ призванія. И, вѣроятно, случаи не особенно рѣдки, потому что у Токвиля были очень близкіе политическіе друзья, также народные представители. И прочтите его собственный разсказъ, какъ происходило его избраніе, какъ и что онъ говорилъ народу и какъ народъ слушалъ его, вамъ не потребуется болѣе краснорѣчиваго возраженія на пессимистическія истины автора *).

И всѣ эти утвержденія и опроверженія уживались рядомъ и Токвиль лучше, чѣмъ кто-либо, сознавалъ это совмѣстительство столь разнородныхъ идей. Молодой писатель привезъ его изъ годового путешествія по Америкѣ; теперь ему предстояло выступить на сцену дѣйствій.

Пока онъ пишетъ и издаетъ книгу, вызываетъ громадное впечатлѣніе у французской и заграничный публики, сразу пріобрѣтаетъ славу государственнаго ума и даже члены англійской па-

---

*) *Воспоминанія.* Москва 1893, часть вторая, IV.

латы общинъ обращаются къ нему за совѣтами, какъ обезпечить правильность выборовъ въ политическихъ собраніяхъ.

Токвиль высказывается, и его соображенія воспроизводятся потомъ въ парламентѣ. На его авторитетъ ссылается самъ Робертъ Пиль, но въ то же время и другая партія тѣмъ же авторитетомъ Токвиля подкрѣпляетъ *противоположный* взглядъ и съ одинаковой искренностью.

Это происходитъ лѣтомъ 1835 года, а весной 1839-го Токвиля выбираютъ депутатомъ... Какое предзнаменованіе для политика— эта роль двусторонняго авторитета!

III.

Токвиль съ самаго начала не могъ разсчитывать на блестящіе успѣхи въ парламентѣ. Онъ не былъ героемъ трибуны. Слабый голосъ, болѣзненная нервность, чрезвычайная впечатлительность и, слѣдовательно, недостатокъ хладнокровія — все это не могло создать изъ Токвиля вожака и даже просто вліятельнаго члена палаты. На трибуну онъ всходилъ рѣдко и всегда предпріятіе кончалось болѣе или менѣе сильнымъ разстройствомъ здоровья.

Но даже и эти великіе пороки для политическаго оратора не могли бы свести на нѣтъ депутатской карьеры Токвиля. Было нѣчто еще болѣе существенное. Оно должно бы вообще помѣшать Токвилю бросаться въ омутъ практической политики. Здѣсь надо дѣйствовать, а для дѣйствій необходима цѣль и точное представленіе о пути.

Имѣлось ли то, и другое у Токвиля?

Въ письмѣ къ брату онъ такъ изображалъ свою программу:

«Моей прекраснѣйшей мечтой при вступленіи въ политическую жизнь было—помочь союзу духа свободы съ духомъ религіи, новаго общества съ духовенствомъ».

Въ книгѣ объ Америкѣ онъ объяснялъ, что свобода немыслима безъ господства нравственности, а добрые нравы недостижимы безъ религіи.

Слѣдовательно, религія—краеугольный камень общественнаго строя. Это—общепризнанная истина среди всѣхъ политиковъ первой половины XIX-го вѣка: Констанъ, г-жа Сталь и Сенъ-Симонъ шли здѣсь рука объ руку съ Деместромъ, но немедленно расходились, лишь только подвергалось толкованію самое понятіе *религіи*. Для Деместра это нерушимое римское католичество, для другихъ нѣчто совершенно другое.

Токвиль, повидимому, скорѣе присоединился бы къ Деместру, потому что у него религіи соотвѣтствуетъ духовенство. т. е. таже римская церковь. Но тогда зачѣмъ же онъ всю жизнь протестовалъ противъ основного догмата папства—свѣтской власти римскаго первосвященника? И почему онъ возмущался наклонностью католическаго духовенства интересы церкви ставить выше національныхъ? Вѣдь въ этихъ чувствахъ и идеяхъ—самая сущность католической іерархіи. Наконецъ, — почему онъ умеръ не какъ правовѣрный католикъ?

Очевидно, духовенство для него вовсе не однозначило съ религіей. Какъ же Токвиль выпутывался изъ затрудненія при

чрезвычайно рѣзкой постановкѣ вопроса въ эпоху іюльской монархіи?

Дальше, еще рѣзче стояла другая задача времени.

Токвиль съ обычной проницательностью видитъ все зло мѣщанскаго правительства, ясно различаетъ броженіе подъ видимо спокойной поверхностью высшихъ слоевъ правящаго класса, онъ лучше всѣхъ сознаетъ, что революція въ сущности продолжаетъ и готова вспыхнуть ежеминутно. И Токвиль понимаетъ даже источникъ смуты, укажетъ на него палатѣ, произнесетъ превосходную рѣчь, исполненную разумнѣйшихъ предостереженій и настоящей государственной мудрости.

Это произойдетъ незадолго до взрыва, въ концѣ января 1848 года, но рѣчь — только выводъ изъ продолжительныхъ наблюденій и сводъ многократныхъ раннихъ заявленій. Токвиль указывалъ на преобразованіе, совершившееся въ умахъ рабочихъ классовъ, отмѣчалъ смѣну былыхъ политическихъ страстей соціальными, указывалъ предѣлъ новыхъ стремленій: не отмѣна тѣхъ или другихъ законовъ, не ниспроверженіе министерства, а преобразованіе основъ современнаго общественнаго строя.

Переходя къ объясненію явленія, Токвиль — какъ истинный мыслитель и историкъ — выдвигалъ на первый планъ глубочайшую причину всѣхъ политическихъ переворотовъ. Она ниспровергла и старую монархію Франціи. Это произошло не отъ дефицита, не отъ частныхъ событій и отдѣльныхъ личностей, а отъ того, «что правящій классъ былъ такъ равнодушенъ къ общей пользѣ, такъ себялюбивъ и порочен, что оказался неспособнымъ и недостойнымъ стоять во главѣ правленія».

Ораторъ впадалъ въ крайній тонъ искренности и душевныхъ волненій. Онъ готовъ былъ стать на колѣни предъ палатой, умоляя ее не пренебрегать опасностью... Палата, по его словамъ, встрѣтила его рѣчь насмѣшками и даже оппозиція не поняла ея смысла. Токвиль разъигралъ роль драматическаго резонера-лица, какъ извѣстно, почтеннѣйшаго и скучнѣйшаго во всей пьесѣ.

Токвиль этого не думалъ. Онъ всю вину приписываетъ палатѣ, окаменѣвшей въ своихъ близорукихъ партійныхъ дрязгахъ. Намъ думается, на политической сценѣ вообще крайне рѣдко сталкиваются лицомъ къ лицу мелодраматическое злодѣйство и сверхестественная добродѣтель. Товарищи Токвиля врядъ ли были до такой степени недоступны внушеніямъ фактовъ и здраваго смысла, чтобы доводы Токвиля ни при какихъ условіяхъ не могли произвести спасительнаго дѣйствія. Необходима нѣкоторая поправка.

Ораторъ просто не обладалъ достаточнымъ авторитетомъ, не ораторскимъ, а политическимъ. Третье его «человѣческое бѣдствіе» оказало самое грустное вліяніе на его положеніе депутата. Токвиль не только былъ вѣчной жертвой *сомнѣнія* — про себя, въ своихъ уединенныхъ думахъ или въ обществѣ близкихъ друзей, но являлся съ нимъ и на трибуну. Онъ не считалъ необходимымъ условіемъ убѣдительности всякой рѣчи—строго опредѣленное направленіе доводовъ и ярко и рѣзко очерченную цѣль.

Онъ будто читалъ диссертацію предъ законодательнымъ собраніемъ, очень добросовѣстно разбиралъ положительную и отри-

цательную стороны вопроса и этимъ же разборомъ заключалъ свое слово. Онъ всякій разъ давалъ много *матеріала* для выводовъ, и ни одного *вывода*.

Послѣ всякой рѣчи Токвиля можно было спросить: «Чего же вы собственно хотите? Вы превосходно изобразили критическое положеніе Франціи, какія средства могутъ спасти ее отъ катастрофы? Вы говорите: «уничтожьте зло цѣлесообразными мѣрами, направленными не противъ его симптомовъ, а противъ его сущности»... Прекрасно. Но гдѣ же эти мѣры? То вы требуте измѣненія законовъ, то согласны оставить ихъ въ прежнемъ видѣ и настаиваете только на измѣненіи «духа правленія». Это слишкомъ общая идея,- какой ея практическій смыслъ? Слѣдуетъ ли намъ удовлетворить желанія рабочихъ и существуютъ ли вообще эти желанія, какъ опредѣленное соціальное движеніе?»

Если бы Токвилю предложили подобные вопросы, онъ отвѣтилъ бы цѣлымъ запасомъ превосходныхъ принциповъ, историческихъ соображеній и основательнѣйшихъ критическихъ замѣчаній... Но любопытный коллега разочарованный отошелъ бы прочь и въ слѣдующій разъ навѣрное съ меньшимъ вниманіемъ сталъ бы слушать новый трактатъ Токвиля.

И нашъ ораторъ не имѣлъ бы ни малѣйшаго права обижаться. Мы слышали, онъ заявлялъ о существованіи «соціальныхъ страстей», о волненіи умовъ среди рабочаго класса. Слѣдовательно, совершенно новое движеніе, глубокое и всеобъемлющее? Таковъ логическій выводъ, и, мы знаемъ, вполнѣ правильный, только не для самого Токвиля.

Шесть лѣтъ спустя, въ письмѣ къ бывшему своему товарищу по палатѣ, Токвиль разразится громами противъ «интригановъ и безумцевъ», бросившихъ Францію въ пучину бѣдствій. А еще раньше революцію сорокъ восьмого года онъ объявитъ дѣтищемъ желудка, а не мозга и сердца, какимъ, по его мнѣнію, была революція восемьдесятъ девятаго года...

Не правда ли, можно усомниться, одному ли человѣку принадлежатъ парламентская рѣчь и дружескія письма?

Именно по этому поводу Сентъ-Бёвъ почувствовалъ желаніе встать на защиту демократизма. И онъ могъ бы это сдѣлать во имя простой логики. Въ январѣ говорить о соціальныхъ *идеяхъ*, а въ маѣ о желудочныхъ инстинктахъ и о «вкусѣ къ матеріальнымъ наслажденіямъ». И это у того рабочаго класса, какимъ ораторъ стращалъ своихъ товарищей!

Можно ли подчиняться голосу такого политика? И ему не подчинялись. У Токвиля было нѣчто въ родѣ партіи, т. е. тѣснаго кружка друзей, умѣвшихъ цѣнить его высокое благородство и глубокія свѣдѣнія, но практическаго вліянія всѣ они вмѣстѣ не могли проявлять. Притомъ и среди друзей въ сильной степени былъ распространенъ органическій недугъ самого Токвиля.

Мы имѣемъ основаніе такъ думать, потому что одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ сочувственниковъ Токвиля Ройэ-Колларъ.

Этотъ философъ и политикъ личность въ высшей степени почтенная, искренно преданная свободѣ и мужественно ее защищавшая. Одинъ только недостатокъ вносилъ разноголосицу въ многочисленныя добродѣтели Ройэ-Коллара—чрезвычайная аристокра-

тичность мысли и дѣйствій. Онъ все время чувствовалъ себя въ роли античнаго героя высшаго полета, не говорилъ, а вѣщалъ, не доказывалъ, а декламировалъ, не снисходилъ до разумѣнія и страстей простыхъ смертныхъ, а подавлялъ ихъ величіемъ своего ума и пуританской строгостью своего характера.

Къ сожалѣнію, котурнъ—обувь, мало приспособленная даже къ современнымъ сценическимъ подмосткамъ, не только къ полу современнаго парламента или политическаго клуба. И собственно Ройэ-Коллару нечего было дѣлать среди пигмеевъ, какими была переполнена французская палата. Онъ постепенно и самъ пришелъ къ этому убѣжденію.

Онъ съ самаго начала сторонился отъ всякаго рѣшенія, болѣе или менѣе рискованнаго для его исключительнаго достоинства. Онъ, напримѣръ, ни за что не соглашался вступить въ министерство, пристать просто къ правительственной партіи, даже при сочувствіи ей. Онъ боялся запутаться въ общую дѣятельность и подпасть отвѣтственности. Онъ предпочиталъ независимое положеніе критика гораздо, конечно, болѣе удобное, чѣмъ положительнаго дѣятеля.

Онъ видѣлъ, какъ реставрація все быстрѣе шла на встрѣчу революціи, какъ у ея основъ кишѣли многочисленныя разрушительныя силы, онъ умѣлъ краснорѣчиво указать на фактъ, объяснить его опасность, но когда вопросъ заходилъ о средствахъ спасенія, Ройэ-Колларъ замыкался въ недосягаемое величіе, и это величіе, какъ всегда бываетъ на сценѣ человѣческихъ дѣлъ и среди бѣдныхъ смертныхъ, обнаруживало самый безпримѣсный вызывающій эгоизмъ.

Ройэ-Колларъ послѣ основательнѣйшаго разбора современнаго положенія дѣлъ, заявлялъ:

«Если наше несчастное отечество должно опять подвергнуться раздорамъ, обагриться кровью, благодаря партіямъ, я умываю руки — je prends mes sûretés; я объявляю побѣдоносной партію, какова бы она ни была, что я проклинаю ея побѣду; я требую у нея, чтобы она съ сегодняшняго же дня внесла меня въ свой списокъ проскрипцій».

Подобная рѣчь, пожалуй, не лишена была гражданскаго мужества и въ особенности ораторскаго эффекта, но ни на іоту не двигала вопроса о партіяхъ и ихъ кровавыхъ предпріятіяхъ. Отечество рѣшительно ничего не выигрывало, попадалъ ли такой выспренній олимпіецъ въ списки проскрипцій, или нѣтъ?

Ройэ-Колларъ съ такою же проницательностью, какъ и Токвиль, понялъ ростъ демократіи, безпрестанно обращалъ вниманіе парламента на фактъ, подчеркивалъ его грозный характеръ и заканчивалъ неизмѣннымъ припѣвомъ:

«Мы, господа, находимся въ критическомъ положеніи, и опасность растетъ со дня на день».

Эта роль Кассандры разыгрывалась Ройэ-Колларомъ неустанно въ теченіе реставраціи. Монологи и предсказанія становились все болѣе зловѣщими, но не указывали ни искры просвѣта въ надвигавшейся тьмѣ. Только критика и предостереженіе. Естественно, такое положеніе становилось, наконецъ, въ тягость самому герою, да и время и люди мало слушали величественнаго цензора нра-

вовъ и обстоятельствъ. Ройэ-Коллару пришлось постепенно все глубже впадать въ настроенія разочарованія, изображать презрѣніе непонятой единоличной мудрости къ повальному легкомыслію общества. А эти чувства естественно сопровождаются горечью и озлобленіемъ, и непризнанный и неразгаданный стражъ общественнаго блага дошелъ до полнаго отчаянія въ бурбонской монархіи и даже вообще въ какихъ-либо дѣятельныхъ принципахъ. «Я, — писалъ онъ Гизо, — проигралъ свое дѣло; я очень боюсь, чтобы и вы не проиграли своего... Ничего не стоитъ дѣлать, ничего—писать, ничего—предвидѣть и ничего—говорить. Пусть существующій порядокъ или безпорядокъ идетъ своимъ путемъ».

Дальше ничего не оставалось, какъ умереть политической смертью, т. е. отойти въ сторону и предоставить сцену дѣйствія менѣе величественнымъ, но для современности болѣе реальнымъ героямъ.

Токвиль питалъ глубокое восторженное чувство къ личности и политическому поведенію Ройэ-Коллара. Послѣдній платилъ ему соотвѣтственно. Они обмѣнивались другъ съ другомъ самыми любезными комплиментами. Ройэ-Колларъ высоко цѣнилъ литературный талантъ и солидность мысли Токвиля, совѣтовалъ ему изощрить свои силы и пріобрѣсти славу сначала на литературномъ поприщѣ, и приводилъ такой внушительный доводъ:

«Жизнь депутата въ настоящее время—жизнь вульгарная, даже если она не является причиной отупѣнія для многихъ. Не здѣсь слѣдуетъ искать славы, сюда должно являться уже съ готовой славой».

Взглядъ, вполнѣ характеризующій надменнаго скептика. Въ это время Ройэ-Колларъ крайне рѣдко нарушалъ свое презрительное молчаніе. Токвиль это зналъ и одобрялъ. Послѣднее обстоятельство въ высшей степени краснорѣчиво для будущей парламентской дѣятельности Токвиля.

Какіе же мотивы одобренія?

Ройэ-Колларъ, принадлежитъ къ эпохѣ болѣе возвышенныхъ чувствъ и идей. Его рѣчь теперь осталась бы не понятой, т. е. послѣ іюльской революціи. Почему же? Вѣдь именно іюльская революція создала монархію съ новой династіей и этому созданію пришлось рѣшать величайшіе вопросы французской политики XIX-го вѣка о возможности монархіи вообще на французской почвѣ и о судьбѣ вновь возникшихъ соціальныхъ вопросовъ.

Неужели у философа и политика не было никакого положительнаго интереса къ столь рѣшительному повороту политическихъ и общественныхъ судебъ родины?

Приходится отвѣтить, нѣтъ.

Ройэ-Колларъ остановился на идеѣ примирить принципъ новой свободы съ принципомъ древняго наслѣдства. Такъ толкуетъ его дѣятельность Токвиль и считаетъ ее достояніемъ прошлаго.

Логическій выводъ ясенъ: самъ Токвиль пойдетъ дальше Ройэ-Коллара, на встрѣчу новымъ идеямъ и чувствамъ, новому обществу.

Но такъ говоритъ логика, а не природа Токвиля. Недаромъ онъ эпохѣ Ройэ-Коллора приписалъ особое величіе сравнительно съ тридцатыми и сороковыми годами, и онъ самъ въ сущности бу-

детъ повторять задачу Ройэ-Коллара и даже его политическую практику.

Его задушевной мечтой останется «слить духъ свободы съ духомъ религіи», т. е. католическаго духовенства, а путемъ къ этой цѣли то же неизмѣнно *критическое* краснорѣчіе, менѣе величественное, чѣмъ у Ройэ-Коллара, но не болѣе плодотворное въ смыслѣ практическаго преобразовательнаго движенія.

Сходство идетъ дальше.

Ройэ-Колларъ, въ припадкѣ пессимизма, готовъ былъ наносить удары даже монархіи, т. е. основному символу своей политической вѣры. Фактъ, отнюдь не свидѣтельствовавшій о стойкости и идеальной сознательности, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ поступковъ политики.

Тоже произойдетъ и съ Токвилемъ.

Мы знакомы съ его противорѣчивыми сужденіями о соціальномъ движеніи, не менѣе противорѣчивы и нѣкоторыя дѣйствія Токвиля послѣ этого движенія.

Онъ явился въ роли министра при Наполеонѣ-президентѣ, и сталъ, слѣдовательно, непосредственнымъ свидѣтелемъ замысловъ и предпріятій принца, клонившихся къ одной цѣли—замѣнѣ республики имперіей.

Первое средство—достигнуть переизбранія, запрещеннаго конституціей. Токвиль не питалъ никакого сочувствія ни къ личности Бонапарта, ни къ его вожделѣніямъ. По *принципу* Токвиль долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать превращенію президента въ императора.

Какъ же поступаетъ Токвиль?

Онъ прежде всего примиряется съ мыслью о переизбраніи Наполеона президентомъ. Пусть только это переизбраніе совершится законнымъ конституціоннымъ путемъ. Для этой цѣли слѣдуетъ только пересмотрѣть конституцію, т. е. отмѣнить статью, запрещающую переизбраніе.

Но Токвиль не останавливается на этомъ выходѣ изъ затрудненія. Онъ вскорѣ убѣждается, что пересмотръ состояться не можетъ, и выбираетъ другой путь, еще болѣе неожиданный. Онъ совѣтуетъ Бонапарту явиться идеальнымъ представителемъ своего президентскаго поста, и Франція сама нарушитъ свой основной законъ и продолжитъ власть президента въ лицѣ Наполеона.

Но и здѣсь не оканчивается поразительная политика Токвиля. Самое любопытное ослѣпленіе нашего дѣятеля на счетъ истинныхъ намѣреній президента: Токвиль до самаго переворота не ждалъ кореннаго насилія подъ конституціей.

Когда переворотъ совершился, Токвилю пришлось уйти въ почетный досугъ. Онъ отказался присягнуть второй имперіи; это дѣлало честь его мужеству; но еще больше было бы славы для его политической мысли, если бы она съумѣла разгадать тайну «провиденціальнаго человѣка» и проявила мужество не въ уклоненіи отъ разсчетовъ съ фактомъ, а въ возможныхъ препятствіяхъ ему. Токвиль, напротивъ, помогалъ ему безсознательно и рыцарски-необдуманно.

И намъ ясна основная причина недоразумѣнія.

Токвиль никакъ не могъ составить себѣ положительнаго политическаго руководства. Первостепенное, всеобъемлющее явленіе новаго вѣка—развитіе демократіи—ярко бросилось ему въ глаза. Онъ призналъ его неотразимую мощь и даже умѣлъ найти многія *оправдательныя* основанія. То же самое составляло заслугу и Ройэ-Коллара.

Но дальше начинались колебанія, страхи, недовѣріе и часто въ высшей степени жалкая смута и сбивчивость во мнѣніяхъ и даже въ дѣйствіяхъ. Натура Токвиля всѣми своими инстинктами протестовала противъ демократическаго царства. Недаромъ онъ, на рѣдкость проницательный и добросовѣстный историкъ, впадаетъ иногда будто невольно въ тонъ явно преднамѣренныхъ обожателей «добраго стараго времени».

Токвиль, впослѣдствіи нарисовавшій всѣмъ извѣстную, менѣе всего идиллическую картину «стараго порядка», въ книгѣ объ Америкѣ, правда, произведеніи молодомъ, позволилъ себѣ разчувствоваться по тѣмъ самымъ поводамъ, какіе Тэну внушали горькую тоску по дореволюціоннымъ порядкамъ.

Изслѣдователь американской демократіи писалъ о былой аристократической эпохѣ:

«Находясь въ безконечномъ разстояніи отъ народа, члены благороднаго сословія относились къ его участи съ тѣмъ благосклоннымъ и спокойнымъ участіемъ съ какимъ пастырь обращается къ своему стаду, и не считая бѣдняка себѣ равнымъ, они заботились о его судьбѣ, какъ о вкладѣ, переданномъ имъ на храненіе Привидѣніемъ.

«Не имѣя никакого понятія о другомъ общественномъ строѣ, кромѣ существующаго, не воображая когда-нибудь сравняться со своими господами, народъ принималъ ихъ благодѣянія и не разсуждалъ объ ихъ правахъ. Онъ любилъ ихъ, когда они были великодушны и справедливы, и безъ труда, безъ униженія подчинялся ихъ суровымъ требованіямъ, смотря на нихъ, какъ на бѣдствіе, ниспосылаемое Богомъ; кромѣ того, нравы и обычаи установили предѣлъ для тиранія и создали нѣкотораго рода право въ средѣ, гдѣ господствовала сила».

Вы чувствуете, истинный, принципіально убѣжденный и исторически воспитанный демократъ не написалъ бы этихъ словъ. Онъ непремѣнно оговорился бы на счетъ провиденціально опредѣленной покорности одной стороны и провиденціально внушеннаго великодушія другой, и именно исторія вооружила бы его основаніями для оговорки.

Но для нашего автора большое удовольствіе отдохнуть на *симпатичномъ*, хотя бы и не вполнѣ реальномъ, строѣ жизни. Съ теченіемъ времени эта потребность перестанетъ проявляться въ изліяніяхъ, но она останется въ глубинѣ души писателя, и именно она внесетъ раздоръ въ мысли и поступки одного изъ благороднѣйшихъ гражданъ и искреннѣйшихъ писателей новой Франціи.

IV

Благородство и искренность помогли Токвилю извлечь богатѣйшій опытъ изъ политической роли, какъ бы ни была она бѣдна положительными практическими результатами.

Токвиль самъ приписывалъ большое значеніе своему долголѣтнему пребыванію въ парламентѣ. Онъ откровенно эти десять лѣтъ называетъ «довольно безплодными во многихъ отношеніяхъ», но они, продолжаетъ Токвиль, «освѣтили мнѣ болѣе вѣрнымъ свѣтомъ человѣческія отношенія и сообщили болѣе практическій смыслъ касательно отдѣльныхъ явленій... Я теперь чувствую себя болѣе способнымъ, чѣмъ въ эпоху сочиненія о *демократіи*, приняться за серьезную тему по политической литературѣ».

И Токвиль принимается усердно отыскивать предметъ историческаго изслѣдованія. Поиски въ высшей степени любопытны. Токвиль всегда былъ живымъ и отзывчивымъ гражданиномъ, культурнымъ и всестороннимъ мыслителемъ. Эти данныя безусловно несовмѣстимы съ тунеядной чисто-бумажной и чернильной работой надъ жизненно-безполезнымъ и идейно-мертвымъ матеріаломъ. Токвиль можетъ заинтересоваться «только современнымъ сюжетомъ», и по своей природѣ, и потому, что публику занимаютъ только современные вопросы. Дальше слѣдуетъ соображеніе, заслуживающее стать девизомъ новыхъ историковъ:

«Величіе и оригинальность зрѣлища, какое представляетъ современный міръ, поглощаетъ слишкомъ много вниманія, чтобы можно было придавать большую цѣну историческимъ рѣдкостямъ, удовлетворяющимъ общества праздныя и преданныя эрудиціи».

Слѣдовательно, историческая работа должна быть тѣсно связана съ злобами текущаго дня. Это не значитъ, будто историкъ окажется въ рабствѣ какого-либо господствующаго теченія или излюбленной партіи. Напротивъ, самый сюжетъ можетъ принадлежать даже отдаленному прошлому, только его идея, сущность будутъ служить выясненію настоятельныхъ нуждъ современнаго общества.

И Токвиль уклоняется отъ жгучихъ ежедневныхъ вопросовъ, имъ самимъ пережитыхъ на политической трибунѣ. Здѣсь трудно сохранить безпристрастіе и достигнуть исторической точности. Авторъ изберетъ тему сравнительно отдаленную, но неразрывно примыкающую къ современности. Именно для французской демократіи онъ сдѣлаетъ то же самое, что сдѣлалъ раньше для американской, т.-е. попытается изслѣдовать ея источникъ, ея возникновеніе, ея первичные пути развитія.

Очевидно, онъ остановится на революціи восемьдесятъ девятаго года. Она доставитъ историку «случай нарисовать людей и факты нашего вѣка и изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ рисунковъ позволитъ создать картину».

Ясно и краснорѣчиво. Ученая работа для Токвиля только предлогъ для политики и публицистики въ высшемъ смыслѣ слова. Онъ не допускаетъ и мысли живописать одни факты безъ «исторической философіи», и именно вопросъ, какъ соединить эти двѣ задачи, особенно смущаетъ его. Онъ боится, что «не обладаетъ

искусствомъ хорошо выбирать факты для обоснованія идей, умѣньемъ такъ вести разсказъ, чтобы читатель естественнымъ путемъ переходилъ отъ одного умозаключенія къ другому, руководимый интересомъ самаго разсказа».

Историкъ ни на минуту не перестанетъ быть философомъ. Но вѣдь это значитъ—онъ будетъ вести своихъ читателей къ тому или другому выводу *общественнаго* содержанія. У него, неминуемо, явится цѣль, идеалъ, и ему грозитъ опасность выбирать факты исключительно въ интересахъ своихъ намѣреній.

Токвиль отрицаетъ для себя эту опасность, но отрицаетъ чрезвычайно оригинально. Въ этомъ отрицаніи съ особенной силой— и что̀ особенно важно—*невольно* историкъ очертилъ свою политическую личность:

«У меня,—пишетъ Токвиль,—нѣтъ преданій, нѣтъ партіи, нѣтъ совершенно предмета для защиты, если только не считать таковымъ свободу и человѣческое достоинство—въ этомъ я увѣренъ».

Токвиль свободу и человѣческое достоинство не считаетъ вопросами партіи! Для него эти идеи—аксіомы, истины общечеловѣческаго разума. Такъ думать—значитъ свидѣтельствовать о высокомъ благородствѣ своей личности и своего ума. Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что свобода и во времена Токвиля и позже— у новѣйшихъ историковъ—являлась чисто партійнымъ интересомъ, и Тэнъ именно противъ нея направилъ свой кляузническій арсеналъ цитатъ.

Токвиль былъ проникнутъ совершенно другими стремленіями и не могъ вынести даже мимолетной шутки Сентъ-Бёва на счетъ принциповъ 89-го года. Развѣ это не партія, даже съ ея страстью и нѣкоторой, хотя бы благороднѣйшей нетерпимостью?

И Токвиль на почвѣ принциповъ 89-го года оставался непоколебимъ. Это были принципы людей досуга, высшей интеллигенціи, финансовыхъ силъ, лишенныхъ политическихъ правъ въ пользу невѣжественныхъ или фанатическихъ высшихъ сословій, однимъ словомъ, это принципы третьяго сословія, буржуазіи. И Токвиль безпощадно отзывается о пережиткахъ дореволюціоннаго аристократизма.

Французскихъ новѣйшихъ легитимистовъ онъ находитъ ниже англійской аристократіи и даже ихъ предковъ XVIII-го вѣка. Тогда, въ концѣ столѣтія, среди высшихъ классовъ столицы господствовала живая пытливость ума, свобода мнѣнія, независимость, твердость сужденія; ни раньше, ни позже ничего подобнаго не было. Все было интеллигентнымъ: удовольствія, увлеченія, даже тщеславіе.

И Токвиль приводилъ въ примѣръ Юма. Англійскій философъ отличался крайней тяжеловѣсностью въ разговорѣ, дурно объяснялся по французски, но онъ цѣлые годы оставался львомъ парижскихъ салоновъ, исключительно благодаря уму и таланту. И писатели прошлаго вѣка, по мнѣнію Токвиля, пришли бы въ неменьшее изумленіе отъ газа и телеграфа, чѣмъ отъ омертвѣнія общества и посредственности современныхъ книгъ.

Противъ легитимистовъ шла буржуазія, вооруженная идеями XVIII-го вѣка и революціи. Она, наконецъ, побѣдила легитимизмъ

и въ политикѣ, и въ общественномъ строѣ. Побѣда, желанная для Токвиля и вообще для либеральныхъ историковъ его эпохи — Минье, Тьерри, Тьера, Гизо.

Но какъ же буржуазія воспользовалась своими лаврами?

Отвѣтъ Токвиля мы знаемъ. Ему пришлось относительно господствующаго третьяго сословія пользоваться не менѣе яркими и не болѣе лестными красками, чѣмъ при изображеніи наслѣдниковъ стараго феодализма.

«Старый порядокъ», тѣсно связанный съ именемъ Бурбоновъ, по словамъ Токвиля, былъ «ужасно скверенъ»—horriblement mauvais, и «ненависть, имъ вызываемая, почти единственное чувство, пережившее шестьдесятъ лѣтъ со времени революціи».

То же самое по существу говорится и объ іюльской монархіи, и о результатахъ владычества новаго феодализма—капиталистическаго, позволившаго, по мнѣнію Токвиля, Людовику-Филиппу сдѣлаться абсолютнѣе всѣхъ Бурбоновъ.

Гдѣ же выходъ?

Исторія отвѣтила: демократія, но историкъ на этотъ разъ не пошелъ за исторіей, не пошелъ—сочувственно, горячо, какъ это было ради принциповъ восемьдесятъ девятаго года. Онъ призналъ фактъ, обнаружилъ даже нѣкоторое сочувственное движеніе сердца, засвидѣтельствовалъ, напримѣръ, рыцарственное поведеніе парижскаго народа въ революцію сорокъ восьмого года, но дальше не рискнулъ. Оставаться на мѣстѣ также не было возможности: интересъ дня, столь существенный для Токвиля по принципу и по личному влеченію, весь сосредоточивался на демократическомъ и соціальномъ вопросѣ. Рѣшеніе требовалось настоятельно, и это лучше другихъ сознавалъ самъ Токвиль до революціи и убѣдился окончательно во время ея

Онъ съ обычнымъ безпристрастіемъ разсказалъ о вполнѣ сознательномъ движеніи народа безъ вождей, о преобразованіи *идей* въ чувства и инстинкты, о посильной готовности рабочаго класса биться за нихъ противъ какого угодно политическаго строя. Но въ ту самую минуту, когда жизнь рѣзко и безповоротно призвала къ отвѣту политиковъ и историковъ, Токвиль послѣ изумительнаго недоразумѣнія съ Бонапартомъ сошелъ съ политической сцены. Онъ усердно принялся за исторію. Трудъ его остался неоконченнымъ, но врядъ ли Токвиль далъ бы и здѣсь положительный отвѣтъ на роковой безъисходный вопросъ времени. Можетъ быть, онъ не дожилъ бы до политическаго самоотреченія, точнѣе — самоубійства Ройэ-Коллара, но навѣрное испыталъ бы чувства даровитѣйшаго либеральнаго историка Огюстэна Тьерри.

Можетъ быть, у Токвиля и не выпало бы изъ рукъ перо предъ центрами демократіи, какъ это произошло съ авторомъ *Исторіи третьяго сословія*, но и ему врядъ ли эти успѣхи доставили бы миръ и утѣшенію. *По разсудку* они были бы для него *необходимостью*, а по чувству подчасъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ «лужей, куда демократическое равенство естественнымъ путемъ погружаетъ» всѣхъ выдающихся людей.

И эта драма внутренняго разлада занимаетъ до конца всю сцену политической и литературной дѣятельности Токвиля. Онъ жилъ и умеръ однимъ изъ многочисленныхъ политическихъ Гам-

летовъ, созданныхъ прогрессивнымъ направленіемъ идей и фактовъ XIX-го вѣка.

И этотъ гамлетизмъ, по своей нравственной глубинѣ и по своему культурному смыслу, превосходитъ всѣ раннія зрѣлища, вызванныя взаимной борьбой разнородныхъ духовныхъ силъ личности и общества.

Тамъ боролись или *идеалы* противоположныхъ направленій, или слишкомъ выспренній идеалъ съ несоотвѣтствующей ему природой личности: здѣсь на сторонѣ идеала и совѣсть, и дѣйствительность, и личныя силы, а противъ него стихійные пережитки общественной психологіи и исторіи. И та и другая сила равна *судьбѣ* по своей власти надъ отдѣльнымъ человѣкомъ, и исходъ борьбы рѣшается только тѣмъ различіемъ, что одна—достояніе прошлаго, а другой—принадлежитъ будущее.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Proceedings of the Society for Psychical Research*» *February 1898* (*Kegan, Paul, Trenah and C°*). (*Протоколы общества психическихъ изслѣдованій*). Въ этомъ сборникѣ заключается много чрезвычайно интересныхъ разсказовъ о различныхъ психическихъ феноменахъ, главнымъ образомъ, о явленіяхъ транса. Однако, несмотря на то, что сообщаемые въ этихъ разсказахъ факты подтверждаются болѣе или менѣе достовѣрными свидѣтелями и занесены въ протоколы общества, въ составъ котораго входятъ даже настоящіе ученые, все-таки нельзя отдѣлаться отъ нѣкотораго скептическаго отношенія ко всѣмъ этимъ сообщеніямъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ все-таки не исключается совершенно возможность обмана.

(Literary World).

«*L'Art et la morale*» *par Ferdinand Brunetière* (*Hetzel*). (*Искусство и нравственность*). Авторъ издалъ отдѣльною брошюрой свои знаменитыя публичныя лекціи о взаимномъ отношеніи искусства и нравственности. Авторъ доказываетъ, что искусство представляетъ такую же соціальную функцію, какъ и всѣ остальныя, и что она составляетъ силу, которая должна находиться въ равновѣсіи съ другими силами (традиція, религія и наука), такъ какъ именно отъ сохраненія этого равновѣсія зависитъ и соціальное равновѣсіе. Необходимо, чтобы искусство и наука оставались въ извѣстныхъ границахъ и удерживались въ нихъ силою воли человѣка, такъ какъ въ противномъ случаѣ, какъ говоритъ авторъ, «наука приведетъ къ нравственному индиферентизму, а искусство обнаружитъ безсознательную наклонность къ безнравственности»; характерною же чертою нашей эпохи служитъ именно такой нравственный индиферентизмъ, связанный съ ослабленіемъ воли и все возрастающею напряженностью желаній.

(Indépendance Belge).

«*In the New Capital*» *by John Galbraith* (*Toronto News Campany*). (*Въ новой столицѣ*). Очень интересные очерки канадской жизни и описанія канадскихъ городовъ. Авторъ очерковъ пользуется довольно большою популярностью по ту сторону Атлантики.

(Literary World).

«*Three Years in Savage Africa*» *by Lionel Decle* (*Methuen aud C°*). (*Три года въ дикой Африкѣ*). Авторъ разсказываетъ свои похожденія въ африканскихъ дебряхъ, свои наблюденія надъ туземцами, ихъ нравами и обычаями и дѣятельностью европейцевъ въ Африкѣ. Къ книгѣ приложено предисловіе, написанное Стэнли.

(Literary World).

«*Practical Ethics*» *by Professor Sidgwick* (*Swan Sonnenschein and C°*). (*Практическая этика*). Въ небольшой книгѣ заключается рядъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ въ собраніяхъ этическихъ обществъ Лондона и Кэмбриджа. Кромѣ того, авторъ присоединилъ сюда еще двѣ статьи, написанныя съ тою же цѣлью. Несмотря на то, что большинство вопросовъ, о которыхъ трактуетъ авторъ въ своихъ статьяхъ и лекціяхъ, не имѣютъ характера новизны, они все-таки не потеряли значенія въ глазахъ читателей и слушателей, интересующихся этическою стороною жизни. Особеннаго вниманія заслуживаютъ лекціи, касающіяся государственной этики и современныхъ формъ маккіавелизма.

(Literary World).

«*Herbart's Application of Psychology to the Science of Education*» (*Sonnenschein*). (*Примѣненіе психологіи къ педагогикѣ по методѣ Гербарта*). Прошло уже сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ изъ ученія Песталоцци и Гербарта выросла современная педагогическая наука, но вліяніе обоихъ творцовъ педагогической науки до сихъ поръ остается въ силѣ и поэтому новое изданіе Гербартовскаго метода никогда не будетъ несвоевременнымъ. Новѣйшіе педагоги также придаютъ громадное значеніе психологіи въ дѣлѣ воспитанія и вліянію семьи и присоединяются къ великому Гербартовскому принципу, что «умъ ребенка можетъ успѣшно ассимилировать новыя понятія лишь въ

томъ случаѣ, если онъ уже подготовленъ предшествующимъ обученіемъ къ ихъ ассимиляціи». (Literary World).

«La Question Sociale» par Paul Deschanel (*C. Ledy*). (*Соціальный вопросъ*). Авторъ этой книги, посвященной соціальному вопросу въ современныхъ государствахъ, развиваетъ ту мысль, что примиреніе между индивидуализмомъ и коллективизмомъ возможно и что въ этомъ примиреніи заключается будущее. Проводя параллель между уталитарной политической экономіей и соціализмомъ, авторъ говоритъ, что соціализмъ не принимаетъ во вниманіе ни политики, ни философіи, ни религіи, точно такъ же, какъ и политическая экономія, которая не принимаетъ во вниманіе ни расъ, ни національностей, ни разницы географическаго положенія, ни историческихъ и нравственныхъ различій между отдѣльными народами. Авторъ говоритъ о необходимости самаго широкаго развитія чувства солидарности и справедливости и доказываетъ, что развитіе этихъ чувствъ въ состояніи примирить индивидуальное право съ соціальнымъ долгомъ и чувство солидарности съ индивидуальною свободой.

(Indépendance Belge).

«The Rise of Democracy» by J. Holland Rose». The Victorian Era Series» (*Blackie and Son*). (*Развитіе демократіи*). Подъ словомъ демократія авторъ понимаетъ правительство, образуемое всею націей, и въ названномъ трудѣ разсматриваетъ возникновеніе и постепенное распространеніе демократической идеи въ Англіи. Но, по мнѣнію автора, демократія все-таки не выполнила до сихъ поръ всѣхъ своихъ обѣщаній и не вполнѣ оправдала ожиданія своихъ друзей и опасенія своихъ худшихъ враговъ въ ранніе періоды революціоннаго движенія. Авторъ старается опредѣлить причины, задерживающія ростъ и правильное развитіе демократіи въ англійскомъ современномъ обществѣ и посвящаетъ очень много вниманія эволюціи и политикѣ.

(Literary World).

«Openair Studies in Botany» by R. Lloyd Praeger. Illustrated by Drawings from Nature (*Charles Griffin and C°*). (*Изученіе ботаники на открытомъ воздухѣ*). Прекрасное изданіе, снабженное рисунками съ натуры, можетъ служить хорошимъ подспорьемъ для ботаническихъ экскурсій и изученія растеній въ ихъ привычной обстановкѣ, какъ живыхъ организмовъ, а не сухихъ препаратовъ, какіе обыкновенно находятся въ лабораторіяхъ. Авторъ стремился придать своей книгѣ другой характеръ и сдѣлать ее болѣе занимательной и живой, нежели простое руководство по ботаникѣ, и надо отдать ему справедливость, что онъ вполнѣ достигъ своей цѣли и книга его, раздѣленная на двѣнадцать главъ, непремѣнно должна возбудить интересъ къ растеніямъ и желаніе познакомиться съ ними поближе. Заглавія главъ («На рѣкѣ», «Цвѣтущій лугъ», «На родинѣ альпійскихъ цвѣтовъ» и т. п.) также указываютъ старанія автора избѣгать по возможности сухости изложенія.

(University Extension Journal).

«Australasian Democracy» by H. de Walker (*Fisher Unwin*). (*Австралійская демократія*). Австралійскія колоніи служатъ настоящимъ мѣстомъ всякихъ соціальныхъ экспериментовъ, и, примѣняя на практикѣ различныя коллективистскія и соціалистскія теоріи, онѣ указываютъ дорогу другимъ. Въ этомъ отношеніи изученіе австралійскихъ колоній представляетъ несомнѣнно громадный научный и соціальный интересъ. Авторъ сообщаетъ въ высшей степени важныя и интересныя данныя, касающіяся роста и развитія рабочихъ партій въ австралійскихъ колоніяхъ результатовъ избирательнаго равноправія женщинъ, предупрежденія стачекъ и многихъ другихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ очень важно для Европы.

(Review of Reviews).

«Little Journeys to the Homes of Famous Women» by Elbert Hubbard. (*Putman's Sons*). (*Посѣщеніе мѣстожительства знаменитыхъ женщинъ*). Американская писательница, мистриссъ Геббардъ, описываетъ въ этой книгѣ свою поѣздку въ Европу и знакомство съ разными выдающимися женщинами. Кромѣ разговоровъ и встрѣчъ съ разными современными дѣятельницами, въ книгѣ заключается еще нѣсколько біографическихъ очерковъ, снабженныхъ портретами умершихъ общественныхъ дѣятельницъ и писательницъ.

(Literary World).

«The Pioneers of the Klondyke» by H. West Pailis. Illustrated (*Sampson Low*). (*Піонеры Клондайка*). Очень интересное описаніе сказочной золотоносной области и тѣхъ тяжелыхъ условій и лишеній, которыя выпали на долю піонеровъ, отправившихся туда искать счастья.

(Literary World).

«Every day Life in Turkey» by M-rs W. M. Ramsay (*Hodder and Stoughton*). (*Обыденная жизнь въ Турціи*). Авторъ этихъ занимательныхъ очерковъ турецкой жизни, мистриссъ Рамзей, стремится доказать, что турокъ вовсе не такъ дуренъ, какъ его изображаютъ обыкновенно, и вовсе не отличается звѣрскою жестокостью и раболѣпствомъ. Авторъ преимущественно описываетъ турецкихъ крестьянъ внутри страны и говоритъ, что это народъ въ высшей степени добродушный, миролюбивый и гостепріимный и живетъ въ ладу со своими христіанскими сосѣдями. Вообще авторъ сообщаетъ очень много интересныхъ новыхъ данныхъ о турецкой жизни, обычаяхъ и нравахъ внутри страны. Очень подробно авторъ говоритъ о положеніи женщинъ въ Турціи и рисуетъ это положеніе далеко не такими мрачными красками, какъ это дѣ-

лается обыкновенно. Среди турецкихъ крестьянъ полигамія составляетъ крайне рѣдкое явленіе, и случаи жестокаго обращенія мужа съ женой, по словамъ мистриссъ Рамзей, встрѣчаются въ Турціи гораздо рѣже, нежели въ Англіи, и жена вовсе не находится въ такомъ абсолютномъ рабскомъ подчиненіи, какъ это думаютъ. Во всѣхъ своихъ описаніяхъ авторъ проявляетъ большую наблюдательность и несомнѣнно его книгу можно назвать лучшею и наиболѣе безпристрастною изъ тѣхъ, которыя написаны о Турціи въ послѣднее время.

(Literary World).

«Ignorance: A study of the Causes and effecte of populur Thought» neith Some educational Suggestions; by Marcus R. P. Darman (*Kegun Paul Trench*) (*Невѣжество; изслѣдованіе причинъ и слѣдствій популярныхъ воззрѣній).* Въ книгѣ заключаются очень дѣльныя мысли о народномъ воспитаніи и способахъ борьбы съ невѣжествомъ и предразсудками толпы.

(Literary World).

«A Century of Missionary Martyrs» by S. F. Harris (*James Nisbet and C°*). (*Столѣтіе миссіонерскаго мученичества*). Въ виду недавно исполнившейся столѣтней годовщины англійской миссіонерской дѣятельности авторъ собралъ и издалъ разсказы о геройскихъ подвигахъ миссіонеровъ въ различныхъ частяхъ свѣта.

(Bookseller).

«Heroines of History» by Frank Mundell (*Sunday Schooll Union*) (*Героини въ исторіи*). Къ своимъ прежнимъ біографическимъ очеркамъ авторъ прибавляетъ сборникъ историческихъ повѣствованій о дѣяніяхъ различныхъ выдающихся женщинъ-героинь. Сборникъ составленъ очень интересно и заключаетъ въ себѣ много историческихъ данныхъ, касающихся жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ изъ наиболѣе знаменитыхъ героинь исторіи.

(Bookseller).

«L'âme nègre» par Jean Hess (Calmann Levy) (*Душа негра).* Чрезвычайно интересное собраніе негритянскихъ легендъ, преданій, а также описаніе жизни негритянскихъ племенъ, не обладающихъ никакою иною письменностью, кромѣ символическихъ знаковъ, высѣченныхъ на стѣнахъ храмовъ, но исторія которыхъ сохраняется въ пѣсняхъ и національныхъ преданіяхъ. Автору пришлось довольно долго прожить среди негровъ, въ хижинѣ миссіонера, ухаживавшаго за нимъ во время болѣзни, и при помощи этого миссіонера авторъ собралъ и записалъ много оригинальныхъ легендъ и пѣсенъ. (Indépendance Belge).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

— Хотите обѣдать?—спросила она холодно.—Я заказала вамъ обѣдъ у себя, потому что вы писали, что вернетесь сегодня вечеромъ.

Онъ быстро обернулся къ ней.

— Оч...чень жалѣю, вамъ не с...слѣдовало ждать меня. Я только немножко оправлюсь, и сейчасъ же приду. Мм...можетъ быть, вы потрудитесь поставить эти цвѣты въ воду.

Когда онъ вошелъ въ столовую Зитты, она стояла у зеркала, прикрѣпляя вѣтку цвѣтовъ къ корсажу. Она, очевидно, рѣшила быть веселой и подошла къ нему съ маленькимъ пучкомъ красныхъ бутоновъ въ рукѣ.

— Вотъ вамъ бутоньерка. Позвольте мнѣ прикрѣпить ее.

Во время обѣда онъ старался изо всѣхъ силъ быть любезнымъ и поддерживалъ легкій разговоръ. Она отвѣчала ему, счастливо улыбаясь все время. Ея явная радость при видѣ его нѣсколько смущала его. Онъ привыкъ къ мысли, что она ведетъ отдѣльное существованіе, среди друзей и знакомыхъ, близкихъ ей по духу; ему никогда не приходило въ голову, чтобы она могла скучать по немъ. И все-таки она, вѣроятно, тосковала, судя по тому, какъ обрадовалась ему.

— Хотите пить кофе на террасѣ?—сказала она.—Сегодня такой теплый вечеръ.

— Хорошо. Я возьму вашу гитару, можетъ быть, вы будете пѣть.

Онъ обыкновенно скептически относился къ ея музыкѣ и не часто просилъ ее пѣть.

На террасѣ была широкая деревянная скамейка вдоль стѣнъ. Оводъ выбралъ уголъ, откуда открывался красивый видъ на холмы, и Зитта, взобравшись на выступъ стѣны и поставивъ ноги на скамейку, прислонилась къ колоннѣ, поддерживающей крышу. Она не особенно интересовалась живописнымъ видомъ. Ей было интереснѣе глядѣть на Овода.

— Дайте папироску,—сказала она:—я ни разу не курила со времени вашего отъѣзда.

— Прекрасная мысль, мнѣ недоставало только п...папироски для полноты счастья.

Она нагнулась и взглянула на него серьезно.

— Вы въ самомъ дѣлѣ счастливы?

Лицо Овода прояснилось.

— Почему же нѣтъ? Я хорошо пообѣдалъ, передо мной теперь с...самый прекрасный видъ въ Европѣ, скоро будетъ кофе, и я услышу венгерскую народную пѣсню. Ничто не мучитъ моей совѣсти, пищевареніе у меня въ порядкѣ. Чего же еще можно желать?

— Я знаю еще что-то, чего вы хотите?

— Что?

— Вотъ это.—Она протянула ему маленькую коробочку.

— Зас...сахаренный миндаль. Почему вы не сказали р...раньше, до папироски,—сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Почему, ребенокъ вы этакій! Да вы можете ѣсть ихъ и послѣ папироски. А вотъ и кофе.

Оводъ сталъ пить маленькими глотками свой кофе и ѣсть засахаренный миндаль съ важнымъ и сосредоточнымъ наслажденіемъ, точно кошка, которая пьетъ сливки.

— Какъ пріятно напиться порядочнаго кофе послѣ той гадости, которую даютъ въ Лигорно,—сказалъ онъ медленнымъ, горловымъ голосомъ.

— Поэтому оставайтесь лучше всегда дома.

— Некогда; я завтра опять уѣзжаю.

Улыбка исчезла съ ея лица.

— Завтра? почему? Куда вы ѣдете?

— Въ разныя мѣста, по дѣламъ.

Онъ рѣшилъ въ разговорѣ съ Геммой, что долженъ самъ отправиться въ Аппенины, чтобы войти въ соглашеніе съ контрабандистами относительно переправы оружія. Переправа черезъ границу папской области была чрезвычайно опасной, но необходимой для успѣха задуманнаго предпріятія.

— Вѣчныя дѣла!—сказала Зитта со вздохомъ и затѣмъ спросила:—Вы надолго уѣзжаете?

— Нѣтъ, на двѣ или, можетъ быть, н—на три недѣли.

— Опять по *тому* дѣлу?—спросила она отрывисто.

— «Тому» дѣлу?

— Тому, изъ за котораго вы постоянно пытаетесь сломать себѣ шею: все та же вѣчная политика.

— Да, это имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ политикѣ.

Зитта отбросила папироску.

— Вы меня обманываете теперь,— сказала она: — вамъ предстоитъ какая-нибудь опасность.

— Я отправляюсь п...прямо въ адъ, — отвѣтилъ онъ лѣниво.—М...можетъ быть, у васъ тамъ есть друзья, которымъ вы хотите послать вѣточку плюща—нечего однако его обрывать всего.

Она сорвала пучекъ зелени съ колонны и бросила его на землю съ сердитымъ жестомъ.

— Вамъ предстоитъ опасность,—повторила она,—и вы не хотите мнѣ прямо сказать; вы думаете, что со мной можно только шутить. Васъ еще повѣсятъ скоро, и вы не попрощаетесь со мной. Эта вѣчная политика надоѣла мнѣ.

—Да и м—мнѣ также,—сказалъ Оводъ, зѣвая;—поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Или, можетъ быть, вы споете.

— Хорошо, дайте мнѣ гитару въ такомъ случаѣ. Что мнѣ спѣть?

— Балладу о потерянной лошади. Она удивительно подходитъ къ вашему голосу.

Она начала пѣть старую венгерскую балладу о человѣкѣ, который лишается сначала своей лошади, потомъ своего дома, и, наконецъ, своей возлюбленной и утѣшаетъ себя тѣмъ, что «еще болѣе было потеряно на Могашскомъ полѣ». Это была любимая пѣснь Овода. Дикость и трагизмъ мелодіи, а также грустная примиренность припѣва нравилась ему болѣе всякой нѣжной музыки.

Зитта чувствовала себя удивительно въ голосѣ. Звуки выходили изъ ея устъ сильными и ясными, полными страстной жажды счастья. Ей не удавались итальянскія или славянскія пѣсни, и тѣмъ болѣе германскія, но венгерскія народныя пѣсни она пѣла удивительно хорошо.

Оводъ слушалъ ее, широко раскрывъ глаза и полуоткрывъ ротъ. Она никогда такъ хорошо не пѣла. Но когда она пропѣла послѣднюю строчку, голосъ ея вдругъ задрожалъ.

«О все равно! больше было потеряно»... Она оборвала конецъ, зарыдала и спрятала лицо въ зелень плюща.

— Зитта!—Оводъ всталъ и взялъ у нея изъ рукъ гитару.—Въ чемъ дѣло?

Она только судорожно рыдала, закрывъ лицо обѣими руками. Онъ тронулъ ее за плечо.

— Въ чемъ дѣло, скажите?—спросилъ онъ ласково.

— Оставьте меня,—сказала она съ рыданіемъ и отшатнулась отъ него.— Оставьте меня!

Онъ спокойно вернулся на свое мѣсто и подождалъ, пока она перестала рыдать; вдругъ онъ почувствовалъ, что она охватила его шею руками и опустилась на колѣни около него.

— Феличе, не уѣзжай! не уѣзжай!

— Объ этомъ мы потомъ поговоримъ,— сказалъ онъ, мягко отстраняя обвившія его руки.—Скажите мнѣ прежде, въ чемъ дѣло, чего вы испугались?

Она тихо покачала головой.

— Я чѣмъ-нибудь причинилъ вамъ боль?

— Нѣтъ. — Она поднесла руку къ горлу.

— Ну такъ что же?

— Васъ убьютъ,—сказала она наконецъ.—Я слыхала, какъ одинъ изъ людей, которые къ вамъ приходятъ, говорилъ, что вамъ грозитъ опасность, а когда я спрашиваю, вы все смѣетесь надо мной.

— Дорогое дитя,—сказалъ Оводъ послѣ нѣкотораго молчанія.—У васъ какія-то преувеличенныя понятія о вещахъ. Конечно, когда-нибудь меня убьютъ. Это обычный конецъ революціонеровъ, но нѣтъ никакой причины предполагать, что меня какъ р...разъ убьютъ теперь. Я не рискую болѣе всѣхъ другихъ.

— Другихъ? Что мнѣ за дѣло до другихъ? Еслибъ вы меня любили, вы не уѣзжали бы такимъ образомъ, оставляя меня въ тревогѣ. Я не сплю по ночамъ, боясь, что васъ арестуютъ, и во снѣ мнѣ кажется, что вы убиты. Вы обо мнѣ думаете меньше, чѣмъ вотъ объ этой собакѣ.

Оводъ всталъ и медленно прошелъ къ другому концу террасы. Онъ былъ совершенно не подготовленъ къ такой сценѣ и не зналъ, что отвѣчать. Да, Гемма была права; онъ запуталъ такой узелъ

въ своей жизни, что теперь трудно будетъ распутать его.

— Сядемъ и поговоримъ обо всемъ этомъ спокойно,—сказалъ онъ, возвращаясь черезъ минуту.—Мы, кажется, не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Конечно, я не смѣялся бы, если бы зналъ, что вы серьезно говорите. Объясните, что васъ тревожитъ, и тогда, если есть какое-нибудь недоразумѣніе, мы его выяснимъ.

— Нечего выяснять, я вижу, что вы меня совсѣмъ не любите

— Дорогое дитя, будемъ лучше совсѣмъ откровенны другъ съ другомъ. Я всегда старался быть честнымъ въ нашихъ отношеніяхъ, и, кажется, никогда не обманывалъ васъ на счетъ...

— О, нѣтъ, вы всегда были совершенно откровенны. Вы никогда не говорили, что считаете меня чѣмъ-нибудь инымъ, чѣмъ потерянной женщиной, которая доступна была всѣмъ другимъ до васъ...

— Зитта, что вы!.. Я никогда не думалъ этого ни о какомъ живомъ существѣ.

— Вы никогда не любили меня,—настаивала она капризнымъ тономъ.

— Да, я никогда не любилъ васъ. Но выслушайте меня, и постарайтесь не осуждать меня.

— Я и не осуждаю. Я...

— Подождите минутку. Вотъ что я хочу сказать. Я не вѣрю ни въ какую условную мораль и не исполняю ея предписаній. Я считаю отношенія между мужчиной и женщиной вопросомъ личной пріязни или непріязни...

— И денегъ,—прервала она съ рѣзкимъ отрывистымъ хохотомъ.

Онъ нахмурился и остановился на минуту.

— Да, конечно. Въ этомъ отвратительная сторона вопроса, но повѣрьте мнѣ, если бы я замѣтилъ, что не нравлюсь вамъ, я бы никогда не воспользовался вашимъ стѣсненнымъ положеніемъ, чтобы имѣть васъ около себя; я никогда не поступалъ такимъ образомъ ни съ одной женщиной въ своей жизни, и никогда не лгалъ никакой женщинѣ относительно своихъ чувствъ къ ней; повѣрьте, что я говорю правду.

Онъ остановился на минуту, но она ничего не отвѣчала.

— Я думалъ,—продолжалъ онъ,—что если человѣкъ одинокъ въ жизни, чувствуетъ потребность въ присутствіи женщины около себя, и если онъ можетъ найти женщину, которая ему нравится и которой онъ тоже внушаетъ доброе отношеніе, то онъ имѣетъ право принять съ благодарностью расположеніе этой женщины, не вступая съ ней въ болѣе прочный союзъ. Я не вижу въ этомъ ничего дурного, если нѣтъ несправедливости, обмана или оскорбленія съ той или другой стороны. О вашихъ прежнихъ отношеніяхъ къ другимъ мужчинамъ я не думалъ. Я только зналъ, что наша связь не тягостна и что каждый изъ насъ свободенъ нарушить ее, какъ только она станетъ тяжелой. Если я ошибался, если вы иначе на это смотрите, то...

Онъ опять замолчалъ.

— То?—прошептала она, не глядя на него.

— То я былъ несправедливъ къ вамъ, и меня это очень огорчаетъ. Но я сдѣлалъ это безъ всякаго намѣренія.

— «Огорчаетъ?» «Безъ намѣренія?» Да вы каменный, что ли, Феличе? Неужели вы никогда не любили женщины въ своей жизни, и не видите, что я васъ люблю?

Что-то въ немъ внезапно дрогнуло при этомъ словѣ. Такъ много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ему говорили слова: «я васъ люблю». Она вдругъ вскочила и обняла его обѣими руками.

— Феличе, уѣдемъ вмѣстѣ со мной, уѣдемъ изъ этой ужасной страны, отъ этихъ людей, отъ политики. Что намъ за дѣло до нихъ. Уѣдемъ и будемъ счастливы. Уѣдемъ въ южную Америку, гдѣ вы жили прежде.

Физическій ужасъ отъ воспоминаній вернулъ Оводу самообладаніе. Онъ отнялъ руки ея отъ своей шеи и крѣпко сжалъ ихъ.

— Зитта, постарайтесь понять, что я вамъ говорю. Я васъ не люблю, и если бы я любилъ васъ, я бы съ вами не уѣхалъ. У меня въ Италіи дѣла и товарищи.

— И еще кто-то, кого вы любите больше, чѣмъ меня,—вскрикнула она съ отчаяніемъ.—О, я готова убить васъ! Не о товарищахъ думаете вы, а я знаю о комъ!

— Тише,—сказалъ онъ:—вы взволнованы и воображаете то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

— Вы думаете, что я говорю о синьорѣ Болла? Меня не такъ легко обмануть. Съ ней вы говорите только о политикѣ. Вы такъ же мало любите ее, какъ и меня. Вы думаете только о кардиналѣ.

Оводъ вздрогнулъ.

— Кардиналѣ?—повторила онъ машинально.

— Кардиналѣ Монтанелли, который здѣсь проповѣдывалъ осенью. Развѣ я не видѣла вашего лица, когда проѣзжала его коляска? Вы были бѣлы, какъ этотъ платокъ. Да развѣ теперь вы не дрожите, какъ листъ, какъ только я упомянула его имя.

— Вы не знаете, о чемъ говорите. Я—ненавижу кардинала. Онъ мой злѣйшій врагъ.

— Врагъ или нѣтъ, но вы любите его болѣе, чѣмъ кого-либо на свѣтѣ. Посмотрите мнѣ въ лицо, и скажите, что это неправда, если можете.

Онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ садъ. Она глядѣла на него украдкой, ужасаясь сама тому, что она сдѣлала. Было что-то странное въ его молчаніи. Наконецъ она подкралась къ нему, какъ испуганное дитя, и робко потянула его за рукавъ. Онъ обернулся къ ней

— Это правда,—сказалъ онъ.

XI.

— Нельзя ли мнѣ повидаться съ нимъ гдѣ-нибудь въ горахъ? Бризигелла очень опасное мѣсто для меня.

— Каждая пядь земли въ Романьи опасна для васъ. Но какъ разъ теперь Бризигелла безопаснѣе всякаго другого мѣста.

— Почему?

— Я вамъ сейчасъ скажу. Пусть только этотъ человѣкъ въ голубой курткѣ не видитъ нашего лица. Съ нимъ нужно быть осторожнымъ.—Да, это была страшная гроза. Я не запомню виноградниковъ въ такомъ жалкомъ состояніи, какъ теперь.

Оводъ положилъ руки на столъ и свѣсилъ на нихъ голову, какъ человѣкъ, уставшій отъ работы, или отяжелѣвшій отъ вина; опасный человѣкъ въ синей курткѣ, оглядѣвшись быстро вокругъ себя, увидѣлъ только двухъ фермеровъ, разговаривавшихъ объ урожаѣ за бутылкой вина, и соннаго горца, положившаго голову на столъ. Это было обычнымъ зрѣлищемъ въ такихъ захолустьяхъ, какъ Марради, и обладатель голубой куртки рѣшилъ, наконецъ, что не было никакого смысла вслушиваться въ разговоръ. Онъ выпилъ залпомъ свое вино и вышелъ въ другую комнату. Тамъ онъ стоялъ, опершись на прилавокъ и небрежно болтая съ хозяиномъ: отъ времени до времени онъ выглядывалъ оттуда въ открытую дверь, изъ-за которой виднѣлись три фигуры, сидящія у стола. Два фермера продолжали медленно пить вино и разговаривать о погодѣ на мѣстномъ нарѣчіи, а Оводъ храпѣлъ какъ человѣкъ, у котораго совѣсть совершенно спокойна.

Наконецъ, шпіонъ, очевидно, рѣшилъ, что не изъ за чего терять времени. Онъ уплатилъ по счету и, выйдя изъ кабака, умчался дальше по узкой улицѣ. Оводъ, зѣвая и потягиваясь, поднялся и сталъ лѣниво тереть глаза рукавомъ полотняной блузы.

— Нелегкое дѣло,—сказалъ онъ, вынимая изъ кармана складной ножъ и отрѣзая ломоть хлѣба.—Много они надоѣдали вамъ въ послѣднее время, Микелле?

— Они несноснѣе, чѣмъ москиты въ августѣ. Нѣтъ отъ нихъ ни минуты покоя. Куда бы ни идти, вѣчно шляется за тобой шпіонъ; даже въ горахъ, куда они прежде не рѣшались карабкаться, они стали теперь появляться по три или по четыре вмѣстѣ. Не правда-ли, Джино? Вотъ почему мы рѣшили, чтобы вы сошлись съ Доминикино въ городѣ.

— Да, но почему въ Бризигеллѣ? Пограничный городъ всегда полонъ шпіоновъ. Бризигелла теперь какъ разъ удоб-

ное мѣсто; туда собираются паломники изъ всей Италіи.

— Но вѣдь она не всѣмъ по пути.

— Оттуда недалеко въ Римъ, но и многіе изъ отправляющихся на Востокъ дѣлаютъ обходъ, чтобы прослушать тамъ обѣдню.

— Я не зналъ, что въ Бризигеллѣ есть что-нибудь особенное.

— Тамъ кардиналъ. Развѣ вы не помните, какъ онъ отправлялся проповѣдывать во Флоренцію въ декабрѣ мѣсяцѣ. Это тотъ же самый кардиналъ Монтанелли. Тамъ онъ, кажется, произвелъ большую сенсацію.

— Да, кажется, но я не хожу слушать проповѣдниковъ.

— У него репутація настоящаго святого.

— Чѣмъ это онъ создалъ себѣ ее?

— Не знаю. Вѣроятно, тѣмъ, что отдаетъ все свое жалованье и живетъ, какъ сельскій священникъ, на четыреста или пятьсотъ скуди въ годъ.

— О нѣтъ,—вставилъ человѣкъ по имени Джино.—Дѣло не только въ этомъ: онъ не только даетъ деньги, а проводитъ всю жизнь, заботясь о бѣдныхъ и о томъ, чтобы былъ хорошій уходъ за больными; къ нему приходятъ съ жалобами съ утра до вечера. Я не менѣе вашего не люблю канониковъ, Микелле, но монсиньоръ Монтанелли совсѣмъ не похожъ на другихъ кардиналовъ.

— Конечно, онъ скорѣе дуракъ, чѣмъ плутъ,—сказалъ Микелле.—Во всякомъ случаѣ, отъ него всѣ съ ума сходятъ, и теперь паломники обыкновенно дѣлаютъ крюкъ, чтобы испросить у него благословенія. Доминикино думалъ отправиться туда переодѣвшись торговцемъ, съ коробомъ дешевыхъ крестовъ и четокъ. Тамъ охотно покупаютъ эти вещи и просятъ кардинала дотронуться до нихъ. Потомъ ихъ надѣваютъ на шею дѣтямъ, чтобы предохранить отъ дурного глаза.

— Подождите минуту. Какъ же мнѣ отправиться? Въ одеждѣ паломника? Мой теперешній костюмъ довольно хорошо идетъ мнѣ, но, кажется, не слѣдуетъ показываться въ Бризигеллѣ въ томъ же видѣ, какъ здѣсь. Это было бы уликой противъ васъ, если бы меня забрали.

— Васъ не заберутъ; у насъ есть для васъ отличный костюмъ, и даже паспортъ.

— Какой?

— Испанскаго паломника, раскаявшагося разбойника изъ Сіерры. Онъ заболѣлъ въ Анконѣ въ прошломъ году; одинъ изъ нашихъ друзей взялъ его на купеческій корабль изъ милости и спустилъ его въ Венеціи, гдѣ у него есть друзья. Намъ онъ оставилъ свои бумаги въ знакъ благодарности. Онѣ какъ разъ вамъ подойдутъ.

— Раскаявшійся р...разбойникъ? Но какъ нас—счетъ полиціи?

— О, будьте спокойны. Онъ отбылъ свой срокъ на галерахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и потомъ ходилъ по святымъ мѣстамъ, спасая свою душу. Онъ убилъ сына по ошибкѣ вмѣсто кого-то другаго и отдался въ руки полиціи въ припадкѣ раскаянія.

— Онъ былъ очень старъ?

— Да, но сѣдая борода и парикъ сдѣлаютъ васъ достаточно старымъ, и во всемъ остальномъ онъ отлично сходится съ вами по описанію. Онъ былъ старый солдатъ, хромой, съ шрамомъ на лицѣ, какъ у васъ; затѣмъ, онъ тоже испанецъ—такъ что если вы встрѣтите испанскихъ паломниковъ, вы сможете отлично съ ними сговориться.

— Гдѣ же я встрѣчусь съ Доминикино?

— Вы присоединитесь къ паломникамъ на одномъ перекресткѣ, который мы покажемъ вамъ на картѣ, и скажете имъ, что заблудились въ горахъ. Потомъ, придя въ городъ, вы пойдете со всѣми вмѣстѣ на рыночную площадь, противъ дворца кардинала.

— А, онъ все-таки живетъ во д... дворцѣ, несм...мотря на то, что святой.

— Онъ живетъ въ одномъ флигелѣ, а весь дворецъ превратилъ въ госпиталь. Ну такъ вотъ, со всѣми ними вы будете ждать, когда онъ выйдетъ и будетъ благословлять народъ, а Доминикино подойдетъ со своимъ товаромъ и скажетъ:—«Вы съ паломниками пришли, отецъ»? Вы же отвѣтите: «я бѣдный грѣшникъ».—Тогда

онъ поставитъ на землю свой коробъ и оботретъ лицо рукавомъ, вы же предложите ему шесть сольди за четки.

— Потомъ, конечно, онъ назначитъ мѣсто свиданія.

— Да, у него будетъ довольно времени, чтобы дать вамъ адресъ для свиданія, пока народъ будетъ глазѣть на Монтанелли. Таковъ нашъ планъ. Но если вамъ онъ не нравится, мы можемъ дать знать Доминикино и устроиться иначе.

— Нѣтъ, такъ отлично. Только постарайтесь, чтобы борода и парикъ выглядѣли, какъ настоящіе.

. . . .

— Вы съ паломниками пришли, отецъ?

Оводъ, сидя на ступеняхъ епископскаго дворца, выглянулъ изъ подъ своихъ растрепанныхъ бѣлыхъ кудрей и произнесъ условленный отвѣтъ торопливымъ дрожащимъ голосомъ, съ замѣтнымъ акцентомъ.

Доминикино спустилъ ремень съ плеча и поставилъ свой коробъ съ предметами благочестія на ступеньку лѣстницы. Толпа крестьянъ и паломниковъ, сидѣвшая на лѣстницѣ и бродившая по рыночной площади, не обращала на нихъ никакого вниманія, но, изъ осторожности, они все-таки вели нарочитый разговоръ. Доминикино говорилъ на мѣстномъ нарѣчіи, а Оводъ ломанымъ итальянскимъ языкомъ перемѣшаннымъ съ испанскими словами.

— Его преосвященство! его преосвященство выходитъ изъ дворца!—кричалъ народъ у дверей.—Отойдите, его преосвященство выходитъ!...

Они оба поднялись.

— Вотъ, отецъ, сказалъ Доминикино, всовывая въ руку Овода маленькій образокъ, завернутый въ бумагу: возьмите это тоже пожалуйста и помолитесь за меня, когда прибудете въ Римъ.

Оводъ сунулъ образокъ за воротъ своей одежды и обернулся, чтобы посмотрѣть на фигуру въ фіолетовомъ облаченіи и красной шапочкѣ, стоящую наверху лѣстницы и благословлявшую народъ простертыми впередъ руками.

Монтанелли медленно спускался съ лѣстницы, и толпа тѣснилась вокругъ него, цѣлуя ему руки. Многіе опускались на колѣни и подносили край его рясы къ губамъ, когда онъ проходилъ.

— Міръ съ вами, дѣти мои.

При звукѣ этого яснаго серебрянаго голоса, Оводъ опустилъ голову, такъ что бѣлые волосы падали ему на лицо, и Доминикино, видя, какъ задрожалъ посохъ паломника въ его рукахъ, подумалъ съ изумленіемъ.

— Вотъ удивительный актеръ.

Женщина, стоявшая подлѣ нихъ, нагнулась и взяла свое дитя на руки.

— Пойдемъ, Чекко,—сказала она:—его преосвященство благословитъ тебя, какъ Господь благословлялъ дѣтей.

Оводъ сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился. О какой ужасъ! всѣ эти чужіе,—эти паломники и горцы,—могутъ подходить къ нему и говорить съ нимъ,— и онъ положитъ руку свою на головы ихъ дѣтей. Можетъ быть, онъ скажетъ «carino» этому крестьянскому мальчику, какъ онъ, бывало, говорилъ...

Оводъ снова опустился на лѣстницу, отворачиваясь, чтобы не видѣть. Если бы только спрятаться куда-нибудь въ уголъ и заткнуть уши, чтобы не слышать этого звука. Право, это болѣе, чѣмъ можетъ вынести человѣкъ. Быть близко, быть такъ близко, что стоитъ протянуть только руку, чтобы коснуться дорогой руки.

— Не зайдете ли вы ко мнѣ, другъ мой? — сказалъ мягкій голосъ, — мнѣ кажется, что вы продрогли.

Сердце Овода остановилось. На минуту онъ не чувствовалъ ничего, кромѣ тягостнаго давленія крови, которая, казалось, разобьетъ его грудь. Потомъ кровь отхлынула, обжигая все его тѣло, и онъ поднялъ глаза. Серьезный глубокій взглядъ, обращенный на него съ божественнымъ состраданіемъ, сталъ необычайно нѣжнымъ при видѣ его лица.

— Отойдите немного, друзья,—сказалъ Монтанелли, обращаясь къ толпѣ. — Я долженъ поговорить съ нимъ.

Толпа медленно отступила съ тихимъ шопотомъ, и Оводъ, стоявшій неподвижно, сжавъ зубы и опустивъ глаза внизъ, почувствовалъ на плечѣ легкое прикосновеніе руки Монтанелли.

— У васъ было большое горе. Не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь?

Оводъ молча покачалъ головой.

— Вы паломникъ?

— Я несчастный грѣшникъ.

Случайное совпаденіе вопроса Монтанелли съ условленнымъ паролемъ явилось соломенкой, за которую Оводъ ухватился въ своемъ отчаяніи. Отвѣтъ его былъ совершенно машинальнымъ. Онъ началъ дрожать подъ мягкимъ прикосновеніемъ руки, которая жгла ему плечо.

Кардиналъ еще ниже нагнулся къ нему.

— Можетъ быть, вы желали бы поговорить со мной наединѣ. Если я только могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ...

Въ первый разъ Оводъ прямо и твердо взглянулъ въ лицо Монтанелли. Къ нему уже вернулось самообладаніе.

— Это ни къ чему,—сказалъ онъ;—мнѣ уже нельзя помочь.

Изъ толпы выдѣлился полицейскій чиновникъ и подошелъ къ кардиналу.

— Простите мое вмѣшательство, ваше преосвященство. Мнѣ кажется, что старикъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Онъ вполнѣ безвреденъ, и бумаги его въ порядкѣ, такъ что мы оставляемъ его въ покоѣ. Онъ былъ въ каторгѣ за большое преступленіе и теперь предается покаянію.

— Большое преступленіе,—повторилъ Оводъ, медленно качая головой.

— Благодарю васъ, капитанъ. Отойдите на минуту, пожалуйста. Другъ мой, нѣтъ ничего безнадежнаго, если человѣкъ серьезно раскаивается. Можетъ быть, вы зайдете ко мнѣ сегодня вечеромъ.

— Ваше преосвященство рѣшилось бы принять у себя человѣка, виновнаго въ смерти собственнаго сына?

Вопросъ былъ сдѣланъ въ тонѣ вызова, и Монтанелли отшатнулся и вздрогнулъ, какъ отъ удара.

— Сохрани Боже, чтобы я осудилъ васъ, что бы вы ни совершили,—сказалъ онъ торжественно.—Въ Его глазахъ мы всѣ одинаково виновны, и наша правота подобна загрязненному отрепью. Если вы придете ко мнѣ, я васъ приму такъ, какъ я молю, чтобы Онъ въ грядущемъ принялъ меня.

Оводъ протянулъ руки впередъ съ внезапнымъ страстнымъ жестомъ.

— Послушайте!—сказалъ онъ,—и слушайте вы всѣ, христіане! Если человѣкъ убилъ своего единственнаго сына, который любилъ его и довѣрялъ ему, который былъ плотью отъ его плоти и костью отъ его кости, если онъ довелъ до смерти своего сына ложью и обманомъ, есть ли надежда для этого человѣка на землѣ или на небѣ? Я исповѣдался въ своемъ грѣхѣ передъ Богомъ и людьми, принялъ кару, возложенную на меня людьми, и они отпустили меня. Но когда же Богъ скажетъ «довольно», когда благословеніе его сниметъ проклятіе съ души моей? Какое отпущеніе можетъ загладить то, что я сдѣлалъ?

Наступило мертвое молчаніе, и толпа, глядѣвшая на Монтанелли, увидѣла, какъ поднимается и опускается крестъ на груди его.

Онъ поднялъ, наконецъ, глаза и далъ благословеніе не совсѣмъ твердой рукой.

— Богъ преисполненъ милосердія,—сказалъ онъ:—принесите свое бремя къ Его престолу, ибо сказано: сердца разбитаго и горестнаго не презирай.

Онъ отвернулся и прошелъ черезъ площадь, останавливаясь, чтобы говорить съ народомъ и брать дѣтей на руки.

Вечеромъ того же дня, Оводъ, слѣдуя указанію, написанному на оборотной сторонѣ образка, отправился въ условленное мѣсто встрѣчи. Это былъ домъ мѣстнаго доктора, дѣятельнаго члена «секты». Многіе заговорщики уже собрались тамъ, и восторгъ ихъ при появленіи Овода былъ новымъ доказательствомъ, если бы таковое было нужно, его популярности, какъ вождя.

— Мы очень счастливы, что вы здѣсь,—сказалъ докторъ,—но были бы еще счастливѣе, если бы вы уже уѣхали. Ваше предпріятіе ужасно рискованно, и я лично противъ него. Неужели вы увѣрены, что ни одна полицейская крыса не замѣтила васъ сегодня на рынкѣ.

— О, они то з—замѣтили меня, но не у...узнали. Доминикино великолѣпно ус...строилъ все; но гдѣ онъ? Я его не вижу.

— Онъ еще не пришелъ. Значитъ все сошло гладко? Что жъ, кардиналъ далъ вамъ свое благословеніе?

— Благословеніе? Это бы еще ничего,—сказалъ Доминикино, входя въ дверь. Риваресъ, вы начинены сюрпризами, какъ рождественскій пирогъ. Какими еще талантами вы насъ изумите?

— Что такое?—спросилъ Оводъ тягучимъ голосомъ. Онъ откинулся на спинку дивана и курилъ сигару. На немъ все еще было платье паломника, но бѣлая борода и парикъ лежали уже на столѣ.

— Я и не воображалъ, что вы такой удивительный актеръ. Я никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго. Вы довели его преосвященство до слезъ.

— Какимъ образомъ? Разскажите, Риваресъ.

Оводъ пожалъ плечами. Онъ былъ въ молчаливомъ настроеніи, и другіе, видя, что ничего отъ него не вывѣдаютъ, обратились къ Доминикино за объясненіями. Когда разсказана была сцена на рынкѣ, одинъ молодой рабочій, не смѣявшійся вмѣстѣ съ другими, замѣтилъ недовольнымъ тономъ:

— Это, конечно, было устроено очень ловко, но я не вижу, какую пользу такая комедія можетъ принести.

— А вотъ какую,—отвѣтилъ Оводъ: теперь я могу идти, куда хочу, и дѣлать все, что хочу въ этихъ мѣстахъ: ни одинъ человѣкъ, ни женщина и ни ребенокъ никогда не станутъ подозрѣвать меня. Исторія будетъ извѣстна завтра всему городу, и если я встрѣчу шпіона, то онъ подумаетъ: «Вотъ сумасшедшій Діего, который исповѣдывался въ своихъ грѣхахъ на рыночной площади»; а вѣдь это большой выигрышъ, согласитесь.

— Да, конечно! Но все-таки, нельзя ли было бы добиться этого, не надувая кардинала. Онъ слишкомъ хорошій человѣкъ, чтобы устраивать съ нимъ такія штуки.

— Мнѣ самому онъ показался человѣкомъ порядочнымъ, — лѣниво согласился Оводъ.

— Глупости, Сандро; намъ здѣсь не нужно кардиналовъ,—сказалъ Доминикино.—И если бы монсиньоръ Монтанелли принялъ мѣсто въ Римѣ, когда ему представлялся случай къ этому, Риваресъ не надувалъ бы его.

— Онъ не принялъ его, потому что не хотѣлъ оставить свое здѣшнее дѣло.

— Гораздо вѣроятнѣе потому, что не хотѣлъ быть отравленнымъ кѣмъ-нибудь изъ агентовъ Ламбрускини. Они имѣли что-то противъ него. Это несомнѣнно. Если кардиналъ, въ особенности такой популярный, какъ Монтанелли, предпочитаетъ оставаться въ заброшенной дырѣ, какъ эта, то мы знаемъ, что это значитъ. Не правда ли, Риваресъ?

Оводъ пускалъ колечки изъ дыма.

— Можетъ быть, д...дѣло въ «р...разбитомъ и удрученномъ сердцѣ?»—замѣтилъ онъ, откидывая голову, чтобы слѣдить за колечками дыма.—А теперь, господа, приступимъ къ дѣлу.

Они стали подробно обсуждать различные планы для устройства контрабанды и укрывательства оружія. Оводъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, прерывая время отъ времени говорившихъ для того, чтобы исправить неправильное показаніе или отклонить неосторожное предложеніе. Когда всѣ высказали свое мнѣніе, онъ далъ нѣсколько практическихъ указаній, принятыхъ тотчасъ же безъ возраженій. Этимъ совѣщаніе закончилось. Было рѣшено, чтобы, по крайней мѣрѣ до его возвращенія въ Тоскану, не устраивать очень позднихъ собраній, чтобы не привлекать вниманія полиціи. Послѣ десяти часовъ всѣ разошлись, за исключеніемъ доктора, Овода и Доминикино, оставшихся для обсужденія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ. Послѣ долгаго и горячаго спора Доминикино взглянулъ на часы.

— Теперь половина одиннадцатаго; пора разойтись, чтобы насъ не замѣтилъ ночной сторожъ.

— Когда онъ проходитъ?—спросилъ Оводъ.

— Около двѣнадцати; я хочу вернуться домой до его возвращенія. Спокойной ночи, Джіордано. Мы съ вами вмѣстѣ, Риваресъ?

— Нѣтъ, я думаю, по одиночкѣ безопаснѣе. Гдѣ же мы снова увидимся?

— Въ Кастель-Болоньезе; я еще не

знаю, въ какомъ я буду костюмѣ, но у васъ есть пароль. Вы уѣзжаете завтра, не правда ли?

Оводъ аккуратно надѣвалъ бороду и парикъ передъ зеркаломъ.

— Завтра утромъ вмѣстѣ съ паломниками. На слѣдующій день я заболѣю и останусь одинъ въ пастушьей хижинѣ, а затѣмъ возьму болѣе короткій путь черезъ горы. Я спущу въ долину раньше васъ. Спокойной ночи!

Било полночь на соборной башнѣ, когда Оводъ заглянулъ въ большой пустой сарай, отведенный для паломниковъ. Полъ былъ весь покрытъ неуклюжими человѣческими фигурами, большинство которыхъ храпѣли, и воздухъ былъ невыносимо тяжелый и душный. Онъ отшатнулся съ отвращеніемъ. Было бы совершенно безполезно пытаться уснуть здѣсь. Онъ рѣшилъ пойти поискать какой-нибудь овинъ или навѣсъ, гдѣ было бы по крайней мѣрѣ чисто и спокойно.

Ночь была дивная, и громадный полный мѣсяцъ сверкалъ на радужномъ небѣ. Онъ сталъ безцѣльно бродить по улицамъ, грустно размышляя объ утренней сценѣ и думая о томъ, что ему не слѣдовало соглашаться на предложеніе Доминикино, назначившаго свиданіе въ Бризигеллѣ. Если бы въ самомъ началѣ онъ объявилъ этотъ планъ слишкомъ опаснымъ, то выбрано было бы какое-нибудь другое мѣсто; онъ и Монтанелли были бы избавлены тогда отъ этой отвратительной комедіи.

— Какъ измѣнился падре! а все-таки голосъ его былъ все тотъ же, какъ въ старину, когда онъ говорилъ «carino».

На другомъ концѣ улицы появился ночной сторожъ съ фонаремъ, и Оводъ свернулъ на узкую, извилистую улицу. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ очутился на соборной площади, около лѣваго флигеля епископскаго дворца. Площадь была залита луннымъ свѣтомъ, и на ней никого не было. Но онъ замѣтилъ, что боковая дверь собора была открыта. Ее, очевидно, забыли закрыть; никто вѣдь не могъ оставаться въ церкви такъ поздно ночью. Не войти ли туда и улечься на одной изъ скамеекъ? Тамъ, навѣрное лучше, чѣмъ въ душномъ сарѣ. Утромъ онъ улизнулъ бы до прихода служителей, и если бы его даже кто-нибудь засталъ тамъ, то естественно предположилъ бы, что безумный Дьего молился гдѣ-нибудь въ углу и его заперли на ночь.

Онъ на минуту сталъ прислушиваться у дверей и затѣмъ вошелъ тихой походкой, сохранившейся у него, несмотря на хромоту. Лунный свѣтъ вливался въ окна и ложился длинными полосами на мраморный полъ. У алтаря въ особенности все было ясно видно, какъ днемъ. У подножья его стоялъ на колѣняхъ кардиналъ, съ непокрытой головой и сложивъ руки.

Оводъ отодвинулся въ тѣнь. Не лучше ли уйти прежде, чѣмъ его замѣтитъ Монтанелли. Это, конечно, самое благоразумное, и можетъ быть, самое благородное. И все-таки, кому онъ повредитъ тѣмъ, что подойдетъ ближе, чтобы взглянуть еще разъ, теперь, когда толпа ушла, и когда не нужно было повторять утреннюю комедію. Можетъ быть, это послѣдній случай взглянуть на него. Падре вѣдь не увидитъ его. Онъ тихо подкрадется и взглянетъ одинъ только разъ. Затѣмъ можно будетъ вернуться къ своему дѣлу.

Держась въ тѣни колоннъ, онъ тихо пробрался къ рѣшеткѣ у алтаря и остановился у бокового входа. Тѣнь епископскаго трона была достаточно широка, чтобы укрыть его, и онъ, затаивъ дыханіе, опустился на полъ.

— Мой бѣдный мальчикъ! о, Боже, мой бѣдный мальчикъ!

Отрывистый шопотъ былъ преисполненъ такого безконечнаго отчаянія, что Оводъ невольно вздрогнулъ. Затѣмъ послышались глубокія, тяжелыя рыданія безъ слезъ, и Монтанелли сталъ ломать руки, какъ человѣкъ, тяжко страдающій отъ физической боли.

Онъ не предполагалъ, что Монтанелли испытываетъ такія муки. Какъ часто онъ говорилъ себѣ съ горькой увѣренностью: «Нечего тревожиться о немъ. Эта рана давно зажила». И вотъ теперь, послѣ всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ, рана обнажилась передъ нимъ, и онъ увидѣлъ,

какъ она обливалась кровью. И какъ легко было бы теперь излѣчить ее. Ему стоило только поднять руку, выступить впередъ и сказать: «Падре, это я». И Гемма тоже: съ ея прядью сѣдыхъ волосъ на головѣ. О, если бы онъ умѣлъ прощать! Если бы онъ могъ убить въ своей памяти прошлое, которое такъ глубоко врѣзалось въ нее—матроса и сахарную плантацію и театръ маріонетокъ. Нельзя было придумать большаго страданія, чѣмъ желаніе, страстное желаніе простить, зная, что оно безвыходно, что онъ не могъ, не смѣлъ простить.

Монтанелли, наконецъ, поднялся, перекрестился и отошелъ отъ алтаря. Оводъ еще глубже вошелъ въ тѣнь, боясь, чтобы его не увидѣли, чтобы его не выдало біеніе сердца. Наконецъ, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Монтанелли прошелъ около него такъ близко, что фіолетовая ряса задѣла его щеку.

Онъ прошелъ и не видѣлъ его.

Не видѣлъ его. О, что онъ сдѣлалъ? Вѣдь это послѣдній случай, единственное, драгоцѣнное мгновеніе, и онъ пропустилъ его. Онъ вздрогнулъ и вошелъ въ полосу свѣта.

— Падре!

Звукъ его собственнаго голоса, прозвучавшій и замершій подъ сводами храма, наполнилъ его безумнымъ ужасомъ. Онъ снова отступилъ въ тѣнь. Монтанелли стоялъ у колонны, неподвижный, вслушиваясь съ широко раскрытыми глазами, объятый смертельнымъ ужасомъ. Оводъ не могъ бы сказать, какъ долго длилось это молчаніе, былъ ли это моментъ или вѣчность. Онъ пришелъ въ себя отъ испуга, увидѣвъ, что Монтанелли шатается и губы его шевелятся сначала безъ словъ.

— Артуръ,—послышался затѣмъ тихій шопотъ.—Да, вода глубока.

Оводъ выступилъ впередъ.

— Простите, ваше преосвященство! Я думалъ, что это кто-нибудь изъ священниковъ.

— А, это паломникъ? — Монтанелли сразу пришелъ въ себя, хотя Оводъ видѣлъ по безпокойному блеску сапфира на его пальцѣ, что онъ все еще дрожалъ.— Вамъ что-нибудь нужно, мой другъ? Теперь поздно, и соборъ закрывается на ночь.

— Простите, ваше преосвященство, если я не хорошо поступилъ. Я видѣлъ, что дверь открыта и вошелъ помолиться, и когда я увидѣлъ священника, какъ мнѣ показалось, углубленнаго въ молитву, я ждалъ, чтобы испросить благословенія.

Онъ поднялъ маленькій жестяной крестикъ, который купилъ у Доминикино. Монтанелли взялъ его изъ рукъ Овода и, вернувшись къ алтарю, положилъ его на минуту на алтарь.

— Возьмите крестъ, сынъ мой.—сказалъ онъ,—и идите съ миромъ. Ибо Господь милостивъ и любвеобиленъ. Идите въ Римъ и попросите благословенія у Его служителя, святого отца. Миръ да будетъ съ вами.

Оводъ нагнулъ голову, чтобы получить благословеніе, и медленно повернулся къ выходу.

— Подождите,—сказалъ Монтанелли.

Онъ стоялъ, положивъ одну руку на рѣшетку.

— Когда вы получите святое причастіе въ Римѣ,—сказалъ онъ.—помолитесь за человѣка, котораго постигло глубокое горе, за человѣка, на которомъ рука Господа тяжело почила.

Въ голосѣ его послышались слезы, и рѣшимость Овода начала колебаться. Еще одна минута, и онъ выдалъ бы себя. Но мысль о циркѣ снова овладѣла имъ, и онъ вспомнилъ, подобно Іонѣ, что ему слѣдовало пребывать въ гнѣвѣ.

— Кто я такой, чтобы Онъ услышалъ мои молитвы? Я прокаженный, бродяга; если бы я могъ принести къ его престолу, подобно вашему преосвященству, даръ святой жизни, душу безъ пятна или тайнаго позора.

Монтанелли рѣзко отвернулся.

— У меня есть только одинъ даръ.— сказалъ онъ:—разбитое сердце.

. . . .

Черезъ нѣсколько дней Оводъ вернулся во Флоренцію дилижансомъ изъ Пистои. Онъ прямо отправился къ Геммѣ, но ея не было дома. Оставивъ записку о томъ, что онъ вернется на слѣдующее утро, онъ пошелъ домой, надѣясь, что каби-

нетъ его будетъ свободенъ отъ вторженія Зитты. Ея ревнивые упреки раздражали его нервы, и онъ боялся ихъ снова услышать.

— Добрый вечеръ, Біанка,—сказалъ онъ, когда дѣвушка ему открыла дверь.— Мадамъ Ренни сегодня была здѣсь?

Она взглянула на него съ изумленіемъ.

— Мадамъ Ренни? Развѣ она вернулась, сударь?

— Что это значитъ?—спросилъ онъ, останавливаясь въ изумленіи.

— Она внезапно уѣхала сейчасъ послѣ васъ и оставила здѣсь всѣ свои вещи. Она даже не сказала, куда ѣдетъ.

— Сейчасъ послѣ меня, т.-е. д...двѣ недѣли тому назадъ.

— Да, сударь, въ тотъ же день, и вещи ея лежатъ здѣсь въ полномъ безпорядкѣ. Всѣ сосѣди уже объ этомъ говорятъ.

Онъ повернулся, не говоря ни слова. и быстро сошелъ по аллеѣ къ дому, гдѣ жила Зитта. Въ комнатахъ ея все было по прежнему. Подарки его были всѣ на обычныхъ мѣстахъ. Нигдѣ ни письма, ни записки.

— Сударь,—сказалъ Біанка, показываясь у дверей:—васъ спрашиваетъ тутъ старая женщина.

Онъ обернулся съ сердитымъ видомъ.

— Что вамъ нужно, чего вы идете слѣдомъ за мной?

— Васъ хочетъ видѣть какая-то старая женщина.

— Что ей нужно? Скажите ей, что я не м—могу видѣть ее. Я занятъ.

— Она приходила почти каждый вечеръ со времени вашего отъѣзда, сударь, и все спрашивала, когда вы вернетесь.

— Спросите, что ей нужно. Впрочемъ, нѣтъ, я лучше самъ пойду.

Старая женщина ждала его у входа. Она была бѣдно одѣта, лицо загорѣло и было покрыто морщинами; на головѣ она носила пестрый шарфъ. Когда онъ вошелъ, она поднялась и взглянула на него острыми черными глазами.

— Это вы хромой господинъ,—сказала она, оглядывая его съ головы до ногъ.—Я къ вамъ съ порученіемъ отъ Зитты Ренни.

Онъ открылъ дверь въ кабинетъ и пропустилъ ее. Войдя вслѣдъ за ней, онъ закрылъ дверь, чтобы Біанка не слышала ихъ разговора.

— Сядьте. пожалуйста. А т...теперь скажите, кто вы.

— Вамъ до этого нѣтъ дѣла. Я пришла сказать вамъ, что Зитта Ренни ушла съ моимъ сыномъ.

— Съ вашимъ сыномъ?

— Да, сударь; если вы не умѣете сохранить своей возлюбленной, то нечего жаловаться, когда другіе отнимаютъ ее. У моего сына въ жилахъ кровь, а не вода. Онъ цыганъ.

— Ахъ, такъ вы цыганка? Зитта, значитъ, вернулась къ своимъ.

Она взглянула на него изумленно и пренебрежительно. Очевидно, эти христіане не достаточно мужественны, чтобы даже сердиться, когда ихъ оскорбляютъ.

— Такой ли вы человѣкъ, чтобы она оставалась съ вами? Наши женщины иногда отдаютъ себя изъ дѣвичьяго каприза, или если имъ хорошо платятъ. Но цыганская кровь зоветъ ихъ обратно къ цыганскому племени.

Лицо Овода оставалось такимъ же холоднымъ и безстрастнымъ, какъ прежде.

— Что же, она вернулась опять въ таборъ, или только ушла къ вашему сыну?

Старуха расхохоталась.

— Не собираетесь ли вы выслѣдить ее и вернуть обратно? Слишкомъ поздно, сударь; объ этомъ надо было раньше подумать.

— Нѣтъ, я только хотѣлъ знать правду, если вы мнѣ можете сказать ее.

Она пожала плечами. Не стоило и ругать человѣка, который такъ кротко принималъ ея слова.

— Дѣло вотъ въ чемъ: она встрѣтила моего сына на улицѣ въ тотъ день, когда вы оставили ее, и онъ заговорилъ съ ней на нашемъ языкѣ; когда онъ увидѣлъ, что она наша, несмотря на свое красивое платье, онъ влюбился въ нее, какъ влюбляются наши мужчины, и взялъ ее съ собой въ таборъ. Она разсказала намъ свое горе, плакала и рыдала, бѣдняжка, и всѣхъ насъ растрогала. Мы утѣшали ее, какъ могли.

И потомъ она сняла свои красивыя одежды и надѣла платье нашихъ женщинъ, и отдала себя моему сыну, чтобы быть его женой и считать его своимъ мужемъ. Онъ ей не говоритъ: «я не люблю тебя», или «у меня есть свои дѣла». Когда женщина молода, ей нуженъ любящій мужъ; а что же вы за мужъ, если не хотите даже поцѣловать красивую женщину, когда она обнимаетъ васъ?

— Вы сказали,—прервалъ онъ ее,— что пришли съ порученіемъ отъ нея.

— Да, я даже осталась послѣ ухода нашихъ, чтобы исполнить это порученіе. Она просила передать, что ей надоѣли вы всѣ со своей холодной кровью и разсужденіями. Она хочетъ вернуться къ своему народу и быть свободной. Скажи ему, сказала она, что я женщина и любила его, и вотъ почему я не хочу быть больше около него. Права была дѣвчонка, что ушла. Нѣтъ ничего дурного въ томъ, чтобы получать деньги за свою красоту. Красота для того и создана. Но цыганкѣ не слѣдуетъ любить человѣка вашего племени.

Оводъ поднялся съ мѣста.

— Это все, что она поручила сказать?— спросилъ онъ.—Такъ скажите ей пожалуйста, что она хорошо поступила. Я надѣюсь, что она будетъ счастлива. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Прощайте!

Онъ стоялъ, не двигаясь, пока закрылась за ней калитка сада. Потомъ онъ сѣлъ и закрылъ лицо обѣими руками.

Еще одна пощечина. Неужели у него не осталось ни тѣни гордости и самоуваженія. Онъ испыталъ все, что можетъ испытать человѣкъ. Сердце его втащили въ грязь и всѣ прохожіе топтали его. Не было ни одного мѣстечка въ душѣ, не затронутаго чьими-нибудь насмѣшками. И теперь даже у этой цыганки, которую онъ подобралъ на дорогѣ, оказался для него бичъ въ рукахъ.

Шайтанъ жалобно вылъ у дверей, и Оводъ поднялся, чтобы впустить его. Собака бросилась къ хозяину съ обычнымъ шумнымъ проявленіемъ восторга, но вскорѣ, понявъ, что случилось нѣчто необычное, улеглась на коверъ около него и положила холодный носъ на его безчувственную руку.

Часъ спустя Гемма подходила къ двери его дома. Никто не показался на ея стукъ. Біанка, увидѣвъ, что Оводу не нужно подавать обѣдать, убѣжала изъ дому къ сосѣдней кухаркѣ. Она оставила дверь открытой, и въ передней зажженъ былъ свѣтъ. Гемма немного подождала, потомъ рѣшилась войти и попытаться самой отыскать Овода. Ей нужно было поговорить съ нимъ объ одномъ важномъ извѣстіи, полученномъ отъ Бэли. Она постучала въ его комнату, и голосъ Овода отвѣтилъ извнутри:

— Вы можете идти, Біанка, мнѣ ничего не нужно.

Она тихо отворила дверь.

Въ комнатѣ было совершенно темно, но лампа изъ передней бросала длинный свѣтовой лучъ черезъ всю комнату. Гемма увидѣла Овода, который сидѣлъ, опустивъ голову на грудь. У ногъ его спала собака.

— Это я,—сказала она.

Онъ вскочилъ.

— Гемма! Гемма! о, какъ я хотѣлъ васъ видѣть.

Прежде, чѣмъ она могла выговорить слово, онъ опустился на колѣни у ея ногъ и спряталъ лицо въ складкахъ ея платья. Все его тѣло судорожно дрожало, и видъ этотъ былъ страшнѣе слезъ.

Она молчала. Она не могла ничѣмъ помочь ему, совершенно ничѣмъ. Это было самое обидное. Ей приходилось смотрѣть пассивно на его горе, хотя она готова была умереть, чтобы избавить его отъ страданій. Если бы она осмѣлилась хоть нагнуться и обнять его, прижать его къ сердцу и защитить его своимъ собственнымъ тѣломъ отъ всѣхъ дальнѣйшихъ невзгодъ. Тогда онъ сталъ бы для нея новымъ Артуромъ, и, быть можетъ, наступилъ бы день, когда старыя тучи разсѣялись бы.

О, нѣтъ, нѣтъ! Развѣ онъ могъ забыть. Развѣ не она повергла его въ адъ? Она, своей собственной правой рукой.

Его минутная слабость прошла. Онъ быстро поднялся и сѣлъ у стола, закрывъ глаза рукой и сталъ кусать губы, какъ бы пытаясь прокусить ихъ до крови. Потомъ онъ поднялъ глаза и сказалъ спокойнымъ голосомъ.

— Я, кажется, васъ напугалъ.

Она протянула ему обѣ руки.

— Дорогой другъ — сказалаона, — развѣ мы недостаточно близки, чтобы вы мнѣ немного довѣряли. Что съ вами случилось?

— О, это личное горе, зачѣмъ васъ безпокоить имъ.

— Послушайте,—сказала она, взявъ его руку въ свою и стараясь успокоить его дрожь:—я не дѣлала попытокъ коснуться того, на что не имѣю права. Но теперъ вы сами добровольно оказали мнѣ нѣсколько довѣрія. Такъ окажите мнѣ его еще. Обращайтесь со мной, какъ съ сестрой. Носите маску на лицѣ, если это доставляетъ утѣшеніе, но не надѣвайте маску на душу ради самого себя.

Онъ еще ниже опустилъ голову.

— Будьте терпѣливы со мной,—сказалъ онъ:—я не особенно пріятный братъ. Но если бы вы только знали... Я совершенно обезумѣлъ за послѣднія недѣли. Во мнѣ снова ожила Южная Америка, и иногда дьяволъ овладѣваетъ мною и...

Онъ не закончилъ фразы.

— Нельзя ли мнѣ раздѣлить вашу печаль? прошептала она наконецъ.

Его голова опустилась на ея руку.

— Десница Господня тяжела.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Слѣдующія пять недѣль Гемма и Оводъ провели среди волненій и работы, оставлявшихъ имъ мало времени и энергіи думать о своихъ личныхъ дѣлахъ. Когда оружіе было благополучно доставлено въ папскую территорію, оставалось еще болѣе трудное и опасное дѣло. Нужно было незамѣтнымъ образомъ перенести оружіе изъ тайныхъ складовъ въ горныхъ ущельяхъ и оврагахъ, распредѣлить его по различнымъ мѣстнымъ центрамъ, и оттуда уже по деревнямъ. Вся мѣстность кишѣла шпіонами, и Доминикино, которому Оводъ поручилъ перевозъ аммуниціи, послалъ во Флоренцію вѣстника, съ требованіемъ немедленной помощи или отсрочки. Оводъ настаивалъ, чтобы все было кончено къ срединѣ іюня, а трудность перевоза по плохимъ дорогамъ, а также безконечныя препятствія и замедленія изъ-за необходимости постоянно прятаться, приводили Доминикино въ полное отчаяніе. «Я между Сциллой и Харибдой,—писалъ онъ;—не могу торопиться изъ боязни, что все откроется, а медлить невозможно, если нужно поспѣть къ сроку. Или пошлите мнѣ тотчасъ же необходимую помощь или скажите венеціанцамъ, что мы не будемъ готовы ранѣе первой недѣли въ іюлѣ».

Оводъ принесъ письмо Геммѣ, и пока она его читала, сидѣлъ, нахмурившись, на коврѣ и гладилъ кошку противъ шерсти.

— Это печально,— сказала она.—Едва ли можно задержать венеціанцевъ на двѣ недѣли.

— Конечно, нѣтъ, это полная нелѣпость. Доминикино с—слѣдовало бы п—понять это. Мы должны подчиняться венеціанцамъ, а не они намъ.

— Винить Доминикино тоже нельзя. Онъ, очевидно, сдѣлалъ то, что могъ, и не можетъ дѣлать невозможнаго.

— Дѣло не въ Доминикино, а въ томъ, что онъ одинъ, а не съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ. Нужно было бы имѣть по крайней мѣрѣ одного отвѣтственнаго человѣка, чтобы охранять складъ, а другого, чтобы наблюдать за перевозомъ. Нужно послать ему надежнаго помощника.

— Кого же мы можемъ послать? У насъ во Флоренціи нѣтъ никого.

— Ну, такъ я с...самъ поѣду.

Она откинулась въ креслѣ и посмотрѣла на него.

— Нѣтъ, это невозможно. Слишкомъ рискованно.

— И все-таки п...придется ѣхать мнѣ,

если мы не п—придумаемъ другого исхода.

— Придумаемъ другой исходъ—вотъ и все. О томъ, чтобы вы теперь опять уѣхали, не можетъ быть и рѣчи.

Упрямая складка обозначилась въ углахъ его нижней губы.

— Не з...знаю, почему объ этомъ не можетъ быть рѣчи.

— Вы поймете, если на секунду подумаете спокойно. Прошло только пять недѣль съ тѣхъ поръ, какъ вы вернулись. Полиція вся на ногахъ изъ-за исторіи съ паломникомъ, и обыскиваетъ окрестности, чтобы понять, въ чемъ дѣло. Я знаю, что вы замѣчательно умѣете мѣнять свою наружность, но вспомните, какая масса народа видѣла васъ и въ образѣ Діего, и въ одеждѣ мужика; къ тому же нельзя скрыть ни вашей хромоты, ни шрама на лицѣ.

— Д...достаточно есть хромыхъ на свѣтѣ.

— Да, но нѣтъ многихъ людей въ Романьѣ, которые хромали бы, имѣли шрамъ на лицѣ, искалѣченную руку, и у которыхъ были бы голубые глаза при смугломъ цвѣтѣ лица.

— Цвѣтъ глазъ можно измѣнить при помощи беладонны.

— Но трудно измѣнить все другое. Нѣтъ, это невозможно. Ѣхать вамъ теперь со всѣми вашими особыми примѣтами, значило бы открыто лѣзть въ западню; васъ навѣрное забрали бы.

— Но вѣдь н...нужно, чтобы кто-нибудь п...помогъ Доминикино.

— Какая помощь ему отъ того, что васъ заберутъ въ такой критическій моментъ. Вашъ арестъ погубилъ бы все дѣло.

Но Овода трудно было убѣдить. Споръ продолжался безъ всякаго результата. Гемма начинала понимать, какой неисчерпаемый источникъ спокойнаго упрямства былъ въ его характерѣ, и если бы она не была такъ сильно убѣждена въ своей правотѣ на этотъ разъ, она навѣрное уступила бы ему, чтобы прекратить споръ. Но на этотъ разъ она не могла подчиниться ему. Практическая польза предполагаемой поѣздки казалась ей недостаточно важной, чтобы подвергаться изъ-за нея такому риску: кромѣ того она смутно подозрѣвала, что его рѣшеніе вызвано было не столько политической необходимостью, сколько болѣзненнымъ исканіемъ опасности и связаннаго съ нею возбужденія. У него вошло въ привычку играть своей жизнью, и жажда ненужныхъ опасностей казалась ей невоздержанностью, противъ которой нужно было спокойно, но твердо бороться. Увидѣвъ, что всѣ ея доводы безсильны противъ его упрямаго рѣшенія поступать по своему, она употребила послѣднее средство.

— Будемъ говорить откровенно, — сказала она,—и называть вещи своими именами. Вовсе не затрудненіе Доминикино заставляетъ васъ ѣхать теперь, а ваша личная страсть къ...

— Неправда,—прервалъ онъ вспыльчиво;—я о немъ больше не думаю; я не хочу его больше видѣть.

— Онъ замолчалъ, увидѣвъ по ея лицу, что выдалъ себя Глаза ихъ встрѣтились на минуту и опустились. И ни одинъ изъ нихъ не произнесъ имени, о которомъ каждый думалъ.

— Дѣло не въ Д...доминикино,—пробормоталъ онъ, наконецъ, спрятавъ на половину голову въ густой шерсти кошки:— я чувствую, какой опасности подвергается дѣло, если не послать помощи.

Она пропустила эту слабую увертку безъ отвѣта и продолжала говорить, какъ будто бы ее не прерывали.

— Васъ толкаетъ туда обычное ваше влеченіе къ опасности. Вы жаждете опасности, когда что-нибудь васъ гнететъ, какъ тянулись къ опіуму, когда были больны.

— Не я просилъ опіуму, — сказалъ онъ запальчиво,—а меня просили, чтобы я принималъ его.

— Конечно, вы отчасти гордитесь своимъ стоицизмомъ, и просьба о физическомъ облегченіи оскорбила бы вашу гордость. Но вамъ пріятно рисковать своей жизнью, чтобы успокоить этимъ путемъ нервы... А въ сущности различіе тутъ самое условное.

— Онъ взялъ въ руки голову кошки, откинулъ ее назадъ и взглянулъ въ ея круглые сѣрые глаза.

— Это правда, Паштъ? — сказалъ онъ.—Всѣ эти обвиненія твоей госпожи справедливы? Прикажешь мнѣ покаяться въ своей винѣ? Вѣдь ты мудрый звѣрекъ, и никогда опіума не требуешь, не правда ли? Предки твои были богами въ Египтѣ и никто не н—наступалъ имъ на хвостъ. Но не знаю, что бы сдѣлалось съ твоимъ величественнымъ спокойствіемъ, если бы я взялъ твою лапку и держалъ ее надъ с—свѣчей. Запросилъ бы опіума, да? Или, быть можетъ— смерти? Нѣтъ, кошечка, мы не имѣемъ права умирать по личному желанію. Можно выругаться иногда, если это облегчаетъ, но нельзя отдергивать лапку.

— Прочь.—Она сняла кошку съ его колѣнъ и уложила ее на скамейку.—У насъ еще будетъ время поговорить объ этомъ. Теперь надо подумать о томъ, какъ бы выпутать Доминикино изъ его ужаснаго положенія. Что тебѣ, Кэтти? пришелъ кто-нибудь? Я занята.

— Пакетъ отъ миссъ Райтъ, сударыня.

Въ тщательно запечатанномъ конвертѣ было письмо, адресованное къ миссъ Райтъ, но не раскрытое. На немъ была марка папской области. Нѣсколько подругъ Геммы жили во Флоренціи и много конспиративныхъ писемъ получалось ради безопасности на ихъ адреса.

— Это письмо отъ Микелле,—сказала она, быстро взглянувъ на письмо, въ которомъ рѣчь шла о цѣнахъ лѣтняго пансіона въ Аппенинахъ; въ концѣ страницы было два маленькихъ пятна.

— Это химическія чернила. Возьмите пузырекъ въ третьемъ ящикѣ стола. Тамъ жидкость для реакціи. Да, вотъ этотъ пузырекъ.

Онъ разложилъ письмо на столѣ и провелъ маленькой кисточкой по страницамъ. Когда настоящее содержаніе письма выступило на бумагѣ въ блестящихъ синихъ буквахъ, онъ откинулся въ креслѣ и расхохотался.

— Что съ вами?—спросила она торопливо. Онъ передалъ ей бумагу.

Доминикино арестованъ, пріѣзжайте тотчасъ же.

Она сидѣла, держа письмо въ рукахъ и глядя безнадежнымъ взглядомъ на Овода.

— Н-ну,—спросилъ онъ своимъ ироническимъ протяжнымъ тономъ.—Теперь вы уже согласны на мой отъѣздъ.

— Да,—сказала она.—Вы должны ѣхать, но и я тоже.

Онъ взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Вы? Но...

— Да, конечно, очень непріятно никого не оставить во Флоренціи. Но теперь приходится думать только о томъ, чтобы раздобыть лишнюю пару рукъ.

— Тамъ есть множество людей.

— Но имъ нельзя вполнѣ довѣрять. Вы сами только что сказали, что надо имѣть двухъ отвѣтственныхъ людей, и если Доминикино нельзя было дѣйствовать одному, то, очевидно, и вамъ тоже. И человѣку такъ сильно скомпрометированному, какъ вы, еще труднѣе дѣйствовать, и онъ еще болѣе нуждается въ помощи. Вмѣсто васъ и Доминикино, нужно, чтобы были вы и я.

— Да, вы правы,—сказалъ онъ,—и чѣмъ скорѣе мы поѣдемъ, тѣмъ лучше. Но вмѣстѣ ѣхать намъ нельзя. Если я отправлюсь сегодня ночью, то вы можете ѣхать, скажемъ, завтра.

— Куда же?

— Это еще нужно обсудить. Я думаю, что самое лучшее прямо отправиться въ Фаенцу. Я выѣду сегодня вечеромъ въ борго СанъЛоренцо, тамъ пріобрѣту какое-нибудь платье и отправлюсь дальше.

— Другого исхода я въ самомъ дѣлѣ не вижу,—сказала она съ тревогой въ голосѣ;—но очень рискованно вамъ ѣхать такъ поспѣшно и довѣриться контрабандистамъ въ прінсканіи костюма. Вамъ бы слѣдовало имѣть по крайней мѣрѣ три свободныхъ дня, прежде чѣмъ переходить границу.

— Не безпокойтесь,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.—Меня могутъ захватить потомъ, но не на границѣ. Въ горахъ я въ такой же безопасности, какъ и здѣсь. Ни одинъ контрабандистъ въ Аппенинахъ не выдастъ меня. Но я не совсѣмъ спокоенъ относительно вашего переѣзда черезъ границу.

— Это пустяки. Я возьму паспортъ Луизы Райтъ и отправлюсь какъ бы для отдыха въ горы. Меня въ Романьѣ

никто не знаетъ, а васъ каждый шпіонъ.

— Къ с...счастью и каждый контрабандистъ.

Она посмотрѣла на часы.

— Теперь половина третьяго: предъ нами конецъ дня и вечеръ, если вы поѣдете сегодня ночью.

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь теперь домой, все устрою и запасусь хорошей лошадью. Я поѣду верхомъ въ Санъ-Лоренцо. Это гораздо безопаснѣе.

— Но вовсе не безопасно вамъ нанимать лошадь. Хозяинъ ея...

— Да я и не стану нанимать. Я знаю человѣка, который мнѣ одолжитъ лошадь, и ему можно довѣрять. Онъ много дѣлалъ для меня и раньше. Кто-нибудь изъ пастуховъ приведетъ ее обратно черезъ двѣ недѣли. И такъ, я вернусь сюда въ пять или въ половинѣ шестого. А пока меня не будетъ, я хотѣлъ бы, чтобы вы пошли къ Мартини и объяснили, въ чемъ дѣло.

— Мартини? — Она обернулась и взглянула на него съ удивленіемъ.

— Да, нужно довѣрить ему нашу тайну, если вы не придумали кого-нибудь другого.

— Я не совсѣмъ понимаю, что вы хотите сказать.

— Намъ нужно имѣть здѣсь довѣренное лицо въ случаѣ какого-нибудь затрудненія. Изъ всей здѣшней компаніи я болѣе всего довѣряю Мартини. Рикардо сдѣлалъ бы для насъ все, что могъ, но я думаю, на Мартини можно болѣе положиться. Впрочемъ, вы его лучше знаете: поступайте поэтому, какъ сами считаете лучшимъ.

— Я ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что на Мартини можно во всемъ положиться, и думаю, что онъ всегда согласится оказать намъ всякую помощь, но...

Онъ сразу все понялъ.

— Гемма, что бы вы подумали, если бы близкій товарищъ не обратился къ вамъ за помощью, которую вы могли бы ему оказать, и поступилъ такъ изъ боязни огорчить васъ. Развѣ это было бы доказательствомъ истинной дружбы?

— Хорошо,—сказала она послѣ короткаго молчанія.—Я сейчасъ пошлю Кэтти за нимъ. Тѣмъ временемъ я схожу къ Луизѣ за паспортомъ. Она мнѣ обѣщала одолжить его въ случаѣ надобности. А какъ насчетъ денегъ? Взять изъ моихъ въ банкѣ?

— Нѣтъ, не стоитъ: у меня пока есть довольно для насъ обоихъ. Ваши деньги пригодятся когда не хватитъ моихъ. И такъ, до половины шестого? Я васъ навѣрное застану дома?

— О, да, я вернусь гораздо раньше.

Получасомъ позже назначеннаго времени онъ вернулся и засталъ Гемму и Мартини сидящими на террасѣ. Онъ сразу увидѣлъ, что они вели тяжелый разговоръ; на ихъ лицахъ видны были слѣды волненія, и Мартини былъ болѣе угрюмъ и молчаливъ, чѣмъ обыкновенно.

— Вы успѣли все сдѣлать?—спросила Гемма.

— Да, и принесъ вамъ денегъ на дорогу. Лошадь будетъ ожидать меня у Понте-Россо въ часъ ночи.

— Не слишкомъ ли это поздно? Вамъ слѣдуетъ быть въ Санъ-Лоренцо прежде, чѣмъ поднимуться люди утромъ.

— Такъ оно и будетъ; лошадь у меня очень быстрая. Я хочу уѣхать отсюда съ полной безопасностью. Я больше не вернусь домой. У дверей моихъ сторожитъ шпіонъ, и онъ думаетъ, что я дома.

— Какъ вы ушли незамѣченнымъ изъ дому?

— Изъ кухоннаго окна въ садъ и черезъ стѣну сосѣдняго огорода. Вотъ почему я такъ опоздалъ. Мнѣ нужно было надуть шпіона. Я оставилъ хозяина лошади въ кабинетѣ на весь вечеръ; лампа будетъ горѣть до поздней ночи. Когда шпіонъ увидитъ свѣтъ въ окнѣ и тѣнь на шторахъ, онъ будетъ совершенно увѣренъ, что я сижу дома.

— Такъ что вы останетесь здѣсь до отъѣзда.

— Да, я не хочу, чтобы меня видѣли на улицахъ сегодня вечеромъ. Есть у васъ сигара, Мартини? Я знаю, что синьора Болла позволяетъ курить.

— Да меня все равно не будетъ въ комнатѣ. Я должна пойти внизъ помочь Кэтти приготовить обѣдъ.

Когда она ушла, Мартини всталъ со стула

и сталъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Оводъ глядѣлъ на улицу молча, наблюдая за моросившимъ дождемъ.

— Риваресъ,—сказалъ Мартини, остановившись противъ него, но не поднимая глазъ.—Въ какое дѣло вы ее втягиваете?

Оводъ вынулъ изо рта сигару и выпустилъ длинную струю дыму.

— Она дѣйствуетъ по собственной инициативѣ,—сказалъ онъ.—Я ее не уговаривалъ.

— Да, да, я знаю. Но скажите...

Онъ остановился.

— Я вамъ скажу все, что могу.

— Я хотѣлъ бы знать о подробностяхъ вашего предпріятія въ горахъ. Ей предстоитъ серьезная опасность?

— Вы хотите знать правду?

— Хочу.

— Въ такомъ случаѣ—да. Опасность есть.

Мартини отвернулся и сталъ ходить взадъ и впередъ. Потомъ онъ опять остановился:

— Я долженъ васъ спросить еще объ одномъ. Конечно, если не хотите, то можете и не отвѣчать. Но ужъ если отвѣтите, то скажите правду. Вы ее любите?

Оводъ осторожно стряхнулъ пепелъ сигары и продолжалъ курить молча.

— Это значитъ, что вы не хотите отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, я думаю только, что имѣю право знать, почему вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Почему? Великій Боже, развѣ вы сами не видите?

— А!—Онъ отложилъ сигару и твердо взглянулъ на Мартини.—Да,—сказалъ онъ наконецъ медленно и тихо,—я ее люблю, но не думайте, что я буду говорить ей о любви, или безпокоить ее своими чувствами, я только хочу...

Голосъ его замеръ, становясь слабымъ, страннымъ шопотомъ. Мартини подошелъ на шагъ ближе.

— Только хотите...

— Умереть.

Онъ смотрѣлъ прямо передъ собой холоднымъ, неподвижнымъ взглядомъ, какъ будто онъ уже былъ мертвымъ. Когда онъ опять заговорилъ, голосъ его сталъ ровнымъ и безжизненнымъ.

— Вамъ нечего тревожить ее этимъ раньше времени,—сказалъ онъ,—но я твердо увѣренъ, что погибну на этотъ разъ. Опасность, конечно, есть для всякаго; она знаетъ это также, какъ и я. Но контрабандисты употребятъ всѣ усилія, чтобы укрыть ее. Они славные молодцы, хотя нѣсколько грубоваты. Что же касается меня, то веревка уже накинута на мою шею, и, перейдя черезъ границу, я только затяну узелъ.

— Риваресъ, что вы говорите? Конечно, опасность есть, въ особенности для васъ, я это понимаю. Но вы такъ часто переходили черезъ границу, и всегда благополучно.

— Да, а на этотъ разъ я попадусь.

— Но почему, откуда вы знаете?

Оводъ сухо усмѣхнулся.

— Помните нѣмецкую легенду о человѣкѣ, который умеръ, встрѣтивъ своего двойника? Нѣтъ? Онъ явился ему ночью, въ пустынномъ мѣстѣ, ломая руки въ отчаяніи. Я тоже встрѣтилъ моего двойника въ послѣдній разъ, когда былъ въ горахъ, и уже не вернусь, когда перейду еще разъ черезъ границу.

Мартини подошелъ къ нему и положилъ руку на спинку кресла.

— Послушайте, Риваресъ, я не понимаю всего этого метафизическаго вздора, но я знаю одно. Если у васъ есть такое предчувствіе, то вамъ не слѣдуетъ ѣхать. Самое вѣрное средство попасться, это быть заранѣе увѣреннымъ въ неудачѣ. Вы, вѣроятно, нездоровы и чѣмъ-нибудь встревожены, если думаете о такомъ вздорѣ. И почему бы мнѣ не поѣхать вмѣсто васъ. Я могу исполнить все что нужно,—а вы можете послать письмо своимъ людямъ, объясняя...

— Для того, чтобы васъ убили вмѣсто меня. Какъ это было бы остроумно.

— О, меня то не убьютъ. Меня не такъ знаютъ, какъ васъ. И кромѣ того, если бы даже...

Онъ остановился, и Оводъ взглянулъ на него медленнымъ, испытующимъ взглядомъ. Рука Мартини опустилась.

— Ей, вѣроятно, не такъ было бы тяжело потерять меня, какъ васъ,—

сказалъ онъ совершенно просто;—кромѣ того. Риваресъ, это дѣло общественное, и нужно глядѣть на него съ точки зрѣнія наибольшаго блага для наибольшаго числа людей. Ваша «рыночная цѣна» кажется, такъ это называютъ экономисты—выше моей. Я это ясно понимаю, хотя я не имѣю особыхъ причинъ любить васъ. Вы болѣе значительный человѣкъ, чѣмъ я. Не знаю, лучше ли вы меня, но вы имѣете больше значенія, и ваша смерть была бы большой потерей, чѣмъ моя.

По тону его голоса можно было бы предположить. что онъ разсуждаетъ о биржевыхъ цѣнностяхъ. Оводъ взглянулъ на него, весь дрожа.

— Чего же вы хотите? чтобы я ждалъ, пока сама собою разверзнется могила, чтобы поглотить меня? Я встрѣчу мракъ смерти какъ невѣсту, если я долженъ умереть. Послушайте, Мартини, мы съ вами тутъ говоримъ глупости.

— По крайней мѣрѣ, вы, — сказалъ Мартини угрюмымъ тономъ.

— Да, но и вы также. Ради Бога, безъ романтическихъ самопожертвованій, безъ подражаній Донъ-Карлосамъ и маркизамъ Поза. Мы живемъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, и если мнѣ предстоитъ умереть, то нужно это сдѣлать.

— А если мнѣ предстоитъ оставаться въ живыхъ, то, очевидно, я долженъ покориться этому, не такъ-ли. Вы счастливецъ, Риваресъ.

— Да, — лаконически согласился Оводъ.—Я всегда былъ удачникомъ.

Они молча курили въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ и затѣмъ стали обсуждать дѣловыя подробности. Когда Гемма пришла звать ихъ къ обѣду, на лицѣ ни того, ни другого не видно было, что разговоръ ихъ былъ не обычнымъ.

Послѣ обѣда они сидѣли, обсуждая разные планы и дѣлая необходимыя распоряженія. Въ одиннадцать часовъ Мартини поднялся и взялъ шляпу.

— Я пойду домой и принесу свой плащъ для васъ, Риваресъ. Я думаю, что въ немъ васъ будетъ труднѣе узнать, чѣмъ въ вашемъ свѣтломъ костюмѣ. Кромѣ того, я произведу рекогносцировку, чтобы убѣдиться до отъѣзда, что нѣтъ шпіоновъ вблизи.

— Развѣ вы поѣдете со мной до городскихъ воротъ?

— Да, лучше имѣть четыре глаза чѣмъ два, на случай погони. Я вернусь въ полночь. Пожалуйста, не уѣзжайте до меня. Дайте мнѣ ключъ, Гемма, чтобы не нужно было звонить, когда я вернусь.

Она взглянула ему въ лицо, когда онъ взялъ у нея ключъ. Она поняла, что это былъ предлогъ, чтобы оставить ее наединѣ съ Оводомъ.

— Мы съ вами переговоримъ еще завтра,—сказала она.—У насъ будетъ время утромъ, когда я покончу съ укладкой вещей.

— О, да, времени еще будетъ вдоволь. Я еще хотѣлъ разспросить васъ кое о чемъ, Риваресъ, но объ этомъ мы можемъ поговорить по дорогѣ. Вы лучше отправьте Кэтти спать, Гемма, и говорите оба потише. Итакъ, прощайте, до двѣнадцати часовъ.

Онъ ушелъ, слегка поклонившись и улыбаясь, и прихлопнулъ за собою дверь, чтобы сосѣди могли слышать, что гости синьоры Боллы уже ушли.

Гемма пошла въ кухню, пожелать спокойной ночи Кэтти, и вернулась съ чашкой чернаго кофе на подносѣ.

— Не хотите ли немножко прилечь?—сказала она.—Вамъ не придется спать всю ночь.

— О, нѣтъ, я высплюсь въ Сенъ-Лоренцо, пока мнѣ будутъ готовить костюмъ.

— Такъ выпейте хоть кофе. Подождите минутку, я вамъ достану бисквиты.

Когда она опустилась на полъ и открыла нижній шкапчикъ буфета, онъ вдругъ нагнулся надъ ея плечомъ.

— Что у васъ тамъ? Шоколадныя конфекты и карамель. Да вѣдь это царское лакомство.

Она взглянула на него, слабо улыбаясь его восторгу.

— Вы любите конфекты? Я всегда держу ихъ для Чезаре. Онъ настоящій ребенокъ въ этомъ отношеніи.

— Въ с...самомъ д...дѣлѣ? Ну такъ вы достаньте ему другихъ конфектъ, а эти д...дайте мнѣ съ собой. Я положу карамель въ карманъ. Это в...вознаградитъ

меня за потерянныя радости жизни. Над...дѣюсь, что мнѣ дадутъ погрызть леденцовъ, когда будутъ вести меня на казнь.

— Подождите, я вамъ найду коробку для конфектъ, а то онѣ слишкомъ липкія. И шеколадъ тоже положить?

— Нѣтъ, я хочу его ѣсть теперь съ вами.

— Но я не люблю шеколада, и хочу, чтобы вы сѣли теперь около меня и поговорили серьезно. Вѣдь намъ едва ли придется еще разъ поговорить другъ съ другомъ прежде чѣмъ одинъ изъ насъ будетъ убитъ, и...

— Она не любитъ шеколада!—бормоталъ онъ тихимъ голосомъ.—Ну такъ я буду лакомиться одинъ. Это вѣдь какъ бы ужинъ предъ казнью. Вы должны исполнять сегодня всѣ мои капризы. Прежде всего я хочу, чтобы вы сѣли на это кресло и такъ какъ вы предлагали мнѣ лечь, то я улягусь здѣсь совсѣмъ удобно.

Онъ опустился на коверъ у ея ногъ, оперся локтемъ на кресло и заглянулъ ей въ лицо.

— Какая вы блѣдная. Это потому, что вы такъ грустно смотрите на жизнь и не любите шеколода.

— Да будьте же серьезнымъ пять минутъ. Вѣдь все-таки дѣло идетъ о жизни и смерти.

— И двухъ минутъ не хочу быть серьезнымъ, дорогая. Этого не стоятъ ни смерть, ни жизнь.

Онъ завладѣлъ обѣими руками ея и слегка ударялъ ихъ пальцами.

— Да не будьте же серьезны какъ Минерва! а то я черезъ минуту расплачусь и вамъ же будетъ жалко. Я хотѣлъ бы, чтобы вы улыбнулись. У васъ такая неожиданная улыбка. Пожалуйста, не браните меня, дорогая; давайте ѣсть вмѣстѣ наши бисквиты, какъ благонравныя дѣти, не ссорясь изъ-за нихъ; вѣдь завтра придетъ смерть.

Онъ взялъ сладкій бисквитъ съ тарелки и тщательно переломилъ его пополамъ, аккуратно дѣля и сахарныя украшенія на немъ.

— Пусть это будетъ нашимъ причастіемъ, какъ въ церкви. Возьмите и скушайте—это тѣло мое. А затѣмъ мы в...выпьемъ в...вина изъ одного стакана. Такъ полагается. Дѣлайте это въ память...

Она поставила стаканъ на столъ.

— Перестаньте,—сказала она, почти рыдая. Онъ взглянулъ на нее и опять взялъ ея руки въ свои.

— Забудемте теперь всѣ заботы на время. Когда одинъ изъ насъ умретъ, другой вспомнитъ этотъ часъ. Забудемъ шумный, назойливый свѣтъ, который реветъ вокругъ, уйдемъ вмѣстѣ, рука въ руку, въ тайные покои смерти и будемъ лежать среди красныхъ цвѣтовъ мака. Тише! Помолчимъ немного.

Онъ положилъ голову на ея колѣна и закрылъ лицо руками. Она тихо нагнулась надъ нимъ, положивъ руку на его черную голову. Такъ время проходило, и ни одинъ изъ нихъ не двигался и не говорилъ.

— Милый, теперь уже около двѣнадцати,—сказала она, наконецъ.

Онъ поднялъ голову.

— У насъ осталось всего нѣсколько минутъ. Мартини вернется сейчасъ и, быть можетъ, мы больше не увидимъ другъ друга. Вы ничего не хотите сказать мнѣ?

Онъ медленно поднялся и пошелъ въ другой уголъ комнаты. Наступило минутное молчаніе.

— Я долженъ вамъ сказать одну вещь,—сказалъ онъ, едваслышно.—Одну вещь—сказать вамъ...

Онъ остановился и сѣлъ у окна, закрывая лицо обѣими руками.

— Какъ долго вы медлили и не хотѣли сжалиться.—сказала она тихо.

— Я не видѣлъ жалости къ себѣ въ жизни и думалъ—сначала—что вамъ безразлично...

— Теперь вы этого не думаете?

Она подождала минуту, ожидая, что онъ заговоритъ, потомъ перешла черезъ комнату и стала рядомъ съ нимъ.

— Скажите мнѣ, наконецъ правду,—прошептала она.—Подумайте, если васъ убьютъ, а меня нѣтъ,—мнѣ придется прожить всю жизнь,—и никогда не знать навѣрное...

Онъ крѣпко сжалъ ея руки въ своихъ.

— Если меня убьютъ... Видите ли, когда я отправился въ Южную Америку... А... Мартини!..

Онъ остановился, весь вздрогнувъ, и широко открылъ дверь въ переднюю. Мартини вытиралъ сапоги у входа.

— Минута въ м...минуту, какъ всегда. Вы жив...вой хронометръ, Мартини. Это вашъ дор...рожный плащъ?

— Да и еще кое-какія вещи. Я старался, чтобы онѣ не промокли, но дождь идетъ проливной. Вамъ предстоитъ не особенно пріятная поѣздка.

— Все равно. На улицѣ все обстоитъ благополучно?

— Да, всѣ шпіоны, кажется, пошли спать. Да оно и понятно въ такую ненастную ночь. Это кофе, Гемма? Его нужно напоить чѣмъ-нибудь теплымъ прежде чѣмъ онъ отправится въ такую сырость—иначе онъ простудится.

— Это черный кофе и очень крѣпкій. Я вскипячу немного молока.

Она отправилась въ кухню, крѣпко сжимая губы и стараясь побороть свое волненіе. Когда она вернулась съ молокомъ, Оводъ надѣлъ плащъ и застегивалъ кожанные гетры, принесенные Мартини. Онъ выпилъ стаканъ кофе стоя, и взялъ широкополую дорожную шляпу.

— Я полагаю, что пора отправляться, Мартини. Нужно еще сдѣлать обходъ прежде, чѣмъ ѣхать за городъ. А теперь прощайте, синьора, я встрѣчусь съ вами въ Форли въ пятницу, если не случится чего-нибудь особеннаго. Подождите минуту, в...вотъ адресъ.

Онъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и написалъ нѣсколько словъ карандашемъ.

— У меня уже есть адресъ,—сказала она беззвучно и спокойно.

— Есть? Но я все-таки написалъ на всякій случай. Пойдемъ, Мартини. Тише. Не скрипите дверью.

Они осторожно спустились съ лѣстницы. Когда дверь на улицу захлопнулась за ними, Гемма вернулась въ комнату, и механически развернула бумажку, которую онъ вложилъ въ ея руку. Подъ адресомъ было написано: «я вамъ все скажу при свиданіи».

II.

Въ Бризигеллѣ былъ рыночный день и деревенское населеніе собралось туда изъ деревушекъ и селъ всего округа, привозя свиней, домашнихъ птицъ, молочные продукты и полудикій горный скотъ. Рыночная площадь была переполнена суетливой толпой, которая смѣялась, шутила, покупала сушеныя фиги, дешевые пряники и сѣмечки. Смуглые босые ребятишки ползали лицомъ внизъ по землѣ подъ горячимъ солнцемъ, а матери ихъ сидѣли подъ деревьями съ корзинами масла и яицъ.

Монсиньоръ Монтанелли вышелъ поздороваться съ народомъ. Его сразу окружила шумная толпа дѣтей, протягивая ему огромные пучки ирисовъ, красныхъ маковъ и нѣжныхъ бѣлыхъ нарцисовъ, сорванныхъ на холмахъ. Его любовь къ дикимъ цвѣтамъ была извѣстна, какъ одна изъ слабостей, которыя къ лицу очень мудрымъ людямъ. Если бы другой на его мѣстѣ наполнялъ свой домъ травами и растеніями, надъ нимъ бы навѣрное смѣялись, но «святой кардиналъ» могъ позволить себѣ нѣсколько невинныхъ странностей.

— А ты, Маріуччіа,—сказалъ онъ, гладя одну изъ дѣвочекъ по головѣ,—выросла съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ. Что съ ревматизмомъ твоей бабушки?

— Ей теперь лучше, ваше преосвященство, но мать очень плоха.

— Какъ это грустно. Скажи матери, чтобы она зашла какъ-нибудь сюда. Можетъ быть, докторъ Джіордани сможетъ помочь ей. Я устрою ее здѣсь гдѣ-нибудь. Можетъ быть, перемѣна мѣста принесетъ ей пользу. А у тебя лучше видъ, Луиджи. Что глаза?

Онъ пошелъ дальше, болтая съ горными жителями. Онъ всегда помнилъ имена и годы дѣтей, заботы и тревоги ихъ родителей, и разспрашивалъ съ интересомъ о томъ, выздоровѣла ли корова, заболѣвшая на Рождество, и о томъ, что сдѣлалось съ куклой, попавшей подъ колеса на рынкѣ въ прошедшій разъ.

Когда онъ вернулся во дворецъ, на-

чался торгъ. Хромой человѣкъ въ синей блузѣ съ черными волосами, падающими ему на глаза, и глубокимъ шрамомъ на лѣвой щекѣ, лѣниво приблизился къ одному изъ навѣсовъ и на скверномъ итальянскомъ языкѣ попросилъ лимонаду.

— Вы не здѣшній?—сказала женщина, наливая ему лимонадъ и глядя ему въ лицо.

— Нѣтъ, я изъ Корсики.

— Ищете работы?

— Да. Скоро сѣнокосъ, и одинъ человѣкъ, у котораго ферма близъ Равенны, былъ недавно въ Бастіи и сказалъ мнѣ, что здѣсь можно достать работы сколько угодно.

— Давай вамъ Богъ счастья. Но времена здѣсь плохія.

— А въ Корсикѣ еще хуже того, матушка. Не знаю, что и дѣлать нашему брату.

— Какъ же вы одинъ сюда добрались?

— Со мной здѣсь товарищъ. Вотъ онъ, въ красной рубахѣ. Эй, Паоло!

Микелле явился на зовъ лѣнивой походкой, засунувъ руки въ карманы. Изъ него вышелъ недурной корсиканецъ, несмотря на рыжій парикъ, который онъ надѣлъ для того, чтобы его не узнали. Что же касается Овода, то онъ великолѣпно подходилъ къ своей роли.

Они стали вмѣстѣ бродить по площади. Микелле насвистывалъ, а Оводъ плелся за нимъ съ узелкомъ за плечами и тащилъ ноги по землѣ, чтобы меньше выдавать свою хромоту. Они ждали одного человѣка, который долженъ былъ привезти имъ важныя вѣсти.

— Вотъ Марконе верхомъ въ томъ углу,—вдругъ прошепталъ Микелле. Оводъ, продолжая тащить узелъ, направился къ всаднику.

— Не нужно ли вамъ работника для сѣнокоса, сударь?—сказалъ онъ, касаясь своей изорванной шапки и проводя пальцемъ по уздечкѣ лошади.

Это былъ условленный знакъ, и всадникъ, который по виду похожъ былъ на деревенскаго управляющаго, сошелъ съ лошади и бросилъ поводья ей на шею.

— Что вы умѣете дѣлать?

Оводъ продолжалъ мять шапку.

— Я могу сѣно косить, сударь, и заборы подстригать,—началъ онъ, и продолжалъ тѣмъ же голосомъ:—въ часъ ночи у входа въ круглый погребъ. Возьмите съ собой двѣ хорошихъ лошади и повозку. Я буду ждать въ погребѣ. А, кромѣ того, я могу еще и землю копать, сударь, и...

— Хорошо. Мнѣ нуженъ только работникъ для сѣнокоса. Вы уже работали въ этихъ мѣстахъ?

— Одинъ только разъ, сударь.—Помните, что нужно придти хорошо вооруженнымъ. Мы можемъ встрѣтить летучій отрядъ. Не идите лѣсной тропинкой. Другая сторона безопаснѣе. Если встрѣтится шпіонъ, не разговаривать съ нимъ. Сразу стрѣлять. Я буду радъ работать на васъ, сударь.

— Да, но мнѣ нуженъ опытный работникъ.—Нѣтъ, у меня нѣтъ мелочи.

Къ нимъ подошелъ нищій въ лохмотьяхъ и сталъ говорить жалобнымъ, однообразнымъ голосомъ:

— Сжальтесь надъ бѣднымъ слѣпымъ во имя Пресвятой Дѣвы... Скорѣе уходите. Сюда приближается летучій отрядъ... Пресвятая Царица Небесная. Дѣва Пречистая. Они васъ ищутъ, Риваресъ, и будутъ здѣсь черезъ двѣ минуты... И да защитятъ васъ святые угодники... А теперь поспѣшите. Во всѣхъ углахъ шпіоны. Прокрасться незамѣченнымъ невозможно.

Марконе положилъ поводья въ руку Овода.

— Скорѣе! Поѣзжайте къ мосту и бросьте лошадь. Тамъ можно спрятаться во рву. Мы всѣ хорошо вооружены и можемъ задержать ихъ здѣсь минутъ десять.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы васъ забрали. Станьте всѣ рядомъ со мной и стрѣляйте по очереди послѣ меня. Подойдемъ теперь ближе къ лошадямъ; онѣ привязаны къ дворцовой лѣстницѣ. Приготовьте ножи. Мы будемъ отступать, сражаясь. И когда я брошу шапку на землю, отвяжите уздцы и вскочите каждый на ближайшую лошадь. Такимъ образомъ мы всѣ доберемся до лѣса.

Они говорили такъ спокойно и тихо, что даже стоявшіе вблизи не могли пред-

положить, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь болѣе серьезномъ, чѣмъ сѣнокосъ. Марконе, ведя свою собственную кобылицу за уздцы, подходилъ къ привязаннымъ лошадямъ; Оводъ шелъ, прихрамывая, рядомъ съ нимъ, а нищій слѣдовалъ за ними съ протянутой рукой и продолжая жалобно причитывать. Микелле подошелъ къ нимъ, насвистывая. Нищій предупредилъ его о положеніи дѣла, когда проходилъ мимо. и онъ спокойно передалъ извѣстіе тремъ товарищамъ, которые ѣли сырой лукъ, сидя подъ деревомъ. Они тотчасъ же встали и пошли за нимъ. И прежде чѣмъ кто-либо обратилъ на нихъ вниманіе, всѣ семь человѣкъ стояли вмѣстѣ у дворцовой лѣстницы, каждый держа въ одной рукѣ спрятанный пистолетъ; привязанныя же лошади были совершенно близко отъ нихъ.

— Не выдавайте себя, пока я не тронусь съ мѣста,—говорилъ Оводъ ясно и спокойно.—Они, можетъ быть, не узнаютъ насъ. Когда я выстрѣлю, начните по очереди. Не стрѣляйте въ людей, а только постарайтесь ранить лошадей, чтобы нельзя было погнаться за нами. Пусть трое стрѣляютъ, а трое снова заряжаютъ. Если кто-нибудь окажется между нами и нашими лошадьми, убивайте. Итакъ. когда я брошу шапку на землю, каждый дѣйствуетъ за себя. Только ни въ какомъ случаѣ не останавливаться.

— Вотъ они,—сказалъ Микелле.—Оводъ оглянулся съ видомъ наивнаго и глупаго изумленія, между тѣмъ какъ вся толпа сразу побросала свои дѣла.

Пятнадцать вооруженныхъ людей медленно приближались верхомъ къ рыночной площади. Имъ очень трудно было пробраться сквозь густую толпу, и если бы не шпіоны по угламъ площади, всѣ семь заговорщиковъ могли бы спокойно скрыться, пока вниманіе толпы было занято солдатами. Микелле приблизился къ Оводу.

— Не убѣжать ли намъ теперь?

— Нѣтъ. Насъ окружаютъ шпіоны, и одинъ изъ нихъ узналъ меня. Онъ только что послалъ человѣка сказать капитану, кто я. Наше единственное спасеніе въ томъ, чтобы стрѣлять въ ихъ лошадей.

— Который изъ нихъ шпіонъ.

— Первый, въ котораго я выстрѣлю. Вы всѣ готовы? Они намъ очистили путь. Теперь они собираются сразу кинуться на насъ.

— Прочь съ дороги,—крикнулъ капитанъ.—Во имя его святѣйшества!

Толпа поддалась, изумленная и встревоженная, и солдаты быстро направились къ маленькой группѣ, стоявшей у дворца. Оводъ вытащилъ пистолетъ изъ блузы и выстрѣлилъ не въ приближающихся солдатъ, а въ шпіона, который подходилъ къ лошадямъ и теперь упалъ съ пробитымъ затылкомъ. Тотчасъ же послѣ второго выстрѣла раздалось еще шесть, в заговорщики быстро подошли къ привязаннымъ лошадямъ.

Одна изъ кавалерійскихъ лошадей пошатнулась и упала, а за ней упала другая съ пронзительнымъ крикомъ. Затѣмъ среди визговъ и криковъ испуганной толпы, раздался громкій властный голосъ командующаго офицера, который поднялся въ стременахъ и держалъ саблю надъ головой.

— За мной, ребята!

Вдругъ онъ пошатнулся въ сѣдлѣ и откинулся назадъ. Оводъ выстрѣлилъ въ него съ намѣреніемъ убить на повалъ. Маленькая струйка крови текла по его мундиру, но онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы удержаться, и, схватившись за гриву лошади, крикнулъ:

— Убейте этого хромаго черта, если нельзя его взять живымъ. Это Риваресъ!

— Скорѣе еще одинъ пистолетъ мнѣ,—сказалъ Оводъ своимъ людямъ, и затѣмъ отправляйтесь.

Онъ бросилъ свою шапку. Это былъ крайній срокъ, потому что сабли взбѣшевныхъ солдатъ заблестѣли совсѣмъ близко отъ нихъ.

— Долой оружіе!—Кардиналъ Монтанелли показался вдругъ среди сражающихся, и одинъ изъ солдатъ крикнулъ смертельно испуганнымъ голосомъ.

— Ваше преосвященство! Господи, да вѣдь васъ убьютъ.

Монтанелли подошелъ шагомъ ближе и сталъ противъ пистолета Овода.

Пять заговорщиковъ были уже верхомъ и мчались по холмистой дорогѣ. Марконе вскочилъ на спину своей кобылы. Въ моментъ отъѣзда онъ огля-

нулся, чтобы посмотрѣть, нужна ли его помощь Оводу. Лошадь была у него подъ рукой и чрезъ минуту онъ былъ бы спасенъ. Но когда выступила впередъ фигура въ пурпурной рясѣ, Оводъ вдругъ пошатнулся, и рука съ пистолетомъ опустилась. Эта минута все рѣшила. Его сразу окружили и бросили на землю. Оружіе было выбито изъ его руки ударомъ солдатской сабли. Марконе ударилъ хлыстомъ бока лошади. Копыта кавалерійскихъ лошадей слышались непосредственно за нимъ, и было бы болѣе чѣмъ безполезно ждать, чтобы его тоже забрали. Обернувшись на сѣдлѣ, чтобы выстрѣлить въ послѣдній разъ въ своего ближайшаго преслѣдователя, онъ увидѣлъ Овода съ окровавленнымъ лицомъ подъ ногами лошадей, солдатовъ и шпіоновъ. Онъ услышалъ дикую брань побѣдителей, крики торжества и бѣшенства.

Монтанелли не замѣтилъ, что случилось. Онъ отошелъ отъ лѣстницы и старался успокоить возбужденную толпу. Когда онъ наклонился надъ раненымъ шпіономъ, крикъ толпы заставилъ его поднять глаза. Солдаты переходили черезъ площадь, таща за собой своего плѣнника за веревку, которою были завязаны его руки. Лицо его было почти безжизненнымъ отъ страданій и истощенія, и онъ съ трудомъ пытался вздохнуть. Но онъ взглянулъ на кардинала, улыбаясь блѣдными губами и прошепталъ:

— П...поздравляю, ваше п...преосвященство.

. . . .

Спустя пять дней, Мартини добрался до Форли. Онъ получилъ отъ Геммы по почтѣ пачку печатныхъ циркуляровъ. Это былъ условленный сигналъ на случай какой-нибудь крайности, и вспомнивъ разговоръ на террасѣ, онъ сразу догадался о томъ, что произошло. По дорогѣ онъ старался увѣрить себя, что ничего особеннаго не могло случиться съ Оводомъ и что глупо было придавать значеніе дѣтскому суевѣрію такого нервнаго и капризнаго человѣка. Но чѣмъ болѣе онъ самъ боролся противъ этой мысли, тѣмъ крѣпче она овладѣвала имъ.

— Я догадался въ чемъ дѣло: вѣроятно, забрали Ривареса,—сказалъ онъ, входя въ комнату Геммы.

— Онъ былъ арестованъ въ прошлый четвергъ въ Бризигеллѣ: онъ отчаянно защищался и ранилъ капитана и шпіона.

— Вооруженное сопротивленіе? Плохая штука.

— Это уже все равно. Онъ такъ сильно скомпрометированъ, что лишній выстрѣлъ не можетъ измѣнить его положенія.

— Что же съ нимъ сдѣлаютъ по вашему?

Она сдѣлалась еще болѣе блѣдной.

— Я думаю,—сказалъ она,—что намъ нечего выжидать ихъ рѣшенія на этотъ счетъ.

— Вы полагаете, что мы можемъ устроить побѣгъ?

— Мы *должны*.

Онъ отвернулся и началъ свистать, заложивъ руки на спину. Гемма не мѣшала ему думать. Она продолжала сидѣть неподвижно, откинувъ голову на спинку стула, и глядѣла въ пространство неподвижнымъ, трагическимъ взглядомъ. Когда на лицѣ ея появлялось это выраженіе, она становилась похожей на Меланхолію Дюрера.

— Вы его видѣли?—спросилъ Мартини, останавливаясь на минуту.

— Нѣтъ, мы должны были встрѣтиться здѣсь на слѣдующее утро.

— Да, я помню. Гдѣ онъ теперь?

— Въ крѣпости. Подъ усиленной стражей, и, какъ говорятъ, закованный въ цѣпи.

Онъ сдѣлалъ пренебрежительный жестъ.

— О, это все равно. Хорошая пила справится со всякими цѣпями. Если только онъ не раненъ.

— Кажется, что онъ не сильно пострадалъ при арестѣ. Но въ точности мы не знаемъ. Я полагаю, что лучше всего разспросить Микелле. Онъ былъ при арестѣ.

— Какъ же его тоже не забрали? Неужели онъ убѣжалъ, оставивъ Ривареса въ опасности.

— Это не его вина, онъ сражался вмѣстѣ со всѣми и буквально исполнилъ все, что было условлено. Такъ они всѣ

дѣйствовали. Одинъ только изъ нихъ все забылъ или ошибся въ послѣднюю минуту. Это самъ Риваресъ. Тутъ есть что-то непонятное. Подождите минутку, я позову Микелле.

Она вышла изъ комнаты и вернулась съ Микелле и широкоплечимъ горцемъ.

— Это Марко, — сказала она.—Вы слыхали о немъ? Онъ одинъ изъ контрабандистовъ. Онъ только что пріѣхалъ сюда и, быть можетъ, съумѣетъ сообщить намъ что-нибудь новое. Микелле, вотъ Чезаре Мартини, о которомъ я вамъ говорила. Разскажите ему о томъ, что случилось на вашихъ глазахъ.

Микелле далъ краткій отчетъ о стычкѣ съ эскадрономъ.

— Я не могу понять, что случилось,— сказалъ онъ.—Ни одинъ изъ насъ не оставилъ бы его, если бы мы могли предположить, что его заберутъ. Но его приказанія были совершенно точны. И никому изъ насъ не пришло въ голову, когда онъ бросилъ шапку на землю, что онъ подпуститъ къ себѣ солдатъ. Онъ стоялъ совершенно близко отъ лошади, я видѣлъ, какъ онъ отвязалъ ее; я еще далъ ему заряженный пистолетъ прежде, чѣмъ сѣлъ самъ на лошадь. Единственное, что я могу предположить, это, что онъ оступился изъ за своей хромоты, когда садился на лошадь. Но даже и тогда онъ могъ выстрѣлить.

— Нѣтъ, дѣло было не въ этомъ,— сказалъ Марконе;—онъ не садился на лошадь. Я сѣлъ на лошадь послѣдній, потому что моя лошадь боится выстрѣловъ; я оглянулся, чтобы посмотрѣть, спасся ли онъ; и онъ отлично могъ бы выбраться, если бы не кардиналъ.

— А,—вскрикнула Гемма, и Мартини повторилъ за нею въ изумленіи: кардиналъ?

— Да, онъ сталъ прямо противъ пистолета. Чтобъ его... Я полагаю, что Риваресъ смутился; онъ опустилъ руку, державшую пистолотъ, а другой закрылъ глаза, вотъ такъ... И конечно, всѣ на него накинулись.

— Я этого не понимаю,—сказалъ Микелле.—Такъ странно, чтобы Риваресъ потерялся въ критическую минуту.

— Вѣроятно, онъ опустилъ пистолетъ, чтобы не убить безоружнаго,—сказалъ Мартини.

Микелле пожалъ плечами.

— Безоружнымъ нечего совать носъ туда, гдѣ люди дерутся. Война остается войной. Если бы Риваресъ пустилъ пулю въ его преосвященство вмѣсто того, чтобы дать словить себя, какъ ручного кролика, было бы на свѣтѣ однимъ честнымъ человѣкомъ больше и однимъ священникомъ меньше.

Онъ отвернулся, кусая усы. Онъ былъ взбѣшенъ до слезъ.

— Какъ бы то ни было,—сказалъ Мартини,—но такъ оно случилось, и нечего тратить время на обсужденіе прошлаго. Весь вопросъ въ томъ, какъ устроить побѣгъ. Я полагаю, что всѣ вы согласны попытаться.

Микелле даже не отвѣтилъ на такой лишній вопросъ, и контрабандистъ только замѣтилъ съ усмѣшкой:

— Я бы застрѣлилъ своего собственнаго брата, если бы онъ не согласился.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ... Вопервыхъ, есть у васъ планъ крѣпости?

Гемма открыла ящикъ и вынула нѣсколько листовъ бумаги.

— Я изучила всѣ планы. Вотъ нижній этажъ крѣпости, а вотъ верхній и нижній этажи башенъ. А вотъ и планъ укрѣпленій. Вотъ дороги, ведущія въ долину, а затѣмъ потаенныя мѣста и дорожки въ горахъ, а также подземные ходы.

— Вы знаете, въ которой изъ башенъ онъ заключенъ?

— Въ западной. Въ круглой комнатѣ съ рѣшетчатымъ окномъ. Я отмѣтила это на планѣ.

— Какъ вы узнали это?

— Отъ одного человѣка, по прозванію Сверчокъ—солдата, служащаго въ стражѣ. Онъ родственникъ одного изъ нашихъ людей—Джино.

Какъ вы это однако быстро развѣдали.

— Времени терять некогда. Джино отправился сейчасъ же въ Бризигеллу, а нѣкоторые планы у насъ уже были. Списокъ тайныхъ убѣжищъ сдѣланъ самимъ Риваресомъ. Это видно по почерку.

— Какого рода люди солдаты крѣпостной стражи?

ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ

У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ.

ШАРЛЯ ЛЕТУРНО.

Торговля! Можно-ли въ достаточной мѣрѣ превовнести или заклеймить ее? Она — величайшее зло, преисполненное всяческихъ благъ.
Ch. Letourneau.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
Т. БОГДАНОВИЧЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Скороходова (Надеждинская. 43).
1898.

Глава I.

Происхожденіе торговли.

1. Торговля у животныхъ.—Отсутствіе торговли, напоминающей торговлю у людей.—Отсутствіе продуктовъ производства, подлежащихъ обмѣну.—Обмѣнъ услугами, но не вещами.—Случай обмѣна между человѣкомъ и животнымъ.—II. Огнеземельцы.—Подарки, но не обмѣнъ.—Свидѣтельство Байрона и Дарвина.—III. Австралійцы.—Отсутствіе представленія о торговлѣ у австралійцевъ.—Презрѣніе къ продуктамъ производства.—Отсутствіе обмѣна; воровство.—Подобіе обмѣна между кланами.—Начало торговли съ европейцами.—IV. Веддахи на Цейлонѣ.—Способъ торговли у нихъ.—V. Эскимосы.—Ихъ происхожденіе. — Ловкіе торговцы.—Какъ происходитъ торговля.—Древнѣйшія формы торговли.—Нечестность при торговлѣ съ европейцами.—Племенная нравственность.—Почти полное отсутствіе личной собственности.—Уничтоженіе личной собственности при смерти.—Все принадлежитъ всѣмъ.—Торговля женщинами.—Нечестность по отношенію къ иностранцу. — Страсть къ торговлѣ.—Торговля съ европейцами.—Обмѣнъ между эскимосами. — VI. Эпоха, предшествующая торговлѣ.—Торговля не свойственна первобытнымъ людямъ.—Форма торговли.—Безполезность торговли въ эпоху племенного быта.

I. Торговля у животныхъ.

Разсмотрѣвъ соціальную и этнографическую исторію войны, производившей столько разъ смѣшеніе расъ и народовъ, я изслѣдую теперь тѣмъ же методомъ исторію торговли, т. е. мирнаго обмѣна между различными группами людей. У современныхъ народовъ подъ словомъ «торговля» подразумѣвается главнымъ образомъ обмѣнъ продуктами производства; но иначе обстоитъ дѣло въ первобытныя времена, когда все производство сводится къ изготовленію для собственнаго употребленія необходимаго оружія и орудій. Въ ту эпоху обмѣну подлежатъ не только вещи, но и люди, напримѣръ, рабы, захваченные въ плѣнъ во время войны.

Благодѣтельныя стороны торговли много, быть можетъ, даже слишкомъ много превозносились. «Мы не можемъ достаточно оцѣнить,—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль,—ту пользу, какая проистекаетъ въ первобытныя времена отъ того, что люди входятъ въ сношеніе съ другими людьми, обладающими другими привычками, другимъ складомъ жизни». Нисколько не отрицая вообще пользы мирныхъ сношеній между различными группами людей, мы должны однако обращать вниманіе на мотивы этихъ сношеній. Рабство ведетъ свое происхожденіе отъ войнъ;

конечно, съ одной стороны возможность извлекать коммерческую выгоду изъ плѣнныхъ сильно ограничивала убійство побѣжденныхъ, но съ другой она же побуждала воевать съ исключительною цѣлью добыть живой товаръ. Такимъ образомъ торговля плѣнными уменьшала сопровождающія войны злодѣянія и увеличивала количество войнъ, производящихъ злодѣянія. Почти всегда, и я надѣюсь не разъ въ этой книгѣ доказать это, торговля имѣла и полезныя, и вредныя стороны. И хвалить, и порицать ее слѣдуетъ съ большими оговорками.

Но, прежде чѣмъ приступить къ соціологической исторіи торговли, мы должны задаться вопросомъ, составляетъ ли торговля исключительную принадлежность человѣческаго рода. До сихъ поръ, изслѣдуя различные виды соціальной дѣятельности, я всегда отыскивалъ среди животныхъ явленія, въ большей или меньшей степени аналогичныя съ крупными соціологическими явленіями въ людской средѣ; или, по меньшей мѣрѣ, я могъ установить, что первобытныя общества людей поступали совершенно такъ же, какъ животныя. Въ отношеніи къ торговлѣ сходство между животнымъ и человѣкомъ менѣе поразительно. Конечно, продукты производства животныхъ сильно отличаются отъ продуктовъ производства людей: жилища бобровъ, пчелиные ульи, фаланстеры термитовъ, гнѣзда птицъ и т. п. не имѣютъ ничего общаго съ товаромъ; но нѣсколько иной характеръ имѣютъ пищевые запасы; такъ, напримѣръ, зерна, собираемыя муравьями-земледѣльцами въ Техасѣ, или тля, служащая молочнымъ скотомъ для муравьевъ, которыхъ можно назвать пастушескими, или, наконецъ, рабы муравьевъ-рабовладѣльцевъ могли бы съ удобствомъ играть роль предметовъ обмѣна. Но въ дѣйствительности мы не наблюдаемъ ничего подобнаго; муравьиныя общества добываютъ себѣ личинки и даже жилища сосѣднихъ общинъ исключительно съ помощью нападеній и грабежа. Въ мірѣ животныхъ до сихъ поръ еще не было замѣчено ни одного случая мирнаго обмѣна. Если еще есть сторонники теоріи исключительности человѣческаго рода, то имъ лучше всего, оставивъ въ сторонѣ мнимыя нравственныя и религіозныя особенности людей, опереться именно на эту исключительную способность къ торговлѣ.

Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, и изъ людей не всѣ одарены этой способностью, а съ другой стороны, если у животныхъ не существуетъ обмѣна вещами, зато часто наблюдается обмѣнъ услугъ, а въ этомъ и заключается самая характерная черта торговли. Мнѣ столько разъ приходилось описывать организацію муравейниковъ и ульевъ, что я не буду останавливаться на этомъ подробно. Напомню только муравьевъ-амазонокъ, которыхъ кормятъ ихъ рабы и которые, съ своей стороны, защищаютъ этихъ рабовъ. Можно прямо сказать, что взаимность услугъ составляетъ самую прочную основу муравьиныхъ и пчелиныхъ обществъ; отсюда развился и у тѣхъ, и у другихъ настолько сильный альтруистическій инстинктъ, что онъ одерживаетъ верхъ иногда

надъ самыми настоятельными потребностями—даже надъ голодомъ. Парель видѣлъ, какъ муравьи, голодавшіе въ теченіе четырехъ дней, уступали своимъ товарищамъ предложенный имъ медъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, дѣлились крошечными капельками съ тѣми, кто еще ничего не получилъ.

У нѣкоторыхъ животныхъ этотъ обмѣнъ услугъ имѣетъ еще больше сходства съ торговлей; такъ стада газелей и зебръ принимаютъ къ себѣ иногда страуса въ качествѣ бдительнаго сторожа. Между человѣкомъ и собакой существуетъ постоянный обмѣнъ услугъ, основанныхъ на разсчетѣ съ одной стороны и на дружбѣ—съ другой. Можетъ быть, естествоиспытатели, заинтересованные нравственностью животныхъ, откроютъ случаи настоящаго обмѣна, когда они обратятъ вниманіе на эту сторону жизни животныхъ. Вотъ, между прочимъ, интересный фактъ, который любилъ разсказывать норманскій зоологъ Нурри, консерваторъ зоологическаго музея въ Эльберѣ. Нурри—человѣкъ чрезвычайно оригинальный,—питалъ въ теченіе всей своей жизни положительную страсть къ зоологіи. Много лѣтъ подрядъ онъ бродилъ по Европѣ, охотясь за животными и наблюдая ихъ нравы. Онъ главнымъ образомъ интересовался птицами и старался, если возможно, достать самца, самку, дѣтенышей и гнѣздо каждой породы. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, ни расходовъ для удовлетворенія своей орнитологической страсти и собралъ зато множество чрезвычайно интересныхъ фактовъ, ускользающихъ отъ кабинетныхъ натуралистовъ. Вотъ тотъ случай, о которомъ я началъ говорить.

На этотъ разъ дѣло идетъ о настоящемъ торговомъ обмѣнѣ между человѣкомъ и птицей. Нурри охотился въ Альпахъ за громаднымъ филиномъ, онъ надѣялся поймать или убить его, но никакъ не могъ найти его гнѣзда. Одинъ горный житель, къ которому онъ обратился съ этимъ вопросомъ, сказалъ ему, что онъ хорошо знаетъ, гдѣ гнѣздо, и охотно покажетъ ему съ условіемъ, что охотникъ не причинитъ никакого вреда птицѣ. «Онъ кормитъ насъ въ теченіе большей части года», прибавилъ охотникъ. И онъ объяснилъ, что лѣтомъ охота давала филину столько добычи, что можно было смѣло брать у него десятую часть; онъ это и дѣлалъ и аккуратно приходилъ за добычей въ гнѣздо. Птица привыкла дѣлиться своимъ избыткомъ и не старалась защищать свое имущество. Зато съ наступленіемъ зимы, когда филинъ съ трудомъ находилъ себѣ пропитаніе, человѣкъ, въ свою очередь, приносилъ ему куски мяса; и этотъ выгодный для обѣихъ сторонъ обмѣнъ мирно продолжался нѣсколько лѣтъ сряду.

Этотъ случай показываетъ, что животныя не совсѣмъ чужды торговлѣ, нужно только, чтобы человѣкъ заронилъ въ нихъ соотвѣтствующую идею.

Въ заключеніе, если не слишкомъ расширять понятіе о торговлѣ, какъ ее понимаютъ люди, слѣдуетъ сказать, что это понятіе не рож-

дается самопроизвольно въ умѣ животнаго. Но мы не должны выводить отсюда, что въ этомъ заключается характерное отличіе между людьми и животными; есть люди, настолько же чуждые идеѣ торговли, какъ и животныя. Мы убѣдимся въ этомъ, бросивъ бѣглый взглядъ на самые низшіе разновидности человѣческой породы.

II. Жители Огненной Земли.

Изслѣдованіе наше должно начаться съ самыхъ низшихъ племенъ человѣческихъ, т. е. съ обитателей Огненной Земли. Капитанъ Байронъ, проплывшій Магеллановъ проливъ въ 1765 г., разсказываетъ, что они отвѣчали на подарки тоже подарками, но ничего больше онъ не говоритъ. Прежде всего, разсказываетъ путешественникъ, семь туземцевъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами съ каменными зеленоватыми наконечниками, подъѣхали къ кораблю на своихъ жалкихъ лодочкахъ изъ коры; имъ дали разныхъ бусъ и другихъ бездѣлушекъ, а они взамѣнъ предложили свои луки и стрѣлы. На другой день нѣсколько офицеровъ сошли на берегъ отдать имъ визитъ. Огнеземельцы осыпали ихъ изъявленіями дружбы, срывали для нихъ плоды и т. п. Но этотъ обмѣнъ подарковъ совсѣмъ не имѣлъ торговаго характера. На слѣдующій годъ капитанъ Валлисъ, путешествуя по тѣмъ же странамъ, немного сѣвернѣе, осыпалъ туземцевъ подарками (ножи, ножницы, бусы, гребенки, ленты), но никакъ не могъ заставить ихъ понять, что ему нужны казуары и игуаны, убитые огнеземельцами и лежавшіе тутъ же.

По мнѣнію Дарвина, въ началѣ нынѣшняго вѣка огнеземельцы стали пріобрѣтать нѣкоторое понятіе о торговлѣ, но факты, на которыхъ великій натуралистъ основываетъ это утвержденіе, повидимому, мало доказательны. «Я далъ,—разсказываетъ онъ,—одному изъ нихъ большой гвоздь—очень цѣнный подарокъ въ этой мѣстности, ничего не прося у него взамѣнъ; но онъ сейчасъ-же выбралъ двухъ рыбъ и подалъ мнѣ на концѣ копья». Въ дѣйствительности это могло быть простымъ обмѣномъ любезностей. Ни одинъ изъ огнеземельцевъ не помышляетъ о томъ, чтобы стать богаче другихъ: «Если одному изъ нихъ,—говоритъ Дарвинъ, — дать кусокъ матеріи, онъ разорветъ ее на части и дастъ каждому его долю».

III. Австралійцы.

Въ прошломъ вѣкѣ австралійцы не имѣли, повидимому, ни малѣйшаго представленія о торговлѣ. Капитанъ Кукъ, изслѣдователь, достойный всякаго довѣрія, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. Онъ разсказываетъ, что когда онъ бросалъ австралійцамъ, подплывавшимъ на своихъ пирогахъ изъ коры, разныя мелочи—гвозди,

бусы, бумажки, куски матеріи,—они не выражали ни малѣйшаго удовольствія. «Наконецъ,—продолжалъ онъ,—одинъ изъ матросовъ далъ имъ маленькую рыбку; при этомъ подаркѣ они выказали живѣйшую радость и объяснили намъ знаками, что вернутся на берегъ за своими товарищами». На берегу, заключилъ капитанъ Кукъ, у двухъ изъ туземцевъ были ожерелья изъ раковинъ, и что мы имъ ни предлагали въ обмѣнъ, они не соглашались уступить ихъ.

На кораблѣ ихъ заинтересовали исключительно пойманныя матросами черепахи. Они во что бы то ни стало хотѣли взять одну изъ черепахъ. «Они знаками просили ихъ у насъ и, получивъ отказъ, выражали взглядами и жестами гнѣвъ и досаду. Я предложилъ одному изъ нихъ сухарь, онъ вырвалъ его у меня изъ рукъ и бросилъ въ море съ явнымъ пренебреженіемъ. Другой обратился съ тою же просьбою къ м-ру Бакку (товарищу Кука) и, получивъ вторичный отказъ, сталъ топать ногами и съ негодованіемъ оттолкнулъ его». Наконецъ, они попытались силою овладѣть черепахами и потащили ихъ къ лодкамъ. Имъ нѣсколько разъ помѣшали въ этомъ, они съ яростью соскочили въ свои лодки и, добравшись до берега, сейчасъ же начали враждебныя дѣйствія, стали подкладывать головни подъ палатки, разбитыя тамъ англичанами.

Очевидно, что австралійцы, которыхъ наблюдалъ Кукъ, не имѣли ни малѣйшаго представленія о торговомъ обмѣнѣ. Между тѣмъ, есть основаніе думать, что между отдѣльными кланами у нихъ бывали изрѣдка случаи обмѣна. У племени Нарриньери сохранился старый обычай, по которому только одинъ человѣкъ изъ всего племени, предназначенный къ этому отъ самаго рожденія, могъ за всѣхъ своихъ одноплеменниковъ совершать мѣны съ представителемъ сосѣдняго племени.

Иначе шли дѣла по сосѣдству съ европейскими городами. Кунингамъ разсказываетъ, что племена, жившія вблизи Сиднея, ловили рыбу сѣтями и удочками, которыми ихъ снабжали колонисты. Почти всю пойманную рыбу они приносили бѣлымъ и получали отъ нихъ въ обмѣнъ старое платье, хлѣбъ, табакъ и ромъ.

IV. Веддахи и жители Цейлона.

Рядомъ съ австралійцами, а быть можетъ, еще ниже ихъ, надо поставить древнѣйшихъ обитателей Цейлона, теперь уже почти вымершихъ, загнанныхъ въ лѣса и горы завоевателями-индусами. Они обыкновенно бродятъ небольшими группами по лѣсамъ, отыскивая себѣ ночью убѣжище въ пещерахъ или на вѣтвяхъ деревьевъ, гдѣ они устраиваютъ нѣчто въ родѣ гнѣздъ, какъ большія обезьяны. Пища ихъ состоитъ изъ плодовъ, кореньевъ, а иногда изъ животныхъ, подстрѣленныхъ ими на охотѣ; имъ извѣстно употребленіе лука. По всей вѣроятности, они не сами изобрѣли его, быть можетъ, это служитъ

указаніемъ, что они представляютъ собой остатокъ выродившейся расы. Стрѣлы ихъ снабжены металлическими наконечниками, и они вынуждены добывать ихъ у цейлонскихъ кузнецовъ, такъ какъ сами они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о металлахъ. Съ этими стрѣлами они могутъ нападать на самыхъ крупныхъ звѣрей даже на слоновъ, почему имъ крайне необходимо добывать драгоцѣнные наконечники съ помощью торговыхъ сдѣлокъ. Для этой цѣли они входятъ въ сношеніе съ какимъ-нибудь кузнецомъ господствующей расы и предлагаютъ ему все что имѣютъ: сушеную оленину, слоновые клыки, медъ, воскъ. Когда цѣна установлена, болѣе смѣлые отваживаются на прямой обмѣнъ. Менѣе рѣшительные дѣйствуютъ иначе. Они кладутъ въ условленное мѣсто свои приношенья и скрываются. Кузнецъ уноситъ ихъ и кладетъ на тоже мѣсто опредѣленное количество желѣзныхъ наконечниковъ. Обыкновенно кузнецъ поступаетъ вполнѣ добросовѣстно, такъ какъ иначе онъ подвергнулъ бы себя мести своихъ дикихъ заказчиковъ.

Обмѣнъ этотъ совершается обыкновенно ночью и иногда веддахи условными знаками обозначаютъ, сколько они хотятъ получить. Вотъ три первобытныхъ человѣческихъ расы, не имѣвшихъ представленія о торговлѣ и прекрасно обходившихся безъ нея, пока не появились иноземцы и видомъ новыхъ предметовъ не возбудили въ нихъ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ потребностей.

V. Эскимосы.

Продолжая нашъ бѣглый обзоръ низшихъ расъ, мы перенесемся теперь съ Цейлона на крайній сѣверъ Америки, въ безграничныя снѣжныя пустыни, гдѣ круглый годъ бродятъ небольшія группы эскимосовъ, охотясь за тюленями и бѣлыми медвѣдями. Откуда пришли эти номады? Вѣроятно, изъ сѣверной Азіи, такъ какъ Беринговъ проливъ никогда не служилъ серьезнымъ препятствіемъ для эскимосовъ, занимающихъ оба его берега. Эта раса вообще очень однородна, и нравы камчадаловъ мало чѣмъ отличаются отъ нравовъ жителей Гренландіи. Въ прежнія времена эскимосы занимали и болѣе южныя мѣстности, но понемногу, сначала краснокожіе, а потомъ европейцы оттѣснили ихъ въ полярныя страны, куда и теперь приходятъ къ нимъ европейскіе купцы за мѣхами. Теперь эскимосы, живущіе на Аляскѣ, по большей части христіане, ходятъ въ церковь, посылаютъ дѣтей своихъ въ школу и живутъ въ деревянныхъ домахъ.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ купцами, они очень скоро пристрастились къ торговлѣ. Парри, путешествовавшій въ тѣхъ странахъ, разсказываетъ, что и мужчины, и женщины подплывали къ нему въ лодкахъ и казались очень опытными въ торговлѣ, они торговались съ ожесточеніемъ, и у нихъ выработались уже своеобразные пріемы.

«Если, напримѣръ, мы предлагали имъ въ обмѣнъ за какую-нибудь вещь ножъ, они нѣсколько времени колебались, и только убѣдившись, что мы твердо рѣшили не давать ничего больше—соглашались. Въ такомъ случаѣ они *два раза лизали* предложенную имъ вещь, послѣ чего считали торгъ оконченнымъ».

Нѣсколько южнѣе торговыя сношенія ведутся еще оживленнѣе. Такъ, между двумя берегами Берингова пролива торговля не прекращается. Но всего больше эскимосы торгуютъ съ населеніемъ русскихъ владѣній, большей частью смѣшаннымъ съ индѣйцами и эскимосами же. Торговля происходитъ обыкновенно тѣмъ способомъ, о которомъ я уже не разъ упоминалъ. Обѣ стороны раскладываютъ поочередно свои товары на условленномъ мѣстѣ. Если предложенныя вещи не удовлетворяли одну изъ сторонъ, она уносила обратно свой товаръ; если же и тѣ, и другіе оставались довольны, они брали предложенныя вещи и расходились, не видѣвъ другъ друга, и торгъ считался оконченнымъ.

Надо отмѣтить, что во время этихъ торговыхъ сношеній эскимосы не отличаются особенной честностью, такъ какъ, согласно ихъ взглядамъ, обмануть иноземца не только не преступно, а напротивъ, очень похвально, только при условіи—не попадаться. Иное дѣло по отношенію къ своимъ одноплеменникамъ. Все племя обязано оказывать помощь каждому своему члену. Собственность у нихъ общая. Въ Гренландіи, напримѣръ, каждый человѣкъ можетъ владѣть на правахъ частной собственности только необходимой ему одеждой, пищей, оружіемъ, нѣсколькими инструментами и лодочкой. Если же у него очутилось случайно болѣе двухъ лодокъ, то онъ обязанъ уступить лишнія сосѣду. У камчадаловъ личная собственность распространяется также на оленей. Послѣ смерти эскимоса его оружіе, одежда, а иногда и тотъ олень, на которомъ онъ ѣздилъ, сжигаются. Кромѣ того, право эскимосовъ даже на тѣ предметы, которые признаются ихъ личной собственностью, довольно ограничено. «Если кому-нибудь оказывается нужна вещь, находящаяся у его сосѣда, разсказываетъ одинъ путешественникъ по Камчаткѣ, онъ приходитъ къ нему и безъ особыхъ формальностей говоритъ, что ему нужно. Владѣлецъ вещи, слѣдуя мѣстнымъ обычаямъ, даетъ ему, что онъ проситъ. Въ свою очередь, если ему встрѣтится надобность въ чемъ-нибудь, онъ поступитъ точно также». Такого рода обычаи, доводящіе право собственности до минимума, почти уничтожаютъ потребность въ торговлѣ. Эскимосамъ остается только торговать своими собаками, когда онѣ имъ не нужны, и своими женами, когда изъ нихъ можно извлечь какую-нибудь выгоду. Иногда они соглашаются продать своихъ собакъ, а своими женами они всегда торгуютъ охотно. И теперь всякаго путешественника по полярнымъ странамъ Америки осаждаютъ женщины, прося его продать имъ табаку. Табакъ, привезенный туда европейцами, служитъ обыкновенной платой за женщину.

дѣйствовали. Одинъ только изъ нихъ все забылъ или ошибся въ послѣднюю минуту. Это самъ Риваресъ. Тутъ есть что-то непонятное. Подождите минутку, я позову Микелле.

Она вышла изъ комнаты и вернулась съ Микелле и широкоплечимъ горцемъ.

— Это Марко, — сказала она.—Вы слыхали о немъ? Онъ одинъ изъ контрабандистовъ. Онъ только что пріѣхалъ сюда и, быть можетъ, съумѣетъ сообщить намъ что-нибудь новое. Микелле, вотъ Чезаре Мартини, о которомъ я вамъ говорила. Разскажите ему о томъ, что случилось на вашихъ глазахъ.

Микелле далъ краткій отчетъ о стычкѣ съ эскадрономъ.

— Я не могу понять, что случилось,— сказалъ онъ.—Ни одинъ изъ насъ не оставилъ бы его, если бы мы могли предположить, что его заберутъ. Но его приказанія были совершенно точны. И никому изъ насъ не пришло въ голову, когда онъ бросилъ шапку на землю, что онъ подпуститъ къ себѣ солдатъ. Онъ стоялъ совершенно близко отъ лошади, я видѣлъ, какъ онъ отвязалъ ее; я еще далъ ему заряженный пистолетъ прежде, чѣмъ сѣлъ самъ на лошадь. Единственное, что я могу предположить, это, что онъ оступился изъ за своей хромоты, когда садился на лошадь. Но даже и тогда онъ могъ выстрѣлить.

— Нѣтъ, дѣло было не въ этомъ,— сказалъ Марконе;—онъ не садился на лошадь. Я сѣлъ на лошадь послѣдній, потому что моя лошадь боится выстрѣловъ; я оглянулся, чтобы посмотрѣть, спасся ли онъ; и онъ отлично могъ бы выбраться, если бы не кардиналъ.

— А,—вскрикнула Гемма, и Мартини повторилъ за нею въ изумленіи: кардиналъ?

— Да, онъ сталъ прямо противъ пистолета. Чтобъ его... Я полагаю, что Риваресъ смутился; онъ опустилъ руку, державшую пистолотъ, а другой закрылъ глаза, вотъ такъ... И конечно, всѣ на него накинулись.

— Я этого не понимаю,—сказалъ Микелле.—Такъ странно, чтобы Риваресъ потерялся въ критическую минуту.

— Вѣроятно, онъ опустилъ пистолетъ, чтобы не убить безоружнаго,—сказалъ Мартини.

Микелле пожалъ плечами.

— Безоружнымъ нечего совать носъ туда, гдѣ люди дерутся. Война остается войной. Если бы Риваресъ пустилъ пулю въ его преосвященство вмѣсто того, чтобы дать словить себя, какъ ручного кролика, было бы на свѣтѣ однимъ честнымъ человѣкомъ больше и однимъ священникомъ меньше.

Онъ отвернулся, кусая усы. Онъ былъ взбѣшенъ до слезъ.

— Какъ бы то ни было,—сказалъ Мартини,—но такъ оно случилось, и нечего тратить время на обсужденіе прошлаго. Весь вопросъ въ томъ, какъ устроить побѣгъ. Я полагаю, что всѣ вы согласны попытаться.

Микелле даже не отвѣтилъ на такой лишній вопросъ, и контрабандистъ только замѣтилъ съ усмѣшкой:

— Я бы застрѣлилъ своего собственнаго брата, если бы онъ не согласился.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ... Во-первыхъ, есть у васъ планъ крѣпости?

Гемма открыла ящикъ и вынула нѣсколько листовъ бумаги.

— Я изучила всѣ планы. Вотъ нижній этажъ крѣпости, а вотъ верхній и нижній этажи башенъ. А вотъ и планъ укрѣпленій. Вотъ дороги, ведущія въ долину, а затѣмъ потаенныя мѣста и дорожки въ горахъ, а также подземные ходы.

— Вы знаете, въ которой изъ башенъ онъ заключенъ?

— Въ западной. Въ круглой комнатѣ съ рѣшетчатымъ окномъ. Я отмѣтила это на планѣ.

— Какъ вы узнали это?

— Отъ одного человѣка, по прозванію Сверчокъ—солдата, служащаго въ стражѣ. Онъ родственникъ одного изъ нашихъ людей—Джино.

Какъ вы это однако быстро развѣдали.

— Времени терять некогда. Джино отправился сейчасъ же въ Бризигеллу, а нѣкоторые планы у насъ уже были. Списокъ тайныхъ убѣжищъ сдѣланъ самимъ Риваресомъ. Это видно по почерку.

— Какого рода люди солдаты крѣпостной стражи?

ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ

У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ.

ШАРЛЯ ЛЕТУРНО.

Торговля! Можно-ли въ достаточной мѣрѣ превознести или заклеймить ее? Она — величайшее зло, преисполненное всяческихъ благъ.
Ch. Letourneau.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Т. БОГДАНОВИЧЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Согласно эскимосскимъ нравамъ кража у чужеземца не только не возбраняется, но напротивъ поощряется. Впрочемъ, исключеніе дѣлается для гостя. Внутри своей юрты эскимосъ никогда не обидитъ чужеземца. Аббатъ Петито разсказываетъ, что эскимосы украли у него нѣсколько вещей и, между прочимъ, его собаку, и когда были пойманы, выражали сожалѣніе только о томъ, что такъ глупо дали поймать себя. Но какъ только тотъ же аббатъ поселился въ юртѣ одного изъ эскимосовъ, хозяинъ сталъ тщательно оберегать его вещи и аккуратно приносилъ ему всякую оброненную имъ иголку.

Эскимосы отличаются вообще большой ловкостью въ разнаго рода издѣліяхъ: они выдѣлываютъ удочки и ящички изъ слоновой кости, металлическія трубки съ инкрустаціями и т. п. Кромѣ того они приготовляютъ разные предметы, идущіе исключительно краснокожимъ. Они знаютъ мѣдь, умѣютъ ковать металлы и гранить драгоцѣнные камни. Наконецъ, они ткутъ и прядутъ изъ шерсти разныхъ животныхъ и выдѣлываютъ разныя издѣлія изъ кожи. Зачатки европейской цивилизаціи прививаются къ эскимосамъ довольно легко. Вокругъ европейскихъ колоній въ Аляскѣ ютится теперь множество эскимоскихъ селеній, съ деревянными домами и школами, одежда ихъ тоже приближается къ европейскому покрою. Въ извѣстное время года въ эти селенія съѣзжаются другіе эскимосы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. У нихъ устраивается нѣчто въ родѣ ярмарки. Первый день посвящается обыкновенно банѣ и разнымъ играмъ, на второй начинается собственно торговля. Эскимосы тщательно разсматриваютъ выставленные въ магазинахъ товары и потомъ, намѣтивъ, что имъ нужно, предлагаютъ въ обмѣнъ свои издѣлія и сейчасъ же уносятъ пріобрѣтенныя вещи въ свои лодки. Нѣкоторые накупаютъ не только для себя, но и для перепродажи въ своихъ мѣстахъ. Занятія торговлей чередуются съ общими играми, танцами и другими увеселеніями, такъ какъ эскимосы вообще веселаго характера.

Нужно замѣтить, что чистые эскимосы менѣе склонны воспринимать европейскіе нравы, чѣмъ метиссы: они не отказываются отъ торговыхъ сношеній съ бѣлыми, но потомъ опять удаляются въ свои сѣверныя юрты. Это удаленіе отъ бѣлыхъ даетъ имъ больше шансовъ сохранить свое существованіе, такъ какъ наша цивилизація, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она переходитъ къ дикарямъ, въ концѣ концовъ все-таки ведетъ къ ихъ истребленію. Теперь мы можемъ формулировать нѣсколько общихъ выводовъ относительно происхожденія торговли.

VI. Эпоха, предшествующая торговлѣ.

Намъ, людямъ цивилизованнымъ, торговля представляется дѣломъ чрезвычайно простымъ; мы склонны думать, что съ тѣхъ поръ, какъ люди живутъ на землѣ, они естественно должны были пріобрѣтать съ

помощью торговли разныя полезныя и необходимыя для нихъ вещи. Но мы только что видѣли, что среди низшихъ человѣческихъ расъ есть такія, которыя еще очень недавно не имѣли ни малѣйшаго представленія о торговлѣ. Одинъ взглядъ на первоначальное развитіе человѣческихъ обществъ раскроетъ намъ причину этого.

Человѣкъ, какъ и животныя, жилъ сначала безпорядочными ордами и имѣлъ о торговлѣ такое же представленіе, какъ стада дикихъ обезьянъ. Такой, приблизительно, образъ жизни ведутъ и до сихъ поръ огнеземельцы. Также, конечно, жили бы и веддахи, если бы сосѣдство съ болѣе культурными расами не внушило имъ представленія о нѣкотораго рода робкомъ обмѣнѣ, окруженномъ разными предосторожностями, при которомъ торгующія стороны не видятъ другъ друга.

За племеннымъ бытомъ слѣдуетъ бытъ родовой. Родъ значительно выше племенной орды, это уже маленькое общество, гдѣ всѣ другъ съ другомъ въ родствѣ и никто не можетъ быть покинутъ. Такого рода устройство сохранилось еще до сихъ поръ въ Австраліи, но уже не въ самомъ первобытномъ видѣ. Этотъ родовой бытъ тоже мало располагаетъ къ торговлѣ. Съ другими кланами существуютъ только враждебныя отношенія; внутри же рода все общее; отсутствіе земледѣлія и скотоводства и ограниченность потребностей дѣлаетъ торговлю совершенно излишнею. Каждому члену рода принадлежитъ только его оружіе, имъ самимъ сдѣланное и совершенно сходное съ оружіемъ его сосѣдей. Единственный предметъ, которымъ можно торговать — женщина, и это дѣйствительно практикуется. По смерти человѣка все, принадлежавшее ему лично, уничтожается. Изрѣдка только происходитъ торговый обмѣнъ между различными родами.

Это бѣдное существованіе, лишенное интереса и разнообразія, притупляетъ умъ, убиваетъ фантазію и любознательность. Мы видѣли, что австралійцевъ на англійскомъ кораблѣ заинтересовали исключительно черепахи, и они постарались присвоить ихъ не путемъ какого-нибудь обмѣна, а исключительно силою.

Эскимосы переживаютъ тоже родовой бытъ, но уже менѣе первобытный. До столкновеній съ бѣлыми и краснокожими, у нихъ не было представленія о торговлѣ. Но въ ихъ родахъ существовала уже нѣкоторая частная собственность, и поэтому торговля гораздо скорѣе привилась къ нимъ, хотя они всегда готовы предпочесть кражу обмѣну. Мало-по-малу они сдѣлались ловкими и хитрыми торговцами, они торговали не только своими мѣхами, оружіемъ и орудіями, но стали даже выдѣлывать товары спеціально для продажи. Болѣе практичные, чѣмъ остальные дикари, они не придаютъ никакого значенія мелочамъ и стараются, главнымъ образомъ, пріобрѣтать полезныя для себя вещи.

ТОРГОВЛЯ У ЧЕРНЫХЪ РАСЪ.

Глава II.

Торговля у папуасовъ и африканскихъ негровъ.

I. Обмѣнъ у папуасовъ. Дѣленіе черныхъ расъ.—Эпоха, предшествовавшая торговлѣ у папуасовъ. — Подарки, но не торговля. — Необходимый обмѣнъ.—Знакомство съ торговлей у иностранцевъ.—Ни денегъ, ни рынковъ въ Новой Гвинеѣ. — Первоначальное довѣріе, честность.—Торговые рынки въ Новой Каледоніи.—Бѣлые портятъ торговлю.—Торговый грабежъ въ Новой Гвинеѣ.—Торговля дѣтьми и дѣвушками.—Раковины, украшенія и ковры въ качествѣ денегъ.—Принудительные долги.—Военные кредиторы.—Личная собственность.—Общественная собственность.—II. Готтентоты. Эпоха, предшествовавшая торговлѣ у готтентотовъ и бушменовъ.—Начало торговли табакомъ.—Первые комми-вояжеры.—Первобытная честность готтентотовъ.—III. Торговля у западныхъ африканцевъ.—Геродотъ и торговля въ Ливіи.—Переживаніе тѣхъ же пріемовъ въ наше время. — Торговая жадность негровъ. — Товары.—Рынки въ Конго. — Мѣдныя деньги. — Раковины—каурисъ и соль.—Торговля рабами.—Рабовладѣлецъ. — Рабъ и женщина—домашнія животныя. — Общественная собственность и товаръ на Нигерѣ. — Порча нравовъ, внесенная торговлей. — Торговля предводителей. — Торговые караваны и флотиліи. — Транзитная торговля.—Займы и ссуды. — Должники.—IV. Торговля у низшихъ негритянскихъ племенъ. — Начало торговли.—Собственность и торговля.—Зарожденіе страсти къ торговлѣ.—Товары, играющіе роль денегъ.—Украшенія.—Первобытная промышленность и торговля.—Роль металловъ въ торговлѣ.—Рабъ, замѣняющій деньги.

I. Обмѣнъ у папуасовъ.

Многіе антропологи пытались установить систематическую классификацію человѣческихъ расъ, но никому не удалось довести это до конца, такъ какъ родъ человѣческій слишкомъ сложенъ и разнообразенъ.

Я буду придерживаться самой грубой и общепринятой классификаціи, дѣлящей человѣчество на черныя, желтыя и бѣлыя расы. Эти три крупныя подраздѣленія человѣческаго рода соотвѣтствуютъ въ общемъ тремъ ступенямъ нравственнаго и умственнаго развитія; хотя, взятые въ отдѣльности, многіе бѣлые могутъ, конечно, стоять ниже желтокожихъ и даже чернокожихъ.

Съ другой стороны я выдѣлилъ въ предъидущей главѣ нѣкоторыя, уже исчезающія племена, отличающіяся своеобразными особенностями, хотя по цвѣту кожи они и принадлежатъ къ одной изъ упомянутыхъ группъ.

Теперь мы посмотримъ, какой ступени въ отношеніи торговли достигли папуасы, эти чернокожіе съ вьющимися волосами, очень напоминающіе нижне-африканскихъ негровъ; живутъ они къ сѣверу и западу отъ Австраліи, на островахъ: Новой Каледоніи, Новой Гвинеѣ, Новыхъ Гебридскихъ и т. д.

Въ прошломъ вѣкѣ, когда въ первый разъ европейцы пристали къ этимъ островамъ, папуасы не вышли еще изъ эпохи полированнаго камня,

но они были гораздо искуснѣе въ разныхъ мастерствахъ, чѣмъ австралійцы; они употребляли лукъ и стрѣлы, ихъ лодки и хижины были сдѣланы очень хорошо; они обладали даже гончарнымъ искусствомъ, такъ что могли бы приготовлять предметы обмѣна, но съ торговлей они были еще очень мало знакомы, а къ чужестранцамъ относились враждебно. Они ни подъ какимъ видомъ не соглашались продать капитану Куку свои браслеты и украшенія, но очень охотно принимали и дѣлали подарки въ знакъ дружбы. Когда капитанъ Кукъ безъ оружія и съ зеленой вѣткой въ рукахъ приблизился къ группѣ островитянъ, изъ ихъ среды сейчасъ же навстрѣчу ему тоже выступилъ предводитель съ зеленой вѣткой и они дружески обмѣнялись вѣтвями. Вслѣдъ за этимъ приведенъ былъ поросенокъ и въ обмѣнъ вождь папуасовъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ предложенный ему кусокъ матеріи. Но на этомъ и кончился обмѣнъ; англичанамъ никакимъ способомъ не удалось убѣдить островитянъ продать имъ необходимую для нихъ провизію.

Возможно, конечно, что папуасы просто потому не хотѣли вступать въ торговыя сношенія съ англичанами, что тѣ были имъ совсѣмъ незнакомы. По крайней мѣрѣ, теперь между различными островами существуетъ самый дѣятельный торговый обмѣнъ; нѣкоторые маленькіе острова только и живутъ торговлей. Такъ напримѣръ, жители острова Алиты, на которомъ нѣтъ ни полей, ни садовъ, покупаютъ всю свою пищу на Гвадальканарскихъ островахъ, платя за это разными украшеніями своего издѣлія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что необходимость съ давнихъ поръ превратила этихъ островитянъ въ торговцевъ. Въ настоящее время европейцы съ одной стороны и малайцы — съ другой привили папуасамъ настоящую страсть къ торговлѣ.

Жители Новой Гвинеи развозатъ статуэтки и ножи съ роговыми ручками своей работы по всѣмъ окрестнымъ островамъ. Торгуютъ также оружіемъ, особенно копьями съ каменными наконечниками. Однимъ словомъ, новогвинейцы превратились въ завзятыхъ купцовъ. Торговля тамъ совершается посредствомъ простого непосредственнаго обмѣна, никакихъ денежныхъ знаковъ, никакихъ рынковъ или ярмарокъ тамъ не существуетъ. Купецъ малаецъ имѣетъ дѣло съ каждымъ папуасомъ въ отдѣльности. Онъ вручаетъ ему свой товаръ, назначаетъ, что онъ хочетъ получить за него, и уѣзжаетъ далѣе. Потомъ, иногда черезъ много времени, онъ возвращается и если папуасъ не могъ достать, что требовалъ отъ него малаецъ, онъ возвращаетъ ему ссуженный товаръ. Честность въ этихъ отношеніяхъ господствуетъ полнѣйшая. Вообще, папуасы были чрезвычайно честны, пока ихъ не испортили европейцы. «Ни разу,—пишетъ одинъ французскій негоціантъ, посѣтившій Гебридскіе острова, въ нашей стоянкѣ не было совершено ни одной покражи, хотя мы совсѣмъ не стерегли своихъ вещей. Ни одинъ участокъ земли не былъ запроданъ два раза. Они начинаютъ совершать подобныя мо-

шенничества только испорченные продолжительными торговыми сношеніями съ бѣлыми».

Едва ли не самымъ главнымъ предметомъ торговли въ Новой Гвинеѣ служатъ рабы, которыхъ очень охотно скупаютъ малайцы; конечно, это влечетъ за собой такія же ужасныя послѣдствія, какъ и торговля неграми въ Африкѣ. Я не буду подробно останавливаться на этомъ, отмѣчу только одинъ спеціальный видъ этой торговли, распространенный у папуасовъ, а именно продажа родителями дѣтей. Д'Альберти разсказываетъ, какъ однажды на маленькомъ островкѣ Новой Гвинеи — Дюфорѣ, большой кусокъ желѣза сильно прельстилъ островитянъ, и они предложили ему въ обмѣнъ — мальчика лѣтъ десяти. Продавцы были, повидимому, его родственниками, но вслѣдъ затѣмъ прибѣжала его мать и, опираясь на свое право, стала требовать для себя одной такого же куска желѣза.

Роль денегъ у папуасовъ играютъ очень часто болѣе или менѣе красивыя раковины, по большей части уже отдѣланныя. Эти деньги вполнѣ замѣняютъ наши металлическія. Какъ и у насъ они скопляются въ рукахъ болѣе экономныхъ или болѣе ловкихъ людей, и эти люди. тоже какъ у насъ, ссужаютъ ихъ на опредѣленные сроки за большіе проценты.

Кромѣ раковинъ, ту же роль у папуасовъ играютъ нѣкоторые другіе предметы украшенія, напримѣръ, перья красныхъ попугаевъ, главнымъ же образомъ цыновки. Ихъ плетутъ жены и дочери островитянъ, а иногда и спеціально нанятыя для этого женщины, потомъ ихъ выдерживаютъ надъ огнемъ, чтобы окрасить ихъ въ черный цвѣтъ, и тщательно складываютъ складками опредѣленной величины. Количество складокъ опредѣляетъ ихъ цѣнность, цыновка, сложенная въ десять разъ, вдвое дешевле цыновки, имѣющей двадцать складокъ. Селеніе, владѣющее большимъ запасомъ цыновокъ, даетъ ихъ подъ залогъ, совершенно какъ наши кассы ссудъ.

Во всякой странѣ, гдѣ существуетъ подвижная размѣнная монета, неминуемо возникаютъ различныя кредитныя операціи. То же наблюдается и въ странѣ папуасовъ. Богатый человѣкъ, т. е. владѣлецъ большого количества цыновокъ или раковинъ, можетъ предписывать своему сосѣду такія условія займа, какія найдетъ для себя выгодными. Папуасская мораль осуждаетъ человѣка, занимающаго для того, чтобы давать въ свою очередь ссуды: но другое дѣло—попросить друга уплатить неотложный долгъ — «послужить щитомъ», какъ тамъ выражаются, противъ требованій кредитора. Съ другой стороны обычай разрѣшаетъ кредитору употреблять противъ должника принудительныя мѣры. Такъ, кредиторъ можетъ со своими женами и дѣтьми явиться къ должнику и послѣдній обязанъ содержать ихъ сутки. На слѣдующій день кредиторъ уходитъ, но возвращается снова, если это первое предупрежденіе не подѣйствовало. Впрочемъ, индивидуализмъ не зашелъ у нихъ такъ далеко, какъ у цивилизованныхъ народовъ, и

по большей части сосѣди, тронутые печальнымъ положеніемъ должника, складываются и освобождаютъ его.

Такіе обычаи предполагаютъ, конечно, существованіе частной собственности; она сводится, главнымъ образомъ, къ движимому имуществу—деньги, лодки, оружіе, орудія—и переходитъ обыкновенно по смерти къ дѣтямъ умершаго или къ дѣтямъ его сестры. Передачѣ по наслѣдству подлежатъ только тѣ вещи, которыя владѣлецъ ихъ могъ самъ достать или сдѣлать; поэтому дерево считается принадлежащимъ тѣмъ, кто его посадилъ и вырастилъ; но по той же причинѣ земля можетъ считаться частной собственностью только тогда, когда на ней построено жилище или когда она воздѣлана, а лѣсъ, напримѣръ, всегда составляетъ общую собственность. Кромѣ того, обработанные участки земли считаются владѣніемъ всей семьи и не могутъ быть проданы безъ согласія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ; до появленія европейцевъ продажа земли встрѣчалась чрезвычайно рѣдко и земельная собственность, какъ ни была она ограничена, считалась неотчуждаемой.

Мы еще очень недавно познакомились съ организаціей имущественныхъ отношеній у папуасовъ. Они интересуютъ насъ по стольку, по скольку они подтверждаютъ добытыя въ другихъ мѣстахъ данныя относительно развитія собственности. Въ общемъ, это развитіе повсюду шло однимъ и тѣмъ же путемъ. Родовая собственность переходила въ семейную и, наконецъ, въ личную, съ тѣмъ ограниченіемъ, что распространялась она только на предметы, добытые или изготовленные владѣльцемъ. Изученіе жизни австралійскихъ островитянъ дало въ этомъ отношеніи не мало данныхъ. Теперь мы обратимся къ чернокожимъ обитателямъ африканскаго материка.

II. Готтентоты.

Въ южной части африканскаго материка мы найдемъ такую же выродившуюся расу, какъ и огнеземельцы,—остатокъ народовъ, переживших и войны, и переселенія, и революціи въ ту отдаленную эпоху, когда человѣкъ еще не думалъ вести лѣтописи. Изучать такихъ эпигоновъ первобытнаго человѣчества чрезвычайно интересно. Это остатки древнихъ обитателей земли, выброшенные волнами далекаго прошлаго; они помогаютъ намъ возстановить это прошлое.

До прибытія европейскихъ колонистовъ готтентоты, а особенно самые дикіе изъ нихъ--бушмены, не имѣли ни малѣйшаго представленія о торговлѣ. Вотъ случай, разсказанный въ отчетѣ миссіонера Моффа: «Одинъ колонистъ, пораженный тѣмъ, какъ трудно бушменамъ кормить своихъ дѣтей послѣ отнятія отъ груди, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни молока, ни хлѣба, посовѣтовалъ имъ покупать козъ, платя за нихъ страусовыми перьями и шкурами животныхъ. Предложеніе это было встрѣчено громкимъ хохотомъ. Никогда предки ихъ не кормили скотъ. «Они—готтентоты созда-

ны для того, чтобы ѣсть, а не для того, чтобы кормить». Съ точки зрѣнія тихъ дикарей торговый обмѣнъ былъ чѣмъ то нелѣпымъ, быть можетъ. даже преступнымъ. Тѣмъ не менѣе, европеецъ добился своего главнымъ образомъ а припомощи подарковъ. Онъ предлагалъ старшинамъ племени козъ, обѣщая имъ подарить еще, если они будутъ заботиться объ этихъ. На этомъ условіи они согласились и мало-по-малу стадо ихъ увеличилось и онистали сами умножать его посредствомъ обмѣновъ.

Готтентоты значительно цивилизованнѣе бушменовъ, они ведутъ уже пастушескій образъ жизни, но торговля тоже была неизвѣстна имъ до знакомства съ европейцами. Зато привилась она къ нимъ значительно быстрѣе, такъ какъ они владѣли разными искусствами, снабжавшими ихъ предметами для обмѣна. Они умѣли ковать металлы, обжигать горшки, дѣлать вещи изъ слоновой кости и т. п. Левальякъ, посѣтившій готтентотовъ, нашелъ ихъ уже немного знакомыми съ торговлей, онъ разсказываетъ съ наивной откровенностью, какіе выгодные обороты удалось ему совершить тамъ. На нѣсколько окурковъ сигаръ онъ вымѣнивалъ прекрасныя цыновки; за ножички, табакъ и тому подобныя мелочи онъ покупалъ упряжныхъ быковъ. Научившись обмѣну, готтентоты стали пользоваться и при сношеніяхъ другъ съ другомъ. Они стали выдѣлывать спеціально для продажи разныя вещи, напр., плетеныя корзины, въ которыхъ можно держать воду.

На нашихъ глазахъ у готтентотовъ проснулась любознательность, страсть къ торговлѣ и многія неизвѣстныя имъ раньше потребности. Отмѣтимъ также, что готтентоты, какъ и большинство незнакомыхъ раньше съ торговлей народовъ, отличались безукоризненной честностью въ торговыхъ сношеніяхъ, что не мѣшало имъ совершать грабежи у сосѣднихъ племенъ. У первобытныхъ людей кража вооруженной рукой не имѣетъ ничего общаго съ мошенничествомъ при мирныхъ сношеніхъ.

III. Торговля у западныхъ африканцевъ.

Переходя отъ готтентотовъ къ настоящимъ африканскимъ неграмъ, мы увидимъ, что, хотя они занимаютъ невысокую ступень въ эволюціи торговли, но первые этапы на этомъ пути уже давно пройдены ими. Египтяне, финикійцы, арабы и европейцы поочередно стремились ознакомить ихъ съ торговыми пріемами. Самые первобытные способы торговли уже не употребляются у нихъ теперь. Но ихъ отдаленнымъ предкамъ они были хорошо извѣстны. Вотъ что говоритъ по этому поводу Геродотъ: «Кареагеняне разсказываютъ еще слѣдующее: Въ одной мѣстности Ливіи за Геркулесовыми столбами живутъ люди, съ которыми они ведутъ торговлю. Они выгружаютъ свои товары, раскладываютъ ихъ на берегу, возвращаются на корабль и разводятъ большой костеръ. При видѣ дыма жители собираются на берегу моря и кладутъ тутъ же золото; потомъ они удаляются. Кареагеняне воз-

вращаются, разсматриваютъ, и если они находятъ, что золото стоитъ товара, они берутъ его и уѣзжаютъ. Если же золота мало, они уходятъ на корабль и ждутъ. Туземцы приближаются и прибавляютъ золота, пока не удовлетворятъ тѣхъ; никогда ни та, ни другая сторона не совершаетъ несправедливости: одни не берутъ золота, пока оно не равняется цѣнностью товару; другіе не трогаютъ товаръ, пока не взято золото». Это совершенно тѣ же пріемы, какіе существуютъ и теперь у самыхъ низшихъ группъ дикарей.

Въ наши дни обитатели Африки оставили далеко за собой наивность своихъ предковъ. Теперь это хитрые и жадные торговцы. «Я часто слышалъ,—пишетъ одинъ путешественникъ,—что негры глупы; но опытъ убѣдилъ меня въ обратномъ. Это, наоборотъ, чрезвычайно хитрые торговцы, ни одинъ капитанъ, ни одинъ купецъ, первый разъ посѣщающій эти берега, не избѣжитъ ихъ коварства». Но, не смотря на жадность, негры отличаются дѣтской непредусмотрительностью. Имъ никогда не приходитъ въ голову запасти заранѣе тотъ товаръ, который купцы часто требуютъ. Такъ, напримѣръ, къ нимъ постоянно пріѣзжаютъ корабли за краснымъ деревомъ, но ни одинъ негръ не шевельнется, чтобы заготовить его раньше, чѣмъ корабль подойдетъ къ берегу, и купцамъ приходится дожидаться, пока вѣсть о ихъ прибытіи не распространится по окрестнымъ поселеніямъ. Какими же товарами обмѣниваются негры съ европейцами?

Промышленность у нихъ довольно разнообразна, хотя и стоитъ на невысокой ступени. Такъ, негры Габуна отличаются своимъ искусствомъ въ выдѣлкѣ глиняныхъ котелковъ и трубокъ. Кромѣ того, они ткутъ очень красивыя матеріи съ однимъ только недостаткомъ: они не умѣютъ прясть длинныхъ нитокъ и поэтому не могутъ выткать куска матеріи длиннѣе трехъ футовъ. Эти куски матеріи, такъ называемые передники, приняты въ большей части Африки въ качествѣ монетной единицы. Въ долинѣ Конго устраиваются въ опредѣленные сроки базары или ярмарки, куда туземцы привозятъ свой товаръ—тамъ можно найти и кожу буйвола или гиппопотама, и рыбу, и куръ, и маисовое пиво, и слоновую кость, и табакъ, а также плетеныя корзинки, котелки, трубки, браслеты и разныя мѣдныя украшенія, которыя, въ свою очередь играютъ роль денегъ, такъ какъ мѣдь тамъ очень цѣнится. Еще болѣе, впрочемъ, цѣнится соль.

Въ маленькихъ мусульманскихъ государствахъ къ югу отъ Сахары, въ большомъ ходу, какъ и у папуасовъ, въ качествѣ денегъ особый видъ раковинъ--каурисъ. Но и тамъ самымъ цѣннымъ товаромъ надо считать соль. Если цѣнность мѣди въ Африкѣ, приблизительно, равняется цѣнности серебра у насъ, то соль можно сравнить только съ золотомъ. Это зависитъ отъ того, что чѣмъ болѣе мы углубляемся внутрь африканскаго материка, тѣмъ труднѣе становится получать ее, а между тѣмъ она вездѣ одинаково необходима для человѣческаго организма.

Въ разныхъ другихъ частяхъ Африки еще многіе предметы играютъ поперемѣнно роль денежныхъ единицъ (ожерелья браслеты, олово, фаянсъ и т. п.), но они не пользуются широкимъ распространеніемъ.

Изъ предметовъ торговли въ Африкѣ едва ли не на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить рабовъ. Не смотря на прекращеніе торговли рабами съ европейцами, она продолжаетъ развиваться среди туземцевъ. Одно племя стремится захватить возможно больше плѣнниковъ у другого и продать ихъ скупщикамъ. Мало того: родители сами за небольшое количество соли охотно продаютъ своихъ дѣтей. Батеки, называемые африканскими финикійцами, постоянно скупаютъ рабовъ и потомъ разъ въ годъ, обыкновенно въ августѣ, отправляютъ цѣлый караванъ съ этимъ товаромъ въ страну Баляли. Обычная цѣна одного раба — три килограмма соли. Женщины, особенно молодыя, цѣнятся выше, такъ что къ тремъ килограммамъ соли покупатель прибавляетъ еще кусковъ десять, пятнадцать легкой матеріи и нѣсколько стеклянныхъ бусъ.

Рабы—это самый выгодный товаръ, такъ какъ они обезпечиваютъ своему владѣльцу возможность ничего не дѣлать. Въ Габунѣ, напримѣръ, личная поземельная собственность почти не существуетъ. Скота тоже нѣтъ, такъ что единственное богатство заключается въ слоновой кости и денежныхъ знакахъ, но эти послѣдніе обыкновенно очень объемисты и могутъ сохраняться въ небольшихъ сравнительно количествахъ въ тайныхъ складахъ, о существованіи которыхъ извѣстно только главной женѣ, да иногда какому-нибудь испытанному другу. Истиннымъ же богатствомъ считаются только рабы и женщины, на которыхъ смотрятъ, какъ на домашнихъ животныхъ. Заплативъ около 64 франковъ на наши деньги за раба и купивъ ему еще жену, можно уже больше ни о чемъ не заботиться. Рабу разрѣшается два дня въ недѣлю и по ночамъ работать для себя на предоставленномъ ему клочкѣ земли, остальное же время онъ работаетъ на своего господина.

Когда негръ пріобрѣтетъ себѣ пятерыхъ рабовъ, онъ совершенно обезпеченъ. И онъ, и вся его многочисленная семья въ изобиліи снабжены маисомъ, свекловицею, бананами, апельсинами, и т. п Пока рабы копаютъ землю, толкутъ рисъ, исправляютъ хижину своего господина, послѣдній безпечно прогуливается по лѣсу съ ружьемъ на плечѣ; онъ заботится теперь только о томъ, чтобы добыть коралловъ и пятифранковыхъ монетъ для украшенія любимыхъ женъ.

Племена, живущія на нижнемъ теченіи Нигера, торгуютъ съ европейцами преимущественно пальмовымъ масломъ и слоновой костью. Пальмовое масло обмѣнивается обыкновенно на соль, иногда же на разныя другія вещи — ромъ, табакъ, ружья и сабли. Но слоновую кость мѣняютъ только на дорогія матеріи, коралы, жемчугъ и зеркала. Слоновую кость доставляютъ сначала въ Эггу, а потомъ въ Локко изъ глубины материка цѣлые караваны. Во главѣ каравана ѣдетъ на лошади начальникъ, увѣшанный разными амулетами. За начальникомъ

слѣдуютъ музыканты и пѣвцы, развлекающіе звуками тамъ-тама несущихъ товаръ. Потомъ идутъ люди, вооруженные копьями и стрѣлами. Головы ихъ обернуты въ шкуры оленей и буйволовъ. Наконецъ, выступаютъ несущіе клыки слона. Шествіе замыкаютъ женщины со всѣмъ необходимымъ для приготовленія пищи. Жители Эгги служатъ обыкновенно посредниками между этими неграми и факторіями бѣлыхъ. Обмѣнявши слоновую кость на разные товары, караванъ въ томъ же порядкѣ пускается въ обратный путь, на мѣстахъ снова скупаетъ клыки и готовится въ тотъ же путь.

Въ Эггѣ, гдѣ почти все населеніе занято торговлей, обмѣнъ совершается быстро и безъ всякихъ формальностей, но въ маленькихъ племенахъ, въ глубинѣ материка, онъ окруженъ обыкновенно разными строго опредѣленными обрядами. Существуютъ-ли среди этихъ племенъ какія-нибудь кредитныя операціи до сихъ поръ еще нельзя сказать съ увѣренностью, такъ какъ данныхъ для отвѣта еще почти нѣтъ. Впрочемъ, относительно Габуна извѣстно, что тамъ займы практикуются, и для возвращенія ихъ кредиторъ пользуется самымъ примитивнымъ средствомъ. Онъ просто ловитъ гдѣ нибудь своего должника и отбираетъ все, что найдетъ при немъ. Быть можетъ, этотъ насильственный захватъ и былъ первоначальной формой задержанія должника, сопровождаемаго разными формальностями.

IV. Торговля у низшихъ негритянскихъ расъ.

Племена, о которыхъ мы только что говорили, населяютъ различныя части земного шара, но всѣ они принадлежатъ къ черной расѣ и въ умственномъ отношеніи очень сходны между собой. Поэтому данныя относительно первобытной торговли у всѣхъ этихъ племенъ можно соединить въ одну группу.

Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ и въ Полинезіи, и въ Африкѣ не имѣли до появленія европейцевъ ни малѣйшаго представленія о торговлѣ, другія,—стоявшія вообще нѣсколько выше первыхъ,—были уже знакомы съ торговымъ обмѣномъ. Какъ началась торговля у этихъ послѣднихъ, въ точности неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что она велась тѣмъ способомъ, какой описываетъ Геродотъ у финикійцевъ. Во всякомъ случаѣ торговля эта была очень незначительна и ограничивалась простымъ обмѣномъ.

Чтобы торговля приняла сколько-нибудь значительные размѣры, необходимо прежде всего, чтобы общественная собственность раздробилась, превратилась, по меньшей мѣрѣ, въ семейную собственность, какъ у папуасовъ, напримѣръ. Съ другой стороны необходимо нѣкоторое развитіе промышленности, при которомъ производится больше и болѣе разнообразныхъ предметовъ, чѣмъ требуется исключительно для потребленія.

Какъ только возникаютъ эти условія, такъ немедленно просыпается склонность къ торговлѣ, особенно если искусные купцы возбуждаютъ ее, предлагая подходящіе ко вкусу дикарей предметы. Тутъ ужъ страсть къ мѣнамъ превращается въ настоятельную потребность. Нѣкоторые спеціализируются на этомъ занятіи, образуются цѣлые караваны и флотиліи для перевозки товаровъ на болѣе далекія разстоянія.

Но скоро практика показываетъ, что такого рода непосредственные обмѣны неудобны, и изъ всѣхъ подлежащихъ обмѣну товаровъ выдѣляются нѣкоторые, служащіе мѣркой, образцомъ для оцѣнки остальныхъ, т. е. первобытной монетной единицей.

Мы встрѣчали уже нѣсколько видовъ такихъ денежныхъ единицъ. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи:—одни изъ нихъ являются предметами первой необходимости, другіе—предметами роскоши. Чаще всего они принадлежатъ ко второй группѣ. Сюда относятся раковины и разныя грубыя стеклянныя и глиняныя украшенія, къ которымъ со временемъ присоединяются разныя металлическія вещи и ткани. Впослѣдствіи ткани замѣнили шкуры животныхъ и стали употребляться въ качествѣ необходимой одежды, но первое время они несомнѣнно играли роль украшеній. Изъ металловъ мѣдь и желѣзо ранѣе всего пріобрѣли характеръ денежныхъ знаковъ.

Изъ предметовъ необходимости чаще всего мы встрѣчаемъ въ роли денежной единицы—соль. Внутри Африки она, какъ мы видѣли, равняется по цѣнности золоту, настолько велика потребность въ ней, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ растительная пища. Но есть еще одинъ товаръ, съ успѣхомъ исполняющій ту же роль—это живой товаръ—рабъ.

На западномъ берегу Африки и даже дальше вглубь материка рабъ положительно превратился въ денежную единицу. «Французы,—говоритъ одинъ путешественникъ,—считаютъ на франки, американцы на доллары, африканцы на рабовъ».

Дальше мы встрѣтимъ еще много примѣровъ первобытныхъ монетныхъ единицъ; всѣ онѣ аналогичны только что перечисленнымъ. Если бы наши экономисты лучше изучили ихъ, мы были бы избавлены отъ многихъ метафизическихъ теорій, которыя возникали при изученіи денежной системы цивилизованныхъ странъ.

Глава III.

Торговля у негровъ (*продолженіе*).

I. Дѣленіе африканскихъ расъ.—Африка къ сѣверу отъ Сахары и бѣлыя расы.—Геологическое измѣненіе Сахары.—Берберы и эѳіопы.—Черныя расы къ югу отъ Сахары.—**II. Торговля у низшихъ племенъ черной расы на востокѣ Африки.**—Равнодушіе къ торговлѣ динковъ.—Ихъ страсть къ скотоводству.—Усиленная страсть къ торговлѣ ихъ сосѣдей.—Невѣроятная жадность.—Право прохода: хонго.—Права вождей.—Первобытные денежные знаки: матеріи, бусы.—Пренебреженіе къ раковинамъ-каурисъ.—Первобытныя желѣзныя монеты.—Соль, какъ монетная единица.—Корова въ той же роли.—Торговля и похищеніе рабовъ.—Промышленность восточныхъ чернокожихъ.—Металлургія, керамика и ткацкое искусство.—Первобытная одежда изъ коры.—Домашнія животныя у разныхъ племенъ.—Рынки и товары.—Военные рынки въ Нубіи.—Неприкосновенность женщинъ у Массаи.—**III. Нравственные и соціальные результаты торговли у чернокожихъ.** Страсть къ украшеніямъ, какъ причина торговли.—Торговая непредусмотрительность.—Остатки древнѣйшихъ способовъ торговли на нижнемъ теченіи Нигера.—Цивилизація и порча нравовъ, происходящая отъ торговли.—Различіе внутренней и внѣшней торговли съ нравственной точки зрѣнія.

I. Дѣленіе африканскихъ расъ.

Прежде чѣмъ продолжать изученіе торговли въ Африкѣ, не лишне будетъ припомнить, какіе народы населяютъ этотъ древній материкъ. Раньше всего надо различать Африку, лежащую къ сѣверу отъ Сахары, отъ Африки, по ту сторону Сахары, гдѣ главнымъ образомъ обитаютъ темнокожіе.

По климату, по флорѣ и фаунѣ, сѣверная Африка отъ Египта до Марокко подходитъ ближе всего къ южной Европѣ и передней Азіи. На южной границѣ Сахары начинается другой міръ. Эту границу нельзя строго обозначить. Сахара никогда, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ обитаетъ человѣкъ, не была особенно плодородной страной. Но было время, когда все-таки она не представляла собой такой безводной пустыни, какъ теперь. По ней протекали рѣки, росли растенія и водились животныя, что обусловливало и человѣку возможность селиться тамъ. Слѣды этого, сохранившіеся до сихъ поръ, даютъ намъ основаніе отнести этихъ доисторическихъ обитателей Африки къ великой берберской расѣ. Еще въ тѣ же далекія времена берберы, вѣроятно, постепенно двигались къ югу и смѣшивались съ негритянскими племенами. Арабы слѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру берберовъ. Эѳіопы, населявшіе верховья Нила, тоже эмигрировали по направленію къ экватору. Изъ этого смѣшенія различныхъ расъ образовались разныя мелкія племена, приближающіяся иногда къ неграмъ, иногда къ берберамъ, эѳіопамъ или арабамъ.

Чистыя чернокожія племена населяютъ самую южную часть Африки. Къ востоку, въ бассейнѣ верхняго Нила, живутъ высшіе типы черно-

кожихъ — нубійцы и абиссинцы. Отсюда переселенія совершались въ двухъ направленіяхъ—на востокъ и на югъ, въ Кафрскую землю. Такимъ образомъ низшіе представители чернокожихъ расъ группируются главнымъ образомъ вокругъ Гвинейскаго залива, но, кромѣ того, они разсѣяны по всей центральной и восточной Африкѣ. Мы займемся теперь именно этими остатками первобытнаго населенія Африки, сохранившимися, не смотря на переселенія въ восточной части африканскаго материка.

II. Торговля у низшихъ племенъ чернокожихъ на востокѣ Африки.

Въ западной Африкѣ негры сдѣлались жадными и хитрыми торговцами; почти то же можно сказать и о восточной Африкѣ. Впрочемъ, въ долинѣ верхняго Нила мы встрѣчаемъ племя динковъ еще совершенно незнакомое съ торговлей. Въ то время, какъ ихъ сосѣди бонги и ніамъ-ніамъ съ жадностью набрасываются на товары, привозимые арабскими или нубійскими караванами, динки остаются къ нимъ совершенно равнодушны. Вслѣдствіе этого они избѣжали всѣхъ печальныхъ послѣдствій торговли рабами. Потребности динковъ чрезвычайно ограничены, они занимаются скотоводствомъ и страстно привязаны къ своимъ животнымъ, особенно къ рогатому скоту. Мѣстность ихъ покрыта превосходными лугами и стада ихъ громадны; ежегодные грабежи нубійцевъ не могутъ замѣтно уменьшить ихъ. Особеннымъ почетомъ окружаются у нихъ коровы; если одна изъ нихъ заболѣваетъ, они отдѣляютъ ее отъ стада и заботливо лѣчатъ въ особыхъ, предназначенныхъ для этого, хижинахъ. Ѣдятъ они только умирающихъ своей смертью быковъ и коровъ. Рѣзать для ѣды можно однѣхъ только козъ. Коза цѣнится тамъ въ 30 разъ дешевле коровы. Это обожаніе скота переноситъ насъ въ ту отдаленную эпоху, когда животныя внушали людямъ религіозныя чувства, что и до сихъ поръ еще существуетъ въ Индіи. Страсть къ животнымъ, какъ всякая исключительная страсть, вытѣсняетъ всѣ другія, и поэтому динки нисколько не интересуются торговлей. Но зато тѣмъ съ большей силой овладѣла страсть къ торговлѣ ихъ сосѣдями. Они до такой степени увлечены торговыми операціями, что не допускаютъ мысли о томъ, чтобы какой-нибудь иностранецъ могъ посѣтить ихъ не съ торговыми цѣлями. Объявить имъ, что не занимаешься торговлей, значитъ рисковать быть немедленно изгнаннымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ у нихъ возникаютъ всевозможныя подозрѣнія. Бюртонъ сказалъ вождю племени Вуяи, что онъ не купецъ, и его сейчасъ же попросили удалиться. «Какъ можно,— говорили негры,—довѣрять людямъ, которые ничѣмъ не занимаются». Бюртонъ долженъ былъ сдѣлать подарки вождю, чтобы вознаградить его за потерю дохода, который тотъ надѣялся получить съ него, если бы онъ былъ купецъ.

Обурѣваемые страстью къ наживѣ, туземцы заставляютъ путешественниковъ платить рѣшительно за все, что имъ можетъ понадобиться, даже за право брать воду. Кто напьется воды, не заплативъ, совершаетъ кражу и рискуетъ жизнью. Чтобъ наказать его, негры готовы на все, они доходятъ до того, что отравляютъ колодцы. Они дадутъ умереть съ голоду путешественнику, у котораго нѣтъ бусъ или матерій, «безъ гроша»—какъ сказали бы у насъ. Бюртонъ встрѣтилъ только одну деревню, гдѣ ему съ караваномъ безпрепятственно позволили остановиться, но это было сдѣлано далеко не изъ великодушія, а изъ разсчета на косвенныя выгоды, какія можно извлечь изъ пребыванія иностранцевъ.

Первое, за что надо платить у этихъ племенъ—это право прохода. Еще въ прибрежныхъ селеніяхъ удовлетворяются обыкновенно добровольными подарками, но чѣмъ дальше вглубь страны, тѣмъ тяжелѣе ложится на путешественника этотъ налогъ.

На границѣ каждой маленькой области вождь требуетъ уплаты контрибуціи, и упорно торгуется съ путешественникомъ. «Что же наконецъ,—воскликнулъ съ раздраженіемъ вождь одного племени, торговавшійся съ Бюртономъ,—кому изъ насъ принадлежитъ эта область—вамъ или мнѣ?» Впрочемъ, контрибуція идетъ не цѣликомъ самому вождю, онъ долженъ дѣлиться ею съ своимъ семействомъ и съ старшинами племени.

Почти всѣ эти восточныя племена смотрятъ на иностранца отчасти какъ на врага, и не сразу впускаютъ его въ свои владѣнія. У племени Оньи существуетъ, напримѣръ, такой обычай. Подходя къ какой-нибудь области, караванъ долженъ остановиться на нейтральной землѣ и ждать тамъ, пока начальники сосѣднихъ земель пришлютъ ему въ подарокъ матеріи, слоновую кость и т. п., въ доказательство того, что они хотятъ завязать съ нимъ торговыя сношенія. Каждый изъ начальниковъ приглашаетъ караванъ къ себѣ, и когда хозяинъ каравана отправляется къ одному изъ нихъ, у него сейчасъ же требуютъ платы за постой, такъ называемое *хонго.*

Размѣръ хонго устанавливается послѣ продолжительнаго торга. Вождь требуетъ, напримѣръ, 60 мотковъ проволоки, 160 ярдовъ коленкору, 5.000 жемчужныхъ бусъ и 300 нитокъ бусъ—низими. Послѣ продолжительныхъ споровъ сговариваются на 50 моткахъ проволоки, 20 ярдахъ коленкору, 4.000 мелкихъ стеклянныхъ бусъ и 100 ниткахъ бусъ—низими.

Но и уплативъ хонго, путешественникъ еще не можетъ спокойно заняться своимъ дѣломъ. Онъ имѣетъ теперь право жить, но это еще не значитъ, чтобы онъ могъ начать торговать. За право торговли каждымъ видомъ товара онъ долженъ платить отдѣльно. Не подчиниться этимъ требованіямъ, значитъ рисковать быть убитымъ изъ засады отравленной стрѣлой.

Такого рода протекціонизмъ распространенъ не только на востокѣ Африки, но и по всему материку. Есть, конечно, и нѣкоторыя исключенія, такъ у Вуагого иностранца всегда принимаютъ, какъ брата, вождь приглашаетъ его къ себѣ и угощаетъ всѣмъ, что у него есть лучшаго. Это гостепріимство является, вѣроятно, остаткомъ нравовъ далекаго прошлаго. Въ настоящее время ихъ смѣнили другіе—коммерческіе нравы.

Непосредственный обмѣнъ теперь уже почти не встрѣчается. Вездѣ приняты различные мѣновые знаки, которыми долженъ запастись всякій путешественникъ. Всего чаще такими денежными единицами служатъ разныя матеріи, отъ простыхъ —обыкновенно американскаго коленкору, до самыхъ нарядныхъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ тканей, употребляемыхъ вождями и ихъ женами. Едва ли не большимъ распространеніемъ, чѣмъ матеріи, пользуются всевозможныя бусы и вообще стеклянныя украшенія. Нѣкоторые сорта ихъ, особенно красныя, носятъ названіе «утоляющихъ голодъ», такъ какъ, имѣя ихъ, человѣкъ никогда не умретъ съ голоду. Бусы эти нанизываются на нитки опредѣленной величины, напримѣръ, длиной отъ начала ладони до конца указательнаго пальца или отъ конца большого пальца до локтя. Большимъ распространеніемъ пользуется также металлическая проволока, изъ которой тоже можно дѣлать украшенія.

Стоимость этихъ денегъ, конечно, колеблется въ зависимости отъ колебаній спроса и предложенія, но въ среднемъ она довольно высока. Такъ, за десять синихъ фарфоровыхъ бусъ можно купить фунтъ мяса. За два метра коленкора можно пріобрѣсть барашка.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ распространены также раковины-каурисъ и, наконецъ, у племени Бонго въ верховьяхъ Нила ходятъ желѣзныя деньги, очень похожія на наши и цѣнимыя, приблизительно, какъ наше золото. Они имѣютъ форму диска около 30 сентиметровъ въ діаметрѣ, съ крючкомъ съ одной стороны и петлей—съ другой. Наконечники стрѣлъ и копій часто замѣняютъ эти желѣзныя монеты, называемыя *лого коллути*. Изъ предметовъ необходимости соль играетъ здѣсь такъ же часто, какъ и на западѣ, роль денегъ. Наконецъ, у многихъ восточныхъ племенъ—у Бари, Латуки и особенно у динковъ—самой распространенной денежной единицей является корова. За корову можно купить все, что угодно, даже женщину. Объясняется это тѣмъ, что молоко служитъ самой обычной пищей туземцевъ. Одинъ вождь племени Оббо жаловался путешественнику Бекеру на арабовъ, захватившихъ у него много плѣнныхъ. Его народъ, говорилъ онъ, очень вяло защищалъ своихъ женъ и дѣтей, захваченныхъ въ плѣнъ «турками» (какъ тамъ называютъ и арабовъ, и нубійцевъ, и египтянъ); «вотъ если бы они вздумали напасть на стада, они встрѣтили бы жестокое сопротивленіе, потому что, добавилъ онъ, пока есть скотъ ничто еще не потеряно, со скотомъ можно достать себѣ новую семью, а вотъ ужъ если захватятъ стада, тогда все погибло».

Эта ужасная торговля людьми служитъ самымъ большимъ препятствіемъ для прогресса въ Африкѣ. Безпрестанно между различными племенами происходятъ кровавыя стычки, для захвата живого товара, который потомъ обмѣнивается на перечисленные выше виды монетъ. Вожди обвиняютъ своихъ подданныхъ въ колдовствѣ, чтобы имѣть право продать ихъ, родители торгуютъ своими дѣтьми.

Вся Африка отъ восточнаго до западнаго берега торгуетъ рабами. Караваны съ плѣнниками безостановочно пересѣкаютъ Африку во всѣхъ направленіяхъ, усыпая путь свой трупами тѣхъ, кого не удалось дотащить до рынка. Средняя цѣна раба сильно колеблется въ зависимости отъ случайностей спроса и предложенія. На рынкахъ центральной Африки она стоитъ обыкновенно очень низко, въ береговыхъ странахъ—значительно выше. Въ Занзибарѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ мальчикъ стоилъ отъ 15 до 20 долларовъ, юноша нѣсколько менѣе, взрослый человѣкъ отъ 13 до 20, а человѣкъ старше 40 лѣтъ отъ 10 до 12 долларовъ. Женщины, особенно молодыя, всегда и всюду цѣнятся, приблизительно, на треть дороже.

Торговля рабами такъ значительна, что она вызвала даже развитіе особой промышленности. Племя бонговъ занимается спеціально изготовленіемъ цѣпей и кандаловъ для рабовъ. Вообще промышленность развита у негровъ гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ европейцы. Такъ, бонгосы славятся вообще, какъ искусные кузнецы; ихъ плавильныя печи отличаются очень остроумнымъ устройствомъ. Они выковываютъ не только прекрасные наконечники для стрѣлъ и копій, но даже удочки, крючки и очень изящныя вазы, украшенныя ломанными линіями, кругами и треугольниками.

Странно, что во всей Африкѣ выдѣлка кожъ—предмета первой необходимости—стоитъ на самой первобытной ступени. Дубленье кожъ совершенно неизвѣстно имъ. Только въ самое послѣднее время нубійцы начали знакомить ихъ съ этимъ искусствомъ.

Тканье матерій тоже далеко не повсемѣстно распространено. Племя монбуттовъ, напримѣръ, до сихъ поръ употребляетъ исключительно одежды изъ коры, а между тѣмъ, тѣ же монбутту прекрасные кузнецы—ихъ металлическія ожерелья замѣчательно тонко и изящно сработаны.

Вуальи приготовляютъ изъ древесной коры родъ матеріи, очень сходной съ той, какую выдѣлываютъ полинезійцы. Изъ этой матеріи шьются юпки, которыя нельзя мыть; стоютъ онѣ очень дешево, отъ 6 до 12 стеклянныхъ бусъ.

У племени Вуаніамуэзи ткацкое искусство находится еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Прялка имъ неизвѣстна и прядутъ они нитки исключительно съ помощью веретена. Ткацкій станокъ состоитъ изъ двухъ шестовъ, укрѣпленныхъ горизонтально, каждый на двухъ подпоркахъ. Эти шесты соединяются на концахъ двумя палками, на которыя и наматывается основа. Нитки основы перебираются съ по-

мощью щепочки, такъ какъ челнокъ имъ тоже неизвѣстенъ. Ширина и длина сотканнаго такимъ образомъ куска матеріи равняется въ среднемъ одному, двумъ метрамъ. Одинъ работникъ можетъ безъ труда выткать его въ теченіе недѣли. Въ продажѣ за него даютъ два метра американскаго коленкора.

Такимъ образомъ почти всѣ африканскія племена выдѣлываютъ какіе-нибудь товары, подлежащіе обмѣну. Кромѣ этого нѣкоторыя изъ нихъ, хотя далеко не всѣ, занимаются земледѣліемъ или скотоводствомъ. Монбутту и Ніамъ-ніамъ, напримѣръ, не имѣютъ еще домашнихъ животныхъ; охота, а при случаѣ и каннибализмъ, доставляютъ имъ мясную пищу. Бонго тоже приручаютъ только собакъ, козъ и куръ. Отсутствіе у нихъ крупнаго скота способствуетъ тому, что они могутъ жить сравнительно спокойно. Такъ называемые «турки» рѣдко нападаютъ на нихъ.

На западѣ Африки скотоводство распространено еще менѣе, чѣмъ на востокѣ; вѣроятно, въ большую часть африканскихъ областей оно перешло изъ Нубіи или изъ древней Эѳіопіи и Египта. Преобладающими занятіями африканскихъ негровъ надо считать земледѣліе и охоту. Это одно могло бы ниспровергнуть старинную соціологическую теорію, по которой человѣкъ всегда и вездѣ переходилъ отъ охоты къ скотоводству и отъ скотоводства къ земледѣлію.

Но каково бы ни было основное занятіе негра, онъ всегда съ увлеченіемъ отдается торговлѣ. На берега верхняго Нила постоянно стекаются тысячи негровъ для купли и продажи различныхъ товаровъ. На этихъ рынкахъ не меньше шуму и оживленія, чѣмъ въ большихъ европейскихъ городахъ. На берегахъ озера Танганайка у племени Уольи происходятъ ежедневные базары между десятью и тремя часами дня. Тамъ можно найти рыбу, овощи, бананы, арбузы, пальмовое вино, козъ, барановъ, разную птицу, слоновую кость и почти всегда—рабовъ. Различныя украшенія и юпки изъ коры тоже составляютъ обычные предметы торговли на этихъ базарахъ.

Такого рода торговыя сношенія—постоянныя, правильныя—служатъ указаніемъ на нѣкоторую честность и уваженіе къ чужой собственности. Въ странахъ, гдѣ человѣкъ никогда не можетъ считать себя въ безопасности, какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Нубіи, базары носятъ совершенно иной характеръ. Въ назначенный день обѣ стороны собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ. Когда всѣ соберутся, съ обѣихъ сторонъ выходятъ безоружные люди и приступаютъ къ торгу; но за ними стоятъ ихъ вооруженные товарищи, готовые каждую минуту вмѣшаться въ дѣло. Иногда, когда торгъ благополучно законченъ, которая-нибудь изъ сторонъ устраиваетъ засаду и силою отбираетъ только что мирно проданные товары.

Чтобы избѣжать этого, нѣкоторыя племена, напримѣръ, массаи поручаютъ вести торговлю женщинамъ. Женщины мирно ведутъ дѣло, увѣренныя въ своей полной безопасности. Даже, когда два племени

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА.

Контора журнала проситъ лицъ, подписавшихся на треть года и желающихъ продолжить подписку, озаботиться присылкой 2-го взноса. Всѣмъ, не уплатившимъ къ 1-му мая, высылка журнала съ 1-го мая пріостановлена.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

